

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
САРАТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
САРАТОВСКИЙ ВОЕННЫЙ ИНСТИТУТ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК
МВД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ В ПОВОЛЖЬЕ**

Сборник научных трудов

Выпуск 9

Саратов 2012

ББК 63.3 я 43 В63
УДК[930.9 + 355.48] (082)
В63

Редакционная коллегия:

докт. ист. наук, проф. А.А. Герман (отв. редактор), докт. ист. наук, проф.
А.И. Аврус, докт. ист. наук, проф. В.Н. Данилов, докт. ист. наук, проф.
А.Н. Галямичев, докт. ист. наук, проф. А.В. Посадский, канд. пед. наук, проф.
О.И. Скрыпников, канд. ист. наук, доц. А.А. Симонов (отв. секретарь).

Военно-исторические исследования в Поволжье: Сб. науч. трудов. — Са-
ратов: Изд-во ВИ ВВ МВД РФ, 2012. Вып. 9. — 292 с. Илл.
ISSN 1819-3145

В девятом выпуске сборника продолжается публикация статей по акту-
альным проблемам всеобщей и отечественной военной истории от средневе-
ковья до нашего времени. Освещаются военная политика государств и роль
армии в обществе, отдельные сюжеты из истории войн и сражений, военные
взгляды деятелей политики, науки и культуры, подготовка военных кадров и др.
Публикуются воспоминания очевидцев, интересные архивные документы.

Для специалистов в области всеобщей и отечественной военной истории,
учителей, студентов, курсантов и слушателей военно-учебных заведений и
всех, интересующихся военной проблематикой.

Под общей редакцией кандидата педагогических наук,
доцента генерал-майора *С.Д. Мухоеда*

ББК 63.3 я 43 В63

УДК[930.9 + 355.48] (082)

ISSN 1819-3145

© Институт истории и
международных отношений
Саратовского госуниверсите-

та, 2012

© Саратовский военный инсти-

тут ВВ

МВД РФ, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

<i>Галямичев А.Н., Куликова Л.Н.</i> «Битва народов» и её место в истории Европы (к 1560-летию сражения на Католаунских полях)	5 10
<i>Конопленко А.А.</i> Участие ливонских военных контингентов тевтонского ордена в боевых действиях на территории Пруссии и прусских – на территории Ливонии (по данным «Хроники земли Прусской» Петра из Дусбурга).	17
<i>Касович А.А.</i> К вопросу возникновения политического мифа о Грюнвальдском сражении	20
<i>Лихоманов К.В.</i> Битва на Витковой горе и её место в военной истории средневековья	25
<i>Рабинович Я.Н.</i> Псково-печерский монастырь и игумен Иоаким в Смутное время	36
<i>Нагодкина С.А.</i> Отношение Фридриха II к войне	41
<i>Новиков А.П.</i> Узенская волость Саратовской губернии в эпоху военных кампаний русской армии начала XIX в.	

СЮЖЕТЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ РАННЕГО НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

	53
<i>Порошин А.А.</i> Система чиновничества в Российской императорской армии	62
<i>Плешаков И.Н.</i> Аткарские «потешные»: военно-патриотическое воспитание в Саратовской губернии в начале XX в.	70
<i>Григорьев Н.К.</i> Михаил Александрович Григорьев – Вольский уездный воинский начальник (1908-1917): биографические сведения	

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

	78 101
<i>Нелипович С.Г.</i> Атака и деблокада крепости Перемышль в октябре 1914 г.	118
<i>Нелипович С.Г.</i> Потери Российской императорской армии в Варшавско-Ивангородской операции 1914 г.	126
<i>Ланник Л.В.</i> Митавская операция 1917 г.: масштаб события в истории противостояния на Восточном фронте Первой мировой войны.	
<i>Варфоломеев Ю.В.</i> Проблема координации деятельности фронта и тыла в годы Первой мировой войны (По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства).	134

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ

	141
<i>Шулдяков В.А.</i> Сибирь и Поволжье в планах генерала Л.Г. Корнилова (декабрь 1917 – февраль 1918 гг.).	150 156
<i>Кручинин А.С.</i> К истории егерских частей Русской армии адми-	159

рала А.В. Колчака.	
<i>Петров А.А.</i> Охранная стража КВЖД. 1917–1920 гг.	171
<i>Бесчастнов Н.Н.</i> Состав и численность экспедиционных сил США на российском Дальнем Востоке	179
<i>Симонов А.А.</i> Пехота против конницы. Бой у слободы Дёттево 31 мая 1919 года	190
<i>Долгова А.М.</i> Методы борьбы с дезертирством в годы Гражданской войны	195
<i>Соколов А.А.</i> Места заключения в Саратовском Поволжье в годы Гражданской войны	201
<i>Морозов В.Ю.</i> Отделы военных СНХ Среднего Поволжья в годы Гражданской войны.	
<i>Морозова О.М.</i> Деформации картины прошлого: воспоминания красноармейцев о Гражданской войне.	
<i>Посадский А.И.</i> Государственная стража на Юге России по журналам особого совещания при главнокомандующем ВСЮР	208
	212
МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД И ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА	
	219
<i>Лукьянов А.В.</i> Истоки формирования 32-й Саратовской стрелковой дивизии	224
<i>Скучаева О.Е.</i> Энгельсская военная авиационная школа лётчиков: к истории создания.	237
<i>Леффельбайн Н.</i> Военные инвалиды в национал-социалистической Германии: «социальная политика» национал-социалистов.	247
<i>Щеглов Ю.Б.</i> Бои на Юго-Западном фронте в первые дни Великой Отечественной войны и участие в них саратовцев. Судьба одного офицера	258
<i>Аблизин В.А. Ананьев С.В.</i> Надежда на спасение не сбылась. Агония 6-й немецкой армии в Сталинграде (ноябрь-декабрь 1942 г.)	267
<i>Аблизин В.А. Ананьев С.В.</i> Харьковский эпизод великой войны. Утерянная победа вермахта (март 1943 г.)	273
<i>Прокофьев В.Ю.</i> Крупнокалиберная артиллерия Германии и Румынии в осаде Севастополя и Одессы	
<i>Герман А.А., Шульга И.И.</i> Вклад советских немцев в Победу на фронтах и в тылу противника в годы Великой Отечественной войны	284
<i>Козурман С.О.</i> Сельская администрация и эвакуированное население в 1941-1945 гг.: характер взаимоотношений в Саратовской области.	
<i>Ташпекова А.Т.</i> Народное творчество в годы Великой Отечественной войны	
ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ	
<i>Гульбинский В.И.</i> О чём умолчали газеты (осетино-ингушский конфликт глазами очевидца)	312

ИЗ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

А.Н. Галямичев, Л.Н. Куликова

«БИТВА НАРОДОВ» И ЕЁ МЕСТО В ИСТОРИИ ЕВРОПЫ (К 1560-ЛЕТИЮ СРАЖЕНИЯ НА КАТАЛАУНСКИХ ПОЛЯХ)

Перелистывая страницы военно-исторического календаря 2011 года, нельзя не остановить внимания на приходящийся на конец июня юбилей первой во всемирной истории «битвы народов», произошедшей в 451 г. на Католаунах полях, что во французской Шампани.

Эта страница истории Европы настолько хорошо известна, что давно не рассматривается в качестве предмета возможных специальных исследований. Более того, авторы общих работ по истории Европы эпохи Великого переселения народов нередко ограничиваются лишь упоминанием о ней, восстанавливая событийную канву последних десятилетий существования Римской империи¹.

Между тем это событие, как нам представляется, заслуживает особого внимания с точки зрения его влияния на последующее развитие Западной Европы.

Прежде чем обратиться к этому вопросу, восстановим основные события, предшествовавшие битве, её ход и исход.

Битва была вызвана вторжением на территорию римской провинции Галлия полчищ гуннов и союзных с ними племён. Гунны, появление которых в степях Северного Причерноморья положило начало Великому переселению народов, во второй четверти V века окончательно завоевали Паннонию и достигли зенита своего могущества².

Обосновавшись на среднем Дунае, гунны совершали грабительские набеги на земли Западной и Восточной империй. Приход к власти Атиллы в 445 г. знаменовал собой переход гуннов в решительное наступление. Этот предводитель гуннов, умертвивший ради достижения единовластия родного брата, вынашивал самые честолюбивые замыслы³. Атила поставил перед собой цель

¹ См. напр.: Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской Империи и возникновение германских королевств. М., 1984. С. 115; История Европы. М., 1988. Т. 1: Древняя Европа. С. 651; История Европы. М., 1992. Т. 2: Средневековая Европа. С. 218; Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000. С. 71 и др.

² См.: Черниенко Д.А. Гунны в Европе (историко-этнографический очерк). Ижевск, 2003. С. 29–30.

³ Приведём в этой связи слова готского историка V века Иордана: «Хотя он по самой своей природе всегда отличался самонадеянностью, но она возросла в нём ещё от находки Марсова меча, признававшегося священным у скифских царей. Историк рассказывает, что меч этот был открыт при таком случае. Некий пастух, говорит он, заметил, что одна тёлка из его стада хромает, но не находил причины её ранения; озабоченный, он проследил кровавые следы, пока не приблизился к мечу, на который она, пока щипала траву, неосторожно наступила; пастух выкопал меч и тотчас же принёс его Атилле. Тот обрадовался приношению и, будучи без того высокомерным, возомнил, что поставлен владыкой всего мира и что через Марсов меч ему

разгромить самое сильное из варварских государств того времени – вестготское, а затем сокрушить могущество Западной Римской империи: «...Аттила соединил под своей властью все племя целиком и, собрав множество других племен, которые он держал тогда в своем подчинении, задумал покорить первенствующие народы мира – римлян и везеготов»¹.

В начале 451 г. Аттила предпринял решительные шаги к осуществлению своих замыслов. Разделившись на две части, гунны устремились вверх по течению Дуная. Через три месяца они соединились у его истоков. Переправившись через Рейн в среднем течении реки, многотысячное войско вторглось на территорию Галлии, и 7 апреля овладело Мецем. Вместе с гуннами границу Западной империи перешли подвластные им племена — остготы, гепиды, скиры, часть бургундов, рейнские франки, герулы, руги и, возможно, тюринги. Лавиной нашествия были разрушены Тунгр, Аргенторат, Шпейер, Майнц, Вормс, Аррас. Спасшиеся бегством жители приграничных городов сеяли своими рассказами самые невероятные слухи².

На защиту Галлии западный император Валентиниан направил знаменитого римского полководца Аэция, который сумел не только мобилизовать все ресурсы Рима, но и привлечь на свою сторону не подчинявшиеся гуннам германские племена, прежде всего, вестготов, основавших в 418 г. на территории Южной Галлии и Испании собственное королевство со столицей в Тулузе.

В критический момент гуннского вторжения важную роль сыграли жители Аврелиана (Орлеана), сумевшие в начале июня задержать продвижение гуннских полчищ и дать возможность Аэцию объединить римские войска и войска германских союзников в единое целое.

Приближение Аэция заставило Аттилу снять осаду Орлеана и попытаться разбить противника в открытом поле. Этим требованиям в полной мере соответствовали Каталаунские поля (более чем в 200 километрах к востоку от Орлеана), где и состоялось сражение³. Они представляли собой обширную открытую равнину, идеальную для действий конницы.

Местность, где происходило сражение, красочно описал Иордан: «...Сошлись на Каталаунских полях, которые иначе называют Мавриацкими⁴; они тянутся на сто лев (как говорят галлы) в длину и на семьдесят в ширину. Галльская лева измеряется одной тысячью и пятьюстами шагами. Этот кусок земли стал местом битвы бесчисленных племен. Здесь схватились сильнейшие полки с обеих сторон, и не было тут никакого тайного подползания, но сражались открытым боем»⁵.

Единственное дошедшее до наших дней описание битвы, сохранившееся в «Гетике Иордана», позволяет восстановить лишь самые главные его вехи.

даровано могущество в войнах» (Иордан. О происхождении и деяниях гетов. *Getica* / Пер. Е.Ч. Скржиской. М., 1960. С. 102).

¹ Иордан. Указ. соч. С. 102.

² О настроении, охватившем жителей Галлии в момент нашествия, красноречиво свидетельствуют строки Аполлинария Сидония: «Поднятое внезапным смятением варварство излило на тебя, Галлия, весь Север: за воинственным ругом в сопровождении гелона следовал свирепый гепид, скира побуждает бургундион, вторгается хун, билонот, невр, бастарн, торинг, бруктер и франк, которого омывает своей волной заросший камышами Никер; скоро пал Геркинский лес, срубленный секирой на челны и покрыл Рен судами; и уже наводящие ужас полчища Аттилы разлились по твоим полям» (Аполлинарий Сидоний. Панегирик, сказанный Авиту Августу // Вестник древней истории. 1949. № 4. С. 291).

³ Опираясь на свидетельства «Жития Аниана», В.Т. Сиротенко полагает, что сражение произошло 21 июня (Сиротенко В.Т. История международных отношений в Европе во второй половине IV — начале VI в. Пермь, 1975. С. 174). Большинство же исследователей воздерживается от столь точной датировки, полагая, что битва состоялась в начале 20-х чисел июня.

⁴ Эти названия, по-видимому, были связаны с тем, что на обширной равнине к северо-востоку от Труа располагались два римских лагеря — Мауриака и Каталаун (См.: Сиротенко В.Т. История международных отношений... С. 174).

⁵ Иордан. Указ. соч. С. 104.

Первое столкновение великой битвы, по-видимому, произошло ночью, когда внезапно столкнулись спешившие к осаждённому Орлеану франки (союзники римлян) и замыкавшие отход войск Аттилы гепиды.

Аэцию удалось занять удобную позицию на вершине возвышавшегося над местностью холма. Гуннам Аттилы предстояло вытеснить оттуда противника. Аттила решился на атаку лишь в три часа дня, опасаясь за её успех и рассчитывая (в случае неудачи) на спасительные сумерки¹.

После того, как первая атака гуннов была отражена, Аттила, не потерявший к этому времени ни одного поражения на полях сражений, приказал вновь идти в наступление², и битва достигла своей кульминации.

Её грандиозный размах передают слова Иордана: «...Битва – лютая, переменная, зверская, упорная... если верить старикам, то ручей на упомянутом поле, протекавший в низких берегах, сильно разлился от крови из ран убитых; увеличенный не ливнями, как бывало обычно, но взволновавшийся от необыкновенной жидкости, он от переполнения кровью превратился в целый поток»³.

Сражение продолжалось в темноте. В отчаянной схватке упал с коня и погиб под копытами престарелый король вестготов Теодорих. Гунны были отброшены в свой лагерь, который они предусмотрительно окружили повозками.

Потери гуннов оказались настолько значительными, что на следующий день они не решились продолжать сражение и покинуть возовое укрепление. Аэций принял решение блокировать лагерь противника и вынудить его к капитуляции. Когда же было обнаружено тело Теодориха, Аэций посоветовал избранному войском новому королю Торгемунду незамедлительно вернуться в Тулузу, чтобы упрочить свою власть.

После этого вестготы покинули поле сражения, а некоторое время спустя то же самое без противодействия Аэция сделали гунны, что позволило им не только избежать полного разгрома, но даже совершить в следующем году опустошительный поход на Италию.

Однако удар, нанесённый гуннам на Каталунских полях, оказался настолько мощным, что после внезапной смерти Аттилы (453 г.) его преемники не смогли поддерживать былое могущество, и гуннская держава стремительно распалась, взорванная изнутри восстанием подвластных гуннам племён Паннонии.

В исторической литературе принято акцентировать внимание на том, что битва на Катаунах позволила спасти европейскую цивилизацию, предотвратить возвращение Европы в первобытную дикость. Это в полной мере обосновано и берет своё начало уже в произведениях современников и ближайших потомков. И если для последних гунны выступали в качестве карающего оружия гнева Господнего⁴, то для стремящихся найти рационалистическое

¹ Иордан следующим образом объясняет медлительность Аттилы: тот будто бы полагал, что «если дело обойдётся плохо, наступающая ночь выручит его» (*Иордан. Указ. соч. С. 105*).

² Вымышленная Иорданом речь Аттилы завершалась словами: «Я не сомневаюсь в исходе — вот поле, которое сулили нам все наши удачи! И я первым пушу стрелу во врага. Кто может пребывать в покое, если Аттила сражается, тот уже похоронен!» (*Иордан. Указ. соч. С. 107*).

³ *Иордан. Указ. соч. С. 107*.

⁴ Особенно характерны в этой связи высказывания двух Отцов Церкви, разделённых столетиями. Блаженный Иероним ещё в 399 г. писал: «Вот весь Восток задрожал при внезапно разнесшихся вестях, что от крайних пределов Меотиды, между ледяным Танаисом и свирепыми народами массагетов, ... вырвались рои гуннов, которые, летая туда и сюда на быстрых конях, всё наполнили резнёй и ужасом... Да отвратит Иисус на будущее время таких зверей от римского мира! Они всюду являлись неожиданными и, своей быстротой предупреждая слух, не щадили ни религии, ни достоинства, ни возраста, не жалели плачущих малюток. Должны были умирать те, которые ещё не начали жить и, не сознавая своей беды, смеялись в руках врагов при виде оружия» (*Евсевий Иероним. Письмо к Океану о смерти Фабиолы // Вестник древней истории. 1949. № 4. С. 228*). Столетия спустя Исидор Севильский (ок. 560–636) подводит итог втор-

объяснение событиям эпохи Великого переселения народов историков гуннская опасность объяснялась крайне низким уровнем социально-экономического развития диких степных кочевников, не способных интегрироваться в хозяйственный и общественный строй народов Европы¹.

Представляется, однако, необходимым обратить внимание на другую сторону дела, тем более, что исследования последних десятилетий показывают, что обосновавшиеся в сердце Европы гунны всё же проявили способность к адаптации к новым условиям, усвоения новых видов хозяйственной деятельности, политической организации, мирного сосуществования с исповедниками христианства².

Пожалуй, именно «битва народов» определила наиболее перспективный и жизнеспособный путь дальнейшего развития Западной Европы. Этот путь вёл от жёсткого противостояния Римской империи и мира варварских племён к их всестороннему взаимодействию и взаимовлиянию.

С лёгкого пера Прокопия Кесарийского победитель гуннов Аэций вошёл во всемирную историю с прозвищем «последнего римлянина»³. Представляется, однако, что с тем же основанием он мог бы быть назван первым полководцем средневековья. Представляется, что самое главное его отличие от всех других знаменитых участников грандиозного сражения состояло в том, что он — единственный среди них — не ставил своей задачей полного уничтожения противника. Последнее нередко ставилось Аэцию в вину.

Однако, на наш взгляд, следует задуматься над более широким истолкованием образа действия Аэция после битвы на Каталаунских полях. Представляется возможным предположить, что готовность в любой момент остановить карающий меч победителя и пойти на разумное соглашение составляла один из важнейших секретов его побед. Ведь под его знамёнами накануне «битвы народов» объединились не только «последние римляне» (включая рабов и колоннов) и варварские племена, но и багауды, движение которых в течение нескольких десятилетий потрясло Галлию и умиротворение которых долгое время было одной из важнейших забот Аэция⁴. Уже современники видели и по достоинству ценили эти особенности Аэция⁵.

Путь в будущее стремительно менявшей свой облик Европы открывал синтез всего жизнеспособного, что присутствовало в общественном строе позднего Рима и варваров. Находясь в точке пересечения силовых линий своей драматической эпохи, Аэций олицетворял собой римско-варварский синтез в личностном измерении. Он был рождён на окраине империи от брака римской аристократки с представителем провинциальной знати, несколько лет прожил а качестве заложника среди вестготов и гуннов⁶. Жизнь научила его постоянно

жению гуннов в Европу: «Они были гневом Господним. Так часто, как его возмущение вырастает против верующих, он наказывает их гуннами, чтобы очистившись в страданиях, верующие отвергли соблазны мира и его грехи и вошли в небесное королевство» (*Исидор Севильский. История готов*. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Isidor_s/frame-text.htm (дата обращения: 20.06.2011)).

¹ См.: *Сиротенко В.Т.* История международных отношений. С. 180–181; *Корсунский А.Р., Гюнтер Р.* Указ. соч. С. 115.

² См.: История Европы. Т. 2. С. 218; *Черниенко Д.А.* Указ. соч. С. 44–52, 58, 66.

³ *Прокопий Кесарийский.* Война с вандалами. Кн. 1. 3. 15. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Prokop/framevand11.htm> (дата обращения: 20.06.2011).

⁴ См.: *Сиротенко В.Т.* Народные движения в поздней Римской империи и образование варварских королевств. Днепропетровск, 1988. С. 39–40.

⁵ Уместно, на наш взгляд, в этой связи вспомнить, что именно к нему («к Аэцию, трижды консулу») обратились в 446 г. с отчаянной просьбой о помощи теснимые германцами бритты: «Варвары теснят нас к морю, а море к варварам: между ними поджидают нас две погибели — от меча или от воды» (Беда Достопочтенный. Церковная история англов / Пер. с лат. В.В. Эрхмана. СПб., 2003. С. 20).

⁶ Наиболее подробные биографические данные об Аэции сообщает Григорий Турский. См.: *Григорий Турский.* История франков / Пер. В.Д. Савукова. М., 1987. С. 36.

искать новые решения старых и даже вечных проблем, сбросив груз предрассудков¹. Аэций умел учиться у варваров² и использовать в интересах Римского государства их воинский дух и энергию.

Представляется глубоко символичным, что «битва народов» произошла на территории Северной Галлии — именно там, где несколько десятилетий спустя возникло самое жизнеспособное из варварских государств раннесредневековой Европы — королевство франков. Источником его жизненной силы, отличавшей от других подобного рода политических образований эпохи Великого переселения народов, было плодотворное взаимодействие варварского и позднеантичного миров, каждый из которых вносил свой неповторимый вклад в становление нового общественного строя. Важно при этом отметить, что направляющей силой сближения галло-римского населения и германцев стала в государстве франков королевская власть, наиболее дальновидные представители которой стали преемниками политики и стиля мышления Аэция.

Думается, не случайно, в отличие от гота Иордана и историков последующих времён, которые усматривали в поступках Аэция корыстный расчёт (ослабить вестготов) и даже обыкновенную жадность³, самые знаменитые писатели Галлии, отразившие настроения галло-римской аристократии времён крушения Западной Римской империи и становления королевства франков, Аполлинарий Сидоний⁴ и Григорий Турский⁵, оставили наиболее высокие оценки Аэция как личности, полководца и государственного деятеля. В этих оценках видится незримая связь времён, особенно чутко ощущавшаяся теми, кто в бурном водовороте событий переходной эпохи должен был искать спасительную нить, ведущую в будущее, на пути освобождения от стереотипа извечного противостояния римского и варварского миров, осознания относительности антиномии «Свой – Чужой».

¹ Одним из проявлений внутренней свободы римского полководца является то, что оба брака Аэция были заключены с представительницами германской знати.

² «Аэций ... часто учился в войне со скифами», отмечал Аполлинарий Сидоний (*Аполлинарий Сидоний*. Панегирик, сказанный Авиту Августу // Вестник древней истории. 1949. № 4. С. 291).

³ См.: *Сиротенко В.Т.* История международных отношений... С. 176.

⁴ Вспоминая о событиях кануна вторжения гуннов в Галлию, Аполлинарий Сидоний отмечал: «Уже исполнив высокую должность префекта, Аэций удалился в деревню (впрочем, и здесь он никогда не предавался досугу и мирному бездействию; живя на покое, он постоянно упражнялся в военном деле и заботился о нём)» (*Аполлинарий Сидоний*. Панегирик, сказанный Авиту Августу // Вестник древней истории. 1949. № 4. С. 291).

⁵ «Он был среднего роста, крепок, хорошего сложения, то есть не хилый и не тучный; бодрый, полный сил, стремительный всадник, искусный стрелок из лука, неутомимый в метании копья, весьма способный воин и прославлен в искусстве заключать мир. В нём не было ни капли жадности, ни малейшей алчности, от природы он был добрым, не позволял дурным советникам уводить себя от намеченного решения, терпеливо сносил обиды, был трудолюбив, не боялся опасностей и очень легко переносил голод, жажду и бессонные ночи» (*Григорий Турский*. Указ. соч. С. 36).

УЧАСТИЕ ЛИВОНСКИХ ВОЕННЫХ КОНТИНГЕНТОВ ТЕВТОНСКОГО
ОРДЕНА В БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЯХ НА ТЕРРИТОРИИ ПРУССИИ И
ПРУССКИХ – НА ТЕРРИТОРИИ ЛИВОНИИ
(по данным «Хроники земли Прусской» Петра из Дусбурга)

В 1237 г. произошло слияние двух немецких духовно-рыцарских корпораций, действовавших в Прибалтике. Буллой римского папы Григория IX от 12 мая 1237 г., составленной в Витербо, Орден меченосцев упразднялся, а его члены инкорпорировались в состав Тевтонского ордена¹. Владения Ордена меченосцев в Ливонии вошли в структуру государства Тевтонского ордена в качестве его Ливонского ландмейстерства. С этого времени политические судьбы орденской Ливонии и орденской Пруссии оказались связаны относительной общностью интересов, сопряженных, прежде всего, с подавлением сопротивления местных языческих племен и борьбой против язычников-литовцев. Первостепенным для крестоносцев являлся театр военных действий в Пруссии, а затем на прусско-литовской границе, превратившейся в поле перманентного военного противостояния между Орденом и Великим княжеством Литовским. Войска Ливонского ландмейстерства после покорения левобережной (по отношению к Западной Двине) Ливонии, вели натиск на литовские земли на «своем» направлении – с севера. Вместе с тем источники, прежде всего, «Хроника земли Прусской» Петра из Дусбурга (30-е гг. XIV в.)², позволяют установить факты участия ливонских военных контингентов в военных действиях в Пруссии и на прусско-литовской границе. Попытаемся выявить подробнее факты и установить, с какими обстоятельствами они были связаны и в чем выражались.

Первый, известный по хронике Петра из Дусбурга, случай участия ливонских войск в боевых действиях в «зоне ответственности» их прусских собратьев относится к драматическим событиям 1259–1260 гг.

В 1257–1259 гг. между Орденом и Литвой действовало двухлетнее перемирие³. После его завершения жемайты начали опустошительные вторжения в контролируемые ливонцами земли куршей. Одновременно вспыхнуло восстание против немцев в Семигалии. В этой ситуации ливонский ландмейстер Бурхард фон Горнгаузен (1257–1260)⁴ приступил к сооружению двух опорных крепостей. Первой из них стал замок Доблен в центральной Семигалии, построенный для укрепления здесь орденского господства и расположенный с таким расчетом, чтобы его гарнизон мог быстро получить помощь из Митау и Гольдингена в Куронии⁵. Второй из основанных ландмейстером крепостей стал замок Георгенбург (Юргенбург) в некоей области Карсовия, возведенный, видимо, для того, чтобы предотвратить вторжения жемайтов, а затем перейти отсюда в наступление на их земли⁶. В результате археологических исследований

¹ Liv-, Esth- und Curländischen Urkundenbuch nebst Regesten (далее: LUB) / Hrsg. von F.G. Bunge. Reval, 1853. Bd. I. № 149. О причинах и предпосылках этого события см. подробно: Конопленко А.А. К вопросу о причинах слияния Тевтонского ордена и Ордена меченосцев // Военно-исторические исследования в Поволжье. Саратов, 2006. Вып. 7. С. 143–156.

² Chronicon terrae Prussiae von Peter von Dusburg (далее: Dusburg) / Hrsg. v. Toppfen // Scriptores rerum Prussicarum (далее: SRP). Leipzig, 1861. Bd. I. III, 27.

³ Dietleb's von Alnpeke Livländische Reimchronik, nach dem Bergmannschen Drucke mit den Ergänzungen den abweichenden Lesearten der Heidelberger Handschrift neu bearbeitet und herausgegeben von C.E. Napiersky und Th. Källmeyer (далее: Reimchronik) // Scriptores rerum Livonicarum (далее: SRL). Riga; Leipzig, 1848. Bd. I. V. 4641–4644.

⁴ Altpreussische Biographie / Hrsg. Ch. Krollmann. Königsberg, 1941. Bd. I. S. 290. В 1254 г. – комтур Самбии.

⁵ Urban W. The Military Occupation of Semgallia in the Thirteenth Century // Baltic History. Columbus; Ohio, 1974. P. 25–26.

⁶ Reimchronik. V. 5501–5513.

середины 30-х гг. XX в. Георгенбург был локализован городищем, расположенным западнее устья притока Немана – реки Митува¹. Возможно, ливонские рыцари продвинулись так далеко на юг, имея целью соединиться с прусскими тевтонцами, к тому времени укрепившимися в Самбии. Строительство замка осуществлялось «при равных затратах сил и средств братьев из Ливонии Пруссии»; «для охраны... замка были оставлены благочестивые люди, отменные воины, братья и оруженосцы из Пруссии и Ливонии»².

По другой версии, довольно убедительно отстаиваемой У. Урбаном, основанный Горнгаузенем Георгенбург находился гораздо севернее и ближе к Ливонии – в верхнем течении реки Виндавы (Венты) или на реке Акмене. В этом случае его основание именно ливонским управителем ордена представляется более логичным, чем, если бы замок располагался на юге, у Немана. Подкрепляя свои выводы рядом военно-стратегических и тактических соображений, указывая на затруднительность, если не полную невозможность для ливонцев столь дальнего обходного флангового марша к Неману, американский исследователь полагает, что Петр из Дусбурга, живший гораздо позже описываемых событий, ошибочно идентифицировал Георгенбург, основанный в 1259 г. в поле литовско-ливонского противостояния, с другим замком, действительно основанным позже на литовско-прусской границе, на Немане³.

Так или иначе, узнав о возведении Георгенбурга, способного служить форпостом для враждебного проникновения в их земли, «литовцы возмутились, || Сердца их гневом распалились || За то, что братья дерзость возымели, || В их землях, не спросясь, осели»⁴. Близ Георгенбурга литовцы построили контркрепость. Попытка литовцев уничтожить Георгенбург была неудачной, после чего пространство между двумя крепостями превратилось в поле протекавших с переменным успехом стычек. Чтобы переломить ситуацию в свою пользу, Бурхард фон Горнгаузен стал собирать силы для удара по расположившимся близ Георгенбурга литовцам. Помимо воинов ливонского ландмейстерства, в поход выступили «рыцари короля Дании из Ревеля»⁵, центра датских владений в Северной Эстонии, и, быть может, северозэстонские вассалы датской короны, являвшиеся по большей части немцами. Из прусских владений Ордена против литовцев выступил сильный отряд во главе с прусским ландмаршалом Генрихом фон Ботелем (1244/46–1260)⁶, включавший, наряду с прочими, 30 рыцарей-30 рыцарей-пилигримов из Германии. Тевтонцев сопровождали отряды куршских, эстских и прусских (самбийских) нобилей, составившие основную массу пехоты⁷.

Соединившееся у Мемеля орденское войско, получив известие о разорении литовцами Куронии, повернуло на север и столкнулось с литовцами 13 июля 1260 г. у озера Дурбе в Курляндии (достаточно далеко на север от Немана, что опять-таки подтверждает выкладки У. Урбана). Исход ожесточенного сра-

¹ См.: Батура Р.К. Оборона правобережья Нижнего Немана против агрессии Тевтонского ордена (XIII – начало XIV в.) // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1985 г. / Отв. ред. А.П. Новосельцев. М., 1986. С. 184–185.

² Dusburg. III, 83. Здесь и далее цитаты из хроники Петра из Дусбурга даны в переводе В.И. Матузовой (Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской / Пер. с лат. В.И. Матузовой. М., 1997). См также: Di Kronike von Pruzinlant des Nicolaus von Jeroschin / Hrsg. von E. Strelke // SRP. Bd. I. V. 10483–10512.

³ См.: Urban W. Locating the castle of St. George in Karšovia 1259–1260 // The Lithuanian Quarterly Journal of Arts and Sciences. 1983. Vol. 29. № 1. Мнение о более северном расположении Георгенбурга высказывались и гораздо ранее, в отечественной литературе. См., напр.: Соловьев М.П. Очерк истории Прибалтийского края. СПб., 1883. С. 80).

⁴ Reimchronik. V. 5501–5504. Дано в переводе М. Бредиса.

⁵ Dusburg. III, 84.

⁶ Voigt J. Namen-Codex der Deutschen-Ordens Beamten, Hochmeister, Grossgebietiger, Komthure, Vögte, Pfleger, Hochmeister-Kompane, Kreuzfahrer und Söldner-Hauptleute in Preussen. Königsberg, 1843. S. 5; Altpreussische Biographie. S. 74.

⁷ Dusburg. III, 83; Reimchronik. V. 5538–5582.

жения решила измена куршских воинов, до того рассорившихся с тевтонцами и их эстскими и прусскими союзниками: курши просили, в случае победы, вернуть им их сородичей, находившихся в литовском плену; эсты и пруссы потребовали, чтобы все отбитые у литовцев пленники были поделены как военная добыча. В результате в решающий момент боя курши оставили поле боя, или, что все же маловероятно, перешли на сторону противника¹. Так или иначе, вслед за куршами, крестоносцев покинули их эстонские союзники. Только самбийские пруссы продолжали сражаться, но ни их, ни тевтонцев упорство не могло предотвратить разгром орденового войска. На поле битвы пали 150 братьев-рыцарей и оба орденовых военачальника – ландмейстер Горнгаузен и ландмаршал Ботель². Битва при Дурбе закончилась самым тяжелым поражением, которое Орден когда либо терпел в Прибалтике в XIII–XIV вв. и стала сигналом для мощного восстания пруссов, в результате которого от Ордена отпали Семигалия, Южная Курония, вспыхнуло восстание на Эзеле и в пяти прусских землях: Самбии, Вармии, Наттангии, Барте и Погезании³. Папа был вынужден провозгласить крестовый поход против прусских и ливонских язычников⁴. Что же касается Георгенбурга, то в резко осложнившейся обстановке Орден не мог поддерживать его гарнизон, и тот был вынужден оставить крепость, отступив в Мемель.

Наиболее ожесточенные бои с восставшими пруссами тевтонцам пришлось вести в Самбии, особенно в районе Кенигсберга, основанного незадолго до начала восстания, в 1255 г., и призванного стать главной опорной базой крестоносцев в Северо-Восточной Пруссии, плацдармом для наступления на литовские земли⁵. Одним из важных эпизодов борьбы кенигсбергских крестоносцев стал поход на точно не локализованную историками «волость Бетен» в Самбии. Возможно, она располагалась на южном побережье Куршского залива⁶. Не определена точно и дата этого события. Вероятно, оно произошло между 1265 и 1270 гг.

Запланировав поход на бетенских самбов, кенигсбергские тевтонцы, ослабленные долгим противостоянием с пруссами, «одни не осмеливались напасть на них. Вот почему они попросили магистра Ливонии, чтобы из своих пределов отрядил им на подмогу братьев и оруженосцев, назначив день и место, когда и где они должны встретиться для битвы»⁷. Неопределенность даты этого события не позволяет точно указать, к кому обращались кенигсбергские братья-рыцари: в указанный временной промежуток в качестве «магистра», то есть ландмейстера, Ливонии мог выступать Конрад фон Мандерн (1263–1266) или Отто фон Люттерберг (1266–1270)⁸.

¹ Поддержанное В.Т. Пашуто (*Пашуто В.Т.* Образование Литовского государства. М., 1959. С. 408) мнение о переходе куршей на сторону литовцев уже во время битвы при Дурбе базируется, видимо, на домысливании сообщения «Старшей ливонской Рифмованной хроники»: курши «рассудили: может статься, || Что с жизнью рыцарям расстаться || На поле брани здесь придется, || И им подмоги не найдется, || Так без господ мы заживем; || И немцев силу разобьем, || Тех, что в Курляндии остались. || И курши тотчас с места снялись» (*Reimchronik*. V. 5607–5614. Пер. М. Бредиса). Относительно возможности перехода куршей на сторону литовцев, см. подробно: *Dedumietis D., Zeļenkova A. Kuršu loma Durbes kaujā // Tēvijas Sargs*. 2000. № 7.

² *Dusburg*. III, 83; *Reimchronik*. V. 5592–5678; *Hermann de Wartberge Chronicon Livoniae / Hrsg. von E. Strehlke // SRP*. Leipzig, 1853. Bd. II. S. 41.

³ *Пашуто В.Т.* Указ. соч. С. 408.

⁴ *Preussisches Urkundenbuch / Hrsg. von K. Philippi, C.P. Wölky und A. Seraphim. Königsberg*, 1882. Bd. I. 1. № 143.

⁵ См. подр.: *Коноваленко А.А.* Кёнигсберг: страницы военной истории (К 750-летию города) // *Военно-исторические исследования в Поволжье*. Саратов, 2006. Вып. 7. С. 3–8.

⁶ *SRP*. Bd. I. С. 108.

⁷ *Dusburg*. III, 108.

⁸ *Tumler M.* *Der Deutsche Orden im Werden, Wachsen und Winken bis 1400 mit einem Abriss der Geschichte des Ordens von 1400 bis zur neusten Zeit*. Wien, 1955. S. 618.

Видимо, ливонцы запоздали к месту встречи: кенигсберские рыцари начали самостоятельно опустошать Бетен. При этом они столкнулись с сильным войском пруссов. Те «мощным ударом обрушились на войско братьев, и, когда они (тевтонцы. – А. К.) уже готовы были обратиться в бегство, к чему вынуждала их чрезмерная сила врагов, подоспело войско ливонских братьев с многочисленной и сильной конницей». В итоге, войско пруссов было истреблено, а Бетен и «близлежащие волости» были «обращены в пепел»¹.

Поход на Бетен стал одной из последних крупных военных операций, предпринятых Орденом при подавлении восстания пруссов в 1260–1274 гг.. В начале 80-х гг. XIII в. крестоносцам удалось завершить завоевание их земель. С этого момента прусское ландмейстерство не только активизирует натиск на литовские земли, но и начинает оказывать содействие своим ливонским собратьям.

Впервые о поддержке прусскими рыцарями ливонцев в хронике Петра из Дусбурга говорится применительно к событиям 1297–1299 гг., когда объединенные силы Ордена выступили против общего противника, которым, однако, оказались не внешние враги, а рижский архиепископ Иоанн III Шверинский (1294–1300) и город Рига. Здесь нужно дать некоторые пояснения об отношениях Тевтонского ордена с епископами Пруссии и Ливонии.

Тевтонский орден обладал экзекуцией, то есть был освобожден от всякого подчинения местным церковным иерархам: в 1220 г. буллой Гонория III он был обозначен как связанный в церковном отношении напрямую с папским престолом². Епископы епархий, учреждаемых на территориях, завоеванных Тевтонским орденом, оказывались в зависимом от него положении, а в конечном итоге, начиная с 1246 г., вообще были инкорпорированы в Орден, став его членами и подчиняясь распоряжениям его верховного руководства³.

В Ливонии взаимоотношения Ордена с епископатами складывались иным образом и в значительной степени были унаследованы из практики отношений епископата с политическим предшественником Ливонского ландмейстерства – Орденом меченосцев. Орден меченосцев был учрежден в 1202 г. рижским прелатом Альбертом Буксгевденом (1199–1229) и его соратниками⁴ в качестве епископского вассала. Настойчивые попытки меченосцев освободиться от власти епископата с помощью папы, императора, датской короны составили важнейшее содержание политической истории этой недолговечной духовно-рыцарской корпорации, однако закончились полным провалом⁵ и привели, наряду с прочими факторами, к ликвидации организации меченосцев и их отнюдь не добровольному инкорпорированию в Тевтонский орден. Согласно соответствующей папской булле, учрежденное на базе Ордена меченосцев Ливонское ландмейстерство Тевтонского ордена, как и меченосцы, было поставлено в зависимость от рижского и других ливонских епископов⁶. В 1254 г. Дитрих фон Гронинген⁷, представлявший хохмейстера при папском дворе, подтвердил, хотя

¹ Dusburg. III, 108.

² Булла папы Гонория III магистру и братьям Тевтонского ордена в Иерусалиме о предоставленных им привилегиях // Вестн. Моск. ун-та. М., 1984. Серия 6. История. № 6.

³ Poschmann B. Bistümer und Deutscher Orden in Preußen 1243–1525. Untersuchungen zur Verfassungs- und Verwaltungsgeschichte des Ordenslandes // Zeitschrift zur Geschichte und Altertumskunde Ermlands. 1966. Bd. 30. S. 326–338; Бокман Х. Немецкий орден. Двенадцать глав его истории. М., 2004. С. 151; Рогачевский А.Л. Кульмская грамота – памятник права Пруссии XIII в. СПб., 2002. С. 159–160.

⁴ Origines Livoniae sacrae et civilis. Heinrich's des Letten älteste Chronik von Liefland, aufs neue herausgegeben und mit einer Einleitung // SRL. VI, 6.

⁵ См. подробно: Конопленко А.А. Орден меченосцев в политической истории Ливонии: Дис. ... канд. истор. наук. Саратов, 2005. Гл. IV: Орден меченосцев и ливонский епископат. С. 157–207.

⁶ LUB. Bd. I. № 149.

⁷ Ландмейстер Ливонии (1238/9–1241/2, 1242/4–1246), ландмейстер Пруссии (1246–1259), магистр Германии (1254–1256).

тя и в довольно неопределенной форме, обязанность ливонских братьев-рыцарей в духовных делах починяться ливонскому епископату¹.

Таким образом, возникла правовая коллизия, согласно которой Тевтонский орден обладал независимостью от епископата и даже подчинил его в Пруссии, в то время как его часть в Ливонии формально была подчинена епископату, прежде всего рижскому архиепископу, традиционно находившемуся с тевтонским руководством в весьма сложных отношениях. Ситуация осложнялась тем, что фактический статус Ливонского ландмейстерства не соответствовал формальному: среди ливонских ландесгерров он являлся наиболее могущественной силой, более могущественной, чем епископат. Стремление братьев-рыцарей проводить в Ливонии ту же политику, что и в Пруссии, проявилось уже в 1279 г., когда германский император Рудольф Габсбургский (1273–1291) грамотой от 17 июня официально распространил на ливонскую ветвь все права и привилегии Тевтонского ордена. Повышению статуса Ливонского ландмейстерства фактически благоприятствовали и более ранние грамоты римского папы Александра IV (1254–1261), подтверждающие права и привилегии Ордена в целом и провозглашавшие его владения ленами от Престоа Св. Петра². Орден и епископы находились в состоянии постоянной вражды, без конца жаловались друг на друга папе, однако до 90-х гг. открытых столкновений избегали.

Завершив к 90-м гг. XIII вв. покорение не только Пруссии, но и Ливонии, Тевтонский орден смог обратиться к силовому решению внутренних задач, поставив, вероятно, своей целью унифицировать отношения с епископатом и реализовывать в отношении ливонских епископов ту же политику, какой он придерживался применительно к прусским епископам. Подобная направленность орденской политики неизбежно привела к острому конфликту с ливонским епископатом, прежде всего – с рижским архиепископом. Взаимоисключающие интересы сторон, вовлеченных в этот конфликт, привели к его быстрому перерастанию в открытое военное противостояние.

В борьбе с Орденом архиепископ, чьи собственные военные силы были незначительны³, опирался на богатую Ригу. Рост экономической мощи Ордена делал его опасным конкурентом Риги в торговле на Балтике⁴. Орден препятствовал рижской торговле, задерживал иноземных купцов, запрещал проезд по своей территории, затруднял подвоз в Ригу продовольствия. Орден добивался подчинения Риги. Большую опасность для Риги представляла вышеназванная грамота Рудольфа Габсбургского от 12 июня 1279 г., формально обязывавшая горожан вносить в орденскую казну пошлины с торговых сделок, промыслов, суда и др.

Первые столкновения между Ригой и архиепископом, с одной стороны, и Орденом – с другой, произошли уже в первой половине 90-х гг. XIII в., между рижским архиепископом Иоанном II фон Фехтенем (1285/6–1294) и ливонским ландмейстером Гальтом Гоэнбахом (1290–1293)⁵. В 1297 г. началась открытая война. Поводом к ее началу стало строительство рижанами в июле того же года моста вблизи орденского замка в Риге. Местный комтур усмотрел в этом угрозу оборонительным возможностям замка и его речному снабжению и, апеллируя к той же императорской грамоте от 12 июня 1279 г., которая наряду с прочим за-

¹ LUB. Bd. I. № 277.

² См.: *Чешихин Е.В.* История Ливонии с древнейших времен. Рига, 1885. Т. II. С. 136.

³ В датируемом 1290 г. письме ливонского ландмейстера Гальта Гоэнбаха к прусскому ландмейстеру Мейнгарду фон Кверфурту (1288–1299) автор определяет численность воинов епископа в 300 прибалтов и 18 немцев (См.: *Чешихин Е.В.* Указ. соч. С. 133).

⁴ О торговых привилегиях, дарованных Орденом в 1257 г. папой Александром IV, см.: LUB. Riga, 1873. Bd. VI. № 3029. См. также: История Латвийской ССР. Рига, 1952. Т. I: С древнейших времен до 1860 года. С. 116.

⁵ *Чешихин Е.В.* Указ. соч. С. 142.

прещала горожанам возводить какие-либо постройки, мешающие орденским зданиям, приказал снести строение. Рига потребовала возмещения убытков, комтур ответил угрозами¹.

Между соперниками начались кровопролитные столкновения. Сильный пожар, опустошивший немалую часть Риги, в котором горожане обвинили рыцарей, накалил страсти до предела. Рижане разорили орденские владения в окрестностях города, а 30 сентября напали на орденский замок (являвшийся одновременно резиденцией ливонского ландмейстера), разрушили его, убив самого комтура и несколько его собратьев². Вступив в открытое противостояние с Орденом, рижский архиепископ Иоанн III фон Шверин (1294–1300), вернувшийся с лечения из Фландрии уже после начала конфликта, заручился поддержкой ливонских епископов (кроме курляндского, уже инкорпорированного к тому времени в Орден³) и датского короля Эрика VI Менведа (1286–1319), обещающая передать последнему ряд ливонских территорий, прежде всего – орденскую Семигалию⁴.

Однако Ливонскому ландмейстерству удалось быстрыми ударами предотвратить объединение сил своих противников. В первую очередь братья-рыцари разбили эзель-викского епископа Конрада I (1297–1307), взяли его замок Леаль и фактически установили свой контроль местный капитул. После этого тевтонцы выступили против архиепископа, заняли его главные замки Трейдена и Кокенгаузен, а самого прелата взяли в плен и посадили на хлеб и воду в темницу в Феллине. В этих условиях дерптский епископ Бернгард II (1285–1303) почел за благо выйти из союза, не явилась и помощь, обещанная датчанами⁵.

Распрей в Ливонии тут же воспользовались литовцы. 30 марта 1298 г. был заключен мирный договор, фактически – направленный против тевтонцев союз между Ригой и архиепископом, с одной стороны, и литовским князем Витенем (1295–1316) – с другой. Чтобы добиться этого, князь дал обещание креститься⁶. Однако думается, что это обещание стало лишь необходимой для христианской стороны формальностью: борьба с чрезвычайно опасным общим врагом – Орденом – отодвинула конфессиональные и иные распри союзников на задний план. Ригу подталкивали к соглашению с литовцами и ее экономические интересы: она была заинтересована в добрососедских отношениях с Литвой и ее русскими городами, своими торговыми партнерами⁷, что в корне противоречило политике братьев-рыцарей в отношении Литовского государства.

Вступление в войну литовцев поменяло соотношение сил. В конце мая 1298 г. многочисленные литовские отряды вторглись в Ливонию, подвергли ее опустошению и «по просьбе горожан рижских» захватили орденский замок Каркус в Южной Эстонии, «взяв в плен четырех братьев и дружину»⁸. Рать Витеня, возвращавшаяся после этого в Литву, 1 июня была перехвачена на реке Трейдере (Аа) ливонским ландмейстером Бруно (1296–1298)⁹. Рыцарям удалось одолеть противника первым ударом, отбить у литовцев три тысячи пленников, однако результат ожесточенной битвы был решен численным превосходством литовской стороны. В битве на Трейдере, по сообщению Петра из Дусбурга,

¹ LUB. Bd. I. № 568.

² Hermanni de Wartberge Chronicon Livoniae (далее: Wartberge) / Hrsg. von E. Strehle // SRP. Leipzig, 1853. Bd. II. S. 54.

³ Соловьев М.П. Очерк истории Прибалтийского края. СПб., 1883. С. 109.

⁴ LUB. Bd. I. № 572–573. См. также: Соловьев М.П. Указ. соч. С. 112–113; Арбузов Л.А. Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. СПб., 1912. С. 50.

⁵ Там же.

⁶ LUB. Bd. I. № 570.

⁷ Муравская Е. Торговые связи Риги с Полоцком, Витебском и Смоленском в XIII–XIV вв. // Изв. АН Латв. ССР. 1961. № 2(163). С. 32, 35–36, 38, 40–41.

⁸ Dusburg. III, 269.

⁹ По А. Fahne в 1297–1298 гг. (Fahne A. Livland und seine Geschlechter. Bd. I. Köln, 1875. S. 47).

пали 1500 тевтонцев, в том числе сам ландмейстер и 22 брата Ордена¹. По сообщению ливонского орденового хрониста Германа Вартберге, и в походе на Каркус, и в битве на Трейдере вместе с литовцами сражались рижские горожане, а Орден потерял убитыми 86 рыцарей и 3000 кнехтов².

Именно последнее событие и заставило прусских тевтонцев вмешаться в войну и поддержать своих ливонских собратьев. «В том же году брат Готфрид фон Гогенлоэ, великий магистр Тевтонского ордена³, был в земле Прусской; он послал брата Бертольда Брухаве, комтура Кенигсберга⁴, со многими братьями и оруженосцами в землю Ливонии на помощь тамошним братьям. Они, соединившись с войском братьев из Ливонии, в день святых апостолов Петра и Павла⁵ убили свыше четырёх тысяч горожан рижских и литвинов, осаждавших замок Нейермюллен»⁶, близ Риги, куда рыцари перевезли плененного архиепископа, которого осаждавшие пытались освободить⁷. После боя орденовое войско вступило в беззащитную Ригу, разграбило для покрытия понесенных от рижан и литовцев убытков архиепископскую резиденцию и прочие его владения и имущества⁸.

Вероятно, значительные потери понес и Орден: несмотря на победу при Нейермюллени, братья-рыцари в следующем, 1299 г., предпочли заключить перемирие с Ригой. Архиепископ Иоанн по распоряжению римского папы Бонифация VIII (1294–1303) был освобожден. Соответствующая папская булла от 7 января 1299 г. содержала также требование хохмейстеру и ливонскому ландмейстеру, под страхом отлучения от церкви, в течение шести месяцев явиться в Рим для оправдания⁹. Однако тевтонцы, угрожая архиепископу ослеплением, добились, чтобы он написал письмо, в котором прощал Ордену все обиды¹⁰. Оказавшись на свободе, униженный прелат покинул Ливонию и отправился в Рим, где, вероятно, вскоре и умер. Его преемник Изарнус фон Фонтано (1300–1302), прибывший в свою митрополию только в 1301 г., предпочитал придерживаться заключенного с Орденом перемирия.

Тем не менее, тевтонцам было ясно, что новое военное столкновение с Ригой неизбежно. Видимо, с этой целью в 1302 г. хохмейстер Гогенлоэ, как сообщает Петр из Дусбурга, «пройдя с 50 братьями через Пруссию, пришел в землю Ливонии и... оставив там братьев в помощь упомянутой земле, на другой год вернулся в Пруссию»¹¹. Помощь из Пруссии была тем более необходима, что зимой и в начале весны 1298/99 гг. ливонцы во главе с ландмейстером Готфридом Рогге (1298–1306/7) предприняли два неудачных похода на Псков, в ходе которых понесли достаточно серьезные потери¹². Поход Гогенлоэ – второе и последнее упоминание Петром из Дусбурга о присутствии прусских военных контингентов в Ливонии.

¹ Dusburg. III, 269.

² Wartberge. S. 55–56.

³ В 1297–1302/3/9 гг. (*Bachem K.J. Versuch einer Chronologie der Hochmeister des Deutschen Ordens vom Jahr 1190 bis 1802. Munster, 1802. S. 28; Voigt J. Op. cit. S. 1; Oehler M. Geschichte des Deutschen Ritterordens. Elbing, 1912. Bd. II. S. 193; Tumlner M. Op. cit. S. 339.*

⁴ В 1289–1302 гг. (*Voigt J. Op. cit. S. 34.*)

⁵ 29 июня.

⁶ Dusburg. III, 269.

⁷ *Чешихин Е.В. Указ. соч. С. 148.*

⁸ Там же. С. 152.

⁹ LUB. Bd. I. № 677–678.

¹⁰ Вместе с тем, представляется довольно убедительным мнение Е.В. Чешихина, что и Орден, посягнувший на епископов и их владения, и архиепископ, наведший на Ливонию литовцев, понимали сомнительность своего положения в глазах папы и старались разрешить дело, не доводя его до папской курии (*Чешихин Е.В. Указ. соч. С. 154.*)

¹¹ Dusburg. III, 283.

¹² Псковская первая летопись // Псковские летописи / Подг. А. Насонов. М.; Л., 1941. Вып. I. С. 14.

Как видно из рассмотренных фактов, несмотря на существование единого Орденского государства, включавшего и Пруссию, и Ливонию, участие как ливонских военных контингентов в боевых действиях на территории Пруссии или на прусском участке ливонской границы, так и прусских войск в Ливонии и в ливонской «зоне ответственности» борьбы с Литвой были редки и в описанных хронистом случаях увязывались с важнейшими событиями в истории Ордена, с решением им наиважнейших задач. Можно видеть, что ливонские войска оказывали помощь своим прусским собратьям при наступлении на Жемайтию, завоевание которой Ордену было чрезвычайно важно – для создания коридора и налаживания безопасного сообщения между двумя конгломератами своих владений. В другой раз ливонские воины сражались бок о бок с братьями при подавлении наиболее мощного прусского восстания в зоне его наибольшей для Ордена опасности – в Самбии. Не менее важной причиной было продиктовано вмешательство прусских братьев-рыцарей в ливонские дела, от успешного разрешения которых в весьма значительной степени зависели судьба орденского государства, его политическая стабильность и международное положение.

К ВОПРОСУ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО МИФА О ГРЮНВАЛЬДСКОМ СРАЖЕНИИ

Грандиозное сражение 15 июля 1410 г. на поле между деревнями Таненберг и Грюнвальд кардинально изменило баланс сил во всей Восточной Европе и подготовило почву для завершения объединения польских земель. Это историческое сражение, произошедшее в средние века, продолжает жить в исторической памяти народов. Грюнвальдской победе суждено было стать национальным символом, помогающим сохранить идентичность после гибели польского государства в 1795 г. Миф о Грюнвальде в значительной мере, способствовал формированию современной польской нации¹. А в Германии на основе мифа о том же сражении формировался пангерманизм.

К сожалению, в отечественной историографии Грюнвальдскому (Таненбергскому) мифу уделяется незаслуженно мало внимания. В зарубежной историографической традиции, напротив, эта проблематика привлекала и продолжает привлекать пристальное внимание исследователей², но все они сходятся на относительно позднем времени возникновения мифа о Грюнвальдском сражении. Большинство исследователей считает, что только творчество литераторов и живописцев середины XIX в. положило начало Грюнвальдскому мифу³, вписывая его исключительно в рамки панславянской идеи. Такое предположение, однако, не учитывает сведений средневековых источников.

Спустя некоторое время после заключения Первого Торуньского мира (1411 г.) 51 знамя крестоносного войска, захваченное на поле сражения, было вывешено в Краковском кафедральном соборе св. Станислава. По другим данным, тевтонские хоругви были разделены, и их часть временно помещена в Виленском кафедральном соборе⁴. По мере обветшания оригиналов изготавливались их точные копии, «чтобы во имя беспримерного и невероятного сражения и победы, одержанной над Тевтонским орденом, пребывало перед глазами свидетельство столь великой победы»⁵. Документально засвидетельствовано, что некоторые из знамен оставались в Краковском соборе до 1603 г.⁶ Еще одна реликвия – два меча, полученные перед сражением польским королем от великого магистра Тевтонского ордена Ульриха фон Юнингена как вызов на сражение, также были доставлены в Краков и находились в королевской сокровищнице. В XV–XVIII вв. они служили в качестве атрибута обряда коронации польских королей. Хронист Ян Длугош отмечает также, что согласно указу Владислава II Ягайло и «по единодушному желанию и согласию» день 15 июля (по церковному календарю — день рассеяния апостолов) был объявлен общегосударственным праздником, а во всех церквях королевства должны проводиться торжественные богослужения, обедни и крестные ходы⁷.

¹ Mick C. Kriegserfahrungen und die Konstruktion von Kontinuität. Schlachten und Kriege im ukrainischen und polnischen Gedächtnis 1900–1930 // Gründungsmythen, Genealogien, Memorialzeichen. Beiträge zur institutionellen Konstruktion von Kontinuität. Köln, 2004. S. 121.

² См. Traba R. Grunwald. Konstruktion und Dekonstruktion eines nationalen Mythos. Überlegungen auf der Grundlage einer semantischen Analyse polnischer Feierlichkeiten anlässlich der Jahrestage der Schlacht bei Grunwald/Tannenberg im 20. Jahrhundert // Mare Balticum. Begegnungen zu Heimat, Geschichte, Kultur an der Ostsee. München, 2005; Maciszewska J. Apokaliptyczny Grunwald Józefa Ignacego Kraszewskiego i Henryka Sienkiewicza / Józef Ignacy Kraszewski. Twórczość i recepcja. Lublin, 1995 и др.

³ Лыкошина Л.С. О мифах и стереотипах в политической истории Польши // Россия и современный мир. 1996. № 2 (11). С. 177–178.

⁴ Хроника Быховца. М., 1966. С. 78–79.

⁵ Длугош Я. Грюнвальдская битва. СПб., 2007. С. 156.

⁶ Finelli M. Bandiere teutoniche. Milan, 2003. S. 1 (Associazione Milanese di Uniformologia, del Soldatino e del Figurino Storico).

⁷ Длугош Я. Указ. соч. С. 156.

На мой взгляд, ключевую роль в возникновении Грюнвальдского мифа сыграли хронисты из разных стран. Ян Длугош в своём описании битвы в труде «История Польши» (*Annales seu cronicae incliti Regni Poloniae*) воспевают храбрость польских рыцарей и особенно своего покровителя Збигнева из Олесницы¹. В то же самое время имён литовских героев Грюнвальда хронист не приводит. Хоругвям (отрядам) Великого княжества Литовского, составлявшим более половины союзного польско-литовского войска, Длугош вообще отводит вспомогательную роль. По его словам, у них и вооружение, и кони хуже польских и немецких. Да и помощи от них в битве было, с точки зрения хрониста, немного. Литовское войско в начале битвы под сильным вражеским натиском было вынуждено спасаться бегством: «Бегущих охватил такой страх, что большинство их прекратило бегство только достигнув Литвы, там они сообщили, что король Владислав убит, убит также и Александр (Витовт), и что сверх того, их войска совершенно истреблены»². Из всех отрядов Великого княжества Литовского Длугош выделяет смоленские полки, стойко перенёсшие удар превосходивших сил тевтонцев. Ненадёжность остальных войск Витовта хронист стремился закрепить в исторической памяти: «Все же остальные, оставя поляков сражаться, бросились врассыпную в бегство». Впрочем, по сведениям этой польской хроники не одни только литовцы проявили малодушие – чешские наёмники дважды покидали поле боя³, а главнокомандующий войсками Тевтонского ордена и его «гостей» и вовсе, устранившись грозного вида и численного превосходства союзных отрядов, «предался скорби и дал волю обильно текущим слезам»⁴.

Не меньшую роль в создании мифа имели рассказы о пророчествах и знамениях. В исторической памяти польского народа существует традиция, повествующая о пророчестве святой Бригитты, якобы предсказавшей в иносказательной форме падение могущества тевтонцев при Грюнвальде⁵. Кроме того, по словам Длугоша, в ночь перед битвой воины союзного войска видели на небе знамение, предвещавшее грядущую победу: «Будто на лунном круге некоторое время шёл жестокий бой между королём и монахом, и что, наконец, монах, побеждённый всё тем же королём, был сброшен с диска луны и стремглав низринут вниз»⁶. Несложно догадаться, что король олицетворял польско-литовское литовское войско, возглавляемое королём Владиславом II Ягайло, а монах – силы Тевтонского ордена. Согласно тому же источнику во время сражения на небесах появился один из наиболее чтимых польских святых – св. Станислав, благословляя сражавшихся поляков⁷. Таким образом, Ян Длугош первым оформляет польскую версию Грюнвальдского мифа, где решающая роль в разгроме врага принадлежит полякам. Следует при этом отметить, что в польской народной культуре, в отличие от придворной, исторические предания о Грюнвальдской победе не сохранились⁸.

Другой источник, Хроника Быховца, написанная в землях Великого княжества Литовского, даёт иную версию сражения «у немецкого города Дубровно»⁹. Начало сражения описывается точно так же, как и в других источниках. Но потом, по словам летописца, Витовт, великий князь Литвы, видя, что его

¹ «Конечно, не было совершено ничего более мужественного, ничего более отважного, чем подвиг Збигнева». См. *Длугош Я.* Указ. соч. С. 106.

² Там же. С. 102.

³ Там же. С. 95, 103.

⁴ *Длугош Я.* Указ. соч. С. 97.

⁵ «Придёт время, и будут выбиты зубы их, и отсечена правая рука».

⁶ *Длугош Я.* Указ. соч. С. 85.

⁷ Там же. С. 86.

⁸ *Mick C.* «Den Vorvätern zum Ruhm - den Brüdern zur Ermutigung». Variationen zum Thema Grunwald/Tannenbergl // *Zeitenblicke* Т. 3 В. 1 (2004). S. 3. URL: <http://www.zeitenblicke.de/2004/01/mick/Mick.pdf>.

⁹ Хроника Быховца. С. 76.

войскам нанесён значительный урон, стал просить подкрепления у своего двоюродного брата – польского короля Ягайло. Однако тот, слушая мессу, отказал ему в помощи до конца богослужения, выслав только один «коморный отряд» (т.е. свой личный полк). Затем автор Хроники говорит, что литовские войска, вместе с этим отрядом «немцев наголову разбили и самого магистра и всех его комтуров до смерти убили, и бесчисленное множество немцев взяли в плен и побили, а прочие польские войска им ничем не помогали, только на это смотрели»¹. Таким образом, получается, что войска Великого княжества Литовского своими силами, без помощи поляков, выиграли сражение. Конечно, к этому свидетельству следует отнестись критически, однако, на мой взгляд, именно с хроники Быховца берёт начало литовский миф о Грюнвальдском сражении.

Не забыли это сражение и братья Тевтонского ордена, для которых 15 июля стало трагическим днем. В 1411 г. на месте битвы даже была возведена часовня как мемориал в честь погибших тевтонцев². На Западе они пытались представить это поражение как «торжество варварства, ереси и язычества над делом католической церкви и цивилизации»³. Причём крах такой внушительной военной силы объяснялся многократным численным превосходством противника. Хотя обращение к государям средневековой Европы не имело практического результата, оно оказало влияние на восприятие битвы европейцами. Считаю, что именно по этой причине в описании битвы западноевропейских хроник мы видим совершенно невероятные сведения о численности и соотношении двух армий, сошедшихся на Грюнвальдском поле. Например, во французской хронике Монстреле общая численность немецких сил составляла 300 000 чел., тогда как союзное войско оценивалось в 600 000 чел. Интересно отметить, что Тевтонское войско отождествляется с христианами, а войско Польши и Великого княжества Литовского с сарацинами⁴.

Таким образом, можно констатировать, что Грюнвальдский миф оформляется в ближайшее столетие после сражения. Важно отметить, что появляется он в трёх различных версиях (польской, литовской и немецкой (тевтонской)), отстаивавших взаимоисключающие точки зрения и преследовавших разные цели. Для всех них характерно придворное (официально – государственное) происхождение, в отличие от других мифов славянского средневековья, которые создавались без видимой поддержки национальной правящей элиты, основываясь на народных преданиях. Позже, писатели и художники будут только следовать сложившейся традиции. Так, известный польский живописец Ян Матейко при создании своего полотна «Грюнвальдская битва» использовал в качестве основного источника «Историю Польши» Яна Длугоша. Именно под его влиянием художник на завершающих стадиях работы добавил образ св. Станислава⁵. В 1900 г. увидел свет, неоднократно переиздававшийся в русском переводе и хорошо известный отечественному читателю исторический роман Генрика Сенкевича «Крестоносцы»⁶. Описание Грюнвальдской битвы⁷ у писателя почти полностью совпадает с сообщениями Длугоша, и, по моему мнению, представляет собой литературную обработку отрывка из этой хроники, с которой писатель, несомненно, был прекрасно знаком. Грюнвальдский миф впоследствии будет широко использоваться в политических целях. Развиваясь и изменяясь в

¹ Там же. С. 78.

² Ее развалины сохранились до сих пор и доступны для осмотра.

³ Бобржинский М. Очерк истории Польши. СПб., 1880. С. 222.

⁴ Цит. по: Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. СПб., 2008. Т. 3. С. 331.

⁵ Understanding Matejko's painting «The Battle of Grunwald». URL: <http://info-poland.buffalo.edu/classroom/JM/GT.html>.

⁶ Sienkiewicz H. Krzyżacy. Kraków, 1900.

⁷ Сенкевич Г. Крестоносцы. М., 2007. С. 612–634.

отдельных деталях на протяжении 600 лет, он не потерял своей значимости и сегодня.

БИТВА НА ВИТКОВОЙ ГОРЕ И ЕЁ МЕСТО В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Для современного русского читателя одним из наиболее признанных авторитетов в области военной истории является немецкий историк Ганс Дельбрюк. Это автор капитального труда «История военного искусства в рамках политической истории», где подробнейшим образом рассматриваются различные формы военной полевой тактики, начиная от древней Греции и кончая Наполеоновскими воинами. Однако в его работе присутствует, на наш взгляд, немало спорных моментов и оценочных суждений. Так, в частности, обстоит дело с оценкой битвы на Витковой горе, одного из ярких эпизодов гуситских войн. Дельбрюк пишет: «Сведения о том, что гуситы одержали 14 июня 1420 г. большую победу при Виткоберге, к востоку от Праги, является вымыслом»¹.

Основным источником сведений о ходе битвы является «Гуситская хроника» Лаврентия (Вавржинца) из Бржезовой². Сам Вавржинец был по происхождению мелкопоместный шляхтич, ставший позднее духовным лицом и проникшийся идеями Яна Гуса. Доподлинно известно, что он был очевидцем всех важнейших событий гуситских войн, и, возможно, наблюдал битву на Витковой горе со стен Праги. Однако к его сведениям следует относиться критически, так как Вавржинец не имел опыта участия в военных действиях, а также был пристрастен, и мог кое-где приукрасить действия гуситов.

Другим источником сведений о битве является «История Богемии» Энея Сильвия Пикколомини (Папы Пия II), который поведал об этом событии в рамках жизнеописания Яна Жижки, не придав сражению особого значения.

В отечественной историографии этот вопрос представлен скупом: можно упомянуть лишь работы Е.Р. Разина³ и Б.Т. Рубцова⁴. Последний автор битве на Витковой горе уделяет неоправданно мало внимания, считая её, в лучшем случае, переломным моментом в истории первого крестового похода против гуситов, но никак не говорит о том, что эта битва фактически решила судьбу всего гуситского движения, способствовала дальнейшему совершенствованию армии, укреплению позиций⁵. Е.Р. Разин даёт более полное представление о сражении, однако основывается не на первоисточниках, а опирается на исследования других авторов, в частности – вышеупомянутого Ганса Дельбрюка.

В чешской историографии битва на Витковой горе представлена чаще всего как эпизод биографии таборитского полководца Яна Жижки. Такой подход можно встретить в работах выдающихся исследователей гуситского движения Йозефа Пекаржа⁶ и Вацлава Томека⁷.

В последние годы, с возрождением интереса к военной истории средневековья, публикации о битве на Витковой горе можно встретить в научно-популярной литературе, дающей подчас отрывочные, противоречивые или неточные сведения⁸.

Попытаемся, опираясь на дошедшие до нас факты, рассмотреть ход этого сражения, и на этой основе определить его историческое значение.

¹ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. М., 2008. С. 309.

² Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника. М., 1961. URL:<http://www.vostlit.info/haupt-Dateien/index-Dateien/L.phtml?id=2052> (дата обращения 23.12.2009).

³ Разин Е.Р. История военного искусства. Т. 2. М., 1958.

⁴ Рубцов Б.Т. Гуситские воины. М., 1955.

⁵ Там же. С. 161–162.

⁶ Pečár Josef. Žižka a jeho doba. V. II. Praha, 1928. S. 120.

⁷ Tomek V.V. Jan Žižka. Praha, 1878. S. 45.

⁸ См., например: Жарков С.В. Средневековая пехота в бою. С. 352–356. М., 2008; Девриз К. Великие сражения средних веков 1000–1500. С. 176–186. М., 2007.

Прежде всего, необходимо принять во внимание, что битва на Витковой горе происходила в рамках первого крестового похода, организованного римским папой Мартином V.

Младший брат короля Вацлава, король Венгрии и император Священной Римской Империи Сигизмунд претендовал на освобождённый в августе 1419 г. чешский престол и поэтому был кровно заинтересован в стабилизации ситуации, вызванной развитием гуситского движения. Папа Римский Мартин V в свою очередь был крайне обеспокоен невиданным размахом гуситской ереси, и потому счёл необходимым объявить крестовый поход против гуситов. Решение об этом обнародовал 24 марта 1420 г. Гуситы были объявлены еретиками и врагами римской церкви, то есть всякого добропорядочного христианина. Новый поход привлёк большое количество рыцарей-наёмников со всей Западной Европы, которые вместе с регулярной императорской армией и оставшимися верными Риму чешскими панами представляли собой весьма значительную силу¹.

Император и его войско рассчитывали на лёгкую победу, так как не ожидали серьёзного отпора от плохо вооружённых отрядов чешских крестьян. Однако с самого начала крестоносцы стали терпеть поражения. Отряды таборитов успешно смогли сдерживать отдельные отряды крестоносцев, в частности, в битвах при Судомерже или Липницах², однако им пришлось отступить при подходе основных сил.

К середине лета события первого крестового похода против гуситов достигли кульминации: в конце июня – первых числах июля к Праге подошли основные силы крестоносной армии. Вавржинец из Бржезовой, автор «Гуситской хроники» оценивает число этой армии в 150 тыс. человек, и хотя, вероятно, их было во много раз меньше, несомненно, что армия Сигизмунда была довольно большой по меркам того времени. Следуя данным той же «Гуситской хроники», в поход отправились 40 духовных и светских князей³ и воины самых разных народов – от испанцев до болгар, не говоря о немцах и венграх. Естественно, что такая большая армия довольно быстро оттеснила гуситов в Прагу, вынудив их уйти в глубокую оборону⁴.

7 июля 1420 г. Сигизмунд подошёл к Праге. Благоразумно посчитав, что штурм города с мощными укреплениями будет чреват крупными потерями, Сигизмунд принял решение взять город с помощью осады – заблокировать подвозы продовольствия⁵ (Вавржинец писал, что он всё же готовился провести комплексный штурм Праги с востока, юга и севера).

Единственным препятствием на пути к полной блокаде города была так называемая Виткова гора – своего рода высокий холм, возвышающийся над Прагой, с обрывистыми склонами с запада и севера. Овладение этой точкой означало бы установление контроля над последними дорогами, связывавшими город с внешним миром, и сводило бы на нет возможность поставки продовольствия и необходимых ресурсов. Тем более что Сигизмунд привёз с собой дюжину тяжёлых штурмовых бомбард, которые, установленные на Витковой горе, возвышались бы над земляным валом, окружавшим Прагу, и вполне могли бы не только проделать брешь в восточной стене, но и нанести огромный ущерб внутри самого города⁶.

Ян Жижка, бывший советник короля Вацлава и один из таборитских гетманов, в полной мере оценил тактическую важность горы и «решил поставить

¹ Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника. 29.

² Там же. 30, 37.

³ Можно назвать важнейших – курфюрсты Пфальцкий и Бранденбургский (Фридрих Гогенцоллерн, прародитель прусского королевского рода), 3 герцога баварских, 2 мейсенских маркграфа, а также Альбрехт V Австрийский.

⁴ Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника. 46.

⁵ Там же. 46.

⁶ *Pekař Josef. Žižka a jeho doba. S. 120.*

на вышеназванной горе два деревянных бревенчатых укрепления, наподобие срубов, затем приказал провести вокруг них небольшой ров и обнести их невысокой стеной из земли и камня¹». Как видим, здесь представлен один из новейших видов фортификации – так называемый редюит². Для начала XV в. это было в полном смысле слова новаторским делом³.

По свидетельству Вавржинца, вскоре после полудня семь или восемь тысяч конников взошли по восточному склону горы и стали штурмовать деревянные укрепления редюитов. Подход к ним по ширине составлял не более нескольких десятков метров, что создавало для штурмующих определённые неудобства. Крестоносцы, не ожидая особого отпора от вчерашних крестьян, в первые моменты боя захватили земляное укрепление, а также небольшую башенку, расположенную в зарослях винограда на южном склоне горы. Но когда они подошли к стене из земли и камней, то встретили ожесточённое сопротивление таборитов. Защитники, числом 29 человек (среди них было три женщины), вооружённые в основном кольями и камнями, в течение, нескольких часов смогли сдерживать непрерывные яростные атаки со стороны имперских войск. В один из моментов битвы к месту сражения подоспел и сам Жижка, который при попытке прорыва к укреплениям едва не погиб: был окружён немецкими рыцарями, но его отбили защитники укрепления⁴.

Крестоносцы допустили ряд непростительных тактических ошибок. Во-первых, укрепления на горе штурмовались конниками. Во-вторых, рыцари оказались в неудобной позиции – подход к укреплениям составлял всего несколько десятков метров шириной, что создавало удобные условия небольшому числу обороняющихся для отражения атак превосходящих сил крестоносцев. В-третьих, имела место банальная недооценка возможностей обороняющихся. Крестоносцы даже не удосужились как следует подготовиться к битве, спесиво понадеявшись на традиционные боевые приёмы.

В самый критический момент битвы на помощь защитникам Витковой горы неожиданно явилось подкрепление – и рыцарям, и самим таборитам показалось, что явились они с небес. Из Праги неожиданно донесся колокольный звон, и в тыл штурмующим внезапно ударил отряд крестьян, вооружённых одними только цепями – молотилами для зерна, вместе с пятьюдесятью стрелками. Неожиданный поворот событий внес в ряды крестоносцев полное смятение, и рыцари бросились бежать, срываясь с отвесных склонов горы и погибая в страшной давке. В один только этот момент сражения, как повествует Вавржинец из Бржезовой, погибло около 300 человек, что составляло весьма внушительную цифру по тем временам. Крестоносцы отступили за Влтаву, и больше не делали попыток вести какие-либо боевые действия против таборитов. Через два дня после битвы Вацлав Коранда, священник из Пльзеня и один из руководителей гуситского движения, собрался было подновить укрепления на Витковой горе, даже приказал выламывать из церкви Св. Михаила скамьи. Но строительного материала так и не хватило, поэтому делали дополнительные рвы, ставили новые бревенчатые срубы. Сигизмунд же отказался от штурма, ограничившись беспорядочным обстрелом городских стен. Его войска в течение двух недель разоряли окрестные сёла и деревни, а 30 июля осада была снята: император отступил в свою старую ставку – Кутну Гору, увезя с собой некоторые реликвии чешских королей⁵.

Возвращаясь к исследованию Дельбрюка, следует обратить внимание на его утверждение, что отражение одной атаки от редюитов дало пражанам

¹ Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника. 46.

² Редюит – внутреннее укрепление, последний оплот обороняющегося гарнизона в сомкнутых полевых или долговременных укреплениях.

³ Разин Е.Р. Указ. соч. С. 503.

⁴ Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника. 46.

⁵ Там же. 48.

веру в абсолютную победу. При этом сравнивает битву на Виткове со сражением при Вальми в 1792 г., то есть, оценивает её как ничего в военном смысле не значащий эпизод¹, оказавший, тем не менее, огромное влияние на моральный настрой осаждённых. Суждения Дельбрюка отражают отношение немецких историков² к гуситским воинам – считается, что они не привнесли в военное искусство ничего принципиально нового, а их победы одерживались исключительно «...благодаря тому, что религиозно настроенная толпа получала военное воспитание в духе уверенности в себе и доверия к своим начальникам, а руководители движения на основании опыта и привычки были уверены в своей армии и крепко держали массу в руках...»³

И всё же мнение Дельбрюка не является, на наш взгляд, обоснованным. Победа на Витковой горе стала переломным моментом в истории гуситских войн, важнее которой не было за всю их шестнадцатилетнюю историю. Начавшееся как незначительная стычка, сражение переросло в совершенно неожиданный разгром крупного рыцарского отряда, причём от рук плохо вооружённых ополченцев, пусть даже и под командованием талантливого полководца. Эта победа гуситов морально сломила дух крестоносцев, и в их войске начались убоицы между пришлыми рыцарями и чехами-католиками. Только вмешательство самого Сигизмунда остановило смуту. В течение четырёх следующих крестовых походов европейские рыцари неизменно терпели поражение, в двух последних случаях они просто разбежались от одного вида войска таборитов.

Это событие надолго вошло в историческую память чешского народа, в честь него на Витковой горе (ныне Жижковой) установлен памятник победоносному полководцу, выигравшему эту битву – Яну Жижке⁴.

Стоит заметить, что в ходе сражения на Витковой горе не были ещё использованы классические гуситские новшества в области военной тактики, например вагенбург – возовая оборона, а также полевая артиллерия, в применение которых Ян Жижка внёс определённые новшества. Именно громкая победа при Витковой горе дала импульс к дальнейшей борьбе и развитию военного дела в гуситской Чехии.

После этой победы Яном Жижкой был разработан первый в мировой истории военный устав, что подняло на новый уровень теорию и практику ведения войн. Битва же при Витковой горе, хотя и не показала каких-либо новых тактических приёмов, но продемонстрировала новые тенденции в развитии современного ей военного искусства.

Эти проявилось, как уже сказано, прежде всего в использовании новейшего вида фортификационных сооружений, а именно – возведении редюита как внутреннего укрепления, последнего оплота обороняющегося гарнизона, с учётом рельефа местности. Во-вторых, отметим применение классической линейной тактики, получившей широкое распространение в войсках нового времени, – атаки стрелков и пехоты одновременно.

Без сомнения, одной из главных причин победы была непоколебимая вера защитников Праги в своё правое дело. К тому же сами крестоносцы в своём большинстве не собирались погибать в битве – они шли, прежде всего, ради добычи, захвата богатых чешских земель. Свою роль сыграло также и то, что западноевропейское рыцарство в тот период испытывало кризис, связанный и с падением нравов дворянства, и с обнищанием этого сословия, и с постепенным

¹ Дельбрюк Г. Указ. соч. С. 309.

² Материалы по гуситскому военному искусству частично были заимствованы из работ известного немецкого историка кон. XIX – нач. XX вв. Фридриха фон Бецоляда. (*Bezold, F. v. König Sigmund und die Reichskriege gegen die Hussiten. München, 1872*).

³ Дельбрюк Г. Указ. соч. С. 310.

⁴ URL: <http://www.prag.ru/history-czech> (дата обращения 23.12.2009).

развитием товарно-денежных отношений. Феодално-рыцарское ополчение оказалось слишком слабым и с точки зрения тактики.

Гуситские войны, в частности битва на Витковой горе, убеждают, что военная организация рыцарского войска германских государств оказалась рыхлой, неустойчивой, совершенно не соответствовала своему времени.

ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ МОНАСТЫРЬ И ИГУМЕН ИОАКИМ В СМУТНОЕ ВРЕМЯ

События Смутного времени в районе Псково-Печерского монастыря неоднократно привлекали к себе внимание исследователей. Однако все историки ограничивались описанием осады монастыря в 1611 г. литовским гетманом Ходкевичем и Александром Лисовским, используя при этом единственный источник, опубликованный в «Прибавлениях к псковским летописям» в 1851 г.¹

Вне поля зрения отечественных историков и местных краеведов остались документы Разрядного приказа, опубликованные еще в 1890 г., в которых содержится ценная информация о новой попытке шведского военачальника Якова Делагарди захватить Псково-Печерский монастырь в феврале 1614 г.² К данному сюжету обращался только историк Г.А. Замятин в 1940-х гг. при написании монографии о Пскове в Смутное время, однако этот труд Замятина был опубликован лишь в конце 2008 г.³ Поэтому необходимо обратиться к данному сюжету и попытаться оценить значение обороны монастыря в 1614 г. для дальнейших событий завершающего периода Смуты.

Важнейший форпост на северо-западе России, Псково-Печерский монастырь, защищал Псков со стороны Ливонии. Он длительное время входил в систему укреплений рубежей Московского государства, имел постоянный военный гарнизон, был снабжен артиллерией. За крепкими стенами монастыря в случае опасности укрывалось окрестное население. Враг, наступая на Псков, не мог чувствовать себя спокойно, постоянно ожидая удара со стороны гарнизона монастыря.

Монастырь был основан в 1473 г. монахами отшельниками, беглецами из ливонского города Дерпта, которые вырыли пещеры (по древнерусски «пещеры») в крутых склонах песчаной горы⁴. После 1510 г., когда Псков был присоединен к Московскому государству, руководство страны обратило внимание на важное стратегическое значение этой пограничной обители и приступило к усилению оборонительных сооружений обители. Первые укрепления монастыря были построены в 1519–1523 гг. под руководством псковского дьяка М.Г. Мунехина и настоятеля старца Филарета⁵.

В связи с подготовкой к Ливонской войне в середине XVI в. значение монастыря резко возросло. Недалеко от Печер находилась мощная ливонская крепость Нейгаузен (Новый городок). С 1552 г. вокруг обители начали возводить каменные стены и шесть башен. Строительством укреплений руководил игумен Корнилий, постриженник Печерской обители, выходец из псковской бо-

¹ О нашествии поганых Литвы и Немец на обитель Пречистой Богородицы Печерский монастырь в Псковской области // Псковские и Софийские летописи (Прибавления к псковским летописям) // ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 54–55. См. также: *Сурмина И.О.* Самые знаменитые крепости России. М., 2002. С. 318–320.

² Акты Московского государства, изданные Академией Наук / Под ред. Н.А. Попова (АМГ). Т. 1. (1571–1634). СПб., 1890.

³ *Замятин Г.А.* Борьба за Псков между Московским государством и Швецией в начале XVII века // *Замятин Г.А.* Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории / Сост. Г.М. Коваленко. СПб., 2008.

⁴ В этих пещерах были устроены подземная церковь, кельи, кладбище. В пещере монастыря были похоронены Иван Назимов (воевода 1703 г.), князь Кропоткин, князь Елецкий, боярин А.Л. Ордин-Нащокин и др. См.: *Аполлос* [отец Аполлос, архимандрит, ректор Псковской семинарии]. Псково-Печерский монастырь. СПб., 1860.

⁵ См.: Псковские летописи. М., 1837 (изд. М.П. Погодина). С. 186. «Почаша здати Печерский монастырь во Псковской области под Немецким рубежом. Припомогаше старцам Филарету и прочим, и Мисюрь Дьяк Великого князя; и церковь в горы боле ископоша. А преж того церковь была в земле; а монастырь был на горе; и церковь преподобных отец Антония и Феодосия».

ярской семьи, образованный человек, писатель, иконописец, игумен монастыря с 1529 г., трагически погибший в 1570 г. (1577 г.) от рук самого царя Ивана Грозного. Это строительство было закончено в самый разгар Ливонской войны, в 1565 г. Тогда же, в 1565 г. была возведена каменная Никольская надвратная церковь (Николы Вратаря) со звонницей и с проездными воротами, соединенная с крепостью специальным переходом. Стены и башни монастыря были выложены из местного известняка.

В итоге пограничный монастырь получил мощные оборонительные сооружения и превратился в первоклассную крепость. Эта обитель расположена на неровной, сильно пересеченной местности, по ее территории протекал ручей. Все это определило особенности плана крепости и расстановку боевых башен. Две башни были расположены над ручьем (башни над Верхними и Нижними решетками). Наиболее древнее изображение Псково-Печерского монастыря можно увидеть на храмовой иконе XVII в. «Видение старца Дорофея» псковской церкви Покрова у Пролома.

После превращения монастыря в крепость сюда на постоянное поселение был направлен вместе с семьями гарнизон в сотню стрельцов. Со временем около монастыря возник посад. Посадские люди жили «окол монастыря на гостином и на конюшем дворце и в слободке на Палковке». Это были «монастырские слуги и служебники и всякие люди, посадские бобыли и стрельцы».

Первый экзамен монастырь выдержал осенью 1581 г., во время осады Пскова польским королем Стефаном Баторием. Небольшой стрелецкий гарнизон (200–300 стрельцов, стрелецкий голова Юрий Нечаев), монахи во главе с игуменом Тихоном, окрестные жители вели настоящую партизанскую войну, нападали на польские обозы, следующие к Пскову и в Польшу. Стефан Баторий неоднократно посылал войска для осады обители. Стрельцы, монахи и окрестные жители два месяца успешно отбивали атаки врага¹.

В 1591–1592 гг. в ходе русско-шведской войны монастырь впервые увидел под своими стенами нового врага, с которым защитники будут иметь дело на протяжении 110 лет. В этот год у стен обители внезапно появились шведы. Эта война со Швецией началась с побед русского оружия, были освобождены Ивангород, Ям и Копорье, осаждена Нарва. Шведы поспешили заключить перемирие на год, но едва исполнился срок перемирия, внезапно напали на пограничные русские области. Они сумели даже захватить Псково-Печерский монастырь, разграбить его и сжечь деревянные постройки, церкви и кельи. Много монахов было убито. Через сутки захватчики были выбиты из крепости. Подробности данных событий неизвестны. Игуменом монастыря был в это время Мелетий².

С 1593 г. игуменом монастыря стал Иоаким, 16-й настоятель монастыря, главный герой нашего очерка. В 1605 г. он первым в Печерском монастыре был возведен в сан архимандрита. Иоаким управлял монастырем в самое тяжелое Смутное время до 1616 г.³ Монастырь и его игумен вместе с Псковом, начиная с сентября 1608 г., когда в Пскове утвердился тушинский воевода Плещеев, и вплоть до заключения Столбовского мира (февраль 1617 г.) находился в состоянии конфронтации с Новгородом. Печеры поддерживали Псков в его борь-

См.: Карамзин Н.М. История Государства Российского. Т. IX. // Карамзин Н.М. История Государства Российского. Издание пятое. В трех книгах, заключающих в себе двенадцать томов с полными примечаниями. Книга III (тома IX–XII). СПб., 1843; Толстой М. Святыни и древности Пскова. М., 1861. С. 105.

² Толстой М. Указ. соч. С. 106, 109; Иванов Ю.Г. Старинные крепости России. Смоленск, 2005. С. 287.

³ В июле 1616 г. Иоаким был посвящен в Москве в архиепископы Псковские (стал первым псковским архиепископом). Скончался 24 апреля 1623 г. См.: Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История русской церкви. М., 1996. Кн. 6. С. 741.

бе с Василием Шуйским, Псков и Печеры совместно выступали против шведов и поляков, Печеры на короткое время признали Псковского вора Сидорку.

Связанные теснейшими узами с Псковом, монастырские старцы и игумен Иоаким вынуждены были поддерживать любую власть в Пскове (воеводу П.Н. Шереметева, тушинцев Федора Плещеева, православного воеводу «литвина» Андрея Троянова Порецкого и лютеранина пана Побединского, князя Александра Жирового-Засекина).

Г.А. Замятин привёл выдержки из письма Адама Шраффера шведскому королю Карлу IX из Ревеля от 16 декабря 1608 г., в котором говорится, что воевода Пскова разграбил Псково-Печерский монастырь и приказал увезти деньги и одежду в Тушино¹. Печерские старцы, как и Псков, поддерживали тесные торговые связи с городами Ливонии, прежде всего с Дерптом и Нейгаузенем. Хлеб в Псков поступал из этих городов через Печеры². Дерпт в то время принадлежал Речи Посполитой, но проводил относительно самостоятельную политику, осуществлял торговые операции с псковичами и монастырскими старцами. Через Печеры в Псков поступало значительное количество серебра. Как выяснила А.С. Мельникова, Псковский денежный двор в эти годы продолжал интенсивно работать, здесь чеканились полновесные копейки с повышенной весовой нормой - 0,72 г., выплачивалось жалование сторонникам самозванца, словом, это был центральный денежный двор тушинского правительства³. Не будем уточнять, из какого серебра чеканились псковские монеты. Псков и его пригороды платили Лжедмитрию громадные подати. Сведения о разграблении воеводой Пскова Печерского монастыря преувеличены, но деньги и одежда действительно вывозились отсюда в Тушино⁴.

В Печерах находились псковские святыни. О крестном ходе из Пскова к Печерскому монастырю в мае 1609 г., когда встречали икону Богородицы, говорится в Псковской летописи. Когда в феврале 1610 г. в ходе очередного псковского мятежа 300 человек вместе с воеводой князем А.Ф. Жировым-Засекиным выехали из Пскова, то имущество тех, кто отъехал в Печеры, не переписали (в отличие от отъехавших в Новгород)⁵.

О состоянии монастыря и о его укреплениях в это время мы можем составить представление по более поздним источникам 1631 г., которые были опубликованы Н. Харузиным ещё в 1899 г. Речь идет о челобитной архимандрита монастыря в Москву о присылке военных запасов и о росписи города и наряда, составленной дворянином Воином Сумароковым, в которой ещё более детально говорится об укреплениях монастыря. Здесь приведены подробные описания трех ворот (Святые ворота, ворота возле башни Нижних решеток и Изборские ворота) и одиннадцати башен. Если три новых башни были сооружены после Смуты (Петровская проездная, Новая, Благовещенская), а сильно разрушенная в 1614 г. Никольская башня была позже перестроена, то остальные семь башен не подвергались особой реконструкции (башня Нижних реше-

¹ Замятин Г.А. Борьба за Корелу между Московским государством и Швецией в конце XVI – начале XVII вв. // Замятин Г.А. Россия и Швеция в начале XVII века. С. 419.

² О смятении и междоусобии и отступлении Псковичей от Московского государства... // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 5. С. 71: «Оттуду во вся та лета хлеб шол во Псков, понеже мир велий имаху мещане со Псковичи: аще не бы та земля подмогла хлебом, то никаго изгнали бы поганых».

³ Мельникова А.С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра I (история русской денежной системы с 1533 по 1672 г.). М., 1989. С. 98–100; Она же. Булат и золото. М., 1990. С. 76.

⁴ Видекин Ю. История десятилетней шведско-московитской войны / Перевод С.А. Аннинского, А.М. Александрова / Под ред. В.Л. Янина, А.Л. Хорошкевич. М., 2000. С. 40; Замятин Г.А. Борьба за Корелу... С. 419.

⁵ Псковские летописи. М., 1837 (изд. М.П. Погодина). С. 227.

ток, Изборская проездная, Наугольная, башня Верхних решеток, Тайловская, Тюремная, Тарарыгина)¹.

Боевой наряд монастыря в 1631 г. состоял из 5 полуторных пищалей, 4 скорострельных пищалей, 6 волоконей и 51 – затинных пищалей. Орудия в Печерском монастыре были расположены преимущественно по башням и стенам. Лучше всего были укреплены Святые ворота: там стояли 2 скорострельные и 2 полуторные пищали, а также 12 затинных пищалей. Остальной наряд распределялся по башням и стенам в разном количестве. В Росписи города и наряда есть упоминание о двух тайниках, находившихся около Святых ворот. Г.А. Замятин, приводя все эти сведения, писал: «Примерно в таком же состоянии находился Печерский монастырь и лет за 15–20 до описания»².

Население монастыря в 1631 г. состояло из архимандрита и 47 старцев, 52 «монастырских слуг и служебников и всяких людей», 121 посадских бобылей и 60 стрельцов. Вместе с архимандритом в монастыре находился осадный голова из псковских помещиков.

В Смутное время в монастыре ещё находились казаки, о которых говорится в Псковской летописи. Также следует учесть некоторое количество стрельцов и детей боярских из Москвы, о которых упоминается в той же летописи: «... Собраша во Пскове вольных людей 300 человек Кибиря да Сергу Палаумова Атаманов, и послаша в Печоры... В то ж время пришли Немцы из Порхова под Печоры, и много зла сотвориша, побиша стрельцов Московских и Детей Боярских»³.

Хронология событий в этот период чрезвычайно запутана, источников имеется недостаточно, чтобы составить точную и ясную картину происходящего. В 1611 г. монастырь подвергся ударам со всех сторон. Действуя по указанию литовского гетмана Ходкевича, Александр Лисовский в начале февраля 1611 г. совершил нападение на Псково-Печерский монастырь. В марте – мае того же года монастырь дважды подвергался осаде войсками самого гетмана Ходкевича, а в сентябре того же года – шведским отрядом.

В начале марта 1611 г. к Печерам со стороны Юрьева Ливонского (Дерпта) подошли передовые отряды гетмана Ходкевича. Подробности этих событий содержатся только в Псковских летописях: «Того ж году в 5 неделю поста, марта в 10 день, пришла Литва под Печоры в нощи в самой звон всенощного изгоном от Хотковского, и врата выбиша свиньею, и в городе были до 5 часов»⁴. Вражеское нашествие было неожиданным для защитников. В ночь на 10 марта (Сборное воскресенье, когда все окрестные жители и монахи находились на службе у всенощной в церкви) «после вечернего звону» поляки предприняли штурм крепости. Петардой были взорваны ворота крепости и вторые ворота. Стража не успела опустить железные решетки. Имея недостаточно сил, враги рассчитывали использовать элемент внезапности, и это им удалось. Они даже сумели ворваться внутрь монастыря. Бой внутри монастыря продолжался всю ночь, «пять часов до света»⁵.

¹ Харузин Н. Псков и его пригороды перед второй польской войной при царе Михаиле // Труды Археографической комиссии Московского археологического общества. Т. 1. Вып. 3. М., 1899. С. 405–406. См. также: Иванов Ю.Г. Старинные крепости России. С. 283–288. В книге М. Толстого приведено наиболее древнее изображение Псково-Печерского монастыря второй половины XVII в. (прорись с храмовой иконы Псковской церкви Покрова у Пролома «Видение старца Дорофея», копия которой находится в Успенском соборе Московского Кремля). См.: Толстой М. Указ. соч. Приложения. С. 42.

² Замятин Г.А. Борьба за Псков между Московским государством и Швецией...С. 291–292;

³ Псковские летописи. М., 1837. С. 228, 231.

⁴ Псковские летописи. С. 228.

⁵ См.: О нашествии поганых Литвы и Немец на обитель Пречистой Богородицы Печерский монастырь во Псковской области // ПСРЛ. Т. 5. С. 54–55.

Некоторая паника в рядах защитников, не знающих истинного положения дела и реальной численности врага, способствовала успеху воинов Ходкевича. Прекратив церковную службу, многие жители бежали из монастыря через Изборские ворота. Защитников монастыря спасло то, что поляки слабо знали план крепости, в темноте они потеряли ориентировку, не сумели овладеть главными узлами сопротивления, а стали заниматься грабежом Никольской церкви, кельи архимандрита и житниц. К утру защитники под руководством архимандрита Иоакима, который с чудотворной иконой Богородицы находился в центре боя, сумели овладеть ситуацией и выбили поляков из монастыря. В этой схватке участвовали «мужи, жены и чада». Однако за ночь враги много разграбили в монастыре (ободрали ризы икон в Никольской церкви, захватили серебряные сосуды)¹. Защитники учли эти уроки, охрана крепости была усилена. По просьбе монахов из Пскова были отправлены в Печеры дополнительные воинские силы из казаков и стрельцов².

2-й поход Ходкевича с главными силами состоялся через неделю 17 марта в Вербное воскресенье: «Того же Великого поста в самую Цветную неделю прииде сам пан Хоткеев». Теперь поляки рассчитывали захватить монастырь в ходе правильной осады. У Ходкевича имелась тяжелая артиллерия. Летописец называет в числе наряда Ходкевича «пушки великие Самсон да Баба». Гетман Ходкевич «стоял под Печорами 6 недель и 2 дни, и башни и город разбил, и 7 приступов было». Стена была пробита в двух местах, а с третьей стороны от Изборских ворот осуществлялся интенсивный артиллерийский обстрел. Также поляки пытались устроить подкоп под Никольские ворота, но защитники сумели вовремя обнаружить его³. Осада продолжалась в этот раз 44 дня. Летописец отмечал, что после прибытия из Пскова подкреплений («кратных людей немного») защитники осуществили наутро внезапную вылазку «и наряд и набаты и знамена поимаша». По другим сведениям, Ходкевич явился 24 марта с 12 стенобитными пушками и осаждал монастырь до 11 мая⁴.

Шведский историк Юхан Видекинд кратко сообщал, что Ходкевич неудачно осаждал Печерский монастырь. Король Сигизмунд просил Ходкевича, чтобы тот отправился к Москве на помощь польскому гарнизону. Согласно польским источникам, король ещё в конце апреля, зная о неудачной осаде Печер, приглашал Ходкевича к себе, чтобы отправить в Москву с лифляндским войском. Однако гетман в ответ требовал вначале выплатить деньги войску. Это письмо гетмана Ходкевича польскому королю было перехвачено псковичами. Каким-то образом оно попало в начале июня 1611 г. в руки Якова Делагарди, который в это время находился в Хутынском монастыре и вел переговоры с новгородцами и В.И. Бутурлиным. В своем донесении Карлу IX от 12 июня 1611 г. Я. Делагарди сообщал, что, потерпев ряд неудач при штурме монастыря, Ходкевич отступил: «Гетман остался под Печерами опозоренным и ослабленным, поэтому он утек». После личной встречи с королем в середине июля 1611 г. Ходкевич согласился идти к Москве, куда он осенью 1611 г. в первый раз доставил запасы для осажденного польского гарнизона. Лисовский отказался при-

¹ См.: ПСРЛ. Т. 5. С. 55.

² Псковские летописи. С. 228.

³ См.: Псковские летописи. С. 228; ПСРЛ. Т. 5. С. 55.

⁴ ПСРЛ. Т. 5. С. 55; Видекинд Ю. Указ. соч. Комментарии. С. 603. Комментатор А.И. Васильев использовал в качестве источника Сказание о нашествии иноплеменных к Печерскому монастырю // Новгородский исторический музей. Сборник. № 535. Л. 622–631. Все штурмы Печерского монастыря гетманом Ходкевичем и Александром Лисовским А.И. Васильев отнес к 1612 г.

соединиться к нему, ссылаясь на то, «что легкоконных воинов он не может набрать», и что король приказал «ему внимательно следить за Псковом»¹.

В сентябре 1611 г. одновременно с осадой Пскова шведы попытались захватить Псково-Печерский монастырь и Изборск. Шведскому военачальнику Эверту Горну, осаждавшему Псков, стало известно, что в Изборске Лжедмитрий при отступлении от Пскова оставил значительную сумму денег. Также шведы знали о богатствах Печерского монастыря. Этих денег вполне могло бы хватить для оплаты солдатам. В донесении Э. Горна Я. Делагарди от 30 сентября говорилось, что ранее под Изборск и Печеры был направлен Ганс Мюр, но тот не сумел «выполнить приказ». О боях под Изборском и Печерами Я. Делагарди сообщал Карлу IX в последнем письме от 3 октября. Сведения об очередном походе к Печерскому монастырю содержатся в Псковских летописях: «...Немцы с новгородцы шли под Печеры и Завеличье выжгли». В другой летописи говорится, что «воевода Карбек с немцы» хотел захватить внезапно Печеры, но это ему не удалось². Если летописец не объединил здесь несколько событий, то можно предположить, что в сентябре 1611 г. Печеры вновь подверглись нападению врага, теперь уже шведов и их союзников новгородцев³.

Зимой 1612 г. Псково-Печерский монастырь в очередной раз отбил вражеские попытки захватить обитель. Скорее всего, именно об этих событиях писал псковский летописец: «Тое ж зимы после Рождества Христова Олисовский пришед изгоном с Немцами и с Литвой тайно под Печоры, и взя острог и торги все и много множество великого богатства, и людей многих полонил, и к городу приступал много, малым сохранил Бог. А пришел врагами (оврагами) меж гор»⁴. Об этом походе зимы 1612 г. сообщал шведский историк Юхан Виденкинд. Он писал об объединенном походе к Печерам польского отряда Александра Лисовского и шведского отряда Иохана Фаренсбаха в феврале 1612 г. Фаренсбах выступил из Нейшлота к Дерпту, где соединился с воинами Лисовского. Отсюда союзники двинулись к Печерскому монастырю. 10 февраля воины Лисовского и Фаренсбаха изгоном взяли острог на посаде у монастыря. На следующий день они начали приступ, проломил ворота, но штурм был отбит монахами, стрельцами и казаками. Шведы и поляки, не готовые к длительной осаде, отступили⁵.

В это время в Печерах воеводой был Алексей Юрьевич Пустошкин, а его помощником – стрелецкий сотник Никита Васильевич Белый. Сохранилось письмо этих воевод к пану Станиславу Рагозинскому в Нейгаузен от 20 апреля 1612 г. Воеводы «царя Дмитрия Ивановича» получили из Нейгаузена «лист о миру и добром совете». Такое же письмо с просьбой о мире ливонцы направили в Псков к воеводе И.Ф. Хованскому. В ответ Печерские воеводы сообщали Рагозинскому, чтобы тот успокоил своих людей: «Живите по-прежнему безбоязненно, вам от русских людей никакого дурна не учинится»⁶. По-видимому, в это время вся власть в Печерах принадлежала воеводам Лжедмитрия III (Псковского вора Сидорки), а не архимандриту Иоакиму.

Из-за отсутствия ясных сведений в источниках, и по другим причинам, историки стараются ничего не говорить об этих попытках захвата монастыря. Но

¹ Видекинд Ю. Указ. соч. С. 173; Кордт В.А. Из семейного архива графов Делагарди // Ученые записки императорского Юрьевского университета. Юрьев, 1894. № 2. С. 13; Замятин Г.А. Борьба за Псков. С. 264.

² Псковские летописи. С. 228; ПСРЛ. Т. 5. С. 55; Замятин Г.А. Борьба за Псков... С. 272—273; Кордт В.А. Указ. соч. С. 13.

³ См.: Замятин Г.А. Борьба за Псков ... С. 264, 273.

⁴ Псковские летописи. С. 228.

⁵ Видекинд Ю. Указ. соч. С. 221 (карта), 241.

⁶ Лист Самозванцевых воевод Пустошкина и Белого в Новый городок, пану Рагозинскому, о пересылке перемирных грамот к Лжедмитрию в Псков, с обещанием жителям безопасности со стороны Русских ратных людей. 1612, апреля 20 // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841. Т. 2 (1598—1613). № 335. С. 401.

все же можно утверждать, что зимой 1612 г. Псково-Печерский монастырь в очередной раз отбил вражеские попытки захватить обитель.

Подробности дальнейших событий в 1612–1613 гг. в районе Печерского монастыря неизвестны. Мы знаем только, что уже в мае 1612 г. Печеры, как и Псков свергли власть Псковского вора, который был арестован. Осенью 1612 г. Псков и Печеры признали правительство Трубецкого – Пожарского (просили у ополченцев помощи для защиты от шведов), а в 1613 г. признали Михаила Романова законным русским царем. В том же году восстания против шведов в Тихвине и Гдове завершились победой сторонников Москвы, но шведы сумели удержать в своих руках Порхов, который они стали использовать в качестве базы для наступления на Псков и Печеры¹.

К зиме 1614 г. обстановка для Швеции в Новгородской земле складывалась крайне неблагоприятной. В это время с юга к Новгороду подошли передовые отряды московского войска князя Д.Т. Трубецкого под командованием Андрея Палицына, который укрепился в Рамышевском острожке и парализовал действия шведско-новгородской администрации в районе Старой Руссы. Все попытки шведов захватить этот острожек были безуспешны. С огромным трудом войска Делагарди сумели отбить наступление москвичей на Ладугу и деблокировать эту крепость, тем самым вновь открыть дорогу с севера по Волхову к Новгороду. Переговоры в Выборге между новгородцами и шведами закончились провалом. Новгородцы не хотели признавать королем Густава Адольфа, не хотели унии со Швецией (как Польша и Литва по Люблинской унии, чего добивался Густав Адольф). А в самой Швеции на сейме в Эребру в январе 1614 г. сословия предложили королю Густаву Адольфу заключить мир с Москвой.

Учитывая все эти обстоятельства, Густав Адольф решил немедленно начать операции по захвату Гдова и Печерского монастыря, чтобы отрезать Пскову все пути продовольствия и заставить москвичей быть умеренными в своих требованиях на будущих мирных переговорах. Король не без основания надеялся, что Михаил Романов за признание его русским царем, согласится уступить шведам города Новгородской земли. В случае захвата Печер и Гдова в феврале 1614 г. шведы надеялись договориться с Москвой уже весной этого же года на условиях, о которых можно только гадать. Возможно, Печеры должны были стать разменной картой. Шведский король рассчитывал, что Москва согласится на шведские условия, даже на большие территориальные и финансовые потери, чтобы вернуть православную святыню. Однако поход Эверта Горна на Гдов в феврале 1614 г., как и два предыдущих в августе и октябре 1613 г., завершился провалом.

Решительнее шведские части действуют под Печерским монастырем. Этот поход шведов под Печеры в феврале 1614 г. предпринят был по приказу Якова Делагарди. Под Печерский монастырь были отправлены из Новгорода «Петр Лавин да Карбел» со своими частями (Pierre de la Ville, de Corobell, Jacob Bourgia). Пьер Делавиль и Якоб Коробелл, два француза на шведской службе, находились в России еще с 1609–1610 гг., участвовали в походе князя М.В. Скопина Шуйского на Москву. Об отправке отряда П. Делавиля и Я. Коробелла из Новгорода к Печерскому монастырю, мы узнаем из распроссанных речей «выходца римлянина Павла Иванова», которого псковский воевода

¹ О восстании в Тихвине, Гдове и Порхове см.: Курбатов О.А. Тихвинское осадное сидение. М., 2006; Рабинович Я.Н. Малые города Северо-Запада России в Смутное время (Гдов в 1610–1621 гг.) // Проблемы истории, филологии, культуры (ПИФК). Вып. 19. Москва-Магнитогорск-Новосибирск, 2008. С. 3–31; Он же. Порхов в противостоянии Пскова и Новгорода в Смутное время (1608–1617 гг.) // ПИФК. Вып. 20. Москва; Магнитогорск; Новосибирск, 2008. С. 3–31.

И.Ф. Хованский прислал в Москву 25 апреля 1614 г.¹ Через неделю, 3 мая 1614 г., «римлянин толмач Павел Иванов» получил из Казенного приказа государево жалование: «... 4 аршина сукна английского темно-синего ... за немецкий выход»².

В Москве, в Разрядном приказе, перебежчик П. Иванов рассказал: «В нынешнем 122 (1614) году в великий мясоед за четыре недели до масленицы немецкой воевода Петр Ловил да Карбел пошли из Великого Новагорода похваляясь под Печерский монастырь на взятие, а с ними французских, нерлянских и цысарских людей шестьсот человек». На пути к Печерам этот отряд остановился на время «во Мшаге от Новагорода пятьдесят верст». Из Мшаги Делаویل на один день съездил на совещание в Новгород для решения вопроса об оплате, где ему была уточнена дальнейшая задача. Г.А. Замятин писал, что «Пьер Делаویل ездил со Мшаги в Новгород, вероятно, с целью получить от Делагарди пополнение». Павел Иванов сопровождал Делавиля в этой поездке в Новгород и видел, как «немецкие люди из монастырей и от храмов за городом колокола все снимали, а хотят их везти за море»³.

После возвращения Делавиля из Новгорода во Мшагу, он пошел к Печерскому монастырю «изгоном», надеясь внезапной атакой, взорвав крепостные ворота, захватить монастырь. Ранее ему неоднократно удавались подобные мероприятия. В апреле 1610 г. Делаویل, используя петарды, сумел ворваться в Иосифо-Волоколамский монастырь, а в августе того же года – захватить Ладожскую крепость. Оба военачальника, Делаویل и Коробелл, в свое время отличились также при обороне крепостей: первый – полгода оборонял захваченную Старую Ладугу, а второй – удержал в своих руках Порховскую крепость⁴. Поэтому Яков Делагарди, отправляя в поход таких опытных воинов, был уверен в успехе. Часть своих больных людей Делаویل оставил в Порхове. 19 февраля 1614 г. им был выдан хлеб из государевых амбаров «по приказу немецкого воеводы Лавила»⁵.

Защитникам Печерского монастыря во главе с игуменом Иоакимом и келарем Онуфрием предстояло выдержать трудный экзамен.

События прошлых лет научили монастырских старцев быть осторожными. Важную роль игумен Иоаким отводил не только поддержанию вверенной ему крепости в боеготовом состоянии, но и агентурной разведке, сбору информации о противнике. Ещё 21 января 1614 г. один из Печерских жильцов, Васька Ларионов, прибыв из Нейгаузена, в расспросе сообщил Иоакиму важные сведения об отправке из Риги в Новгородскую землю новых войск, о том, что шведы посылают своих лазутчиков в Псков в псковские пригороды, о планах польского короля. Эти сведения «государева богомолья Печерского монастыря архимандрит Иоаким» на следующий день, 22 января, передал псковским воеводам, которые немедленно отписали об этом в Москву Новые сведения, что из

¹ Распросные речи выходца римлянина Павла Иванова о положении войска Якова Понтусова в Новгороде. После 25.4.1614 г. // АМГ. Т. 1 (1571–1634). № 82. С. 121.

² Расходная книга товарам и вещам 1613–1614 гг. // Приходно-расходные книги Казенного приказа // Русская историческая библиотека. Т. 9. СПб., 1884. С. 285.

³ Замятин Г.А. Борьба за Псков... С. 293; АМГ. Т. 1. № 82. С. 121.

⁴ См.: Мархоцкий Н. История Московской войны. М., 2000. С. 66; Делаویل П. Краткое рассуждение ... // Историографический сборник. Саратов, 2008. Вып. 23. С. 134; Рабинович Я.Н. «Псковское товарное дело» и восстание в Порхове против шведов в 1613 г. // Славянский сборник: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 7. Саратов, 2008. С. 26–36.

⁵ Книги расходные государевой хлебной казны в Порхове. 1614, февраль-июнь // Riksarkivet, Stockholm, Ockupationsarkivet från Novgorod (документы Новгородского оккупационного архива в Стокгольме) (RA, NOA). Serie 1:32. С. 2. (копии документов Новгородского архива любезно предоставлены автору Адрианом Александровичем Селиным).

Пернова идут «триста человек французских немец», сообщил лазутчик «крестьянин Рейнко, который посылан для вестей» из монастыря в Нейгаузен¹.

Также монастырь получал аналогичные известия от жителей Дерпта (Юрьева Ливонского), который в то время принадлежал Речи Посполитой, но проводил относительно самостоятельную политику, осуществлял торговые операции с псковичами и монастырскими старцами. Иоаким сообщал, что ему писал «...ливонского подстаростье Александр Рогоза о тех же немецких людех вести». Келарь монастыря Онуфрий 8 февраля 1614 г. отписал обо всех последних новостях псковским воеводам, которые, в свою очередь, сообщили об этом в Москву. Данное донесение было получено в Москве 28 марта, а уже 30 марта от царя Михаила Федоровича в Псков была отправлена грамота, в которой указывалось, чтобы «жили с великим бережением и вестей всяких проводывали и лазутчиков всяких посылали куды пригоже»². Однако в Москве, отправляя эту грамоту, по-видимому, ещё ничего не знали о событиях, которые произошли в середине февраля в Печерском монастыре.

Несмотря на принятые Иоакимом меры предосторожности, прибытие отряда Делавиля к монастырю 10 февраля 1614 г. оказалось неожиданным для местных жителей³. Во всяком случае, многие крестьяне не успели укрыться за стенами монастыря, не успели спрятать или эвакуировать имущество, живность, лошадей. В отписке Иоакима царю сообщалось, что отряд Делавиля, трижды пытался взять монастырь (12, 14 и 16 февраля), но каждый раз враги встречали сильный отпор. Иоаким писал царю: «Благоверному и христоробивому государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея русии, изо Пскова твоего государева царского богомолья Успенья Пречистые Богородицы Печерскаго монастыря чернцы архимарит Иоаким с братиею Бога молим и челом бьем». Далее в отписке излагаются подробности трех штурмов монастыря. Название данного документа не совсем верно отражает суть дела: причислять французов Делавиля, находящихся на шведской службе, к «литовским людям» нет никаких оснований⁴.

Первый штурм «Петр Лавин да Карбел с французскими немцы» предприняли 12 февраля 1614 г. Они пришли «в девятом часу дни (т.е. уже ближе к вечеру, в сумерках, после захода солнца. – Я.Р.) с конными и с пешими и со многими людьми изгоном и забежью вломилися в острог», однако монахи «с ратными людьми, и с стрельцы и со всеми православными христианы, затворив городовую железную решетку», вступили в бой в воротах, стреляли «с стены из наряду и камнем до ночного часу». Главный удар врага был направлен на Святые ворота. В ходе штурма французы побили и ранили многих старцев, служек и стрельцов, но все же вынуждены были отступить. Защитники монастыря во время этого боя у Святых ворот отбили у французов «пинарду целую с зельем и с доскою».

После неудачного первого штурма французы «стали около монастыря на гостином и на конюшем дворе и в слободке Палковке». Монастырь оказался в осаде. Французы многих печерских крестьян с женами и с детьми побили или взяли в плен; а «на конюшем дворце и на селцех монастырские лошади и всякую животину поимали».

¹ Отписка Псковских воевод Ивана Хованского да Никиты Вельяминова и Василия Корина о вестях про Литовских и Немецких людей, что они, соединившись, намерены вместе воевать Русскую землю 1614 г. // АМГ. Т. 1. № 67. С. 103

² АМГ. Т. 1. № 67. С. 104.

³ Дата прибытия французов к монастырю приведена в царской грамоте архимандриту Иоакиму от 5 апреля 1614 г. См.: АМГ. Т. 1. № 67. С. 103–105.

⁴ Отписка их Псково-Печерского монастыря архимандрита Иоакима с братией о троекратном приступе Литовских людей к монастырю и об отбитии их. 1614 г. // АМГ. Т. 1. № 71. С. 108.

Через день, 14 февраля, но уже «в восьмом часу ночи», французы вторично пошли «на приступ всеми людьми». Теперь удар врага был направлен с северной стороны к двум воротам: к Никольским и у Нижних решеток. Французы наступали «с санными возами и с приметы за щитами и с пинарды». Согласно донесению Иоакима, воины Делавиля «у Никольских ворот выбили пинардами острожные ворота и острог сломали». Тем не менее, защитники монастыря отбили все приступы неприятеля; французы потеряли «у Нижних ворот две пинарды целы с зельем и с досками».

16 февраля «в седьмом часу ночи» французы повели атаку на монастырь в третий раз с двух сторон: «с Никольской да с Сборской стороны». Ударам подверглись северные Никольские и юго-восточные Изборские ворота: враги приходили «с санными возы под стену за щитами с клевцами и с кирки и с ломы, и пробии городовую стену, а промеж возов просе(кли?) землю и хотели вести подкоп». Однако и на этот раз защитники монастыря нападающих «из наряду, и камнем, и катками многих побии и поранили, и от города отбили, а щиты у них, и клевцы, и кирки, и ломы поимали и санные возы сожгли»¹.

Об этом штурме монастыря 12–16 февраля писал шведский королевский историограф Юхан Видекинд: «Делаویل и Коробелл всерьез и храбро бросились на приступ, так что ворота отворились; но, бросившись на приступ, они не обратили внимания на опущенные решетчатые ворота. При этом несколько человек наших были убиты, между ними и брат Делавиля»².

Сведения об этих же событиях приводит Эверт Горн в своем донесении королю Густаву Адольфу из Нарвы от 19 февраля 1614 г. Э. Горн писал, что Делаویل во время приступа не обратил внимания на ворота, которые упали, поэтому некоторые из шведов и были убиты. «Куда он теперь направился, я не могу знать»³.

Французы, потерпев троекратную неудачу, «пошли прочь в Литовскую землю мимо Новой городок похваляючися, что хотят быть с болшими людьми и с нарядом под Печерский монастырь на осаду». Часть наемников Делавиля отделилась от основных сил и отправилась на родину, в «Цесарскую землю»: «А из Печерского монастыря пошло немецких людей в свою землю сто тридцать человек»⁴.

О потерях французов в ходе штурма монастыря мы узнаем из распросс-ных речей выходца Павла Иванова: «Под Печерским монастырем немецкаго воеводку Карбела ранили да Петрова брата Лавилова убили, а немецких людей побии и поранили с двесте человек, и ныне де с Петром Ловилом немецких людей только с полтреяста (около 250. – Я.Р.) человек, а стоять им в Наугородском уезде на заставе в Воцкой пятине на городце»⁵.

Гибель любимого брата, который в 1611 г., взятый новгородцами в плен под Ладогой, чудом остался в живых, большие потери среди личного состава (200 воинов), ранение «немецкаго воеводки Карбела», а также отсутствие продовольствия вынудили Делавиля снять осаду монастыря. Отступление французов от монастыря произошло 21 февраля: «...февраля в 21 день в пятом часу ночи немецкие воеводки со всеми немецкими людьми, зажегши свой стан, пошли в Литовскую землю мимо Новой городок»⁶. Делаویل направился со своими воинами в Дерптское епископство, разоряя все на своем пути, на что позд-

¹ АМГ. Т. 1. № 71. С. 108.

² Видекинд Ю. Указ. соч. С. 311.

³ Замятин Г.А. Борьба за Псков... С. 294.

⁴ АМГ. Т. 1. № 71. С. 108; № 82. С. 121.

⁵ АМГ. Т. 1. № 82. С. 121.

⁶ АМГ. Т. 1. № 67. С. 105.

нее жаловались на переговорах Габриэлю Оксеншерна польские представители¹.

Если Эверт Горн не знал, куда направился Делаویل со своими людьми после неудачи под Печерами, а Видекинд писал о пребывании французов на территории Литвы возле Дерпта, то русские источники позволяют уточнить дальнейший маршрут этого французского полковника на шведской службе. В распросных речах новгородского посадского человека «Ивана Филатова сына Железникова», которого новгородцы отправили по указанию Якова Делагарди для переговоров с московским воеводой князем Д.Т. Трубецким, сказано, что под Печерским монастырем Муксоловила и Карбеля государевы люди побили и с тово бою на Сборное воскресенье (неделя христоявления православия в 1614 г. приходилась на 13 марта) Муксоловил пришел в Новгород при нем Иване с невеликими людьми². Известно, что с 29 марта по 27 апреля 1614 г. в Порхове выдавался хлеб «на воеводу на Петра на Лавила порутчику и трем ротмистрам Муторзию и Декарю и Лабуртанилу и приказным и рядовым солдатам»³.

Игумен Иоаким отправил в Москву царю Михаилу Федоровичу 27 февраля с сеунчем (радостной вестью о победе) монастырских служек Данилку Иванова и Сеньку Сотникова⁴.

В ответной грамоте царя Михаила Федоровича игумену Иоакиму подчеркивалось, что «такая победа над немецкими людьми учинилась, место от иноверцов освободилось, по милости всемогущего, в Троице славимого бога и пречистыя Богородицы помощью и всех святых молитвами, а нашим царским счастьем, а вашими молитвами и раденьем, а ратных всяких людей прямою к нам службой и раденьем». Царь предписывал архимандриту с братьею, чтобы они в монастыре «жили с великим береженьем и осаду укрепляли накрепко и наряд по городу, в которых местех пригоже, велели поставить, и ратных и всяких людей по городу велели росписать, и места осадным и всяким людям, где кому в осадное время быть, велели указать», словом, предписывалось быть в полной готовности. В случае появления врагов (шведов или поляков) монахи должны были писать в Москву, в Псков и в псковские пригороды воеводам, а сами обязаны были «сидеть в осаде крепко и над врагами промышлять по мере сил»⁵.

Царь не отправлял немедленно ратных людей на помощь монастырю, он ограничивался обещанием: «А мы по вестем ратных людей в Печерский монастырь велим послать изо Пскова и изо псковских пригородов и велим вам помогать и над немецкими и над литовскими людьми промышлять, сколько милосердный Бог помочи подаст».

К сожалению, источники почти ничего не сообщают о простых защитниках монастыря. Нам неизвестны имена героев, которые не щадили своей жизни, чтобы отстоять монастырь от врага (игумен, келарь, жилец, крестьянин, несколько служек – вот и всё, что сообщают источники). Поэтому стоит привести имена ещё двух служилых людей, которые получили награды именно за Печерскую службу. Это помещик Водской пятины Гурьев Павел Афанасьев и псковский помещик Татьянан Макарь Иванов. В Кормленной книге Галицкой Четверти указано, что им было придано к старому окладу по 1 – 2 рубля. М.А. Татьянан

¹ Видекинд Ю. Указ. соч. С. 493; АМГ. Т. 1. № 67. С. 103–105.

² Замятин Г.А. Борьба за унию Новгорода со Швецией в 1614 году (Очерк III докторской диссертации «Очерки по истории шведской интервенции в Московском государстве начала XVII века») // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 618. Карт. 2. № 3.

³ Книги хлебной раздачи в Порхове Ивана Селиванова. 1614, март-сентябрь // RA, NOA. Serie 1:82. С. 5.

⁴ АМГ. Т. 1. № 71. С. 108

⁵ АМГ. Т. 1. № 67. С. 105.

получил придачу уже в мае 1614 г., а П.А. Гурьев – в мае 1616 г. Макар Татьянин отличился ранее при обороне Гдова в 1613 г., «за Гдовскую службу и осадное сиденье велено давать из чети вновь 5 рублей»¹.

Сведений о том, что происходило в Печерах в 1615-1616 гг., сохранилось мало. Защитники монастыря зимой-весной 1615 г. способствовали разгрому шведских войск Эверта Горна под Псковом. Попытка шведов установить блокаду Пскова со стороны Ливонии закончилась провалом, в мае 1615 г. шведский лагерь недалеко от Печерского монастыря был уничтожен. Даже во время осады Пскова королем Густавом Адольфом в августе-октябре 1615 г. казаки из Печер совершали далекие рейды в сторону Гдова, умудряясь переправиться на восточный берег в наиболее узком месте между Чудским и Псковским озером. По словам Видекинда, 300 казаков разбойничали в сентябре и октябре под Гдовом. Они же напали на Аллентакен. Голландские послы, которые в октябре 1615 г. направлялись к Пскову, осажденному войсками Густава Адольфа, сообщали, что после проезда Гдова они вынуждены были двигаться далее с осторожностью в сопровождении большой охраны, чтобы проехать в один день через опасный лес. Кого так опасались послы, когда впереди перед ними был Псков, плотно осажденный шведским королем? Оказывается, в этом лесу, который простирался более чем на 10 миль, «ежедневно несколько человек убивают и грабят русские, приходящие сюда через Пейпусское озеро из Печоры, значительного монастыря по ту сторону Пскова»².

В начале сентября 1616 г. Печеры и защитники монастыря вновь оказались в центре событий. Шведский военачальник Карл Гюлленельм предпринял очередной поход к Пскову. Потерпев неудачу у стен города, шведы устроили лагерь в устье реки Великая, где построили мощное укрепление с гарнизоном из 700 воинов. Для обеспечения этого гарнизона продовольствием в сторону Изборска и Печер был отправлен специальный конный отряд в 500 всадников во главе с Патриком Рутвенем. Однако защитники монастыря и Изборска не дали шведам осуществить свои планы. Гюлленельм, говоря о неудаче этой «продовольственной экспедиции», писал, что вся местность в округе разорена, продуктов достать негде. Он умолчал о нападениях на этих фуражиров защитников Печер и Изборска. Шведская конница вынуждена была отступить к Гдову, оставив гарнизон укрепления в Устье на произвол судьбы. Защитники Печер и Изборска не только обеспечили блокаду шведского укрепления со стороны Ливонии, но и приняли активное участие в ликвидации этого вражеского лагеря. Отрядом псковичей командовал воевода Изборска Григорий Степанович Бобров. В декабре 1616 г. шведский гарнизон в Устье капитулировал, изнывая от голода. Псковичам достались богатые трофеи, в том числе вся артиллерия шведов. Перед этим Печерские старцы через своих разведчиков сообщили воеводе Боброву, что к шведам на выручку движется из Дерпта крупный отряд (до 500 солдат). Остатки вражеского гарнизона после капитуляции были отпущены на родину. Встретив по пути отряд, спешивший к ним на помощь, солдаты из этого укрепления (в основном финны) едва не были перебиты своими товарищами, считавшими их предателями. Эти события происходили уже после

¹ Кормленная книга Галицкой Четверти 7121–25 гг. (1613–1617) // Четвертки Смутного времени. 1604–1617 гг. (Смутное время Московского государства. Вып. 9) / Сост. и пред. Л.М. Сухотина // Чтения в Обществе истории и древностей Российских при императорском Московском университете. 1912. Кн. 2. С. 101, 170.

² Видекинд Ю. Указ. соч. С. 375, 346 (карта); Донесения нидерландских посланников о посольстве в 1615–1616 гг. в Швецию и Россию // Сборник Русского Исторического общества. СПб., 1878. Т. 24. С. 40.

подписания в Ладогe предварительных условий мирного договора, по которому прекращались все боевые действия между русскими и шведами¹.

Значение героической обороны Псково-Печерского монастыря, как и Гдова, очень велико. После провала попыток Эверта Горна и Пьера Делавиля овладеть в феврале 1614 г. данными крепостями, шведы временно вынуждены были отказаться от похода на Псков; псковичи получили некоторую передышку и сумели лучше подготовиться к отражению наступления короля Густава Адольфа в 1615 г. В свою очередь, поражение шведов под Псковом способствовало началу мирных переговоров в Дедерино и заключению Столбовского Вечного мира, который современники считали довольно выгодным для России. По этому поводу С.М. Соловьев писал: «В Москве и Стокгольме были очень довольны Столбовским миром; возвращение Новгорода и избавление от шведской войны при опасной войне с Польшей делали нечувствительною потерю нескольких городов: теперь было не до моря!»².

¹ Подробности событий 1616 г. под Псковом см.: *Замятин Г.А.* Борьба за Псков между Московским государством и Швецией... С. 360–388; *Рабинович Я.Н.* Последний подвиг Пскова в Смутное время: Псков в 1616 году // Историческая память и общество: эпохи, культуры, люди: Материалы науч. конф., посвящ. 90-летию ист. образования в Сарат. ун-те / Под ред. проф. А.Н. Галямичева. Саратов, 2008. С. 16–18.

² *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // Соч. в 18 кн. Кн. V. Т. 9. М., 1995. С. 101.

ОТНОШЕНИЕ ФРИДРИХА II К ВОЙНЕ

Фридриха II считают представителем «просвещенного абсолютизма» - политики следования идеям Просвещения. Воспитанные на идеях философии XVIII в., «просвещенные монархи» поддерживали учение об «общем благе». Путем достижения этого блага должны были послужить преобразования, которые охватывали разные области администрации, финансов, суда, умственной жизни, церкви, наконец, область сословных отношений. То есть эта политика предполагала в первую очередь решение внутривнутриполитических проблем. Тем не менее первый год восшествия Фридриха II на престол ознаменовался началом войны за австрийское наследство, затем следовало участие Пруссии в Семилетней войне и в войне за баварское наследство. Такая «воинственность» «просвещенного монарха» нуждается в пояснениях.

Необходимо учитывать тот факт, что политика его предшественника отличалась милитаристской направленностью. Действительно, Фридрих Вильгельм I много внимания уделял армии, в исторической литературе за ним даже закрепилось прозвище «фельдфебель на троне». Что касается Фридриха II, то интересно отметить следующее: послы иностранных государств, составившие свое мнение о нем как из непосредственного общения с монархом, так и из настроений, царивших при дворе, отмечают нелюбовь Фридриха II к военным делам. Так, французский посол в Берлине лорд Тирконнелл писал, что король «ненавидит все, что называется военным искусством. Несмотря на это, он преодолевает себя и может даже всерьез заболеть, если не будет лично командовать парадом, который он проводит ежедневно, и если не будет заниматься деталями службы»¹. Такие «жертвы», по наблюдениям того же посла, необходимы, поскольку Фридрих II убежден, что этим он импонирует Европе и что так он поддерживает строгую дисциплину в своей армии². «Король рассматривает это как необходимое условие своей славы и как основу власти. Без таких веских причин он, вероятно, покорился бы своей естественной склонности к уединению и полностью посвятил бы себя литературе, поэзии и музыке»³. Возможно, лорд Тирконнелл несколько идеализирует личность Фридриха II, но мысль о том, что королю вовсе не нравится заниматься военным делом, встречается не только у него.

Так же и следующий французский посол Ниверне сообщал о Фридрихе II: «Из-за его военного успеха и удачной аннексии богатой провинции общественность приписала ему страсть к завоеваниям, но я думаю, что это неправда. От природы он любит развлечения и покой и боится хлопот и напряжения. Если он изо дня в день и мучается тем, что заставляет свои войска маневрировать, то это противится его склонностям»⁴. По мнению Ниверне, в этом состоял долг короля, поскольку безопасность государства зависела от состояния армии, поэтому король, считает французский посол, и преодолевал свое нежелание и нес службу штаб-офицера⁵. Ниверне отмечает, что милитаризм проявлялся даже в его одежде: «Почти всегда он в сапогах и не носит другого костюма, кроме гвардейской формы. Во всем он представляет военную сущность...»⁶. Ниверне

¹ Lord Tyrconnell über Friedrich II // Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte der Neuzeit. B. XXII. Friedrich der Grosse. Darmstadt, 1982. S. 554.

² Ibidem.

³ Ibidem.

⁴ Nivernais über Friedrich II // Ausgewählte Quellen zur deutschen Geschichte der Neuzeit. Band XXII. Friedrich der Grosse. Darmstadt, 1982. S. 560.

⁵ Ibidem.

⁶ Ibid. S. 561.

определяет цель, из-за которой Фридрих II ведет такой образ жизни. По его мнению, подобным образом король «желает у своих войск, подданных и соседей укрепить убежденность в совершенстве... прусских военнослужащих, и через эту убежденность он надеется обрести спокойствие»¹. Король «воображает, что тогда никто не осмелится на него напасть, ведь он слишком этого боится, поскольку чувствует, что его страну при ее положении трудно защищать»². Дело в том, что Пруссия в тот период была государством, состоящим из отдельных частей, отделенных друг от друга другими странами. В случае военной угрозы защищаться такому государству действительно сложно. Потому Ниверне считает, что у Фридриха II нет склонности к войне, и что он ее даже боится. Но вместе с тем, король «никогда не позволит напасть на себя... У него твердое намерение всегда опережать своих врагов и нарушать их планы неожиданным нападением»³. Вероятно, это его мнение означает, что войны Фридриха II были оборонительными, даже если прусский король напал первым. Интересно, что Ниверне писал это в 1756 г. – в год начала вооруженного конфликта с участием Пруссии, причем «просвещенный монарх» первым начал военные действия, внезапно вторгшись в Саксонию.

Подводя итог 46-летнему правлению Фридриха II, граф Эстерно, также французский посол в Берлине, писал, что король искал выгоду, которую приносят войны, а не желал войну саму по себе, и потому всегда заключал мир, как только представлялся случай. Эстерно пишет, что за все время его правления было только 12 военных лет⁴.

Взгляды короля на проблему войны лучше всего отображены в его «Речи о войне»⁵. С одной стороны, Фридрих II осуждает ее, пишет о ее последствиях: «поле битвы, усеянное конечностями, ярость дикого солдата, умывающегося кровью своего врага, оставленные вдовы, сироты... все это сюжеты, которые вызывают ужас и наполняют чувствительные сердца болью»⁶. В то же время он оправдывает войны оборонительные, которые ведутся для защиты отечества: «война сама по себе – это не кровавая баня или существо, вызывающее ужас, а это справедливая защита угнетенных от тиранов»⁷.

Осуждая разрушительные последствия войны, Фридрих II считает ее, тем не менее, в некоторых случаях необходимой. Так, по его мнению, война несет в себе материальные преимущества, ведь она кормит большое количество людей, которые иначе остались бы без средств к существованию, поскольку, пишет король, нет ремесла, которого она не развивала бы⁸. То есть война предоставляет возможность заработать не только солдатам, которые непосредственно получают жалование за службу, но и людям, казалось бы, не имеющим прямого отношения к боевым действиям. Еще одно положительное явление, которое приносит война, считает Фридрих II, заключается в том, что она позволяет правителям найти средство устранить праздность и занять бездельников. «Если последние ничего не хотят делать, не подчиняются строгим законам и не служат пользе государства, то война их закалит и вынудит против своих естественных склонностей внести свой вклад в счастье и спокойствие государства»⁹. Иначе говоря, поддержание страны в военном состоянии – хо-

¹ Nivernais über Friedrich II. S. 561.

² Ibidem.

³ Ibidem.

⁴ Graf Esterno über Friedrich II // Ausgewählte Quellen... S. 564–565.

⁵ Friedrich II. Rede über den Krieg. URL: <http://www.friedrich.uni-trier.de/de/jost/418-o2/>

⁶ Ibidem.

⁷ Ibidem.

⁸ Ibidem.

⁹ Ibidem.

рошее средство сохранения государства, поскольку оно защищает его как от вторжения соседей, так и от внутренних беспорядков.

Фридрих II пишет, что если не будет войны, то дворянам нечем будет заняться, ведь она им так же необходима, как крестьянину работа. Кроме того, жизнь в праздности и роскоши очень вредна, и если долгое время не будет войны, то государству грозит упадок¹. В подтверждение своего мнения король приводит судьбу римлян: «Пока народ работал, заботился о военной службе, вел войны, он рос... и породил великих мыслителей, посвятивших себя благу государства, так что тот город, через стены которого вначале легко можно было перепрыгнуть, в скором времени стал повелителем над всем миром. Но как только там стала господствовать роскошь, и остались лишь бездельники, они, движимые своими страстями, погубили государство»². Еще одним примером, по мнению Фридриха II, служит Голландская республика: возвыситься она смогла только благодаря войне³. То есть, по его мнению, война необходима для развития, без нее государство погибает.

В «Истории Бранденбургского дома» в главе, посвященной истории вооруженных сил, Фридрих II предлагает обстоятельную характеристику состояния военного дела, доставшегося ему в наследство⁴. Признавая заслуги своих предшественников, король в таблицах приводит показатели количественного роста армии после каждого правителя⁵. Особого внимания, разумеется, удостоился отец Фридриха II Фридрих Вильгельм I, много сделавший для улучшения положения в прусской армии. Большое значение для реорганизации армии имел воинский устав, который определял многие детали воинской службы⁶. Кроме того, Фридрих Вильгельм I укоротил форму у пехоты, дабы облегчить ей поход, дал ломовых лошадей, везших палатки солдат, учредил в каждой провинции кладовые, используемые в случае неурожая или в военное время в качестве складов, разделил страну на округа, каждый из которых формировал полк и т. д.⁷ Вместе с тем Фридрих II отмечает и негативные составляющие деятельности отца. Например, чрезмерную увлеченность Фридриха Вильгельма I поиском и привлечением на службу очень высоких людей⁸. Ведь его «кавалерия, как и пехота, состояла из очень высоких людей на необычайно крупных конях; сплошь колоссы на слонах, несведущие ни в маневрировании, ни в сражении,.. они не могли управлять своими лошадьми, и их офицеры не имели понятия о кавалерийской службе, об идее войны, не имели никаких знаний ни о местности, ни о теории, ни о практике, которую кавалерия должна проводить в день битвы. Эти офицеры были экономистами, смотревшими на свои роты как на предмет аренды, который по возможности сдавали за высокую цену»⁹. По мнению Фридриха II, долгий мир привел к тому, что военная служба находилась в состоянии упадка: солдаты занимались тем, что полировали свои ружья и снаряжение, кавалеристы чистили уздечки, седла и свои сапоги, гривы коней были заплетены лентами и, как пишет Фридрих II, если бы мир не был нарушен в 1740 г., то армия наверняка бы уже пользовалась гримом¹⁰. Получается, что война была необходима для предотвращения разложения армии.

¹ Ibidem.

² Friedrich II. Rede über den Krieg.

³ Ibidem.

⁴ Friedrich II. Vom Militairwesen, vom Anfange an bis zur Regierung Friedrich Wilhelms. URL: <http://www.friedrich.uni-trier.de/de/jost/60/>

⁵ Ibidem.

⁶ Ibid. URL: <http://www.friedrich.uni-trier.de/de/jost/65/>

⁷ Ibidem.

⁸ Ibidem.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Ibid. URL: <http://www.friedrich.uni-trier.de/de/jost/66/>

Кроме того, что война – это средство решения внутри- и внешнеполитических задач, для короля она была еще и наукой, и искусством. По его мнению, изучение военного искусства оказывает большое влияние на другие науки, такие как механика, физика, которые, вне всякого сомнения, стали совершенствоваться в связи с их использованием в военном деле и получением благодаря войне новых опытных знаний¹. Кроме того, король считает, что нет отрасли знаний, которая бы упражняла человеческий ум так хорошо, как это делает военное искусство, ведь любая другая наука оставляет ученому время поразмышлять, а военачальник часто лишен этой возможности². Действительно, в военное время события сменяются слишком быстро, а потому действовать необходимо также быстро и наверняка, а это требует большого напряжения, и умственного, и физического.

Фридрих II считал, что успех военного предприятия заключается не только в таланте полководца и его умении оперативно принимать решения, но в ответственности его подготовке, в коей большое внимание уделяется обучению будущего командного состава. Большую роль в этом призвана была играть Рыцарская академия в Берлине, ее цель Фридрих II видел в обучении молодых благородных людей необходимым профессиям, к которым относил военное искусство и государственную службу. Король сам определял, чему и как учить в этом образовательном учреждении. Среди прочих особо важными предметами были история и математика. Причем история ценилась не сама по себе, в ней очень важное место отводилось воспитательному моменту. «Недостаточно, если профессор истории просто учит, он должен каждые последние полчаса занятия использовать для беседы с молодыми людьми, ему следует спрашивать их о материале, который он им прочитал, и стараться “вытянуть” из них моральные, политические и философские соображения. Это будет для них полезнее всего того, что они выучили»³. Также необходимо на занятиях приводить примеры из истории, чтобы «возбудить в них горячую любовь к своему отечеству»⁴. Что касается математики, то, по мнению короля, важно понимать следующее: не нужно воспитывать Ньютонов, для учеников самое полезное – это тригонометрия и фортификация, которые необходимы для улучшения военного дела, а потому им следует уделять главное внимание⁵.

За время правления «просвещенного монарха» произошел рост абсолютной численности армии, но за все время пребывания его на престоле относительные показатели доли военнослужащих в общем населении Пруссии даже несколько сократились, по разным данным, от 4 % до 3,7 % или до 2,65 %⁶. Тем не менее для Фридриха II главное – качественные показатели, достигаемые необходимыми занятиями. Для этого войска ежегодно проводили лагерное обучение: «пехота делала различные обороты, построения, нападения на равнинах, атаки крепостей, переправы через реки... конница производила различные сжатые и рассыпные атаки,.. построения и нападения на назначенные и предписанные им места»⁷. В своих «Генеральных принципах ведения войны», написанных после Второй Силезской войны, король выступает как теоретик и

¹ Friedrich II. Rede über den Krieg. URL: <http://www.friedrich.uni-trier.de/de/jost/418-o2/>

² Ibidem.

³ Friedrich II. Unterricht für die Direktion der Ritterakademie in Berlin. URL: <http://www.friedrich.uni-trier.de/de/jost/424/>

⁴ Ibidem.

⁵ Ibid. URL: <http://www.friedrich.uni-trier.de/de/jost/425/>

⁶ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Т. 1.

URL: <http://militera.lib.ru/science/svechin2a/index> (дата обращения 24.06.2010).

⁷ Фридрих Второй. Повествование о семилетней войне // Оставшиеся творения Фридриха Второго короля Прусского. СПб, 1790. Т. 3. С. 7.

практик военного дела¹. Используя свой опыт, он поясняет, наставляет, приводит примеры того, как переходить реку, как обратить врага в бегство, пишет о выборе местности для битвы и т. д.² Но если для солдата самой важной добродетелью являлось послушание, то для офицера этого было недостаточно. Последнему, пишет Фридрих II, «необходимо использовать все средства, чтобы выяснить намерения врага и суметь их предотвратить и в зависимости от обстоятельств атаковать и ослабить противника. Главным правилом он должен считать то, что не следует ничего исполнять без рвения и отваги»³.

Фридрих II в своих сочинениях и инструкциях прописывал все возможные действия военнослужащих. Но это вовсе не означает, что королю очень нравилось заниматься армией. Все его сочинения и инструкции появлялись или в военные годы, когда в этом возникала необходимость, или, как «Генеральные принципы ведения войны», были написаны по итогам боевых действий. Вероятно, они являются свидетельством того, о чем сообщали современники короля: он все свои дела, в том числе военные, ведет сам, уделяя внимание даже мелочам⁴.

Таким образом, несмотря на неприязненное отношение к военному делу, Фридрих II был вынужден им заниматься, поскольку в его понимании война есть способ разрешения не только внешнеполитических, но внутригосударственных проблем, даже своего рода условие поддержания государственности и жизнеспособности нации. Кроме того, военное искусство для него – это наука и, возможно, даже главная из наук, поскольку лучше всех упражняет ум.

¹ Friedrich II. Die General-Principia vom Kriege Friedrich II. // Ausgewählte Quellen... S. 265.

² Ibid. S. 264–316.

³ Friedrich II. Geheimer Unterricht Friedrichs II. für die Offiziere der Armee, besonders die der Cavallerie. URL: <http://www.friedrich.uni-trier.de/de/jost/565-o2/>

⁴ Valory an d' Argenson // Ausgewählte Quellen... S. 551.

УЗЕНСКАЯ ВОЛОСТЬ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ЭПОХУ ВОЕННЫХ КАМПАНИЙ РУССКОЙ АРМИИ НАЧАЛА XIX в.

В начале XIX в. Россия практически одновременно вела четыре военные кампании: на юге – против персов (главным образом в Закавказье, 1804–1813 гг.) и турок (на Кавказе, Дунае и Балканах, 1806–1812 гг.), на севере – против шведов (в Финляндии, 1808–1809 гг.), а на западе в составе европейских коалиционных войск – против наполеоновской Франции (1805–1807 гг.). И хотя отличительной особенностью этих войн было то, что военные действия происходили вне пределов самой России, они, тем не менее, требовали немалых человеческих и материальных ресурсов. А поэтому рекрутские наборы, на основе которых осуществлялось комплектование и пополнение русской армии с петровских времен, проводились ежегодно.

Для крестьян Узенской волости, образованной в 1801 г. и включавшей восемь поселений (село Чертанлу, крепость Узень, слободы Александров Гай, Малый Узень и Новотроицкую, а также деревни Орлов Гай, Алтату и Осинов Гай), войны начала XIX в. обернулись особо суровыми испытаниями. Ведь ее жители в эти годы не были в полном смысле этого слова коренным населением, они переселились на реки Большой и Малый Узени из разных мест Российской империи лишь в конце XVIII – начале XIX в., что, естественно, не позволило им еще основательно адаптироваться и вполне обустроиться на новых местах.

К 1812 г. во всех узенских селениях насчитывалось около 2700 человек мужского пола, причем примерно лишь треть из них принадлежала к той возрастной категории, из которой набирались рекруты, – эта была самая трудоспособная часть населения. Вследствие чего рекрутские наборы крайне негативно отражались на крестьянском хозяйстве, ведь служба продолжалась в течение 25 лет. К тому же, на плечи крестьянских обществ ложились все затраты по экипировке, транспортировке к местам предварительного сбора и обеспечению продовольствием новобранцев вплоть до их доставки к месту службы. Поэтому рекрутчина была одной из самых тяжелых повинностей для податных слоев населения.

По весьма приблизительным подсчетам, за 1803–1806 гг.¹ (74–77 рекрутские наборы по общей нумерации) крестьяне пяти узенских селений (за исключением Алтаты, Крепости Узени и Осинова Гая, по которым не удалось обнаружить сведений) поставили в регулярную российскую армию не менее 27 человек. Из Александрова Гая было призвано 6 человек (Лагуткин Иван Герасимович (20)²; Масляков Иван Кирсанович (24); Масляков Федор Никитич (27); Назаров Гурьян Карпович (31); Тимофеев Антон Афанасьевич (17); Филатов Савелий (27)), из Малого Узеня – 8 (Алексеев Родион, Гаврилов Василий, Кондратьев Иван, Кондратьев Матвей Филиппович, Родионов Евдоким, Слuzов Василий Яковлевич, Тимофеев Данила Васильевич, Юдин Сергей Никитич), из Новотроицкой (Куриловки) – 3 (Минаев Лаврентий Ермилович (21); Медунов Архип Селеверстович (28); Романов Лифантий Иванович (25)), из Орлов Гай – 2 (Далматов Петр Григорьевич (19); Петров Карп (21)) и из Чертанлы – 8 человек (Алаев Дмитрий Михайлович (20); Иванов Алексей (19); Мухин Аким Галактио-

¹ В царствование Александра I первый рекрутский набор был объявлен 9 (21) сентября 1802 г. с целью «поставить войска наши в полное их для мирного времени определенное количество». – См.: Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ-1). Т. XXVII. С. 251. Согласно императорскому указу, с каждых 500 душ мужского пола следовало поставить по 2 рекрута. По Узенской волости данных по этому набору выявить не удалось. Скорее всего, 73 рекрутский набор не коснулся узенских крестьян.

² Далее по тексту в скобках после фамилии рекрута указан его возраст.

нович (21); Рогов Иван Романович (27); Рудометов Иван Никитич (18); Тарасов Кузьма Савельевич (24); Токарев Дмитрий Афанасьевич (19); Шаламанов Мартын Иванович (24))¹.

По всей видимости, если не все, то большая часть рекрутов из Узенской волости по этим наборам направлялись на Кавказскую линию, то есть в полки, действующие против персов и турок².

Но сколь ни важным с геополитической точки зрения было южное направление внешней политики России, приоритетным все же оставалось западное направление. Здесь русская армия совместно с союзническими войсками вела военные действия против Наполеона, окончившимися после ряда поражений подписанием Тильзитского мирного договора (июнь 1807 г.). Однако Россия продолжила наращивать свою военную мощь в западных районах. В значительной степени это было связано с резко обострившимися русско-шведскими отношениями, вскоре переросшими в полномасштабную войну, вновь потребовавшую мобилизации значительных ресурсов³.

31 августа (12 сентября) 1808 г.⁴ последовал очередной указ императора о 78-ом наборе. В этот раз Узенская волость выставила по одному рекруту от четырех селений: Александрова Гая (Чурикова Ефима Матвеевича (20)), Крепости Узени (Михайлова Василия Акинфиевича (35)), Новотроицкой (Иванова Кузьму Ивановича (23)) и Чертанлы (Полеваева Силантия Сергеевича (21))⁵.

С осени этого года в российской армии для вновь прибывших рекрутов вводилось новшество: прежде чем распределить новобранцев по полкам их следовало в обязательном порядке размещать в созданных рекрутских депо – своего рода учебных пунктах, где они не менее восьми-девяти месяцев постигали «главные правила военной службы» и приобретали «навык к жизни солдатской»⁶.

Все рекруты Саратовской губернии этого набора были отправлены в четыре депо, два из которых находились в Минской и два – в Брянской и Волынской губерниях. Они предназначались для пополнения 4-й и 7-й пехотных дивизий 1-й Западной армии, 6-й пехотной дивизии Финляндского корпуса и 8-й пехотной дивизии Дунайской армии. Куда конкретно были распределены новобранцы из Узенской волости – сказать сейчас невозможно. Но одно бесспорно: все перечисленные воинские формирования примут самое активное участие в Отечественной войне 1812 года.

Исключительно в западный регион (в Брянское депо) отправлялись рекруты Саратовской губернии 1809 и 1810 гг. призывов. Очевидно, они также поступали для пополнения 1-й Западной армии и Финляндского корпуса, которые первыми вступят в бои с наполеоновской армией при ее вторжении в Россию.

По 79-му и 80-му наборам из Узенской волости (за исключением Крепости Узени, Алтаты и Осинава Гая) было призвано 34 человека. Слободы Алек-

¹ См.: Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 28. Оп.1. Д. 150. Л. 152–181 об., 186–192, 200–203, 858–859, 872–872 об.; Д. 156. Л. 7–10 об., 36–40 об., 670–674, 683–700, 773–796 об., 866–869.

² Известно, что рекруты Саратовской губернии по 75-му (1804 г.) и 77-му (1806 г.) наборам целевым назначением направлялись на Кавказскую линию. – См.: *Тотфалушин В.П.* Саратовский край и наполеоновские войны: К 200-летию Отечественной войны 1812 года. Саратов, 2011. С. 52. Узенская волость по этим наборам поставила 19 рекрутов. Куда были направлены еще 8 рекрутов, призванных по 74-му (1803 г.) и 76-му (1805 г.) наборам, определить не удалось.

³ Русско-шведская война 1808–1809 гг. стала последней из русско-шведских войн. Она закончилась победой России и заключением 5 (17) сентября Фридрихсгамского мирного договора, по которому Финляндия перешла от Швеции к России, войдя в ее состав как Великое княжество Финляндское.

⁴ В 1807 г. рекрутский набор не проводился.

⁵ См.: ГАСО. Ф. 28. Оп.1. Д. 150. Л. 152–181 об., 186–192, 200–203, 858–859, 872–872 об.; Д. 156. Л. 7–10 об., 36–40 об., 670–674, 683–700, 773–796 об., 866–869.

⁶ Полное собрание законов Российской империи, собрание первое (далее – ПСЗРИ-1). Т. XXX. С. 603.

сандров Гай, Малый Узень и Новотроицкая поставили соответственно 10 (Бирюкова Даниила Емельяновича (30); Глухова Исаия Филипповича (23); Глухова Трофима Ивановича (29); Дружина Филимона Мироновича (20); Лимова Ивана Сидоровича (27); Коршунова Исаия Антоновича (20); Овчинникова Ивана Ефремовича (47); Шабаева Захара Никитича (27); Шарикова Филиппа Пименовича (14); Щукова Ефима Ивановича (29)), 6 (Алексеева Аверьяна Кононовича; Андреева Прокопия Никитича (28); Васильева Кондратия Никитича; Ларионова Трофима; Романова Алексея Федоровича; Фирсова Алексея Антоновича) и 3 (Парфенова Артемия Михайловича (21); Фадеева Никифора Матвеевича (29); Яковлева Семена Евстафьевича (29)) рекрутов, деревня Орлов Гай – 2 (Глазова Родиона Сидоровича (40); Савельева Акима Фомича (42)) и село Чертанла 13 рекрутов (Белоусова Семена Емельяновича, 34 лет; Бирюкова Андрея Панкратовича, 22 лет; Гузеева Марка Иванович (27); Дубовицкого Сергея Терентьевича (35); Зубарева Савелия Федоровича (32); Кожевникова Семена Петровича (32); Мажирина Зота Агафоновича (32); Медникова Перфилия Андриановича (30); Попова Фотия Алексеевича (36); Синицына Егора Устьяновича (37); Сучкова Михаила Ивановича (18); Токарева Егора Степановича (19); Усина Захара Еремеевича (25))¹.

Тем временем становилось все более ясным, что Тильзитский мир с Францией – всего лишь временная передышка. Наполеон вынашивал планы установления господства над всем миром. В 1811 г. в беседе с одним из своих дипломатов он откровенно заявлял: «Через пять лет я буду господином мира; остается одна Россия, но я раздавлю ее»². Было вполне очевидно, что России следует готовиться к большой войне на западном направлении. Дополнительного напряжения сил требовали и военные кампании против турок и персов. 81-й и 82-й рекрутские наборы, объявленные в сентябре 1811 и в марте 1812 гг., имели своей главной целью формирование новых полков и дивизий для усиления русской армии как на юге, так и на западе.

По данному набору Узенская волость от пяти селений выставила 18 человек. Из Александрова Гая были призваны 3 человека (Бородкин Петр Акимович (30); Киселев Федор Леонтьевич (30); Филиппов Афанасий (36)), из Малого Узеня – 4 (Васильев Федор (26); Зотов Евсей Григорьевич (28); Максимов Афанасий (35); Яковлев Григорий (34)), из Новотроицкой – 4 (Герасимов Дей Иванович (16); Иванов Андрей Иванович (21), Коробейников Варлам Филиппович (18); Филиппов Ефим (13)), из Орлова Гая – 2 (Далматов Потап Федотович (20); Дуванов Алексей Афанасьевич (26))³, из Чертанлы – 5 человек⁴.

Поскольку в этот период русские войска вели активные боевые действия против турок, то все рекруты Саратовской губернии были отправлены в Азовское депо⁵ для последующего пополнения ими Дунайской армии. Русскими войсками на Балканах в это время командовал генерал от инфантерии М.И. Кутузов, которому удалось нанести ряд тяжелых поражений противнику и вынудить его в мае 1812 г. подписать выгодный для России мирный договор.

После победы в русско-турецкой войне основные силы Дунайской армии, теперь уже под командованием адмирала П.В. Чичагова, были переброшены на Волынь для соединения с 3-й Западной армией, а в ноябре 1812 г. Чичагов, возглавивший эту армию, вышел к речке Березина, где и произошло решающее сражение с остатками наполеоновской армии. Вполне возможно, что в этом ис-

¹ ГАСО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 150. Л. 152–181 об., 186–192, 200–203, 858–859, 872–872 об.; Д. 156. Л. 7–10 об., 36–40 об., 670–674, 683–700, 773–796 об., 866–869.

² Цит. по: Жилин П.А. Гибель наполеоновской армии в России. М., 1974. С. 283.

³ ГАСО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 150. Л. 773–786; Д. 156. Л. 36–40 об., 683–700; Д. 231. Л. 231 об. – 254, 285–319; Д. 180. Л. 309 об.

⁴ Персоналии чертанлинских рекрутов установить не удалось.

⁵ Тотфалушин В.П. Саратовский край и наполеоновские войны. С. 65.

торическом сражении, ознаменовавшем изгнание Наполеона из российских пределов, приняли участие и рекруты 81 набора от Узенской волости.

В марте 1812 г. последовал новый царский Манифест о наборе рекрутов. «Настоящее состояние дел в Европе, – говорилось в нем, – требует решительных и твердых мер, неусыпного бодрствования и сильного ополчения, которое могло бы верным и надежным образом оградить великую Империю нашу от всех могущих против нее быть неприятных покушений»¹. При этом в Манифесте подчеркивалось, что новобранцев данного набора в рекрутские депо отправлять не должно, а следует их оставлять до востребования в губернских городах при гарнизонных батальонах². Сделано это было с той целью, чтобы в срочном порядке образовать новые полки – в Костроме, Владимире, Рязани и Тамбове планировалось создать 8 пехотных полков, а в Ярославле и Воронеже 4 егерских³.

Все саратовские рекруты в количестве 1511 человек целевым назначением пошли на укомплектование 2-го (с 5 июля 1812 г. – 4-го) Воронежского егерского полка⁴. Среди них оказались 11 рекрутов из шести селений Узенской волости: из Александрова Гая – 3 человека (Букин Федор Трифонович (21); Попов Григорий Гуреевич (23); Трифонов Фрол), из Крепости Узени – 1 (Михайлов Филимон Парфенович (20)), из Малого Узеня – 1 (Фомин Абросим Игнатович (24)), из Новотроицкой – 1 (Герасимов Василий Григорьевич (31)), из Орлова Гая – 1 (Трибунский Яков Васильевич (20)), из Чертанлы – 4 человека (Ботов Сидор Игнатьевич (18); Кудинов Парфен Яковлевич (16); Попов Калина Алексеевич (31); Рудометов Никита Дмитриевич (27))⁵.

Как и предусматривалось существующим законодательством, обмундирование, подготовка к отправке и доставка рекрутов на сборный пункт, а также обеспечение их пропитанием легли на плечи крестьянских обществ. Затраты узенских крестьян составили 102, 3 рубля на одного рекрута, из них на обмундирование – 58,9 рублей и на прочее – 43,4 рубля⁶. Если же обратиться к более лее детальной раскладке расходов, то получится следующая картина: на покупку сукна для пошива мундира, панталон, манишки, фуражки и ранца потребовалось 28,8 рублей на каждого рекрута, приобретение холста подкладочного обошлось в 5, стоимость материала для двух рубах и двух портов составила 9, для сапог – 15, для подверток зимних (суконных) и летних (портяных) – 2,6, для кожаных рукавиц с теплыми варегами – 1,5 рубля, да за шитье всего этого снаряжения – 7 рублей. К прочим расходам следует отнести оплату услуг цирюльника и священника (за привод рекрута к присяге) – 0,15 рубля, взнос в саратовское уездное казначейство за провиант и соль, а также на жалованье рекруту – 10,5, на содержание рекрута до отправки его со сборного пункта к месту назначения – 11,75, на выплату сопровождающим – 6 рублей да еще 15 рублей было дано каждому рекруту «по добровольному расположению мирских обществ в награду». Таким образом, крестьянским обществам Узенской волости 82-й рекрутский набор обошелся в 1123,3 рубля – по тем временам сумма весьма внушительная. К концу мая рекруты из Саратовской губернии были доставлены в Воронеж.

¹ ПСЗРИ-1. Т. XXXII. С. 241.

² Там же. С. 241–242.

³ Там же. С. 305. В дополнение к этому указу 27 июня 1812 г. последовал еще один, согласно которому следовало сформировать еще шесть пехотных полков – по одному в Петербурге, Новгороде, Твери, Москве, Туле и Калуге. – См.: Там же. С. 375–377.

⁴ Тотфалушин В.П. Рекрутские наборы в Саратовской губернии в Отечественную войну 1812–1814 гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2007. Т. 7. Серия «История. Международные отношения». Вып. 2. С. 34.

⁵ ГАСО. Ф. 28. Оп.1. Д. 180. Л. 213 об., 214 об. – 215, 236 об., 345; Д. 231. Л. 248 об. Ф. 606. Оп. 1. Д. 105. Л. 304, 305.

⁶ Подсчитано по: ГАСО. Ф. 606. Оп.1. Д. 105. Л. 239–243.

Пройдет совсем немного времени, и 13 (25) июня 1812 г. император Александр I подпишет приказ, в котором, извещая армейские части о вторжении наполеоновских войск в Россию, призовет российских воинов выполнить свой долг по защите Веры и Отечества¹. Тогда же 13-го числа, то есть на второй день войны, он даст на имя председателя Государственного совета Н.И. Салтыкова рескрипт «О необходимости поднять оружие к отражению французских войск от российских пределов», заканчивающийся словами: «Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в Царстве моем»².

О начавшейся войне гражданские сословия России официально были уведомлены почти месяц спустя после вторжения наполеоновских войск – 6 (18) июля 1812 г. император Александр I подписал специальный Манифест, где сообщалось о нашествии Наполеона и содержался призыв к российскому народу «единодушным и общим восстанием содействовать противу всех вражеских замыслов и покушений»³. А 18 (30) июля последовал второй Манифест, в котором излагался порядок формирования внутреннего ополчения⁴.

Первым из гражданских сословий на призыв императора отозвалось духовенство. Святейший Синод сразу же по получении Высочайшего манифеста распорядился повсеместно служить регулярные молебны о победе «на супостаты», выделил из собственных средств 1,5 миллиона рублей на снаряжение народного ополчения и призвал духовенство к пожертвованиям⁵. Он также обратился ко всем православным христианам со специальным воззванием, в котором имелись такие строки: «Взываем к вам, чада Церкви и Отечества! Примите оружие и щит да сохраните верность и охраните веру отцов наших»⁶.

Манифесты Александра I и воззвание Святейшего Синода вскоре были доставлены в Саратов, в тот же день их разослали через нарочных по всем уездам и волостям. И манифесты, и воззвание священнослужители читали прихожанам во всех церквях губернии. В Узенской волости эта миссия выпала на долю чертанлинского священника Ивана Петрова, поскольку в Крепости Узени, являвшейся в это время волостным центром казенных крестьян, как и в других населенных пунктах волости, церковью еще не было.

Доступные по форме, глубокие по содержанию и сильные по своему эмоциональному воздействию обращения монарха и Русской Православной Церкви к народу российскому повсюду были восприняты с воодушевлением – мощный подъем национального самосознания охватил все российское общество. Война с Наполеоном стала воистину всенародной, Отечественной войной.

В Узенской волости, как и по всей стране, стали ожидать дальнейших правительственных распоряжений и готовиться к новому рекрутскому набору, который, впрочем, не заставил себя долго ждать.

4 (16) августа 1812 г. Манифест императора возвестил о новом рекрутском наборе с целью «усилить армии наши новым подкреплением»⁷. Из всех призывов 1802 – 1813 гг. этот оказался самым многочисленным. Согласно Манифесту, крестьянам следовало в течение сентября-октября выставить по 10 человек с каждых пятисот душ мужского пола.

Тем временем в Воронеже завершалось формирование двух егерских полков. Егерские формирования появились в русской армии по образцу евро-

¹ См.: Приказ Александра I по Русской армии. Вильно, 13(25) июня 1812 г. // Внешняя политика России XIX и начала XX века. М., 1962. Т. 6. С. 442–444.

² ПСЗРИ-1. Т. XXXII. С. 354.

³ ПСЗРИ-1. Т. XXXII. С. 388.

⁴ Там же. С. 397–398.

⁵ Там же. С. 398–399.

⁶ ГАСО. Ф. 135. Оп. 1. Д. 8577. Л. 326–326 об.

⁷ ПСЗРИ-1. Т. XXXII. С. 405.

пейских войск еще в 1760-е гг. Они представляли собой вид легкой стрелковой пехоты, предназначенной действовать в рассыпном строю и на пересеченной местности. В егеря обычно отбирали людей небольшого роста, очень подвижных, хороших стрелков, ибо им часто приходилось ходить в разведку, дозоры, нападать на сторожевые пикеты врага. Нередко егерей использовали в качестве снайперов, главным образом против неприятельских офицеров. В 1812 г. в русской армии было 50 егерских полков.

Согласно указаниям императора и предписаниям высших должностных лиц, затраты на обмундирование, снабжение обозами, подъемными лошадьми и упряжью вновь комплектуемых полков возлагались на дворянство, городские сословия и удельных крестьян.

Организовать сбор необходимых средств для снаряжения 2-го (4-го) Воронежского егерского полка было поручено саратовскому губернатору¹. Всего жители Саратовской губернии на устройство полка пожертвовали около 187,5 тысяч рублей². Что касается удельных крестьян, то они, по специально составленным окладным росписям, призывались жертвовать по 80 копеек с каждой души мужского пола³.

В Узенской волости к этому времени проживало 682 мужчины, состоявших в удельном ведомстве, следовательно, на снаряжение «саратовского» егерского полка в Воронеже ими было собрано 545,6 рубля.

Заметим, что этот вид жертвований был не единственным. В июне-июле 1812 г. по предписанию правительства население Саратовской губернии участвовало в кампании по сбору средств для покупки волов, которых необходимо было поставить в армию для «подъема воинских тягостей» и «продовольствия воинов». Свой вклад в эту кампанию внесли и узенские крестьяне – от восьми селений ими было собрано по 80 копеек с каждой души мужского пола как удельных, так и казенных крестьян, всего же – 2132 рубля.

К началу сентября 1812 г. 4-й Воронежский егерский полк, куда поступили узенские рекруты, был укомплектован всем необходимым и вскоре в составе сформированной генерал-майором В.А. Русановым дивизии выдвинулся в район боевых действий. В это время главные силы русской армии после кровопролитного Бородинского сражения и оставления древней столицы сосредоточились близ села Тарутино, что в 80 километрах к юго-западу от Москвы. Здесь фельдмаршал М.И. Кутузов осуществлял важнейшие подготовительные и организационные мероприятия для укомплектования, вооружения и подготовки армии к переходу в контрнаступление.

Дивизия, сформированная Русановым, прибыла в действующую армию двумя колоннами: 18 (30) сентября прибыли пехотные полки, а 27 сентября (9 октября) – егерские⁴. Кутузов лично принимал новобранцев и остался ими доволен. В рапорте императору Александру I он писал: «Вновь сформированные полки 5-й и 6-й Рязанские, 7-й и 8-й Тамбовские пехотные и 3-й и 4-й егерские Воронежские при прибытии их к армии при осмотре моем найдены, что они в столь короткое время весьма образованы и что большая часть людей стреляют довольно хорошо»⁵.

У Тарутино, при речке Чернишня, 6 (18) октября вновь прибывшие полки получили боевое крещение, участвуя в разгроме французского авангарда, которым командовал прославленный маршал Мюрат, а 12 (24) – 13 (25) октября вели кровопролитные бои под Малоярославцем, ознаменовавшие перелом в

¹ Подробнее см.: *Тотфалушин В.П.* Из истории формирования 2-го Воронежского егерского полка // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. М., 2005. С. 211–215.

² Подсчитано по: *Тотфалушин В.П.* Саратовский край и наполеоновские войны. С. 111.

³ ГАСО. Ф. 407. Оп. 1. Д. 1626. Л. 2.

⁴ *Бескровный Л.Г.* Отечественная война 1812 г. М., 1962. С. 452.; *М.И. Кутузов.* Сборник документов. М., 1955. Т. IV. Ч. 1. С. 333.

⁵ *М.И. Кутузов.* Сборник документов. Т. IV. Ч. 2. С. 62–63.

ходе войны – русская армия перешла от обороны к контрнаступлению. Началось изгнание Наполеона из России. Егеря из воронежских полков, в том числе и крестьяне из Узенской волости, в составе Главной русской армии прошли славный боевой путь, храбро сражаясь с врагом до окончательного его разгрома.

В то время, когда главные силы русской армии, преследовавшей отступавших французов, находились уже в районе Смоленска, в губерниях, не затронутых боевыми действиями, завершался 83-й рекрутский набор. Его главной особенностью являлось то, что он проходил в условиях войны, еще бушевавшей непосредственно на территории России. Данное обстоятельство не могло не сказаться на характере и содержании этого набора. Состояние воодушевления, патриотические чувства, желание послужить своему Отечеству явно преобладали среди широких слоев населения. Так, известный мемуарист Ф.Ф. Вигель, описывая рекрутский набор в Пензенской губернии, свидетельствовал: «Радость была написана на лицах тех, на коих пал жребий. Семейства их, жены, матери осыпали их ласками, целовали, миловали, дарили чем могли. “Голубчик, ведь ты идешь за нас да за Божие дело”, – повторяли они»¹.

Осенью 1812 г. Узенская волость от семи селений выставила на борьбу с Наполеоном 52 человека. Из Александрова Гая – 6 рекрутов (Аникеева Кирилл (20); Быкова Василия Ивановича (31); Бирюкова Александра Степановича (27); Назарова Максима Карповича (32); Неверова Севостьяна Кондратьевича (27); Романтеева Ивана Филипповича (19)), из Алтаты – 9 (Абдуллаева Ахмета Аббековича (19); Курамшина Минуллу Муракаевича (27); Мевлютова Зябира (25); Маметьева Ахмета Юмакаевича (20); Муслимова Исрома (26); Сеитова Нурахмета Салмановича (35); Фейзуллина Ишкенея (25); Юсупова Вагана Абдулхалиловича (18); Ягудина Шикенди), из Малого Узеня – 8 (Абрамова Юду Ивановича (20); Афанасьева Анания Максимовича (37); Васильева Кузьму Григорьевича (21); Игнатьева Алексея (37); Кондратьева Ульяна (36); Куприянова Ивана Федоровича (31); Семенова Герасима Герасимовича (37); Трифонова Василия Ивановича (22)), из Новотроицкой – 8 (Герасимова Дея Ивановича (17); Иванова Андрея Ивановича (23); Иванова Василия Лукьяновича (17) лет; Ильина Тараса Васильевича (26); Ключева Сергея Трофимовича (23); Ларионова Ивана Федоровича (19); Романова Андрея Федотовича (17); Степанова Петра Игнатьевича (38)), из Орлова Гая – 4 (Асташева Евстегнея Астафьевича (22); Земскова Макара Степановича (28); Лопатина Трофима Макаровича (22); Сергеева Елисея Васильевича (19)), из Осинова Гая – 3 (Курмакаева Самята (30); Лухманова Салиха Амировича (20); Надерметова Абдрашита Бешировича (21)); из Чертанлы – 14 рекрутов (Альхова Ульяна Фомича (23); Белдикина Зота Григорьевича (19); Дубровина Семена (23); Ермолаева Василия Кондратьевича (21); Ишина Гавриила Ивановича (20); Кадушкина Михаила Васильевича (19); Клышников Трофима Степановича (36); Королева Ивана (19); Курбатова Якова Павловича (39); Курова Федора Семеновича (29); Леонтьева Гурьяна (19); Ломовцева Андрея Ворфоломеевича (21); Резванцева Алексея Григорьевича (26); Терентьева Филиппа (22))².

Причем в документах того времени указывается, что удельный крестьянин села Чертанлы Зот Белдикин, единственный из всех рекрутов, был зачислен в новобранцы «по охоте». Правда, «охота» эта выглядела весьма своеобразно. По существу речь шла о сделке – Белдикин за вознаграждение в 370 рублей согласился стать внеочередным рекрутом вместо очередного. Его «добровольчество» оформили по всем правилам: составили приговор сельского схода, на имя управляющего Саратовской удельной конторы от кандидата в

¹ Вигель Ф.Ф. Записки. М., 1892. Ч. 4. С. 47.

² ГАСО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 180. Л. 309 об., 403–403 об., 424; Д. 181. Л. 403; Д. 189. Л. 309 об.; Д. 231. Л. 800–812 об., 815–857 об.; Ф. 606. Оп. 1. Д. 106. Л. 369, 370.

новобранцы было подано соответствующее прошение, участники сделки заключили договор, по которому, между прочим, в пользу сельского общества причиталось отчислить 150 рублей¹. В качестве главного мотива своей «охоты» Белдикин называл собственную «несродственность к крестьянской работе и промыслам». Что же на самом деле заставило его пойти в рекруты вне очереди – сказать сейчас достоверно невозможно. Известно лишь, что наиболее зажиточные крестьяне, прибегали к найму желающих исполнить за их семьи рекрутскую повинность, что, впрочем, не запрещалось официально существующими правилами. Да и само крестьянское общество имело право отправить в армию вне очереди тех лиц, которые по разным причинам оказывались ему в тягость. В случае с Белдикиным оба эти обстоятельства как бы совпадали. Но нельзя не обратить внимания и на то, что в ревизских сказках 1811 г. Зот был назван приемышем Петра Макаровича Белдикина, умершего за три года до описываемых событий². Так что не исключено, что дело заключалось вовсе не в непригодности Белдикина «к крестьянской работе и промыслам», о чем он писал в своем прошении, а в его личной незащищенности перед коллективной волей общины, где мнение зажиточных крестьян, как правило, преобладало. Но как бы там ни было, следует отметить, что подобная, по своему существу принудительная, практика отдачи в рекруты не имела широкого применения. Во всяком случае, в Узенской волости.

Кстати, существовали и другие практики. Дозволялось, например, заменять призванное на военную службу лицо кем-либо из близких родственников. Так, в архивных документах имеется прошение удельного крестьянина села Чертанлы Семена Шеровитова, в котором он объявлял желание поступить в рекруты за своего родного брата Бория³. Разрешалось также вместо поставки рекрута вносить определенную сумму денег в том случае, если в семье было более трех работников, но ни один из них не отвечал требованиям, предъявляемым к рекрутам, а поэтому не мог быть призван в армию. Такая ситуация сложилась, например, в семье чертанлинского крестьянина Леонтия Нагибина, которой пришлось вместо поставки рекрута внести 350 рублей на мирские потребности⁴. Однако подобные случаи, хотя и были не единичными среди населения обширной Российской империи, все же не представляли собой массового явления.

Крестьянам Узенской волости в этот раз пришлось собрать на экипировку и препровождение рекрутов 6125,6 рубля, затраты на одного рекрута по сравнению с предыдущим набором выросли до 117,8 рублей⁵.

Первоначально рекрутов Саратовской губернии планировалось отправить во Владимир и Симбирск, затем, учитывая перемены в военной обстановке, – в Арзамас и Муром. Однако в конце ноября последовало распоряжение о новом пункте их назначения – в Орел⁶, являвшемся одной из главных тыловых баз русской армии, где формировались резервные части. К этому времени Отечественная война победоносно завершилась.

В Саратовской губернии долгожданное известие об окончательном изгнании остатков наполеоновских войск из России получили в январе 1813 г. С необыкновенной радостью воспринимались слова царского Манифеста от 25 декабря (6 января) 1812 г.: «Ныне с сердечною радостью и горячею к Богу благодарностию объявляем мы любезным нашим верноподданным, что <...> уже нет ни единого врага на лице земли нашей. <...> Какой пример храбрости, мужества, благочестия и твердости показала Россия! <..> Все государственные

¹ Там же. Ф. 606. Оп. 1. Д. 106. Л. 475–478.

² Там же. Ф. 28. Оп. 1. Д. 150. Л. 154.

³ ГАСО. Ф. 606. Оп. 1. Д. 115. Л. 234.

⁴ Там же. Д. 105. Л. 250.

⁵ Подсчитано по: ГАСО. Ф. 606. Оп. 1. Д. 106. Л. 252–255.

⁶ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15. Л. 286, 308; Д. 17. Л. 326.

чины и состояния, не щадя ни имуществ своих, ни жизни, составили единую душу, душу вместе мужественную и благородную, толико же пылающую любовь к Отечеству, колико любовь к Богу. От сего всеобщего согласия и усердия вскоре произошли следствия, едва ли имоверные, едва ли когда слыханные: <...> коль страшная казнь постигает дерзающих с бранными намерениями вступать в недра могущественной России»¹.

Во всех городах и селах были отслужены благодарственные молебны, повсюду состоялись торжества и празднества в честь освобождения Земли русской. Но борьба с Наполеоном еще не закончилась. Поэтому рекруты 83-го набора были направлены на пополнение русской армии, начавшей в январе 1813 г. свой заграничный поход по освобождению Европы от наполеоновского владычества.

К западным границам предписывалось следовать рекрутским партиям и 84 набора, объявленного императорским Манифестом от 30 ноября (12 декабря) 1812 г., в котором достаточно четко формулировалась главная цель заграничного похода русской армии – полный и окончательный разгром наполеоновских войск. «Рог сильного сломан, – говорилось в Манифесте, – но предстоит еще надобность не дать снова возникнуть могуществу врага и уменьшить власть его над другими слабейшими народами, которых принуждает он повиноваться и служить ему из страха»².

Чтобы провести данный призыв более организованно и эффективно, правительство дало указание набирать рекрутов в четыре приема: с момента обнародования Манифеста давалось две недели на проведение организационных мероприятий, затем месяц на сбор и доставку 1/4 части рекрут во внутренние гарнизонные батальоны, после же выступления первой четверти рекрутов к месту назначения начинался прием следующей четверти и т.д.

По этому набору имеются данные по пяти селениям Узенской волости. Из Александрова Гая было взято в рекруты 10 человек (Антонов Яков Яковлевич (23); Бирюков Николай Ефимович (21); Калдусов Спиридон Евстафьевич (43); Климов Сергей; Коршунов Елисей Ефимович (25); Крючков Иван Петрович (48); Михайлов Илья Иванович (30); Тюленев Тимофей Макарович (26); Чуриков Степан Матвеевич (26); Шуганкин Тимофей Ефимович (18)), из Алтаты – 3 (Усманов Аслан (36); Шарипов Рамазан (22); Юмакулов Айбану (21)), от Малого Узеня – 4 (Алексеев Степан Петрович (22); Герасимов Афанасий Лукич (21); Иванов Иван (30); Федотов Иван Матвеевич (40)), из Новотроицкой – 2 (Парфенов Сергей Захарович (24); Степанов Алексей (35)), из Чертанлы – 8 человек (Алаев Мартын Михайлович (20); Банин Семен Иванович (21); Вершинин Филипп Антипович (38); Дубовицкий Ефрем Терентьевич (41); Коробов Селиван Емельянович (33); Мелантин Василий Иванович (23); Митрофанов (Митрохин) Евлампий Федорович (30); Узюмов Алексей Иванович (23))³.

Итак, численность новобранцев по указанным селениям составила 27 человек. Что же касается крестьянских затрат на поставку рекрутов, то они, по приблизительным подсчетам, исчислялись в 3183 рубля.

Первые две партии саратовских рекрутов в январе-феврале 1813 г. препровождены были в район Белостока для формирования новых полков взамен тех, которые должны выступить к действующей армии, а две последующие партии (весной) – на Кавказ, где возобновились боевые действия с Персией. В ка-

¹ ПСЗРИ-1. Т. XXXII. С. 486–487.

² ПСЗРИ-1. Т. XXXII. С. 466.

³ ГАСО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 181. Л. 40, 55 об., 76, 97, 184, 204 об., 218, 242 об., 283 об.; Д. 231. Л. 815–857 об.; Ф. 606. Оп. 1. Д. 294. Л. 335.

ком из этих двух регионов оказались рекруты из Узенской волости установить сейчас крайне затруднительно.

К сожалению, не выявленными остаются данные и о распределении узенских рекрутов 85-го набора, который был объявлен 21 августа (2 сентября) 1813 г. с целью положить «конец общим бедствиям, достигнуть прочного и достоинству государства нашего соответственного мира»¹. Известно лишь, что, по предписанию Военного министерства от 6 декабря 1813 г., из 7189 причитавшихся с Саратовской губернии рекрутов 250 человек следовало отправить на флот, 2500 – на Кавказскую линию в распоряжение генерал-лейтенанта Н.Ф. Ртищева, прочие предназначались в резервную армию к Брест-Литовску².

Поскольку с 1813 г. в русской армии стал ощущаться сильный недостаток в кавалерийских лошадях, правительством было дозволено поставлять строевых лошадей вместо определенного количества рекрутов, что явилось главной отличительной чертой данного набора. Распоряжением Комитета министров назначено было за одного рекрута взимать или 4 кирасирских, или 5 драгунских, или 6 гусарских и уланских лошадей³.

По Саратовской губернии сдатчики взамен 881 рекрута предоставили 4603 лошади⁴, абсолютное большинство которых поступило от дворян. Удельные крестьяне, например, смогли заменить поставкой лошадей всего лишь 49 рекрутов. В Узенской волости только двум семьям удельных крестьян оказалось под силу выставить необходимое количество лошадей взамен причитавшихся с них рекрутов. По 5 лошадей предоставили семья Артамона Лелькова из Александрова Гая да семья чертанлинского крестьянина Хрисанфа Котина⁵.

Еще одной особенностью рекрутского набора 1813 г. являлось то, что он проходил в условиях, когда исход войны с наполеоновской Францией практически был предрешен. Если в начале 1813 г. военные действия против Наполеона в Центральной Европе вела только Россия, то в марте-августе к ней присоединились Пруссия, Англия, Австрия и Швеция – в распоряжении антинаполеоновской коалиции оказалось до полумиллиона солдат. На Пиренейском полуострове с Наполеоном воевали Испания и Португалия. В начале октября русско-пруско-австрийские войска нанесли сокрушительное поражение французской армии в сражении под Лейпцигом, вошедшем в историю как Битва народов – с обеих сторон в ней участвовало более полумиллиона человек. В ноябре-декабре 1813 г. практически вся территория германских государств была освобождена от французских войск, и союзнические армии выдвинулись к границе Франции. К тому же, в октябре 1813 г. победой русского оружия завершилась война с Персией.

Такая ситуация заметно поубавила тот патриотический порыв, который переживало российское общество в 1812 году. Среди податных сословий, прежде всего крестьянства, рекрутчина вновь предстала как самое тяжелое наказание, хотя и «законом предусмотренное». А поэтому в ходе 85-го набора участились случаи, когда среди лиц, на которых падала рекрутская очередь, находились такие, кто прибегал к нелегальным средствам избавления себя от тягот военной службы: членовредительству или побегам – из своих селений, из рекрутских присутствий, во время переходов к сборным пунктам. Не являлась исключением в этом отношении и Узенская волость. Однако среди узенских крестьян удалось выявить всего лишь два случая подобного рода.

Как следует из рапорта, поданного головой удельных крестьян Хрисанфом Котиным на имя управляющего Саратовской удельной конторой, чертанлинский крестьянин Поликарп Шарухин осенью 1813 г. бежал от рекрутского

¹ ПСЗРИ-1. Т. XXXII. С. 611.

² ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 180. Л. 322, 326.

³ [Комаровский Е.Ф.] Записки графа Е.Ф. Комаровского. М., 1990. С. 130.

⁴ Тотфалушин В.П. Саратовский край и наполеоновские войны. С. 87–88.

⁵ ГАСО. Ф. 606. Оп. 1. Д. 115. Л. 212–212 об., 267.

набора и в течение пяти недель неизвестно где скрывался, затем, как выяснилось, нашел убежище в доме деда своего и «повредил умышленно член у себя – правый глаз»¹. При этом голова запрашивал управляющего конторой, каким образом следует поступить с этими «неисполнителями государственной повинности». Полученное им предписание гласило: «Поликаarpa Шарухина за побег из жительства от рекрутской очереди, а деда его за укрывательство первого при мирском сходе наказать палками»².

Другой случай также связан с чертанлинским крестьянином. Василий Алыхов (Голов) бежал из рекрутской партии во время ее препровождения в Саратов. В течение трех лет он скрывался в оренбургских степях, а затем явился в Саратов и поступил в мещанское сословие³. Согласно царскому Манифесту от 30 августа (11 сентября) 1814 г., по которому объявлялась амнистия по такому роду дел, он не понес никакого наказания за свое дезертирство. Правда, ему было отказано в просьбе о приписке незаконнорожденного малолетнего сына, проживавшего в Чертанле вместе с матерью, к разряду удельных крестьян. Сын по-прежнему остался записанным в категорию солдатских детей (кантонистов), что по существу означало его принадлежность к военному ведомству, в силу чего он был обязан по достижении 10–14 лет поступить в специальную военную школу, а затем на бессрочную военную службу.

За исключением двух упомянутых лиц в сентябре-ноябре 1813 г. от шести селений Узенской волости было набрано 36 рекрутов: из Александрова Гая – 8 человек (Киселев Савелий Иванович (22); Лаврентьев Николай Васильевич (18); Николаев Максим Гаврилович (20); Петров Федот Васильевич (21); Соколовеевский Федот Леонтьевич (18); Соловов Мартын Тимофеевич (20); Федоров Терентий Иванович (22); Шуков Осип Иванович (20)), из Алтаты – 4 (Ефоров Ходюш Бегеевич (26); Кудабердиев Ахмет (26); Усманов Арслан (34); Юнеев Усман (38)), из Малого Узеня – 6 (Агеев Зиновий (40); Андреев Семен Ульянович (20); Игнатов Алексей (38); Спиридонов Федот Ерофеевич (20); Тимофеев Потап Васильевич (28); Федоров Астафий Лукьянович (29)), из Новотроицкой – 4 (Кондратьев Яков Федотович (25); Макаров Агафон Александрович (21); Павлов Федор Матвеевич (18); Щеголев Алексей Алексеевич (28)), из Осина Гая – 3 (Абдрахманов Абдулкерим (40); Резаев Бикбай (19); Ханбеков Байбек (25)), из Чертанлы – 11 человек (Ерзаков Василий Семенович (21); Ермолаев Василий Кондратьевич (22); Кожевников Григорий Петрович (28); Морозов Игнат Трофимович (21); Наумочкин Егор Степанович (19); Нехорошев Деметий Селевесторович (21); Потапов Василий Иванович (24); Страхов Степан Никифорович (18); Сучков Егор Федорович (20); Тепцов Гордий Мартынович (27); Шеровитов Семен Фролович (20))⁴.

Экипировка каждого рекрута обошлась крестьянским обществам в 116,39 рублей, причем такую же сумму внесли и семьи, поставившие лошадей вместо рекрутов⁵. Следовательно, общие затраты узенских крестьян по 85 набору составили 4422, 82 рубля.

Итак, в 1803–1813 гг. крестьяне Узенской волости по не полным данным поставили в российскую армию 209 рекрутов, что составило почти 8 % от всего мужского населения. Если принять во внимание его наиболее трудоспособную часть, то этот показатель увеличится почти в три раза – более 23 % мужчин этой категории было поставлено под ружье. При этом из Александрова Гая было призвано 47 человек, из Алтаты – 16, из Крепости Узени – 2, из Малого Узе-

¹ Там же. Л. 548.

² Там же. Л. 548 об.

³ Там же. Д. 121. Л. 82.

⁴ ГАСО. Ф. 28. Оп. 1. Д. 181. Л. 419, 440 об., 441 об., 446, 449, 468 об., 590 об.; Д. 231. Л. 800–812 об., 815–857 об.; Ф. 606. Оп. 1. Д. 115. Л. 228 об., 489.

⁵ Там же. Ф. 606. Оп. 1. Д. 115. Л. 325 – 328.

ня – 37, из Новотроицкой (Куриловки) – 26, из Орлова Гая – 11, из Осина Гая – 6, из Чертанлы – 64 человека.

Весьма чувствительными для крестьян были и прямые материальные затраты, связанные с поставкой рекрутов. Только в 1812–1813 гг. они исчислялись суммой в 17,5 тыс. рублей, то есть на каждое домохозяйство в среднем приходилось около 20 рублей.

Таков был вклад узенских крестьян в победу русского оружия в войнах начала XIX в., прежде всего над многочисленной армией Наполеона¹.

19 (31) марта 1814 г. пала столица Франции, и части союзной армии (главным образом русская и прусская гвардия) во главе с императором Александром I триумфально вступили в Париж. Неделью спустя Наполеон был вынужден отречься от престола и отправиться в ссылку на остров Эльба. 18 (30) мая между Францией и участниками антинаполеоновской коалиции был заключен Парижский мирный договор.

В этот же день Александр I подписал Манифест «О заключении мира с Францией» – всенародно объявлялось о капитуляции французских войск и победоносном окончании кровопролитной войны с Наполеоном. «Буря брани, врагом общего спокойствия, врагом России непримиримым поднятая, недавно свирепствовавшая в сердце Отечества нашего, – говорилось в нем, – ныне в страну неприятелей перенесшаяся, на ней отяготилась. <...> Франция возжелала мира. Ей дарован он великодушный и прочный»².

А 30 августа последовал новый императорский Манифест, в котором российский самодержец приносил благодарение Богу и всем российским сословиям – духовенству, военным, дворянам, купечеству, мещанам и крестьянам, которые «в самое грозное время самолютейшей войны показали дух православия, верности и мужества, едва когда имевший пример в бытописаниях»³. Всему народу российскому к «всевозможному тягостей его облегчению» объявлялись разные льготы и милости. Основная их часть касалась податных сословий, главным образом крестьянства: списывались многие виды недоимок, штрафов, начетов, на несколько лет отменялись рекрутские наборы, от правительства обещалось предоставление «всевозможных пособий», объявлялась амнистия отдельным категориям лиц, в тюрьмах содержавшихся, а также под следствием и судом находившихся «по делам, не заключающим в себе смертоубийства, разбоя и грабежа». Всем дезертирам и тем, которые в силу разных причин «пристали к неправой, Богу и людям ненавистной стороне злонамеренного врага» даровалось всеобщее помилование.

Все эти меры, как подчеркивалось в Манифесте, были продиктованы стремлением к «попечению о внутреннем Государства нашего благе» и в честь ознаменования «тех взаимных чувствований, на любви, благородности и благополучии основанных, которые мы днесь вкушаем, и в сохранение памяти беспримерного единодушия и ревности, увенчанных от руки Всевышнего толь знаменитыми происшествиями»⁴.

¹ Весомую лепту в победу русского духа и русского оружия внесли жители Саратовской губернии в целом. В 1812–1813 гг. они поставили в регулярную армию до 25 тысяч рекрутов и немалое количество ратников (ополченцев), а материальный вклад различных сословий оценивается приблизительно в 900 тыс. рублей. – См.: ГАСО. Ф. 407. Оп. 1. Д. 1661. Л. 4 об.; *Томфалушин В.П.* Саратовский край и наполеоновские войны: С. 111.

² ПСЗРИ-1. Т. XXXII. С. 789–790.

³ Там же. С. 907–908.

⁴ ПСЗРИ-1. Т. XXXII. С. 906.

СЮЖЕТЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ РАННЕГО НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ

А.А. Порошин

СИСТЕМА ЧИНОПРОИЗВОДСТВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ

Победы или поражения армии любого государства зарождаются задолго до начала военных действий и зависят от многих факторов. Одним из главных является фактор полководца¹ – личности, которая своими действиями должна объединить многочисленные массы вооруженных людей, направив их на решение поставленной задачи. Эта способность воодушевить людей по силам далеко не каждому военачальнику². Многие из них, добившись в мирное время высоких чинов³, во время военных действий показывали полную беспомощность по организации боевых действий, что в конечном итоге приводило к поражению возглавляемых ими войск. Следовательно, их военная карьера основывалась не на способности к военному ремеслу, развитой приобретенными в ходе службы необходимыми навыками и умениями, а на том, что было, к сожалению, более востребовано в мирное время. Исследование системы чинопроизводства, ее зарождения и видоизменений, происходивших с ней в русской армии, на наш взгляд, поможет понять причины профессиональной некомпетентности военных вождей, следствием которой являлись поражения России в той или иной войне.

Еще до Петра I аристократия пустила глубокие корни на всех уровнях служебной иерархии, что являлось наличием у нее вполне обоснованных возможностей. Члены фамилий, вписанных в московское дворянство, имели заметное преимущество над провинциальными дворянами в назначениях на самые «теплые места», тогда как у простолюдинов вообще не было доступа к службе, т. е. отсутствовала возможность сделать себе карьеру.

¹ Полководцем называют военачальника, непосредственно руководящего ВС государства или крупными воинскими формированиями (стратегическими, оперативно-стратегическими объединениями) во время войны и добившегося высоких результатов в искусстве подготовки и ведении боевых действий, подчеркивая этим его выдающиеся успехи в войне. К полководцам обычно относят лиц, обладающих военным талантом, творческим мышлением, способностью предвидеть развитие военных событий, сильной волей и решительностью, боевым опытом, авторитетом, высокими организаторскими способностями и другими качествами. См.: Военная энциклопедия (ВЭ): В 8 т. Т. 6. М., 2002. С. 491.

² Военачальник – лицо, занимающее высокую командную или штабную должность в ВС государства. К ним относятся командующие войсками военных округов, групп войск, командующие армиями, начальники штабов этих оперативно-стратегических, оперативных объединений. См.: ВЭ. Т. 2. М., 1994. С. 117.

³ Чин, служебный разряд (класс) военных и гражданских служащих, с которыми связаны определенные должностные права и обязанности. После Великой Октябрьской социалистической революции были упразднены (в СССР восстановлены для работников прокуратуры). См.: Советская военная энциклопедия (СВЭ): В 8 т. Т. 8. М., 1980. С. 479–480.

Создавая регулярную армию, великий реформатор сформулировал и реализовал основной принцип успешной военной службы – продвижение в чинах в зависимости от знаний и реальных успехов офицера. Тем самым он разрушил древнюю традицию, существующую в России с незапамятных времен — действие принципа «родовитости» при решении вопросов продвижения по службе. С этого момента служебная карьера каждого зависела не столько от «родовитости», сколько от знаний и активности¹.

Указами Петра I в 1707 г. и 1714 г. был установлен определенный порядок производства офицеров – «чин за чином» – по свидетельствам старших начальников. Основанием для повышения в чине могли быть:

- 1) долговременная исправная служба;
- 2) военное образование;
- 3) боевые заслуги.

Император требовал от старших начальников проверять знания и опытность офицеров на поле, не останавливаясь перед тем, чтобы «верхнего сводить на низ, а нижнего на верх», что законодательно было закреплено 16 марта 1708 г. в Указе «Учреждение к бою». По воинскому уставу 1716 г. офицеры, получившие военное образование, «от других, которые в таковых науках неискусны, отменяются и скорее чин получают»².

Главные черты законоположения Петра Великого о чинопроизводстве наиболее ярко выражены в указе от 1 января 1719 г. «О производстве в воинские чины и о замещении вакансий»: «1) ...чтобы никакого человека ни в какой офицерский чин не допускать из офицерских детей и дворян, которые не будут в солдатах в гвардии, выключая тех, которые из простых выходить станут по полкам, 2) чтобы через чин никого не жаловать, но порядком чин от чину возводить, 3) чтобы выбирать на вакансии баллотированием из двух или трех кандидатов»³.

В указе 1720 г. «О вредности для государственного интереса порядка повышения по старшинству в службе и о неприменении его в России» подчеркивалось, что личные способности и достоинства стоят гораздо выше родовой чести и знатности происхождения⁴.

Одним из важнейших учредительных актов в истории императорской России, сильно затронувшим жизнь служилого сословия и порядка продвижения по службе, была Табель о рангах, ставшая законом 24 января 1722 г. В ней устанавливалась система воинских, гражданских и придворных чинов, их соотношение, порядок прохождения государственной службы, а также последовательность чинопроизводства в России. Табель сохраняла воинские чины, закрепленные Воинским уставом 1716 г. и одновременно вводила новые «статские» (гражданские) и придворные чины вместо традиционных русских (бояр, окольных, и др.). В ней впервые было проведено различие между военной и гражданской службой⁵. Табелю упразднялось старинное деление людей и сословий по родовитости и происхождению, искоренялось всякое значение аристократизма в русском государственном строе. Теперь всякий, достигнув личными заслугами известного чина, ставился на соответствующую должность; не пройдя служебной лестницы с низших чинов, никто не мог достигнуть высших.

¹ См.: Шепелев Л. Титулы, мундиры и ордена Российской империи. М.; СПб., 2004. С. 22.

² Епифанов П. К вопросу о военной реформе Петра Великого // Вопросы истории. № 1. 1945. С. 51.

³ Глиноецкий Н. Исторический очерк развития офицерских чинов и системы чинопроизводства в русской армии // Офицерский корпус русской армии. Русский военный сборник № 17. М., 2000. С. 25.

⁴ Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 2003. С. 89.

⁵ СВЭ. Т. 7. М., 1979. С. 618.

Все, как дворяне, так и не дворяне обязаны были начинать службу рядовыми, последовательно проходя все ее ступени: капрала, фурьера, подпорщика и сержанта. Производство в первые обер-офицерский и штаб-офицерский чины осуществлялось (по указу от 14 апреля 1714 г. «о производстве в офицеры дворян, не служивших в гвардии солдатами»¹) по выбору, баллотировкой (т.е. путем тайного голосования. – А.П.) всеми офицерами той части, где открывалась вакансия. Баллотировки в армии должны были производиться обязательно в присутствии особого члена от военной коллегии. Права по утверждению в чинах были предоставлены следующим должностным лицам: в чины до капитана включительно – полным генералам (генерал-аншефам); до подполковника – фельдмаршалам. Эти начальники обязаны были сообщать об утвержденном ими чинопроизводстве в военную коллегию, которая и выдавала на эти чины патенты. Производство в полковники и в генеральские чины зависело непосредственно от самого Государя².

В «Табели...» продвижение по военной, гражданской и придворной службе увязывалось с присвоением дворянства. Уже по указу 16 января 1712 г. рядовой из недворянского происхождения, дослужившись до обер-офицерского чина, получал потомственное дворянство³. Указами 1714 г. и 1719 г. подтверждалась возможность получения офицерского чина человеком низкого происхождения, а указом 1721 г. подтверждалось включение всех офицеров и их детей в состав дворянского сословия⁴.

«Табель...» оказалась гибким инструментом, который, облегчая карьеру высшим слоям России, одновременно предоставлял реальную возможность служебного роста представителям непривилегированных сословий, открывая им путь в дворянство. Меры, предпринятые Петром I в отношении наиболее привилегированной части населения России, привели к укреплению положения служилого сословия, сделали его более самостоятельным и независимым от личной милости царя⁵.

Дальнейшая политика, проводимая преемниками великого реформатора, повышала социальный статус дворян, расширяла их права, в то же время, давая им послабления в службе, вплоть до ее отмены. Это сказывалось в военных законоположениях, в частности в вопросах чинопроизводства. Продолжалась «девальвация» личных заслуг для служебной карьеры, что импонировало коренному дворянству, которому не нравились реформы Петра I. Поэтому оно способствовало тому, что даже при жизни первого императора основные положения Табели о рангах грубо нарушались. Если при нем была «...установлена очень правильная градация военных чинов, введены весьма рациональные положения о чинопроизводстве...», то «...после того все эти положения видоизменяются, совершенно теряют свое первоначальное значение, причем исчезает всякая систематичность; время от времени проявляется стремление, делаются попытки к установлению порядка по этой части, но самые попытки только усложняют дело нашего чинопроизводства, обременяя его множеством дополнений, нередко противоречащих друг другу»⁶.

Анализ состава высших четырех чинов – так называемого генералитета – показывает, что в 1730 г., через пять лет после смерти Петра I, 93% их членов принадлежали к фамилиям, которые занимали высшие посты, а иногда и аналогичные должности еще в Московской Руси. Таким образом, попытки Петра I

¹ Шепелев Л. Указ. соч. С. 112.

² Глиноецкий Н. Указ. соч. С. 25–26.

³ Ключевский В. О. Сочинения: В 8 т. Т. 4. М., 1958. С. 82.

⁴ Волков С.В. Указ. соч. С. 38.

⁵ Ключевский В.О. Указ. соч. Т. 4. С. 83.

⁶ Глиноецкий Н. Указ. соч. С. 268.

видоизменить характер элиты путем вливания в нее свежей крови, оказались малоуспешными, во всяком случае, в высших слоях служилого сословия¹.

Так, указом от 11 июня 1726 г. правительством Екатерины I предписано было повышать офицеров в чинах и по старшинству службы в прежнем чине, и по «достоинству» – когда особо отличившихся офицеров командование могло представлять к повышению в чине вне очереди.

Уже через пять лет Анна Иоанновна (5 февраля 1731 г.) восстановила выборность при чинопроизводстве офицеров, а в 1736 г., оставив баллотировку для первых обер-офицерского и штаб-офицерского чинов, повелела в прочие чины производить по «удостоению» начальства, а не по старшинству. Елизавета Петровна 25 февраля 1742 г. издала указ «О повышении чинами по старшинству и заслугам». Таким образом, во второй половине XVIII в. чинопроизводство стало осуществляться и по старшинству службы в прежнем чине, и «по достоинству» – когда особо отличившиеся офицеры могли получать повышение в чине вне очереди по решению командования².

Таким образом, в период с 1725 г. по 1762 г. в интересах дворянства российскими самодержцами были приняты следующие меры по облегчению военной службы:

- ограничение срока службы 25 годами;
- создание Шляхетного корпуса (1732 г), из которого дети дворян сразу выходили офицерами;
- распространение практики записи в армию дворян, начиная с раннего детства («недоросли»), вопреки указу Петра I об обязательной службе с солдата;
- манифест 18 февраля 1762 г. Петра III «о вольности» дворянства, освобождавший их от обязательной службы³.

До 1762 г. бояре, дворяне и боярские дети «обязывались пожизненной поголовной службой», но она не была постоянной: служилые дворяне и боярские дети являлись к месту службы лишь во время войны или перед походом. В мирные годы они обычно жили в своих вотчинах и поместьях. С созданием армии характер воинской повинности изменился. Ее должны были нести все сословия государства, причем дворяне обязывались служить поголовно, так как пользовались дарованными им поместьями, а другие сословия поставляли лишь определенное количество рекрутов⁴. Указом 1762 г. дворяне были освобождены от обязательной военной службы и могли выбирать: служить или не служить в армии.

В царствование императрицы Екатерины II усилились злоупотребления при чинопроизводстве. Так, например, установился обычай производства зауряд: нередко недворян производили в офицеры ранее необходимой по закону выслуги в 12 лет (с заслугой в прапорщичьем чине недослуженного срока); применяли заслугу для производства в сверхкомплект при неимении вакансии, что затрудняло Военную коллегию, которая должна была учитывать старшинство разных чинов и следить за штатным положением всех войсковых частей и пр.

¹ Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. С. 168.

² Волков С.В. Указ. соч. С. 90–91.

³ Байов А.К. История русского военного искусства: в 2 т. Т. 1. М., 2008. С. 508. Предоставив такие льготы, Петр III выразил уверенность, что дворяне и впредь будут вступать в службу с не меньшим усердием и воспитывать своих детей «с прилежностью и рачением»; если же кто-либо из дворян будет поступать иначе, то таковых, «яко суще нерадивых о добре общем», повелевалось «презирать и уничтожать всем верноподданным и истинным сынам отечества»; им запрещался проезд ко двору и доступ в публичные собрания.

⁴ Порфирьев Е.И. Петр I – основоположник военного искусства русской регулярной армии и флота. М., 1952. С. 62; Байов А.К. Указ. соч. Т. 1. С. 224–232.

Проповедовалась историческая и политическая теория дворянского сословия, согласно которой, настоящие дворяне – это дворяне старинных родов, позади которых стоят ряды знатных славными делами предков, – а не возведенные в потомственные дворяне разночинцы, дослужившиеся до офицерского чина. Екатерина II писала: «Хотя я и свободна от предрассудков и от природы ума философского, я чувствую большую склонность чтить древние роды, страдаю, видя здесь некоторые из них в нищете; мне хочется их поднять»¹.

В 1785 г. Екатерина II подписала «Грамоту на права и преимущества благородного российского дворянства» (т.н. «Жалованную грамоту дворянству»), юридически подтвердившую все права и преимущества российского дворянства, все вольности, приобретенные этим сословием после смерти Петра I, и добавившую новые. Формулировалось само понятие дворянства как наследственного привилегированного служилого сословия, устанавливался порядок приобретения и доказательств дворянства, его особые права и преимущества. «Жалованная грамота» сохраняла отличие прав личного дворянства от прав потомственного дворянства. Все потомственное дворянство обладало равными правами (личными, имущественными и судебными) независимо от разницы в титулах и древности рода².

Во время войн, которые почти непрерывно велись в эпоху Екатерины II, фактически теряли всякую силу все законоположения о чинопроизводстве и даже правила баллотировки; право жалования в чины до подполковника включительно, бесконтрольно предоставлялось главнокомандующим армиями. Учитывая тот факт, что главнокомандующими были лица, обладавшие значительной властью при дворе и весомыми личными заслугами, они производили назначения по своему усмотрению, нередко и через чин, даже не сообщая коллегии о произведенных³.

Правда, стоит отметить, что, несмотря на нарушения законодательства, фаворитизм и интриги в военных вопросах, армия во времена Екатерины II достигла весьма высокого уровня развития и имела много хорошего. Императрица сравнительно редко ошибалась в выборе своих помощников и в числе характерных черт боевого генерала старой Екатерининской школы можно отметить необыкновенное благородство, удивительную способность подавить свое личное честолюбие, забыть свое личное «Я» в те минуты, когда речь шла о пользе и славе родины. Ее система полного доверия исполнителю была на руку талантливым людям, получавшим широкое поле для развития своих сил и способностей, так армия вырастила целую «стаю славных Екатерининских орлов» с большим здравым смыслом, громадной независимой волей и энергией. Именно в этих условиях смог вырасти и развиваться, например, оригинальный Суворовский талант⁴.

В 1796 г., в царствование Павла I в системе военных чинов произошли изменения, имевшие целью, в частности, достичь большего соответствия между отдельными родами войск⁵ и систематизировать чинопроизводство. В первую очередь было указано, что повышение во все офицерские чины должно производиться не иначе, как с утверждения самого государя, по представлениям Военной коллегии, основанным на аттестации полковых командиров и других начальников, которые имели равную с ними власть. Все чинопроизводство должно было объявляться в так называемых «парольных приказах», которые потом перешли в форму «*Высочайших указов*»⁶ или «*Высочайших приказах о*

¹ Ключевский В. О. Указ. соч. Т. 5. С. 75, 96.

² Там же. С. 122.

³ Глиноецкий Н. Указ. соч. С. 28–29.

⁴ Морозов Н. Воспитание генерала и офицера как основа побед и поражений // Офицерский корпус русской армии. Русский военный сборник № 17. М., 2000. С. 42–43, 53.

⁵ Шепелев Л. Указ. соч. С. 116.

⁶ Глиноецкий Н. Указ. соч. С. 30.

чинах военных»¹. Тем самым отнимались прежние права главнокомандующих и фельдмаршалов производить в чины, минуя военную коллегию. Правило баллотировки, ранее служившее основанием для производства в чины, и нарушаемое во время Екатерины II, постепенно уступило место производству, основанному на одном старшинстве², при *особой* аттестации ближайшего начальства³.

Дореволюционный историк В.А. Евреинов пришел к заключению, что «признание законом самостоятельного значения «табельного» ранга как чина произошло при Екатерине II и Павле I; «сначала в виде частной меры, а потом в 1767 г. как общее правило установлено было отдельное от должности повышение в классах против класса, присвоенного занимаемой чиновником должности»⁴.

Порядок автоматического повышения чиновников по старшинству позднее был перенесен и в армию, что совпало и явилось как бы следствием мер правительства для недопущения недворян к производству в офицеры, (воинский устав 1796 г., указ 17 апреля 1798 г.)⁵ и в числе прочего, понизил качество офицерского состава в дальнейшем.

С конца XVIII в. производство в обер-офицерские чины совершалось по старшинству и на вакансии, рассчитывавшиеся по каждой части отдельно для каждого чина. Право представления к производству в следующий чин принадлежало командиру части, который обсуждал этот вопрос со всеми штаб-офицерами, но решение принимал единолично и нес всю полноту ответственности за правильность выбора⁶.

Таким образом, прежнее, установленное Петром I производство по выбору окончательно исчезло из законодательства при Павле I, оставшись в нем только в виде исключительной награды за особые отличия в основном для военного времени.

При Павле I, считавшем, что главное в армии механическая слаженность войск и исполнительность, а инициатива, самостоятельность вредны и недопустимы, военная служба стала не высоким призванием, налагающим тяжелые обязанности, а выгодной карьерой, дающей почет и наживу. Исчезли высокие идеи, истинный военный дух в воспитании армии (солдат и офицеров), высокое искусство управления войсками было сведено на степень простого ремесла командования. Изменились и взгляды руководителей армии. На первое место выступили личная выгода, собственное благополучие, опасение лишиться материальных благ, изменились отношения рядовых и командиров⁷. Продолжала действовать теория дворянского сословия о приоритете дворянства старинных родов и в виде протекции влиять на продвижение по службе. Дальнейшие изменения, происходившие в русской армии, не только не устранили негативные явления «павловской гатчинщины», а, напротив, усилили их и возвели в порочную и нелепую систему назначений, чинопроизводства, влияние которой продолжалось до Первой мировой войны.

Производство «по старшинству», применявшееся в русской армии и в период 1823—1867 гг., привело к *устарению* штаб-офицерского состава и про-

¹ Волков С.В. Указ. соч. С. 92.

² Политика Екатерины II в отношении государственных чиновников привела к тому, что 13 сентября 1767 г. было принято решение, согласно которому вошло в правило повышать всех государственных чиновников, прослуживших в своем чине минимум семь лет, автоматически на следующую ступеньку, т.е. вне зависимости от их личных качеств, достижений или наличия свободных должностей. Павел I позже сократил этот срок для большинства чинов до четырех лет. См.: Пайпс Р. Указ. соч. С. 181.

³ Глиноецкий Н. Указ. соч. С. 30.

⁴ Шепелев Л. Указ. соч. С. 24.

⁵ Глиноецкий Н. Указ. соч. С. 31.

⁶ Волков С.В. Указ. соч. С. 91.

⁷ Морозов Н. Указ. соч. С. 92.

никновению в него нежелательных элементов. Введенное в 1867 г. производство в штаб-офицеры исключительно по избранию «за отличие», вызвало ошибки, произвол, пристрастие и фаворитизм¹.

В середине XIX в. предпринимается несколько попыток упорядочить военное чиновничество главным образом для сокращения числа чинов и установления их соответствия должностям. Возбуждался вопрос об уничтожении военных чинов, не имевших ни строевого, ни административного значения. Все соображения по изменениям чиновничества разработали в Военном министерстве, но они остались нереализованными.

В 1869–1871 гг. под руководством военного министра Д.А. Милютиня работала особая комиссия для пересмотра правил военного чиновничества. Как результат, в 1884 г. провели ее общую реформу². Так, приказом по военному ведомству № 136 от 1884 г. изменялись правила вакансионного производства армейских капитанов в подполковники. В 1896 г. приказ № 187 показал, что распределение вакансий между тремя категориями производимых «вне правил», «по избранию» и «по старшинству» – отводит на долю первых двух категорий 52,5 % (5 % и 47,5 % соответственно), т. е. более половины всех вакансий замещается по аттестациям начальства. Несостоятельность единоличной аттестации командира и вместе с тем недостатки правил производства в штаб-офицеры отмечались приказами по военному ведомству 1892 г. № 203, 1893 г. № 25, 1894 г. № 205, 1895 г. № 279. Смешанная система производства 1884 г. не привела к уничтожению недостатков производства прежних лет, а лишь сократила поле для их применения³.

Для производства в генералы срока выслуги не существовало, а с 1882 г. было запрещено полковников, которые не выслужили в данном чине 10 лет, представлять за отличие к чину генерал-майора, кроме особо выдающихся случаев. Тем, кто производился в генералы за выдающиеся отличия, давалось преимущество в старшинстве в чине генерал-майора перед сверстниками, произведенными в генерал-майоры обычным образом.

Для военного ведомства в царствование императора Александра III характерен застой в данном вопросе. Он привел к тому, что людей неспособных и дряхлых не увольняли, назначения шли по старшинству, способные люди не выдвигались, а двигаясь по линии, утрачивали инициативу, энергию и, в конечном итоге, интерес к службе. Вследствие этого, добираясь до высших должностей, они мало отличались от окружающей массы посредственностей. Тем самым продолжал формироваться состав высших начальников, благодушных и приученных бояться инициативы и ответственности. С этим составом Россия впоследствии вступила и в Японскую войну⁴.

Таким образом, до конца XIX в. чиновничество офицеров осуществлялось тремя способами:

1) по старшинству на вакансии по полкам (главным образом строевые офицеры);

2) за отличия (строевые офицеры и занимающие административные должности);

3) за выслугу лет в предыдущем чине (офицеры Генерального штаба, корпуса военных топографов, военно-судебного и военно-учебного ведомств, местных и конвойных команд, дисциплинарных батальонов и команд, делопроизводители управлений уездных воинских начальников, а также по всей армии из подпоручиков в поручики).

¹ Гриценко П. Итоги 16-летнего применения правил 1884 г. для производства в подполковники, и как быть далее? // Военный сборник № 10. СПб., 1900. С. 399.

² Шепелев Л. Указ. соч. С. 123.

³ Гриценко П. Указ. соч. С. 381–382.

⁴ Редигер А. История моей жизни. Воспоминания военного министра: В 2 т. Т. 1. М., 1999. С. 157–158.

В 1900 г. система чинопроизводства была изменена более радикально. Ваканционная система для обер-офицеров была отменена, при чинопроизводстве по выслуге лет офицерам полагалось прослужить в каждой чине не менее 4 лет¹. Продвижение по службе выше VI класса (полковник) формально не связывалось с определенной выслугой лет и зависело исключительно от образования, заслуг и усмотрения начальства. Существовала возможность выслуги в офицеры нижних чинов с дальнейшим производством вплоть до генералов. Окончание военных академий создавало предпочтительные условия для производства в высшие офицерские и генеральские чины². Для производства «за отличие» в полные генералы требовалась выслуга в предыдущем чине 12 лет, в генерал-лейтенанты и в генерал-майоры – 8 лет; при производстве «вне правил» эти сроки сокращались на 2 года. Полковники, служившие в армии на административных должностях и вне военного ведомства, производились в генерал-майоры не ранее их строевых сверстников по службе.

Сложившийся порядок чинопроизводства зависел от количества ежегодно открывавшихся вакансий в войсках, а оно было небольшим, как и число строевых командных должностей. Продвижение по службе в мирное время шло медленно. Объективно получалось так, что повышение в чинах шло успешнее для офицеров, служащих в штабах, управлениях, т.к. число штаб-офицерских и генеральских должностей там было гораздо большим относительно общей численности офицеров³.

В 1905 г., как отмечал А.Ф. Редигер⁴, «...офицерский состав представлял собой оригинальное явление: прекрасный на самых младших ступенях иерархии, он на высших становился все слабее и слабее. При прохождении службы ни знания, ни усердие и любовь к военному делу не могли кого-нибудь выдвинуть – все повышались по линии, вплоть до производства в штаб-офицеры. Неудивительно, что самые энергичные и способные офицеры спешили уйти из строя в академии, в штабы, а то и в гражданскую службу. Младшие офицеры, вообще, были очень хороши; хороши были и ротные командиры, хотя отчасти уже стары для своей должности, но штаб-офицеры в полках были самым слабым элементом: до чина подполковника мог дотянуть всякий офицер, даже малоспособный; дальнейшее движение, в командиры отдельных частей, доставалось лишь более способным, а все остальные на долгие годы оставались в полках, не принося пользы и задерживая служебное движение младшим. Столь же неудовлетворителен был состав бригадных командиров: у них было мало дела, а потому в бригаде не отказывали ни одному генералу; из них, не способные для занятия других должностей, командовали бригадами долгие годы. Ввиду медлительности служебного движения в армии армейский офицер разве под старость мог в виде исключения попасть в генералы; высшие же генеральские должности были доступны только лицам быстро прошедшим младшие чины, а именно – вышедшими из Гвардии, особенно, из Генерального штаба. Последние, однако, во многих случаях оказывались слишком штабными – недостаточно твердыми, с преобладанием ума над волей. Самое назначение на высшие должности производилось применительно к старшинству в чинах, без достаточной оценки пригодности к высшему назначению»⁵.

Об этом же писал П.К. Кондзеровский⁶: «...До Японской войны, в армейских пехотных и кавалерийских полках совсем почти не было своих полковни-

¹ Волков С.В. Указ. соч. С. 96–97.

² Шепелев Л. Указ. соч. С. 125–126.

³ Волков С.В. Указ. соч. С. 97, 99–100.

⁴ Редигер Александр Федорович (1853–1918), военный министр России 1905–1909 гг. См.: ВЭ, Т. 7. С. 89–90.

⁵ Редигер А. Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 430.

⁶ Кондзеровский П.К. (1869–1929), генерал-лейтенант. 4 июня 1908 г. назначен на должность дежурного генерала в ведении которого находились кадровые вопросы. Во время

ков; если таковые были, то большей частью переведенные или из гвардии или с административных должностей. Попадая в кандидатские списки на отдельные части, эти полковники быстро получали назначения, тогда как чисто армейские кандидаты, подполковники, редко могли дожидаться этого счастья, а большей частью достигали такого возраста, когда их исключали из числа кандидатов. Кроме того, и вообще назначения от армии, по сравнению с гвардией и Генеральным штабом были в пропорциональном отношении крайне несправедливы.

Когда я был назначен начальником отделения по назначению на должности, там были приняты такие приемы: в кандидатских списках против фамилий многих старших кандидатов (преимущественно кандидатов Генерального штаба и гвардии) были карандашные отметки столоначальника: ждет полка в Риге, в Москве и т. д. ... В первую голову были уничтожены все карандашные отметки; ждавший два года полк в Риге, как сейчас помню, Генерального штаба полковник Торклус получил предложение, под угрозой исключения из кандидатского списка на год, принять выпавший на его долю 194-й Мстиславский полк (около города Дубно) и, принял его; следующему кандидату Генерального Штаба достался по очереди 7-й стрелковый полк в Ченстохове и т. д.

Этим путем всяким выжиданиям желательных полков был сразу положен конец, и должности командиров полков замещались по мере их открытия очередными кандидатами. Армейская очередь была увеличена.

Все полковники армии, получившие этот чин не в строю армии, были изъяты из армейской очереди и включены в особую очередь переменной службы. Словом, сделано было весьма многое для того, чтобы дать движение в армии...»¹

Наконец, несколько позднее, при Военном министре А.Ф. Редигере и при Дежурном Генерале А.З. Мышлаевском, был представлен всеподданнейший доклад о необходимости уравнивания армии с гвардией путем уничтожения в армии чина подполковника. Доклад этот был Высочайше утвержден и тогда же во всех армейских полках была установлена должность старшего штаб-офицера в чине полковника.

Однако, во избежание каких-либо лишних разговоров, доклад этот указано было держать в полном секрете. Впоследствии, во исполнение этого доклада, во всех пехотных полках армии была введена вторая должность полковника. Так постепенно все армейские подполковники должны были превратиться в полковников, и чин подполковника должен был быть упразднен, чем и уничтожалась вся разница между армией и гвардией. Вследствие особой секретности доклада, который был известен лишь очень немногим в Штабе, это мероприятие, вполне одобренное Государем Императором, осталось совершенно неизвестным, но я могу совершенно определенно заявить, что решение это было действительно принято...»²

Порочную систему чинопроизводства справедливо критиковали многие современники и продолжают критиковать исследователи российской истории. А.И. Солженицын возлагает на «повышение по старшинству» вину за катастрофическое поражение русской армии в начале Первой мировой войны. В своих трудах он пишет: «...губит русскую армию это *старшинство!* верховный неоспоряемый счет службы, механического течения возраста и возвышения по чинам. Только бы ты ни в чем не провинился неприлично, только бы не рассердил начальство – и сам ход времени принесет тебе к сроку желанный следующий чин, а с чином и должность... И так уж приняли всю эту разумность старшинства, что полковник о полковнике, генерал о генерале первое спешат узнать

Первой мировой войны также занимал должность дежурного генерала. См.: Залесский К.А. Кто был кто во второй мировой войне. М., 2003. С. 316.

¹ Кондзеровский П.К. В ставке Верховного 1914–1917. Париж, 1967. С. 14–15.

² Там же. С. 15.

– не в каких он был боях, а с какого года, месяца и числа у него старшинство, стало быть, в какой он фазе перехода в очередной чин»¹.

Таким образом, к концу XIX – началу XX вв. в Российской императорской армии сложились условия, которые объективно не позволяли формировать высший командный состав, отвечавший необходимым требованиям для полководческой деятельности. Несмотря на отдельные попытки упорядочить должностной рост офицерского состава, в российской императорской армии сложилась порочная система чинопроизводства². Ее основой являлось старшинство в чине, что порождало застой и отток значительного числа офицеров из строевой службы – основы вооруженных сил любого государства. Наиболее независимые личности со здоровым карьерным устремлением – одна их лучших категорий для командной управленческой деятельности – вынуждены были искать служебные пути не в строю, а в тех ведомствах, где должностной рост был наиболее динамичным.

Талантливые строевые офицеры в своей основной массе останавливались на низших ступенях карьерной лестнице, в результате чего русская армия к Русско-японской (1904–1905 гг.) и Первой мировой (1914–1918 гг.) войнам пошла с «отлично применявшимися к местности взводами, великолепно стрелявшими ротами и проявлявшими частный почин батальонами» которые «оказывались заключенными в вялые дивизии, неуклюжие корпуса и рыхлые армии»³.

¹ Солженицын А.И. Август Четырнадцатого // Роман-газета. 1991. № 23–24. С. 35.

² По мнению современников (с чем трудно спорить) официальная система чинопроизводства переплеталась с неофициальной, включавшей в себя три пути для повышения в чине: 1) Служба в одном из дорогих гвардейских полков. Это требовало больших личных денежных средств. Прожившие средства товарищи увольняясь, открывали вакансии. Помимо этого великосветские развлечения создавали прочные связи, обеспечивающие быструю карьеру. Так, в своих воспоминаниях К.Г. Маннергейм отмечал: «Я считал большой честью оказаться в этом полку (кавалергардском. – А.П.), почетным командиром которого была сама императрица Мария Федоровна... Раз в году шеф полка императрица Мария Федоровна вместе со своим супругом императором Александром III принимала у себя всех офицеров полка... Я мечтал оказаться в Петербурге, где для молодого офицера было намного больше возможностей (см.: *Маннергейм К.Г.* Мемуары. М., 1999. С. 13–140); 2) Причисление к Генеральному Штабу. Офицеры этой категории имели отдельную линию чинопроизводства; 3) Придворный. Войти в окружение высокой особы, получившей командную должность. Поднимаясь по командной линии, эта особа выходила своих приближенных (см.: *Мартынов Е.И.* Из печального опыта Русско-японской войны // Политика и стратегия. М., 2003. С. 67–68).

³ Керсновский А. История Русской армии 1881–1916. Смоленск, 2000. С. 121.

АТКАРСКИЕ «ПОТЕШНЫЕ»: ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX в.

8 января 1908 г. Николай II повелел «завести в деревнях обучение детей в школах строю и гимнастике запасными и отставными унтер-офицерами за малую плату». По всей империи стали возникать военизированные подростковые отряды, получившие название «потешных».

Первые попытки наладить в учебных заведениях военное воспитание относились ещё к эпохе Александра III, но в его царствование школьники «маршировали очень недолго и далеко не везде», а к концу XIX в. широко задуманная программа «существовала только на бумаге»¹. В Аткарском уезде похвастаться хорошо поставленным преподаванием гимнастики и военного строя могла, пожалуй, только школа Пригородной волости². После Русско-японской войны и событий Первой русской революции реанимация термина более чем двухвековой давности должна была влить новые силы в дряхлеющий организм рождённой волею Петра Великого Российской империи. Властная элита и патриотические круги русского общества стремились воспитать детей здоровыми телом и духом, преданными Родине, вере и монархии. Как проходил этот процесс, мы проследим на примере Аткарского уезда Саратовской губернии.

Откликаясь на высочайшую волю, Министерство народного просвещения 3 марта 1908 г. затребовало от учебных округов сведения о состоянии в подведомственных им учебных заведениях преподавания гимнастики и военного строя. Введение этих предметов в программу министерство признавало «мерой в высшей степени полезною и желательною». Согласно отчёту инспектора народных училищ Аткарского уезда А.И. Никитина, в 1908–1909 учебном году с подростками разучивали «понятия о стойке в строю, на молитве, при разговоре со старшими, понятие о выражениях "смирно", "вольно", понятие о правом и левом фланге, о равнении, смыкании и размыкании строя, движения глаз, головы, плеч, туловища, ног; приседания, прыганье, прыжки. Повороты: направо, налево, кругом, маршировка шагом, бегом; по винтовой линии, перескакивание через согнутую спину товарища; подражание рубке леса, косью, молотью, носке раненых». Также устраивались различные игры, прогулки, праздники, причём «преследовалась не только одна цель физического развития учащихся, а также выработка у учеников сознания необходимости во всякого рода группировке людей, исполнения дисциплины, поддержания порядка и укрепления чувства товарищества. Признавая полезность гимнастики в том объёме, в каком она существует в городских училищах», инспектор «считал бы более желательным введение в городских училищах военной гимнастики, ибо в ней дисциплинирующее воздействие на учащихся сильнее и, кроме того, школа являлась бы подготовительной ступенью для будущего исполнения учениками их воинского долга»³. В 1909 г. преподавание удалось наладить и в железнодорожном училище. В 1910–1911 учебном году его учащиеся занимались предметом по 2 урока в неделю под руководством военнослужащих. Для учеников приобрели деревянные «потешные» ружья и так называемые «кадетские» барабаны⁴.

¹ См. подробнее: *Плешаков И.Н.* Из саратовского опыта военного воспитания (XIX – нач. XX в.) // *Гражданская война в России (1917-1922): взгляды и оценки через 90 лет* (Доклады Академии Военных наук. Военная история. № 5 (29). Саратов, 2007.

² Саратовский дневник. 1890. 6 февраля.

³ Доклады Аткарской уездной земской управы по народному образованию. Аткарск, 1910. С. 69–70.

⁴ Отчёт о состоянии училищ Рязано-уральской железной дороги за 1910–11 учебный год. Саратов, 1912. С. 40; То же за 1911–12 учебный год. Саратов, 1913. С. 46.

В начале 1910 г. директор народных училищ Саратовской губернии А.П. Карпов разослал подчинённым опросные анкеты об отношении к введению в учебный курс нового предмета. Ответы на неё оказались полярными. Типичной можно назвать реакцию заведующего частного училища 2-го разряда в селе Баланда¹ Аткарского уезда А.Н. Соколова. В письме от 7 февраля того же года он указывал на отсутствие годного для этой цели помещения и настаивал на необходимости преподавания предмета квалифицированным педагогом, получившим «специальное образование». Иначе «уроки гимнастики обратятся в подневольное, а потому скучное, лазание и прыгание, от которых учащиеся и будут стараться отделаться всеми средствами». К идее привлечения педагогов в погонах А.Н. Соколов отнёсся крайне отрицательно, «так как ни одному из вышеприведённых условий эти лица не отвечают и их преподавание, в большей части, сводится к изучению военного строя»².

8 марта 1910 г. Аткарский училищный совет сообщил уездной земской управе о получении от Екатеринославского инспектора народных училищ А.А. Луцкевича - зачинателя русских «потешных» - предложения о покупке комплектов изданий по обучению военному строю и гимнастике, выручка от реализации которых предназначалась на содержание в г. Бахмуте «Первого народного класса строя и гимнастики его императорского высочества наследника цесаревича и Великого князя Алексея Николаевича».

Инспектор народных училищ Аткарского уезда А.И. Никитин просил местное земство ассигновать средства на приобретение комплектов для всех училищ уезда. К очередной сессии управа подготовила доклад по вопросу о введении в школах уезда военного строя и гимнастики. «В последнее время взоры всех обратились на возрастающую вялость и хилость учащихся», - писали составители документа. «В числе мер, могущих благотворно повлиять на физический организм учащихся и подготовить их к военной службе, главнейшей и доступной школам признаётся гимнастика, так как дети вообще очень склонны к физическим упражнениям, занимательным играм, - причём, целесообразно означенные занятия и упражнения производить на открытом воздухе; таким образом, ввиду наблюдаемого упадка физического развития молодых поколений, необходимо признать, что физическое здоровье и развитие детей в школах заслуживают таких же забот, как и развитие умственное и нравственное»³.

На заседании 9 сентября 1910 г. гласные земского собрания отклонили просьбу училищного совета о выделении на преподавание военного строя и гимнастики в школах уезда 1455 руб. Такой исход дела не удовлетворил учебное ведомство. 13 сентября училищный совет получил предложение директора народных училищ Саратовской губернии А.П. Карпова от 29 августа, в котором тот снова напоминал о необходимости усилить работу в данном направлении. 22 сентября училищный совет опять обсудил этот вопрос. Когда 23 ноября того же года состоялось экстренное заседание земского собрания, совет не упустил возможность вновь попытаться убедить гласных в необходимости выделения средств на жалованье преподавателям предмета в 97 земских, 5 немецких и 5 министерских начальных училищах. В то же время управа рекомендовала гласным отклонить это ходатайство и поручить ей «разобрать этот вопрос во всех деталях и предложить уже таковой с подробными исчислениями будущему земскому собранию». Председательствовавший на заседании влиятельный деятель и многолетний уездный предводитель дворянства Н.В. фон Гардер предложил, «не предрешая вопроса о желательности такого обучения детей, так как

¹ Ныне г. Калининск.

² Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 13. Оп. 1. Д. 3480. Л. 4-4об.

³ Перечень докладов Аткарского уездного земского собрания 45-му очередному Аткарскому уездному земскому собранию 1910 года. Аткарск, 1910. С. 6; Доклады Аткарской ... 1910. С. 24-25, 69-70, 97.

воля государя императора для нас всех священна и должна быть нами выполнена, немедленно ассигновать по 15 руб. на каждое училище для приглашения запасных унтер-офицеров для обучения детей». Председатель уездной управы И.И. Панфилов возразил, что «выполнить сейчас это крайне невозможно по средствам, каковых в распоряжении управы не имеется», и снова изложил позицию управы по этому вопросу. С ней в целом согласились гласные В.А. Васильев и С.В. Коревицкий, причём последний предложил обратиться за пособием к военному министерству, которое «само ... заинтересовано ... в подготовке гражданских воинов и охотно идёт на пособие». После обмена мнениями собрание постановило: ввести обучение военному строю и гимнастике, ассигновав по 15 руб. на школу. 2580 руб. на эту цель решено было взять из запасного капитала, а управе гласные поручили ходатайствовать о пособии перед военным министерством¹.

В 1910–1911 учебном году в Аткарском уезде занятия не производились только в 14 земских училищах. Отсутствие в них этого предмета объяснялось «исключительно незначительностью платы за обучение (2 руб. 30 к. в месяц), за каковую невозможно было подыскать знающего преподавателя». При этом в течение года на преподавание военного строя было израсходовано 1279 руб. 95 коп., то есть меньше ассигнованной суммы. Инспектор народных училищ А.И. Никитин отмечал, что «везде и приглашённые военные нижние чины, и учащиеся мальчики, отнеслись к новому делу с большим интересом, и занимались с полным, неослабевающим вниманием и любовью; краткость срока занятий не позволяет делать каких либо выводов о воздействии и влиянии занятий и упражнений на физический организм учащихся; одно только необходимо заметить, что занятия гимнастикой ни в какой мере не помешали занятиям по общеобразовательным предметам. Занятия, когда позволяла погода, велись на открытом воздухе, а в остальное время - где возможно по условиям училищного здания - группами в классных помещениях; на занятия употреблялось время от 2 до 4 часов в неделю». В следующем 1911–1912 учебном году из 124 народных училищ уезда преподавание гимнастики и военного строя удалось наладить в 87 с 6735 учениками. В этом году ассигнования земства возросли до 3437 руб., или на одну треть. Одно из крупнейших в России ассигнований на преподавание военной гимнастики было отмечено журналом «Вестник воспитания». Достаточно сказать, что земство Бахмутского уезда – «вотчины» пресловутого А.А. Луцкевича, выделило на ту же цель 3000 руб.²

В докладе о состоянии народного образования в уезде за 1911–1912 учебный год инспектор А.И. Никитин указывал как на «существенное препятствие, мешающее организации преподавания гимнастики и военного строя, ... на то, что сельские училища не имеют на холодное время подходящих помещений для занятий гимнастикой, как равно и учащиеся не имеют подходящей одежды и обуви; наконец, в некоторых случаях нельзя за небольшую плату найти учителей гимнастики (нижнего чина). Нормально и успешно, - писал он далее, - эти занятия могут идти в течение весны и осени. В настоящее время нет ещё определённой, выработанной программы физического воспитания детей, - нет и специально обученных инструкторов, способных в целях укрепления физического организма, вести преподавание всей совокупности физических упражнений: строя, гимнастики вольных движений и военной, внешкольного спорта и т. п.» Отмечая, что «современный состав преподавателей совершенно незнаком с элементами гигиены», А.И. Никитин считал необходимым в будущем осуществлять физическое воспитание под наблюдением участкового врача. По итогам

¹ Доклады Аткарской ... 1910. С. 8–9; Отчёт по Аткарскому городскому 4-х классному училищу за 1910 год. Аткарск, 1911. С. 5, 7, 11, 13, 19; Волга. 1911. 6 марта; Русская школа. 1910. № 11. С. 70.

² Вестник воспитания. 1911. № 9. С. 125.

года было видно, что «как учащие военные нижние чины, так и ученики городских сельских школ обнаруживают немалое старание и большую охоту к этому новому делу – физических упражнений. Имея в виду ежегодно увеличивающийся процент бракуемых новобранцев, приятно констатировать факты, что и у нас, как в западных и других государствах, – положены начальные зёрнышки физического воспитания детей. Дай Бог, чтобы это начало положило основание большому будущему делу физического воспитания учащихся. Памятуя, что «в здоровом теле – здоровая душа», – мы должны к умственному и нравственному воспитанию присоединить только что нарождающееся и физическое воспитание»¹.

16 марта 1911 г. училищный совет Аткарского уезда обсудил вопрос «об организации в г. Аткарске курсов для подготовки учителей сельских школ к самостоятельному преподаванию в школах военного строя и гимнастики». Проведение курсов признали желательным, а за ассигнованием необходимых средств на эту цель педагоги обратились к уездной земской управе². А.И. Никитин запросил у подчинённых ему педагогов, не желают ли они летом пройти соответствующую подготовку при управлении уездного воинского начальника. В конце мая инспектор сообщил в земскую управу, что учиться строевой науке изъявили желание 13 человек. В связи с этим он просил найти средства на суточное довольствие офицеру и трём придаваемым ему в помощь унтер-офицерам, командировавшимся преподавать учителям новый предмет. Но хлопоты А.И. Никитина оказались напрасными. Из-за того, что число желающих пройти подготовку оказалось слишком мало, а назначенного преподавателем капитана Иванова командировали в г. Ставрополь, курсы не состоялись³. В итоге в роли строевых наставников оставалось терпеть своеобразных персонажей местной скандальной хроники. Буквально в те же дни преподаватель военного строя полицейский урядник Тарасов в пьяном виде избил аткарского городского Федина и его жену. Буяна приговорили к трёхнедельному заключению, но тот подал весьма оригинальную апелляцию в судебную палату. Ссылаясь на свой статус учителя военной гимнастики, Тарасов настаивал на передаче его дела в военно-полевой суд. Разумеется, абсурдное прошение было отвергнуто⁴.

Любопытный пример «принудиловки», характеризующий отношение к предмету сельских жителей Аткарского уезда, некто «Проезжий» привёл в начале 1911 г. на страницах «Саратовского вестника»: «А теперь вот у нас в школу наняли ундера⁵ Филатку Трифонова – гимнастике учить, ... чтобы ребятишки здоровее были», – рассказывал автору ямщик. «А где там здоровее – ребятишки то и без ундера устают: одной воды сколько в день перетаскивают, а тут ещё фрунту их обучают. Поставят, это, их в ряд в рваных шубёнках и заставят кричать «раз, два», «раз, два». Зябнут, зуб на зуб не попадает. Многие уж школу бросили из-за этого, потому одежды для фрунту настоящей нет – бедность». «Мальчикам то ещё туда сюда – им в солдаты идти, а вот девочкам это зачем?», – задавался вопросом возникший. Въехав в деревню, автор увидел следующую картину: «На площади около училища копошилась толпа мальчиков и девочек, а в десяти шагах от них стоял в дублёном полушубке "ундер Филатка"». По его приказу, толкаясь и падая на снег, дети построились и «сдвоили ряды»: «"Ну, зрасть, ребята", – кричит командир. "Ав-ав-ав!" – крикнули хриплые детские голоса. Все замолчали и только с "левого фланга" какая-то девоч-

¹ [Никитин А.И.] Доклад инспектора народных училищ Аткарского уезда А.И. Никитина о состоянии народного образования в Аткарском уезде за 1912–13 учебный год. Аткарск, 1913. С. 31.

² Он же. Доклад ... за 1910-11 учебный год. Аткарск, 1911. С. 16–17; Он же. Доклад ... за 1911–12 учебный год. С. 18–34; ГАСО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 3577. Л. 4–4 об, 7, 10, 12.

³ ГАСО. Ф. 3577. Оп. 1. Д. 3577. Л. 16, 19–31.

⁴ Саратовский вестник. 1911. 19 апреля; 29 мая; 8 июня; 10 июня; 1912. 15 августа.

⁵ Унтер-офицера.

ка наивно выводит ещё по слогам мудрёные слова: "Зда-ви-я жа-я-ем ва-се-му бо-го-ло-дию". Послышалось хихиканье. "Молчать! – Дисциплина страдает, - обращается ко мне "ундер". – Учителя мешают. Поставил недавно одного сопляка на колени на рубцы, да учитель не позволил. Ох, если бы дали мне волю, выучил бы я их, а это что за наука!"»¹

Настоящим подвижником потешного движения в уезде стал учитель-инспектор Аткарского городского 4-классного училища И.Н. Лукьянов. Его служебные характеристики были блестящи, а в своих учеников холостой и бездетный педагог вкладывал всю душу². С именем этого скромного труженика корреспондент «Саратовского вестника» даже связывал распространение начинания в пределах всей губернии³. Уже 19 июля 1910 г. Лукьянов просил губернского директора А.П. Карпова ходатайствовать перед попечителем Казанского учебного округа А.Н. Деревницким о введении в его училище преподавания гимнастики и военного строя, учитывая, что они имеют «огромное дисциплинирующее влияние на учеников» и являются «подготовительной ступенью к исполнению в будущем воинского долга». До перевода в Саратов в июле 1910 г. гимнастикой с детьми по три часа в неделю занимался учитель русского языка, литературы и истории П.А. Жучков. 9 сентября преподавание гимнастики и военного строя в училище, с разрешения недавно назначенного уездного воинского начальника полковника П.И. Береснева, начал житель Солдатской слободы опытный сверхсрочный фельдфебель Ф.Г. Игнатъев, получавший от городской управы 48 руб. в год. В 1910 г. занятия продолжались до 21 декабря и возобновились на следующий год. По их итогам Игнатъев составлял обстоятельные отчёты. За несколько лет он проявил «такое умение и способность обучать военной гимнастике и строю, что в короткое, сравнительно, время достиг блестящих результатов». По словам И.Н. Лукьянова, «обладая способностью преподавателя, он благотворно влиял на дисциплину в училище»⁴.

30 сентября 1910 г. И.Н. Лукьянов сообщил, что городская управа закупила для занятий 47 деревянных ружей, а воинским начальником был «обещан барабан». 26 октября того же года училище посетил попечитель Казанского учебного округа А.Н. Деревницкий. «С особенным удовольствием присутствовал я на уроке обучения военному строю и военной гимнастикой, - в этом направлении Аткарским городским училищем сделан не только добрый почин, но и достигнуты уже заметные успехи», - записал он в визитационной книге учебного заведения. На тусклом фоне гимнастического неблагополучия остальных саратовских уездов аткарцы действительно выделялись. При содействии воинского начальника полковника П.И. Береснева – георгиевского кавалера и героя Русско-японской войны - здесь была сформирована «1-я Аткарская Потешная рота». 12 мая 1911 г. И.Н. Лукьянов с гордостью докладывал о полном успехе начинания: «При посещении Соборной церкви в воскресные, праздничные и царские дни⁵ учащиеся вверенного мне училища шли повзводно, с национальным флагом с инициалами «А. 1-я П. Р.» Сознательная и строгая дисциплинированность учащихся, являвшихся в храм Божий без шума и в порядке, вызвала полное одобрение не только церковного клира, но и всех молящихся прихожан. Во все царские дни потешная рота Аткарского городского 4-х классного училища принимала парад от воинского начальника». В день пятидесятилетнего юбилея отмены крепостного права в России 19 февраля 1911 г. рота присутствовала на литургии и участвовала в параде местного гарнизона. Во ознаменование славной даты, исполнявший обязанности уездного предводителя дворянства камер-юнкер императорского двора и почётный попечитель Ат-

¹ Там же. 1911. 9 января.

² ГАСО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 3599. Л. 35-35об, 46-46 об, 100.

³ Саратовский вестник. 1911. 12 мая.

⁴ ГАСО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 3599. Л. 61-61 об; Ф. 366. Оп. 1. Д. 2. Л. 1 об.

⁵ Дни именин членов монаршей семьи.

карского реального училища С.А. Юрьевич - ещё один истовый подвижник идеи, «изъявил желание пожертвовать Аткарской потешной роте образ Святителя и Чудотворца Николая, ротный барабан и сигнальный рожок, что им и было исполнено». Сообщается также о подаренном С.А. Юрьевичем знамени. Кроме этого благотворитель решил поставить помощь аткарским потешным на регулярную основу. В начале 1911 г. он обязался, пока будет оставаться попечителем реального училища, ежегодно жертвовать на обучение подростков военному строю 500 руб. Ещё 600 руб. С.А. Юрьевич пожертвовал одновременно на приобретение гимнастических снарядов. С наступлением тёплого времени жители Аткарска могли видеть учеников, маршировавших по городу с развевающимся знаменем и «распевая солдатские песни». Организованный С.А. Юрьевичем духовой оркестр скоро разучил гимн и марши. 24 марта в соборе состоялось торжественное освящение иконы Николая Чудотворца, поднесённой в дар роте 4-х классового училища С.А. Юрьевичем. «Ученики прибыли в собор с деревянными ружьями. После обедни и освящения иконы состоялся парад потешных». После молебна в училище, с участием представителей городских властей, и произнесения соответствующих речей, ученики отправили на имя государя телеграмму «с выражением верноподданнических чувств». 14 апреля 1911 г. аткарские потешные, вместе с местным гарнизоном, приняли участие в торжественном освящении бюста Александру II¹. От имени подростков императору была послана телеграмма с выражением верноподданнических чувств, «на что последовала всемилостивейшая ответная телеграмма»².

Преподавателем военного строя в Аткарском реальном училище стал его недавний выпускник вольноопределяющийся С. С. Саранцев. Автор цитированной выше заметки не без ехидства писал об «успехах» местных потешных, которые «выучили несколько песен, а на улице при встрече с знакомыми не снимают своих головных уборов, а по-военному "берут под козырёк". В торжественные же дни реалисты "строятся" перед стенами женской гимназии и "едят глазами начальство" в лице господина директора, который торжественно выходит из дверей гимназии и поздравляет "молодцов" с праздником. Раздаётся "здравия желаем, ваше высокородие". Затем кричат "ура". Играет музыка ... Совсем как настоящие солдаты»³. Сохранился даже фрагмент одной из песен, распевавшейся учениками реального училища:

«Жизни тот один достоин,
Кто на смерть идти готов.
Православный русский воин
Не считая бьёт врагов.
Что французы, англичане,
Что турецкой глупый строй! ...
Выходите, басурманы,
Вызываем вас на бой»⁴.

Но аткарские энтузиасты не остановились на маршировках по улицам сонного городка. В июне 1912 г. И.Н. Лукьянов возбудил перед местной думой ходатайство о выделении 1500 руб. на организацию поездки роты 4-классного городского училища в Санкт-Петербург на высочайший смотр, куда к концу июля, вместе с педагогами, должны были съехаться «потешные» и «соколы» со всей империи. Средства на путешествие поступили в город от министерства народного просвещения. В середине июля попечитель округа потребовал от

¹ Саратовский вестник. 1911. 13 марта, 13 апреля; 21 апреля; 1912. 12 мая; Саратовский листок. 1912. 26 апреля.

² ГАСО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 3480. Л. 10, 94, 109, 120–120 об, 126, 138; Циркуляр по Казанскому учебному округу. 1910. № 4. С. 127; Волга. 1911. 6 мая.

³ Саратовский вестник. 1912. 12 мая; Саратовский листок. 1912. 5 июня; Памятная книжка Саратовской губернии на 1914 год. Саратов, 1914. С. 153.

⁴ Саратовский листок. 1912. 26 апреля.

директора народных училищ губернии А.П. Карпова немедленно доставить организаторам столичного вояжа ассигнованные на эту цель деньги. Тем же летом торжественный смотр состоялся и в самом Аткарске. 26 августа после молебна по поводу столетнего юбилея Бородинской битвы и Отечественной войны 1812 г. «потешные» реального, городского и железнодорожного училищ с деревянными ружьями, вместе с казаками, стражниками и военными местной конвойной команды, приняли участие в параде, замыкая прохождение гарнизона. «Остальные учащиеся шли парами и несли более сотни национальных флажков». На площади состоялся молебен, казаки сделали десять ружейных залпов, после чего гарнизон и подростки прошли церемониальным маршем под звуки духового оркестра реального училища. В селах уезда торжество перенесли на 11 октября. «В большинстве сельских училищ учащиеся закончили торжество юбилея прохождением маршем (с флагами) по улицам селений вместе с учащими и учителями гимнастики и военного строя»¹.

22 ноября 1912 г. уездное земское собрание заслушало неожиданное заявление С.А. Юрьевича о нежелании быть избранным попечителем реального училища на следующее трёхлетие. Пойти на этот шаг его заставило поведение директора училища В.И. Щеченкова, желавшего «все дела решать единолично». «Оговариваюсь, что оставляю попечительство с сожалением, т.к. боюсь – будет ли родное и близкое мне дело, как организация потешных, развиваться и идти в тех же условиях, начало которому положил я, благодаря вам, гласным, избравшим меня почётным попечителем», – заявил С.А. Юрьевич депутатам земского собрания. – Отступить от самой организации потешных уже мне кажется невозможным, благодаря тому, что я дал возможность своими средствами переделать зал для гимнастических упражнений (600 р.) и пригласить (500 р.) преподавателя военного строя. Как израсходованы данные мною средства, мне до сих пор неизвестно. Согласно сообщению г. директора, который единолично решил и выписал на предназначенные мною средства на приглашение преподавателя военного строя гимнастические приборы и снаряды в училище, я глубоко сомневаюсь в том, что жертвуемые деньги израсходовались на дальнейшее развитие организации потешных, почему и удерживаюсь сделать взнос на текущий год»². Между тем обидчик С.А. Юрьевича сумел в полной мере воспользоваться его идеями и плодами усилий, выступив в апреле 1913 г. на окружном съезде в Казани с докладом «О религиозно-нравственном и патриотическом воспитании в средней школе»³.

22 февраля 1913 г. в день празднования 300-летия династии Романовых в населённых пунктах уезда состоялись парады «потешных» под командой учителей гимнастики. С флагами и пением патриотических песен подростки прошли по улицам родных сёл⁴. В уездном центре ученики участвовали в параде на Соборной площади, «по окончании которого устроили патриотическую манифестацию, совершив прогулку церемониальным маршем по главным улицам г. Аткарска, со знаменем и значками учебных заведений, в предшествовании ученического оркестра, с пением патриотических песен»⁵. Летом 1913 г. пол гимнастического зала в училище покрыли дорогим и новым для того времени мате-

¹ Саратовский вестник. 1912. 12 июня; 20 июля; Начальное обучение. 1911. № 7. С. 210–211.

² Журнал экстренного Аткарского уездного земского собрания 22 ноября 1912 года. Доклады управы ... Аткарск, 1913. С. 20–23; Саратовский листок. 1912. 29 августа; Саратовский вестник, 1912. 29 августа.

³ Иванов М.М. Съезд директоров гимназий и реальных училищ в г. Казани с 18 по 24 апреля 1913 года // Циркуляр по Казанскому учебному округу. Приложения. 1913. № 12. С. 200.

⁴ Никитин А.И. Доклад ... за 1912–13 учебный год. С. 33–38.

⁵ Празднование трёхсотлетия царствования Дома Романовых в средне-учебных заведениях Казанского учебного округа // Циркуляр по Казанскому учебному округу. Приложения. 1913. № 12. С. 157–158.

риалом - линолеумом¹. 10 декабря того же года учебное образцовое заведение посетил попечитель Казанского учебного округа Н.К. Кульчицкий в сопровождении директора народных училищ А.П. Карпова. Ученики встретили гостей в военном строю и с оркестром. На приветствие попечителя они ответили «рады стараться»².

19 марта 1914 г. Н.К. Кульчицкий запросил сведения о степени развития и состоянии «потешных» организаций в Казанском учебном округе. Вскоре выяснилось, что Саратовской губернии в этом отношении похвалиться нечем. Инспектор народных училищ Аткарского уезда А.И. Никитин в рапорте от 31 марта сообщал, что в подведомственных ему школах «гимнастику и военный строй преподают запасные унтер-офицеры; за неимением помещений нормальные и успешные занятия гимнастикой могут идти лишь в течение весны и ранней осени на открытом воздухе». Далее он отмечал, что учителя и их подопечные «обнаруживают немалое старание и большую охоту к этому новому делу физических упражнений. В общем, подготовку учеников сельских училищ по военному строю и гимнастике едва ли можно назвать удовлетворительной: отсутствие подготовленных (педагогически) учителей, неимение помещений, необязательность занятий и отсутствие должной одежды и обуви, всё это понижает степень подготовки учеников. Подготовку учеников городских училищ можно назвать удовлетворительной»³.

Тем не менее, в Саратовской губернии по уровню развития «потешного» движения с аткарцами могли соперничать, пожалуй, только школы Сердобского уезда. Характерно, что в первом советском обзоре состояния народного просвещения в регионе отмечался крайне низкий образовательный уровень аткарских и сердобских педагогов, где «на народное образование был особый взгляд со стороны старого земства, отличавшегося в этих уездах крайней реакционностью»⁴. Примечательно, что те же уезды в 1917–1918 гг. особенно «проявили себя» по части погромов помещичьих имений⁵.

Начало Первой мировой войны радикально изменило отношение властей к постановке военно-учебного дела в школах империи. Настало благоприятное время «для воспитания в подрастающем поколении чувства долга, патриотизма, любви к Родине и своему народу»⁶. Перед лицом нависшей угрозы строевые и спортивные занятия юношей приобрели совершенно новое значение. Теперь военное обучение и физическая готовность учащихся становилась неотъемлемой составляющей жизни воюющей державы. Но вместе с осознанием важности проблемы пришли новые трудности. Мобилизация в течение нескольких месяцев фактически лишила провинцию людей, имевших военную

¹ Саратовский листок. 1913. 30 июля.

² Там же. 1912. 15 декабря.

³ ГАСО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 4034. Л. 13–13 об.

⁴ Обзор народного образования в Саратовской губернии за 1916–1917 учебный год. Саратов, 1918. С. 44. Аткарское земство «приняло резко агрессивный характер» накануне начала «потешной кампании», с появлением во главе управы сотрудника «Московских ведомостей» Н.А. Павлова (См.: *Веселовский Б.Б.* История земства. Т. 4. СПб., 1911. С. 387).

⁵ *Рейли Д.* «Заложник пролетариата»: Отрывки из воспоминаний А.А. Минха. Саратов, 2001. С. 31–32. Характерно, что, согласно секретному рапорту аткарского исправника губернатору от 15 октября 1916 г., «никто из местных дворян за всё время войны не проявил особого патриотизма,.. не проявил самоотвержения, не показал крестьянам достойного примера желанием добровольно встать в ряды действующей армии. Наоборот, были примеры уклонения, под разными предлогами, от военной службы,.. поставки на сгонные пункты лошадей или незаконная замена их другими, худшими». Местное духовенство имело низкий нравственный уровень и не пользовалось уважением у населения. Занятое личными делами, оно уделяло «очень мало внимания к воспитанию юношества в страхе Божиим и верноподданнической преданности Царю и Родине», борьбе с развившимся в жителях хулиганстве и разврате» (См.: ГАСО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 4519. Л. 8об, 10об).

⁶ *Малиновский Н.П.* Война и дети // Русская школа. 1914. № 12. Хроника. С. 66. См. также: *Ельницкий Е.* Война как фактор воспитания // Начальное обучение. Педагогический журнал, издающийся при управлении Казанского учебного округа. 1915. № 8.

подготовку, а наплыв войск заставил отдавать под их размещение учебные заведения. В огромной массе школ с такими усилиями налаженное преподавание гимнастики и военного строя прекратилось. Если на 1913–1914 учебный год Аткарское уездное земское собрание ассигновало на обучение гимнастике и военному строю 2200 руб., в следующем году управа заключила, что, из-за «призыва всех запасных на войну», организовать преподавание военного строя уже не представлялось возможным¹. В 1914 г. Аткарский уезд с 12,6 % охваченных занятиями гимнастикой учеников начальных школ, стал безоговорочным лидером в губернии². 21 июня 1915 г. уездный инспектор народных училищ А.И. Никитин сообщал директору народных училищ губернии, что «все бывшие преподаватели военного строя и гимнастики (нижние военные чины) призваны в июле-августе 1914 г. в действующую армию – и гимнастика и военный строй в 1914–15 учебный год совершенно не имели места во всех училищах инспекции, кроме Аткарского высшего начального училища»³.

В 1916–1917 учебном году в Саратовской губернии гимнастика и военный строй сохранились в пяти балашовских школах, двух кузнецких и двух камышинских. Только по одной школе оставили у себя гимнастику в Вольском, Петровском и Саратовском уездах. У сердобцев военный строй удержался в программе 13 низших учебных заведений. А вот в Царицынском, Хвалынском и недавно гремевшем своими «потешными» Аткарском уезде занятия прекратились полностью⁴.

Спустя всего несколько лет идею военизированной подростковой организации и военного обучения в школе подхватила и развила новая, большевистская власть. Массированное идеологическое воздействие на юношество и молодёжь позволило ей в короткий срок воспитать поколение победителей в Великой Отечественной войне.

¹ Доклады Аткарской уездной земской управы по народному образованию с объяснительной запиской. Аткарск, 1914. С. 9.

² ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3509. Л. 7 об. – 8.

³ Там же. Ф. 13. Оп. 1. Д. 4220. Л. 18.

⁴ Обзор начального образования ... С. 81.

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ ГРИГОРОВ – ВОЛЬСКИЙ УЕЗДНЫЙ
ВОИНСКИЙ НАЧАЛЬНИК (1908–1917): БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

Михаил Александрович Григоров родился в сельце Макшеево села Рубецкого Касимовского уезда Рязанской губернии 30 (с.с.) апреля 1864 г. в семье потомственных военных, к тому времени, обедневших потомственных дворян Рязанской губернии, род которых восходит к боярам Древнего Новгорода.

«Рязанские» предки Михаила Александровича.

Отец – Александр Алексеевич (1827—1891), подпоручик, участник Крымской войны, ранен.

Дед – Алексей Васильевич (1785—1861), поручик. В Отечественную войну 1812 г. служил в Рязанском ополчении, ранен.

Прадед – Василий Степанович (1758—1804), поручик Лейб-гвардии Преображенского полка.

Прапрадед – Степан Иванович (1733—1771), гренадер, поручик, дважды ранен:

1757—1758 г. воевал в Пруссии;

1759 г. во Франкфуртской баталии;

1760 г. взятие Берлина;

1761 г. Силезская кампания.

Прапрадед – Иван Васильевич (? – 1742), прапорщик Лейб-гвардии Преображенского полка;

Прапрадед – Василий Степанович (1652–1737), поручик, ранен:

1678 г. рейтар, драгун Рязанского полка.

1681 г. «патисотенный начальник» коломенских стрельцов.

1682 г. «в начальных людях копейщиков, рейтар и солдат».

1689 г. – участвовал в «смирении смуты».

Далее – служба в рейтарском приказе;

воевода в Переяславль-Рязанском;

1-й и 2-й Крымские походы.

1701 г. война со Швецией;

1709 г. сражение под Полтавой.

1711 г. Прутский поход.

Прапрадед – Степан Федотович (до 1635–1704).

С 1648 г. на службе в Ельце, Осколе, Царев-Алексеев городе:

«...степные крепости и военное дело делал».

Прапрадед – Федот Лазарев (ок. 1580–1644).

1611–1612 г. Рязанское ополчение; под началом князя Пожарского участвовал в освобождении Москвы.

1618–1627 г. «Голова посольства в Литве».

1635–1640 г. воевода в городе Шацке (Рязанской губернии).

Михаил Александрович Григоров окончил классическую прогимназию в городе Касимове. Военное образование получил в Одесском пехотном юнкерском училище.

Вся жизнь Михаила Александровича – кадрового офицера русской армии – связана с вооружёнными силами, поэтому основные этапы его жизни лучше всего прослеживаются по послужному списку от 1914 г.

Военную службу начал 25 октября 1881 г. вольноопределяющимся в 60-м пехотном Замосцком полку; прапорщик – август 1884 г.; подпоручик – май 1885 г.

Переведен в 50-й Ларго-Кагульский резервный батальон – июнь 1886 г.; поручик – декабрь 1889 г.

Переведен в Херсонский дисциплинарный батальон командиром роты исправившихся – октябрь 1892 г.; штабс-капитан – июнь 1893 г.; капитан – июнь 1898 г.

Переведен в 58-й пехотный Прагский полк; командир роты, член полкового суда – 1898 г.

Переведен в 56-й пехотный Житомирский полк; командир роты, командир батальона, член полкового суда – июнь 1902 г.

«Выступил в поход против японцев из штаб-квартиры полка города Тирасполя... 27 сен. 1904; в составе полка перешел границу ст. Манчжурия... 30 окт. 1904; прибыл на театр военных действий 6 нояб. 1904. Участвовал в боях: при атаке на д. Сандепу... с 12 янв. 1905 по 15 янв. 1905; при обороне д.д. Хунди и Гуцэядзы... с 16 фев. 1905 по 18 фев. 1905. Ранен в бою при д. Гуцэядзы в обе ноги... 17 фев. 1905».

После выписки из госпиталя находился с 4 мая 1905 в 4-месячном отпуске с сохранением содержания «для поправки здоровья».

28 сентября 1905 г. произведен в подполковники.

Вернулся в полк 26 июня 1906 г. Командовал батальоном.

19 декабря 1907 г. назначен помощником Казанского уездного воинского начальника.

18 мая 1908 г. назначен Вольским уездным воинским начальником на полковничью должность.

В должности уездного воинского начальника в Вольске пробыл до середины 1917 г. Затем получил направление уездным воинским начальником в Барнаул на должность генерала, которая полагалась из-за значительно большего размера уезда. Там его застала Октябрьская революция, а с установлением в Барнауле Советской власти его должность была упразднена.

Михаил Александрович женился 8 июля 1887 г. на дочери священника Лидии Алексеевне Черняговской. У них было шестеро детей:

Леонид – 1 июня 1888 г., Бендеры;

Владимир – 25 января 1890 г., Бендеры;

Николай – 21 февраля 1892 г., Бендеры;

Ольга – 4 ноября 1895 г., Херсон;

Сергей – 25 февраля 1901 г., Бендеры;

Константин – 9 мая 1903 г., Тирасполь. (Даты – по с.с.).

Лидия Алексеевна скоропостижно скончалась 11 ноября 1913 г. в Вильно, где гостила у старшего сына Леонида. Похоронена там же.

В 1915 г. Михаил Александрович женился на Раисе Евгеньевне Румянцевой – вдове преподавателя Вольского кадетского корпуса. У Раисы Евгеньевны было семеро детей: старшая Александра училась на высших женских филологических курсах в Москве; Николай – второй по старшинству – окончил в 1914 г. Вольский кадетский корпус. Учился отлично и как первый вице-фельдфебель корпуса был занесен на мраморную доску почета; Нина училась в Петрограде на курсах французского языка; Мария – гимназистка 7-го класса; Михаил и Сергей – кадеты соответственно 5-го и 2-го класса Вольского кадетского корпуса; Зоя – дошкольного возраста.

Таким образом, сводная семья М.А. Григорова состояла из 15 человек. По воспоминаниям Константина Григорова: «Вся семья жила дружно».

Михаил Александрович Григоров скоропостижно скончался в Барнауле 23 февраля 1919 г. от разрыва сердца.

Михаил Александрович в воспоминаниях сына – Константина

Однажды я бежал к сидевшим на скамейке матери и отцу, споткнувшись, упал и стал реветь, на что мать вскочила, чтобы меня поднять и успокоить, но отец ее остановил за руку: «Пусть сам встает», что я вскоре и сделал.

Это, так сказать, был первый урок приучения к самостоятельности, что и продолжалось до тех пор, пока я действительно не стал, уже в юные годы, вполне самостоятельным человеком.

■
Как-то раз отец решил мне сделать проверку, так как у меня с математикой что-то не ладилось. Отец очень любил математику и не уставал повторять: «Математика – это хлеб». Помню, показывая на красный кант внизу воротника на мундирах трех братьев, как офицеров инженерных и артиллерийских войск, отец всегда повторял с гордостью за своих сыновей: «Этот кантик называется “ученый”».

■
Род моего отца идет или непосредственно от Григора, т.е. с XIV века, или от других шести родов с XVII века, так как и одни и другие имели поместья в Рязанской губернии, в одном из которых жил мой прапрадед. Очевидно, отец, что-то из всего этого знал и выразил в своих стихах, как о предке Григора, так и в стихотворении «Макшеево». Из ложного стыда, отец, очевидно, не хотел говорить, что его прадед окончательно разорился. Кроме того, отец не любил, чтоб кто-нибудь из нас кичился предками. Он также не любил когда мы, например, играли с его орденами и даже с шашкой, говоря, что это сначала нужно заслужить, а уже потом надевать на себя.

■
Вообще же отец был очень добрый и отзывчивый человек, и солдаты, как и остальные из Управления, его любили. Был он только очень вспыльчив и на провинившегося мог накричать своим громогласным голосом, но зато редко когда наказывал. За глаза все его подчиненные, включая солдат, звали по имени и отчеству. Помню даже случай, когда двое пьяных солдат изрезали ножами портрет царя, и отец, рискуя своей карьерой, как-то замаял этот чрезвычайный поступок. Солдаты не были отданы под суд, а отделались карцером строгого режима.

■
Как я уже вспоминал, при Управлении было две команды: сверхштатная, которая несла охрану мобилизационных складов и конвойная, которая по этапу сопровождала арестантов до города Хвалынска. Отец, кроме должности Воинского Начальника, был еще, по совместительству начальником гарнизона и Комендантом города. Когда меня из корпуса отпускали на каникулы, то я являлся к отцу по всей форме.

■
Отец очень любил играть в карты, но не в азартные игры, а в «Винт» или в «Преферанс». Играл он почти каждый вечер в клубе, и как выражались картежники, по «маленькой». В клубе он и ужинал. Возвращался обычно поздно, чаще всего на извозчике. Отец никогда не пил, разве что когда был простужен. Тогда он выпивал так называемую «капитанскую» (большую) рюмку водки, настоянную на перце. Курил отец в меру. Как я уже писал, ежедневно ел гречневую кашу, большой кусок вареной говядины из борща, который мы ели чуть не круглый год. Любил очень чай, но пил его только вприкуску, даже в гостях, имея при себе, на всякий случай, маленькие щипчики.

Вскоре по приезде в Вольск отца произвели в полковники и за непорочную 30-ти летнюю службу наградили орденом св. Владимира 3-й степени, который носился на шее. Несколько орденов с мечами и бантом он получил на войне.

Дети Михаила Александровича

Леонид Михайлович Григоров, старший сын Михаила Александровича, родился 1 июня 1888 г. (ст. ст.) в городе Бендеры Бессарабской губернии.

Учиться начал в Одесском кадетском корпусе. Был исключен за участие в событиях 1905 года. Далее учился в 3-м Московском Императора Александра II кадетском корпусе.

В 1905 г. поступил вольноопределяющимся в Николаевское инженерное училище. Унтер-офицер – 1906 г. По окончании училища подпоручик, назначен в 8-й Понтонный батальон – 1908 г.

Преподаватель в понтонном классе – 1908 г.; подрывном классе – 1909 г.

Командирован в Учебный воздухоплавательный парк. Окончил Офицерский учебный класс, поручик – 1910 г. Переведен в 1-ю Кавказскую воздухоплавательную роту.

Переведен во 2-ю искровую роту в гор. Вильно – 1912 г.

Во время Первой мировой войны в чине штабс-капитана Леонид Михайлович начальник мощной радиостанции Юго-Западного фронта.

Как складывалась судьба Леонида Михайловича в период революции – неизвестно. В 1919 г. он написал письмо родным из Екатеринбурга (в то время город был занят «белыми») в Барнаул, сообщая, что он «застрял» в городе т.к. там проходил фронт.

Там же он умер от тифа.

Владимир Михайлович Григоров родился 25 января (с. с.) 1890 г. в городе Бендеры Бессарабской губернии.

Окончил 7 классов Одесского кадетского корпуса. По воспоминаниям младшего брата Константина, в связи с событиями 1905 года «был на красном положении», т.е. мог быть исключен из корпуса.

Военную службу начал унтер-офицером 1 июля 1907 г.

Окончил Николаевское инженерное училище в 1911 г. Служил в должности младшего офицера телеграфной роты 24-го саперного батальона в Самаре.

В Севастопольской школе авиации выдержал экзамен на военного летчика (3-й выпуск) – июнь 1911 г.

Прикомандирован к Кавказской воздухоплавательной роте. В 1912–1913 гг. был начальником Карского авиационного отряда. Летал на дирижаблях и самолетах «Фарман».

В августе 1914 г. откомандирован летчиком в 4-ю авиационную роту 21-го корпусного авиаотряда.

Из послужного списка от 1916 г.: «За время состояния в отряде выполнил 43 полета на разведку,.. общей продолжительностью 52 часа 7 мин., в том числе 11 полетов под неприятельским артиллерийским огнем».

Начальник 7-го Армейского авиационного отряда – 1915 г.

В ноябре 1915 г. переведен в Петроград младшим авиационным приемщиком Увофлота¹ на заводе «Руссобалт» – 1915 г.

С марта 1917 г. – старший районный приемщик Северного района Главвоздухофлота.

Владимир Михайлович автор ряда изобретений. Написал два наставления для офицеров и нижних чинов по авиации.

Изобретения:

«Подогреватель масла и воздуха для авиационных моторов»;

«Резиновая бронировка аэропланов баков»;

«Прибор для уничтожения проволочных преград».

Наставления:

«Тактика военного летания»

«Сведения по авиационному делу».

Во время Октябрьской революции и после нее (до авг. 1921) В.М. остается в должности Старшего районного приемщика Северного района Главвоздухофлота.

¹ Управление Воздушного флота.

После революции продолжил учебу в Военно-инженерной академии, которую окончил в 1920 г. – диплом № 1215 от 14.03.1920.

По воспоминаниям Константина Михайловича, «Володя вообще был очень скромным человеком. Помню, что сестра про него сочинила следующее четверостишие:

Офицер молоденький.
Как зовут? Володенькой.
Он не курит и не пьет,
Карты в руки не берет.

...Женился Володя еще в чине подпоручика, что в царской армии строжайше запрещалось. Помню дома разговоры о том, что он понес за это какое-то наказание. Весной 1913 г. Владимир приехал с женой Раисой Васильевной Силиной, дочерью генерала в отставке... У них родился сын Михаил. Через несколько лет они разошлись. Раиса Васильевна с сыном уехала к своему отцу в Финляндию.

В анкете от 1919 г. Владимир Михайлович указывает: «Сын 7-ми лет». О его судьбе ничего не известно.

В начале 20-х гг. в Советской России начали усиленно разрабатывать идею электрификации сельского хозяйства. Владимир Михайлович не остался в стороне. Он предложил, сконструировал и выставил на Сельскохозяйственной выставке в Москве передвижную электростанцию, где использовались выработавшие лётный ресурс авиационные двигатели.

О жизни Владимира Михайловича в 20-е – 30-е годы известно крайне мало. Скончался он в 1940 г. в Ленинграде.

Николай Михайлович Григоровв родился 21 февраля 1892 г. (с.с.) в городе Бендеры Бессарабской губернии. Поступил в Нижегородский кадетский корпус, затем переведен в Одесский кадетский корпус. Окончил Михайловское артиллерийское училище по первому разряду, назначен в чине подпоручика в 16-й мортирный артдивизион в г. Пензу – 1913 г.

В Первую мировую войну Николай Михайлович воевал в районе города Вильно, затем на Румынском фронте. Награжден орденами Св. Владимира с мечами и бантом, Св. Анны 4 ст. «За храбрость».

В 1916 г. во время отпуска в Томске женился на своей сводной сестре Нине Васильевне Румянцевой.

После развала русско-германского фронта, вернулся в Омск, где мобилизован в армию адмирала Колчака, командовал в чине подполковника единственным в колчаковской армии тяжелым артдивизионом.

Среди зимы 1919 г. Николай Михайлович прибыл с фронта в Омск, где подал военному министру «белого» Сибирского правительства докладную записку, в которой предлагал организовать курсы по переподготовке пехотных офицеров на артиллерийских, которых очень не хватало. Николаю Михайловичу поручили организовать такие курсы в Томске, куда он с женой и отбыл.

В Томске в 1919 г. у них родился сын Игорь.

Когда войска Колчака стали отступать, Николай Михайлович вместе с дивизионом, которым командовал, остался в Томске. Две недели безвластия, до прихода Красной Армии, Николай Михайлович вместе с дивизионом охранял Томск от банд.

В конце декабря 1919 г. он уже значился командиром 4-го отдельного артдивизиона красной 5-й армии, откуда был откомандирован в распоряжение заведующего Томскими артиллерийскими курсами командного состава РККА.

Впоследствии, на базе курсов была организована артшкола, затем – Томское артиллерийское училище. Николай Михайлович был среди первых преподавателей школы.

После увольнения из армии в 1920 г. переехал в Петроград. После убийства С.М. Кирова Николай Михайлович был в 1935 г. выслан в г. Актюбинск. В 1941 г. с началом войны призван в армию на нестроевую службу, служил в г.

Актюбинске. Впоследствии с семьей жил в городах Гурьеве, Энгельсе, Саратове. В столичных центрах ему и его семье проживать запрещалось.

Николай Михайлович умер 26 декабря 1948 г. на станции Палласовка Сталинградской области, где работал бухгалтером.

Жена Николая Михайловича, Нина Васильевна скончалась в Москве в 1967 г.

Дети: Игорь (1919), Олег, (1932).

Ольга Михайловна Григорова, единственная дочь Михаила Александровича, родилась 4 ноября 1895 г. (с.с.) в Херсоне. Училась в Мариинской женской гимназии в Вольске, обладала хорошим голосом – контральто.

В 1915 г. Ольга Михайловна вышла замуж за подпоручика 9-го Финляндского полка Василия Ивановича Новикова. Венчание происходило 11 ноября 1915 г. в Покровской церкви города Вольска.

У них родилась дочь, которая умерла в 11-ти месячном возрасте, после чего они расстались. После революции Ольга Михайловна переехала в Петроград.

В удостоверении личности № 378466, выданном 12 сентября 1924 г. Ленинградским губисполкомом, указано:

Основная профессия.....артистка

Образование.....грамотная

Семейное положение.....разведенная

Регистрация по месту жительства – ул. Чайковского, 39, кв. 1.

По указанному адресу находился особняк, который во время НЭПа взял в аренду Владимир Михайлович Григоров.

Находилась в гражданском браке с Житковым Семеном Афанасьевичем. В 1931 г. у них родилась дочь Лидия.

Во время блокады Ольга Михайловна не покидала города.

Работала паспортисткой в жилконторе, в ремесленном училище, в государственной артели. В 1944 г. работала на заводе «Радист», в 1945–1951 гг. в типографии «Печатный двор».

Награждена медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой отечественной войне 1941–1945 гг.»

Скончалась Ольга Михайловна в возрасте 55 лет 13 апреля 1951 г. в Ленинграде. Похоронена на Серафимовском кладбище.

Сергей Михайлович Григоров родился 25 февраля 1901 г. (с.с.) в гор. Бендеры, Бессарабской губернии.

Сергей Михайлович родился с бельмом на одном глазу, что предопределило необходимость особо беречь зрение с детства и выбор профессии.

У Сергея Михайловича оказались способности к музыке. Он поступил в музыкальную школу для слепых при Саратовской консерватории. Несмотря на то, что он мог свободно читать здоровым глазом, он учился по нотам и азбуке для слепых.

Сведений о жизни Сергея Михайловича сохранилось мало. Жил в Ленинграде. Работал музыкантом и настройщиком пианино, умер от голода во время блокады Ленинграда 29 декабря 1941 г. Похоронен на Серафимовском кладбище. Его жена Надежда Михайловна, умерла 28 марта 1942 г. Детей не имели.

Сергей Михайлович и Надежда Михайловна Григоровы занесены в «Книгу Памяти БЛОКАДА 1941–1944 Ленинград»¹.

Константин Михайлович Григоров, самый младший сын Михаила Александровича, родился 9 мая 1903 г. (с.с.) в городе Тирасполе Херсонской губернии. В 1913 г. поступил в Вольский кадетский корпус, затем перевелся в Первый Сибирский Омский кадетский корпус.

¹ Книга Памяти Блокада 1941–1944 Ленинград. СПб., 1999. Т. 7. С. 394.

В связи с продвижением Красной Армии на восток кадетский корпус был эвакуирован во Владивосток, где Константин Михайлович получил аттестат об окончании кадетского корпуса 23 января 1920 г.

После окончания корпуса он хотел поступить в артиллерийское училище, но под воздействием окружающей обстановки и событий на «бело-красных» фронтах, принял решение вместе с тремя выпускниками покинуть Россию и уехать в Югославию. Отъезд состоялся на пароходе, перевозившем на родину югославов – бывших солдат австро-венгерской армии, взятых в плен на русско-германском фронте.

По прибытии в Югославию Константин Михайлович (К.М.) зарегистрировался 17 мая 1920 г. как беженец в югославской организации, ведающей делами русских беженцев и у Русского военного агента, который его направил в сводный кадетский корпус, где был устроен на должность писаря. Вскоре К.М. был мобилизован в Белую армию, зачислен в Сергиевское артиллерийское училище и с другими мобилизованными отправлен в Крым в армию генерала Врангеля.

После поражения армии генерала Врангеля в конце 1920 г. началась эвакуация остатков армии и граждан, бежавших от наступающей Красной Армии. По рассказам К.М. и сопоставлениям с воспоминаниями других участников эвакуации, К.М. одним из последних покинул берега Крыма и через Константинополь отправился в Галлиполи... Не захотев связывать свою дальнейшую судьбу с армией, Константин Михайлович самостоятельно перебрался обратно в Югославию.

До осени 1921 г. работал батраком, затем поступил на агрономический факультет университета в городе Загреб, который окончил в мае 1926 г.

К.М. участвовал в работе славянского гимнастического общества «Сokol» – в его югославской ветви – «Югосokol», где получил аттестат преподавателя гимнастики.

После окончания университета К.М. два года проработал школьным преподавателем гимнастики и возглавлял отделение «Югосokol» в маленьком городке в провинции Косово.

Для возможности устройства на государственную службу К.М. принял югославское подданство.

В 1928 г. К.М. был назначен районным агрономом в городок недалеко от столицы Боснии города Сараево, затем в самом Сараево.

В 1931 г. К.М. женился на Надежде Степановне Сковронской, студентке агрономического факультета университета в Загребе, чьи родители также были беженцы.

В 1932 г. у них родился сын Никита.

С 1933 по 1939 г. К.М. работал в государственном имении в Хорватии.

Затем в гор. Сомбор в инспекции по разведению тутового шелкопряда.

В марте 1941 г., в связи с угрозой германской агрессии, К.М. как поручик запаса Югославской армии, был мобилизован, и его воинская часть была выдвинута к венгерской границе.

После капитуляции Югославии в апреле 1941 г. К.М. оказался в венгерском плену, из которого был спустя месяц выпущен. Сомбор был оккупирован венгерской армией, в связи с чем К.М. с семьей перебрался в Загреб, который стал столицей Независимой Державы Хорватия (НДХ), в которой был установлен фашистский режим местных националистов (усташей), но формально не оккупированной итальянскими и германскими войсками.

Из Загреба К.М. был направлен районным агрономом в городок Войнич в провинции Кордун, куда он отправился с семьей.

Со второй половины 1941 г. на Кордуне начало активно разворачиваться антифашистское движение сопротивления, направленное против порабощения народов Югославии немецкими оккупантами и местными фашистскими формированиями – усташами, которые проводили этнические чистки, уничтожая серб-

ское население, евреев, цыган и всех не приемлющих «новый порядок». В крае началось формирование партизанских отрядов.

Как служащий районной администрации К.М. был одним из представителей власти, однако он поддерживал связь с партизанским подпольем и по мере возможности оказывал помощь местному населению.

В начале января 1942 г. партизанские части изгнали из Войнича правительственный гарнизон и вошли в город.

В связи с тем, что в местности ожидалась тяжелая битва, К.М. вместе с семьей, по рекомендации партизанского командира, покинул город, и с партизанским пропуском и конвоем добрался до «ничьей земли» - вернулся в Загреб как «беженец» от партизан. Вскоре Войнич снова был захвачен правительственными войсками, и К.М. повторно вынужден был выехать туда на работу, где продолжал, по мере возможности ограждать население от репрессий.

Вскоре, в связи с полной бесперспективностью пребывания в Войнице в роли районного агронома, К.М. вернулся в Загреб. Он был оставлен в министерстве и назначен ответственным за механизацию сельского хозяйства Н.Д. Хорватии; в этом качестве проработал до конца войны, которая в Загребе закончилась 8 мая 1945 г.

Среди немногих служащих министерства бывшей НДХ, Константин Михайлович был принят в Министерство сельского хозяйства Народной Республики Хорватия, где он занимался вопросами механизации сельского хозяйства и организации машинно-тракторных станций по образцу советских.

В 1946 г. на основании Указа Верховного Совета СССР К.М. и его семья приняли советское гражданство.

В 1947 г. К.М. был переведен в Союзное Министерство сельского хозяйства Югославии в Белграде на должность референта заместителя Министра и помощника советского инструктора при Министерстве.

В связи с разногласиями между СССР и Югославией, нашедших отражение в так называемых «Резолюциях Коминформбюро», положение советских граждан проживающих в Югославии усложнилось. На них оказывалось давление со стороны югославских властей с целью склонить их к отказу от советского гражданства и к осуждению «Резолюций...».

К.М. не принял эти требования, в результате чего был уволен из министерства и депортирован в начале 1950 г. вместе с семьей в Болгарию.

В Болгарии К.М. работал в системе Министерства сельского хозяйства Болгарии в области защиты растений от вредителей. Принимал участие во внедрении советской сельхозтехники в болгарские сельскохозяйственные кооперативы.

В 1955 г. в связи с объявленной добровольной репатриацией советских граждан, постоянно проживающих за границей, в районы освоения целинных земель К.М. с семьей отбыл в СССР в Казахстан, затем в Саратовскую область, где проработал главным агрономом МТС до пенсии.

С 1972 г. К.М. жил в Москве (Зеленоград) с семьей сына.

К.М. скончался в 1984 г., похоронен на Зеленоградском кладбище.

Семья М.А. Григорова. Слева направо: Михаил Александрович, Лидия Алексеевна, Леонид, Владимир, Николай, Ольга, Сергей, Константин.
Город Вольск, 1909–1910.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

С.Г. Нелипович

АТАКА И ДЕБЛОКАДА КРЕПОСТИ ПЕРЕМЫШЛЬ В ОКТЯБРЕ 1914 г.

Вопрос о действиях под крепостью Перемышль в октябре 1914 г. практически в отечественной исторической литературе не поднимался. Мы можем назвать единственную специальную работу П.В. Черкасова «Штурм Перемышля 7 октября (24 сентября) 1914 года», которая увидела свет в 1927 г. Несмотря на детальность этого исследования, оно не сняло всех вопросов.

Трудность в разработке данного сюжета состоит в сложности получения доступа к архивным документам австрийской стороны, где также вышло немного работ об обороне крепости в октябре 1914 г. Необходимо рассматривать действия под крепостью в контексте начавшейся Варшавско-Ивангородской операции и как ее неотъемлемой части – маневров Галицийской группы армий Юго-Западного фронта на левом берегу Сана и на Карпатском хребте в условиях наступления австро-венгерских армий.

«...Мы идем в Галицию, а вы – в русскую Польшу», - заявил начальник австро-венгерского Генерального штаба генерал-полковник Ф. Конрад фон Хётцендорф на совещании 18 сентября (н.ст.) начальнику штаба 9-й германской армии генерал-майору Э. Людендорфу¹. С этого момента отступающие к Карпатам и Бескидам после поражения в Галицийской битве армии австро-венгерского Северного фронта стали готовиться к переходу в контрнаступление. Его успех должна была обеспечить германская 9-я армия, создаваемая в Силезии для наступления на средней Висле. Вскоре германские войска начали Варшавско-Ивангородскую операцию.

Маневры и перевозки германских войск из Восточной Пруссии в Силезию не прошли незамеченными с русской стороны. Штаб Верховного главнокомандующего генерала от кавалерии Великого князя Николая Николаевича (Младшего) готовил операцию на берлинском направлении, когда тревожные разведывательные сводки заставили скорректировать ближайшие планы. 12 (25) сентября 1914 г. главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал от артиллерии Н.И. Иванов обратился в Ставку с предложением о прикрытии района Ополе, Казимерж войсками 4-й армии: «Если опасность удара немцев правому моему флангу и тылу минует, войска ген. Эверта, став на линии Ивангород, Коцк, прикасаясь к двум железным дорогам, будут готовы к переброске на линию Варшава, Седлец или для движения на левый берег Вислы»².

Начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенант Н.Н. Янушкевич согласился с таким предложением и посоветовал собрать, ввиду слабости 4-й армии, еще одну армию в районе Сандомир, Завихост. В этот

¹ *Conrad F. Aus meiner Dienstzeit. Bd. IV. Wien, 1923. S. 905.*

² Варшавско-Ивангородская операция. Сборник документов. М., 1938. С. 30–31.

же день Н.И. Иванов вновь обратился к Янушкевичу, чтобы изложить изменения замысла дальнейших операций. Армии фронта были нацелены на Сан для форсирования реки и «на Перемышль для обложения или блокады, чтобы при дальнейших операциях устранить неблагоприятное влияние крепости». Далее планировалось наступать левым берегом Вислы на Краков или Бреслау, обеспечив прикрытие фланг в Карпатах. Перед лицом уничтожения подъемом воды переправ через Сан и угрозы удара по правому флангу Иванов отказывался от наступления и отводил 4-ю армию (генерал от инфантерии А.Е. Эверт) на Ополе, Казимерж, Ивангород за 9-ю армию генерала от инфантерии П.А. Лечицкого (ей поручалась оборона устья Сана). 5-й армии (генерал от кавалерии П.А. Плеве) поручал прикрытие путей на Янов и Звержинец, удерживая перед Саном Лежайск и Радомысль. 3-й армии (генерал от инфантерии Радко-Дмитриев) поручалась оборона Радымно, Ярослава и Сенявы, уступом за ней у Краковец, Яворов, Городок (Грудек), Комарно находилась 8-я армия генерала от кавалерии А.А. Брусилова с конным корпусом в районе Самбора. «Став в такое исходное положение, армии приобретут свободу маневрирования как для предстоящих решительных боев, так и для дальнейшего наступления по обоим берегам Вислы к Кракову или только по левому на Бреславль (Бреслау – С.Н.). Мое мнение для дальнейшего наступления сводится к тому, чтобы, оставив для обеспечения Галиции восемь корпусов, направить десять корпусов по операционному направлению Ивангород, Бреславль», – телеграфировал Иванов. Он надеялся, что и армии Северо-Западного фронта перебросят к Варшаве 8 корпусов для угрозы «Берлину как главному центру»¹.

Верховный главнокомандующий 15 (28) сентября одобрил это предложение и отдал директиву армиям обоих фронтов «деятельно готовиться к переходу в наступление возможно большими силами от Средней Вислы... для глубокого вторжения в Германию». В то же время подчеркивалось, что удержание «важнейшего участка Галиции – Львов, Ярослав, Перемышль» и продолжение действий против Перемышля «с возможной настойчивостью» считается обязательным. Со стороны Венгрии (хребет Карпат) прикрытие должно было осуществляться «развитием активных действий в возможно широких пределах»².

И радиотелеграмма Иванова, и директива русской Ставки были перехвачены и расшифрованы противником. К этому времени русские кавалерийские завесы надежно скрыли все маневры, и Ф. Конрад фон Хётцендорф был обеспечен дальнейшим направлением действий русских армий. Вместо поддержки германского наступления на Висле пришлось бы оборонять Сан. Полученная информация об отходе двух русских армий на север от Сана была подтверждена новыми радиоперехватами в ночь на 30 сентября (н.ст.). Возникал лишь вопрос, хватит ли сил у 9-й армии Гинденбурга достичь Вислы раньше, чем ее перейдут превосходящие русские силы, и смогут ли австро-венгерские войска удержать линию Сана от устья до Карпат. Для последнего Конрад просил перебросить к югу от Сана два германских корпуса и подчинить 9-ю армию австро-венгерскому Армейскому главнокомандованию (АОК) в лице генерала от инфантерии эрцгерцога Фридриха. Этому резко воспротивились германские союзники. Людендорф заявил, что его командиры уже начали выполнение задач, поставленных Верховным главнокомандованием. Император Вильгельм II подчеркнул, что генерал-полковник П. фон Гинденбург старше по званию и Конрада, и эрцгерцога Фридриха, и поэтому не может быть им подчинен. «Я передаю Вам, – писал он Гинденбургу, – полное руководство всеми операциями на Востоке. Директивы по взаимодействию с австрийскими армиями и операции в Пруссии я оставляю за собой»³.

¹ Там же. С. 31–32.

² Там же. С. 33.

³ Oesterreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. 1. S. 351.

16 (29) сентября в разговоре по прямому проводу начальник штаба армий Юго-Западного фронта генерал от инфантерии М.В. Алексеев изложил Янушкевичу идею оборонительных мероприятий в Галиции: «Группу у Перемышля, конечно, нужно будет объединить в одних руках... От ген. Брусилова передать корпус ген. Дмитриеву (Радко-Дмитриеву – С.Н.). Этой сильной армии поручить реку Сан, а армия ген. Плеве составит резерв примерно за серединой всего нашего фронта, отсюда она может в непродолжительном времени быть на Висле. Нужно четыре-пять дней, считая от 16 сентября, чтобы передать Перемышль резервным дивизиям и освободить полевые войска Дмитриева для операций. Еще пять дней нужно, чтобы поставить ген. Плеве в резерв». Янушкевич еще раз подчеркнул важность удержания фронта от Новогеоргиевска до Перемышля, посетовав: «Больно и обидно, что приходится останавливать победное ваше шествие, больно осознавать, что для полной паники австрийцев нужен был бы день или два работы Лечицкого и Эверта, но опасность для вас и для общего дела от Калиша и Познани слишком очевидна»¹.

Директивой от 19 сентября (2 октября) главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта Н.И. Иванов объявил о создании трех групп войск: главных сил, Принаревской и Галицийской (последняя под командованием генерала от кавалерии А.А. Брусилова в составе 3-й, 8-й и Блокадной армий). Из 5-й армии в 3-ю передавались 7-я и Сводная кавалерийские дивизии, из 8-й – 7-й армейский корпус. «На Галицийскую группу возлагается: действия против германо-австрийских войск на правом берегу Вислы, обложение Перемышля, прикрытие Львова и левого фланга всего Юго-Западного фронта. Блокадная армия, сообразуясь с имеющимися средствами, действует против Перемышля, руководствуясь указаниями верховного главнокомандующего. 8 армия обеспечивает блокадную армию от покушений противника с линии Дынув, Санок, Лиско, Устржики Дольние, Старе Място, Дрогобыч, прикрывает Львов-Миколаев и тыл на Киев. Конница, содействуя выполнению этой задачи, может развивать свои действия за Карпаты, сообразуясь с обстановкой. 3 армия, обеспечивая блокаду Перемышля от покушений противника со стороны Кракова, сообразуясь с развитием наступательных действий на левом берегу Вислы, наступает в направлении к Кракову»².

К этому времени только 24-й армейский корпус 8-й армии (48-я и 49-я пехотные дивизии, командир генерал от кавалерии А.А. Цуриков) располагался на фронте от Добромила через Хырув до Старого Самбора; остальные корпуса (12-й, 7-й и 8-й) стояли на шоссе Грудек – Мосьчиска. 12-я кавалерийская дивизия генерал-лейтенанта А.М. Каледина перешла Санок, поддерживая части, с востока угрожавшие Венгрии. Войска 3-й армии собирались у Ярослава и северо-западнее, две пехотные дивизии заполнили разрыв у Дынува, 9-я и 10-я кавалерийские дивизии прикрывали развертывание от Дембицы до Ясло³. Наибольшая напряженность ощущалась на левом фланге армий Юго-Западного фронта, где Днестровский отряд вел бои на перевалах Карпат.

В австро-венгерских армиях Северного фронта на 1 октября (н. ст.) имелось более 477 тыс. штыков и 26 795 кавалеристов при 1578 орудиях. Для наступления в Галиции выделялись 2-я, 3-я и 4-я армии. Согласно директиве Армейского главнокомандования, южнее Вислы части 1-й армии (генерал от кавалерии В. Данкль) переходили в наступление с 3 октября (20 сентября ст. ст.) от берега реки до линии Лазна, Чарна, Зассов, Нагошин, Нивиска, Колбушова (исключая), в готовности повернуть на юг. 4-я армия (генерал от инфантерии эрцгерцог Иозеф Фердинанд) правее начинала наступление на Жешув до дороги (исключая) на Бечь, Ясло, Стшимув, Блажова с 4 октября (21 сентября ст. ст.); 3-я армия (генерал от инфантерии С. Бороевич фон Бойна) двигалась

¹ Варшавско-Ивангородская операция. С. 37–38.

² Там же. С. 52–53.

³ Oesterreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. 1. S. 359.

правее, подкреплённая 9-м корпусом, в направлении на Кросно, до рубежа дороги на Тылава, Яслиска, Рыманув, Санок, Тшчанец. 2-я армия (генерал от кавалерии Э. фон Бём-Эрмолли) готовилась к наступлению южнее Перемышля так, чтобы 5 октября (22 сентября) ее левый фланг прошел через Дуклинский перевал, Тылаву. Яслиску, Рыманув. Санок. Ее 4-му корпусу (генерал от кавалерии К. Терстьянски фон Надош) ставилась задача овладеть Ужокским перевалом и следовать через Турку, Старый Самбор, Лютовиско в охват 8-й русской армии; 7-му корпусу (фельдмаршал-лейтенант А. Файль-Грисслер) надлежало идти по дороге на Мезо-Лаборча, Щавне, Лиско, Ростоки Гурне, Балигруд, отклоняясь вправо. При этом главнокомандование подчеркивало возможность перехода русских в наступление против 2-й армии; в таком случае остальные армии выступали немедленно¹.

Начальник австро-венгерского Генерального штаба Ф. Конрад фон Хётцендорф был обеспокоен положением правого фланга в Карпатах; на предложения германской стороны поддержать наступление Гинденбурга на Висле еще одним корпусом, чтобы уравнивать здесь силы с русскими, он ответил, что «не может обнажать войсками Галицию, пока массы русских войск находятся правее Вислы: надо быть готовыми к отражению русских ударов в Венгрии или в Западной Галиции». Кроме того, войска испытывали трудности со снабжением боеприпасами. Во 2-й и 3-й армиях не осталось пушечных муниционных колонн, запас снарядов для тяжелых гаубиц имели только 4-я армия и Этапное командование².

Особую озабоченность австро-венгерского командования вызывал правый фланг 2-й армии, где русский Днестровский отряд (71-я пехотная дивизия, 1-я и 2-я Кубанские и 1-я Терская казачьи дивизии) вел бои на перевалах Карпат и угрожал вторжением в Буковину и далее в Венгрию. В распоряжении штаба военного округа Лемберг (эвакуирован в Мункач) было всего 30 батальонов, 4 эскадрона и 3 батареи ландштурма, жандармерии и пограничной стражи. Эти формирования зачастую были одеты в темную форму мирного времени или во все в гражданскую одежду с красно-бело-зелеными (венгры) или черно-желтыми (австрийцы) повязками на рукаве; вооружение состояло из однозарядных винтовок системы Верндля³.

С 11 (24) сентября 1914 г. части Днестровского отряда начали наступление в лесистых Карпатах. 19 сентября (2 октября) 1-я Кубанская казачья дивизия (генерал-лейтенант П.А. Стахович) выступила из села Майданки и перешла в наступление на высоту 867 (Торсола) силами 2-го Уманского казачьего полка (полковник Кравченко), где оборонялся австрийский батальон. Есаул Чибашев с тремя сотнями после 15 часов атаковал по пересеченной местности, сбил врага с позиции и гнал к шоссе до темноты. Потери понесла только 6-я сотня – убиты командир сотни есаул Лунд и 5 казаков, ранены офицер и 4 казака⁴.

2-й Таманский казачий полк этой дивизии (полковник Сазонов) 13 (26) сентября овладел Вышкувским перевалом и через два дня вторгся в Венгрию (словацкая часть); здесь же находился и 2-й Полтавский казачий полк (полковник князь Мурузи). 19 сентября (2 октября) полк вел бой у Окёрмезё, занимая высоты 803, 821 и 692, против батальона противника; от села Майдан в бой вступили сотни 2-го Запорожского казачьего полка (полковник А. Белый), задерживая до ночи продвижение противника от Окёрмезё⁵.

В это время 1-я Терская льготная казачья дивизия (генерал-майор Т.Д. Арютинов) овладела Яблоницким перевалом и двинулась на Кёрёшмезё и Тартаков, оттесняя два батальона группы генерал-майора А. Ботмера на юго-запад. 18 сентября (1 октября) противник был оттеснен на Рахо, к 20 сентября

¹ *Conrad F.* Op. cit. Bd. V. S. 17, 24–25.

² *Ibid.* S. 17–18.

³ *Oesterreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918.* Bd. 1. S. 348.

⁴ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 39. Л. 74.

⁵ Там же. Д. 49. Л. 76, 159; Д. 62. Л. 260.

(3 октября) 2-й Горско-Моздокский полк (полковник Колесников) захватил село Сурдок, а 2-й Волгский полк (полковник Скляренко) отразил нападение врага на мост через Тису; было взято в плен 3 офицера и 77 солдат. Разведывательная сотня полка после 7 часов утра закрепились на переправе и двинулась берегом реки Ропы к ее устью – для удара во фланг австрийцам. Не дожидаясь приказа из штаба дивизии, полковник Скляренко повел полк из д. Лонка с 21-й Донской казачьей батареей к Марамарош-Сигету. Кругом были видны следы поспешного бегства – враг бросил оружие, амуницию и даже котлы с кашей. Из города явилась депутация и заявила о сдаче. В полдень, под звуки казачьих песен, полк вступил в Марамарош-Сигет. Через два часа прибыл и начальник дивизии Арютинов. За время боев в Венгрии полк потерял 11 убитых и 26 раненых, захватил более 1000 пленных, орудие и 7 пулеметов¹.

Ужокский перевал был захвачен 1-м Волгским казачьим полком (полковник Пацапай) 2-й сводной казачьей дивизии генерал-майора А.А. Павлова, наступавшей от Турки. 2 венгерских батальона были отброшены, не помогла и прибывшая из военного округа Кашау (Кошице) 17-я территориальная ландштурменная бригада. Такой прорыв за хребет Карпат был наиболее угрожающим, и командующий 2-й австро-венгерской армией Бём-Эрмолли приказал командиру 38-й пехотной дивизии хонведа фельдмаршал-лейтенанту Й. Каргу фон Бебенбургу вместе с 102-й ландштурменной бригадой восстановить положение. В боях 13-17 (26-30) сентября группа Карга закрепились на юго-западном отроге перевала; 18 сентября (1 октября) группа была усилена еще 31-й пехотной дивизией (фельдмаршал-лейтенант эрцгерцог Йозеф), занявшей фронт от Ладомера к западу².

Получил подкрепления и военный комендант Львова генерал-майор П. Хофман (штаб в Мункаче). Из собранных здесь семиградских запасников было сформировано 24½ батальона, 2½ эскадрона и 6 батарей. Из них была собрана группа генерала от кавалерии К. фон Пфлянциер-Бальтина – 52-я, 54-я и 56-я пехотные дивизии. Всего же для обороны Закарпатья было собрано 42 батальона, 5 эскадронов и 5 батарей. 1 октября (н. ст.) в Мункач прибыл отряд полковника И. Фляйшмана (8 маршевых батальонов и 3 батареи); 6 батальонов было направлено против казаков у Вереке и Бескидского перевала, а 2 – на усиление группы Ботмера в Хуст. В Надь-Банья прибыл Польский легион фельдмаршал-лейтенанта К. Дурского³. Этим силам поручалось освободить карпатские перевалы и устранить угрозу Венгрии.

2 октября (н. ст.) Армейское главнокомандование приказало «сломить сопротивление противника, главным образом охватами, чтобы достичь цели марша». 4-й армии поручалось двигаться так, чтобы к 7 октября встать на рубеже Тычин, Жешув (исключая), Глогув, Колбушова. 3-я армия должна была начать наступать уже с 3 октября, чтобы группой фельдмаршал-лейтенанта Х. Чурченталера фон Хельмхайма (44-я пехотная дивизия ландвера, 88-я бригада императорских стрелков) занять Кремпу, Котан и двигаться далее на Дуклу, а остальным корпусам достичь линии Жмигруд, Осек, Ясло. 2-й армии велено было пока оставаться на месте, а группе Терстьянского овладеть Соколиками, Сянками, Ужоком⁴. Таким образом, выход Днестровского отряда на перевалы несколько спутал расчеты австро-венгерского командования и задержал переход в наступление.

Вступившему в командование Галицийской группой генералу от кавалерии А.А. Брусилову предстояло самостоятельно действовать на очень широком фронте – от среднего течения реки Сан до румынской границы в Карпатах. Действия противника в направлении Сана были пока неизвестны, но за Ужокский перевал уже несколько дней шел упорный бой; также отмечалась актив-

¹ Там же. Д. 34. Л. 70–72, 135–136.

² *Conrad F.* Op. cit. Bd. V. S. 26; *Oesterreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918.* Bd. 1. S. 348.

³ *Oesterreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918.* Bd. 1. S. 396.

⁴ *Conrad F.* Op. cit. Bd. V. S. 32.

ность противника в Буковине. В ближайшем тылу армий оказалась самая сильная крепость Австро-Венгрии Перемышль (Пшемьсьль) – хотя и с устаревшими укреплениями и вооружением, но занятая сильным гарнизоном, она мешала развитию наступления на Краков и связывала тылы.

Проведя разведку крепости с воздуха, Брусилев 19 сентября (2 октября) обратился к главнокомандующему армиями Юго-Западного фронта Н.И. Иванову: «Совокупность всех сведений о Перемышле привела меня к заключению, что штурм крепости имеет много шансов на успех. Ген. Щербачев (времененно командующий Блокадной армией, - С.Н.), ознакомленный с обороноспособностью крепости, совершенно того же мнения. Так как овладение Перемышлем будет иметь громадное моральное и военное значение, освободит скованные крепостью пять дивизий, передаст в наши руки важный узел дорог, что даст возможность третьей и восьмой армиям действовать в тесной связи, уверенность в обеспечении тыла. Мне представляется соответственным теперь же попытаться овладеть Перемышлем и в этом направлении мною даны указания ген. Щербачеву начать подготовку, на которую предполагаю употребить 4-5 дней. Направляю на поддержку тяжелый дивизион, саперный батальон, 19 пех. дивизию, стрелковую бригаду». Столь оптимистичные выводы были сделаны, когда авиация не обнаружила в укреплениях значительного количества войск и орудий, а пленные и перебежчики «рисовали мрачную картину полного разложения»¹.

Основываясь на мнении исполнявшего должность генерал-квартирмейстера штаба 3-й армии полковника М.К. Дитерихса, что «даже одна артиллерийская атака могла бы решить участь крепости», инспектор артиллерии 9-го армейского корпуса генерал-майор С.Н. Дельвиц предполагал подавить огнем «наружную оборону, а фланкирующие постройки рвов взорвать». В Блокадную армию передаются 12-й армейский корпус генерала от инфантерии Л.В. Леша (12-я и 19-я пехотные дивизии, 12-й мортирный дивизион, 5-й саперный батальон), 3-я стрелковая бригада, 65-я пехотная дивизия, 8-й мортирный дивизион, 1-й дивизион 4-й тяжелой артиллерийской бригады из 8-й армии и 11-й мортирный дивизион, 2-й и 3-й дивизионы 4-й тяжелой артиллерийской бригады (без батарей 42-лн пушек) из 3-й армии, 8-й, 12-й, 15-й, 30-й саперные батальоны и 24-й корпусной авиационный отряд (всего более 93 тыс. бойцов и 483 орудия)².

21 сентября (4 октября) Брусилев приказал 3-й армии «обеспечивать операции у Перемышля от покушений со стороны Кракова, наступать в направлении к Кракову, сообразуясь с развитием наступательных действий на левом берегу Вислы», 8-й армии – «обеспечить Блокадную армию от покушений противника с фронта Дынув-Лиско-Устржики Дольные-Старое Место-Дрогобыч, прикрыть направление на Львов-Миколаев и тыл на Киев»; Блокадной армии – «деятельно вести подготовку по овладению Перемышлем». Блокадная армия до прибытия ее командующего генерала от инфантерии А.Н. Селиванова поручалась генералу от инфантерии Д.Г. Щербачеву, общее командование войсками Блокадной армии на левом берегу Сана – Лешу³. Таким образом, все действия Галицийской группы увязывались с атакой на Перемышль.

Передвижения русских войск у Перемышля были обнаружены гарнизоном крепости и сообщены Армейскому главнокомандованию. 3 октября (н. ст.) 3-я австро-венгерская армия перешла в наступление через отроги Бескидских гор прямо на Перемышль, не считаясь с ужасным состоянием дорог из-за осенней распутицы и непрерывных дождей. 5 октября войска вышли на реку Вислока. Русские арьергарды ушли за реку. В трясине размытых дорог застревали обозы и артиллерия, часто по ступицу, отставая от пехотных колонн.

¹ Черкасов П.В. Штурм Перемышля 7 октября (24 сентября) 1914 года. М.; Л., 1927. С. 42–43.

² Там же. С. 44–48.

³ РГВИА. Ф. 2068. Оп. 1. Д. 299. Л. 32–33.

Генерал-майор А.А. Павлов (начальник 2-й сводной казачьей дивизии) слал сообщения о продолжающемся уже 4-й день бое на перевале Ужок. Его подкрепила 2-я бригада 48-й пехотной дивизии под командованием генерал-майора Л.Г. Корнилова. 190-й пехотный Очаковский полк (временно командующий подполковник Чернятовский) занимал перевал батальоном капитана Габеева с 4 пулеметами и полубатареей; участок был поручен командиру 2-й бригады 2-й сводной казачьей дивизии полковнику Голощапову. Венгерский хонвед 38-й пехотной дивизии обходил левый фланг позиции, но пока русские отбивались, пользуясь отсутствием у противника артиллерии и пулеметов. В боях за Ужок и г. Остра 190-й полк потерял до 22 сентября (5 октября) 18 убитых, 55 раненых и 86 пропавших без вести. Линия обороны проходила по высотам 675, 839, 844, г. Остра, деревня Туречки Нижне¹. У села Сянки оборонялся 1-й Линеинный казачий полк Кубанского войска (полковник Черный), отступивший затем к деревне Борыня².

Юго-восточнее осложнилось положение 1-й Кубанской казачьей дивизии. Здесь австро-венгры наступали на село Торонья из Окёрмезё (отряд полковника А. Бергера) и уже 20 сентября (3 октября) оттеснили 2-й Запорожский полк. 21 сентября (4 октября) полк получил приказ перейти в Голятин с 2 орудиями и задерживать там противника, наступающего на правый фланг дивизии, обеспечив связь с соседней 2-й Кубанской казачьей дивизией, обороняющей Бескидский перевал³. Успешное продвижение 1-й Терской казачьей дивизии также было остановлено у Саплонице и Хостумезё.

В телеграмме Н.И. Иванову 22 сентября (5 октября) А.А. Брусиллов подтвердил, что 3-я и 8-я армии будут обеспечивать атаку на Перемышль со стороны Соколув, Прухник с возможным выдвиганием к Дынуву, Кольбушову и Жендуву. «Совокупность всех сведений о противнике, – говорил он, – приводят меня к заключению, что крупные его части группируются на направлении Дынув, Новый Сандец. Несколько корпусов отходили по направлению на Санок, Гуменное, на этом направлении передовые неприятельские части в непосредственной близости Лиско проявляют усиленную активность. На направлении Ужгорода противник проявляет упорство, чтобы сбить нас с перевала Ужок. Все это приводит меня к заключению, что весьма вероятен сильный удар противника на наш левый фланг, прикрытый в настоящее время изолированным двадцать четвертым корпусом, который может подвергнуться сильному удару прежде чем подойдут другие корпуса армии. Затем я полагаю, встречу противника на линии Низанковицы, Добромиль. Старое Место не будет достигнута одна из настоящих задач армии – прикрытие блокады Перемышля. Для выполнения этой задачи считаю необходимым выдвинуться на одну высоту с третьей армией, для чего передвинуть теперь же в район Низанковице, Добромиль восьмой корпус». Это выдвигание должно было укрепить и 24-й армейский корпус, ослабленный посылкой трех полков в отряд Павлова. Левый фланг Брусиллов считал неустойчивым и хотел подкрепить его резервом, поставленным за левым флангом 3-й армии⁴.

В ответ Н.И. Иванов подчеркнул: «Назначение Вас начальником Галицийской группы предоставляет Вам право избирать тот способ действий, который по обстановке признаете более выгодным и обеспечивающим выполнение возложенной задачи, только изменение состава армий может быть сделано мною». Подчеркнув, что теперь Львов «отнимает от Перемышля значение стратегическое, оставляя большое моральное значение», Иванов категорически заявил, что в случае наступления противника необходимо снять блокаду крепости, вернуть армиям свободу действий⁵.

¹ РГВИА. Ф. 2804. Оп. 2. Д. 7. Л. 257–259, 268.

² РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 49. Л. 4.

³ Там же. Д. 62. Л. 261.

⁴ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 299. Л. 68–71.

⁵ Там же. Л. 76–79.

В то же время события на перевалах продолжали развиваться неблагоприятно для 8-й армии. Весь день и ночь 21 сентября (4 октября) противник наращивал силы на Ужокском перевале. Его 31-я пехотная дивизия перешла ночью Карпатский хребет и вышла в правый фланг и в тыл 2-й сводной казачьей дивизии через Бенёву. В группе Карга 23-й ландштурменный пехотный полк был сброшен с высоты 1012 контратакой 190-го Очаковского полка, но сюда была направлена 40-я ландштурменная бригада и из Ревхели – 1-я кавалерийская дивизия. Высоты южнее дороги на Волочь были взяты австрийцами. Для помощи в бою за станцию Ужок к местечку Турка выступила колонна генерал-майора Шульмана из 48-й пехотной дивизии (189-й пехотный Измаильский полк); с 7 часов 23 сентября (6 октября) 189-й полк (полковник Потапов) продвигался по шоссе к перевалу. У села Барыня развернулись в боевой порядок между высотами 689 и 781 и с полудня отражали атаки врага. В 13 часов в село Туречка Нижня был направлен батальон 192-го пехотного Рымникского полка. Противник продолжал обходить по долине реки Стрый, сюда был к 17.30 притянут сводный батальон Измаильского полка (подполковник Егоров). Для поддержки отступающего Очаковского полка начальник 48-й пехотной дивизии бросил в бой 1-й батальон на высоты 801 и 839, но 3-й батальон Очаковского полка все же отступил с высоты 844. 1-й батальон Измаильского полка (подполковник Свяцкий) с 10-й ротой занял оборону на высотах 839 и 844. Противник вел ружейно-пулеметный огонь с 150 шагов, но на атаку до ночи не решился. В 3 часа ночи 24 сентября (7 октября) начальник дивизии приказал отступить к высоте 722 за село Барыня. Ужокский перевал и гора Остра были захвачены группой Карга, на станцию Ужок прибыла 40-я ландштурменная бригада¹.

2-й Запорожский полк 23 сентября (6 октября) выступил в Пришлоп и неожиданно встретился с отступающим от Бескидского перевала 2-м Лабинским казачьим полком 2-й Кубанской казачьей дивизии, выбитым австрийским отрядом Фляйшмана из Верецке. Кубанцы отходили на Козёву и Тухлю. Против 1-й Кубанской дивизии противник укрепился на высотах 821 и 692 и в селе Кусбей. К 17 часам 24 сентября (7 октября) 2-й Запорожский и 2-й Лабинский полки заняли Пришлоп и высоту 825 для обеспечения движения на Хуст, куда, по имеющимся сведениям, шла 1-я Терская дивизия². Однако положение отряда Арютинова было иным. 23 сентября (6 октября) отряд фельдмаршал-лейтенанта графа В. Аттемс-Петценштайна (8 батальонов и 3 батареи) завязал бой на подступах к Марамарош-Сигету по обоим берегам Тисы. С юга, от Надь-Банья, двинулся Польский легион Дурского. Отряд полковника Э. Фишера также был повернут от Якобены против терских казаков. На Акна-Слатину, в обход города, двигались два батальона противника; еще один батальон стал обходить казаков справа. Вечером по приказу 1-я Терская казачья дивизия оставила Марамарош-Сигет и отступила на село Бочко, а днем 24 сентября (7 октября) – еще дальше, к селу Лонско, уходя от охвата со стороны Хуста³.

21 сентября (4 октября) начала движение на Жешув 4-я австро-венгерская армия. В первом эшелоне продвигались 7-й, 2-й и 14-й корпуса, за левым флангом во втором эшелоне – 6-й корпус. 2-я, 6-я, 10-я и 11-я (хонведа) кавалерийские дивизии образовали разведывательный авангард армии. Русские войска отходили на восток, оказав небольшое сопротивление вокруг Жешува. По приказанию Армейского главнокомандования 4-я армия должна была к 22 сентября (5 октября) выйти на фронт восточнее Тарнова, а 6-я и 10-я кавалерийские дивизии – выдвинуться в район северо-восточнее и юго-восточнее Тухова⁴. 3-я армия к 22 сентября (5 октября) вышла к верховьям Вислоки, а 23

¹ РГВИА. Ф. 2803. Оп. 2. Д. 92. Л. 27–28; Ф. 2804. Оп. 2. Д. 7. Л. 271, 324; Oesterreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. 1. S. 374–375.

² РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 62. Л. 261.

³ Там же. Д. 34. Л. 3, 73–74, 136; Oesterreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. 1. S. 396–397.

⁴ Oesterreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. 1. S. 370.

сентября (6 октября) к вечеру группе Чурченталера, а за ней 3-му и 11-му корпусам удалось продвинуться до Бжозува и Домарадзя; 9-й корпус (фельдмаршал-лейтенант И. Фридель; 10-я и 26-я ландверная пехотные дивизии) достиг Стшижува, 4-я кавалерийская дивизия – Ясёлки. Продвижение затруднялось размытыми дорогами и непогодой. Севернее 3-й армии 17-й корпус (фельдмаршал-лейтенант К. Кшитек; 19-я и 41-я хонведа пехотные дивизии) в условиях бездорожья перешел Вислоку и южнее Жешувского шоссе занял Чудец. 2-й корпус (фельдмаршал-лейтенант Й. фон Кирхбах) авангардом (13-я ландверная пехотная дивизия) достиг высот западнее Ропчице. 14-й корпус (фельдмаршал-лейтенант Й. Рот; 3-я и 8-я пехотные дивизии) не смог достичь Кольбушова и застрял в грязи под Нивиско, а 6-й корпус (фельдмаршал-лейтенант А. Арц фон Штрауссенбург; 15-я, 27-я и 39-я (хонведа) пехотные дивизии) еще не перешел Вислоку¹.

Пользуясь тем, что угроза со стороны Карпат была устранена, корпуса 2-й австро-венгерской армии также начали продвижение от долин рек Чироки, Лаборчи и Ондавы. Группа генерал-майора Л. Гойгингера (32-я пехотная дивизия, 103-я ландштурменная бригада) наступала на Лиско через Цисну и Балигруд и 6 октября (23 сентября) заняла высоты на северном берегу Сана. В центре 7-й корпус (фельдмаршал-лейтенант А.Файль-Грислер; 17-я, 34-я и 20-я (хонведа) пехотные дивизии) от Мезолабороча двинулись через Лупковскую седловину на Загуж; 34-я пехотная дивизия (фельдмаршал-лейтенант Й. Краутвальд) также перешла Сан у Лиско, а 17-я пехотная дивизия (фельдмаршал-лейтенант Й. фон Энрикес), подчиненная 7-му корпусу, заняла Балигруд. Левофланговый 12-й корпус (генерал от инфантерии Х. Кёвеш фон Кёвешхазо; 16-я и 35-я пехотные дивизии, 105-я бригада ландштурма) перешел Дуклинский перевал и подошел к берегам Сана у Рыманува. Русских войск перед корпусами не оказалось, и удар противника пришелся по воздуху. Авангарды 16-й пехотной дивизии вышли на Хырувское шоссе, но ее артиллерия отстала².

Из-за боя южного фланга 1-й австро-венгерской армии у Махова и Тарнобжега с русскими арьергардами Армейское главнокомандование поручило штабу 4-й армии так повернуть левый фланг, чтобы оказать помощь правому крылу 1-й армии в направлении слияния Сана и Вислы. 23 сентября (6 октября) была отдана соответствующая директива о повороте войск на Жешув, Вильча Воля. 3-й армии было приказано идти на Перемышль и достичь Стшижува, Бжозува и Грабовницы; 2-й армии продвигаться южнее Перемышля, охватывая врага на Самбор, через Тшчанец, Добромиль³.

В условиях приближения армий противника к реке Сан на всем ее течении Галицийской группе предстояло ускорить операцию по овладению крепостью Перемышль. Приказом по армиям Юго-Западного фронта 18 сентября (1 октября) была сформирована Блокадная армия в составе 28-го армейского корпуса (58-я, 60-я и 69-я пехотные дивизии, командир не назначен) и 29-го армейского корпуса (генерал от инфантерии Д.П. Зуев; 78-я и 82-я пехотные дивизии без пулеметов), 9-й кавалерийской дивизии, двух дивизионов 4-й тяжелой артиллерийской бригады, 3-го и 4-го осадных парков, 2-й и 4-й воздухоплавательных рот, 24-го корпусного авиаотряда, восьми отдельных саперных рот⁴. Спустя несколько дней армия была усилена 12-м армейским корпусом.

19 сентября (2 октября) командующий 3-й армией генерал от инфантерии Радко-Дмитриев обратился к коменданту Перемышля: «Господин комендант! Счастье покинуло австро-венгерскую армию. Последние победоносные бои наших войск дали мне возможность окружить вверенную Вашему Превосходительству крепость Перемышль. Какую-либо помощь для вас извне я сделал невозможной. Чтобы избежать напрасного кровопролития, я нахожу своевремен-

¹ Ibid. S. 371.

² Ibid. S. 376–377.

³ Conrad F. Op. cit. Bd. V. S. 49, 52.

⁴ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 9. Л. 50–50 об.

ным предложить Вашему Превосходительству переговоры о сдаче крепости; в этом случае возможно выговорить у Верховного главнокомандующего почетные условия для Вас и гарнизона. Если Вашему Превосходительству угодно начать переговоры, то соблаговолите сообщить Ваши условия уполномоченному делегату господину подполковнику Вондану. Я пользуюсь случаем, чтобы засвидетельствовать свое почтение Вашему Превосходительству». Комендант фельдмаршал-лейтенант Х. фон Кусманек ответил: «Господин командующий! Я нахожу ниже своего достоинства давать ответ по существу на столь постыдное предложение»¹.

В крепости находились 23-я пехотная дивизия хонведа, 93-я, 97-я, 108-я и 111-я бригады ландштурма, главным образом из венгров и русинов. Пояс внешних фортов (43 км, 15 фортов, 25 опорных пунктов, в том числе 13 бронекуполов) составлял главную силу крепости и располагался в 4-10 км от центра и в 2-7 км от внутреннего обвода. Цитадели не было. Из 933 орудий современными были только 8 24-см мортир и 70 15-см гаубиц обр. 1899; более 700 орудий было чугунных – обр. 1861 и 1875 гг. Угрозу для пехоты представляли 93 башенные и казематные 8-см пушки, 10 фланкирующих 6-см пушек и 6 10-см гаубиц в бронеколпаках. Запас снарядов был невелик – 74 000. Наиболее современным и сильным был форт-9 (северо-западный сектор обороны), со рвом глубиной 7 м и шириной 15-20 м, с башнями (7 орудий) и бойницами на 280 стрелков. На восточной стороне были старые форты люнетного типа, с рвами шириной 8 м и глубиной до 7 м, простреливающих из капониров в плечевых углах укрепления. Во внутреннем дворике имелся еще один ров в 17 м (глубина 3,5 м)².

Именно восточная сторона и была выбрана генералом от инфантерии Д.Г. Щербачевым для штурма. Здесь находились укрепления Седлисской группы (форт-1 с промежуточными укреплениями, от высоты 304 и деревни Борек до ручья Бухла, всего 6 долговременных оборонительных сооружений (ДОС), из них 4 бронированных, всего 32 12-см пушки обр. 1861, 1875 и 1880). Южнее у Яксманице находились форт-2, батареи 2а и 2b (последняя только была сооружена) с шестью временными промежуточными батареями, всего 16 12-см, 8 9-см и 4 8-см пушек. С севера Седлиску фланкировал броневой форт-15 (Борек) и три батареи (16 орудий). Еще севернее у деревни Гурко (Хурко) находился форт-14, три временные батареи (Мурованка) и батарея № 12, всего 4 12-см, 12 9-см и 4 8-см пушки. Против 195 орудий и 12½ батальонов 6-го сектора обороны (97-я венгерская бригада ландштурма, 3-й крепостной артиллерийский полк) Щербачев сосредоточил четыре пехотные дивизии и 279 орудий³.

Расчет делался на то, что с падением этой ключевой позиции войска выйдут к центру города и прижмут противника к реке с юга, а северные укрепления будут оставлены сами собой. Просчет был в том, что на направлении главного удара находились 5 бронированных укреплений из 13, имевшихся в крепости, и из 6 находящихся на южном берегу Сана, а также наиболее стойкие части гарнизона (так, 4-й сектор обороны – северный – был гораздо слабее как по свойствам гарнизона – 93-я бригада ландштурма из русин, потерявшая в Галиции 4,5 тыс. человек, – так и по укреплениям, имевшим большие разрывы). Кроме того, при прорыве к внутреннему поясу атакующие оказывались перед руслом заболоченной реки Вяр, попадая таким образом в ловушку.

Для атаки на форт-14 и форт-1 выделялись 19-я, 58-я пехотные дивизии и 1-я бригада 69-й пехотной дивизии от Шехине, Новоселки, Бойовице, имея задачей овладеть высотами 231, 285, фортом-14, Поповице и высотой 298. С хребта Яксманице на форт-2 и форт-3 наступала 60-я пехотная дивизия, от Низанковице на Хермановице и высоту 291 наступала 3-я стрелковая бригада. С

¹ Conrad F. Op. cit. Bd. V. S. 64–65.

² Черкасов П.В. Указ. соч. С. 13–24.

³ Черкасов П.В. Указ. соч. С. 59, 63, 65–67.

севера на г. Мокра и высоты 276, 274 должен был двигаться весь 12-й армейский корпус (12-я, 78-я и 82-я пехотные дивизии, 11-й и 12-й мортирные дивизионы). Общий резерв составляли 65-я пехотная дивизия, 2-я бригада 69-й дивизии и полк 60-й дивизии. Тяжелая артиллерия и 8-й мортирный дивизион были собраны в единую группу генерал-майора Дельвига¹.

В 58-й пехотной дивизии (генерал-майор В.В. Чернавин) для атаки на Хурко и Мурованку выделялся правый участок капитана фон Вернера (два батальона 230-го пехотного Новгород-Волынского полка, батальон 231-го пехотного Дрогичинского полка и три батареи 58-й артиллерийской бригады), для действий против Мурованки и Длуге Лозы – левый участок подполковника Болбата (по два батальона 229-го пехотного Сквирского полка и 231-го полка, три батареи 58-й артиллерийской бригады). В резерве было три батальона. В час ночи 22 сентября (5 октября) поступил приказ о переходе в наступление с 9 часов. К полудню правый участок выбил австрийцев из Халупки Медыкске, а левый приблизился на 600 шагов, но под сильным артиллерийским огнем цепи остановились и окопались. Атаку решено было возобновить с 5 часов 23 сентября².

60-я пехотная дивизия (генерал-лейтенант П.Н. Баранов) начала действия раньше других. Уже 21 сентября ее боевые участки стали выдвигаться для атаки при поддержке (после полудня) двух тяжелых батарей. Правый участок (полковник Носков – 239-й пехотный Константиноградский полк, четыре батареи 60-й артиллерийской бригады) 22 сентября (5 октября) овладел высотами южнее Цыкова и продвинулся к форту-2, а левый участок полковника Хазова (240-й пехотный Ваврский полк, 4-я и 6-я батареи 60-й артиллерийской бригады) захватил Злоту гору, а на ней 2 пулемета и 100 пленных. Полковник Хазов был ранен, и командование атакой на форт-3 поручили командующему 238-м пехотным Ветлужским полком подполковнику Исаеву (полк был введен справа от 240-го полка). В общем резерве остался 237-й пехотный Грайворонский полк³.

69-я пехотная дивизия (генерал-майор А.П. Гаврилов) выдвинулась для атаки на высоту 298 и редуты I-4, I-5 и I-6. Начальник дивизии лично под огнем провел рекогносцировку и убедился в «малой вероятности успеха»: полкам предстояло наступать 3 версты по открытой местности. Но на его донесение из штаба Блокадной армии поступил категорический приказ наступать. Приказ этот запоздал, и наступление 22 сентября началось только около полудня. 1-я бригада дивизии (генерал-майор Хвостов) атаковала 273-м пехотным Богодуховским полком (полковник Загурский) село Поповице и редут I-4, а 274-м пехотным Изюмским полком (полковник Медер) – бронированные редуты I-5 и I-6. Наступление шло без поддержки тяжелых орудий. Только 4 легкие батареи 69-й бригады вели огонь. 2-й и 3-й батальоны 273-го полка овладели высотой 290 и лесом, войдя в контакт с 76-м пехотным Кубанским полком 19-й пехотной дивизии. 274-й полк перешел ручей Бухла, прошел через Поповице и продвинулся за шоссе на 600 шагов. Потери бригады превышали 135 человек⁴.

19-я пехотная дивизия (генерал-лейтенант Г.Е. Янушевский) была передана в подчинение 9-го армейского корпуса (генерал от инфантерии Д.Г. Щербачев) и к утру 22 сентября (5 октября) сменила 58-ю дивизию от высоты 267 до реки Бухла. Правый участок полковника Безкровного (73-й пехотный Крымский полк) должен был атаковать Быкув и Плешовице, левый полковника Соколова (75-й пехотный Севастопольский полк, 76-й пехотный Кубанский полк) – овладеть высотой 290 и дер. Плешовице до реки Бухла. К 19 часам полки заняли исходное положение⁵.

¹ Там же. С. 50—51.

² РГВИА. Ф. 2388. Оп. 1. Д. 1. Л. 47—48.

³ РГВИА. Ф. 2390. Оп. 1. Д. 44. Л. 34—35.

⁴ РГВИА. Ф. 2399. Оп. 1. Д. 110. Л. 18.

⁵ РГВИА. Ф. 2349. Оп. 1. Д. 90. Л. 46 об.

3-я стрелковая бригада генерал-майора Я.А. Фока 21 сентября (4 октября) была перевезена в местечко Фельштын и к 21 часу сменила в местечке Низанковице 275-й пехотный Лебединский полк. 2-й батальон 12-го стрелкового полка был отправлен для охраны штаба 8-й армии. К 3 часам 22 сентября (5 октября) 10-й и 11-й стрелковые полки заняли боевую линию от высоты 289 до фольварка Княжнице. Слева с разрывом в 2 версты за рекой Виар находилась 60-я дивизия, слева за Рыботычи и Бирчей – 9-я кавалерийская дивизия, с которой связи не было. На рассвете австро-венгры (108-я бригада ландштурма и 6-й крепостной артиллерийский полк) открыли орудийный огонь и повели атаку от форта-3 и форта-4 двумя батальонами на 11-й стрелковый полк и тремя ротами в охват 10-го стрелкового полка. Вскоре по расположению бригады был открыт и ружейный огонь (по деревни Княжнице и Фредрополь). С помощью массированного ружейно-пулеметного огня и резерва противник был отброшен к фортам. В 16 часов атака повторилась силами 16-го пехотного полка ландштурма из леса западнее Кармановице на восток, в обход высоты 289. 10-й стрелковый полк (полковник Харламов) повернул фронт углом на запад и север, противник прекратил движение, но открыл сильный огонь. Для обороны флангов севернее Хермановице окопались две роты 9-го стрелкового полка (подполковник Корольков), а восточнее деревни Серакосьце – 1-й батальон 12-го стрелкового полка с пулеметами. В 22 часа для поддержки бригады был выслан 276-й пехотный Купянский полк¹.

Д.Г. Щербачев, оценивая обстановку, упрекал начальника 19-й пехотной дивизии в «колебании духа», несмотря на полную недейственность огня не только легких, но и тяжелых орудий по фортам врага. На 23 сентября он распорядился: «Против укреплений должна действовать легкая артиллерия, а тяжелая будет содействовать. Прошу всем напомнить, что мы делаем великое дело, и что для успеха нужна твердая решимость, геройство и искусство. Командующий армией потребовал это от нас, зная славные наши дела. Никакие частные препятствия не должны останавливать. Противник упорен, но подавлен. С нами бог и молитвы всей России». Тем не менее, он не обратил внимание на сравнительно слабый участок обороны между редутами I-2 и I-5².

С 5 часов 23 сентября (6 октября) 19-я пехотная дивизия начала наступление на редуты I-1, I-2 и I-3. К 16 часам 73-й пехотный полк залег в 800-1000 шагах от высоты 231, а два батальона 75-го пехотного полка – в 800 шагах от укрепления I-2. 76-й пехотный полк остановился западнее деревни Плешовице и в полуверсте от редута I-3. В резерве оставался 74-й пехотный полк (генерал-майор Тимченко). На 24 сентября перед дивизией были поставлены те же задачи – овладеть находящимися перед ними укреплениями. В укрепление I-2 попал всего 1 снаряд из 249. Здесь даже проволочные заграждения остались целы. Ружейно-пулеметный и орудийный огонь противника достигал такой силы, что к позициям 73-го полка западнее деревни Быкова и Плешовице даже одиночные люди не могли подойти, не будучи обстреляны³.

В 58-ю пехотную дивизию распоряжения о наступлении пришли с запозданием, и движение 23 сентября (6 октября) началось только в 7 часов, причём велось медленно. Вражеские артиллеристы с форта-14 отмечали: «Пехота наступала редкими цепями, следовавшими одна за другой, служа отличной мишенью». Подпустив русские цепи на 500 м, австро-венгры (3-й крепостной артиллерийский полк) открыли ураганный огонь из орудий и пулеметов и заставили уцелевших залечь в канавах до вечера. Цепи 231-го пехотного полка, обстреливаемые с фланга, к 10 часам откатились назад к деревне Мурованка; 230-й полк залег в 400 м от форта. Из 116 6-дм бомб в форт попало только 3, и произведенные разрушения были исправлены за ночь. Для поддержки к дивизи-

¹ РГВИА. Ф. 2497. Оп. 2. Д. 27. Л. 1—2.

² Черкасов П.В. Указ. соч. С. 85.

³ РГВИА. Ф. 2349. Оп. 1. Д. 90. Л. 47—48.

зии были направлены два батальона 258-го пехотного Кишиневского полка и батарея 65-й пехотной дивизии, но они прибыли в село Торки только в ночь на 24 сентября (7 октября)¹.

58-й пехотной дивизии было приказано перейти в атаку с 5 часов 23 сентября (6 октября), преодолев заграждения и перейдя ручей Бухла. Но проволока и здесь была цела, а засеку у высоты 290 противник не дал растащить ружейно-пулеметным огнем. Для штурма на каждый полк было выдано всего по 50 ручных бомб и 200 ножниц, причем это произошло только к 7.30. 274-й полк перешел в атаку на укрепление I-5, подвергаясь фланговому огню из соседнего редута. К полудню полк, потеряв 7 офицеров и 350 нижних чинов, окончательно был прижат к земле. Соседний 273-й полк под огнем стал обходить засеку от южной опушки леса, прошел 1500 шагов и также залег. 1-й батальон полка был направлен на поддержку 274-го полка, однако и он не мог продвинуться. Тяжелая артиллерия молчала до полудня, и противник смог подавить две батареи 69-й артиллерийской бригады и разбить два орудия. Огонь тяжелых гаубиц вызвал пожар на форте, но решительных результатов не дал: «При образцовой меткости разрушения никакого»².

В 5 часов 23 сентября (6 октября) начальник 3-й стрелковой бригады отдал распоряжения об атаке участком полковника Гештовта (11-й стрелковый полк и 2 роты 9-го стрелкового полка, 12 пулеметов и 16 орудий) на лес и форт-4; левый участок полковника Харламова (10-й стрелковый полк, 8 пулеметов, 8 орудий) должен был двигаться вперед по мере успеха соседей. Противник с утра заметил наступление и открыл перекрестный огонь с форта-3, форта-4 и форта-5. Легкие батареи отвечали до 19 часов, но безуспешно. В резерве готовились лестницы от 6 до 9 аршин длиной. К полудню правый участок приблизился к деревне Хермановице и занял брошенные окопы до вырубленной рощи. Левый участок не смог продвинуться: перед ним все деревни противник сравнял с землей и возвел много заграждений. Ночная разведка была отбита артиллерийским и пулеметным огнем³.

Северная группа Блокадной армии (генерал от инфантерии Л.В. Леш) первые два дня продолжала сосредоточение на исходных позициях: «В течение целого дня орудия, зарядные ящики и обозы при помощи пехоты вытаскивались из грязи, так что только к вечеру все было подтянуто», - отмечалось в журнале военных действий 2-й бригады 12-й пехотной дивизии. На 24 сентября (7 октября) ей надлежало овладеть высотой 389 и атаковать далее высоты 355 и 373 между фортом-8 и фортом-9. Высоты были заняты в 11 часов 48-м пехотным Одесским полком, который затем остановился, поджидая подхода 47-го пехотного Украинского полка и горного дивизиона 52-й артиллерийской бригады. Высота 373 была занята только в 18.10; Украинский полк находился в двух верстах уступом вправо – у фольварка Бенъвин. Артиллерийский огонь противника не дал возможности наступать дальше⁴.

Около полуночи на 24 сентября (7 октября) начальник 58-й пехотной дивизии генерал-майор В.В. Чернавин отдал приказ о штурме форта-14 правым участком и об атаке левым участком на фронте от Мурованки до Седлиски. 230-й пехотный полк (капитан фон Вернер) начал движение с 5 часов утра; в 231-м полку (подполковник Болбат) из-за порчи связи приказ получили только около 7 часов и начали атаку после рассвета. Австрийский офицер вспоминал: «В 6 часов утра внезапно, как из-под земли, выросли густые цепи, наступавшие в несколько рядов. Не более 800 м отделяло передовые цепи от форта. На склонах высот имелись густые массы поддержек, следовавшие за цепями. Дав передовой цепи подойти на 400 м, стрелки, занимавшие банкет форта, открыли частый ружейный и пулеметный огонь, обстреливая главным образом участок между

¹ РГВИА. Ф. 2388. Оп. 1. Д. 1. Л. 49—50; Черкасов П.В. Указ. соч. С.90, 93

² РГВИА. Ф. 2399. Оп. 1. Д. 110. Л. 19—20.

³ РГВИА. Ф. 2497. Оп. 2. Д. 27. Л. 2—3.

⁴ РГВИА. Ф. 2342. Оп. 1. Д. 372. Л. 154—157.

шоссе и полотном железной дороги. Одновременно с этим был открыт огонь со всех батарей группы и с форта-13 и форта-15, покрыв шрапнелью все поле к востоку и югу от форта-14. Русские не выдержали и в беспорядке отхлынули, расстреливаемые во фланг батареями главного артиллерийского резерва».

По 231-му полку открыла огонь 1-я временная батарея у Мурованки, сперва шрапнелью, заставив рассыпаться цепью, а затем гранатами; уцелевшие перебежали назад – к роще, на которую был направлен огонь бронеполковой батареи форта-14. Здесь русские смогли укрыться в складках местности до ночи. После 14 часов штаб 58-й дивизии перегруппировал артиллерию, которая сосредоточила огонь на форте-14 и форте-15; в результате было подбито три орудия и засыпан блиндаж (исправлено к утру). С наступлением темноты 232-й пехотный Радомысльский полк сменил цепи 230-го полка, а 229-й пехотный Сквирский полк – 231-й полк (командиром левого участка стал подполковник Полюнев). Оба участка готовились начать в полночь штурм, но последовал приказ отойти на высоты 254, 270 и 221. В 3 часа 25 сентября (7 октября) приказ об отходе был подтвержден. 230-й полк отошел к западной окраине Медыки, 229-й к фольварку Новосели, 232-й на высоты 270, 267, 231-й – в резерв дивизии. Отход был проведен до рассвета, поздно получивший приказ 229-й полк смог отойти только вечером из-за обстрела с фортов. Потери 58-й дивизии составили 12 офицеров и 1634 нижних чинов, в том числе 325 убитыми (1 офицер) и 327 пропавшими без вести¹.

Наиболее трагические события произошли на участке 19-й дивизии. 73-й пехотный Крымский полк начал наступление в 4 часа 24 сентября (7 октября) без выстрелов, залегая под прожекторами австрийцев, и достиг гласиса фортов Седлисской группы. В 4.35 противник осветил ракетами все пространство и открыл огонь. Роты бегом устремились вперед к высоте 231, преодолели засеки, но попали на фугасы. Ножниц не хватило, они не брали проволоку: ее приходилось рубить лопатками, рвать штыками или срывать с кольев руками. Так было проделано 5 проходов.

За проволочными заграждениями оказались бетонированные окопы. Их атаковали в штыки и на плечах отходящего противника (97-я бригада ландштурма, генерал-майор А. Веебер) 1-я, 2-я и 11-я роты по мостику ворвались во внутренний дворик и в ров; мостик рухнул, и роты оказались отрезанными во рву, где из углов открыли огонь вражеские пулеметы и противотанковые пушки. Солдаты «вынуждены были лечь на землю, тщетно пытаясь найти укрытое место или окопаться в покрытом тонким слоем земли бетоне. Почти все они погибли смертью храбрых на глазах у товарищей, бессильных им помочь». Командант форта I-1 обер-лейтенант Я. Сверлюга (37 человек Венского крепостного артиллерийского полка № 1) и лейтенант Альтман (рота 10-го венгерского пехотного полка ландштурма) вели бой до 21 часа. На помощь подоспели роты 7-го пехотного полка хонведа: с криками «Райта, райта!» они ворвались в ограду форта и перебили оставшихся храбрецов Крымского полка (около 150 человек). Затем огонь был перенесен по цепям, залегшим у гласиса. Цепи лежали до ночи, когда последовал приказ об отступлении. Весь день 25 сентября (8 октября) пришлось рыть ход сообщения, по которому ночью под прикрытием 3-й роты и 5 пулеметов удалось отвести полк к Радохонице. 73-й пехотный полк потерял 22 офицера (2 убито, 18 ранено, 2 пропало без вести) и 1325 нижних чинов (из них 149 пленных), 1 пулемет².

75-й пехотный Севастопольский полк (командующий подполковник Леонтьев) в 3 часа начал атаку на фланги редута I-2, оставив по фронту только отвлекающую завесу. Наступление было обнаружено с помощью прожекторов и осветительных ракет. Противник взорвал 20 фугасов. Хотя полк продвинулся

¹ РГВИА. Ф. 2388. Оп. 1. Д. 1. Л. 50–52; Черкасов П.В. Указ. соч. С. 101–102.

² РГВИА. Ф. 2349. Оп. 1. Д. 90. Л. 49–53; Oesterreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. 1. S.

почти вплотную к реду, выяснилось, что атаковать невозможно: оборона не была подавлена, велся перекрестный огонь. Цепи залегли в 700 шагах, ожидая помощи артиллерии. После известия о захвате Крымским полком форта I-1 Леонтьев приказал атаковать во фланг и выдвинул туда резерв, но он был встречен ураганным огнем и залег у шоссе Плешовице-Быков. Ночью полк, потерявший 5 офицеров и 425 нижних чинов, был отведен на бивак к Гориславице¹.

76-й пехотный Кубанский полк начал атаку в 4 часа 24 сентября (7 октября) на форт I-3 и высоту 285. Внезапно грянуло «ура» со стороны 275-го пехотного Богодуховского полка, который действовал против укреплений I-4 и I-5. Это всполошило противника, и у проволочных заграждений полк был встречен ураганным огнем. После 5 часов 1-я, 4-я, 6-я, 7-я и 10-я роты заняли передовое укрепление и начали взбираться на вал форта. Проволоку рубили лопатками и офицерскими шашками. В 6 часов атаку поддержал 3-й батальон – ему удалось прорваться к валу и рву с водой: «Но эта атака дорого обошлась полку, так как железобетонный форт не был предварительно разрушен нашей тяжелой артиллерией, а огонь противника с трех сторон все сметал». До 11 часов 25 сентября (8 октября) полк держался у вала форта и отошел, пользуясь начавшимся густым снегом, в Гориславице. Потери составили 23 офицера (2 убито) и 1202 нижних чина (101 убитый, 558 пропавших без вести). Попытка взорвать укрепления не имела успеха: заготовленный саперами пироксилин не действовал. 74-й пехотный Ставропольский полк был послан на помощь Кубанскому полку, но затем также отступил в Мижинец (1 убит, 12 ранено). Общие потери 19-й пехотной дивизии достигали 50 офицеров и 2976 нижних чинов².

Неудачей закончилась и атака 69-й пехотной дивизии на укрепление I-5: штурмы, предпринятые в 3 часа, в 9 часов и в 14 часов были отбиты артиллерией и пулеметами. В полночь 25 сентября (8 октября) полки получили приказ об отходе. Было убито 8 и ранено 29 офицеров, убито 132, ранено 1162 и пропало без вести 336 нижних чинов³.

60-й пехотной дивизии 24 сентября (7 октября) предстояло овладеть фортами-2 и -3. Приказ по армии был получен в 1.30; но когда полки начали в 3 часа наступление, противник осветил всю местность ракетами – «стало светло как днем», – отмечал полковой адъютант поручик Вилков. Под огнем войска дошли к рассвету до линий заграждений и стали окапываться. Лестницы и ножи оказались непригодными. С 8 часов 239-й пехотный Константиноградский полк не мог поднять голов от земли из-за ураганного огня противника. Атака 238-го пехотного Ветлужского полка на временную батарею 2а также была отражена артиллерией и пулеметами.

Для атаки на форт-3 (у деревни Розубовице) 240-й пехотный Ваврский полк был усилен батальоном 260-го пехотного Брацлавского и двумя батальонами 259-го пехотного Кишиневского полков из 65-й пехотной дивизии; командование отрядом принял полковник Козловский (командир 260-го полка). Цепи подошли к проволочным заграждениям и стали ждать, когда саперные команды сделают проходы. Здесь-то в 9 часов их обнаружил гарнизон (80 человек) и забросал ручными гранатами, а 8-см батарея открыла отсекающий огонь. Атака захлебнулась. Противник взял в плен 86 человек, подобрал 25 русских раненых (включая офицера), 224 трупа и 374 винтовки. Во второй половине дня русская тяжелая артиллерия стала обстреливать форт-2 и батарею 2а, добившись 61 попадания и повредив при этом только одно орудие. Потери 60-й дивизии достигали 1560 человек, 65-й дивизии – всего 8 человек. Ночью 25 сентября (8 октября) последовал приказ об отходе: 60-й дивизии до опушек лесов на высоты. 311 и 318 западнее Боратыче, 65-й дивизии – в Хрушатице и Чишице⁴.

¹ РГВИА. Ф. 2349. Оп. 1. Д. 90. Л. 54–55.

² Там же. Л. 56–59.

³ РГВИА. Ф. 2399. Оп. 1. Д. 110. Л. 21–24.

⁴ РГВИА. Ф. 2390. Оп. 1. Д. 44. Л. 37–38; Ф. 2395. Оп. 2. Д. 119. Л. 32; Черкасов П.В. Указ. соч. С. 109–110.

В 3 часа 24 сентября (7 октября) 3-й стрелковой бригаде была поставлена задача «овладеть высотой южнее Нехрыбка (форт-4) и содействовать атаке 60 пехотной дивизии и генералу Лешу с севера». Как все это можно было выполнить, остается загадкой: бригада располагалась против южных фортов, обороняемых 6-м крепостным артиллерийским полком и 6 батальонами 108-й бригады ландштурма (генерал-майор Г. Секей де Доба), а группа Леша – против северных и северо-западных фортов, за рекой Сан. Генерал-майор Я.А. Фок приказал правому участку полковника Радовского (9-й стрелковый полк, 8 пулеметов) наступать на Хермановице для атаки форта-4 с юго-востока, среднему участку полковника Гештовта (11-й стрелковый полк, 8 пулеметов) атаковать форт с юга и юго-запада, а левому участку полковника Харламова (10-й стрелковый полк, 8 пулеметов) пробиваться в промежутке между фортами-4 и -5. В резерве оставался 1-й батальон 12-го стрелкового полка и 276-й пехотный Купянский полк (полковник Хлыстов).

В авангарде 9-го полка шел 2-й батальон с 48 лестницами (подполковник Корольков), левее несколько отстали 2-й батальон 11-го стрелкового полка и 5-я рота 10-го стрелкового полка. Уже на 1000 шагов стрелков встретили плотным ружейно-пулеметным и орудийным огнем. 10-му полку удалось занять к 6 часам слабую линию передовых окопов и двинуться на деревню Княжице; 5-я рота отстала и присоединилась к атаке 11-го полка. Командующий бригадой генерал-майор Фок выехал на высоту 289 и увидел, что атака ведется уже на рассвете; он хотел остановить наступление во избежание напрасных потерь, но было поздно – стрелки уже достигли гласиса форта, где не смогли разрезать проволоку и залегли под огнем в 300 шагах от противника. Всю ночь стрелки ждали продолжения штурма, но в 6 часов 25 сентября (8 октября) последовал приказ об отходе. В 11 часов началась метель, позволившая отвести стрелков от форта. Противник пытался преследовать, но к 17 часам был отбит. 3-я стрелковая бригада потеряла 36 убитых (1 офицер), 340 раненых (21 офицер) и 62 пропавших без вести и была определена в резерв 8-го армейского корпуса¹.

Несмотря на то, что группа Л.В. Леша (12-я, 78-я и 82-я пехотные дивизии) заняла господствующие высоты для атаки на форты-9, -10 и -11 (их обороняли 17 батальонов 93-й и 111-й бригад ландштурма, генерал-майоры А. Кальтнекер и К. Войцендорфер), ее положение не было использовано для переноса удара на север. Однако и положение к юго-западу от крепости стало тревожным. Командующий 9-й кавалерийской дивизией генерал-майор князь К.А. Туманов вместо наблюдения за противником в ночь на 24 сентября (7 октября) снял заставы и направился на соединение с 3-й стрелковой бригадой в Нижанковице. Кольцо блокады оказалось разомкнутым, и дорога через Бирчу в крепость была открыта².

Брусиллов обратился к главнокомандующему армиями Юго-Западного фронта: «Переход противника в наступление и занятие им 23 сентября линии Топорув, Близна, Сендзешув, Чудец, Доморадзь, Санок, Ольшаница приводят к заключению, что войска Галицийского фронта могут быть втянуты в бой до окончания начатой операции под Перемышлем. Раз на всем фронте начнется бой, завязку которого на фронте третьей армии можно ожидать 25 сентября, а на фронте 8 армии 26 сентября, продолжать операцию под Перемышлем не считаю возможным, тем более что направление Санок – Бирча остается открытым для противника, и гарнизон Перемышля может быть усилен полевыми войсками, поэтому предполагаю, если операция под Перемышлем до вечера 25 сентября не будет закончена, то в ночь на 26 сентября войскам Блокадной армии занять на левом берегу Сана фронт Ракитнице, Дусовице и на правом берегу Сана фронт Буков, Новоселки, Чаплица, Заблотце и прочно укрепиться в указанном расположении. 12 армейский корпус и 3 стрелковую бригаду вывести

¹ РГВИА. Ф. 2497. Оп. 2. Д. 27. Л. 3–5.

² Черкасов П.В. Указ. соч. С. 118, 121.

из Блокадной армии и первоначально эшелонировать на направлении Низанковице, Гусаков, Мосциска. 3 армии, оставаясь в ныне занимаемом расположении, действовать в тесной связи с правым флангом блокадной армии. 8 и 24 корпуса 8 армии развертываются на фронте Низанковице, Старое Место».

Генерал от артиллерии Н.И. Иванов ночью 25 сентября (8 октября) рекомендовал Брусилову снять осаду: «Приближение живой силы противника ставит ее главнейшим предметом действий»¹. Того же мнения придерживались в Ставке: «Если Перемышль взять легко, то конечно было бы большим плюсом сделать блокадную армию маневренно способной, но великий князь отнюдь не желает форсировать взятие Перемышля и достичь этого жертвой, быть может, целого корпуса, который в нужную минуту неоткуда будет взять», - телеграфировал Н.Н.Янушкевич М.В.Алексееву.

«Если сегодня, 25 сентября, начнется атака противником армии ген. Дмитриева, то блокада Перемышля обратится в наблюдение. Покончить дело в один день ускоренной атакой, видимо, было почти невозможно. Во всяком случае, Галицийская группа будет отстаивать Сан, прикроет Львов. Думаю, что не нужно смущаться временными кризисами, которые неизменно будут возникать во время начинающейся операции. Все, что можно, будет сделано, но иногда приходится временно жертвовать местными предметами, дабы сохранить свободу армии, в таком положении может оказаться именно Галицийская группа», - отвечал начальнику штаба Верховного главнокомандующего Алексеев². В полночь 25 сентября (8 октября) Д.Г. Щербачев отдал приказ о прекращении атаки на Перемышль. «Местный предмет» стоил русским войскам 182 офицеров и 9865 нижних чинов (см. таблицу).

*Потери Блокадной армии под Перемышлем
21–30 сентября (3–13 октября) 1914 г.
(числитель – офицеры, знаменатель – нижние чины)*

Корпус, отдельная часть	Дивизия, бригада	Убитые, умершие от ран	Раненые, контуженные	Пропавшие без вести, пленные	ВСЕГО
12-й армейский корпус	12-я пех. дивизия	-	5/8	0/19	5/27
	19-я пех. дивизия	4/175	46/1282	2/1208	52/2665
	3-я стрел. бригада	1/35	20/319	1/62	22/416
28-й армейский корпус	58-я пех. дивизия	1/324	11/983	0/327	12/1634
	60-я пех. дивизия	3/73	11/841	2/332	16/1246
	69-я пех. дивизия	8/132	29/1162	0/336	37/1630
29-й армейский корпус	78-я пех. дивизия	3/64	17/827	0/530	20/1421
	82-я пех. дивизия	1/69	17/549	0/185	18/803
	9-я кав. дивизия	0/1	0/3	0/9	0/13
11-й мортирный		-	0/2	-	0/2

¹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 299. Л. 96–97, 104.

² Черкасов П.В. Указ. соч. С. 123.

ДИВИЗИОН				
ИТОГО:	21/875	156/5979	5/3011	182/9865

Потери защитников крепости составили более 1000 человек¹. Хотя гарнизон Перемышля отбил все атаки, хлеба в крепости оставалось только на 4 дня, а запас снарядов значительно сократился. Командующий 3-й австро-венгерской армией считал, что по бездорожью его войска могут двигаться только двумя колоннами по шоссе и достигнут Перемышля едва 27 сентября (10 октября). Начальник Генерального штаба Ф. Конрад фон Хётцендорф ответил: «Перемышль должен быть освобожден 10, самое позднее до 12 октября (н. ст.), а русские, находящиеся вокруг него, – разбиты. Следующее направление должно быть на север, но не исключено и направление на Львов»². 8 октября (н. ст.) была отдана директива 3009: «На 10 октября общая атака на врага, находящегося под Перемышлем. 3 армия с большими силами действует севернее крепости против Радымно, частью через Перемышль, частью на Нижанковице. 2 армия продвигается 7-м и 12-м корпусами как минимум до Добромиля и Хырува, группа Терштянского – через Старый Самбор. 4 армия продвигается 9 октября к берегу Сана от Кшешува до Ярослава, энергично отбрасывает противника, 10 октября достигает с боем Ярослава и вступает в бой вместе с 3 армией. 1 армия овладевает течением Сана по обе стороны Кшешува и принимает все меры к форсированию Нижнего Сана и Вислы у Завихоста». Директивой 3010 генералу от кавалерии К. фон Пфлянцер-Бальтину поручалось принять командование всеми войсками военных округов Мункач и Надь-Себеш (Херманштадт) и начать в кратчайший срок наступление через Карпаты на Днестр³.

24 сентября (7 октября) командующий 3-й армией Радко-Дмитриев (правильнее Р. Димитрев, болгарский генерал на русской службе. – С.Н.) приказал 10-му армейскому корпусу (генерал-лейтенант Н.И. Протопопов) ввиду перехода двух вражеских корпусов через Вислоку на фронте Злотники, Бшестек (Бржестек) встретить их на укрепленной позиции по высотам южнее ручья Граничный от деревни Альбигува до высоты 399 отрядом генерал-майора И.С. Лошунова (9-я пехотная дивизия), а 31-ю пехотную дивизию генерал-майора Шипова держать в резерве в деревнях Гуссува, Липники (вместе с 10-м мортирным дивизионом и 6-й батареей 2-й тяжелой артиллерийской бригады). 9-й армейский корпус (временно командующий генерал-лейтенант П.А. Парчевский) должен был оборонять укрепленную позицию от реки Вислока (участок генерал-майора Ваденшерны – 2-я бригада 5-й пехотной дивизии и 5-я артиллерийская бригада) до фольварка на реке Млечка, прикрывая дорогу Ланьцут–Стшижев (42-я пехотная дивизия генерал-лейтенанта Г.П. Роде). В резерве находились 9-й мортирный дивизион и 9-я батарея 2-й тяжелой артиллерийской бригады⁴.

В 9-м армейском корпусе (генерал от кавалерии В.В. Сахаров) правый участок генерал-лейтенанта И.И. Федотова (11-я пехотная дивизия) укрепляла позицию у Чернавского леса по высоты 262, 264, а левый участок генерал-лейтенанта Ф.Х. Вендта (половина 32-й пехотной дивизии) – от высоты 264 до реки Вислока. В резерв выделялась 1-я бригада 32-й пехотной дивизии с 1-м дивизионом 32-й артиллерийской бригады и 2-м горным артиллерийским дивизионом (генерал-майор барон Бер). 2-й Екатеринодарский казачий полк Кубанского войска прикрывал фланг корпуса у Ранишува⁵. Таким образом, вся долина реки Вислока была прикрыта войсками почти в два эшелона.

¹ A Vilaghaboru 1914–1918. VI. Koetet. Budapest, 1934. S. 100.

² *Conrad F.* Op. cit. Bd. V. S. 61.

³ Ibid. S. 68–69.

⁴ РГВИА. Ф. 2113. Оп. 1. Д. 47. Л. 17–18.

⁵ Там же. Л. 25.

Впереди действовала кавалерийская завеса из 7-й кавалерийской, 3-й Донской и 3-й Кавказской казачьих дивизий, которые у Свильчи, Жешува и Глогува задержали продвижение 13-й и 25-й пехотных дивизий 4-й армии противника. Тем не менее, вечером 24 сентября (7 октября) австро-венгерские 2-я и 6-я кавалерийские дивизии перешли Вислоку у Нивиско, а 10-я кавалерийская дивизия – у Жешува. 14-й корпус противника достиг Колбушова, за ним двигался 6-й корпус. Поняв, что на высотах восточнее Жешува большого сражения не будет, командование 4-й армии торопилось с наступлением по обе стороны Вислоки на Радымно и Лежайск¹.

После принятия решения ночью 25 сентября (8 октября) об отводе 3-й армии (160 батальонов, 72 эскадрона и сотни, 616 орудий) за Сан 21-й армейский корпус (генерал от инфантерии Я.Ф. Шкинский) получил задачу обеспечить правый фланг русской 3-й армии восточнее реки Сан: 44-й пехотной дивизией (генерал-лейтенант С.Ф. Добротин) от Рудника до Кончице, 33-й пехотной дивизией (генерал-лейтенант А.А. Зегелов) от высот западнее Ежове до Камень; переданная в состав корпуса 13-я пехотная дивизия должна была оборонять высоты севернее, западнее и южнее местечка Камень; на конный отряд генерал-лейтенанта А.М. Драгомирова (7-я и Сводная кавалерийские дивизии) возлагалась разведка.

Остальные корпуса отводились с 19 часов: 11-й армейский – на Жолня, Бялобжеги, 9-й армейский – на Бялобжеги, Косино, Марково, выделяя в прикрытие арьергарды 5-й и 42-й пехотных дивизий, 10-й армейский – на Сетез, Канчуга. В ночь на 27 сентября (10 октября) 11-й армейский корпус отводился за устье Вислоки и Сан, подготавливая к обороне берега от Лежайска до переправ у Монастежа; 9-й армейский корпус переходил для оказания отпора противнику на линию Гневчин, Пшеворск; 10-й армейский корпус вместе с 34-й пехотной дивизией отходил к рубежу Мацковка, Заржице, Частковице, «имея в виду дать отпор противнику»².

Радко-Дмитриев подчеркивал: «В предстоящем отходе за реку Сан, который будет исполнен согласно особому расписанию, предлагаю гг. корпусным командирам руководствоваться следующим. Отход делается ради занятия более прочного оборонительного положения, а не потому, что мы потерпели поражение. Надлежит следовательно всем чинам сохранять полное спокойствие и хладнокровие. Для прикрытия отхода будем отходить преимущественно ночью. При отходе основательно портить мосты и переправы последним тыловым частям. Части, перешедшие на правый берег, немедленно занимают назначенные им позиции и приступают к основательному их укреплению с таким расчетом, чтобы обстреливать артиллерийским огнем, а где возможно и пехотным огнем противника при попытке наводить мосты и переправляться через Сан»³.

25 сентября (8 октября) шедшие несколько недель дожди прекратились. В 4-й австро-венгерской армии (115 347 штыков, 9455 всадников, 408 орудий) 13-я пехотная дивизия ландвера (фельдмаршал-лейтенант Э. фон Крайза) выступила по шоссе на Ланьцут через холмы южнее Вислоки. Севернее Вислоки на Жолыню наступал 2-й корпус, а еще севернее на Ежове – 14-й корпус. Второй эшелон составлял 6-й корпус: его 27-я пехотная дивизия следовала за 13-й пехотной дивизией, а 15-я и 39-я пехотные дивизии – за 2-м и 14-м корпусами. У Жешува левый фланг армии прикрывала 10-я кавалерийская дивизия, а перед правым флангом вели разведку на северо-восток 2-я и 6-я кавалерийские дивизии. Рано утром авангарды 2-го и 17-го корпусов попали под обстрел с высот у Яворник-Польского и Ланьцута и из лесов южнее Соколува. 2-й и 14-й

¹ Oesterreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. 1. S. 372.

² РГВИА. Ф. 2113. Оп. 1. Д. 47. Л. 19, 23.

³ РГВИА. Ф. 2632. Оп. 1. Д. 6. Л. 281.

корпуса смогли достичь окрестностей Соколува и севернее, атаки же 17-го корпуса были отражены огнем¹.

42-й пехотный Якутский полк (полковник Любарский) из 11-й пехотной дивизии 11-го армейского корпуса с 21 сентября (4 октября) укреплял позицию у села Ветлиска и утром 25 сентября (8 октября) занял ее тремя батальонами (батальон оставался в резерве). На позицию от высоты 264 до костела села Медыня Глоговска наступало до дивизии австро-венгров с 2 батареями (скорее всего 25-я пехотная дивизия). Наступление противника было приостановлено ружейно-пулеметным огнем и огнем 17 орудий 1-го дивизиона 11-й артиллерийской бригады. Австрийцы стали теснить четыре роты (по две 1-го и 2-го батальонов), занимавшие высоту 264, на исходе оказались патроны. Тогда командир полка направил на высоту резервный 4-й батальон и 3 пулемета: поддержка приняла на себя отходивших и контратакой с правого фланга восстановила положение. Новые атаки врага до 19 часов отражались огнем. Вечером был получен приказ командира 1-й бригады об отходе в Жолынь, что было сделано к 3 часам 26 сентября (9 октября) настолько скрытно, что утром противник долго обстреливал пустые окопы. Потери полка составили 12 убитых, 107 раненых и 82 пропавших без вести (из них 2 офицера)².

Позиция 32-й пехотной дивизии от высоты 264 до берега Вислоки была не столь удобна: впереди вдоль фронта лежала деревня Подгвиздов, прикрытая ручьем и рощей, что давало возможность противнику скрытно подойти к окопам 127-го пехотного Путивльского и 128-го пехотного Старооскольского полков (1-я бригада была в корпусном резерве). С 9 часов 25 сентября (8 октября) началась перестрелка с австрийскими дозорами (4-й пехотной дивизии 12-го корпуса) у ручья Стаберны. Около полудня противник повел атаку, несмотря на огонь артиллерии, на Подгвиздов, а в 14 часов пытался обойти правый фланг Старооскольского полка у деревень Медыня Ланьцутска и Медыня Глоговска. В 17 часов австрийцы открыли артиллерийский огонь по площадям и пошли в атаку (6 рот), но вскоре перекрестным огнем артиллерии и контратакой 2-го батальона Путивльского полка были отброшены. Начальник дивизии просил подкреплений, и к 18 часам в село Чарна прибыл 125-й пехотный Курский полк. Одновременно в лесу исправлялась заболоченная дорога. Вечером был получен приказ из корпуса об отходе. Для его прикрытия вся 2-я бригада 32-й пехотной дивизии (полковник Хростицкий) провел контратаку, отбросив около бригады австрийцев за Подгвиздов. После этого дивизия отступила на Рокшаву и Жолыню, к Лежайской переправе, потеряв за день 1 офицера и 13 нижних чинов убитыми, 2 офицеров и 49 нижних чинов ранеными, 150 нижних чинов пропавшими без вести³.

13-я пехотная дивизия прибыла в Дембно, совершив 5-дневный марш без хлеба и фуража. Только к 23 часам 25 сентября (8 октября) удалось занять позицию между деревнями Лентова и Вулька, но тут узнали от адъютанта штаба 7-й кавалерийской дивизии капитана Гонтарева, что конный отряд Драгомирова отступает на Лежайск, и 13-й дивизии также приказано отходить к Лежайску и Ржухову (Жухув)⁴. В 21-м армейском корпусе приказ об отходе за Сан был получен 25 сентября (8 октября) в 10.45: марш должен был начаться с 19 часов. В начале первого ночи на 26 сентября (9 октября) мост у Рудника был закончен, и к 5.30 44-я пехотная дивизия уже перешла реку, оставив лишь арьергард – три батальона 175-го пехотного Батурицкого полка. Переправа 33-й пехотной дивизии у Кшешува началась в 2 часа, но была задержана подошедшей конницей генерал-лейтенанта Драгомирова до 17 часов⁵.

¹ Oesterreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. 1. S. 386–387.

² РГВИА. Ф. 2656. Оп. 1. Д. 21. Л. 11–13.

³ РГВИА. Ф. 2362. Оп. 1. Д. 95. Л. 1–2; Ф. 2741. Оп. 1. Д. 57. Л. 85–88; Ф. 2742. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

⁴ РГВИА. Ф. 2343. Оп. 1. Д. 80. Л. 51–52.

⁵ РГВИА. Ф. 2220. Оп. 1. Д. 154. Л. 23–25.

Штаб 4-й австро-венгерской армии полагал, что у Ланьцута действует до 6 русских дивизий. Поэтому на 9 октября (н. ст.) было намечено наступление группы под общим командованием фельдмаршал-лейтенанта Й. фон Кирхбаха 2-м корпусом на Ярослав и 14-м на Лежайск, чтобы отрезать русских от Сана; фельдмаршал-лейтенант Кшитек тремя дивизиями должен был атаковать южнее Вислоки. Эрцгерцог Йозеф Фердинанд обратился за поддержкой к командующему 3-й армией Бороевичу, прося его атаковать русских южнее Ярослава.

Генерал от инфантерии С. Бороевич фон Бойна считал, что русские будут упорно оборонять подступы к Перемышлю, дабы завершить его штурм. Поэтому у Дынува он приказал развернуть крупные силы 3-й армии (74 143 штыка, 3244 кавалериста, 329 орудий). Но разрушение русскими железнодорожного моста у Ясёлки и бедность дорогами района к востоку от верхнего течения Сана (Дынув – Мжиглуд) исключали материальное обеспечение операции. Тогда Бороевич направил южнее Сана только группу фельдмаршал-лейтенанта Чурченталера (44-я пехотная дивизия ландвера, 88-я стрелковая бригада) и 6-ю пехотную дивизию, массу же 3-го корпуса (22-я ландвера, 28-я пехотные дивизии) двинул по дороге долиной Сана на Дынув и Перемышль, а 9-й корпус – севернее, на Дубецко и Прухник. Следом за ним шел 11-й корпус.

Когда группа Чурченталера преодолела бурно разлившийся Сан, то к востоку лишь у Бирчи была обнаружена русская 10-я кавалерийская дивизия. Перед 9-м корпусом фельдмаршал-лейтенанта Й. Фриделя на дороге к Барычу оказалась позиция от Яворника–Польского до Бахуша (Бахоржа) и Дынува, защищаемая русскими 31-й пехотной и 11-й кавалерийской дивизиями. 10-я пехотная дивизия атаковала через высоты западнее Яворник-Польски, но атака была отражена. Более удачливой оказалась 26-я пехотная дивизия ландвера, заставившая русских очистить высоты севернее Бахуша¹. 9 октября (н. ст.) группа Чурченталера должна была достичь района Бирча, и он был занят ею без боя. 26-я пехотная дивизия ландвера отогнала заслоны у Дубецко и одним полком достигла Прухника. Но 10-я пехотная дивизия так и не смогла продвигнуться через Яворник–Польски. Тем не менее, разведка установила отвод русских войск от Перемышля, и в полдень 26 сентября (9 октября) в крепость прошел 2-й гусарский полк 12-го корпуса 2-й армии. Для помощи 4-й армии Бороевич с 10 октября (н. ст.) направлял на север, между Млечкой и Саном, в направлении Ярослава и Радымно 3-й и 9-й корпуса; в Прухнике собирался резерв из 11-го корпуса и 4-й кавалерийской дивизии (севернее Барыча). На Бирчу и Нижанковице направлялись 6-я и 44-я пехотные дивизии².

Надежда австро-венгерского командования на охват флангов армии Радко-Дмитриева западнее Сана не сбылись. Прикрытие у Ланьцута ночью отошло. Вечером 26 сентября (9 октября) 17-й и 12-й корпуса австро-венгерской 4-й армии вновь столкнулись с сопротивлением заслонов, оставленных русскими по течению Млечки и нижней Вислоки. Для поддержки командующий армией генерал от инфантерии эрцгерцог Йозеф Фердинанд повернул к левому флангу 14-й корпус и направил его поспешным маршем через Соколув на Лежайск. 3-я пехотная дивизия (генерал-майор Э. фон Хорсецки) настигла отходившую русскую 13-ю пехотную дивизию на переправах через Сан и в ночь на 10 октября (27 сентября) штурмовала Старемясто и Лежайск, взяв 1300 пленных (главным образом отставших обозников)³.

Русская 13-я пехотная дивизия (генерал-лейтенант Ф.М. Вебель) согласно приказу по 21-му армейскому корпусу отходила к Лежайску и достигла города в 15 часов 26 сентября (9 октября). Для заслона был оставлен 49-й пехотный Брестский полк (полковник Пархомов), которому было приказано

¹ Oesterreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. 1. S. 390.

² Oesterreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. 1. S. 391.

³ Oesterreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. 1. S. 388.

задерживать врага до последней капли крови. У Жухува переправы не оказалось, и дивизия направилась к понтонному мосту у Старемясто – Тарновец. Вечером растянувшиеся колонны дивизии вступили в перестрелку с противником. Переправе мешал конный корпус Драгомирова, который начал переходить Сан в 17 часов. Лошади были сильно утомлены, и часть подвод пришлось бросить. На марше отстало до 1000 человек.

49-й полк занял оборону на высоты 206, 233, 236 западнее Лежайска. В 14.30 авангарды врага потеснили сторожевое охранение у деревни Руды; с 18 часов австрийцы перешли в энергичное наступление, доходившее до штыковых схваток, но были отбиты; противник пытался обойти фланг юго-западнее Лежайска, но был вовремя обнаружен: бежавший из плена солдат успел сообщить об обходе. Начался дождь; начальник штаба дивизии приказал, пользуясь непогодой, отходить вслед за 2-й бригадой дивизии. Полк начал марш в 23 часа и к полуночи достиг Старемясто. Но «здесь начальник дивизии нашел, что Брестский полк не выполнил свою задачу, и ему приказано было вернуться». Когда полк подошел к переправе, Лежайск уже был занят австрийцами: в темноте завязался уличный бой с конным разъездом, поддержанным вскоре двумя ротами пехоты. В 3 часа 27 сентября (10 октября) начал переправу 50-й пехотный Белостокский полк, в 5.30 – Брестский полк. К 9 часам переправа была закончена, и к вечеру 13-я пехотная дивизия заняла участок обороны на правом берегу Сана между 21-м и 11-м армейскими корпусами – от устья реки Злота до деревни Жухув¹.

42-й пехотный Якутский полк 11-й пехотной дивизии с 4 часов 26 сентября (9 октября) прикрывал переправу в местечке Жолынь у высоты 252. С 14 часов австрийцы повели наступление цепями и даже колоннами, но дружным огнем были отбиты в лес и до конца дня не показывались. В 16.30 начальник дивизии генерал-лейтенант И.И. Федотов приказал отходить к Сеняве, держа направление на Лежайск и Тренчу; вскоре выяснилось, что у Лежайска дорога перерезана, и полк пошел прямо к местечку Гродзиско по совершенно разбитой дороге. Пройдя 25 верст, теряя лошадей, к 7 часам 27 сентября (10 октября) полк пришел в Сеняву, потеряв 14 раненых и 172 пропавших без вести.² Прикрытие дало возможность без помех перейти Сан остальным полкам 11-й и 32-й пехотных дивизий 11-го армейского корпуса. 27 сентября (10 октября) 126-й пехотный полк перешел Сан у Лежайска, остальные полки – по временному мосту у деревни Горжице. Ночью и утром мосты были взорваны. После переправы у Сенявы Якутского полка в 14 часов 28 сентября (11 октября) был взорван последний мост³.

Против 42-й пехотной дивизии 9-го армейского корпуса наступали три дивизии 17-го корпуса противника. На правом фланге 19-я и 41-я пехотные дивизии почти не продвинулись вперед, но 24-му ландверному пехотному полку 13-й ландверной дивизии удалось преодолеть Млечку и ворваться в Пшеворск. К северу группа Кирхбаха заняла Гродзиско, но высланным вперед 6-й и 10-й кавалерийским дивизиям не удалось перейти на восточный берег Сана. У Лежайска достигла реки 8-я пехотная дивизия. Таким образом, правый фланг 4-й армии существенно отстал⁴.

С утра 27 сентября (10 октября) 3-й и 9-й корпуса 3-й армии Боровича начали наступление на Рокетницу и Прухник, где были встречены огнем пулеметов и орудий 5-й и 9-й русских пехотных дивизий. Из-за бездорожья развернуться для атаки удалось только к вечеру. 17-й пехотный Архангелогородский полк удерживал рубеж реки Млечки и отбивал австрийцев ружейно-пулеметным

¹ РГВИА. Ф. 2343. Оп. 1. Д. 180. Л. 53–55; Ф. 3663. Оп. 2. Д. 30. Л. 98–103.

² РГВИА. Ф. 2656. Оп. 1. Д. 21. Л. 14–15.

³ РГВИА. Ф. 2362. Оп. 1. Д. 95. Л. 2–3.

⁴ Oesterreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. 1. S. 389.

огнем. Однако с 14 часов противник вышел в тыл примерно двумя эскадронами с вьючными пулеметами и стал расстреливать 1-й и 2-й батальоны, а затем перешел реку и окружил 11-ю и 12-ю роты; прорваться удалось немногим. С наступлением темноты полк был направлен к переправе через Сан у села Нелиповице и пришел туда к полуночи. По окончании переправы мост был взорван, а полк принял участок от Няздовице до Монастежа¹. Остальные полки 5-й дивизии без боя отошли за Сан и стали укрепляться на отведенных рубежах.

34-я пехотная дивизия подкрепляла войска 10-го армейского корпуса у Радымно. 135-й пехотный Керчь-Еникольский полк (полковник Бутчик) с 26 сентября (9 октября) занимал укрепленную позицию на высоты 393 и 331 близ Прухника. Выполняя приказ об отходе к Сану, полк после полуночи 27 сентября (10 октября) собрался у Прухника и выступил на Хлопице; дорога была забита застрявшими в грязи обозами. Орудия 4-й и 6-й батарей 34-й артиллерийской бригады пришлось тащить на руках 28 верст. В 10.30 полк пришел в Хлопице и выступил в 18 часов далее на деревню Острув, где было приказано занять оборону вправо и влево от дороги на деревню Ловче².

133-й пехотный Симферопольский полк занимал позицию у деревни Соболевки и с 16 часов в условиях наступления противника под прикрытием одного батальона отошел на Замахов, куда прибыл в 2 часа ночи 28 сентября (11 октября)³. 136-й пехотный Таганрогский полк занимал арьергардную позицию у деревни Гавловице и высоту 273. В 17 часов 27 сентября (10 октября) началась артиллерийская дуэль; получив приказ об отходе к Сану, полк в 19 часов выступил на деревню Острув, бросив завязшие в грязи 3 патронные двуколки, 2 прожектора и офицерскую кухню. Прибыл на место полк только в 6 часов следующего дня⁴.

Вечером 10 октября (н. ст.) генерал от инфантерии Бороевич приказал 9-му корпусу отрезать русским пути к переправам и овладеть мостами у Ярослава, а 3-му корпусу немедленно продолжить движение к Радымно. Группа Чурченталера должна была выйти к Нижанковице, а 6-я пехотная дивизия – к южной окраине Перемышля⁵. В течение 28 сентября (11 октября) войска 3-й австро-венгерской армии вышли к Ярославу (занят в 16 часов 10-й и 19-й пехотными дивизиями) и Радымно (26-я ландверная пехотная дивизия и 23-я пехотная дивизия хонведа из Перемышля). В полдень Чурченталер занял без боя Нижанковице, а в 18 часов штаб 3-й армии переехал в Перемышль⁶.

Всю ночь на 28 сентября (11 октября) войска русской 3-й армии продолжали переправу через Сан и уничтожение мостов. Дольше всех на левом берегу задержалась 34-я пехотная дивизия. Ее 136-й полк переходил реку у Радымно и Лазы и оказался на правом берегу только к 19 часам. 133-й полк только в полдень оказался на берегу в деревни Дупковице, потеряв отставшими на марше офицера и 342 нижних чина. «Полк днем и ночью в течение шести суток совершал непрерывные переходы при самых тяжелых условиях, по дорогам, совершенно размытым дождями и пришедшим в полную негодность, - писал штабс-капитан Островский, - Повозки обоза 1 разряда люди тащили на руках, так как лошади, как обозные, так и верховые, обессиленные от переутомления, ввиду отсутствия корма от работы отказались. Беспрерывный в течение этого периода дождь и грязь по колена выбила из сил и людей. Отставших нижних чинов невозможно было помещать в линейки, так как последние тащили люди.

¹ РГВИА. Ф. 2631. Оп. 1. Д. 19. Л. 15.

² РГВИА. Ф. 2749. Оп. 2. Д. 63. Л. 82–86.

³ РГВИА. Ф. 2747. Оп. 1. Д. 65. Л. 38.

⁴ РГВИА. Ф. 2750. Оп. 1. Д. 68.

⁵ Oesterreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd.1. S. 392.

⁶ Oesterreich-Ungarns letzter Krieg 1914–1918. Bd. 1. S. 393.

Насколько возможно, ослабевшим помогали передвигаться более сильные, ведя их под руки»¹.

Прикрывал переправу 135-й полк с 4 орудиями 3-й батареи 34-й артиллерийской бригады. В 9.45 28 сентября (11 октября) австрийцы заняли деревню Хлопице и в 10 часов двинули колонну силой около полка в обход левого фланга русской позиции. 134-й пехотный полк стал отступать в 14 часов к высоте 221 западнее деревни Острув, примыкая к 121-му пехотному Пензенскому полку 31-й пехотной дивизии (занимал деревню Янковице). В 15.10 пришло сообщение от генерал-майора Абжолтовского: бригада противника оказалась на высотах южнее деревни Луткув, а 328-й пехотный Новоузенский полк (78-я пехотная дивизия) отошел, фланг может быть охвачен. Он просил содействия контратакой, но полковник Бутчик был подчинен командиру Пензенского полка (полковник Рытов). Тем не менее 6-я батарея открыла огонь по обходящей колонне, а по фронту австрийцы были отбиты ружейно-пулеметным огнем. Однако в 16 часов 78-я дивизия все-таки отступила, и противник стал давить от деревни Кашице, наступая густыми цепями. В 17 часов 134-й полк начал отходить через Острув на Радымно. Австрийцы не преследовали, и в 22 часа полк перешел Сан и прибыл в деревню Дунковице. На левом берегу отстали 320 человек².

Оценивая первые итоги наступления к Сану, Ф. Конрад фон Хётцендорф отмечал: «Важным результатом является то, что моя надежда на большой военный успех еще по эту сторону Сана не сбылась. Следующим может быть движение за Сан на север, в обход Таневских лесов, общим направлением к Бугу. Но при этом нуждается в постоянной защите растягивающийся фланг и тыл. Сильный и далеко идущий удар в направлении Лемберга (Львова. – С.Н.) должен создать такую защиту»³. В целом русским войскам удалось уйти за Сан, понеся потери главным образом от бездорожья. Противник заявил о захвате 7000 пленных (в основном это были отставшие на маршах солдаты; по свидетельствам участников событий, дороги оказались настолько тяжелы, что утомленные люди засыпали, как только останавливались или садились) и 6 завязших в грязи орудий. Гарнизон Перемышля взял 2500 пленных. Наступление трех армий противника освободило от блокады Перемышль, но, как и под Варшавой, силы русских армий были сохранены.

14 октября (н.ст.) император Франц-Иозеф обратился к войскам: «Доблестному гарнизону Пшемьсля, отразившему мощные вражеские атаки, и моим достойным армиям, которые, невзирая на превратности погоды, наступали геройски, отбросили врага и выручили Пшемьсль, шлю я теплейшую благодарность и искренний привет»⁴.

Неудача русских войск при атаке крепости Перемышль серьезно сказалась на способе ведения действий у северо-восточного и восточного секторов укреплений во время Хырувского сражения – до 23 октября (5 ноября). Здесь войска русской 11-й армии ограничились наблюдением за фортами. Однако и австро-венгерская сторона не использовала в должной мере успех обороняющихся. Гарнизон не вел активных действий вплоть до конца Хырувского сражения, когда 23-я пехотная дивизия хонведа сменила обескровленные части 3-й армии у Медыки и Мижинца. В данном случае сказывался недостаток боеприпасов артиллерии, почти полностью расстрелянных при отражении атаки на крепость.

Кроме того, Армейское главнокомандование было убеждено, что гарнизон сможет продержаться до новой попытки деблокады. На 1 ноября (н. ст.) в крепости были созданы запасы хлеба на 56 дней, мяса на 25 дней, овощей на

¹ РГВИА. Ф. 2747. Оп. 1. Д. 65. Л. 39–40.

² РГВИА. Ф. 2749. Оп. 2. Д. 63. Л. 87–91.

³ Conrad F. Op. cit. Bd. V. S. 86.

⁴ Conrad F. Op. cit. Bd. V. S. 131.

92 дня. Пополнение проводилось еще пять дней. Приняв решение об отступлении, главнокомандующий эрцгерцог Фридрих и начальник Генерального штаба Ф. Конрад фон Хётцендорф оставляли в Перемышле 55 батальонов пехоты – до 35 тыс. штыков (23-я пехотная дивизия хонведа, 85-я пехотная бригада, 93-я, 97-я, 108-я, 111-я бригады ландштурма, 16-й маршевый полк)¹.

В то же время русское командование как на уровне Юго-Западного фронта, так и в Ставке после неудачной атаки фортов Перемышля вынесло заключение о том, что блокадой крепости можно добиться гораздо большего результата с меньшими затратами. На 22 октября (4 ноября) главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал от артиллерии Н.И. Иванов приказал: «... 8 и 11 армии должны руководствоваться при переходе в наступление тем же соображением: чем больше войск противника будет отброшено и заперто в Перемышле, тем выгоднее»².

Вокруг крепости было сосредоточено 7 пехотных и 9-я кавалерийская дивизия. Из дивизий пехоты 58-я, 60-я, 69-я, 78-я были второочередными, 74-я, 81-я и 82-я – третьеочередными. Тактика пассивной осады дала свои плоды: гарнизон, истощив силы в нескольких крупных вылазках, сдался почти за два месяца до того, когда войска Центральных держав вновь подступили к Перемышлю.

¹ Ibid. S. 352.

² Варшавско-Ивангородская операция. С. 384.

ПОТЕРИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ В ВАРШАВСКО-ИВАНГОРОДСКОЙ ОПЕРАЦИИ 1914 г.

Для оценки результативности военной операции, анализа ее последствий важнейшими являются факторы выполнения сторонами поставленных целей, достижения намеченных рубежей в наступлении и удержания ключевых позиций в обороне, а также потери, то есть цена достигнутого успеха или мера тяжести понесенного поражения. Первая мировая война стала конфликтом, приведшим к многомиллионным потерям воюющих сторон. Потери в ней России до сих пор были известны только в общих чертах, в связи с исследованиями демографов. Урон армий в отдельных операциях и сражениях Первой мировой до сего времени не всегда известен. В большой мере это относится и к Варшавско-Ивангородской операции 1914 года, участники которой как с русской стороны, так и со стороны противника, вспоминали о ней как о тяжелейших боях войны.

Варшавско-Ивангородская операция началась 1 октября (18 сентября по старому стилю) 1914 г. на восточно-европейском (русском) театре военных действий первой мировой войны как встречный маневр армий враждующих коалиций – Германии и Австро-Венгрии с одной стороны и России с другой. Она явилась результатом крупного поражения австро-венгерских войск в Галицийской битве в августе-сентябре 1914 г. и занятия в ее результате русскими армиями Юго-Западного фронта Галиции и части Буковины почти до главного Карпатского хребта (Днестровский отряд) и до левых притоков Сана (4-я, 5-я и 9-я армии). Возникшая угроза Силезии заставила германскую сторону спешно оказать поддержку союзнику.

Победа над русскими армиями Северо-Западного фронта в Восточной Пруссии дала германцам возможность перебросить оттуда большую часть войск в Силезию и оттуда нанести удар к среднему течению Вислы – от Сандомира до Варшавы, что и начала осуществлять вновь сформированная 9-я германская армия (командующий генерал-полковник П. фон Гинденбург). Для защиты Восточной Пруссии и сковывания противостоящих русских сил в 8-й армии (командующий генерал от артиллерии Р. фон Шуберт, с 8 октября генерал от инфантерии Х. фон Франсуа) были оставлены преимущественно войска 1-го военного округа Германии (два корпуса, кавалерийская дивизия и гарнизоны крепостей). Одновременно для отвоевания Галиции 5 октября (22 сентября ст. ст.) в наступление перешли четыре австро-венгерские армии (командующий генерал-полковник эрцгерцог Фридрих, фактически руководил начальник Генерального штаба генерал от инфантерии Ф. Конрад фон Хётцендорф). Одна из них должна была оказать поддержку армии Гинденбурга на варшавском направлении.

Русская сторона после завершения летней кампании 1914 г. также планировала широкомасштабные наступательные действия. Ставка Верховного Главнокомандующего (генерал от кавалерии великий князь Николай Николаевич (Младший), начальник штаба генерал-лейтенант Н.Н. Янушкевич, фактический разработчик операций - генерал-квартирмейстер генерал от инфантерии Ю.Н. Данилов) после победы в Галиции и отвода остатков армий Северо-Западного фронта за Неман и Нарев решила оставить против разгромленных австрийцев заслон из 3-й и 8-й армий, а остальными силами от среднего течения Вислы начать вторжение в Германию через провинцию Познань прямо на Берлин. Для этого к Варшаве и Сандомиру стали собираться 4-я, 5-я и 9-я армии Юго-Западного фронта (главнокомандующий генерал от артиллерии Н.И. Иванов, начальник штаба генерал от инфантерии М.В. Алексеев). Армии Северо-Западного фронта (главнокомандующий генерал от инфантерии Н.В. Руз-

ский, начальник штаба фактически генерал-майор М.Д. Бонч-Бруевич) получили задачу сковать германцев в Восточной Пруссии и прикрыть таким образом с севера операцию вторжения от средней Вислы. Для ведения осады крупнейшей австрийской крепости Перемышль (Пшемысль) была образована новая Блокадная армия (командующий генерал от инфантерии А.Н. Селиванов; до его прибытия – генерал от инфантерии Д.Г. Щербачев; три корпуса и кавалерийская дивизия), с 24 октября получившая № 11.

Итак, обе стороны начинали операцию, задействовав все наличные силы по всему протяжению фронта – от Балтики до румынской границы, обе собирались действовать наступательно; однако при этом русская сторона ставила главной задачей разгром германских сил, а командующие армиями Центральных держав ставили ограниченные задачи (освобождение Галиции и разгром русских армий на левом берегу Вислы), полагая, что судьба войны решится в течение месяца на полях Франции и Фландрии. По количеству задействованных сил сторон (более 1,5 млн. бойцов и 4878 орудий (без крепостей) с русской стороны и до 800 тыс. бойцов и 2851 орудие (не считая крепостных) у противника) это была самая крупная операция на восточном фронте мировой войны вплоть до лета 1916 г. По доле вовлеченных в сражения сил, по уровню и характеру взаимодействия соседних объединений, соединений и отдельных частей, выполнявших единую задачу, для русской стороны в течение войны подобной операции более успешно не проводилось. Армии Центральных держав не могли похвастаться подобным взаимодействием в наступлении на широком фронте до февраля 1918 г. Сочетание в рамках одной стратегической операции маневренной и позиционной войны, форсирования крупных рек и действий в горах делают ее совершенно уникальной в истории Первой мировой войны. Это подчеркивал еще А.М. Зайончковский: «Полуторамесячные операции на всем русском европейском театре представляют богатейший материал для всестороннего исследования многочисленных вопросов военного искусства»¹.

Перевод трех армий Юго-Западного фронта на новый исходный рубеж для наступления совпал с началом наступления 9-й германской армии к Сандомиру и далее к Варшаве. Оставленные русские заслоны (2 стрелковые бригады, части трех прибывающих корпусов и кавалерия) были отброшены превосходящими силами противника у Опатова, Гройцев, Гура-Кальварии и Пясечно. К Варшаве были спешно переброшены 7 корпусов 2-й армии Северо-Западного фронта (командующий генерал от кавалерии С.М. Шейдеман), усиленные кавалерией (4 дивизии и бригада). Переправа четырех корпусов 4-й армии (генерал от инфантерии А.Е. Эверт) через Вислу была отменена, войска перешли к обороне. Однако к 14 октября (1 октября ст. ст.) войскам 2-й армии удалось стабилизировать фронт южнее Варшавы, а 3-му Кавказскому корпусу (командир генерал от артиллерии В.А. Ирман) – закрепиться на плацдарме у Козенице. В ожидании подхода 1-й австро-венгерской армии (командующий генерал от кавалерии В. Данкль) германские силы перешли к обороне к юго-западу и к югу от варшавских фортов (армейская группа генерала от кавалерии А. фон Макензена – три корпуса и кавалерийская дивизия) и вдоль Вислы до Ново-Александрии (группа генерала от артиллерии М. фон Гальвица – три корпуса).

Сразу же после начала наступления противника 5 октября (22 сентября ст. ст.) директивой Ставки 3-я, 8-я и Блокадная армии Юго-Западного фронта были объединены в Галицийскую группу под командованием генерала от кавалерии А.А. Брусилова с задачей оборонять Галицию и тем самым прикрыть южный фланг армий на средней Висле от обхода. Днестровский отряд (пехотная и три казачьих дивизии) в это время достиг Мармарош-Сигета, но затем был вынужден отступить под давлением вновь сформированной австро-венгерской

¹ Зайончковский А.М. Мировая война. Маневренный период 1914–1915 годов на русском (европейском) театре. М.; Л., 1929. Т. 1. С. 189.

группы генерала от кавалерии К. фон Пфляндер-Бальтина (к концу операции – 4 дивизии) к Стрию и Станиславу. 3-я армия (генерал от инфантерии Радко Дмитриев, 5 корпусов и 5 кавалерийских дивизий) должна была оборонять рубежи рек Вислок и Млечна; однако и ей под натиском 4-й и части 3-й австро-венгерских армий (командующие генерал от кавалерии эрцгерцог Иозеф-Фердинанд и генерал от инфантерии С. Бороевич фон Бойна – до 8 корпусов, считая часть сил 1-й армии, и 6 кавалерийских дивизий) отступила за реку Сан. На ее правом берегу русские войска организовали прочную оборону, так что попытки трех корпусов противника форсировать реку к 14 октября (1 октября ст. ст.) не увенчались успехом, за исключением создания небольшого плацдарма у Ярославла.

8-я армия (генерал от кавалерии А.А. Брусилов, 3 корпуса и 3 кавалерийских дивизии) должна была обороняться на хребтах южнее Перемышля; в ее подчинении находились и части Блокадной армии. Считая, что крепость можно взять обычной атакой, Щербачев и Брусилов начали действия по овладению Перемышлем; однако штурм 7 октября (24 сентября) был отражен гарнизоном. Из-за подхода австро-венгерской 3-й армии (3 корпуса) блокада была прекращена, русские войска отошли к Хыруву, Самбору и Дрогобычу. С юга к Самбору и Дрогобычу подходили три корпуса и 3 кавалерийские дивизии 2-й австро-венгерской армии (командующий генерал от кавалерии Э. фон Бём-Эрмолли).

1-я и 10-я армии Северо-Западного фронта (командующие генерал от кавалерии П.К. фон Ренненкампф и генерал от инфантерии В.Е. Флуг, вместе 8 корпусов и 9 кавалерийских дивизий) с конца сентября начали вытеснение противника с левого берега Немана, продвинулись на севере к Владиславу и Ширвиндту, а на юге отбили Августов, Сувалки и захватили Лык в Восточной Пруссии. Однако к 12 октября (29 сентября) германские войска 8-й армии нанесли поражение 1-й армии у Владислава и 10-й армии у Лыка и Вержболова. Наступательные операции здесь были прекращены, командование 10-й армии поручено генералу от инфантерии Ф.В. Сиверсу. 25 октября (12 ст. ст.) штабу 1-й армии были подчинены войска севернее Новогеоргиевска (2 корпуса и 4 кавалерийские дивизии), штаб 10-й армии принял войска на фронте от Августова до балтийского побережья (6 корпусов и 5 кавалерийских дивизий). Ее действия приковали к себе все силы германцев в Восточной Пруссии и не дали возможности подкрепить армию Гинденбурга на Висле.

С 15 октября (2 ст. ст.) русские армии перешли к наступательным действиям. 2-я армия под Варшавой теснила группу Макензена; во фланг действовала 5-я армия, с 18 октября (5 ст. ст.) начавшая переправу через Вислу у Корчина (командующий генерал от кавалерии П.А. Плеве, 3 корпуса и полторы казачьи дивизии). 4-я армия Юго-Западного фронта вела борьбу на плацдарме у Козенице, куда были переправлены еще два корпуса. 9-я армия (генерал от инфантерии П.А. Лечицкий, 4 корпуса и 2 кавалерийские дивизии) подошла к переправам у Ивангорода. Части 9-й германской армии 20-21 октября (7-8 ст. ст.) были вынуждены отступить к рекам Равка и Пилица, оставив на Висле только Гвардейский резервный корпус. К его правому флангу примыкали подходившие два корпуса 1-й австро-венгерской армии; в 9-ю армию были направлены также две австрийские кавалерийские дивизии.

Получили наступательные задачи и армии Галицийской группы. 8-я армия нанесла контрудар по австро-венгерским корпусам 3-й армии у Хырува и Самбора, частично стабилизировав фронт. 24-й армейский корпус (командир генерал от кавалерии А.А. Цуриков) оборонял горные перевалы от Самбора до Борыслава против 2-й армии противника. В результате к югу от Перемышля австро-венгерское командование бросило войска на штурм высот Мосчиски, на стыке 8-й и Блокадной (впоследствии 11-й) армий. Здесь бои приняли позиционный характер вплоть до 5 ноября (23 октября ст. ст.). Большинство высот было захвачено противником, но сил для развития успеха не осталось. Против 4

корпусов противника действовали 4 русских корпуса; сюда же была переброшена дивизия из 3-й армии. На левом фланге 8-й армии противник был остановлен к 20 (7) октября у Старого Самбора, Дрогобыча, Борыслава, Стрыя и Станиславува. На самом краю левого фланга Днестровского отряда полупартизанские формирования австрийского полковника Э. Фишера освободили Черновцы и вызвали тревогу в Подольской губернии. 3-я армия получила задачу оказать содействие 8-й армии переходом к активным действиям на левом берегу Сана. К 20–21 октября (7–8 ст. ст.) ее дивизиями были захвачены плацдармы у Острува, Лежайска, Рудника и Ниско.

22–23 октября (9–10 ст. ст.) 2-я и 5-я армии Северо-Западного фронта развернули наступление против левого фланга и центра германской 9-й армии. Действовавшая на правом фланге 2-й армии конная группа генерал-лейтенанта А.В. Новикова не смогла выйти в тыл противнику на Бзуре. Остальные части завязали бои у Скерневице, на Равке и Пилице, медленно вытесняя с позиций германские войска. 4-я и 9-я армии Юго-Западного фронта переправились через Вислу от Гловачува до Ново-Александрии и столкнулись с двумя корпусами 1-й австро-венгерской армии, усиленной Гвардейским резервным корпусом. Бои завершились 26 октября (13 ст. ст.) общим отступлением австро-венгерских и германских войск к Познани, Силезии и Опатовке. Наиболее успешно преследовавшие их корпуса 4-й и 9-й армий к 31 октября (18 ст. ст.) завязали сражение на Опатовке с 1-й австро-венгерской армией (усиленной еще одним корпусом). 2 ноября (20 октября ст. ст.) австро-венгерские войска получили общий приказ об отступлении к реке Нида и к укреплениям Кракова.

Успех ударной группы армий Юго-Западного фронта перенес внимание его командования к положению Галицийской группы, которая вела главным образом позиционные бои на плацдармах на левом берегу Сана, восточнее Перемышля и чуть южнее Самбора, Стрыя и Станиславува. Здесь 4-я армия противника тщетно пыталась сбросить в реку части 6 русских дивизий; неудачей кончались и попытки русской 3-й армии развить наступление с захваченных плацдармов. 3-я австро-венгерская армия бросила все силы на прорыв русских позиций на высотах восточнее Хырува, у Мижинца, Мосчиски и Самбора (4 корпуса; один корпус был направлен против плацдарма у Острува). Брусилов притянул сюда почти все дивизии 11-й армии и одну дивизию из 3-й армии, чтобы противник окончательно застрял в лабиринте окопов и траншей.

Наибольшая опасность исходила с юга. Но уже 21 (8) октября 24-й корпус, усиленный двумя дивизиями (по одной взято из 11-й и 3-й армий), отбросил обескровленную ударную группу фельдмаршал-лейтенанта К. Терстянски фон Надоша к Турке. Для стабилизации положения во 2-ю армию противника были направлены 2 дивизии из соседней армии Бороевича и три бригады пограничников. В конце октября австро-венгры здесь вновь перешли в наступление, но продвинулись вперед незначительно. Днестровский отряд был усилен двумя полками из 11-й армии и также перешел в наступление к Надвурне и Сколе. Медленно развивавшееся его продвижение завершилось трехдневным победным сражением у Делятына 5–7 ноября (23–25 октября ст. ст.).

Беспокоясь за положение Галицийской группы, штаб армий Юго-Западного фронта направил Брусилову единственную дивизию резерва, а 9-й армии поручил оказать содействие Радко Дмитриеву в низовьях Сана. Созданная группа генерала от инфантерии Н.Ф. фон Крузенштерна (3 дивизии) 1–2 ноября (19–20 октября ст. ст.) форсировала Сан у Мальче, создав угрозу окружения Сандомира. Потерпев поражение у Ивангорода, Опатова и Надвурной, не ликвидировав русские плацдармы на Сане, не сумев прорвать оборону у Хырува и Самбора, австро-венгерское Главное армейское командование отдало 2 ноября приказ об общем отступлении всех армий к Кракову, Вислоке и к карпатскому хребту. Перемышлю вновь предстояла осада. В ночь на 5 ноября (23 октября) начался отход противника по всему фронту.

Русское верховное командование 4–6 ноября (22–24 октября) сформулировало и оформило директивами план генерального наступления против Германии. Первый удар наносила 10-я армия Северо-Западного фронта вторжением в Восточную Пруссию. В это же время германский Восточный фронт (командование им было поручено Гинденбургу) начал Лодзинскую операцию – удар со стороны верховьев Вислы в правый фланг ударной русской группировке. Оценивая результаты Варшавско-Ивангородской операции, начальник штаба германского Восточного фронта генерал-лейтенант Э. Людендорф заключал, что единственными достижениями армий Центральных держав стало: выигрыш времени и нанесение противнику больших потерь.

С русской стороны также было уделено немалое внимание потерям в Варшавско-Ивангородской операции (официальное название того времени – «октябрьские бои 1914 г.»). Только в 3-й армии шесть полков потеряли более половины состава, пять – более трети состава. Урон 8-й армии оценивался более чем в 60 тыс. человек. Большой некомплект имелся и в других армиях как Юго-Западного, так и Северо-Западного фронтов. В результате командование армий Юго-Западного фронта должно было существенно ограничить наступательные задачи.

25 октября (7 ноября) начальник штаба армий Юго-Западного фронта генерал от инфантерии М.В. Алексеев подготовил и направил через Н.И. Иванова начальнику штаба Верховного главнокомандующего Н.Н. Янушкевичу доклад о сложившейся обстановке, содержащий принципиальные выводы по исходу операции в Галиции:

«Действительная обстановка, которая сложилась на Сане и под Перемышлем и которую приходится руководствоваться при выработке решений, представляется в таком виде: *отступление австрийцев на этом фронте не явилось результатом одержанной нами именно здесь победы...*

Развить сильные удары своими обоими флангами не представлялось возможности, не взирая на полное понимание всеми начальниками необходимость этого: не было своих готовых к этому маневру войск, и противник успел уйти из-под ударов...

Таким образом, действительная обстановка перед третьей и восьмой армиями такова: противник еще не разбит, сохранил свободу действий и способность к маневрированию и бою. Исходя из этого, я в рапорте Верховному главнокомандующему представил свои соображения, что до нового разгрома австрийских войск против них *нельзя ограничиваться одним прикрытием и обеспечением...*

Конечная цель наших усилий бесспорно вторжение в Германию, но путь к этой цели лежит через поражение австрийцев, иначе мы встретим такие препятствия, устранить которые в разгаре вторжения в Германию трудно.

Настоящую телеграмму благоволите доложить Верховному главнокомандующему. Долг службы заставляет меня доложить, что состояние австрийской армии не позволяет считать дело законченным, что ранее вторжения в Германию нужно избавиться от этого врага, поставив поражение его промежуточной частной целью, лишь по достижению которой можно развивать удар против Германии; без этого на обеспечение потребуются значительные силы, ущерб численности войск, выполняющих эту задачу. Поэтому я прошу дать возможность армиям Юго-Западного фронта систематически выполнять выпадающие на них задачи, сообразуясь с обстановкой, не требуя ускоренья при тех условиях, когда это трудно достижимо, имея в виду, что австрийские войска требуют к себе особого внимания»¹.

Положение германских войск также вызывало необходимость сосредоточить против них максимум имеющихся сил. Начальник Уральской казачьей ди-

¹ РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 132. Л. 26–33.

визии генерал-лейтенант А.М. Кауфман-Туркестанский отмечал: «В настоящую операцию мы имеем дело не с разбитыми и деморализованными войсками, а с противником, отходящем в полном порядке, прикрывающимся сильными арьергардами»¹.

Вопрос о потерях войск с самого начала войны был объектом пристального внимания и военного ведомства (поскольку от него прежде всего зависело своевременное пополнение), и общественных кругов России. Военачальники всех уровней – от командиров полков до командующих армиями – должны были отражать потери в журналах боевых действий. Однако это делалось, как показывает обращение к этому источнику, далеко не всегда. Командиры подразделений и частей направляли рапорты об их боевых действиях и составе, где также должны были отражаться потери. Но в горячке боев, особенно затяжных, такое тоже бывало не всегда. Кроме того, появилась категория потерь, афишировать которую стало «неудобно», – пропавшие без вести. Наиболее полно потери личного состава отражались в приказах по строевой части (снятие с довольствия); но такое происходило куда менее регулярно, чем зачисление на довольствие пополнения. Учетом потерь и сбором рапортов и именных списков убитых, раненых и пропавших без вести занималось Бюро учета потерь Главного штаба. Кроме того, части направляли в дивизионные штабы раз в 15 дней общие рапорты о понесенных потерях. Эти виды документов и использованы при воссоздании картины понесенного урона в Варшавско-Ивангородской операции.

Затяжное молчание армейских штабов после Галицийской битвы вызвало серьезное беспокойство в Главном управлении Генерального штаба, в Главном штабе, Военном министерстве, да и среди публики – особенно в больших городах, куда стали проникать известия о тяжелых потерях русских войск в «октябрьских боях». Штаб Верховного главнокомандующего неоднократно требовал от подчиненных направления точных сведений о потерях, грозя взысканиями:

«Главномандующий армиями Северо-Западного фронта сообщил, что Верховный главнокомандующий выразил крайнее свое неудовольствие за неисполнение неоднократно переданных армиям указаний о незамедлительном доставлении в Главный и Верховный (Верховного главнокомандующего – С.Н.) штабы сведений об убитых, раненых, плененных, пропавших без вести. Примите решительные меры к выполнению полученных распоряжений вверенными Вам частями и штабами. На виновных в неисполнении наложите взыскания и о взысканиях доложите»².

«Верховный главнокомандующий, будучи крайне недоволен, что до сего времени ведомости об убитых, пропавших без вести, раненых и взятых в плен офицерах и нижних чинах по указанным Главным штабом формам поступают в этот штаб с большим запозданием, вызывая этим недовольство и недоверие, приказал принять самые энергичные меры, чтобы это дело было налажено и чтобы кроме того корпусные командиры и лица, пользующиеся их властью, о потерях в офицерах немедленно после каждого боя телеграфировали в Главный штаб»³.

В армиях штабы также пытались принять экстренные меры для получения информации об уроне войск. Дежурный генерал штаба 8-й армии генерал-майор Гейден 2/15 ноября 1914 г. разослал циркуляр: «Для доклада Государю императору прошу срочно телеграфировать о потерях убитых и раненых нижних чинов по полкам за время октябрьских боев»⁴. Генерал-квартирмейстер штаба 10-й армии генерал-майор А.П. Будберг 6/19 октября давал распоряжение дежурному генералу: «Начальник штаба приказал впредь вести Вам всю

¹ РГВИА. Ф. 5252. Оп. 1. Д. 8. Л. 80.

² РГВИА. Ф. 2296. Оп. 1. Д. 1032. Л. 67.

³ РГВИА. Ф. 5171. Оп. 1. Д. 9. Л. 17–19.

⁴ Там же. Л. 4.

регистрацию потерь, пленных и трофеев, а также составлять все срочные донесения по этому вопросу для представления в штаб Главнокомандующего. Копии таких донесений прошу сообщать мне»¹.

Корпусные командиры также старались собрать у себя как можно более полную информацию о потерях: «Приказываю ежедневно представлять через штабы дивизий сведения о числе убитых, раненых и пропавших без вести чинах корпуса в каждой части отдельно» (приказ командира 2-го Сибирского армейского корпуса генерал-лейтенанта А.В. Сычевского от 12 (25) октября 1914 г. № 101)².

Большой урон русских войск в «октябрьских боях» проявился, когда командующие армиями стали заявлять в Ставку об отсутствии пополнений и огромном некомплекте в личном составе. В сентябре-октябре 1914 г. армии Северо-Западного фронта получили 410 маршевых рот пополнения, армии Юго-Западного фронта – 508 рот, по 250 человек в каждой. Тем не менее, состав строевых рот в полках упал до 40-50 бойцов; в 8-й армии недоставало 1672 офицеров и 71659 нижних чинов; только для армий Галицийской группы Алексеев требовал срочно прислать 200 рот пополнения. «Отсутствие пополнений, - телеграфировал он в Ставку 23 октября (5 ноября н. ст.) 1914 г., – все более и более тревожит все командные инстанции, опасющиеся утратить дорогие кадры, на которых можно обосновать прочность частей».³ Мобилизационный отдел Главного штаба не располагал такими ресурсами вооруженных людей, а запасные части в действующей армии уже были израсходованы. Начальник штаба Верховного главнокомандующего Янушкевич заявил, что «при настоящих условиях единственно возможным средством быстрого пополнения армий является высылка невооруженных и не снаряженных команд и обеспечение последних необходимым уже в армиях за счет собранных запасов»⁴.

Командующим армиями пришлось согласиться на то, что только половина прибывающих солдат будет вооружена; уже в ноябре стали прибывать на треть вооруженные команды. Одновременно выяснилось, что Ставка располагает заниженными сведениями о потерях войск в летней кампании 1914 года.

Тем не менее, обобщающие сведения о потерях действующей армии были собраны только к концу года и отличались неполнотой и неточностью. Кроме того, в Главном штабе была введена совершенно не соответствовавшая хронологии операций периодизация войны. В результате Восточно-Прусская операция и Галицийская битва были раздроблены на три «периода», один из которых был приурочен к дате взятия Львова. Варшавско-Ивангородская операция также оказалась разбита на три «периода войны», первый при этом включал окончание Галицийской битвы и сражение на Мазурских озерах, а последний завершился 11/24 ноября – в разгар операций против Кракова и Карпат. Результатом стали завышенные сведения по 9-й (вдвое), 3-й и 8-й армиям Юго-Западного фронта и заниженные – по 4-й армии. Общие их потери без учета 11-й армии оценивались в 225 тыс. человек⁵.

Данная работа призвана определить боевые потери российско-императорской армии в Варшавско-Ивангородской операции по всем соединениям и отдельным частям, участвовавшим в боях. В представленных таблицах указаны категории потерь. При этом в число убитых включены умершие от ран и боевых травм, в число раненых – контуженные (получившие в бою механические или акустические повреждения), в число пропавших без вести – пленные и отставшие (дезертиры). Отсутствие сведений по частям оговорено отдельно. Количество подсчитано по полкам и артиллерийским частям на основании поданных именных списков и строевых приказов, суммирования числа потерь в

¹ РГВИА. Ф. 2144. Оп. 2. Д. 124. Л. 97.

² РГВИА. Ф. 2517. Оп. 2. Д. 27. Л. 375.

³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 472. Л. 5, 7.

⁴ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 472. Л. 34.

⁵ Подсчитано по: РГВИА. Ф. 2068. Оп. 1. Д. 477. Л. 109, 111–113.

рапортах и журналах военных действий. Потери сведены в таблицы по каждой армии, с учетом временных рамок ее участия в операции и входивших в нее соединений. Исключение составляют 1-я и 10-я армии Северо-Западного фронта. Из-за невозможности вычленить потери частей, входивших как в одну, так затем и в другую армию, состав обеих армий указан на начало операции, без перемен, последовавших в подчиненности 12/25 октября 1914 г. В общем, это не искажает боевой вклад каждой армии.

Не включены в количество потерь больные и умершие от болезней, хотя эти категории также имели массовый характер во время «октябрьских боев». Помимо тяжелых условий окопной войны осенью – с проливными дождями, заливавшими окопы почти до пояса, снегом, ночными морозами – армии Галицийской группы, например, сильно пострадали от эпидемии холеры. Если урон больными и количество смертельных исходов в армиях Северо-Западного фронта были не столь значительны (хотя к ноябрю тоже увеличились – в 112-м пехотном Уральском полку за неделю 7 офицеров и 228 солдат)¹, то в полках 8-й армии он серьезно влиял на снижение боеспособности. Так, в октябре в 134-м пехотном Феодосийском полку заболел 161 человек, в 196-м пехотном Инсарском полку – 376 человек². Потери от болезней подлежат отдельному изучению, причем для него не всегда хватает источников: это в основном ежедневные рапорты госпиталей и строевые приказы полков, не всегда хорошо сохранившиеся. В целом следует указать, что в армиях Северо-Западного фронта еженедельно в указанный период находилось на излечении от 388 до 527 офицеров и от 10,5 до 14,5 тыс. нижних чинов, а в армиях Юго-Западного фронта – от 107 до 264 офицеров и от 7 до 9 тыс. нижних чинов, причем за время операции прибыло в госпитали больных 591 офицер и 24 025 нижних чинов (из них умерло 328, включая 2 офицеров)³.

Также неполны сведения о потерях тыловых частей – госпиталей, этапов, парков, обозов. Как правило, во время упорных, длительных боев на постоянной позиции тылы несли только случайные потери от артиллерийского огня. Но во время маршей, особенно отступления, при разгроме соединений они страдали больше всего, теряя главным образом пропавших без вести, к которым в данном случае относятся как не вернувшиеся в часть отставшие или бежавшие, так и попавшие в плен. Потери убитыми и ранеными здесь почти отсутствуют. В приводимых ниже сведениях тыловые части не учитываются.

В боевых частях для октябрьских боев 1914 года также характерно большое количество пропавших без вести. Тяжелые поражения арьергардов на левобережье Вислы и Сана, отступление в сложных погодных условиях стали причиной массового «отставания». В некоторых соединениях количество отставших достигало тысячи человек. Борьба с отставанием имела мало успеха. Так, в 196-м пехотном Инсарском полку отставшие на один день 5 рядовых были наказаны 10 ударами розог каждый; спустя несколько дней из полка бежал уже 21 человек⁴. Особенно отличались солдаты национальностей, сходных с местным населением, – евреи, поляки, украинцы. Некоторые после окончания боев возвращались в части при переходе русских армий в наступление, что нашло отражение в строевых приказах. Во время боев под Варшавой по ночам уходили самовольно из окопов, а затем возвращались утром в строй и стрелки 19-го Сибирского стрелкового полка (до 150 человек за день)⁵. Возвратившиеся в строй не вошли в таблицы. Обеспокоенность русского командования проблемой отставших нашло отражение в довольно резком разговоре по прямому проводу между начальниками штабов Верховного Главнокомандующего Н.Н.

¹ Подсчитано по: РГВИА. Ф. 2726. Оп. 1. Д. 334. Л. 632–635, 773–774.

² Подсчитано по: РГВИА. Ф. 2748. Оп. 1. Д. 176. Л. 94–95; Ф. 2810. Оп. 1. Д. 101. Л. 259–324.

³ Подсчитано по: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 654. Л. 2, 75–92.

⁴ РГВИА. Ф. 2810. Оп. 1. Д. 101. Л. 369, 395.

⁵ РГВИА. Ф. 2517. Оп. 2. Д. 27. Л. 141.

Янушкевичем и армий Юго-Западного фронта М.В. Алексеевым 9 (22 н. ст.) ноября 1914 г.:

«Должен сказать следующее: из массы докладов лиц, побывавших в ближайших войсковых тылах, выясняется, что при малейшем движении вперед в дни боя дивизии растягиваются от линии боя на 10-12 верст, и число отсталых достигает поразительно больших размеров, примерно от 20 до 40 процентов. Из опыта Северо-Западного фронта выясняется необходимость особо суровых и энергичных дежурных по полку, наблюдающих за фактическим выступлением с ночлегов и правильным движением во время марша. Там, где эта суровость существует, там, к сожалению, и порядок. Сопоставляя цифры переданных вам пополнений с официально от вас полученными о убыли смею утверждать, что в тылу далеко не благополучно, необходимо немедленно послать с казаками и конвойными жандармами лиц для поручений. Они несомненно выяснят и выдворят таких отсталых... Вот почему я так настойчиво и прошу вас самыми драконовскими мерами очистить тыл. Сотня другая расстрелянных быстро наведет порядок. Тяжело это говорить, но видимо на этом надо остановиться»¹.

Проблема большого количества пропавших без вести и не столько попавших, сколько сдавшихся в плен очень серьезно беспокоила русское командование всех уровней. В приказе по 2-й армии 10/23 октября говорилось: «Предписываю начальствующим лицам разъяснять всем чинам армии статьи закона. Предписываю подтвердить им, что все сдавшиеся в плен, какого они ни были бы чина и звания, будут по окончании войны преданы суду и с ними будет поступлено так, как велит закон... Требую сверх того, чтобы о всяком сдавшемся в плен было объявлено в приказе по части с изложением обстоятельств этого тяжкого преступления, это упростит впоследствии разбор их дела на суде. О сдавшихся в плен немедленно сообщать на родину, чтобы знали родные о позорном их поступке и чтобы выдача пособия семействам сдавшихся была бы немедленно прекращена. Приказываю также всякому начальнику, усмотревшему сдачу наших войск, не ожидая никаких указаний, немедленно открывать по сдавшимся огонь оружейный, пулеметный и ружейный»².

Командующий 8-й армией генерал от кавалерии А.А. Брусиллов, обращаясь к командиру 8-го армейского корпуса генералу от инфантерии Н.А. Орлову, даже призывал войска учиться у «германца», имея в виду очень небольшое число взятых в плен солдат германской армии: «Последнее время замечаются печальные позорные явления: в плен попадают не раненые нижние чины. Дело офицеров воспитывать нижних чинов, внушать им, что сдача в плен здоровым это бесчестно, позорно, такие люди клятвопреступники, так как целовали крест драясь до последней капли крови. Требую это настойчиво приводить в сознание нижних чинов. В этом случае нужно подражать не австрийцам, а германцам»³.

Командир 3-го Кавказского армейского корпуса В.А. Ирман (Ирманов) 15/28 ноября приказывал: «Есть такие недостойнейшие трусы, которые самовольно оставляют позицию, оставляют своих товарищей собственным их силам, есть и такие негодяи, которые простреливают себе пальцы, чтобы иметь предлог уйти из строя как раненому, и наконец есть такие подлые, которые с легким сердцем сдаются в плен врагу. Приказываю командирам полков предавать их полковому суду»⁴.

Следует заметить, что солдаты попадали в плен при разных обстоятельствах, и это не всегда было следствием именно их злой воли. Так, в 56-й пехотной дивизии во время боев под Ширвиндтом и Владиславоном 29 сентября ст. ст. одна из рот 222-го пехотного Красненского полка из-за плотного артилле-

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 472. Л. 94–95.

² РГВИА. Ф. 3352. Оп. 1. Д. 44. Л. 481.

³ РГВИА. Ф. 2344. Оп. 2. Д. 188. Л. 328.

⁴ РГВИА. Ф. 2697. Оп. 1. Д. 77. Л. 271.

рийского и ружейно-пулеметного огня противника не могла покинуть окопы при отходе и попала в плен. 18 октября ст. ст. при неудачной атаке той же дивизии на господский двор Шукли 180 человек из 224-го пехотного Юхновского полка спрятались за стог и сдались в плен. Оба случая описаны в журнале военных действий дивизии¹. Полурота 114-го пехотного Новоторжского полка (59 нижних чинов при офицере) попала в плен ночью на 12 октября ст. ст. в темноте при небдительном несении караулов².

Впрочем, были и совершенно невиданные ранее случаи вступления целого полка в переговоры о сдаче (332-й пехотный Обоянский полк, попавший в окружение во втором сражении у Опатова и потерявший всех офицеров). Но и такое было следствием чрезвычайной обстановки, сложившейся в бою. Здесь многое зависело от твердости духа солдат. 23 сентября ст. ст. отряд капитана Черковского (1-й и 4-й батальоны 255-го пехотного Аккерманского полка 64-й пехотной дивизии, подчиненные 51-й пехотной дивизии) на рассвете был атакован у дер. Здржембы со всех сторон. После жесточайшего обстрела в строю осталось 250 солдат и 8 офицеров. 15-я рота, оставшись без командира, выкинула белый флаг, вышла из окопов и с поднятыми руками направилась в сторону противника. Командиры 1-й и 2-й рот открыли по сдающимся огонь, прапорщик 2-й роты Бройтфус бросился к солдатам, вырвал у них белый флаг, но тут же был убит разрывом снаряда³.

На необходимость тесного взаимодействия солдат и офицеров как залогом стойкости в бою указывал в циркуляре и главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта генерал от инфантерии Н.В. Рузский: «За последнее время было замечено несколько печальных случаев сдачи в плен целых рот в полном составе, считаю необходимым принять меры к искоренению такого постыдного и опасного для армии явления. В числе причин, создающих такую почву для возможности таких случаев, должна быть отмечена слишком большая отдаленность начальствующих лиц от нижних чинов. Условия современного боя, конечно, не позволяют управлять крупному начальнику, находясь в передовых линиях, но периодически начальники даже крупных войсковых соединений обязаны посещать части, находящиеся на передовых позициях, говорить с нижними чинами и входить в их нужды. Необходимо, чтобы связь начальника с нижними чинами не прерывалась, по имеющимся у меня сведениям, даже офицерский состав частей войск чувствует свою отчужденность от высших начальников. Предписываю обратить на это дело особенное внимание. Кроме того, необходимо предупредить все части, что сдавшиеся в плен, не будучи тяжело ранеными, будут по окончании войны судимы за побег с поля сражения»⁴.

Строевые командиры лучше видели боевую обстановку и иначе относились к этому явлению. Временно командовавший 10-м гренадерским Малороссийским полком подполковник Ф.П. Полухин докладывал в штаб 3-й гренадерской дивизии: «Большая потеря в нижних чинах без вести пропавшими в боях при операции на р. Висле объясняется превосходящими силами противника, исключительными условиями лесного боя, выполнение возложенной задачи с непоколебимым упорством, удержать за собой переправу, ведя бой только штыком... Некоторые роты, потеряв офицеров и оставшись без надлежащего руководства, при наличной крайне тяжелой, прямо исключительной обстановке, часть которых и были окружены превосходящими силами противника».

О том же свидетельствовал полковник Тиматьев, командир 9-го гренадерского Сибирского полка: «174 человека без вести пропало в период двухдневного лесного боя, потребовавшего больших жертв в личном составе нижних чинов, а особенно в командном составе среди господ офицеров и унтер-

¹ РГВИА. Ф. 2386. Оп. 1. Д. 375. Л. 35, 62.

² РГВИА. Ф. 2144. Оп. 2. Д. 124. Л. 326.

³ РГВИА. Ф. 2394. Оп. 2. Д. 162. Л. 64.

⁴ РГВИА. Ф. 3513. Оп. 2. Д. 210. Л. 163.

офицеров... И потому возможно, что некоторые за невозможностью взять верное направление и отсутствием вождей, к которым так привык наш простолюдин-солдат (выделено в оригинале – С.Н.), пришли к полному замешательству, которым воспользовался противник»¹.

Однако сказывался и фактор отчуждения солдат от офицеров. В бою 17/30 октября у дер. Паббельн 13-я рота 115-го пехотного Вяземского полка (140 человек) оторвалась от главных сил на 150 шагов и была окружена германцами. «На предложение сдаться нижние чины положили ружья и были уведены противником настолько поспешно, что даже не взяли с собою оружие. Подпоручик Лиоферов (командир роты – С.Н.) уведен насильно»². Это, пожалуй, был первый случай, когда подчиненные уводили с собой в плен командира. Но к тем же боям у Владиславова относится эпизод, когда командир 209-го пехотного Богородского полка полковник князь П.И. Массальский не только добровольно сдался в плен, не дав себя отбить трижды прорывавшемуся к нему в штыки капитану В.С. Везенкову, но и запретил эвакуировать раненых, находившихся вместе с ним в окруженной усадьбе»³.

И все же большую часть пропавших без вести составляли именно погибшие, чьи тела не были вынесены с поля боя. На 6 ноября 1914 г. в лагерях Германии состояло русских пленных 3121 офицер и 186 779 нижних чинов; разница с данными на 12 сентября составляла 95 379 нижних чинов и 1291 офицер⁴. Учитывая, что половина этого количества приходится на взятых в плен в Восточной Пруссии по 15 сентября, то из пропавших без вести в армиях, сражавшихся против германских войск, в германский плен попало 45-50 тыс. человек. Австро-венгерская сторона объявила о взятии 40 тыс. пленных, из них 10 тыс. под Ивангородом. Таким образом, из почти 120 тыс. пропавших без вести на пленных приходится только 2/3; остальных следует отнести к погибшим. Действительно, из 1040 пропавших без вести 57-го пехотного Модлинского полка позднее другими частями как погибшие и захороненные было идентифицировано 620 человек⁵.

Еще одной проблемой войск при переходе к позиционной войне стал рост ранений в конечности, особенно в кисти рук. Так, за неполную первую неделю октября в 1-й бригаде 12-й пехотной дивизии у Мижинца ранение в левую кисть получили 17 офицеров и 554 нижних чина⁶. Много раненых в руки было среди кавалеристов. Однако весь гнев командиров был излит исключительно на солдат. Командующий 4-й армией генерал от инфантерии А.Е. Эверт 1/14 октября направил в корпуса циркуляр: «До сведения моего дошло, что в боях появились массовые поранения в пальцы преимущественно левой руки нижних чинов. Приказываю установить по возможности наблюдение за нижними чинами и сделать распоряжение, чтобы врачи особенно внимательно исследовали подобные раны и при сомнении о таких нижних чинах незамедлительно доносили строевому начальству для расследования и привлечения к ответственности по закону военного времени»⁷.

Ему вторили командующий 8-й армией генерал от кавалерии А.А. Брусиллов и командир 24-го армейского корпуса генерал от кавалерии А.А. Цуриков 15/28 октября: «В дополнение к приказу 8 армии за № 108 и приказания моего, переданного в части войск «раненых в руки оставлять до конца боев настоящего периода в строю», приказываю сортировку «раненых в руки» делать в дивизионных лазаретах и госпиталях полевых и Красного Креста, причем выделять могущих нести службу в строю, которых и передавать в Самборе корпусному

¹ РГВИА. Ф. 2326. Оп. 1. Д. 1061. Л. 12, 15.

² РГВИА. Ф. 2729. Оп. 1. Д. 20. Л. 264.

³ РГВИА. Ф. 2823. Оп. 1. Д. 5. Л. 15—16; Д. 54. Л. 43—44.

⁴ Подсчитано по: Amtliche Kriegsdepeschen. Bd. 1. Oldenburg, O.O. S. 94, 209.

⁵ РГВИА. Ф. 2671. Оп. 1. Д. 7. Л. 192—194.

⁶ РГВИА. Ф. 2342. Оп. 1. Д. 292. Л. 226—230.

⁷ РГВИА. Ф. 2118. Оп. 2. Д. 84. Л. 14.

коменданту для отправления обратно в свои части; то же делать и при эвакуации на железнодорожной станции Самбор, куда в дни эвакуации корпусному коменданту высылать конвой и писаря для приема раненых в пальцы, не подлежащих эвакуации»¹.

Однако Н.В. Рузский не видел в таких раненых злоумышленников и изменников: «Главкомандующим замечено, что нижние чины выставляют иногда фуражки, надевая ее на руку, что влечет за собою ранение руки. Главкомандующий приказал обратить на это внимание и предлагает принять меры, чтобы нижние чины не выставляли фуражек, надетых на руки, а если выставлять, то чтобы надевали их на палку или штык» (циркуляр от 8/21 октября)². Начальник штаба 2-й армии генерал-майор П.И. Постовский приказывал: «Некоторые части не достаточно внимательно укрепляются, козырьки (у окопов – С.Н.) не устраиваются, чем объясняется отчасти значительное число поранений в руку. Оставлялась без укрепления даже тяжелая артиллерия, небрежность в отношении которой совсем не простительна. Командующий армией требует, чтобы войска укреплялись даже в резервах, артиллерия и на закрытых позициях» (циркуляр от 4(17) октября 1914 г. № 298)³.

Как наиболее эффективная мера для спасения многочисленных раненых, оставшихся на поле сражения, высочайшим приказом от 15/28 ноября 1914 г. было велено создать в каждом полку команды санитаров из нижних чинов, по 8 на роту⁴. До этого вынос раненых должны были производить по возможности сами солдаты, госпитали и перевязочные пункты находились в тылу. Предполагалось, что после каждого боя будет возможность убрать трупы и оказать помощь раненым. Но реалии затяжных боев опрокинули эти надежды. На некоторых участках фронта между позициями лежали в течение нескольких недель убитые и раненые, и ни та, ни другая сторона не давала возможности их вынести.

Беспокоило русское командование и большое количество погибших. Уже упоминавшийся Н.В. Рузский объявлял войскам: «В боях с 13 по 26 сентября (ст. ст. – С.Н.) наша пехота понесла потери, не соответствующие по своим размерам тем силам противника, которые действовали против нас. Одна из причин чрезмерно больших потерь в пехоте заключается в том, что наступление ведется в ротах густыми цепями и даже кучами. Напомнить войскам, что при современном оружии наступление с одной стрелковой позиции на другую должно производиться под действительным огнем перебежками целыми взводами и отделениями или звеньями и одиночными людьми с накоплением взводов на новых стрелковых позициях. Другая причина чрезмерных потерь заключается в излишнем наслаивании ротных и батальонных резервов. Предложить строевым начальникам напомнить людям главные основания действий пехоты, изложенные в Наставлении для действий пехоты в бою 1914 года. Приостановка наступления дает полную возможность к этому»⁵. И это говорилось спустя 2 месяца после начала войны! Впрочем, почти через год войны (5/18 июня 1915 г.) А.А. Брусиллов приказывал атаковать не только густыми цепями, а колоннами, и чтобы лучше шли, сзади «иметь особо надежных людей и пулеметы, чтобы если понадобится заставить идти вперед и слабодушных»⁶.

Как следует из приведенных суммарных данных, армии Юго-Западного фронта понесли большие потери, чем армии Северо-Западного фронта; при этом урон армий, осуществлявшие прикрытие операции главных сил (1-я и 10-я на границах Восточной Пруссии, 3-я, 8-я и 11-я армии в Галиции), оказался выше, чем в ударной группе. Хотя следует заметить, что 5-я армия состояла всего

¹ РГВИА. Ф. 2747. Оп. 1. Д. 172. Ч. 1. Л. 138.

² РГВИА. Ф. 2726. Оп. 1. Д. 334. Л. 74.

³ РГВИА. Ф. 2517. Оп. 2. Д. 27. Л. 212.

⁴ РГВИА. Ф. 2810. Оп. 1. Д. 101. Л. 361.

⁵ РГВИА. Ф. 3509. Оп. 1. Д. 917. Л. 233.

⁶ РГВИА. Ф. 2134. Оп. 1. Д. 1087. Л. 37–38. Приказ по 8-й армии № 493.

из трех корпусов и вела серьезные бои всего неделю; в 11-й армии было два корпуса, но на ее долю выпал кровавый штурм Перемышля и позиционные бои. Высокие потери в 10-й армии можно объяснить и тем, что входившие в нее корпуса только недавно прибыли на фронт и, не имея еще боевого опыта, были брошены в атаки на хорошо укрепленные германские позиции. В 4-й армии не-полно представлены потери 52-й пехотной дивизии: не удалось обнаружить точные сведения о потерях 207-го пехотного Новобаязетского полка убитыми и пропавшими без вести (по оценке командования – более 1000 человек). Также сомнительны данные о потерях полков 2-й льготной Кубанской казачьей дивизи-и 8-й армии – единственного соединения, выведенного с фронта для попол-нения. Общие потери русских войск показаны в таблице 1.

Таблица 1

Общие потери русских армий в Варшавско-Ивангородской операции

Армии и фронты	Убито		Ранено		Пропало без вести		ВСЕГО	
	Офицеры	Нижние чины	Офицеры	Нижние чины	Офицеры	Нижние чины	Офицеры	Нижние чины
1-я ар-мия	65	3684	333	17 096	57	12 891	455	33 671
10-я армия	211	7840	823	27 211	85	13 793	1119	48 844
2-я ар-мия	123	4383	559	19 398	116	18 674	798	42 443
5-я ар-мия	17	1117	110	5528	13	1750	140	8395
Всего СЗФ	415	17 024	1825	69 233	271	47 108	2512	133 353
4-я ар-мия	123	5456	466	25 523	106	29 302	695	60 281
9-я ар-мия	79	3463	318	16 159	62	11 574	459	31 196
3-я ар-мия	90	4602	353	24 340	37	10 968	480	39 911
8-я ар-мия	124	8056	562	40 912	89	20 932	775	69 900
11-я армия	26	1002	112	6926	3	2482	141	10 410
всего ЮЗФ	442	22 579	1811	113 860	297	75 258	2550	211 698
ИТОГО	857	39 603	3636	183 093	568	122 366	5062	345 051

Таблица подготовлена автором¹.

¹ Подсчитано по: 1-я армия – РГВИА. Ф. 2116. Оп. 2. Д. 34. Л. 410–411, 449–450, 514, 563–565; Ф. 2355. Оп. 2. Д. 670. Л. 6–11; Ф. 2357. Оп. 1. Д. 521. Л. 60, 65, 72, 78, 129; Ф. 2358. Оп. 1. Д. 425. Л. 3–12; Ф. 2383. Оп. 1. Д. 81. Л. 16, 21, 30, 40, 60; Ф. 2394. Оп. 2. Д. 162. Л. 5, 9, 14, 22, 25, 27, 38, 45, 46, 55, 78, 81, 93–98; Ф. 2712. Оп. 2. Д. 479. Л. 27–44; Ф. 2714. Оп. 2. Д. 479. Л. 53, 63; Ф. 2719. Оп. 1. Д. 25. Л. 9–21; Д. 26. Л. 16, 18; Ф. 2720. Оп. 1. Д. 5. Л. 76, 80; Ф. 2721. Оп. 1. Д. 30. Л. 90; Д. 89. Л. 12, 15; Ф. 2722. Оп. 1. Д. 663, 667; Ф. 2723. Оп. 1. Д. 284. Л. 55, 69, 115, 181, 186; Д. 313. Л. 5, 8–11; Ф. 2724. Оп. 2. Д. 283. Л. 8; Д. 290. Л. 7–27; Ф. 2725. Оп. 1. Д. 215. Л. 179–225, 372–374; Ф. 2726. Оп. 1. Д. 333а. Л. 88–90; Д. 335. Л. 2–53; Ф. 2727. Оп. 1. Д. 4. Л. 165–166; Ф. 2729. Оп. 1. Д. 6. Л. 144, 155; Ф. 3509. Оп. 1. Д. 917. Л. 195–198; Ф. 3511. Оп. 2. Д. 10. Л. 32–41; Ф. 3543. Оп. 1. Д. 4502. Л. 31–34; Ф. 3545. Оп. 1. Д. 1921. Л. 59–66; Ф. 3548. Оп. 1. Д. 8. Л. 22–31; Ф. 3549. Оп. 1. Д. 236. Л. 31–48; Ф. 3551. Оп. 1. Д. 110. Л. 11–22; Ф. 3552. Оп. 1. Д. 134. Л. 1–4; Ф. 3554. Оп. 1. Д. 29. Л. 11–15; Ф. 3591. Оп. 1. Д. 129. Л. 22–29; Ф. 16196. Оп. 1. Д. 217. Л. 57–95; Д. 218. Л. 154–204; Д. 220. Л. 48–102; Д. 222. Л. 41–67; Д. 231. Л. 175–211; Д. 232. Л. 60–61, 92–129; Д. 234. Л. 73–122; Д. 235. Л. 48–118; Д. 239. Л. 136–269; Д. 241. Л. 1–17; Д. 242. Л. 120–175; Д. 243. Л. 41–62; Д. 244. Л. 46–88; Д. 245. Л. 49–79; Д. 740. Л. 39–60; Д. 742. Л. 6–50; Д. 890. Л. 22–35; Д. 892. Л. 27–48; Д. 943. Л. 1–10; Д. 944. Л. 9–12, 27; Д. 947. Л. 1–5, 16–17; Д. 949. Л. 3–8; Д. 951. Л. 1–10; Д. 967. Л. 2–3а; Д. 970. Л. 18–23; Д. 971. Л. 9–25; Д. 972. Л. 6–13; Д. 987. Л. 9–21; Д. 988. Л. 1–9; Д. 989. Л. 1–10; Д.

1002. Л. 1—6; Д. 1015. Л. 10—12; Д. 1016. Л. 1—12; Д. 1017. Л. 6—7; Д. 1039. Л. 129—139; Д. 1077. Л. 8—11; Д. 1078. Л. 33—52; Д. 1079. Л. 16—39; Д. 1080. Л. 30—39; Д. 1047. Л. 36—37; Д. 1148. Л. 306; Д. 1152. Л. 9—10; Д. 1157. Л. 1—3.

10-я армия – РГВИА. Ф. 2144. Оп. 2. Д. 87. Л. 20, 23, 127, 196, 251, 262, 280—287, 290, 326, 331, 343, 378, 386, 394—395, 403, 405, 409—413; Д. 124; Д. 125. Л. 8, 21, 60—61, 72—74, 80, 129; Ф. 2190. Оп. 1. Д. 23. Л. 78—108; Ф. 2222. Оп. 1. Д. 1091; Ф. 2230. Оп. 1. Д. 327. Л. 141—179; Ф. 2280. Оп. 1. Д. 165; Ф. 2296. Оп. 1. Д. 1032; Ф. 2387. Оп. 1. Д. 280; Ф. 2389. Оп. 1. Д. 414. Л. 10—12; Ф. 2406. Оп. 1. Д. 112. Л. 327—329, 418, 421; Ф. 2504. Оп. 2. Д. 29. Л. 212, 252, 276, 517, 524—526а, 558, 561; Ф. 2523. Оп. 1. Д. 183. Л. 1—2; Ф. 2627. Оп. 1. Д. 253. Л. 223—236; Ф. 2628. Оп. 1. Д. 3. Л. 12; Ф. 2675. Оп. 1. Д. 61. Л. 29; Ф. 2677. Оп. 1. Д. 140. Л. 8. 12; Ф. 2678. Оп. 1. Д. 98. Л. 3—8; Ф. 2744. Оп. 2. Д. 14. Л. 92; Ф. 3516. Оп. 1. Д. 233. Л. 31—44; Ф. 3636. Оп. 1. Д. 7. Л. 54—109; Ф. 5048. Оп. 1. Д. 224. Л. 120, 126—170; Ф. 16196. Оп. 1. Д. 798. Л. 1—22; Д. 799. Л. 1—6; Д. 800. Л. 1—31; Д. 802. Л. 1—2; Д. 954. Л. 11—12; Д. 963. Л. 1—10; Д. 968. Л. 1—4; Д. 975. Л. 7—12; Д. 984. Л. 7—12; Д. 992. Л. 4—7; Д. 1001. Л. 1—7; Д. 1009. Л. 1—2; Д. 1020. Л. 7—12; Д. 1033. Л. 1—11; Д. 1034. Л. 1—10, 34—40; Д. 1035. Л. 161—164; Д. 1043. Л. 138—141; Д. 1149. Л. 5—8; Д. 1151. Л. 1—3

2-я армия – РГВИА. Ф. 2110. Оп. 2. Д. 89. Л. 265—278; Ф. 2279. Оп. 1. Д. 238; Ф. 2323. Оп. 1. Д. 562. Л. 304—392; Ф. 2352. Оп. 1. Д. 63. Л. 5, 14, 22—23, 35—37, 48; Ф. 2354. Оп. 2. Д. 426. Л. 22, 38, 63; Ф. 2360. Оп. 2. Д. 13. Л. 26, 39—40, 54—56; Ф. 2373. Оп. 1. Д. 112. Л. 12, 23; Ф. 2495. Оп. 2. Д. 43. Л. 13—46; Ф. 2513. Оп. 1. Д. 16. Л. 22, 24, 30, 38, 63, 115, 157—164, 171; Д. 148. Л. 67; Ф. 2517. Оп. 2. Д. 27. Л. 43, 58, 107, 124, 145, 164, 166, 177, 181, 188, 214, 244, 247, 289, 319, 362, 361—464; Ф. 2573. Оп. 2. Д. 12. Л. 479—480, 517; Ф. 2578. Оп. 2. Д. 804. Л. 1—7; Ф. 2579. Оп. 2. Д. 1035. Л. 62; Д. 1074. Л. 105—112; Ф. 2582. Оп. 2. Д. 251. Ч. 1. Л. 307—349; Ф. 2622. Оп. 1. Д. 54. Л. 26; Ф. 2699. Оп. 1. Д. 113. Л. 237—257; Ф. 2700. Оп. 1. Д. 31. Л. 4—16; Д. 32. Л. 2, 6; Ф. 2701. Оп. 1. Д. 207. Л. 89—138; Ф. 2702. Оп. 2. Д. 1. Л. 62—128, 378—394; Ф. 2707. Оп. 1. Д. 420. Л. 1—40; Д. 510, Л. 302, 331; Ф. 2708. Оп. 1. Д. 129. Л. 47—55; Ф. 2709. Оп. 1. Д. 146. Л. 20—46, 52—53; Ф. 2710. Оп. 2. Д. 76, Л. 24—25, 31, 42; Д. 295. Л. 39—106; Ф. 2718. Оп. 2. Д. 45. Л. 25; Ф. 2731. Оп. 2. Д. 50. Л. 209—210; Ф. 2733. Оп. 1. Д. 3. Л. 4; Ф. 2734. Оп. 2. Д. 5. Л. 39—40, 46, 382; Ф. 2771. Оп. 2. Д. 3. Л. 160л; Д. 42. Л. 25—26; Ф. 2772. Оп. 2. Д. 210; Ф. 2773. Оп. 2. Д. 48. Л. 12—22; Ф. 2774. Оп. 2. Д. 26. Л. 22—24, 28; Ф. 2786. Оп. 2. Д. 27. Л. 83, 86, 88; Ф. 3335. Оп. 1. Д. 14. Л. 16—17; Ф. 3336. Оп. 1. Д. 24. Л. 25—34, 36; Ф. 3338. Оп. 1. Д. 19. Л. 4—8; Ф. 3339. Оп. 1. Д. 8. Л. 5—7; Д. 22. Л. 6—17, 25, 54; Ф. 3340. Оп. 1. Д. 7. Л. 19, 36, 38, 46; Ф. 3347. Оп. 1. Д. 6. Л. 13, 17; Д. 33. Л. 1—95; Д. 34. Л. 1—39; Ф. 3348. Оп. 1. Д. 11. Л. 7, 10—11; Д. 17. Л. 1—22; Ф. 3349. Оп. 1. Д. 12. Л. 117—270; Ф. 3350. Оп. 1. Д. 20. Л. 100—163, 175, 225—226; Ф. 3351. Оп. 1. Д. 12. Л. 22—29, 34; Д. 42. Л. 331—340, 437—439; Д. 50. Л. 1—56; Ф. 3352. Оп. 1. Д. 44. Л. 291—389; Ф. 3354. Оп. 1. Д. 221. Л. 260—318; Д. 188. Л. 5—10; Ф. 3383. Оп. 1. Д. 2. Л. 35; Ф. 3384. Оп. 1. Д. 3. Л. 5; Ф. 3386. Оп. 1. Д. 3. Л. 19, 24; Ф. 3524. Оп. 1. Д. 55. Л. 36; Ф. 3529. Оп. 1. Д. 22. Л. 193—194; Ф. 3557. Оп. 1. Д. 43. Л. 4—5; Ф. 3560. Оп. 1. Д. 5. Л. 21; Ф. 3566. Оп. 1. Д. 8. Л. 7—8; Ф. 3581. Оп. 1. Д. 32. Л. 12; Ф. 3587. Оп. 1. Д. 6. Л. 1; Ф. 3597. Оп. 1. Д. 26. Л. 52, 55; Ф. 3611. Оп. 1. Д. 416а. Л. 25—70; Ф. 3828. Оп. 1. Д. 14. Л. 24—91; Ф. 3829. Оп. 1. Д. 4. Л. 41, 47; Ф. 3831. Оп. 1. Д. 4, 37, 332; Ф. 3832. Оп. 2. Д. 8. Л. 1—2; Ф. 16196. Оп. 1. Д. 15. Л. 81—82; Д. 16. Л. 18—40; Д. 18. Л. 143; Д. 199, 200, 212, 213, 214, 215, 223, 226, 229, 230, 246, 248, 249, 250, 309, 311, 313, 315, 432, 433, 715, 716, 717, 719, 745, 747, 748, 764, 903, 926, 945, 964, 965, 966, 983, 994, 1000, 1027, 1074, 1076, 1081, 1091, 1147, 1152, 1157.

5-я армия – РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 44. Л. 5, 71, 233, 236; Ф. 2122. Оп. 1. Д. 231. Л. 129—132, 190—208; Оп. 2. Д. 56. Л. 22—27, 428—430; Ф. 2368. Оп. 2. Д. 602. Л. 39—40; Ф. 2652. Оп. 2. Д. 761. Л. 7; Ф. 2654. Оп. 2. Д. 144. Л. 36; Ф. 2679. Оп. 2. Д. 475. Л. 90—162; Ф. 2682. Оп. 1. Д. 27. Л. 9—11; Ф. 16196. Оп. 1. Д. 94. Л. 3—7; Д. 95. Л. 1; Д. 96. Л. 2; Д. 98. Л. 2—21; Д. 110. Л. 11—15; Д. 112. Л. 12—17; Д. 113. Л. 5—17; Д. 171. Л. 72—88; Д. 173. Л. 53—84; Д. 174. Л. 15—22; Д. 1031. Л. 1—12, 28—40; Д. 1035. Л. 1—12, 28—40, 137—140; Д. 1148. Л. 262—264.

4-я армия – РГВИА. Ф. 2118. Оп. 2. Д. 83. Л. 432—650; Ф. 2179. Оп. 1. Д. 207. Л. 74—76, 95; Д. 274. Л. 5, 46—48, 92; Ф. 2212. Оп. 1. Д. 644, 645, 646; Ф. 2298. Оп. 1. Д. 49. Л. 12—24; Ф. 2324. Оп. 1. Д. 218. Л. 15, 42—43; Ф. 2365. Оп. 2. Д. 233. Л. 3—7; Ф. 2371. Оп. 1. Д. 20. Л. 226, 652; Ф. 2382. Оп. 1. Д. 4. Л. 4; Д. 231. Л. 5—19; Ф. 2624. Оп. 1. Д. 258. Л. 1—24; Д. 259. Л. 1—36; Ф. 2626. Оп. 2. Д. 1448. Л. 1—51; Ф. 2695. Оп. 2. Д. 164. Л. 283—287; Д. 165. Л. 1—4; Д. 166. Л. 1—79; Ф. 2697. Оп. 1. Д. 77. Л. 240—252, 258, 280; Ф. 2777. Оп. 1. Д. 46. Л. 27, 32, 34; Ф. 2778. Оп. 1. Д. 73. Л. 105, 112; Ф. 2819. Оп. 1. Д. 3. Л. 2—4; Ф. 2821. Оп. 1. Д. 110. Л. 1—3; Ф. 2821. Оп. 1. Д. 2. Л. 101; Ф. 2822. Оп. 1. Д. 20. Л. 20—25; Ф. 2854. Оп. 2. Д. 1. Л. 56, 210; Ф. 2855. Оп. 1. Д. 2. Л. 129, 162; Ф. 2856. Оп. 1. Д. 119. Л. 1—2; Ф. 2856. Оп. 2. Д. 120. Л. 1—22; Ф. 2857. Оп. 1. Д. 1. Л. 163, 180; Ф. 5252. Оп. 1. Д. 8. Л. 5; Ф. 16196. Оп. 1. Д. 197. Л. 1—30; Д. 316. Л. 72—146а; Д. 318. Л. 127—195; Д. 320, Л. 58—75; Д. 321. Л. 137—153; Д. 352. Л. 1—11; Д. 354. Л. 106—170; Д. 356. Л. 81—122; Д. 359. Л. 1—51; Д. 387. Л. 1—46; Д. 388. Л. 1—121; Д. 391. Л. 1—36; Д. 487. Л. 13—34; Д. 489. Л. 1—33; Д. 490. Л. 1—38; Д. 491. Л. 1—30; Д. 520. Л. 5—6; Д. 522. Л. 1—13; Д. 523. Л. 1—58; Д. 524. Л. 31—34; Д. 1039. Л. 382—393; Д. 1043. Л. 218—348; Д. 1092. Л. 1—6; Д. 1098. Л. 1—6; Д. 1103. Л. 11—13; Д. 1123. Л. 1—2; Д. 1128. Л. 1—6; Д. 1148. Л. 180—181.

9-я армия – РГВИА. Ф. 2139. Оп. 1. Д. 176. Л. 14—118; Ф. 2177. Оп. 1. Д. 2737. Л. 4; Д. 2738. Л. 7; Д. 2739. Л. 2; Д. 2741. Л. 3; Ф. 2214. Оп. 1. Д. 496. Л. 51—213; Ф. 2286. Оп. 1. Д. 1086. Л. 61—947; Ф. 2321. Оп. 1. Д. 231. Л. 113—167; Ф. 2376. Оп. 2. Д. 186. Л. 60; Ф. 2400. Оп. 1. Д. 19. Л. 105, 204, 357—370, 431, 554, 662—669; Ф. 2410. Оп. 1. Д. 580. Л. 155—366; Ф. 2413. Оп. 2. Д. 2. Л. 103—292; Ф. 2580. Оп. 1. Д. 2257. Л. 35; Ф. 2581. Оп. 2. Д. 852. Л. 5; Ф. 2586. Оп. 2. Д. 912. Л. 16; Ф. 2588. Оп. 2. Д. 4. Л. 51, 76; Д. 32. Л. 70—71; Ф. 2599. Оп. 2. Д. 26. Л. 71; Ф. 2600. Оп. 2. Д. 88. Л. 54; Ф. 2601. Оп. 2. Д. 564. Л. 17, 20; Ф. 2602. Оп. 2. Д. 762. Л. 7; Ф. 2625. Оп. 1. Д. 641. Л. 1—80; Ф. 2683. Оп. 1. Д. 13. Л. 49, 73; Ф. 2684. Оп. 2. Д. 25. Л. 38, 42; Ф. 2685. Оп. 2. Д. 36. Л. 38, 46, 49, 59; Ф. 2686. Оп. 1. Д. 41. Л. 22; Ф. 2695. Оп. 2. Д. 37. Л. 11—13; Ф. 2696. Оп. 1. Д. 22. Л. 16, 23; Ф. 2698. Оп. 1. Д. 18. Л. 47—48, 62; Ф. 2704. Оп. 1. Д. 7. Л. 23, 25, 28; Ф. 2705. Оп. 2. Д. 101. Л. 41, 43, 51; Ф. 2706. Оп. 2. Д. 47. Л. 64; Ф. 2888. Оп. 1. Д. 13. Л. 159—163, 181—182; Ф. 2889. Оп. 1. Д. 7. Л. 185—214; Ф. 2890. Оп. 1. Д. 67. Л. 16—31; Ф. 2891. Оп. 1. Д. 25. Л. 166—168, 192; Ф. 2938. Оп. 1. Д. 158. Л. 66—194; Ф. 2940. Оп. 1. Д. 1. Л. 204, 289, 379, 498; Ф. 3270. Оп. 2. Л. 199. Л. 152—164; Ф. 3533. Оп. 1. Д. 15. Л. 43; Ф. 16196. Оп. 1. Д. 6. Л. 120—132; Д. 7. Л. 31—38; Д. 12. Л. 33—51; Д. 13. Л. 36—61; Д. 19. Л. 42—88; Д. 20. Л. 22—61; Д. 22. Л. 17—53; Д. 25. Л. 5—26; Д. 205. Л. 11—23; Д. 210. Л. 28—41; Д. 287. Л. 54—94; Д. 290. Л. 56—123; Д. 292. Л. 39—82; Д. 296. Л. 43—90; Д. 341. Л. 135—169; Д. 342. Л. 95—146; Д. 344. Л. 91—127; Д. 345. Л. 79—101; Д. 346. Л. 29—44; Д. 347. Л. 23—105; Д. 348. Л. 83—212; Д. 350. Л. 29—88; Д. 532. Л. 1—21; Д. 533. Л. 1—10; Д. 534. Л. 1; Д. 720. Л. 7—9; Д. 721. Л. 1—46; Д. 722. Л. 39—41; Д. 944. Л. 28—41, 70—77; Д. 961. Л. 1—8; Д. 982. Л. 5—10; Д. 999. Л. 24—27; Д. 1022. Л. 11—12; Д. 1023. Л. 12—21; Д. 1039. Л. 93—94; Д. 1070. Л. 12—30; Д. 1075. Л. 9—12; Д. 1088. Л. 11—22; Д. 1096. Л. 7—15; Д. 1097. Л. 1—14; Д. 1130. Л. 1—2; Д. 1138. Л. 1—4; Д. 1145. Л. 10—19; Д. 1148. Л. 243; Д. 1152. Л. 25—26

3-я армия – подсчитано по: РГВИА. Ф. 2113. Оп. 2. Д. 58; Ф. 2220. Оп. 1. Д. 154. Л. 53; Ф. 2198. Оп. 1. Д. 12. Л. 198, 245, 270, 357, 370, 373; Д. 24. Л. 163; Ф. 2343. Оп. 1. Д. 180. Л. 65—68; Ф. 2780. Оп. 1. Д. 101. Л. 90—91; Ф. 2339. Оп. 1. Д. 237. Л. 2, 27, 30, 31, 33—35, 41, 55; Ф. 2341. Оп. 1. Д. 363. Л. 6; Ф. 2362. Оп. 1. Д. 95. Л. 9, 11—18; Ф. 2363. Оп. 2. Д. 109. Л. 9; Ф. 2372. Оп. 2. Д. 23. Л. 17а, 24; Ф. 2631. Оп. 1. Д. 19. Л. 25; Ф. 2633. Оп. 1. Д. 53. Л. 43, 52, 55; Ф. 2647. Оп. 1. Д. 9. Л. 72; Ф. 2649. Оп. 1. Д. 29. Л. 17а, 24; Ф. 2650. Оп. 1. Д. 9. Л. 18, 55; Ф. 2655. Оп. 1. Д. 25. Л. 37, 45, 49—50, 55, 62; Ф. 2656. Оп. 1. Д. 21. Л. 13, 15, 23, 25, 27; Ф. 2663. Оп. 2. Д. 30. Л. 111, 115, 128, 134—140; Ф. 2664. Оп. 1. Д. 36. Л. 15—39; Ф. 2665. Оп. 2. Д. 2. Л. 448, 457, 485; Ф. 2739. Оп. 1. Д. 44. Л. 2, 20, 21; Д. 43. Л. 2; Ф. 2741. Оп. 1. Д. 57. Л. 90—107; Ф. 2742. Оп. 1. Д. 10. Л. 1; Ф. 2795. Оп. 2. Д. 79. Л. 6; Ф. 3517. Оп. 1. Д. 7. Л. 29, 39, 97; Ф. 3521. Оп. 1. Д. 171. Л. 26—33, 61—83в; Ф. 5168. Оп. 1. Д. 362. Л. 40—91; Ф. 5176. Оп. 1. Д. 6. Л. 27—28, 30; Ф. 16196. Оп. 1. Д. 82. Л. 31—65; Д. 83. Л. 64—99; Д. 85. Л. 39—83; Д. 87. Л. 24—35; Д. 117. Л. 1—129; Д. 119. Л. 1—20; Д. 132. Л. 5—33; Д. 134. Л. 41—78; Д. 139. Л. 95—141; Д. 257. Л. 51—148; Д. 259. Л. 26—49; Д. 262. Л. 3—17; Д. 323. Л. 15—52; Д. 325. Л. 26—46; Д. 326. Л. 32а—67; Д. 327. Л. 22—42; Д. 985. Л. 22—27; Д. 986. Л. 9—24; Д. 1003. Л. 16—21; Д. 1004. Л. 19—22; Д. 1026. Л. 11—14; Д. 1028. Л. 15, 16; Д. 1031. Л. 1—2, 19—20; Д. 1032. Л. 4—6; Д. 1035. Л. 77—88; Д. 1038. Л. 4—6; Д. 1047. Л. 19, 96—119; Д. 1057. Л. 16—42; Д. 1063. Л. 1—6; Д. 1065. Л. 13—14; Д. 1148. Л. 1—2, 29—30, 61—64; Д. 1149. Л. 1—2; Д. 1152. Л. 111—112.

8-я армия – РГВИА – Ф. 2134. Оп. 1. Д. 380. Л. 81, 112; Д. 396. Л. 170; Д. 797. Л. 6-11, 15, 17, 22; Оп. 2. Д. 191. Л. 156—160; Ф. 2342. Оп. 1. Д. 292. Л. 207—345, 412—490; Ф. 2344. Оп. 2. Д. 188. Л. 238—284, 345—353; Ф. 2345. Оп. 2. Д. 328. Л. 17; Д. 356. Л. 1—5; Ф. 2349. Оп. 1. Д. 90. Л. 52, 56, 59, 78, 86, 90, 97; Ф. 2361. Оп. 1. Д. 162. Л. 59, 67; Ф. 2364. Оп. 2. Д. 107. Л. 76, 85, 96; Д. 581. Л. 29—33; Ф. 2408. Оп. 1. Д. 429. Л. 312, 338, 381—384; Ф. 2497. Оп. 2. Д. 27. Л. 5; Д. 362. Л. 2—14; Ф. 2498. Оп. 2. Д. 17. Л. 105—190; Ф. 2659. Оп. 1. Д. 9. Л. 34—42; Ф. 2660. Оп. 1. Д. 4. Л. 84, 88; Ф. 2668. Оп. 2. Д. 59. Л. 4—8; Ф. 2671. Оп. 1. Д. 7. Л. 192—194; Ф. 2688. Оп. 1. Д. 3. Л. 468, 510; Ф. 2689. Оп. 1. Д. 13. Л. 8—14; Ф. 2747. Оп. 1. Д. 4. Л. 20—27, 33, 47; Д. 65. Л. 40, 47; Д. 172. Ч. 1. Л. 116—136, 256; Ф. 2748. Оп. 1. Д. 5. Л. 46, 178, 186, 196, 203; Д. 34. Л. 92—94; Ф. 2749. Оп. 2. Д. 63. Л. 92, 105; Ф. 2787. Оп. 1. Д. 26. Л. 230, 233, 247; Ф. 2803. Оп. 2. Д. 92. Л. 27—51; Ф. 2804. Оп. 2. Д. 7. Л. 258—281, 404, 466; Ф. 2805. Оп. 2. Д. 290. Ч. 1. Л. 62—82, 93—96; Ф. 2805. Оп. 2. Д. 4. Л. 84; Ф. 2808. Оп. 2. Д. 290. Л. 1423; Ф. 2809. Оп. 2. Д. 1. Л. 422, 463, 555, 645—646; Ф. 2810. Оп. 1. Д. 101. Л. 263—328; Ф. 2869. Оп. 2. Д. 17. Л. 19—25; Ф. 2870. Оп. 2. Д. 25. Л. 120, 123, 126, 128—129; Ф. 2892. Оп. 1. Д. 1. Л. 129, 136, 137, 163, 201, 219, 237, 256, 263-269, 328; Ф. 2893. Оп. 1. Д. 1. Л. 1, 36; Ф. 2894. Оп. 1. Д. 1. Л. 20; Д. 2. Л. 9—11; Ф. 2895. Оп. 1. Д. 1. Л. 19, 23; Ф. 2918. Оп. 1. Д. 4. Л. 131; Ф. 3275. Оп. 1. Д. 2. Л. 83, 90—171; Ф. 3276. Оп. 1. Д. 2. Л. 269—270, 298, 321; Ф. 3277. Оп. 1. Д. 3. Л. 259; Ф. 3278. Оп. 1. Д. 8. Л. 425—426; Ф. 3522. Оп. 1. Д. 95. Л. 18—20; Ф. 5171. Оп. 1. Д. 9; Ф. 5185. Оп. 1. Д. 2. Л. 90—143; Ф. 5203. Оп. 1. Д. 38. Л. 4—14; Ф. 16196. Оп. 1. Д. 121. Л. 105—214; Д. 125. Л. 52—128; Д. 128. Л. 45; Д. 130. Л. 19—82; Д. 143. Л. 1—103; Д. 146. Л. 1—117; Д. 150. Л. 1—56; Д. 153. Л. 1—63; Д. 154. Л. 41—182; Д. 155. Л. 60—115; Д. 158. Л. 44—87; Д. 160. Л. 49—97; Д. 181. Л. 82—210; Д. 186. Л. 11—71; Д. 188. Л. 64—194; Д. 251. Л. 19—44; Д. 252. Л. 41—145; Д. 255. Л. 18—81; Д. 256. Л. 20—36; Д. 271. Л. 83—114; Д. 272. Л. 33—43; Д. 363. Л. 21—146; Д. 365. Л. 63—104; Д. 367. Л. 58—125; Д. 369. Л. 15—133; Д. 371. Л. 3—169; Д. 373. Л. 17—50; Д. 374. Л. 24—37; Д. 413. Л. 90—161; Д. 415. Л. 82—194; Д. 419. Л. 1—49; Д. 438. Л. 15—85; Д. 440. Л. 61—62; Д. 441. Л. 1—15; Д. 443. Л. 36—107; Д. 469. Л. 1—

В целом потери русских армий оказались ниже, чем во время двух фронтовых операций летней кампании – Галицийской битвы и Восточно-Прусской операции. Тогда за полтора месяца Россия лишилась почти полумиллиона своих солдат. В следующем месяце, как видно из таблицы, было потеряно в общем 350 тыс. человек (около четверти от боевого состава). Среднемесячный уровень потерь несколько повысился, особенно убитыми и ранеными. Ведь только в Восточно-Прусской операции доля пленных достигала 150 тыс. человек, а с учетом армий Юго-Западного фронта пропавшие без вести и пленные составляли почти 40% понесенных потерь. В «октябрьских боях» эта категория составляла чуть больше трети общего урона войск.

Велики были потери в офицерском корпусе. Октябрьские бои характеризовались высокой долей командовавших ротами прапорщиков и даже нижних чинов – подпрапорщиков, фельдфебелей и унтер-офицеров. Возросло число «временно командующих» или замещающих отсутствующих командиров. Среди кавалерийских офицеров вдруг развились массовые болезни. В пехоте и артиллерии выбыло из строя много командиров частей и соединений. Некоторые полки в течение одного-двух дней несколько раз меняли командиров. Например, в 84-м пехотном Ширванском полку командир пропал без вести, один заменивший его командующий ранен, а другой убит. Всего выбыло из строя 77 лиц начальствующего состава: 7 командиров бригад (в том числе по одной кавалерийской и артиллерийской) и 71 командир полков (в том числе двух кавалерийских). Наиболее тяжело в этом отношении пострадала 10-я армия. Счастливо избежала потерь в начальствующем составе 11-я (Блокадная) армия.

Из генералов было убито двое: генерал-майор В.И. Жуковский – командир 2-й бригады 1-й Сибирской стрелковой дивизии 2-й армии и генерал-майор А.В. Орлов – командир 1-й бригады 61-й пехотной дивизии 4-й армии. Раненых генералов было пять: генерал-майор Ю.Ю. Копытинский – командир 1-й бригады и командующий 93-м пехотным Иркутским полком 24-й пехотной дивизии, генерал-майор И.Л. Шамота – командир 1-й бригады 2-й Сибирской стрелковой дивизии, генерал-майор В.К. Зубов – командир 2-й бригады 5-й Сибирской стрелковой дивизии (все из 2-й армии), генерал-майор А.И. Мартынов – командир 2-й бригады 4-й кавалерийской дивизии 10-й армии, генерал-майор Ф.Ф. Верман – командир Лейб-Гвардии Кирасирского Его Величества полка (1-й армии). Урон в генералитете был значительно ниже, чем во время летней кампании (тогда только в Восточной Пруссии в плен попало 15 генералов).

Таблица 2

Потери начальствующего состава в Варшавско-Ивангородской операции

Армии	1-я	2-я	3-я	4-я	5-я	8-я	9-я	10-я	ВСЕГО
Убито	1	3	2	2		7	2	4	21
Ранено	5	6	2	10	1	9	4	15	52

47; Д. 470. Л. 1—12; Д. 474. Л. 1—8; Д. 526. Л. 54—63; Д. 529. Л. 1—36; Д. 731. Л. 19—45; Д. 737. Л. 15—20; Д. 804. Л. 1—12; Д. 806. Л. 1—67; Д. 808. Л. 1—46; Д. 960. Л. 1—5; Д. 981. Л. 7—8; Д. 998. Л. 10—13; Д. 1029. Л. 21—41; Д. 1130. Л. 11—16; Д. 1035. Л. 260—268; Д. 1038. Л. 60—73, 175—209, 360—361; Д. 1039. Л. 70—71; Д. 1047. Л. 206-267; Д. 1064. Л. 21-27; Д. 1066. Л. 3-8; Д. 1067. Л. 8-11; Д. 1071. Л. 5-13; Д. 1092. Л. 1-6; Д. 1099. Л. 15—19; Д. 1100. Л. 7—17; Д. 1103. Л. 1—8; Д. 1107. Л. 1—22; Д. 1109. Л. 9—23; Д. 1114. Л. 5—12; Д. 1118. Л. 5—13; Д. 1120. Л. 1—4; Д. 1145. Л. 27—32, 65—68; Д. 1147. Л. 243—245; Д. 1148. Л. 81, 92—95; Д. 1149. Л. 81—84; Д. 1157. Л. 46—47.

11-я армия – РГВИА. Ф. 2148. Оп. 2. Д. 62; Ф. 2234. Оп. 1. Д. 554. Л. 6—31; Ф. 2236. Оп. 1. Д. 815. Л. 9, 42, 46, 52, 57; Д. 816. Л. 1—10, 37-39; Д. 936. Л. 3—77, 136—179; Ф. 2388. Оп. 1. Д. 1. Л. 56—66; Ф. 2399. Оп. 1. Д. 110. Л. 24; Ф. 2408. Оп. 1. Д. 429. Л. 232—246; Ф. 2918. Оп. 1. Д. 1. Л. 39; Ф. 2919. Оп. 1. Д. 2. Л. 48, 77, 82, 86, 92, 94, 97; Д. 6. Л. 49, 53—56; Ф. 2920. Оп. 1. Д. 37. Л. 45; Ф. 16196. Оп. 1. Д. 405. Л. 1—8; Д. 406. Л. 1—6; Д. 407. Л. 27—58; Д. 408. Л. 1—6; Д. 460. Л. 9—51; Д. 461. Л. 40—47; Д. 462. Л. 4а—9; Д. 463. Л. 21—30; Д. 957. Л. 11—16; Д. 978. Л. 11—13; Д. 995. Л. 22; Д. 1043. Л. 10—11; Д. 1148. Л. 61—64

Пропало без вести	1	1		1			1	1	5
ИТОГО	7	10	4	13	1	16	7	20	78

Потери армий Центральных держав в «октябрьском походе» были несколько меньше русских, но все-таки тоже серьезно сказались на оперативных возможностях противника. Урон германских армий Восточного фронта был существенно меньше, чем у их союзников австро-венгров, и не только потому, что боевой состав вступивших в сражение 8-й и 9-й германских армий был как минимум вдвое меньше. Германские войска преимущественно оборонялись: 9-я армия после выхода на среднюю Вислу и к Варшаве (наступала две недели, в том числе с боем не более 5 дней), 8-я армия по преимуществу, лишь иногда нанося контрудары.

Обе армии находились на хорошо укрепленных позициях и имели преимущество в количестве артиллерии, особенно тяжелой. Если германские дивизии сохранили кадровый состав в Восточно-Прусской операции, то императорско-королевская армия в Галицийской битве лишилась половины состава и была пополнена наспех обученными новобранцами и ополчением. Австро-венгерские армии практически целый месяц либо наступали с боем, либо вели взаимные атаки на укрепленные позиции, либо встречные бои, как под Ивангородом. В артиллерии у австро-венгров превосходства не было, за исключением тяжелых мортир, к тому же у полевых орудий было очень мало снарядов, что конечно сказалось на успехе действий пехоты и ходе операции в целом. В то же время потери как австро-венгерских, так и германских войск были меньше, чем во время операций летней кампании.

Таблица 3

Потери войск Центральных держав на Востоке в октябре 1914 г.¹

Войска	Убито	Ранено	Пропало без вести	ВСЕГО
8-я армия	2135	8948	3115	14 198
9-я армия	2023	10 434	2993	15 450
ИТОГО германский Восточный фронт	4158	19 382	6108	29 648
Австро-венгерский Северный фронт	29 070	96 155	83 195	208 820
ИТОГО	33 228	115 537	89 303	238 468

В первых числах ноября германские войска практически не имели потерь до начала наступления их на Лодзь и оборонительного сражения в Восточной Пруссии. В то же время австро-венгерские войска на разных участках фронта вели упорные бои, сопровождавшиеся тяжелыми потерями. По оценкам австро-венгерского командования, 1-я армия в сражении на Опатовке потеряла за два дня 10 тыс. человек, примерно столько же могли потерять вместе 4-я армия у Мальче и Лежайска при ожесточенном штурме русских плацдармов на Сане и 2-я армия с группой Пфлянцер-Бальтина в боях между Старым Самбором и Коломеей. Таким образом, боевые потери армий Двуетной монархии в «осеннем походе» достигали 209 тыс. человек, в том числе севернее Сандомира – 50–60

¹ KA-Ms.-Wk.A/9: Obst. W.Wlaschuetz. Statistische Uebersicht der Verluste im Weltkrieg bis Juni 1918. S.8; KA-NFA. AOK. Etappenkommando bzw. der Quartiermeisterabteilung. Statistische Daten ueber Verluste, bearbeitet im Kriegsstatistischen Buro, dem GZNB und der Abteilung 10 im Kriegsministerium. Karton 2259. Tabelle: Gemeine Verluste erstes Kriegsjahres – Nordfront; Sanitaetsbericht ueber das Deutsche Heer im Weltkriege 1914/18. Bd. II. Berlin, 1938. S. 507—509, 550—551.

тыс. (оценка генерала В. Данкля),¹ а вместе с германцами – 240 тыс. человек. Для австро-венгерских вооруженных сил это были самые тяжелые среднемесячные потери за всю первую мировую войну. Не случайно участники боев сразу же окрестили их «адам на Сане».

Соответственно поэтому германские армии оказались способны на активные действия вплоть до конца 1914 г., хотя и не столь широким фронтом, а австро-венгерские войска еле остановили русский натиск у Кракова и в Бескидах и только в декабре смогли перейти в наступление с весьма ограниченным результатом. Русское же верховное командование не вняло мнению М.В. Алексея и продолжило активные операции, которые до конца 1914 г. не принесли решающего успеха и снова были сопряжены с тяжелыми потерями, заставившими уже в середине ноября запланировать внеочередной призыв более молодых возрастов военнообязанных и более старых – ратников ополчения.

Я выражаю искреннюю и глубокую признательность сотрудникам Российского государственного военно-исторического архива за их самоотверженный труд, без которого не было бы ни этой статьи, ни многих и многих трудов по военной истории нашей родины.

¹ *Conrad F.* Aus meiner Dienstzeit. Bd. V. Wien, 1925. S. 399.

МИТАВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ 1917 г.:
МАСШТАБ СОБЫТИЯ В ИСТОРИИ ПРОТИВОСТОЯНИЯ
НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Традиционно слабое внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей к перипетиям борьбы на Восточном фронте в 1916–1917 гг., где все операции, кроме Брусиловского прорыва и, возможно, боев у озера Нарочь, оказались незаслуженно забыты, создало особенно ощутимый вакуум в истории сражения за Митаву в конце 1916 – начала 1917 г., состоявшего из русского наступления и контрнаступления германской армии. Достаточно сказать, что до сих пор нет ни одной работы, специально посвященной этой операции, кроме статьи В. Ступина во 2-м выпуске «Военно-исторического сборника», выпущенного комиссией по исследованию опыта мировой войны «по горячим следам»¹. Еще несколько трудов, изданных для обучения командиров РККА, использовали опыт боев под Митавой в качестве наглядного примера². Истинные масштабы последствий Митавской операции в случае ее успеха пока не пытались представить, а мемуарные источники в данном случае не смогли помочь исследователям, так как трое важнейших военачальников, участвовавших в проведении Митавской операции, не пережили 1918 г. и потому дать оценку событиям *post factum* не успели. Командующий 12-й армией генерал Радко-Дмитриев и главнокомандующий Северным фронтом генерал Рузский, взятые в заложники, были расстреляны большевиками 18 октября (1 ноября) 1918 г. в Пятигорске, а командир 10-й немецкой армии генерал Эйхгорн был убит в Киеве террористом Б. Донским 30 июля того же года. Командующий 8-й немецкой армией Ф. фон Шольц мемуаров не оставил. Только В. Гурко, который в конце 1916 – начале 1917 г. временно заменял М.В. Алексеева, фактически возглавляя русскую армию, коротко описал бои января 1917 г.³

В претендующих на место официальной советской версии истории Первой мировой войны работах А.М. Зайончковского и двухтомника «История первой мировой войны» под редакцией И.И. Ростунова операция описана, однако ее итоги освещаются недостаточно подробно, а немецкое контрнаступление не рассматривается, Зайончковский не упоминает о нем вообще⁴. Описание Митавской операции (как, впрочем, и всей остальной войны) в книге В. Шамбарова, являющейся попыткой изложить историю Первой мировой войны с постсоветских позиций, весьма поверхностное и является пересказом предыдущих версий⁵.

Между тем Митавская операция русской армии выделяется на фоне других по многим параметрам, являясь одним из немногочисленных примеров удавшегося эксперимента по использованию новой наступательной тактики в русской армии. В ходе нее проявилось истинное состояние обеих противостоящих армий к началу, как тогда казалось, решающей кампании 1917 г., состоялось своеобразное предупреждение всем воюющим армиям и, в первую очередь, русской о том, что массовые солдатские антивоенные выступления не за гора-

¹ Ступин В. Борьба за укрепленные позиции в условиях русского театра военных действий. Митавская операция 1916–1917 гг. // Военно-исторический сборник. Вып. 2. М., 1919.

² См.: Сыромятников А. Наступление и оборона в условиях русского театра военных действий. Пг., 1917; Вольпе А. Фронтальный удар. Эволюция форм оперативного маневра в позиционный период мировой войны. М., 1931.

³ Гурко В.И. Война и революция в России 1914–1917 гг. Мемуары командующего Западным фронтом. М., 2007.

⁴ См.: Зайончковский А.М. Первая мировая война. СПб., 2000. С. 622–626; История первой мировой войны: В 2 т. М., 1975. Т. 2. С. 303–309. Также см.: Строчков А.А. Вооруженные силы и военное искусство в первой мировой войне. М., 1974. С. 449–454.

⁵ См.: Шамбаров В.Е. За веру, царя и отечество. М., 2003. С. 676–677.

ми. В некоторой степени бунты некоторых частей в ходе Митавской операции стали провозвестником процессов разложения и стихийных антивоенных манифестаций, распространившихся среди русской армии весной-осенью 1917 г.

После окончания маневренной войны на Востоке в октябре 1915 г. установилась почти прямая линия фронта, искусно выстроенная Фалькенгайном в ходе ряда конфликтов с командованием на Востоке таким образом, что требовала минимального количества дивизий против русских войск. Только Рига постоянно «нависала» над линией Двинск – Барановичи – Пинск, угрожая выдвинувшимся на восток в ходе Виленской операции и Свенцянского прорыва германским войскам. Факт удержания русскими армиями Риги и плацдармов на Западной Двине делал нерациональными любые проекты дальнейшего наступления немцев в Белоруссии, если бы таковое предполагалось. Однако второе верховное главнокомандование (ОХЛ) после успехов 1915 г. было убеждено в том, что Россия более серьезной опасности не представляет и потому на 1916 г. наступление на востоке не планировало, предоставляя инициативу русскому командованию.

Еще осенью 1915 г., ведя острую дискуссию с Э. Фалькенгайном (главой ОХЛ в 1914–1916 гг.), П. фон Гинденбург, недовольный прекращением наступательных операций и требующий все новых подкреплений, писал Фалькенгайну, что возможный «нажим русских у Митавы будет иметь тяжелые последствия»¹. Его ближайший помощник и истинный лидер этого дуэта Э. Людендорф, описывая события весны 1916 г.², подчеркивает значение Рижского укрепленного района: «При тех слабых силах, которые имелись в нашем распоряжении, оно могло иметь лишь местный характер у Риги с целью захватить столь мешающую нам предмостную позицию»³. Митава имела особое символическое значение для немецкого командования: Людендорф писал, что всякий, кто побывал в этом городе испытывал ощущение, что это «уголок родной нашей земли»⁴. В конце мая 1916 г. столицу Курляндии даже посетил кайзер Вильгельм II, что приравнивало ее к восточнопрусскому городку Лык, отбитому немцами в феврале 1915 г. Сдать «освобожденный город», посещавшийся кайзером, означало оказаться в положении русских, оставивших Перемышль в июне 1915 г., который за 2 месяца до этого пережил визит Николая II. Макс Гофман, фактический командующий Восточным фронтом в 1916–1918 гг. при номинальном главе Лепольде Баварском, неоднократно подчеркивал важнейшее значение Риги для исхода борьбы на всем протяжении русского ТВД. Еще весной 1916 г. он полагал, что выгоднее всего для германских войск было бы наступление на Ригу, так как «рижский тет-де-пон был самым чувствительным местом для всего нашего фронта. Если бы русским удалась сильная атака от тет-де-пона, *примерно в направлении на Митаву*, (курсив мой. – Л.Л.) то весь наш восточный фронт должен был бы отойти назад»⁵. Однако, несмотря на эти предчувствия, тот же Гофман впоследствии констатировал, что удар на Митаву, на р. Аа стал единственным за всю войну «неожиданным для нас... русским нападением»⁶.

¹ Фалькенгайн Э. Верховное командование 1914–1916 гг. в его важнейших решениях / Пред. и комм. А.Е. Снесарева. М., 1923. С. 135.

² Характерно, что в своих мемуарах Людендорф лишь вскользь упомянул о Митавской операции, тогда как все тревоги командования на Востоке (Обер-Ост) до конца августа 1916 г., когда он и Гинденбург стали во главе вооруженных сил Германской империи, описываются с чрезвычайным драматизмом: «...нас неожиданно всполошил удар русских в направлении на Митаву; поспешно стянутыми резервами удалось его локализовать». См.: Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918. М.; Мн., 2005. С. 402.

³ Людендорф Э. Указ. соч. С. 211.

⁴ Там же.

⁵ Гофман М. Война упущенных возможностей. М., 1925. С. 110.

⁶ Там же. С. 107.

Митавская наступательная операция 12-й армии русского Северного фронта продолжалась с 5 по 11 января 1917 г.¹, контрнаступление немцев силами 10-й армии проводилось с 23 января по 3 февраля. Утверждается, что операция проводилась в соответствии с решениями межсоюзнической конференции в Шантильи, являясь частью наступательного плана Антанты на 1917 г.², однако это не так. В планах союзных армий действительно были предусмотрены частные операции зимой 1917 г., однако для русской Ставки удар 12-й армии явился полной неожиданностью. Мало того, известие о начале операции (телеграмма Рузского) Гурко и его ближайших сотрудников Клембовского и Лукомского «сильно удивила»³. Инициатива Радко-Дмитриева была расценена В. Гурко как полностью противоречащая принятым на недавнем совещании главнокомандующих решениям⁴, так как договаривались о том, что русские армии атакуют только в случае наступления англо-французов на Западном ТВД в январе-феврале 1917 г.⁵ Почему Рузский разрешил операцию, навсегда осталось для Гурко неизвестным⁶. Он не отменил ее только потому, что учитывал настроение войск: «...Очередной приказ об отмене наступательной операции весьма отрицательно скажется на моральном состоянии всех частей этого фронта». Более того, Гурко воздержался от выговора Рузскому и Радко-Дмитриеву после первого известия об операции, так как это могло быть понято как неодобрение Ставкой решения о наступлении, «что могло отрицательно повлиять на настроение главных начальников, что негативно сказалось бы на действиях их младших подчиненных и войск вообще»⁷.

Неосведомленность Ставки о проведении операции и ее начало фактически без санкции свыше тем более показательны, что подготовлен удар на Митаву был весьма тщательно. Помимо настойчивого обучения предназначенных для нанесения удара войск была соблюдена строжайшая секретность, а также успешно имитирована переброска 6-го Сибирского корпуса на другой фронт, что ввело в заблуждение немецкое командование⁸. Противник не ожидал в ближайшее время ударов на этом участке фронта, кроме того в 8-й армии 2 января 1917 г. сменился командир: вместо Б. фон Мудра прибыл Ф. Шольц, который, естественно, к началу русского наступления еще не полностью разобрался в обстановке⁹. К тому же атака была запланирована на рождественские праздники, что добавляло проекту элемент внезапности.

Большую роль в подготовке и проведении операции играли личные мотивы, связанные с непростой судьбой генерала Радко-Дмитриева. Болгарский подданный, добровольно перешедший на русскую службу, так и не смог окончательно отделаться от подозрения в нелояльности и/или сочувствии противнику, которые только усилились после Горлицкого прорыва и тем более вступления в войну Болгарии в октябре 1915 г. на стороне Центральных держав. Именно он был «назначен» виновным в поражении Юго-Западного фронта в мае 1915 г., лишившись командования 3-й армией, а затем болееа командуя корпусом, хотя ответственность за неудачу с ним должны были в равной степени понести генерал Иванов, главнокомандующий Юго-Западным фронтом, и начальник шта-

¹ Все даты по новому стилю.

² *Строков А.А.* Указ. соч. С. 449–450.

³ *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 282.

⁴ Подр. об этом см.: *Ростунов И.И.* Русский фронт первой мировой войны. М., 1976. С. 335–338.

⁵ *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 282.

⁶ Там же. С. 283–284.

⁷ *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 282–283.

⁸ *Der Weltkrieg 1914 bis 1918 / bearb. im Reichsarchiv: 14 Bde. B., 1925–1944. Bd. 11. S. 399–400.*

⁹ Например, не выяснил окончательно ли замерзли болота и Западная Двина в нижнем течении, что оказало большое влияние на стойкость обороны.

ба Верховного главнокомандующего Янушкевич¹. Возглавив в марте 1916 г. 12-ю армию, Радко-Дмитриев вынужден был бороться с нерешительностью и инертностью командующего Северным фронтом Куропаткина, который проводил наступательные операции только под личным контролем, в незначительных масштабах и крайне неудачно. Однако к июлю 1916 г. Радко-Дмитриев убедил Куропаткина в целесообразности наступательной операции направлением на Туккум с высадкой десанта в тыл противнику, так как удачный опыт подобных действий поздней осенью 1915 г. уже имелся. Подготовка к операции была прервана сразу же после того, как в августе 1916 г. фронт возглавил Рузский, который в успех замысла не верил. Войска, долго готовившиеся к десанту, были вынуждены вернуться к обычному сидению в окопах по непонятной им причине. Это оказало на них неблагоприятное моральное воздействие, которое прекрасно чувствовал командующий 12-й армией, продолжавший искать способы проявить свою энергию и талант, оправдавшись, наконец, за прошлые неудачи.

А.А. Керсновский, при всей эмоциональности и зачастую необъективности изложения им событий, один из немногих, кто рассматривал Митавскую операцию с учетом личных взаимоотношений между генералами. Он правильно оценил замысел удара, как личную инициативу Радко-Дмитриева, с трудом вписывавшуюся в планы вышестоящих инстанций: «С большим трудом ему удалось уговорить рутинера Рузского на производство наступления частью 12-й армии... Генерал Рузский заранее снял с себя всякую ответственность, заявив командующему 12-й армией, что вся операция пойдет на личный его риск»². Характерно, что Рузский в случае неудачи ничего не терял, так как ему всегда удавалось свалить вину на подчиненных, а однажды уже обвиненный Радко-Дмитриев представлял собой отличную кандидатуру виновника поражения.

Тем не менее Радко-Дмитриев, воспользовавшись реформами в русских армиях, проводимыми В. Гурко и отвлекавшими внимание командования, был согласен рискнуть своей репутацией, взяв полную ответственность на себя. Более того, чем сильнее дистанцировался от операции Рузский, тем легче командующему армией было самостоятельно планировать и готовить операцию. Без санкции Ставки и без надежды на активную помощь со стороны командования фронта Радко-Дмитриев имел право только на удар местного характера, мог рассчитывать на незначительный успех и местное улучшение позиций, потому официально операция рассматривалась как частная, «в смысле боевой практики войск»³. Командующий армией задумывал эксперимент, который должен был быть в случае успеха привести к тяжелейшим последствиям для германских армий. Радко-Дмитриев, однако, для того, чтобы не подвергаться нападкам со стороны исключительно скептически настроенного вышестоящего начальства, ни о каких серьезных результатах операции, которых он мог бы достигнуть после атаки, «на верх» не докладывал, делая все для того, чтобы замаскировать свой смелый замысел под сугубо частную операцию. Рузского это устраивало, так как неудача местного масштаба тень на командование фронта никак не могла бросить, поэтому в детали замысла Радко-Дмитриева он не считал нужным вдаваться.

Личная энергия и «боевой инстинкт» Радко-Дмитриева заставляли его с оптимизмом смотреть на перспективы задуманной операции, тем более что он «не мог примириться с тем, что мы не могли прорвать по существу слабый фронт противника»⁴. Действительно, разведка доносила о том, что на участке удара (около 30 верст) против сосредоточенных 82 батальонов русской армии

¹ См., подр.: Горлицкая операция / Катастрофы Первой мировой войны. М., 2005.

² Керсновский А.А. История русской армии: В 4 т. М., 2002–2004. Т. 4. С. 118.

³ История первой мировой войны. Т. 2. С. 304.

⁴ Ступин В. Указ. соч. С. 33.

было только 19 батальонов и 4 эскадрона немцев¹, а вся 8-я немецкая армия насчитывала только 99 батальонов против 184 в 12-й русской армии², то есть оперативно перебросить крупные резервы германское командование не смогло бы. Известное спокойствие германского командования за оборону на этом участке было обусловлено прочностью укреплений, удачно вписанных в болотистую местность и прибрежные дюны³. Помимо колючей проволоки прорыв русской пехоты и кавалерии должны были остановить заграждения из поваленных деревьев, против которых, как выяснилось уже в ходе операции, артиллерийская подготовка была неэффективна. Несмотря на прочность и развитость системы оборонительных сооружений, совершенствовавшейся около 16 месяцев⁴, можно согласиться с мнением одного из генералов: «Только нахальство немецкое да уверенность в нашей пассивности могли подсказать им так именно оборонять намеченный нами для атаки участок...»⁵ Наряду с мощными узлами обороны между ними у германской армии имелась лишь одна линия окопов, на многих участках митавского направления вторая и третья линии были недостроены⁶.

Радко-Дмитриев намеревался для частной операции использовать все войска 12-й армии, которые помимо главного удара должны были провести несколько атак на других участках фронта, чтобы сковать резервы противника и лишить его возможности ими маневрировать. Фланговые 43-й и 21-й армейский корпуса должны были тревожить противника атаками на туккумском и иксюльском направлениях, в то время как сведенные в 3 оперативные группы (Одингскую, Бабитскую и Олайскую) остальные войска армии (2-й и 6-й сибирский корпуса, две латышских бригады, 6-я особая бригада, 4-я отдельная кавалерийская бригада) при поддержке тяжелой артиллерии (126 орудий, в том числе 26 – 8-ми, 10-ти и 11-ти дюймовых) наносили главный удар по обоим берегам реки Аа к северу от Митавы. В армейском резерве, готовом выступить по первому приказанию, было три пехотных полка и 4-я Донская казачья дивизия. Соотношение сил, наличие артиллерии и хорошо продуманный план атаки с должным обеспечением секретности должны были гарантировать успех войскам Радко-Дмитриева. Фронт удара, участок прорыва и его методы – внезапная ночная атака без артподготовки, а против отдельных узлов обороны – мощная артиллерийская подготовка с привлечением тяжелых орудий – были выбраны соответственно обстановке, сомнения вызывали только настроение и стойкость частей русской армии. Кроме того, необходимо было учитывать и влияние погодных условий, так как вскоре ударили сильные (до -20°) морозы, а окапываться на промерзшей почве было почти невозможно.

5 января 1917 г., внезапные ночные атаки, проведенные еще до рассвета 43-м и 6-м Сибирскими корпусами, а также латышскими бригадами привели к тактическим успехам и прорыву вражеской обороны в 3-х местах. Однако к концу дня объединить участки прорывов в единый фронт для развития наступления не удалось, резервы вводились далеко не всегда вовремя или не к месту, поэтому в ряде случаев русские войска отошли в исходное положение. Бои носили исключительно упорный характер, некоторые пункты (лесничество Мангель) несколько раз переходили из рук в руки. Войска атакующих понесли серь-

¹ В их числе только ландверные и ландштурмистские части, кроме 4 эскадронов улан и гвардейского резервного батальона. Впрочем, с русской стороны из 82-х только 48 батальонов имели определенный боевой опыт. *Ступин В.* С. 39, 42.

² Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. М., 1923. Ч. 6. С. 125.

³ *Ступин В.* Указ. соч. С. 34, 36, 47.

⁴ Митавы была взята немцами 20 августа 1915 г., а окончательно линия фронта установилась после боев на р. Эккау и Аа в середине сентября. См., подр.: *Позек М.* Германская конница в Литве и Курляндии в 1915 г. М.; Л., 1930. С. 119–125, 130–131.

⁵ *Ступин В.* Указ. соч. С. 65.

⁶ Там же. С. 78.

езные потери, части сильно перемешались, взаимодействие отдельных колонн оставляло желать лучшего. Попытка ввести в прорыв кавалерию не удалась, так как болотистая местность не позволила ей развить активные действия, а атаки спешенных эскадронов были не всегда удачны, что привело к отходу в тыл, не слишком оправданному¹. Радко-Дмитриев за развитием атаки пристально следил, требуя донесений через каждые три часа, настоял на введении в бой корпусных резервов, а также придвинул армейские. По ходу операции он постоянно требовал большей энергии в развитии операции от своих подчиненных, однако не всегда удачно.

Контратаковать немцы начали уже 6 января, пока русские войска были заняты захватом узлов обороны в уже прорванной первой линии обороны. Очередной раз выяснилось, что главный калибр русской артиллерии – 6 дюймов может справиться только с окопами², более серьезные укрепления можно было разрушить только более тяжелыми орудиями. Обозначившийся в первый день операции успех Бабитской группы был подкреплен рядом более мелких успехов на фронте Одингской группы в последующие дни. В Олайской группе после понесенных в первый день серьезных потерь без каких-либо существенных результатов начались волнения, которые привели к тому, что в последующей операции войска 2-го Сибирского корпуса своим соседям помочь не смогли. Более того, к 17-му Сибирскому стрелковому полку, еще вечером 4 января отказавшемуся идти в атаку и выдвинувшему политические требования³, стали присоединяться не только другие полки 2-го Сибирского корпуса, но и прорвавшие позиции немцев полки 6-го Сибирского корпуса, что имело тяжелые последствия. Взятые 55-м и 56-м Сибирскими стрелковыми полками позиции были оставлены после контратаки немцев. Полки 3-й Сибирской стрелковой дивизии, находившейся в резерве, разбежались, побросав патроны⁴. Взбунтовавшиеся части пришлось отвести в резерв.

К 11 января наступательный порыв окончательно выдохся, кризис был локализован. Несмотря на то, что войскам Бабитской и Одингской групп удалось наладить взаимодействие по обоим берегам реки Аа, ни о каком углублении прорыва не могло быть и речи. В ходе боев 6–10 января удалось только обеспечить контроль над занятой еще 5 января территорией, однако «маневром в открытом поле» оттеснить противника за реки Аа и Экау не представлялось возможным без существенных подкреплений. Радко-Дмитриев 11 января приказал наступление приостановить, войскам начать укрепление на занятых позициях. Результатом операции было занятие выступа вражеского фронта глубиной в 2–5 километров и сокращение длины обороняемых рубежей на 5 километров⁵.

Рузский, получив известие о начале операции, вечером 5 января приказал перебросить одну бригаду 38-й дивизии из 5-й армии в 12-ю, и только 7 января, поверив в успех, направил все силы дивизии в Ригу, которая смогла сосредоточиться только к 12 января, когда наступление уже было закончено. 10 января, осознав критическое положение 10-й немецкой армии, Рузский издал директиву, которая должна была превратить Митавскую операцию из армейской во фронтную, начав переброску фронтовых резервов на Рижский плацдарм. Кроме того, он начал требовать дополнительных войск у Ставки, где Гурко также, наконец, заинтересовался перспективой захвата инициативы, который мог привести к отходу немцев от линии Западной Двины и освобождения Курляндии. Радко-Дмитриев об этом желании вышестоящих перехватить свой успех и при-

¹ Ступин В. Указ. соч. С. 48–49, 90–91.

² Там же. С. 67.

³ Ростунов И.И. Указ. соч. С. 342.

⁴ Зайончковский А.М. Указ. соч. С. 625.

⁵ Ступин В. Указ. соч. С. 55–56.

дать ему масштабность узнал в последнюю очередь и вынужден был согласовывать свои действия с директивами «сверху» в последний момент¹.

Впоследствии и Рузского, и Гурко упрекали в несвоевременной поддержке операции, запоздании резервов и инертности². Однако, учитывая предысторию операции, упорное желание Радко-Дмитриева провести операцию самостоятельно и секретно, никакой оперативности в реакциях свыше не могло быть «по определению». Командующий армией был уверен в том, что проекты решительного наступления крупными силами на Митаву с разгромом всего северного крыла немецких войск будут отвергнуты³. В стратегических планах Ставки такое намерение отсутствовало, в обстановке жарких споров вокруг разработки операций кампании 1917 г. было не до полуопального генерала. Однако, «неожиданный» для Ставки и Рузского успех наступления, пусть и частного характера, сразу же привел к осознанию и запоздалому обеспечению истинного масштаба операции. Лихорадочные действия Рузского и согласие скептически относившегося к наступлению Гурко на переброску резервов показывают, что потенциал у замысла Митавской операции был велик и даже адекватно оценен, хотя и слишком поздно.

Маскировка Митавской операции под частную и от своих, и от чужих удалась, хотя приказ по 12-й армии от 2 января 1917 г. подразумевал прорыв вражеского фронта глубиной до 20 км с выходом на ближние подступы к Митаве⁴, что могло иметь эффект не только фронтового, но и стратегического масштаба (очищение немцами Курляндии и северной Белоруссии в поисках новой линии фронта без выступов).

Получив 38-ю дивизию, Радко-Дмитриев намеревался при случае еще раз атаковать немецкие позиции, однако подкреплениям довелось не добиваться новых успехов, а защищать достигнутое. 23 января 1917 г. началось немецкое контрнаступление, которое велось согласно новейшей, опробованной впервые на озере Нарочь весной 1916 г. тактике на основе методики артобстрелов генерала Г. Брухмюллера⁵. Пользуясь затишьем на всех фронтах, немцы смогли перебросить резервы (2-я пехотная дивизия) и попытались по примеру Нарочской операции коротким ударом свести на нет русские успехи. Вечером того же дня Радко-Дмитриев издал приказ по армии, который не только настаивал на удержании во что бы то ни стало результатов наступления 5 января, но и предполагал серию контрударов на флангах армии у Туккума и Иксюля. Рузский, беспокоясь за судьбу Рижского плацдарма, приказал сосредоточиться в Риге 27-му армейскому корпусу из 1-й армии⁶. Однако, эти дополнительные резервы вы для контрударов и тем более попыток встречным ударом довершить начатое в начале января использованы не были. Главкомандующего фронтом по-прежнему характеризовали неуверенность в собственных силах и стремление к пассивному образу действий.

В ходе отражения немецких ударов выяснилось, что создать адекватную немецкой линии обороны на основе захваченной в начале января первой и частично второй позиции не удалось. Более того, прорывая наши позиции, немцы с успехом пользовались для обороны собственными окопами, захвачен-

¹ Там же. С. 56.

² Зайончковский А.М. Указ. соч. С. 626; История Первой мировой войны. Т. 2. С. 307–308; Ростунов И.И. Указ. соч. С. 341.

³ Для доказательства этого достаточно вспомнить крайний скептицизм командующих фронтами на совещании 1(14) апреля 1916 г. перед летней кампанией, где Брусилов настоял на наступлении фактически на свой страх и риск.

⁴ Ступин В. Указ. соч. С. 37.

⁵ Иногда этого специалиста называют «отцом современной артиллерии». Весьма лестные отзывы дал о Брухмюллере М. Гофман. См.: Гофман М. Указ. соч. С. 108–109. Кроме того, вышла его биография с говорящим названием. См.: Zabecki D. Steel Wind: Colonel Georg Bruchmüller and the Birth of Modern Artillery. Westport: CT, 1994.

⁶ Ступин В. Указ. соч. С. 61.

ными 5–10 января войсками 12-й армии. На успехи немцев первого дня контрнаступления войска Радко-Дмитриева ответили ожесточенными контратаками, которые отражались преимущественно превосходно организованным артиллерийским огнем немцев. Немецкая пехота зачастую удара русских солдат не выдерживала, отходя в беспорядке¹, но развить успех мешал плотный заградительный огонь и недостаток поддержки со стороны собственной артиллерии. Действия русской пехоты и артиллерии были плохо скоординированы, контратаковали части, уже потрепанные в наступательных боях, связь поддерживалась бегунами². В целом в обороне войска 12-й армии показали более высокий моральный дух, чем в наступлении, несмотря на то, что погодные условия и напряженность боев не уступали обстановке начала января, а качество войск противника было выше. Контрнаступление немцев окончилось к вечеру 3 февраля, принеся незначительный результат: русские войска были оттеснены от дороги Кальнцем-Митава на 1–2 версты на север, однако основные узлы обороны, в том числе Пулеметная горка, остались за ними.

Общие потери с российской стороны за обе операции составили до 23 000 человек, из них около 9000 – пропавшими без вести, в том числе более 2000 в оборонительных боях. Несмотря на массовое применение по методу Брухмюллера химических снарядов, отравленными русская армия потеряла 1019 человек³. Было захвачено около 1000 пленных, некоторое количество снарядов, пулеметов и 13 орудий⁴. В контрнаступлении немцы потеряли около 6000 человек⁵. Боеспособность русской армии оценивалась, несмотря на мятежи в отдельных частях, очень высоко, а вот немецкая пехота «атаковала слабо»⁶.

Результаты Митавской операции были более чем скромными, особенно по сравнению с возможностями, которые открылись в первый день наступления из-за катастрофического положения 10-й немецкой армии. С другой стороны, несмотря на местный характер успеха, сведения о прорыве позиций германской армии разнеслись достаточно широко. Вскоре в Петрограде стали циркулировать слухи о том, что взятие Митавы состоялось, но по личному приказу императрицы Александры Федоровны русские войска отступили⁷.

Несмотря на подобное состояние верхов и страны в целом, опасность солдатских мятежей была еще не столь высока. После провала наступления Олайской группы были приняты жесткие меры. Всего было расстреляно 92 солдата и унтер-офицера, десятки были отправлены на каторгу. Распространения беспорядков удалось избежать благодаря решительности командиров дивизий, например, будущий командующий Польским корпусом начальник 14-й Сибирской стрелковой дивизии генерал Довбор-Мусницкий 7 января приказал расстрелять 13 человек, после чего его части сражались с должной стойкостью⁸. После революционных выступлений в 12-й армии 7-й Сибирский корпус был переброшен на Румынский фронт, для того чтобы ослабить влияние в нем антивоенной пропаганды. На низкий уровень боеспособности этого соединения жаловался генерал Брусилов⁹, считая его единственным не достойным доверия рия командования в будущем генеральном наступлении в весенне-летнюю

¹ Там же.

² Там же. С. 60, 64.

³ Ступин В. Указ. соч. С. 92.

⁴ Керсновский, часто преувеличивающий потери врага («...немцев было переколото без счета...»), пишет о 18 минометах, 40 пулеметах и 33 орудиях. См.: Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 4. С. 118.

⁵ См.: Керсновский А.А. Указ. соч. Т. 4. С. 119. Прим. 111.

⁶ Характерно, что эта оценка была дана якобы «бесславно проигравшей войну царской армии» в 1919–1920 гг. исследователем, работавшим в Советской России. См.: Ступин В. Указ. соч. С. 79, 83.

⁷ См.: Гурко В.И. Указ. соч. С. 284–285.

⁸ Ростунов И.И. Указ. соч. С. 343.

⁹ См.: Брусилов А.А. Мои воспоминания. Мн., 2002. С. 268.

кампанию 1917 г. Глухое брожение началось и в 21-м армейском корпусе. Тем не менее, до Февральской революции Русская императорская армия сохраняла боеспособность.

Митавскую операцию принято оценивать как безрезультатную, хотя по меркам Первой мировой войны выигрыш территории был вполне достойным (около 15 кв.км.). По соотношению потерь и достигнутого результата последнее наступление императорской армии выглядит намного лучше, чем наступления Западного и Северного фронтов в 1916 г., и особенно выигрывает в сравнении с Нарочской операцией. На этот раз удалось отбить немецкую контратаку, удержав большую часть приобретенного, что удавалось войскам держав Антанты очень редко. Однако столь важной, столь реальной, столь опасной для противника по возможным последствиям победы над германскими войсками в Курляндии не состоялось. Шанс «маленькой победоносной операции», которая могла проиллюстрировать слова приказа по армии Николая II декабря 1916 г., где говорилось о неизбежности победы в следующей кампании, был упущен. В неустойчивой и взрывоопасной обстановке начала 1917 г. это имело стратегические последствия не только для фронта, но и для судьбы всей страны.

ПРОБЛЕМА КООРДИНАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФРОНТА И ТЫЛА
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

(По материалам Чрезвычайной следственной комиссии
Временного правительства)

С началом Первой мировой войны проблема снабжения российской армии и флота постоянно находилась в центре внимания членов Государственной Думы. В показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства (Далее. – ЧСК) председатель Государственной Думы М.В. Родзянко без лишней скромности заявил: «Мы с математической точностью высчитали, насколько хватит снарядов, патронов, винтовок и т.д. И здесь наступает период очень сильной борьбы моей лично, по полномочию Думы, с правительством, со ставкой и с императором. В конце февраля, в марте (1915 г. – Ю.В.) я поехал в ставку, потому что я считал долгом предупредить великого князя Николая Николаевича о том, что его ожидает, и сказал, что обстоятельства в тылу таковы, что он снарядов не получит»¹. Родзянко оказался прав – летом 1915 г. произошло тяжелое отступление русских войск, и 23 августа 1915 г. Николай II подписал приказ об отставке Великого Князя Николая Николаевича и принятии на себя Верховного командования.

Задумываясь над причинами поражений русской армии, и называя это «военной разрухой», А.И. Гучков отмечал, что Россия вступила в мировую войну с вооруженными силами «чрезвычайно мало подготовленными предшествующей работой. Наша армия за 10 лет, протекшие со времени японской войны, несомненно, несколько улучшилась, произошли улучшения в отношении личного состава за исключением верхов; все это – на почве проснувшейся самодельности нашего офицерского состава. В отношении командного состава, за исключением верховного, нашей армией было сделано много. Она представляла нечто неизмеримо высшее, нежели то, что мы имели в японскую войну»². Что же касалось материального и технического снабжения, то здесь, по словам депутата, тоже были определенные сдвиги, тем не менее, к началу войны армия оказалась не на высоте современных требований. Главную вину правительства, в частности военного ведомства Гучков видел в том, что «с момента войны, когда уже вся опасность перед нами разверзлась, не были напряжены все решительно силы. То обстоятельство, что мы целый год, буквально год, первый год войны, потеряли, это и есть самое тяжкое преступление власти»³, – жестко, но справедливо резюмировал он.

Упущение драгоценного времени в первые месяцы войны Родзянко объяснял тем, что тогда «общее направление не только правительственное, но и думских кругов и даже общественных кругов, было таково, что война продлится только 6 месяцев <...> Мне казалось, что это положительная нелепица, потому что Германия затеяла войну не для того, чтобы в 6 месяцев добиться Эльзаса, а для того, чтобы добиться известных целей, союза центральных государств и т. д., что потом и оправдалось»⁴. При этом он ссылаясь на мнение лидера кадетов П.Н. Милюкова, который считал, что война продлится около 8 месяцев. Многие в правительстве также считали, что война будет не длительная, что напряжение всех воюющих стран настолько велико, что противостояние скоро закончится. Таким образом, все расчеты и планы правительства по снабжению

¹ Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 году в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. В 7 т. М.; Л., 1924–1927. Т. 7. С. 123.

² Падение царского режима. Т. 6. С. 294.

³ Там же.

⁴ Там же Т. 7. С. 119.

армии были построены на основании краткосрочного характера военных действий. Положение усугублялось и тем, что первые же дни войны показали, какое огромное количество боеприпасов и снаряжения тратилось на ведение боевых действий.

Одной из причин поражений русской армии была, по мнению депутатов, разобщенность фронт и тыла, отсутствие единого управления и координации. «Получилось так, что тыл живет под командованием правительства, а дальше – демаркационная линия. Тут уже правительство не смеет ни шагу сделать, – описывал эту ситуацию М.В. Родзянко. – Эта раздвоенность шла и дальше»¹. Больше всего «раздвоенность» сказывалась на функционировании путей сообщения. В поисках первоисточника организационного хаоса председатель Думы обратил внимание на Штаб Верховного Главнокомандующего, который принял решение о введении должности военных комендантов на железнодорожных станциях, где в итоге оказалось фактически двойное начальство. Военный комендант и начальник станции были облечены всей полнотой власти чуть ли не до расстрела включительно, потому что железные дороги находились на военном положении. Нередко дело доходило до прямых столкновений двух начальников. Во время посещения председателем Думы Ставки ему сообщили о таких конфликтах. Например, там, где начальник станции был более энергичный, он «наседавал» на коменданта, а там, где военный комендант был более деятельный, он чуть ли не с револьвером в руках грозил начальнику станции: «Я хозяин»².

Во время своей первой поездки в Ставку Родзянко обратил внимание Великого князя Николая Николаевича на данную проблему. «Этот хаос начался с железных дорог, – убеждал политик царедворца, – и мало-помалу отразился на всем отправлении частей ближайшего тыла, затем пойдет вглубь, и вы получите полное раздвоение власти, иначе безвластие <...> Зачем вам эти коменданты? Почему не объединить железные дороги в принципе подчинения министерству путей сообщения? Сделайте комендантами тех, которые опыты в этом деле»³. Вернувшись в Петроград, Родзянко решил обсудить эту проблему и с председателем Совета министров И.Л. Горемыкиным, но тот совершенно определенно высказал свою точку зрения: правительство будет управлять тылом, а вопросы войны, дословно, – «*Ce n'est pas mon affaire*»⁴, и тем самым самоустранился от решения одного из ключевых вопросов военного времени⁵.

Подобная позиция главы правительства настолько возмутила Родзянко, что он во время одной из высочайших аудиенций заявил царю: «Если вы так поведете дело, если ваш председатель будет говорить направо и налево, что ему до войны нет никакого дела, что это дело его величества и его высочества, а их дело только управлять, что войну ведет великий князь, а с другой стороны ставите тормоз тому, что делает великий князь, хотя будто бы и умыли руки; в деле польского вопроса беспокоите поляков, беспокоите театр военных действий, население, а с третьей стороны мы не встречаем никакого сочувствия к общественным силам, желающим прийти на помощь и принять участие в народной войне, смотрите, вексель вы выдали, устами императора взяли вести войну до конца, но при таком порядке не доведете ее до конца и будете разбиты»⁶. Николай II, задетый нелестной критикой, поинтересовался у него: что в данной ситуации следует предпринять, и тот уверенно заявил: «Вопервых, надо вас всех сменить, начиная с Горемыкина, и призвать людей, которые бы понимали дело, или пускай тогда великий князь будет диктатором, что-

¹ Падение царского режима. Т. 7. С. 118.

² Там же.

³ Там же. С. 119.

⁴ «Это не мое дело» (фр.)

⁵ Падение царского режима. Т. 7. С. 119.

⁶ Там же. С. 121.

бы правительство переехало в ставку, или, по крайней мере, сделать так, чтобы это было согласовано, потому что в противном случае получится разногласие. Это вызовет охлаждение, вы задавите энтузиазм, и Россия будет разбита»¹. Как известно, ни один пункт из предложений председателя Думы царем не был учтен.

В итоге из-за чиновничьей неразберихи, бюрократической волокиты и несогласованности вместо координации усилий фронта и тыла получился, по словам председателя Думы, «невероятнейший сумбур». Все это усугублялось неспособностью главного штаба к выполнению функций органа высшего военного управления, и одной из причин, по мнению Родзянко, была та, что там находились лица, которые «...не отдавали себе отчета в том грандиозном значении, которое приобретет война, что это будет война всенародная, которая не может быть объята канцелярскими распоряжениями»². С этого момента началась глухая борьба правительства со Ставкой, произошло, как выразился председатель Думы, «раздвоение» в Ставке и в правительстве, т.е. рассогласование действий военных и гражданских органов власти³.

Следует отметить, что российским солдатам и офицерам приходилось сражаться в исключительно сложных условиях. Неподготовленность России к войне проявилась особенно остро в плохом снабжении армии боеприпасами. Член Государственной думы В.В. Шульгин, побывавший на фронте вскоре после начала военных действий, вспоминал: «Наши позиции немцы крыли ураганным огнем, а мы в ответ молчали. Например, в той артиллерийской части, где я работал, было приказано тратить в день не более семи снарядов на одно полевое орудие»⁴. В таких условиях фронт удерживался в значительной мере за счет героизма, самоотверженности и профессионализма солдат и офицеров.

В качестве иллюстрации плачевного положения с обеспечением войск председатель Думы указывал на весьма характерный эпизод, связанный со снабжением армии сапогами, так как интендантство не рассчитало реальные потребности на длительный период ведения боевых действий и не успевало поставлять необходимую амуницию в войска. Оценив ситуацию, Родзянко пришел к выводу, что «без общественных элементов, без общего подъема всего, что есть производительного, нельзя ничего сделать», и считал, что если удастся «общественное мнение вытащить на сапогах, тогда половина дела сделана; к этому пристегнутся и винтовки и снаряды»⁵. Возникла идея созвать для этой цели земский съезд всех председателей управ. Всего необходимо было изготовить 3 миллиона пар сапог, и по заверениям председателей земских управ на это потребовалось бы от 4 до 6 месяцев. Инициативу Родзянко с энтузиазмом поддержал генерал Д.С. Шуваев: «Я выбиваюсь из сил, я с одними военными организациями ничего не могу сделать. То, что я имею – этого мало. Мне нужно сделать запас: 3 миллиона пар, и когда у вас этот запас будет, тогда, вливая в него постепенно все то, что производится, мы армию будем держать одетой и обутой»⁶.

Между тем проблема заключалась еще и в том, что съезды в то время были строго запрещены, и за разрешением на их проведение председатель Думы вынужден был обратиться к министру внутренних дел Н.А. Маклакову, ответ которого озадачил председателя Думы. «Знаем мы, ваши съезды, – съязвил он, – вы просто хотите, под видом сапог, собрать съезд и предъявить разные ваши требования – ответственное министерство, а может быть даже и ре-

¹ Там же. С. 122.

² Падение царского режима. Т. 7. С. 122.

³ Там же. С. 120.

⁴ Шульгин В.В. Годы – Дни. 1920. М., 1990. С. 274.

⁵ Падение царского режима. Т. 7. С. 123.

⁶ Там же. С. 124.

волюцию»¹. Однако после эмоционального и резкого протеста парламентария министр попытался дезавуировать свое заявление: «Может быть, я не так выразился», и пообещал собеседнику, что вынесет этот вопрос на рассмотрение Совета министров². Родзянко расценил это как определенный шаг вперед, и надеялся, что ему теперь удастся убедить Совет министров в санкционировании этого съезда. Однако визит председателя Думы к главе правительства И.Л. Горемыкину развеял хрупкие надежды не только на созыв съезда, но и на улучшение отношения правительственных кругов к армии и обществу.

Любая общественная инициатива поддержки армии воспринималась в верхах как завуалированная попытка консолидации антисамодержавных сил. Весьма характерно, например, отношение главы правительства Горемыкина к военно-строительным дружинам. «Он хотел их смести с лица земли, – лаконично отмечал М.В. Родзянко, – он очень был суров к ним»³. После просьбы кн. Львова вмешаться в эту ситуацию председатель Думы встретился с главой правительства, однако Горемыкин наотрез отказался изменить свое отношение к военно-строительным дружинам, несмотря на их очевидную пользу для обороны страны. Родзянко даже в качестве одного из аргументов подчеркнул, что его сын был начальником дружины и несколько десятков верст мостов выстроил, имеет целый ряд аттестаций от военного начальства и т.п., что без них они бы пропали. Однако Горемыкин был непреклонен и выставил свой контраргумент: «C'est parce que e'est votre fils»⁴. При этом он упорно твердил, что революционеров надо прогнать, ссылаясь на то, что революция внедряется в тылу⁵.

Первые впечатления Гучкова, побывавшего на театре военных действий, известия о поражении русской армии при Сольдау привели его к твердому убеждению, что война будет проиграна, если только не предпринять, как он выразился, «быстрого поворота» в ходе войны. В связи с этим, депутат направил массу запросов представителям законодательных учреждений и некоторым членам правительства, но, получив от них ответы, он обнаружил «полное их бессилие добиться чего бы то ни было»⁶. Поэтому в декабре 1914 г. он решил лично переговорить с теми, от кого зависели перемены к лучшему в решении проблемы снабжения армии. Для этого он обошел членов правительства, собрал представителей законодательных учреждений и представил им обстоятельный доклад⁷. Свою основную задачу он видел в том, чтобы решить вопросы снабжения армии. Однако на этом пути, по собственному признанию, Гучков встретил «...перед собой какую-то каменную стену, которую нельзя пробить никакими силами»⁸. Представители власти ссылались на то, что война – дело верховной власти и военного ведомства, и что их вмешательство тут и не прошено, и недопустимо. В основе этой правительственной позиции, по его мнению, лежал все тот же «антагонизм между видимой официальной государственной властью и теми силами (т.н. «темными». – Ю.В.), которые стояли за ее стеной»⁹. Кроме того, Гучкову со слов министра путей сообщения С.В. Рухлова стало известно о том, что в декабре 1914 г. Николай II, несмотря на многочисленные свидетельства о бездарной и преступно-халатной деятельности военного министра, заявил: «Вот все нападали на генерала Сухомлинова, а посмотрите, как у него все блестяще»¹⁰.

¹ Там же.

² Там же. С. 125.

³ Падение царского режима. Т. 7. С. 126.

⁴ «Это потому что это Ваш сын» (фр.).

⁵ См.: Падение царского режима. Т. 7. С. 126.

⁶ Там же. Т. 6. С. 256.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

В итоге лидер октябристов пришел к ряду выводов. Во-первых, для него стало очевидно то, что придворное окружение вводило императора в заблуждение относительно истинного положения дел и ублажало его «...сказками о том, что все в блестящем положении <...> обманом окутывали верховную власть и боялись сказать слово правды»¹. Во-вторых, Гучков убедился в том, что министры «...ничего не хотят, а если бы даже и хотели, то ничего не могут»² решить в чрезвычайно сложных условиях военного времени. И, наконец, в-третьих, ему стало известно из конфиденциальных источников о том, что есть только один человек в ближайшем окружении царя, который мог бы существенно повлиять на Николая II, а значит и на сложившуюся политическую ситуацию в стране. Это был генерал-майор Свиты Е.И.В., дворцовый комендант В.Н. Воейков. Узнав об этом, депутат предпринял решительные шаги. Он телеграфировал Воейкову, а на другой день увиделся с ним и сделал обстоятельный доклад. «Часа два докладывал о всех неурядицах и убеждал его, чтобы он как-нибудь посодерживал раскрытию»³, – вспоминал об этой встрече Гучков.

Генерала заинтересовал доклад депутата, и он спросил его о рекомендациях по этому вопросу. Гучков с готовностью изложил ему свое видение проблем и возможные шаги по выходу из кризиса. «Прежде всего, нужно, чтобы вы раскрыли глаза государю, – с горячностью убеждал он царского сановника, – так как государь убаюкан лживыми рассказами о том, что все благополучно, и поэтому ничего не предпримет. Вы должны раскрыть глаза государю. Без этого нельзя. Затем второе: нужно, чтобы дело войны, дело обороны было признано не делом военного или морского ведомства или прерогативой верховной власти, а чтобы оно было признано делом государственным, чтобы все правительство и все законодательные учреждения были призваны к разрешению этого вопроса и считали его своим. Наконец, в-третьих, имейте в виду, что пока во главе снабжения здесь, в центре, стоит генерал Сухомлинов, во главе снабжения северозападного фронта – генерал Данилов, а на юге – Забелин, – у вас снабжения не будет»⁴.

Но, судя по всему, Воейков не прислушался к советам Гучкова. Объяснение этому сам депутат видел в том, что тогда все были зачарованы успехами в Галиции, и любой, кто попытался бы раскрыть глаза, кто нарисовал бы мрачную картину, и развеял победную эйфорию, оказался бы в тот момент, по его словам, «...в положении осужденного и в смысле житейского благополучия и в смысле служебной карьеры»⁵. Гучкову такая ситуация напомнила обычаи ассирийского двора⁶. «Те вестники, которые несли тяжелые вести, были осуждены заранее, – отмечал он. – Таким образом, моя попытка раскрыть глаза власти окончилась неудачно. Я в отчаянии вернулся обратно и стал свидетелем дальнейшей разрухи»⁷. Однако, самое страшное заключалось в том, что обыкновенные царских чиновников всех рангов камуфлировать и замалчивать реальные проблемы, а попросту обманывать руководство приобретало угрожающий характер. Таким образом, сложилась, по выражению Гучкова, «система окутывания верховной власти густой пеленой обмана»⁸, которая культивировалась и усиливалась с каждым годом и в итоге привела практически к полному затмению самодержавного правления.

¹ Там же.

² Там же. С. 257.

³ Падение царского режима. Т. 6. С. 256.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Когда к ассирийскому царю приходил вестник и сообщал, что его войска потерпели поражение, то ему на всякий случай сначала отрубали голову, а потом уже принимали во внимание полученное известие и делали соответствующие выводы.

⁷ Падение царского режима. Т. 6. С. 257.

⁸ Там же. С. 258.

В поисках ответа на вопрос о причинах возникновения и живучести системы «пелены обмана», сгустившейся вокруг императора, Гучков обращался к высокопоставленным царским чиновникам, но к своему удивлению обнаружил более чем странное объяснение. Оказалось, что все это делалось во благо монарха, так как, «если раскрыть государю всю бездну нашей беды, он может потерять бодрость и способен решиться на какой-нибудь поступок, который нежелателен»¹, – считали сановные «доброжелатели». В унисон Гучкову и М.В. Родзянко передавал впечатление от этого периода: «...Правительство стояло на принципе: оно, как таковое, должно победить немца и окончить войну к своей славе; но, с другой стороны, оно не докладывало верховной власти истинного положения дел, потому что в моих докладах бывали моменты, когда царь положительно с облаков падал; для него открывались такие вещи, которые были ему совершенно неизвестны»².

К тому моменту, когда разразилась Галицийская военная катастрофа, Родзянко был вызван в Ставку, и при личной аудиенции заявил царю: «Вы погубите страну, погибнет Россия при таких порядках <...> Гоните прочь ваших советчиков; они погубят всех нас, погубят родину»³. По словам Родзянко, Николай II дал ему обещание, что наиболее одиозные лица, такие как Н.А. Маклаков, В.К. Саблер, И.Г. Щегловитов, В.А. Сухомлинов будут удалены. Между тем председатель Думы «всячески требовал и просил, чтобы был удален Горемыкин», и в ответ на прямой вопрос императора: «Что же вы можете ему инкриминировать?» эмоционально, но справедливо заявил: «Вещь самую ужасную, которую мог сказать первый министр: “Ce n'est pas mon affaire”. Ведь это преступление, за это одно его надо прогнать. Разве можно, чтобы первый министр о гибели страны, о расстройстве финансов, о разрухе, о расстройстве транспорта говорил, что это не его дело? Чье же это дело?»⁴, – недоуменно и озабоченно вопрошал Родзянко.

Тем не менее миссия Родзянко отчасти удалась – он получил высочайшую санкцию на устройство особого совещания по обороне, которое, по его словам, «...положило начало пробуждению общественных сил и призванию их, хоть сколько-нибудь, к активной работе»⁵. В конце 1914 г. на состоявшихся съездах председателей земств и городов были образованы Союз земств и Союз городов, которые позже, объединившись, учредили Всероссийский союз земств и городов (Земгор), который взял на себя организацию санитарной части, вещевого снабжения, а также помощь беженцам. Вместе с тем Земгор стал наиболее влиятельной организацией либерально-буржуазных кругов, и очень скоро деятельность Союза, в частности – его председателя князя Г.Е. Львова, вызвала болезненную реакцию исполнительной власти. На заседании правительства 2 сентября 1915 г. министры говорили о Г.Е. Львове с ревностью и раздражением: «Сей князь фактически чуть ли не председателем какого-то особого правительства делается, – отмечал А.В. Кривошеин. – На фронте только о нем и говорят, он спаситель положения, он снабжает армию, кормит голодных, лечит больных, устраивает парикмахерские для солдат – словом, является каким-то вездесущим Мюр и Мерелизом...»⁶. Думается не случайно, после февраля 1917 г. председатель популярной общественной организации князь Львов благодаря сыгранной им в годы войны роли и завоеванному престижу стал первым председателем Временного правительства.

¹ Там же.

² Там же. Т. 7. С. 126.

³ Падение царского режима. Т. 7. С. 127—128.

⁴ Там же. С. 126.

⁵ Там же. С. 127.

⁶ Яхонтов А.Н. Тяжелые дни: (Секретные заседания Совета министров 16 июля – 2 сентября 1915 г.) // Архив русской революции. М., 1991. Т. 18. С. 129.

17 августа 1915 г. было учреждено Особое совещание по обороне государства, и с этого времени, по словам Родзянко, начинается «упорное сознательное сплочение общественных сил» и как следствие этого – координация деятельности земских союзов, устройство слаженно действующих лазаретов и улучшение продовольственного снабжения при непосредственном участии земства. Родзянко лаконично подвел итог этой деятельности: «Армия снабжена снарядами, сапогами, одета»¹. Конкретные результаты этой работы хорошо прослеживаются по ведомостям военного снабжения, из которых видно заметное увеличение количества пушек, повозок, сапог и т.п. В то же время, председатель Думы был прав, когда указывал на то, что эти меры оказались явно запоздалыми и было упущено, как минимум, 7-10 месяцев драгоценного времени.

Изучая ситуацию с обеспечением армии в годы войны, ЧСК заинтересовался отношением царского правительства к общественным организациям, работавшим на оборону, и, в частности, к центральному военно-промышленному комитету (далее – ВПК), который был учрежден в мае 1915 г. на IX съезде представителей промышленности и торговли. Председателем этой организации был избран А.И. Гучков. Как известно, военно-промышленные комитеты возникли в связи с тем общественным оживлением, которое появилось после неудач русской армии в Галиции. Между тем председатель ВПК признался, что он «лично, зная ведомства и ту среду, с которой приходилось иметь дело этой новой организации, довольно скептически относился к этому общественному начинанию, потому что думал, что нам придется преодолевать такого рода затруднения, которые не дадут нам возможности плодотворно работать <...> и вряд ли получится много пользы». Тем не менее он возглавил эту организацию «по долгу совести»².

Однако его пессимизм поначалу был несколько развеян. В первые месяцы деятельности ВПК военное ведомство, главным образом – части действующей армии, фронтовые органы снабжения, относились к ним, по воспоминаниям Гучкова, очень благосклонно, с большим доверием. Благодаря этому удалось развернуть полноценную работу и сделать много полезного. Вместе с тем лидер октябристов сетовал: «В некоторых ведомствах мы все время встречали противодействия, основанные на том, что не во всех из них чисто, и их сношения с разными фирмами и промышленными предприятиями приучили их к известным благам жизни, которые отпадали, раз посредником являлся военно-промышленный комитет». Его сотрудники нередко сталкивались с глухим противодействием чиновников. «Это была такая мелкая, партизанская война, которую ведомства вели с нами»³, – уточнял Гучков.

Между тем к «партизанской войне» ведомств присоединилось еще одно обстоятельство, которое испортило отношение правительственных кругов к ВПК. Власти опасались, что вокруг общественных организаций, таких как земский и городской союзы, военно-промышленный комитет, сгруппируются «оппозиционно окрашенные элементы» и что со временем, после войны, рядом с этими организациями, вокруг создавшихся новых центров объединятся общественные элементы, новые организации, с которыми придется вести борьбу. Чувство самосохранения эгоистичного и закоснелого чиновничества усилилось после того, как на первом всероссийском съезде военно-промышленного комитета, было единогласно решено привлечь к этой работе представителей рабочих, в задачу которых входило оперативное улаживание конфликтов между рабочими и хозяевами предприятий и предотвращение забастовок. По инициативе военно-промышленных комитетов и при поддержке их рабочими группами правительство ввело ряд мер по переводу предприятий, выполнявших военные

¹ Падение царского режима. Т. 7. С. 127.

² Падение царского режима. Т. 6. С. 283.

³ Там же.

заказы, в том числе и частных, на военное положение. Так, были запрещены под страхом уголовной ответственности забастовки, отменены ограничения рабочего времени, разрешено в принудительном порядке привлекать к сверхурочным работам (в том числе и в ночные часы, и на подземные работы) женщин и детей младше 15 лет.

Одним из последствий слабости и безответственности кабинета министров стало падение престижа и авторитета верховной власти. «Авторитет правительства поддерживается двумя основными факторами: компетентностью и определенным морально-политическим уровнем правительства, ниже которого оно не может опускаться без риска потери этого авторитета, – отмечал А.Я. Аврех. – Речь идет о “респектабельности”, “ореоле” власти, необходимости не только внушать страх нижестоящим агентам и обывательской массе, но и служить источником самоутверждения самой власти – условие, также совершенно необходимое, чтобы эта власть могла успешно управлять»¹. Между тем правительство возлагало вину за падение престижа власти на русский парламент. В частности, И.Л. Горемыкин неоднократно жаловался М.В. Родзянко на то, что Государственная Дума судит и критикует правительство, тем самым волнует страну, и своими откровенными беседами колеблет престиж власти. При этом председатель Думы резонно обращал его внимание на то, что премьер говорит «о несуществующих вещах». «Какой у вас престиж? – с иронией вопрошал Родзянко главу правительства. – Неужели вы думаете, что есть у вас в стране престиж? Это наивно. Колебать вас никто не желает и не может»².

Ухудшение качественного состава Совета министров прослеживается еще с довоенного времени. Однако война, по мнению Авреха, «приостановила этот процесс обезличивания и выхолащивания Совета министров. Более того, был даже сделан шаг в обратном направлении, правда, на очень короткое время»³. Первопричиной этого послужили, прежде всего, военные поражения весны-лета 1915 г., вскрывшаяся в полной мере неподготовленность страны к войне, осложненная разрухой и дороговизной, которые вызвали крайнее раздражение в широких общественных кругах. В этих условиях Николай II вынужден был пожертвовать министрами, которые ему импонировали, и тем самым продемонстрировать изменение курса в сторону «общественности». Один за другим были уволены четыре самых одиозных с точки зрения общества и Думы министра: 13 июня – В.А. Сухомлинов, а 5 и 6 июля 1915 г. – В.К. Саблер, Н.А. Маклаков и И.Г. Щегловитов. «Не подлежит никакому сомнению, – утверждал Г. Шавельский, – что все три министра падали под натиском на государя со стороны великого князя и при большом содействии князя В.Н. Орлова»⁴.

В обществе и в самой Ставке увольнение «трех китов» консервативных сил – Сухомлинова, Маклакова и Щегловитова «восторженно приветствовалось». Генерал А.И. Спиридович впоследствии вспоминал: «За вечерним чаем в нашем вагоне-столовой уже положительно говорили о новом курсе «на общественность», который принимается по настоянию великого князя, а посредником примирения правительства с общественностью является вызванный в ставку умный и хитрый Кривошеин»⁵. Еще одно подтверждение влияния этой группы на кадровые перестановки в правительстве мы находим в письме Николая II жене от 12 июня 1915 г., где он признавал, что назначает Поливанова военным министром по рекомендации Николая Николаевича⁶. Правда, в общест-

¹ Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 79.

² Падение царского режима. Т. 7. С. 136.

³ Аврех А.Я. Указ. соч. С. 81.

⁴ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Нью-Йорк. 1954. Т. 1. С. 279–280.

⁵ Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция, 1914–1917 гг. Нью-Йорк. 1960. Кн. 1. С. 155.

⁶ Переписка Николая и Александры Романовых, 1914–1917 гг. М.; Пг., 1923. Т. 3. С. 205.

ве и в высших кругах ожидали «более решительные перемены в составе правительства», – вспоминал Ю.Н. Данилов, а именно: уход Горемыкина и замена его А.В. Кривошеиным или С.Д. Сазоновым. Но царь не пожелал расстаться с «милым стариком»¹.

В конечном счёте некомпетентность и безответственность прогнившего чиновно-бюрократического аппарата Российской империи неминуемо привела страну к катастрофе. Следует согласиться с выводами Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства относительно того, что именно бездействие правительства, выраженное горемыкинской формулой «Ce n'est pas mon affaire», сыграло в годы войны в судьбе страны роковую роль.

¹ Данилов Ю.Н. Мои воспоминания об императоре Николае II и вел. князе Михаиле Александровиче. С. 206.

В.А. Шульдяков

СИБИРЬ И ПОВОЛЖЬЕ В ПЛАНАХ ГЕНЕРАЛА Л.Г. КОРНИЛОВА (ДЕКАБРЬ 1917 – ФЕВРАЛЬ 1918 гг.)

Октябрьский переворот застал генерала Л.Г. Корнилова в тюремном заключении в г. Быхове. Сразу после захвата большевиками власти в Петрограде у бывшего Верховного Главнокомандующего не было определенного плана организации сопротивления. Корнилов обдумывал разные варианты: либо начать формирование новой армии в Сибири или Туркестане, либо выждать какое-то время, уехав в Персию или в тот же Туркестан, а когда обстановка переменится к лучшему, вернуться в Россию и включиться в борьбу. По свидетельству одного из «быховцев» капитана С.Н. Ряснянского, о создании армии на Дону они заговорили только незадолго до бегства из Быхова¹, т.е. к середине ноября 1917 г., и, надо полагать, под влиянием известий о начатой «Алексеевской организацией» переправке офицеров и юнкеров на Дон.

6 декабря 1917 г. генерал Л.Г. Корнилов инкогнито приехал в г. Новочеркасск, центр Области войска Донского, и оказался здесь в большом затруднении, т.к. Добровольческую армию уже начал формировать генерал М.В. Алексеев, с которым у него были весьма сложные отношения. По воспоминаниям А.С. Лукомского, «Корнилов хотел ехать на Волгу, а оттуда в Сибирь»².

В один день с Корниловым в Новочеркасск прибыл из Омска представитель Войскового правительства Сибирского казачьего войска войсковой старшина Е.П. Березовский. Он был направлен в командировку в Новочеркасск, Екатеринодар и Владикавказ в ответ на призыв Юго-Восточного казачьего союза о политическом взаимодействии и в соответствии с постановлением Чрезвычайной сессии малого войскового круга³. Березовский пробыл в Новочеркасске до 20-х чисел декабря. Главная цель: участие Сибирского войска в Юго-Восточном казачьем союзе — не была достигнута. Сам этот союз вскоре рассыпался под ударами советских отрядов. Тем не менее, поездка Березовского неожиданно, и для него самого в том числе, дала важный побочный эффект.

Узнав, что Е.П. Березовский в Новочеркасске, Л.Г. Корнилов (через полковника В.В. Голицына) пригласил его к себе. Они были однокашниками по Сибирскому кадетскому корпусу, сидели за одной партией, правда, не виделись четверть века и не переписывались свыше 20 лет. На встречу с Корниловым

¹ Дело генерала Л.Г. Корнилова: Материалы Чрезвычайной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л.Г. Корнилове и его соучастниках. Август 1917 г. – июнь 1918 г. М., 2003. Т. 1. С. 429.

² Лукомский А.С. Из воспоминаний: Корниловское выступление и начало Добровольческой армии// Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. V. С. 140.

³ Свободная речь (Семипалатинск). 1917. № 105 от 3 декабря. С. 3.

Березовский отправился вместе с членом Совета Союза казачьих войск от Сибирского войска ветврачом Е.Я. Глебовым. Затем Березовский присутствовал на первой встрече Корнилова со съехавшимися в Новочеркасск генералами и штаб-офицерами, несколько раз бывал в семье знаменитого однокашника, где был познакомлен и с командиром Корниловского ударного полка полковником М.О. Неженцевым. Как вспоминал Березовский, «генерал Корнилов считал, что на Юге России он не останется; он собирался перебраться в Сибирь и там начать большое и широкое дело».

Восстановление дружеских отношений с Е.П. Березовским и знакомство с Е.Я. Глебовым в скором времени позволили Л.Г. Корнилову написать им обоим рекомендательные письма, которые облегчили генералу В.Е. Флугу установление контактов с омским подпольем.

Но, возобновив дружбу с Березовским, Корнилов предпринял в отношении Сибири и практические шаги: отправил в Омск одного из своих ближайших помощников и доверенных лиц прапорщика П.М. Мартынова, который до того, вместе с В.В. Голицыным, организовывал встречи с Березовским и обеспечивал их конспирацию¹. За время командировки Мартынов успел установить в Сибири связи², а покидая Омск, снял в нем и оставил за собой квартиру³. Наверное, на случай тайного приезда в Омск самого Л.Г. Корнилова. Из своей поездки он вынес впечатление, что имя Корнилова как «сибиряка по происхождению» пользуется в Западной Сибири «особым обаянием», о чем по возвращению не преминул сообщить⁴.

Разумеется, речь шла о популярности вождя Белого движения не в широких массах сибирского населения (по этому поводу в свое время иронизировал В.Д. Вегман⁵), а среди офицерства, «в цензовых кругах и в части интеллигенции». Этот факт признавали и политические противники генерала, например, эсер Е.Е. Колосов, писавший, что в указанной части сибиряков в 1918 г. имя Корнилова «было окружено необычайным ореолом и пользовалось исключительным моральным авторитетом»⁶. В гибель Корнилова многие сибиряки долго не верили. Когда генерал В.Е. Флуг в апреле 1918 г. в Омске прочитал в газетах сообщение о смерти командующего Добровольческой армией, то омичи стали его разубеждать. Флуг вспоминал об этом: «...но наши омские друзья убедили нас, что ему нельзя придавать никакой веры, т.к. это большевистская утка, выпущенная с целью подбодрения своих и вызова упадка духа у врагов. Действительно, Корнилов представлялся всем, связывавшим с ним надежды на избавление России от германо-большевизма, провиденциальной личностью, застрахованной от вражеских пуль и снарядов. Потому в нашем кружке в Омске и говорили о Корнилове, в то время уже бывшем в могиле, как о живом»⁷.

Судя по всему, прапорщик П.М. Мартынов вернулся из Сибири на Дон в январе 1918 г.

Корнилов, как известно, остался на Юге. Его удержали приехавшие в Новочеркасск общественные деятели — представители «Московского центра», боявшиеся, что отъезд харизматического лидера приведет к распаду армии, и без того малочисленной. Многие добровольцы, конечно, устремились бы за

¹ Березовский Е.П. Из воспоминаний о Л.Г. Корнилове// Русское слово (Харбин). 1928. № 655 от 25 апреля. С. 3.

² ГАРФ. Ф. 6683. Оп. 1. Д. 15. Л. 174.

³ Там же. Д. 16. Л. 9 (214).

⁴ Там же. Д. 15. Л. 161; [Флуг В.Е.] Отчет о командировке из Добровольческой армии в Сибирь в 1918 году// Архив русской революции. Т. IX. Берлин, 1923. С. 244.

⁵ Вегман В.Д. Сибирские контрреволюционные организации в 1918 г.// Сибирские огни. Новосибирск, 1928. № 1. С. 138.

⁶ Колосов Е.Е. Сибирь при Колчаке: Воспоминания, материалы, документы. Пг., 1923. С. 59.

⁷ ГАРФ. Ф. 6683. Оп. 1. Д. 16. Л. 40 (245).

своим кумиром на Восток¹. Однако колебания Корнилова в окончательном решении: уезжать или остаться, — длились весь «новочеркасский период», т.е. до перебазирования Добровольческой армии в Ростов-на-Дону в середине января 1918 г. Несмотря даже на то, что 25 декабря 1917 г. Корнилов вступил в командование армией. В это время, как вспоминал его тогдашний начальник штаба генерал А.С. Лукомский, «он всей душой и сердцем стремился в Сибирь, хотел, чтобы его отпустили, и к работе по формированию Добровольческой армии на Дону относился без большого интереса»².

На Корнилова угнетающе действовали дуализм в управлении армией, особенно в финансовых вопросах, постоянные трения из-за этого с генералом М.В. Алексеевым, наконец, «скудость средств и ограниченность перспектив». Формирование армии на территории таких больших казачьих войск, как Донское или Кубанское, неизбежно вело к ее зависимости от самостоятельных стремлений казачества и от войсковых атаманов³. Население Юго-Востока Европейской России представлялось Корнилову «полуразложившимся в моральном отношении». В этом смысле Сибирь он считал более надежной базой для борьбы⁴. Почва там «в социальном и бытовом отношении казалась наиболее чуждой большевизму»⁵. Корнилов «рвался на простор, где возможна была самостоятельная работа», и «верил, что ему удастся создать в Сибири большое дело»⁶. В середине декабря 1917 г. он говорил А.С. Лукомскому: «Сибирь я знаю, в Сибирь я верю; я убежден, что там можно будет поставить дело широко. Здесь же с делом легко справится и один генерал Алексеев. Я убежден, что долго здесь оставаться я буду не в силах. Жалею только, что меня задерживают теперь и не пускают в Сибирь, где необходимо начинать работу возможно скорей, чтобы не упустить время»⁷.

По свидетельству Лукомского, у Корнилова «зрел очень широкий план»: опираясь на Сибирь и Поволжье, не только смести большевиков, но и воссоздать фронт для борьбы с Германией. Поэтому «работа на Дону ему представлялась работой сравнительно мелкой, местного характера; работа же на востоке — работой крупного, европейского масштаба».

Есть все основания считать, что Корнилов приступил к реализации данного плана. В частности, на Волгу: в Нижний Новгород, Казань, Самару, Царицын, Астрахань, — были командированы офицеры с целью подготовки в этих городах восстаний против большевиков⁸. Вероятно, пунктом, наиболее подходящим для создания первого на Волге очага сопротивления, считалась Астрахань, где была надежда привлечь к делу местных казаков и калмыков. Сюда в конце 1917 г. в качестве представителя Корнилова приехал из Саратова полковник К.В. Сахаров⁹, один из помощников Корнилова по августовскому выступлению, успевший после освобождения из-под ареста создать в Саратове нелегальную офицерскую организацию¹⁰. Не исключено, что именно Сахаров стал налаживать тайную переброску в Астрахань офицеров из Саратова и других городов Поволжья. Он возглавил в конце 1917 г. местный «Союз офицеров» и к началу 1918 г. сформировал две офицерские роты (около 400 чел.), ставшие главной ударной силой Астраханского восстания и почти двухнедельных, жес-

¹ Ушаков А.И., Федюк В.П. Лавр Корнилов. М., 2006. С. 280–286.

² Лукомский А.С. Указ. соч. С. 141.

³ Там же. С. 141; Деникин А.И. Борьба генерала Корнилова// Зарождение Добровольческой армии. М., 2001. С. 176–177.

⁴ ГАРФ. Ф. 6683. Оп. 1. Д. 15. Л. 156.

⁵ Деникин А.И. Указ. соч. С. 177.

⁶ Лукомский А.С. Указ. соч. С. 140.

⁷ Цит. по кн.: Лукомский А.С. Указ. соч. С. 141.

⁸ Там же.

⁹ Антропов О.О. Астраханское казачество. На переломе эпох. М., 2008. С. 397.

¹⁰ Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005. С. 359.

токих боев против большевиков (12–25 января 1918 г.)¹.

16 января 1918 г. астраханская делегация «от поволжского купечества и Астраханского соединенного с Калмыцким войска» убеждала Корнилова вести Добровольческую армию в Астрахань, обещая помощь деньгами, людьми, оружием. После этого Корнилов послал в Астрахань для связи (по другим данным, возможно, в качестве начальника военно-политического центра Нижней Волги², ги², т.е. как регионального координатора от Добровольческой армии. – В.Ш.) своего генерала для поручений В.В. Голицына³. В донской станице Нижне-Чирской, у границы Астраханской губернии, был создан тайный центр во главе с полковником А.В. Корвин-Круковским (надо полагать, как перевалочный пункт для поддержания связи и сбора информации. – В.Ш.). В Москву были направлены полковники А.П. Перхуров, Страдецкий и капитан Клементьев с задачей вербовки и переправки офицеров в Астрахань, они должны были набрать кадры для пехотного полка и артдивизиона⁴. А главное, штаб Добровольческой армии в январе 1918 г. разработал план перенесения военных действий армии в район Астрахани и Царицына⁵.

После оставления Ростова-на-Дону Корнилов еще около десяти дней колебался в выборе дальнейшего пути Добровольческой армии. Есть данные, что на знаменитом совещании в станице Ольгинской 26 (13) февраля 1918 г., когда обсуждался маршрут следования, Корнилов сначала настаивал на необходимости идти в Астрахань. Но затем был вынужден согласиться с аргументами критиков этого варианта (перспектива заморозить армию в калмыцкой степи)⁶.

Даже тогда Корнилов не забывал и о Сибири. Именно из Ольгинской для связи с сибирскими подпольными центрами был командирован (через Москву и Петроград) полковник Д.А. Лебедев, ставший позднее начальником штаба у А.В. Колчака⁷.

Дело в том, что и Корнилов, и Алексеев в то время не исключали возможности, ввиду крайнего неравенства сил и почти безвыходной обстановки, роспуска армии, например, на Кубани⁸. В таком случае для Корнилова снова открылась бы перспектива нелегальной работы в Сибири. В начале 1-го Кубанского похода, когда Корнилов еще колебался, куда идти: на Кубань или в донские зимовники, — многие добровольцы думали, что армия будет «уходить за Волгу и в Сибирь»⁹.

В конечном итоге, как известно, Корнилов остался с Добровольческой армией и пошел с ней на Кубань. Однако свою лепту в становление белого подполья Сибири он все-таки внес, направив туда тайную миссию генерала В.Е. Флуга.

Инициатором посылки Флуга в Сибирь являлся именно Корнилов. Алексеев был против, указывая, что такая командировка вызовет большой денежный расход и результаты ее, даже в лучшем случае, не окажут благотворного влияния на ближайшие начинания Добровольческой армии. Но Корнилов настоял на своем¹⁰. Он же, по сути, профинансировал данную секретную операцию, выделив из своего особого фонда 25 000 руб., что составило две трети всех средств, отпущенных на «Делегацию в Сибирь»¹¹. Корнилов назначил в ее состав приближенного к нему прапорщика П.М. Мартынова, по его словам,

¹ Антропов О.О. Указ. соч. С. 89–90, 110, 398.

² Данные челябинского историка И.В. Купцова.

³ Антропов О.О. Указ. соч. С. 98.

⁴ Ушаков А.И., Федюк В.П. Указ. соч. С. 305.

⁵ Там же. С. 304.

⁶ Антропов О.О. Указ. соч. С. 99.

⁷ Ушаков А.И., Федюк В.П. Указ. соч. С. 306.

⁸ Там же. С. 311, 312.

⁹ Там же. С. 310.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 6683. Оп. 1. Д. 15. Л. 157, 161, 162.

¹¹ Там же. Л. 179–181; [Флуг В.Е.] Указ. соч. С. 246.

«смелого и расторопного офицера, уже успевшего завязать в Сибири полезные знакомства и связи»¹. Наконец, Корнилов же снабдил Флуга «Политической программой» и собственноручными письмами: в Омск к вышеупомянутым сибирским казакам Е.П. Березовскому и Е.Я. Глебову и в Томск к патриарху сибирского областничества Г.Н. Потанину², которого знал по своим юнкерским годам в Петербурге (еще одно рекомендательное письмо к своему омскому знакомому дал М.М. Федоров, один из представителей «Московского центра», член ЦК Партии народной свободы, Флуг в воспоминаниях не раскрывает имени этого человека, который мог ввести его в торгово-промышленные круги Омска³).

Из всех этих писем сохранилось и неоднократно опубликовано только письмо к Потанину, написанное Корниловым в Ростове-на-Дону 18 (5) февраля 1918 г.⁴ Дело в том, что рекомендательные письма ввиду конспирации предназначались «к немедленному уничтожению по прочтении». Но в Томске А.В. Адрианов попросил этого не делать, сберег документ для истории и впервые опубликовал к первой годовщине смерти Корнилова⁵. Адрианова в 1920 г. расстреляли томские чекисты, письмо Корнилова отложилось в его архивно-следственном деле⁶.

В декабре – начале января в Новочеркасске Корнилов и Флуг виделись несколько раз, и уже в первую их встречу Корнилов говорил о большом значении Сибири как базы для борьбы. Затем он заговорил о желательности поездки Флуга на Восток. И, наконец, в январе 1918 г. Флуг получил окончательное предложение отправиться в Сибирь⁷, вероятно, после возвращения из Омска П.М. Мартынова.

В.Е. Флуг был назначен начальником «Сибирского отдела Союза защиты Родины и свободы»⁸, тайной организации учрежденной генералом М.В. Алексеевым в октябре 1917 г., еще до Октябрьского переворота. Цель Союза — заложить вне разложившейся армии в виде нелегальных «пятерок» и «звеньев» из добровольцев основу новой армии, способной справиться с большевизмом⁹. В ряде документов миссия, возглавляемая Флугом, называлась «Делегацией в Сибирь от Добровольческой армии»¹⁰ или просто — «Делегацией в Сибирь»¹¹. Планировалось, что Сибирский отдел Союза будет состоять из двух подразделов: военного и политического, — каждый во главе с особым помощником начальника. Флуг в своем лице временно совместил две должности: начальника отдела и его помощника по военной части¹². Помощником по политической части Военно-гражданское управление Добровольческой армии (бывший «политический отдел» генерала Алексеева) назначило подполковника артиллерии В.А. Глухарева¹³.

Предполагалось, что прапорщик П.М. Мартынов, назначенный в состав «Делегации» по желанию Корнилова, будет сотрудником Флуга по военной части¹⁴. Он выехал из Новочеркаска позже остальной миссии и должен был при-

¹ ГАРФ. Ф. 6683. Оп. 1. Д. 15. Л. 174.

² Там же. Л. 173.

³ Там же. Л. 163.

⁴ Сибирская жизнь (Томск). 1919. № 75 от 12 апреля. С. 2; Северо-Восток. Новосибирск, 1992. № 1 (5). С. 11; Томский вестник. 1994. 18 февраля.

⁵ Сибирская жизнь (Томск). 1919. № 75 от 12 апреля. С. 2.

⁶ Ларьков Н.С. Начало Гражданской войны в Сибири: Армия и борьба за власть. Томск, 1995. С. 200.

⁷ ГАРФ. Ф. 6683. Оп. 1. Д. 15. Л. 156, 159; [Флуг В.Е.] Указ. соч. С. 243.

⁸ [Флуг В.Е.] Указ. соч. С. 244.

⁹ Ушаков А.И., Федюк В.П. Указ. соч. С. 246–247.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 6683. Оп. 1. Д. 15. Л. 172.

¹¹ [Флуг В.Е.] Указ. соч. С. 245.

¹² Там же. С. 244, 246.

¹³ ГАРФ. Ф. 6683. Оп. 1. Д. 15. Л. 184–185.

¹⁴ [Флуг В.Е.] Указ. соч. С. 246.

соединиться к ней в Самаре. Но этого не произошло. Уже в Омске в начале апреля 1918 г. «Делегация» из московских «Известий» узнала о его аресте в Москве. Как Мартынов там очутился, осталось невыясненным. Но, заехав в Москву, он неоправданно рисковал, т.к. был широко известен как лицо, приближенное к генералу Корнилову, и имел к тому же запоминающуюся наружность¹. По данным А.В. Ганина, осенью 1919 г. Мартынов был расстрелян².

В состав Делегации включили двух женщин, для лучшей конспирации и в качестве шифровальщиц и переписчиц³: падчерицу Флуга драматическую артистку О.К. Пестич и сестру милосердия, имя которой Флуг в своих воспоминаниях не раскрыл⁴.

По настоящим документам поехали О.К. Пестич и В.А. Глухарев (он по своему старому, довоенному, паспорту), а остальные по подложным и с соответствующими легендами: Флуг — екатеринославский гражданин В.Ю. Фадеев, Мартынов — доктор Мартыненко, сестра милосердия в том же качестве, но под чужим именем⁵.

Биография генерала от инфантерии Василия Егоровича Флуга хорошо известна⁶. О втором же лице миссии следует сказать несколько слов.

Владимир Алексеевич Глухарев по гражданской профессии был юристом и служил какое-то время в Сибири. Накануне мировой войны он занимал должность помощника прокурора Санкт-Петербургского окружного суда. Будучи подпоручиком запаса, был мобилизован и за войну выслужился в подполковники, стал командиром батареи⁷. После Февральской революции Глухарев включился в политическую жизнь. В частности, в мае 1917 г. как представитель 24-й пехотной дивизии участвовал во Всероссийском съезде офицерских депутатов армии и флота в Петрограде⁸. После нелегальной работы в Сибири вошел на Дальнем Востоке в июле 1918 г. в правительство («Деловой кабинет») Временного Верховного правителя генерала Д.Л. Хорвата в качестве управляющего делами⁹. Флуг в воспоминаниях отмечал выдающиеся качества своего помощника по Делегации: недюжинный ум, находчивость, практичность, политический такт, военные способности, боевой опыт, смелость. Но был у него и большой недостаток, обнаружившийся при ближайшем знакомстве уже во время выполнения миссии, а именно: пристрастие к спиртным напиткам, под влиянием умеренного потребления которых он становился резок, придирчив, чуть ли не буен. Правда, порок этот в полной мере проявился уже не в Сибири, а в Харбине, где в отличие от Советской России не было «сухого закона» и спиртное было легкодоступно. Но и в Сибири членам миссии несколько раз пришлось видеть Глухарева в возбужденном от алкоголя состоянии и волноваться, как бы он не нарушил всю конспирацию¹⁰.

Задачи, поставленные Флугу в письменных инструкциях штаба Добровольческой армии и лично Корниловым, можно разделить на следующие пункты: (1) «сгруппировать и организовать на местах элементы, одушевленные

¹ ГАРФ. Ф. 6683. Оп. 1. Д. 16. Л. 13–14 (218–219); [Флуг В.Е.] Указ. соч. С. 246, 248, 250.

² Ганин А.В. Тайная миссия генерала Флуга. Как белый генерал обманул чекистов// Родина. 2007. № 12. С. 44.

³ [Флуг В.Е.] Указ. соч. С. 246–247.

⁴ ГАРФ. Ф. 6683. Оп. 1. Д. 15. Л. 187.

⁵ Там же. Л. 191.

⁶ См.: Волков Е.В., Егоров Н.Д., Кулцов И.В. Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны: Биографический справочник. М., 2003. С. 215–216.

⁷ ГАРФ. Ф. 6683. Оп. 1. Д. 15. Л. 184–186, 191.

⁸ Стенографический отчет заседаний Всероссийского съезда офицерских депутатов армии и флота в г. Петрограде. С 8 по 27 мая 1917 года. Пг., 1917. С. 492.

⁹ Макасов В.В., Турунов А.Н. Хроника гражданской войны в Сибири (1917–1918). М.; Л., 1926. С. 75.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 6683. Оп. 1. Д. 15. Л. 185–186.

идеей борьбы с германо-большевизмом», (2) «произвести учет живой силы, могущей принять вооруженное участие в этой борьбе», (3) наладить материальное снабжение тайных военных организаций, (4) связать их с политическими кругами, (5) с помощью последних создать структуры, которые после свержения советской власти примут на себя управление освобожденными территориями, (6) в случае существования в Томске Сибирского правительства во главе с Г.Н. Потаниным, о чем «имелись смутные сведения», войти с ним в контакт (вот зачем Корнилов написал письмо Потанину)¹. Корнилов считал крайне важным не дать большевикам использовать такую богатейшую продовольственную базу, какую представляла Западная Сибирь со Степным краем². Поэтому Сибирский отдел Союза защиты Родины и свободы должен был начать свою работу в Омске и Томске. В дальнейшем, в зависимости от обстановки, ему разрешалось действовать вплоть до Харбина и Владивостока, проявляя в нужных случаях инициативу³.

Военно-гражданское управление, исходя из предположения, что в Сибири существует антибольшевистская власть, в своем «Наказе» поставило гораздо более широкие задачи. Делегации предписывалось объединить и возглавить работу близких Добровольческой армии организаций «во всех наиболее важных пунктах Сибири», заключить с «Краевым правительством» соглашение «о формировании добровольческих частей и взаимной поддержке», а еще лучше «договор для совместных действий по воссозданию Родины» («при правительстве равнодушном или враждебном» работать тайно), обеспечить охрану Транссиба и беспрепятственное по нему движение, учесть и начать свозить к железной дороге запасы продовольствия и, наконец, через печать «широко развить пропаганду идей Добровольческой армии»⁴.

Инструкции Военно-гражданского управления рассматривали В.А. Глухарева как своего «представителя» в составе Делегации и отводили ему роль более самостоятельную, чем было определено штабом армии. Противоречия в инструкциях были обусловлены спешностью их составления и особенно дуализмом в управлении Добровольческой армией, а именно: «несогласованностью взглядов на цель командировки» между штабом армии (Корнилов) и Военно-гражданским управлением (Алексеев). На устранение дефектов инструкций времени не осталось. Впрочем, никаких шероховатостей в работе Делегации из-за этого не возникло, что объяснялось личными качествами Глухарева, его готовностью считаться с указаниями Флуга⁵.

Л.Г. Корнилов как сибиряк и пехотный генерал с большим боевым опытом, долго служивший в Туркестане, Приморье и Китае, вероятно, был бы более уместен на посту Верховного Правителя, нежели чужой Сибири и недостаточно разбиравшийся в сухопутных операциях адмирал А.В. Колчак. Но Корнилову не удалось лично возглавить борьбу с большевиками на Востоке России и воссоздать здесь фронт против германо-большевизма. Тем не менее, широта его замыслов косвенным образом повлияла на становление Белого движения в Сибири. Тайная миссия В.Е. Флуга способствовала реорганизации военного подполья в Омске, Томске, Иркутске⁶. Тайные офицерские организации («отряды») этих городов послужили кадром для войск Временного Сибир-

¹ [Флуг В.Е.] Указ. соч. С. 244–245.

² ГАРФ. Ф. 6683. Оп. 1. Д. 15. Л. 161; [Флуг В.Е.] Указ. соч. С. 244.

³ [Флуг В.Е.] Указ. соч. С. 244.

⁴ Наказ Делегации в Сибирь// Архив русской революции. Т. IX. Берлин, 1923. С. 284–285.

⁵ [Флуг В.Е.] Указ. соч. С. 245, 244, 243; ГАРФ. Ф. 6683. Оп. 1. Д. 15. Л. 170–179.

⁶ См.: Шулдяков В.А. Делегация в Сибирь от Добровольческой армии и ее роль в реорганизации нелегальных военных структур Омска// Вестник Томского государственного университета: Общественно-научный журнал. № 324 (июль 2009). С. 217–220.

ского правительства, а те в свою очередь, наряду с добровольческими частями Поволжья и Урала, стали ядром Русской армии адмирала А.В. Колчака.

К ИСТОРИИ ЕГЕРСКИХ ЧАСТЕЙ РУССКОЙ АРМИИ АДМИРАЛА А.В. КОЛЧАКА

В 1919 г. в лексиконе восточного театра Гражданской войны прочно утвердились термины «егеря», «егерские части». Очевидно, они стали настолько характерной приметой времени, что впоследствии поэт Арсений Несмелов (бывший офицер и участник Белого движения А.И. Митропольский) обратится именно к ним в своем стихотворении-реквиеме «Восемнадцатому году»: «В броневике, что сделан из углярки, /Из Омска труп умчали егеря»¹. Однако обстоятельства появления и назначение егерских частей, а впоследствии и соединений, не становятся предметом самостоятельного рассмотрения, когда же речь о них вообще заходит — дело не продвигается далее констатации «элитного» характера, иллюстрируемой свидетельствами как из собственного («егерский батальон шесть раз ходил в атаку и фактически прекратил свое существование»), так и противоположного лагеря («...были в виде ударных частей, наравне с офицерскими ротами блюстителей старовоенного порядка»)². Однако «ударные» функции, хотя и предусматривались изначально при формировании егерей, на поверку оказываются далеко не первостепенными в глазах инициаторов этих формирований.

В документе, подготовленном на подпись начальнику штаба Верховного Главнокомандующего³, причиной организации нового вида воинских частей названы «неблагоприятные условия», в которых происходит военное строительство: «не хватает снаряжения, вооружения и обмундирования, и самое худшее — приходится одновременно вести и борьбу с большевизмом, и работу по формированию частей». Конкретизируя это довольно расплывчатое утверждение, автор документа перечисляет «ограниченный срок обучения, в течение которого из новобранцев нельзя было выработать разумных и надежных солдат», «крайний недостаток в опытных кадровых офицерах», «сильную большевистскую агитацию, распушенность нравов большинства [населения?] как следствие пережитого периода революции», «непонимание частью солдат идеи борьбы с большевизмом», — с выводом, подчеркнутым в первоисточнике: «части войск не могут считаться сплоченными и безусловно надежными».

Именно последнее обстоятельство становилось основанием для распоряжения о формировании «при каждой стрелковой дивизии и отдельной стрелковой бригаде по ЕГЕРСКОМУ БАТАЛИОНУ из лучших офицеров и надежных солдат», причем новые части должны были «состоять в непосредственном распоряжении начальников дивизий и служить для них средством:

- а) Подавления в частях войск могущих возникнуть брожений и беспорядков;
- б) Понуждения частей войск к беспрекословному и точному исполнению боевых распоряжений и
- в) Как последний резерв (так в документе. — А. К.) для развития боевого успеха или удержания занятых участков позиции».

Здесь же оговаривался и порядок формирования, которое должно было занять пять-шесть недель и завершиться к 10 марта 1919 г.: «В первую очередь надлежит сформировать 1 роту, затем 2-ю, пулеметный взвод и штаб баталио-

¹ Несмелов А. [Митропольский А.И.]. Без Москвы, без России: Стихотворения. Поэмы. Рассказы. М., 1990. С. 78.

² Бушин А.Ю. Элитные формирования армий адмирала А.В. Колчака в Гражданской войне на Востоке России // Четвертая дальневосточная конференция молодых историков: Доклады и тезисы. Владивосток, 1996. С. 83–85.

³ Российский Государственный Военный Архив (РГВА). Ф. 40307. Оп. 1. Д. 35. Л. 173 и об.

на и, наконец, 3-ю и 4-ю роты и второй пулеметный взвод; по выполнении — приступить к формированию на таких же основаниях егерского батальона **для корпуса** (выделено в документе. — А. К.)».

Данный источник является уникальным, давая информацию о задачах егерей, что называется, из первых рук. Вместе с тем он вызывает и ряд вопросов, рассмотрение которых с привлечением других документов позволяет существенно дополнить и уточнить картину разработки этого проекта.

Прежде всего, не до конца ясна датировка. Нам известен первый машинописный экземпляр документа, представляющего собою циркулярное письмо начальника штаба Верховного Главнокомандующего (по Управлению дежурного генерала) командующим армиями (Сибирской, Западной, Оренбургской и Уральской) и корпусами; за дежурного генерала его скрепил исправляющий эту должность Генерального штаба полковник Г.В. Леонов, однако как подпись начальника штаба, генерал-майора Д.А. Лебедева, так и точная дата (в документе — «... Января 1919 г.») и исходящий номер — отсутствуют. Таким образом, может быть даже поставлен под сомнение сам факт рассылки письма адресатам, хотя на ход рассуждений Лебедева или Леонова и на содержание, вкладываемое ими в идею формирования егерей, это, конечно, никак не влияет.

Уточнению датировки помогает черновая записка Леонова, помеченная 23 января (черновой характер подчеркивается не только многочисленными сокращениями, но и тем, что она набросана на обороте телеграммы командующего Сибирской Армией Лебедеву от 17 января). В черновике предписывается «срочно» «составить секр[етно]е офиц[иальное] письмо ко всем комкорам и командармам, в котором просить приступить к формир[ованию] при каждой дивизии по одному Егерск[ому] бтл. (батальону. — А. К.) из лучших офицеров и отборных солдат», и конспективно намечаются изложенный позже в циркуляре порядок формирования и назначение новых частей; заметим, что здесь функция «последнего резерва» просто опущена, очевидно, как явно второстепенная¹. Следовательно, «официальное письмо» должно было быть составлено не ранее 23-го и не позднее 31 января, причем, пожалуй, ближе ко второй крайней дате, чем к первой.

Заметим, что в черновике, как мы видели, речь идет о том, чтобы «просить» старших войсковых начальников приступить к созданию егерских частей, в то время как «официальное письмо» является не просьбой, а формальным приказанием («распоряжением, отдаваемым от имени начальника лицом, уполномоченным на это в порядке управления»²) в стандартной редакции: «ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬ и ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ повелел»; а поскольку «распоряжения начальника штаба, отдаваемые от имени начальника (командующего соединением. — А. К.), обязательны как личные приказания самого начальника (всюду курсив первоисточника. — А. К.)»³, — перед нами уже далеко не «просьба». Лебедев имел репутацию человека решительного и властного и долго пользовался безусловным доверием Верховного Правителя (рассказывали, будто Колчак, «когда ему начинали нашептывать про Лебедева, говорил своим характерным голосом: “Я ему верю, он мне предан с кишками”...»⁴), так что, наверное, мог самостоятельно отдать такое приказание по вопросу, в котором он должен был ожидать согласия и поддержки адмирала. Однако обсуждение этого вопроса между Верховным и его начальником штаба все-таки кажется нам правдоподобным, — а оно могло обусловить задержку между «черновиком Леонова» и «официальным письмом», а также изменение формулировок второго по сравнению с первым.

¹ Там же. Л. 176 об.

² См.: Устав полевой службы: Высочайше утвержден 27 апреля 1912 г. СПб: Военная Типография, 1912. С. 10.

³ Там же. С. 271 (Приложение XV).

⁴ Арнольд Л.В. Жизнь и Революция. Шанхай, 1935. С. 177.

Обратим внимание на поданный Лебедевым Колчаку обширный доклад о принципах пополнения и частичной реорганизации Русской Армии (официальное наименование вооруженных сил Верховного Правительства), датированный 21 января и, по-видимому, возвращенный начальнику штаба в начале февраля (на подлиннике — пометка: «Ген[ерал] Кварт[ирмейстеру]. Хранить. 5/II. Ген[ерал]-м[айор] Лебедев»). Среди других мер доклад предусматривал «для придания дивизиям полной устойчивости и чтобы дать Начальнику средство держать все части в полном повиновении» — формирование егерских батальонов на основе принципов, которые нам уже известны. Впрочем, 21 января имелось в виду еще не совсем то же самое, что в «черновике Леонова» 23 января и в недатированном «официальном письме».

На мысль об этом наводит перечень адресатов «официального письма» — командиров корпусов. В документе перечислены «1[-й] Средне-Сибирский, 2[-й] и 3[-й] Степные [Сибирские], 2[-й] Уфимский, 3[-й] и 6[-й] Уральские, 4[-й] Оренбургский» корпуса; нумерация и список вполне соответствуют приказу Верховного Правительства и Верховного Главнокомандующего от 3 января 1919 г. за № 94 о реорганизации вооруженных сил², и именно при сопоставлении с этим приказом обращает на себя внимание отсутствие среди адресатов — командующего вновь формируемым 1-м Волжским армейским корпусом. На наш взгляд, это не случайность, но и отнюдь не проявление «неприязни» к стоявшему во главе Волжан генерал-майору В.О. Каппелю со стороны «окружения Колчака», о чем тогда ходили слухи³. В самом деле, уже в докладе 21 января говорится о егерских батальонах применительно к «формированию новых частей», к «1-й группе» которых автор доклада относит «части ныне уже существующие, имеющие хороший кадр офицеров, некоторое количество добровольцев, часть артиллерии, технического и хозяйственного имущества, но почти не имеющие солдат», — в том числе полки Волжского корпуса⁴. И хотя формировать егерей документ предлагает для частей «2-й группы» («формирование дивизий заново»), можно предположить, что необходимость создания этих частей и у Волжан подразумевается, а последовательность формирования фактически новых соединений мыслится одинаковой для 1-й и 2-й «групп».

Последовательность эту Лебедев описывает так: «...Формирование дивизий должно начаться с формирования именно егерских батальонов, и уже после того — [следует] приступать к формированию полков дивизий. При этих же егерских батальонах иметь дивизионные унтер-офицерские школы»; «по окончании формирования егерских батальонов — призвать унтер-офицеров сроков службы 1910, 1911 и 1912 г. и, разделив их по дивизиям, немедленно открыть унтер-офицерские школы при егерских батальонах, а часть (для дивизий 2-й группы) направить во Владивостокскую школу Генерала Нокса (подчеркнем, что специальная оговорка относительно «2-й группы» как будто подтверждает общность идеи о егерских батальонах для обеих «групп», в том числе и Волжан. — А. К.)»⁵.

В подготовленном в декабре 1918 г. «Плане формирования Русской Армии», подписанном Лебедевым и Леоновым и уже предполагавшем пополнение и разворачивание Волжского корпуса, ничего подобного егерям не предусматривалось, да и унтер-офицерские школы считалось необходимым создавать при кадровых (запасных) бригадах, а не при фронтовых («полевых») дивизиях⁶; нет упоминаний о егерях и в приказе от 3 января о реорганизации армии. Таким образом, хронология этого проекта представляется следующей: две пер-

¹ РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 35. Л. 200 об.

² Там же. Л. 113–114.

³ См., например: *Вырыпаев В.О.* Каппелевцы // Каппель и Каппелевцы. М., 2003. С. 133.

⁴ РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 35. Л. 200.

⁵ Там же. Л. 200 об.

⁶ Там же. Л. 132 об., 140.

вых декады января — вызревание идеи о новом типе частей «для придания дивизиям полной устойчивости» (причем, согласно докладу от 21 января, эти части формируются при вновь создаваемых соединениях); 21–23-е — зарождение мысли о распространении «егерского проекта» на уже созданные и находящиеся на фронте дивизии, пока еще в осторожной форме «просьбы»; между 23-м и 31 января — превращение «просьбы» в императивное распоряжение и подготовка соответствующего циркуляра командующим армиями и корпусами. Наконец, 31 января генерал Лебедев, с формулировкой «Верховный Правитель и Верховный Главнокомандующий повелел», отдает приказание о формировании егерей при стрелковых дивизиях и отдельных бригадах (правда, не упоминая при этом о назначении новых частей и даже вместо «надежных солдат» употребляя более нейтральное «отборных»¹; возможно, соответствующие комментарии были даны в каком-либо секретном письме, однако пока это остается не более чем предположением). Последняя эволюция, по нашему мнению, и допускает предположение об обсуждении проекта Лебедевым с Верховным Правителем, хотя определенных свидетельств на этот счет у нас нет.

В связи с разработкой этих планов и проектов возможно поставить вопрос и об их подлинном авторстве. Помимо подписанного Лебедевым доклада от 21 января, сохранились подготовительные материалы к нему, написанные почерком, сильно напоминающим руку Леонова. Этот документ содержит в некоторых случаях довольно энергичные, резкие формулировки, частично сглаженные при составлении беловика, и в некоторых предположениях идет дальше последнего. В частности, вот как формулирует автор подготовительных заметок свои мысли об образовании егерских частей: «...Для придания дивизиям особой устойчивости и для **немедленного** (выделено в документе. — А. К.) и жестокого подавления в корне проявления какими-либо частями неповиновения и т. п. — сформировать из самых надежных людей по одному “егерскому” батальону на дивизию. Таковую меру я признаю в высокой степени полезной, дающей начальнику полную уверенность в том, что ни одна из его частей не вздумает митинговать и в разгаре боя — не дрогнет...»² С учетом того, что и подготовительный конспект для «официального письма» принадлежит Леонову, допустимо заподозрить в нем автора всей идеи о формировании егерей и даже самого термина, ранее в русской истории, насколько известно, в таком значении не применявшегося.

Однако, по нашему мнению, при коллективном характере штабной работы, определившемся к началу XX века, детальная реконструкция процедуры зарождения и развития тех или иных идей, как правило, уже невозможна. Так, из общих соображений кажутся равновероятными варианты, при которых либо Леонов самостоятельно разрабатывает и подает начальнику на подпись подробный проект доклада, — либо, напротив, Лебедев, изложив подчиненному свои взгляды, предлагает оформить их и составить соответствующую бумагу. К слову сказать, генерал-майор С.А. Щепихин, знавший Лебедева и на Мировой, и на Гражданской войнах, утверждал, будто тот был человек «отменно ленивый, т. е. непривычный к тому тяжкому труду, который сопровождает офицера Генерального штаба на всех видах его поприща»³, что до некоторой степени соответствует второму из наших предположений.

Можно привести и еще одно соображение, хотя доказательством оно и не является. Летом 1917 г. недавний Верховный Главнокомандующий генерал от инфантерии М.В. Алексеев записывал в дневнике в связи с известиями о неудачном наступлении: «Лично считаю большой ошибкой ген[ерала] Брусилова и

¹ Сообщено А.А. Петровым, выявившим этот документ в фондах Государственного Архива Российской Федерации (ГАРФ).

² РГВА. Ф. 40307. Оп. 1. Д. 35. Л. 206.

³ Цит. по: Ганин А.В. Атаман А.И. Дутов. М., 2006. С. 385.

других нач[альни]ков, что бесполезно погубили лучших людей и массу офицеров, пустив ударные бат[альо]ны вперед; за ними никто не пошел. Ударные бат[альо]ны должны были составить резерв и гнать перед собою малодушных, забывших совесть»¹. А поскольку Лебедев был одним из ближайших сотрудников Алексеева на рубеже 1917–1918 гг., в начальный период строительства Добровольческой Армии, — не покажется неправдоподобным, что он мог знать и усвоить взгляды старого военачальника на оптимальный способ организации и использования «лучших людей»; параллели же с проектом формирования егерей тут очевидны.

И в любом случае, ставя свою подпись на документе, начальник штаба принимает на себя ответственность за его содержание, — и тем более трудно представить, чтобы Лебедев подписался под проектами, которым бы не сочувствовал (независимо от того, кто и по чьей инициативе их разрабатывал). А это уже значительно корректирует образ генерала, которого в мемуаристике, а под ее влиянием — и в историографии зачастую принято представлять человеком легкомысленным и относящимся к ведению гражданской войны крайне несерьезно. Например, генерал-лейтенант Д.В. Филатьев, чье мнение традиционно принимается историками как авторитетное, размышлял, почему Верховный Правитель выбрал себе именно такого начальника штаба: «Наверно, Лебедев нравился ему, когда в беседах высказывался за крайнюю активность действий против большевиков, которых легко победить с наскока. Кроме того, он и другие “вундеркинды”, как называет их в своем дневнике барон Будберг, уверяли адмирала, что в революцию и стратегия, и тактика, и организация войск должны быть иными, чем в нормальной войне, и хорош лишь тот командующий армией, который сам с винтовкой в руках идет впереди солдат, т. е. что и прапорщик в революцию может командовать армией»².

Однако при рассмотрении вопроса о егерских батальонах перед нами предстает вовсе не порывистый и безграмотный «вундеркинд», а военачальник осторожный и вдумчивый, скептически смотрящий на вещи и отнюдь не склонный впасть в эйфорию. Правда, использование егерей в качестве резерва старшего начальника, согласно «официальному письму», мыслится им только для наступления, а никак не для обороны или критических положений вроде прорыва собственного фронта, — однако это можно толковать как стремление заранее поддерживать уверенность в успехе у командующих армиями и корпусами, которым одновременно предписывается формировать особые части для противодействия неповиновению основной массы своих войск. В остальном Лебедев выглядит реалистом и почти циником (кстати, если воспринимать его именно так, становится понятным, почему именно он был избран генералом Алексеевым на пост руководителя разведки и контрразведки будущей Добровольческой Армии в первые недели ее существования³).

Стоит также обратить внимание на то, что еще в январе 1919 г. в «легкомысленной» колчаковской Ставке задумываются о мерах борьбы с возможными случаями массового неповиновения и измены, которые в действительности произойдут в апреле-мае (в том числе и в Волжском корпусе) и, возможно, окажутся для Русской Армии адмирала Колчака роковыми⁴. Характерно, что ближайший соратник и биограф Каппеля, полковник В.О. Вырыпаев, жалуясь на присылку пополнений из военнопленных («это пополнение из бывших красно-

¹ Из дневника генерала М.В. Алексева // Русский Исторический Архив. Сб. 1. Прага, 1929. С. 2, 45.

² Филатьев Д.В. Катастрофа Белого движения в Сибири, 1918–1922: Впечатления очевидца. Р., 1985. С. 60–61.

³ РГВА. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 61. Л. 90.

⁴ См., например: Петров А.А. Генерал-лейтенант В.О. Каппель // Исторические портреты: А.В. Колчак, Н.Н. Юденич, Г.М. Семенов... М., 2004. С. 153.

армейцев поглотило кадры»¹), в рассказе о формировании корпуса нигде не упоминает, были ли проведены в жизнь намерения Ставки прежде всего создавать части, концентрирующие надежные кадры и не допускающие их поглощения, — хотя впоследствии егеря в составе Волжского корпуса и присутствовали.

Неясным остается пока и вопрос о том, соблюдался ли порядок, предлагавшийся Лебедевым и Леоновым, при формировании новых дивизий — 11-й, 12-й и 13-й Сибирских стрелковых, которые в сущности не оправдали своего назначения стратегического резерва и после выхода на фронт проявили крайнюю неустойчивость (массовые сдачи в плен и переходы к противнику). С одной стороны, егерские части в них должны были формироваться, и даже — приказом Верховного Правителя, регламентировавшим обмундирование новых частей, устанавливались специальные знаки различия для егерей (расцветка околышей фуражек и клапанов — «петлиц» — на воротниках шинелей)². С другой — бывший офицер 49-го Сибирского полка, подполковник Ф.Ф. Мейбом, в воспоминаниях о формировании и первых боях 13-й дивизии ни разу не упоминает егерей; конечно, он смотрит на все с точки зрения батальонного командира, которым тогда являлся, однако при рассказе о сворачивании потрепанных частей в один полк Мейбом, кроме своего 49-го, упоминает и другие — 50-й и 51-й, но опять-таки не егерей³ (52-й полк находился «в отделе»⁴). Из этого как будто следует, что егерские батальоны, если и существовали в дивизии к моменту выхода на фронт, роли, предназначавшейся им согласно планам начальника штаба Верховного Главнокомандующего, не сыграли (предположительную причину этого мы вскоре увидим).

История формирования и использования егерских частей еще ждет своего исследователя, пока же можно сделать лишь самые общие наблюдения. Согласно таблице боевого состава войсковых соединений, непосредственно подчиненных Верховному Правителю, по состоянию к 23 июня 1919 г.⁵, в наибольшей степени проект этот был реализован в Западной и Южной Армиях, где существование егерских батальонов отмечено для всех стрелковых дивизий, кроме 4-й Уфимской (однако именно о ее егерском батальоне известно из другого источника, относящегося к осени 1919 г.⁶). При этом в 3-й Симбирской стрелковой дивизии числился даже не батальон, а «Егерский полк», хотя его состав (128 штыков) не позволяет относиться к такому наименованию серьезно (в соседней 13-й Казанской дивизии егерский батальон насчитывал 154 штыка), — в Южной же Армии, судя по таблице боевого состава, имелись батальоны корпусного («Архангельский егерский» в 5-м Стерлитамакском корпусе) и даже армейского подчинения.

Иной была ситуация в Сибирской Армии. Из соединений, при которых, согласно планам Лебедева, должны были формироваться егеря, — девяти стрелковых дивизий и отдельных бригад, чей состав детально расписан в указанной таблице, — егерских частей создано не было в пяти (для Северной группы — в одной из четырех, для Южной — в четырех из пяти; для четырех дивизий Южной группы состав не указан). Зато, скажем, в 1-й и 2-й Сибирских стрелковых дивизиях Северной группы существовали целые Егерские полки восьмиротного

¹ Вырыпаев В.О. Указ. соч. С. 172.

² Дерябин А.И. Сибирские стрелки в армии адмирала А.В. Колчака // Цейхгауз: Российский военно-исторический журнал. № 7 (1). М., 1998. С. 30.

³ Мейбом Ф.Ф. Гибель 13-й Сибирской стрелковой дивизии в боях под г. Челябинском в 1919 г. // Белая Гвардия. Альманах № 1 (специальный выпуск журнала «Посев»). [М.], 1997. С. 56–58, 60–63.

⁴ Дерябин А.И. Указ. соч. С. 29.

⁵ Боевой состав армии по состоянию к 10 (23)-му июня 1919 года // Белая Гвардия. Альманах № 5: Белое движение на Востоке России. М., 2001. С. 145–155.

⁶ «Сводка агентурных сведений осведарма 3 (Осведомительной канцелярии штаба 3-й Армии. — А. К.) по части агитации специально военной» от 8 октября 1919 года // Последние дни колчаковщины: [Сборник документов]. М.; Л., 1926. С. 49 (документ № 3).

состава; такой же «полк» 17-й отдельной бригады состоял из четырех рот. Впрочем, у Сибиряков, похоже, в термин «егеря» вкладывалось несколько иное содержание.

Так, по мнению известного военного историка поручика Б.Б. Филимонова, существовавшая в Сибирской Армии Штурмовая бригада, выполнявшая в боях функции «ударного» соединения, «летом 1919 года была переименована в «Егерскую бригаду» и, кроме того, она же выделила «Гренадерский полк» — «зеленые гренадеры», являвшиеся чем-то вроде личного конвоя и охраны Генерала Пепеляева»¹. Очевидно, в данном случае название «егерские» было лишь данью моде, назначение же полков, наверное, более соответствовало прежней — «штурмовой» — терминологии. Еще одним примером терминологической путаницы стала история Сводной дивизии 3-го Сибирского Степного корпуса (по Филимонову — 18-й Сибирской стрелковой дивизии).

«В подражание Генералу Пепеляеву и его славным и доблестным Штурмовикам Полковника Урбанковского, Генерал Вержбицкий решил в конце Января 1919 года также сформировать при своем армейском корпусе Штурмовую бригаду в составе двух полков», — пишет Филимонов, отмечая далее, что «бригада была явно увядающей»: «командный состав и, очевидно, и рядовой не были вполне подходящи для выполнения «штурмовых» задач». Следствием стало разворачивание 26 марта из бригады — стрелковой дивизии, с обращением на формирование ее второй бригады «двух Егерских батальонов, один из них — от 16-го Ишимского стрелкового полка»² (по Филимонову — преобразованы в 71-й и 72-й Сибирские стрелковые полки, согласно таблице боевого состава — еще в июне продолжали именоваться 1-м и 2-м Егерскими, насчитывая 12 и 6 рот соответственно). В названиях последних также позволительно заподозрить простое следование моде, тем более что и Филимонов иронизирует над еще одной генеральской «затеей», в результате которой в 7-й Уральской горных стрелков дивизии якобы «один из двух полков — 26-ой или 27-ой — именовался не «стрелковым», а «егерским», а другой — не «стрелковым», а «пехотным» или «мушкатерским»»³. Тою же модой можно объяснить и присутствие в таблице боевого состава — «Конно-егерского дивизиона» Волжской кавалерийской бригады (как мы помним, для конницы формирование частей, аналогичных егерским батальонам, вообще не предусматривалось), и появление осенью 1919 г. «отдельного» «Саткинского егерского полка»⁴ (возможно, бывшего 38-го Саткинского полка 10-й Верхне-Уральской дивизии, хотя не исключена и простая опечатка, поскольку в том же документе говорится об «отдельных Егерском и Саткинском полках», причем где допущена ошибка — неясно).

Как бы то ни было, функции всех этих частей вряд ли соответствовали первоначальному проекту Лебедева, а выделение егерских батальонов и преобразование их в полки «полевых» дивизий — и прямо ему противоречили. Никакого соответствия нет и в истории егерей полковника П.Е. Глудкина (кстати, давнего сотрудника Лебедева — еще с начала 1918 г., командировки с Дона в оккупированную большевиками Москву⁵): «Летом 1919 года в городе Омске Подполковник Глудкин стал формировать Егерский батальон охраны ставки Верховного Главнокомандующего», — указывает Филимонов. Новая часть создавалась уж конечно не для борьбы с неповиновением и митингами чинов Ставки, — и исключительно «полевой» была ее дальнейшая судьба: «Позднее этот батальон был развернут в отряд, приравненный по штатам к полку. В Сен-

¹ Филимонов Б.Б. Белая Армия Адмирала Колчака. М., 1997. (Малая серия; Вып. № 3). С. 51.

² Филимонов Б.Б. Белая Армия... С. 57–58.

³ Там же. С. 40.

⁴ «Сводка агентурных сведений...» С. 50.

⁵ Туруханский П. Генерал-майор П.Е. Глудкин // Михайловцы. Вып. 2. Белград: издание Правления Общества Михайловцев, 1937. С. 113, 115.

тябре того же года на Тоболе молодой полк получил боевое крещение... [...] После этого Полковнику Глудкину был придан батальон из состава частей Степной группы, а затем отряд Полковника Глудкина развернулся в дивизию, состоящую из двух егерских полков, одного конно-егерского полка и артиллерийского дивизиона»¹. Сведения Филимонова корректируются приказанием Лебедева, который еще 16 июня именем Верховного распорядился сформировать «отдельную образцовую Егерскую бригаду», присоединив к Егерскому батальону Ставки... Егерские батальоны 11-й, 12-й и 13-й Сибирских стрелковых дивизий, а на их место «сформировать другие»². Таким образом, во имя создания «образцового» соединения, из дивизий стратегического резерва изымались «наиболее надежные» части, что явно противоречило исходному замыслу начальника штаба Верховного. Заметим, что и командующим Отдельной Степной группой войск с 12 августа по 16 ноября 1919 г., вплоть до ее «упразднения», являлся никто иной, как генерал Лебедев³. Он же санкционировал и наименование еще одной части, состоявшей при Ставке, — «1-го Отдельного Русско-Сербского Партизанского Егерского батальона»⁴; это было уже какое-то нагромождение терминов, и, быть может, не случайно название на деле оказывалось упрощенным, причем не только в обиходе: «1-й Русско-Сербский Партизанский Отряд» — значилось на гербовой печати, употреблявшейся в конце 1919 года⁵. А генерал Лебедев, как видим, вновь приложил руку к окончательной утрате смысла тем термином, который сам в свое время вводил в оборот.

То же можно сказать и про приказ Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего, которым «предписывалось солдат и добровольцев, обучаемых на офицерском курсе учебно-инструкторских школ, именовать “егерями”»⁶, — очевидно, в отличие от «юнкеров», обучавшихся в военных училищах, хотя до конца это терминологическое различие, должно быть, и не проводилось. Приказ был отдан 7 августа 1919 года, когда генерал Лебедев, чья звезда стремительно закатывалась, еще был начальником штаба Верховного и военным министром, — но то ли уже не мог предотвратить усугубляющуюся путаницу... то ли просто утратил интерес к любым «егерям».

А как обстояли дела с теми егерями «полевых» дивизий и бригад, которым, по первоначальному замыслу, предстояло стать наиболее надежными частями? Похоже, что и здесь все было далеко от идеала.

Не будем даже специально останавливаться на дезертирстве Волжских конно-егерей корнета Б.К. Фортунатова, который в тяжелый для фронта момент решил «не отходить на восток, а уклониться на юг, где искать возможности образовать новый противобольшевицкий фронт с провозглашением более либеральных лозунгов, и там найти поддержку населения»⁷ (какими бы ни были мотивы, генерал Каппель совершенно правильно приказал «всех самовольно отлучившихся задерживать и под конвоем представлять обратно»⁸): в конце концов, эта часть не имела с «лебедевскими» егерями ничего общего, кроме

¹ Филимонов Б.Б. Белоповстанцы: Хабаровский поход зимы 1921–22 годов. Кн. 1. Шанхай, [1932]. С. 43.

² Сообщено А.А. Петровым.

³ Волков Е.В., Егоров Н.Д., Купцов И.В. Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны: Биографический справочник. М., 2003. С. 126.

⁴ Сообщено А.А. Петровым.

⁵ Российский Государственный Архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. Р-908. Оп. 1. Д. 29. Л. 52.

⁶ Петров А.А. Портупей-юнкера адмирала Колчака // История Белой Сибири: Материалы 6-й Международной научной конференции. Кемерово, 2005. С. 73.

⁷ Цит. по: Волков Е.В. Образ каппелевцев в фильме братьев Васильевых «Чапаев» // Каппель и каппелевцы. С. 531.

⁸ Балмасов С.С. Боевой путь конных подразделений отдельной Волжской кавалерийской бригады и отдельного Волжского конно-егерского дивизиона корпуса генерала В.О. Каппеля // Там же. С. 508.

наименования. Егеря, формировавшиеся согласно планам Ставки, в ряде случаев, наверное, оправдывали свое назначение. Вряд ли случайно, например, все остатки 11-й Уральской стрелковой дивизии, после тяжелых потерь сворачиваемые в один полк, в качестве полкового «приборного цвета» унаследовали именно «черный — цвет Егерского батальона 11-й Уральской дивизии»¹ (это дает повод заключить, что егеря и стали костяком нового полка). С другой стороны, сотрудник Осведомительной канцелярии штаба 3-й Армии в начале октября 1919 года, отмечая «твердое и уверенное настроение», среди прочих частей, в «отдельном егерском батальоне, Саткинском полку и егерском батальоне 4-й Уфимской дивизии», делал и серьезные оговорки: в «Саткинском егерском полку» — «состав полка крайне некультурен: следует немедленно развить агитационную работу, т. к. влившееся пополнение прибыло из Акмолинской области с определенным сочувствием большевизму»; «такое же положение с егерским батальоном, расквартированным в 12 вер[стах] от Петропавловска, с той лишь разницей, что у сотрудника сложилось убеждение, что из молодых солдат-егерей можно приготовить хороших бойцов»².

Похоже, что егерские части на практике мало чем отличались от остальных частей «полевых» дивизий, и если превосходили некоторые из последних по боеспособности и верности долгу, то другим порою и уступали, в конце же неудачной кампании 1919 года могли оказаться подвержены общим колебаниям. Характерным представляется пример «14-го отдельного Егерского батальона» или егерского батальона 14-й Сибирской стрелковой дивизии, формировавшейся в Иркутске («иркутские егеря»). Во время переворота и боев, разыгравшихся в городе 24 декабря 1919 — 4 января 1920 года, руководивший действиями правительственных войск генерал-майор Е.Г. Сычев предполагал опереться на егерей как на наиболее надежную силу наравне с юнкерами и как будто имел для этого основания: одна из егерских рот, к примеру, «только что вернулась» из Александровского централа, «где она была на усмирении арестантского бунта». Первоначально егеря действительно отбили атаки изменников — перешедших на сторону «Политического Центра» солдат и офицеров — и составляли охрану эвакуированного из Омска Совета министров³. Однако на следующий день они с оружием ушли к мятежным частям: «На позиции Егерский батальон изменил мне, перебил своих офицеров и оставил позиции», — с гневом писал Сычев барону Р.Ф. Унгерн-Штернбергу 7 июня 1920 г.⁴ Впрочем, встретили их «нелюбезно», и егеря «вернулись с покаянием к Сычеву»: «Часть их перебили во время перебежки повстанцы, часть сычевцы, и только немногие спаслись. Раненых егерей, оставшихся под обстрелом на льду [реки] Ушаковки, никто не хотел убирать. И они замерзали, обращались в комья, которые топорами вырубались по окончании боев»⁵. Пройдет еще четыре дня, и оставшиеся в живых «присоединятся» к победившему Политцентру и даже, вместе с «частями 54-го [Сибирского стрелкового] полка» (мятежного), предотвратят попытку правительственных войск эвакуировать золотой запас из местного отделения Государственного Банка⁶.

Приведенная картина — замерзшие на льду егеря (по начальственному замыслу — «самые надежные солдаты!»), метавшиеся от одной противоборствующей стороны к другой и с обеих сторон находившие только смерть, — каза-

¹ Филимонов Б.Б. Белоповстанцы. Кн. 1. С. 43.

² «Сводка агентурных сведений...» С. 50–51.

³ Декабрьские дни 1919 г. в Иркутске / Н. // Колчаковщина: Из мемуаров активных деятелей белогвардейщины. Л., 1930. С. 166, 170.

⁴ Цит. по: Абеленцев В.Н. Председатель Восточного казачьего союза генерал Е.Г. Сычев // Белая Гвардия. Альманах № 8: Казачество России в Белом движении. М., 2005. С. 296.

⁵ Декабрьские дни... С. 171.

⁶ «Известия информационного бюро Политического Центра», № 2 от 5 января 1920 года // Последние дни колчаковщины. С. 172–173 (документ № 92).

лась бы достойным символом трагического 1919 года и неудачных, в общем, усилий генерала Лебедева по строительству Русской Армии... если бы в рядах последней не нашлось тысяч верных долгу солдат и офицеров — назывались ли они егерями или нет, — которые, невзирая ни на что, стойко и мужественно боролись до последних дней Гражданской войны.

ОХРАННАЯ СТРАЖА К.В.Ж.Д. 1917–1920 г.

Данная работа посвящена необычному белому соединению, которое, собственно, и «белым» следует называть с определенными оговорками, поскольку создавалось оно не для непосредственной борьбы с большевиками, а для охраны порядка в тылу – на линии Китайской Восточной железной дороги (далее – К.В.ж.д.).

Как известно, с начала постройки К.В.ж.д. в 1898 г. ее охраняла вольнонаемная Охранная стража, которая после подавления Боксерского восстания в июне 1901 г. была принята в состав Отдельного корпуса Пограничной Стражи (ОКПС) и реорганизована в Заамурский округ данного корпуса, численностью в 25 000 человек¹. В феврале 1915 г. части Заамурского округа были отправлены в действующую армию; на К.В.ж.д. их заменили дружины Государственного ополчения². К декабрю 1917 г. эти дружины под влиянием большевистской пропаганды полностью разложились и представляли прямую опасность для власти Управляющего дорогой генерал-лейтенанта Д.Л. Хорвата. Поэтому последний пригласил в полосу отчуждения китайские войска, последние вступили в нее 13 декабря 1917 г.; ополченческие дружины были разоружены и высланы в Россию³.

В результате китайцы приняли оборону дороги на себя; для непосредственной же охраны ее была сформирована «по примеру первоначальной вольнонаемной Охранной стражи подобная стража вновь». Ее формирование было поручено генерал-лейтенанту М.К. Самойлову, численность ее определялась в 4800 человек⁴.

Но в это же время в полосе отчуждения начали формироваться различные отряды – Г.М. Семенова, И.П. Калмыкова, Н.В. Орлова, В.В. Врштила и А.Е. Маковкина. Идею объединить их всех под именем охранной стражи пришлось оставить. Самойлов с самого начала настаивал, чтобы Охранная стража занималась исключительно охраной дороги, и не участвовала в боевых действиях против красных на территории России. По этому поводу у него возник конфликт с его ближайшим заместителем полковником Н.В. Орловым, в результате которого в феврале 1918 г. как сам Орлов, так и сформированные им 1-я и 2-я Особые роты, а также сотня ротмистра Врштила были исключены из состава Охранной стражи. С 8 марта все эти формирования возглавил генерал от кавалерии М. М. Плешков, получивший наименование «Начальника над всеми воинскими частями и отрядами в полосе отчуждения К.В.ж. д.» (позднее – «Главнокомандующего Российскими войсками в полосе отчуждения К.В.ж. д.»)⁵.

Эти отряды оттянули на себя большую часть добровольцев, так что формирование самой Охранной стражи продвигалось чрезвычайно медленно. Не способствовала ему и позиция генерала Самойлова, который рассматривал Охранную стражу как способ трудоустроить кадровых офицеров упраздненного Заамурского округа ОКПС. В результате штабы оказались переполнены, в то время как в строевых ротах и сотнях наблюдался огромный недокомплект. Приходилось на должности рядовых в нее, кроме русских, брать также сербов, китайцев и корейцев. С другой стороны, офицеры, не принадлежавшие к «семье

¹ Вишняков О.В. Создание Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи. Конец XIX - начало XX века. // Военно-исторический журнал. 2007. №1. С. 55–57.

² Богословский А.В. Заамурские конные полки // Часовой. № 214. С. 14.

³ Орлов Н.В. Смутные дни в Харбине и Адмирал Колчак. Рукопись // ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 549. Л. 9–10.

⁴ Володченко Н.Г. Последняя русская охрана К.В.ж.д. Рукопись // ГАРФ. Ф. Р.-6081. Оп. 1. Д. 153. Л. 1.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-6081. Оп. 1. Д. 127. Л. 44.

заамурцев», зачислялись в стражу лишь временно, до прибытия офицеров-заамурцев, а иногда – на должности рядовых. Все это не могло не вызывать вокруг формирующейся стражи нездоровые настроения.

В феврале 1918 г., сразу после ухода из Охранной стражи отряда Орлова в ней оставались из полноценных строевых частей лишь рота, формируемая подполковником Тавдгеридзе, и сотня, формируемая ротмистром Круашвили (обе были переданы затем в 3-й отдел Охранной стражи)¹.

Охранная стража состояла из пяти отделов, каждый из которых отвечал за свой участок К.В.ж.д. Штаб 1-го отдела был расположен на станции Хайлар, штаб 2-го отдела – на ст. Фуляэрд, 3-го – на ст. Харбин, 4-го – на ст. Имяньпо и 5-го – на ст. Лоашаогоу².

Все правила и инструкции, действовавшие по отношению Заамурского Пограничного округа, сохранили полную силу и по отношению Охранной стражи.

На 5 апреля 1918 г. формируемые роты и сотни Охранной стражи были распределены по отделам следующим образом:³

1-й Отдел: Роты: 1, 2, 3 и 4	Сотня: 1-я
2-й Отдел: Роты: 5, 6, 7 и 8	Сотня: 2-я
3-й Отдел: Роты: 9, 10, 11, 12, 13 и 14	Сотни: 3-я и 4-я
4-й Отдел: Роты: 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21 и 22	Сотня: 5-я
5-й Отдел: Роты: 23, 24 и 25	Сотня: 6-я.

Но большая их часть представляла собою лишь кадры будущих подразделений. На 31 (18) мая 1918 г. в Охранной страже были утверждены в должности следующие лица⁴.

1. Генерал-лейтенант Самойлов – Начальник (затем – Главный начальник) Охранной стражи,
2. Генерал-майор Кокорев – Помощник Начальника Охранной стражи
3. Полковник Баранов – Начальник Штаба Охранной стражи,
4. Генерал-майор Марковский – Начальник 1-го отдела Охранной стражи⁵,
5. Полковник Шварц – Начальник 2-го отдела Охранной стражи,
6. Генерал-майор Чевакинский – Начальник 3-го отдела Охранной стражи,
7. Генерал-майор Подгорецкий – Начальник 4-го отдела Охранной стражи,
8. Генерал-майор Дориан – Начальник 5-го отдела Охранной стражи,
9. Полковник Громцев – Начальник Хозяйственного отдела управления Охранной стражи,
10. Полковник Тверцын – Заведующий вооружением Охранной стражи,
11. Действительный статский советник Мозолевский – Главный Медицинский врач Охранной стражи,
12. Статский советник Чернытынский – Главный Ветеринарный врач Охранной стражи.

Приказом по Охранной страже за № 102 от 11 июня (29 мая) 1918 г. в ней была введена особая форма одежды по английскому образцу с должностными нарукавными знаками различия, во многом напоминавшими знаки различия, принятые в 1917 г. Временным правительством для чинов Российского флота (горизонтально нашитые полосы из тесьмы в несколько рядов на обшлагах, верхняя полоска – с завитком), у офицеров и военных чиновников они были черными, а у унтер-офицеров – желтыми. При этом погоны были под цвет

¹ ГАРФ. Ф. Р-6081. Оп. 1. Д. 127. Л. 43.

² Там же. Л. 180.

³ Там же. Л. 62.

⁴ Там же. Л. 141.

⁵ С 5 августа 1918 г. его сменил на этом посту генерал-майор князь Кекуатов.

френча и шинели, без знаков различия¹. Все это было призвано еще раз резко отделить Охранную стражу от остальных русских формирований полосы отчуждения К.В.ж.д.

Китайские войска не были ни в какой мере подчинены русскому командованию. Китайцы не были подготовлены к охране дороги, они часто самоуправствовали и производили беспорядки (иногда и сознательно, надеясь окончательно расшатать русскую власть в полосе отчуждения).

8 июля 1918 г., в связи с выступлением группы чешско-словацких войск во Владивостоке, генерал Д.Л. Хорват объявил себя Временным Правителем России, сформировал Деловой Кабинет и двинул подчиненные ему Российские войска на ст. Пограничную, Никольск-Уссурийский и далее на Владивосток². В этом походе приняла участие и Охранная Стража: на нее была возложена охрана железнодорожной линии в Приморье, восточнее ст. Пограничная; для этого были назначены две роты: 9-я (3-го отдела) и сборная рота, сформированная из команд 1, 2, 4 и 5 отделов, под общим командованием полковника Добровольского³.

Однако поход Хорвата завершился, едва начавшись: чехи не пустили его далее ст. Гродеково (передовые заставы располагались у ст. Галенки). Лишь через месяц, 5 августа, Хорват был допущен во Владивосток, но без подчиненных ему войск⁴. Накануне этого события, 3 августа 1918 г. приказом Временного Правителя по Военному Ведомству за № 9 генерал Самойлов был назначен Главным Начальником Заамурского военного округа, с возложением на него обязанностей Главного Начальника Снабжений и Генерал-Губернатора в полосе отчуждения К.В.ж.д. и на территории, занятой Российскими войсками. При этом ему были подчинены: Охранная стража, управление по ремонту войска, все тыловые управления, учреждения и заведения, не подчиненные начальникам действующих войска, а также вся гражданская часть полосы отчуждения К.В.ж.д. (как Генерал-Губернатору)⁵.

После нескольких месяцев переговоров, в октябре 1918 г. Хорват признал Временное сибирское правительство в Омске и в свою очередь был назначен им Верховным Уполномоченным на Дальнем Востоке. К этому времени все бывшие Российские войска полосы отчуждения были размещены в Приморье, и единственной русской военной силой на К.В.ж.д. осталась Охранная стража. 18 октября 1918 г. Начальнику Охранной стражи был подчинен броневой поезд Уссурийской группы Российских войска⁶.

Эта ситуация сохранялась в течение всего 1919 года. К.В.ж.д., как естественное продолжение Транссибирской магистрали, была жизненно важна для бесперебойного снабжения Белой Сибири, однако русские интересы в Маньчжурии были защищены в явно недостаточной мере. С декабря 1917 г. китайское влияние на К.В.ж.д. резко усилилось, и китайские власти ждали лишь случая, чтобы окончательно упразднить русскую политическую и военную власть на дороге.

Неясным остается вопрос о восстановлении или невосстановлении Заамурского округа ОКПС. С одной стороны, упомянутый выше приказ Хорвата от 3 августа 1918 г. свидетельствует о восстановлении округа. К тому же известен приказ Верховного Правителя адмирала А.В. Колчака от 19 июля 1919 года за № 162 о назначении Начальником Заамурского округа Генерального Штаба генерал-лейтенанта С.Н. Люпова⁷.

¹ ГАРФ. Ф. Р-6081. Оп. 1. Д. 127. Л. 132—133 об.

² Будберг А.П. Дневник // Архив Русской революции. М. 1991. Т. 13. С. 230.

³ ГАРФ. Ф. Р-6081. Оп. 1. Д. 127. Л. 181.

⁴ Орлов Н.В. Указ. соч. // ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 549. Л. 31—32.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-6081. Оп. 1. Д. 16а. Л. 38.

⁶ ГАРФ. Ф. Р-6081. Оп. 1. Д. 127. Л. 289.

⁷ РГВА. Ф. 39499. Оп. 1. Д. 13. Л. 109.

Но, с другой стороны, на реалии полосы отчуждения этот приказ Колчака никак не отразился: русской вооруженной силой здесь оставалась Охранная стража, и приказы по ней все так же подписывал ее начальник генерал Самойлов. Правда, он все время пытался добиться утверждения проекта о доведении ее до 22 000 человек с 54 орудиями (что соответствовало бы численности довоенного Заамурского округа ОКПС), но, по верному замечанию генерала Н.Г. Володченко, «осуществить его возможности не представлялось, прежде всего, потому, что не нашлось бы для этого самого главного – людей и средств»¹.

Но на деле даже существовавшая относительно небольшая Охранная стража поддерживалась в совершенно неудовлетворительном и небоеспособном состоянии. Так в течение полугода (с конца 1918 г. до мая 1919 г.) из окарауливавшегося ею артиллерийского склада было произведено пять краж². Еще показательнее в этом отношении случай паники в Харбине в конце 1919 г., когда прошел слух, что караул от Охранной стражи собирается взорвать охраняемый им пироксилиновый склад. К счастью, этого не случилось, но сам караул бежал в полном составе, унеся табельное оружие³.

Все это вынудило Главного начальствующего в полосе отчуждения генерала Хорвата в ноябре 1919 г. поручить прибывшему из России генерал-лейтенанту Н.Г. Володченко (являвшемуся ранее с 1905 по 1914 г. Начальником штаба Заамурского округа ОКПС) произвести инспекторский смотр Охранной страже для выяснения ее истинного состояния. Это было тем более необходимо, что положение на Омском фронте все время ухудшалось, а с ним не могло не ухудшиться положение самого Хорвата и русской власти на К.В.ж.д.

Генерал Самойлов всемерно тормозил проведение такого смотра, однако смотр был проведен и при этом выяснились: не вызываемый ничем сверхкомплект штаба при большом недокомплекте частей, дурное состояние вооружения, обмундирования и снабжения, полное отсутствие занятий со стражниками, и как следствие его – плохое несение караульной службы, дошедшее до того, что в день смотра госпитальную палату с сотней арестованных охранял один стражник со сломанной винтовкой, причем вблизи палаты этой никакого караула не было; в числе же арестованных находилось несколько офицеров и женщин, 40 солдат, 56 преступников и 9 пленных красноармейцев. К этому добавлялось неудовлетворительное ведение денежной отчетности и чрезвычайно большие выдачи денег по документам (доходящие в общей сложности до 15 989 919 рублей)⁴. Наконец, Володченко особо отметил полную неготовность пулеметной команды, специально сформированной в качестве ударной части, на случай возникновения беспорядков в Харбине. При осмотре ее выяснилось, что в ней имеется 7 пулеметов, но без станков, есть лишь одна самодельная тренога, и пока что лишь один человек пробовал стрелять с нее из пулемета – сам начальник команды⁵. Понятно, при таком качестве «ударной» части рассчитывать на нее в случае кризиса было нечего.

Хорват приказал принять все меры для уничтожения беспорядков, но времени для этого уже почти не было, к тому же Самойлов саботировал даже самые очевидные и первоочередные действия, занимаясь лишь отписками на рапорты Володченко. Между тем китайские власти внимательно следили за происходящим и стремились использовать каждый повод для усиления своего присутствия. Председатель правления Общества К.В.ж.д. генерал Бао-гуй-цин просил о снятии со штаба Охранной Стражи старой вывески «Штаб Заамурского округа» как не отвечающей новому положению. Однако ему в этом было отка-

¹ Володченко Н.Г. Указ. соч. // ГАРФ. Ф. Р.-6081. Оп. 1. Д. 153. Л. 1—2. Возможно, приказ Колчака № 162 от 19 июля 1919 г. и означал на деле попытку претворить в жизнь проекты генерала Самойлова.

² ГАРФ. Ф. Р.-6081. Оп. 1. Д. 153. Л. 36—36 об.

³ Там же. Л. 32.

⁴ Володченко Н.Г. Указ. соч. // ГАРФ. Ф. Р.-6081. Оп. 1. Д. 153. Л. 2.

⁵ ГАРФ. Ф. Р.-6081. Оп. 1. Д. 153. Л. 38—39 об.

зано под предлогом того, что ликвидация дел штаба Заамурского округа еще не закончена. Начальник штаба китайских войск генерал Чжан-Хуан-сян настаивал на отводе для него некоторых помещений в названном штабе, ибо китайский штаб был расположен не в Харбине, а в пригороде – Фудзядяне; но и в этом ему было отказано. При этом генерал Самойлов не предпринимал никаких мер для охраны штаба от какого-либо нападения на него со стороны китайцев¹.

Развязка наступила в первые месяцы 1920 года. 14 января «в связи с переживаемыми событиями» и перерывом связи с Верховным Правителем адмиралом Колчаком и Всероссийским Правительством, Хорват объявил о принятии на себя всей полноты Государственной власти в отношении русского населения в полосе отчуждения К.В.ж.д. и всех расположенных здесь русских войсковых и гражданских учреждений². Однако известия из России приходили одно страшнее другого: о поражении вооруженных сил адмирала Колчака, восстаниях у него в тылу по городам Сибири, о перевороте во Владивостоке, где 31 января власть перешла к просоветской Земской Управе, наконец – о выдаче адмирала Колчака чехами большевикам в Иркутске и о его злодейском убийстве. Часы «Счастливой Хорватии» (как именовали полосу отчуждения К.В.ж.д. под управлением Хорвата) были сочтены.

15 марта 1920 г. просоветски настроенная часть железнодорожных рабочих К.В.ж.д. объявила на дороге забастовку и подняла по станциям красные флаги. Хорват отозвался на это воззванием к забастовщикам³, тем временем китайцы сочли данный момент наиболее удобным, чтобы нанести последний удар по русской власти.

16 марта 1920 г. около полудня к штабу Охранной стражи подошли 2 роты китайских солдат под командой майора Ло-Бин, «выстроились против него и по сигналу на трубе бросились в штаб и захватили его без всякого сопротивления со стороны кого-либо из русских, пораженных внезапною такого нападения»⁴. При этом солдаты позволяли себе самое грубое обращение с русскими офицерами, они также сорвали с фронтона здания русский трехцветный флаг и топтали его ногами. К сожалению, нашлись русские люди, из числа зевак (несомненно, «демократически настроенных»), которые, видя такое надругательство над русским флагом, не возмутились, а, напротив, аплодировали китайским солдатам⁵.

Для генерала Самойлова и штаба Охранной стражи нападение китайцев стало полной неожиданностью. По свидетельству Володченко, «в день нападения к Начальнику штаба полковнику Баранову пришел ветеринарный врач Тржцинский с докладом, во время которого он спросил, не известно ли что-нибудь о настроении китайских властей по отношению к русским. Баранов отвечал, что отношение это вполне удовлетворительно, и никаких выступлений со стороны их ожидать нельзя. К концу этой фразы распахнулась дверь его кабинета, и в нее вбежали с ружьями китайские солдаты, которые и арестовали тут же Баранова и прочих чинов штаба». Никакого сопротивления чины Охранной стражи захватническим действиям китайцев не оказали, все имущество и оружие штаба было сдано китайским властям. Поощренные легкостью захвата штаба, китайцы так же легко заняли окружной суд и городскую управу.⁶ Таким образом, Охранная стража, а с нею и русская власть в Харбине и на К.В.ж.д. была ликвидирована. Председатель правления Общества К.В.ж.д. генерал Баогуй-цин выпустил в связи с этим воззвание, в котором оправдал действия ки-

¹ Володченко Н.Г. Указ. соч. // ГАРФ. Ф. Р.-6081. Оп. 1. Д. 153. Л. 3.

² ГАРФ. Ф. Р.-6081. Оп. 1. Д. 15. Л. 128.

³ ГАРФ. Ф. Р.-6081. Оп. 1. Д. 16а. Л. 146.

⁴ Володченко Н.Г. Указ. соч. // ГАРФ. Ф. Р.-6081. Оп. 1. Д. 153. Л. 3.

⁵ ГАРФ. Ф. Р.-6081. Оп. 1. Д. 153. Л. 75.

⁶ Володченко Н.Г. Указ. соч. // ГАРФ. Ф. Р.-6081. Оп. 1. Д. 153. Л. 3–4.

тайских войск необходимо предотвратить политическую борьбу между русскими и разрастание русской смуты на территории Китая¹.

С правовой точки зрения такая позиция была далеко не безупречна, но Хорвату нечего было противопоставить грубой силе китайцев, и он предпочел уступить свою власть без борьбы. 18 марта среди русского населения полосы отчуждения было распространено известие о том, «что вследствие известных всем событий последних дней, Управляющий Российским Генеральным Консульством в Харбине (Попов) берет на себя охрану всех имущественных, политических, личных и иных прав русского населения полосы отчуждения К.В.ж.д., а равно принимает на себя общее руководство нал всеми правительственными учреждениями в полосе отчуждения и в частности в гор. Харбине». При этом особо подчеркивалось, что Управляющий Российским Генеральным Консульством находится «в полном деловом контакте с Временным Правительством Приморской Областной Земской Управы»².

Это был конец белой, а вместе с тем и конец русской государственной власти на К.В.ж.д. Соответственно, бывшие граждане Российской империи перешли на права беженцев и эмигрантов. Что же касается Охранной стражи, то она окончательно была ликвидирована 15 июля 1920 г. С марта по июль работала ликвидационная комиссия, закрывавшая ее дела и учитывавшая оставшиеся на ее счетах денежные суммы.

21 мая 1920 г., подписывая протокол Совещания о ликвидации Охранной стражи К.В.ж.д., генерал Володченко приписал к нему следующее заявление:

«1. Охранная стража может быть полезна для дороги, но не в том виде и составе, в каком она была в последнее время; ибо во время мартовской забастовки многие гарнизоны ее признали власть Земского Правительства, а к противодействию открытому нападению китайских войск на нее не было сделано со стороны ее никаких попыток.

2. Охранная стража ныне не несет никакой службы, так, по крайней мере, выяснилось при объезде смешанной комиссией веток Восточной, Южной и г. Харбина.

3. Ликвидация Заамурского округа не окончена, ибо не погашены многие документы за время существования его, не сданы остатки подотчетных сумм, и отчета о ликвидации не имеется»³.

Хотелось бы обратить особое внимание на это мнение заслуженного боевого генерала. Тыловое формирование, каковым изначально была Охранная стража, не смогло избежать плачевной участи всех вообще (за самым редким исключением) белых тыловых частей. Все боеспособное, что было в ней, быстро вымывалось и отправлялось на фронт (в отряды Орлова, Враштила и другие); оставались в ее рядах лишь те, кто сознательно желал закрепиться в тылу. В данном случае эта общая тенденция была с самого начала усилена благодаря позиции начальника стражи генерала Самойлова. И недаром уже в августе-сентябре 1918 г. солдаты и офицеры частей Российских войск в полосе отчуждения К.В.ж.д. демонстративно отказывались при встрече отдавать честь чинам Охранной стражи (по поводу недопустимости такого поведения Самойлов вынужден был отдать специальный приказ)⁴. В результате Охранная стража оказалась не способна даже выполнить свои прямые обязанности по охране порядка и русских интересов на дороге.

Однако небольшая русская охрана на К.В.ж.д. все же сохранилась, но уже под китайским командованием. Дальнейшая история ее изложена в очерке ее последнего начальника генерала Володченко:

¹ ГАРФ. Ф. Р.-6081. Оп. 1. Д. 15. Л. 109.

² Там же. Л. 110.

³ ГАРФ. Ф. Р.-6081. Оп. 1. Д. 153. Л. 69.

⁴ Приказ по Охранной страже К.В.ж.д. № 193 от 5 сентября 1918 г. // ГАРФ. Ф. Р.-6081. Оп. 1. Д. 127. Л. 237–237 об.

«Вместо Охранной стражи решено было сформировать железнодорожную полицию, состоящую из двух частей: Внешней охраны – для несения полицейской службы и Внутренней охраны для окарауливания подвижного состава дороги, складов и касс.

Охрана не должна была представлять собою какую-либо воинскую часть для военных действий, а лишь группу сторожей, подчиненных через Начальника Охраны Помощнику Управляющего дорогой по гражданской части.

Начальником Внутренней стражи назначен был генерал-лейтенант Володченко, Внешней – генерал Митрофанов, а Начальником всей Полиции – Харбинский полицмейстер – генерал Чжан-Дзен-Дзюй»¹.

В конце концов, китайцы разрешили создать лишь русскую Внутреннюю стражу численностью в 600 человек; работа в ней давала возможность прокормиться бывшим белым офицерам, большую часть которых составляли те же заамурцы. Но и она просуществовала недолго: 31 мая 1924 г. было заключено соглашение между правителем Маньчжурии Чжан-Цзолинем и представителями Советской России о совместном использовании К.В.ж.д., в котором было записано требование советской стороны «отказаться в службе, состоящим в войсках и полиции бывшим подданным Российского Императорского Правительства». В соответствии с этим пунктом договора 28 февраля 1925 г. все 600 русских стражников были уволены, причем «сделано это было внезапно, вопреки правил, установленных для служащих К.В.ж.д.» и без выплаты выходного пособия. На их место были наняты китайцы². Оставшись без средств к существованию, часть русских офицеров, бывших стражников, вынуждена была поступить на службу к губернатору провинции Шаньдун генералу Чжан Цзучану, пополнив ряды его знаменитой «русской бригады» генерала К.П. Нечаева³.

¹ Володченко Н.Г. Указ. соч. // ГАРФ. Ф. Р.-6081. Оп. 1. Д. 153. Л. 4–5.

² Там же.

³ Именно так оказался в рядах бригады полковник И.И. Штин (см. дневник И.И. Штина // ГАРФ. Ф. Р.-5881. Оп. 1. Д. 555. Л. 3–10).

СОСТАВ И ЧИСЛЕННОСТЬ ЭКСПЕДИЦИОННЫХ СИЛ США НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Придя к власти в октябре 1917 г., большевики провели в жизнь ряд мер, вызвавших неодобрительное отношение к ним со стороны части русского общества и бывших союзников России по Мировой войне. В конце 1917 и на протяжении 1918 гг. против новой власти вспыхивает ряд вооружённых восстаний, морально и финансово поддержанных странами Антанты. Начиная с марта 1918 г. под предлогом защиты портов и военных складов от возможных атак германцев бывшие союзники России производят высадки своих контингентов на Севере, Юге и Дальнем Востоке страны. На последнем направлении определяющая роль отводилась вооружённым силам Японии и США.

Официальный предлог для отправки американских военнослужащих на Дальний Восток России был сформулирован в документе госдепартамента, получившего название «Памятная записка»¹. В нём выражалось недовольство правительства США по поводу начала вооружённой интервенции в России, т.к. она была обречена на провал. Однако госдепартамент соглашался с необходимостью оказания помощи застрявшим в России чехословакам в их выводе из страны, а также помощи русскому народу в преодолении глубокого кризиса, вызванного войной и разрухой. Для выполнения этих задач правительство США должно было отправить на Дальний Восток России военный контингент, целью которого была бы охрана коммуникаций, промышленных объектов, военных складов с целью сохранения их для русского народа, а также всесторонняя помощь чехословакам в их возвращении на свою родину. Под таким благовидным предлогом в августе 1918 г. американские войска высадились во Владивостоке.

Численность отправленного контингента была определена в ходе дипломатических дискуссий в июле 1918 г. Правительство США, стремясь ограничить рост японского влияния на Дальнем Востоке, намеревалось не допустить ввода в Россию войск страны восходящего солнца, что отражено в переписке американского и японского внешнеполитических ведомств. Основной причиной такой политики стало отсутствие серьёзных политических сил, способных поддержать интересы США на российском Дальнем Востоке, в то время как Япония имела там своих сторонников в лице Г. Семёнова и И. Калмыкова. К тому же Соединённые Штаты были втянуты в Мировую войну и вынуждены отправлять значительные военные контингенты в Европу, что вызывало трудности с выделением войск для отправки их в Россию. Ситуация изменилась в июне 1918 г. после мятежа чехословацкого корпуса, когда США обрели себе верного союзника в продвижении их интересов.

6 июля 1918 г. правительство Соединённых Штатов на конференции в Белом Доме приняло решение о согласии участвовать в военной интервенции на российском Дальнем Востоке. Для её проведения предполагалась отправка туда японского и американского контингентов по 7 тыс. человек каждый². В свою очередь японский посол заявил, что такого количества солдат будет недостаточно для проведения необходимых операций. Вследствие этого 27 июля госдепартамент был вынужден пойти на уступку, увеличив максимальный предел численности экспедиционных сил каждой из стран до 10-12 тыс. человек³. За день до высадки первых американских отрядов во Владивостоке госсекре-

¹ The Secretary of the State to the Allied Ambassadors. Aide-Memoire. July 17, 1918 // Foreign relations of the United States. Russia II 1918. Washington: «United States Government Printing Office», 1932. P. 287—290.

² Memorandum of the Secretary of State of a Conference at the White House in Reference to the Siberian Situation // Ibidem, 1940. P. 262.

³ The Acting Secretary of State to the Ambassador in Japan (Morris) [telegram]. Washington, July 27, 1918 // Ibidem. P. 306—307.

тарь Р. Лансинг сообщил японскому послу, что США планируют отправить на российский Дальний Восток 9014 человек, которые будут объединены в два полка¹. При этом численность солдат определялась в 7398 человек, остальные 1375 человек входили в состав различных вспомогательных служб².

Главой американского контингента был назначен командующий 8-й дивизией генерал-майор В. Грейвс³. Приказ о своём назначении в Сибирь он получил при встрече с военным секретарём Н. Бейкером 2 августа 1918 г.⁴. В соответствии с ним основу экспедиционных сил должны были составить базировавшиеся на Филиппинах 27-й (1590 солдат и офицеров под командованием полковника Стайера) и 31-й (1421 солдат и офицеров под командованием полковника Саргента) пехотные полки⁵. Основу командного состава в них составляли офицеры, принимавшие участие в американо-филиппинской войне и при последующем подавлении антиамериканских восстаний на Филиппинах, а также в интервенциях США на Кубе и в Мексике⁶.

Из истории 27-го полка следует, что он был создан непосредственно для борьбы с филиппинскими повстанцами. Полк был основан 2 февраля 1901 г., а 16 ноября того же года, когда филиппинская армия уже перестала существовать, полковое командование получило приказ о переброске в Манилу⁷. Оттуда 27-й полк был переправлен на остров Минданао, где принимал участие в покорении мусульманской общины Моро. Стоит отметить, что боевые действия, которые вели американские войска в тот период, заключались в проведении карательных экспедиций, сопровождавшихся значительным уничтожением мирного населения. Для несения службы на Филиппинах был создан и 31-й полк, который был образован в 1916 г. на основе располагавшихся там же 8-го, 13-го и 27-го полков⁸. Характер задач, исполнявшихся солдатами и офицерами подразделений, подталкивает к выводу, что подобную деятельность им предстояло вести и в России.

Для доведения численности 27-го и 31-го полков до штата военного времени предполагалось выделить из состава руководимой В. Грейвсом 8-й дивизии, располагавшейся в лагере Фремонт штата Калифорния, 5000 человек⁹. Дивизия была создана в январе 1918 г. на основе 8-го, 12-го, 13-го и 62-го полков¹⁰. По штату в состав дивизии входили две бригады (по два полка каждая), артиллерийская бригада, инженерный полк, три пулемётных батальона и другие вспомогательные подразделения¹¹. В соответствии с Оборонным актом 1916 г. дивизия входила в число боевых¹² и предназначалась для отправки во Францию, куда и была направлена в ноябре 1918 г.

¹ The Secretary of State to the Japanese Ambassador(Ishii). Washington, August 15, 1918 // Ibidem. P. 346.

² The Secretary of State to the Japanese Ambassador... P. 346.

³ Примечательно, что командование 8-й дивизией В.С. Грейвс принял 18 июля 1918г. (Graves W.S. America's Siberian Adventure (1918–1920). N.Y., 1941. P. 2).

⁴ Ibidem. P. 3.

⁵ Ibidem. P. 34

⁶ Подробнее об истории 27-го и 31-го полков: *Malachowski J.* The History of the 27th United States Infantry Regiment «Wolfhounds». URL: www.kolchak.org/History/General/history_pg1.htm; *Lowe K.H.* American's Foreign Legion. The 31st Infantry Regiment at War and Peace. URL: www.31stinfantry.org/Documents/Chapter%201.pdf

⁷ *Malachowski J.* Op. cit.

⁸ *Lowe K.H.* Op. cit.

⁹ *Graves W.S.* Op. cit. P. 34.

¹⁰ *Lowe K. H.* Op. cit.; Letter of PFC Floyd Pfof to his cousin Viola // Pfof L. My grandfather PFC Floyd Pfof. URL: www.worldwar1.com/dbc/dbc2.htm

¹¹ American military history. Washington, DC: «Center of military history. United State Army», 1989. P. 375.

¹² В соответствии с нумерацией 1-я – 25-я дивизии США являлись боевыми, 26-я – 75-я дивизии резервировались для национальной гвардии, 76-я и выше – для национальной армии (Ibidem. P. 374)

Стоит отметить, что 5000 человек из состава 8-й дивизии после распределения между 27-м и 31-м полками продолжали относить себя к подразделениям, к которым относились до прибытия в Россию¹. Само распределение проходило поротно и выглядело следующим образом: солдаты и офицеры 12-го и 62-го полков вошли в состав 27-го полка, 8-го и 13-го – в состав 31-го полка². После прибытия солдат и офицеров из 8-й дивизии в сентябре 1918 г. численность 27-го полка достигла 3577 человек, 31-го – 3492 человек соответственно. Помимо этого в состав экспедиционных сил США на российском Дальнем Востоке вошли такие вспомогательные подразделения, как рота D 53 телеграфного батальона, 4-й полевой госпиталь, 4-я санитарная рота, 17-й эвакуационный госпиталь и службы снабжения.

В ходе интервенции происходили смены личного состава подразделений. Самая крупная из них произошла после заключения мира с Германией, когда у многих солдат закончился срок службы. Для их замены предполагалась отправка в Россию 8 тысяч добровольцев³, часть из которых прибыла с фронта во Франции⁴. В течение второй половины 1919 г. происходит сокращение численности экспедиционных сил США, вследствие чего к февралю 1920 г. она составила 4288 солдат и офицеров.

В ходе интервенции к активным боевым действиям войска США не привлекались и занимались охраной объектов промышленности и инфраструктуры⁵. С весны 1919 г. происходит всплеск партизанского движения на Дальнем Востоке, направленного против интервентов. Это приводит к ряду нападений на американские войска, а также к диверсиям и забастовкам на охраняемых ими объектах. В результате растёт число их потерь. Самые большие – в июне и ноябре 1919 г. (34 и 28 человек соответственно). Помимо этого происходит ухудшение отношений с Японией и подконтрольными ей формированиями атаманов Семёнова и Калмыкова. Это, а также успехи Красной Армии в борьбе с белогвардейцами вынуждает правительство США принять решение о выводе своих войск с территории Дальнего Востока. В феврале – апреле 1920 г. американские экспедиционные силы эвакуируются из России. Последним Владивосток покинул 31-й полк.

За время интервенции потери экспедиционных сил на Дальнем Востоке составили 187 (170) человек убитыми и умершими от ран и болезней, 52 – ранеными, около 50 – пропавшими без вести⁶.

Таким образом, численность американского военного контингента была определена борьбой интересов США и Японии. Основной целью правительства Соединённых Штатов было сковать деятельность страны восходящего солнца в России путём установления лимитов на вводимые туда войска. Численности экспедиционных сил США было недостаточно для ведения боевых действий против Красной армии, но было вполне достаточно для взятия под контроль особо важных объектов промышленности и инфраструктуры и их охраны. Участвовавшие в интервенции воинские части никогда не участвовали в боевых действиях против регулярных армий, и до отправки в Россию использовались исключительно для несения охранной службы и борьбы против партизанских

¹ Характерно, что солдаты и офицеры 8-го и 13-го полков, погибшие в России, даже не вошли в официальное число потерь 31-го полка (см. *Lowe K.H. Op. cit. P. 18*).

² Примечательно, что в 1916 г. из состава 8-го и 13-го полков была выведена часть личного состава для создания 31-го полка.

³ *Боярский В.А.* Вторжение империалистов США в Советскую Россию. М., 1961. С. 93; *Селезнёв П.К.* Крах заговора. Агрессия США против Советского государства в 1917-1920 г. М., 1963. С. 79.

⁴ *Lowe K.H. Op. cit. P. 4.*

⁵ Отметим, что значительная часть подобных объектов уже находилась либо должна была перейти в собственность американцев благодаря различным сделкам и договорам между США и белогвардейскими правительствами.

⁶ *Дерябин А., Дзысь И.* Гражданская война в России. 1918–1922. Войска интервентов. М., 2008. С. 8.

движений. Причиной отправки именно этих подразделений служит, во-первых, близость их предыдущего расположения к российскому Дальнему Востоку, во-вторых, планы правительства США по использованию их с теми же целями, с какими они использовались на Филиппинах. И методы – те же. Примерами чего служат карательные операции против местного населения. Находясь на Филиппинах, американские военнослужащие выполняли по сути роль колониального корпуса, ту же роль им предстояло выполнять и на территории России¹, из чего следует и определённое отношение к местному населению.

¹ Показательно, что в беседах с белогвардейским руководством американское командование называло себя «колониальным экспедиционным корпусом» (см.: *Боярский В.А. Указ. соч. С. 93*).

ПЕХОТА ПРОТИВ КОННИЦЫ.
БОЙ У СЛОБОДЫ ДЁГТЕВО 31 МАЯ 1919 ГОДА

Эта схватка в Донской степи батальона саратовских курсантов с казачьей конницей – лишь маленький эпизод Гражданской войны. Но о бое стало известно благодаря статьям и воспоминаниям его участников. Сначала по горячим следам рассказал о нём командир курсантской роты В.К. Триандафиллов¹. Возможно, это была самая первая работа прикладного характера известного в последующем советского военного теоретика². Почти сразу дополнил его И.В. Кононов³. Обе статьи строились на примере удачного оборонительного действия пехоты против конницы и содержали обучающий подтекст.

Ещё большую известность бой получил с появлением к 10-летию юбилею Красной Армии обширного материала преподавателя тактики военной академии РККА П.И. Вакулича⁴. Он более квалифицировано поведал о том событии, поскольку, лично руководил в бою курсантским батальоном, знал подоплёку схватки, и, вероятно, в последующие годы наводил какие-то справки.

Уже в 60-е и 80-е годы своими воспоминаниями поделились бывшие курсанты В.Н. Мордвинкин⁵ и А.Я. Калягин⁶.

¹ **Триандафиллов Владимир Кириакович** – р. 14 марта 1894 г. в с. Магараджете Карской обл., грек, из крестьян. Родной язык – греческий. Владел в совершенстве языками: русским, немецким, турецким. Закавказская учительская семинария (1914). Участник 1-й Мировой войны. 2-я Московская школа прапорщиков (1915). Выпущен в 6-й Финляндский стрелковый полк. Трижды ранен, пять раз награждён. Штабс-капитан. Член партии левых эсеров (до дек. 1918). В июне 1918 добровольно вступил в РККА. Командир роты и батальона на 1-х Саратовских советских комкурсах. Член РКП (б) с 1919. Слушатель академии РККА с 17 сен. 1919 по 3 авг. 1923. Во время учёбы несколько раз командировался на фронт. С 1923 начальник отдела опер. упр. Штаба РККА, командир и комиссар стрелкового корпуса. С 15 окт. 1930 зам. начальника Штаба РККА. Автор ряда военно-ист. и военно-теоретич. работ по оперативному искусству. Погиб в авиационной катастрофе в 1931. Похоронен у Кремлёвской стены.

² *Триандафиллов В.К.* Боевое крещение // Красный боец (орган политического отдела при реввоенсовете 4-й армии). 1919. 27 июня.

³ *Кононов И.В.* Красные курсанты на фронте // Красный боец. 1919. 26 июля 1919. И.В. Кононов – вероятно, творческий псевдоним Я.Г. Быстрова-Коннова, командира курсантского взвода, участника боя под Дёгтево.

⁴ *П[авел] В[акулич].* Эпизод из Гражданской войны (бой пехотного батальона с конницей) // Война и революция. 1928. № 2. С. 91–99.

Вакулич Павел Иванович – р. 5 авг. 1890 г. Двухклассное начальное училище. Рабочий на солеваренном заводе в г. Усолье Иркутской губернии. Иркутское военное училище (1911). Участник 1-й мировой войны. Подполковник. Командовал 10-м Сибирским стр. полком. В РККА по призыву с 30 окт. 1918. На 1-х Саратовских советских комкурсах командовал ротой, батальоном. С июля 1919 заведующий курсами, начальник и комиссар 20-й Саратовской пех. школы. Член РКП (б) с 1919. Слушатель академии РККА с 1922 по 1925. Начальник 1-го отдела и заместитель начальника 1-го управления Штаба РККА, начальник Оперативного факультета Военной академии РККА, начальник кафедры Военной академии Генштаба РККА. Комдив. Арестован в мае 1937 и расстрелян в июле того же года. Посмертно реабилитирован в 1956.

⁵ *Мордвинкин В.Н.* Воспоминания об учёбе на 1-х Саратовских советских пехотно-пулемётных командных курсах (1965 г.) // Народный музей истории и боевой славы Саратовского регионального учебного центра Ракетных войск и артиллерии. № 1. Л. 1–14.

⁶ *Калягин А.Я.* Замечания к книге «Полувековой путь СВВКУ» (1983 г.) // Народный музей истории и боевой славы Саратовского регионального учебного центра Ракетных войск и артиллерии. № 25. Л. 1–22.

Калягин Александр Яковлевич – р. 5 марта 1900 г. в селе Солянка Николаевского уезда Самарской губ. В марте 1919 добровольно поступил на 1-е Саратовские советские командные курсы. Окончил Военную инженерную академию (1936). Старший военный советник в Китае (1937–1939). Участник боёв на Халхин-Голе и в Финляндской войне. С началом Великой Отечественной войны начальник инженерных войск Брянского фронта. С конца 1942 – начальник Главного военно-инженерного управления Красной Армии Ставки Верховного главнокомандования. Генерал-лейтенант инженерных войск (1943). На пенсии жил в Москве, умер 2 августа 2000 в возрасте 100 лет.

С противоположной стороны схватку осветил М.К. Бугураев, командовавший в бою 3-й Донской казачьей батареей¹.

В целом событие у слободы Дёгтево² 31 мая 1919 г. получило неоднозначное освещение. В частности оказалась завышенной численность противоборствующих сторон, ошибочно упоминаются некоторые действующие лица, много временных нестыковок. Всё это побуждает к тому, чтобы на основе архивных документов и вновь появившейся литературы сделать необходимые уточнения.

В конце зимы 1919 г. по ряду причин затормозилось успешно начавшееся наступление Красной армии на Южном фронте. С середины марта ситуация ещё больше ухудшилась. Сказалось влияние вспыхнувшего в советском тылу Верхнедонского восстания казаков. Оно обеспечило моральную поддержку белым войскам и выступило как фактор, отвлекающий значительные силы красных.

16 марта командование Южным фронтом направило распоряжение войскам о быстрейшей ликвидации восстания путем сожжения взбунтовавшихся станиц, беспощадного расстрела каждого пятого или десятого взрослого мужчины, массового взятия заложников³. С фронта для карательных действий в тылу оттягивались красноармейские подразделения⁴. Но советское руководство переоценило возможности сравнительно небольшого армейского контингента. Сил для акции усмирения оказалось недостаточно. Главком И.И. Вацетис вынужден был 24 марта потребовать от командующего Южным фронтом В.М. Гиттиса других, более действенных мер⁵.

Для карательного похода была создана специальная экспедиционная группа войск. Её основой стали две дивизии, выделенные из состава 8-й и 9-й армий. В течение апреля новое формирование пополнилось и другими частями. Особые надежды возлагались на курсантские батальоны. Первый отряд курсантов из Воронежа значился в боевом расписании эксвойск ещё 10 апреля. 19 апреля прибыли курсанты Тамбовских и Рязанских курсов. 26 апреля – Калужские и Орловские курсы. Всего примерно 1600 человек⁶. Общее количество карательных сил составило свыше 16 тысяч штыков и сабель⁷.

Несмотря на принятые меры, восстание не утихало. Красноармейские

¹ Бугураев М.К. Поход к восставшим // Донская армия в борьбе с большевиками / Составление, научная редакция, предисловие и комментарии, д.и.н. С.В. Волкова. М., 2004. С. 492–499. Воспоминания М.К. Бугураева впервые опубликованы: Родимый край. 1973. Март-апрель. № 105. – См.: Там же. С. 640.

Бугураев Максим Константинович – р. 1892 г. Донской казак ст. Усть-Белокалитвенской. Донской кадетский корпус (1910), Михайловское артиллерийское училище (1913). Офицер Донской артиллерии. Участник 1-й мировой войны. В Гражданской войне состоял в Донской армии, ВСЮР, Русской Армии. Войсковой старшина (1919). В эмиграции в Болгарии, полковник. Служил в Русском Корпусе (с 1942). После 1945 в Германии и США. Умер 6 июня 1982. – Волков С.В., Стрелянов (Калабухов) П.Н. Чины Русского Корпуса: Биографический справочник в фотографиях. М., 2009. С. 61.

² Дёгтево – слобода в Миллеровском районе Ростовской области. Административный центр Дёгтевского сельского поселения, 33 км от районного центра Миллерово.

³ Краснов В.Г., Дайнес В.О. Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт: Документы. Мнения. Размышления. М., 2000. С. 137.

⁴ 20 марта на повстанческий фронт прибыли: из 8-й армии два полка с четырьмя орудиями и два заградительных отряда; из 9-й армии Саратовский кавалерийский полк (450 сабель), 6-й Заамурский кавалерийский полк (690 сабель), Сердобский стрелковый полк (500 штыков, 2 орудия), Московская рабочая дивизия (3500 штыков), два кавалерийских дивизиона Камышинской бригады, батальон лыжников (600 штыков) и четырнадцать маршевых рот по 250 штыков каждая с одной батареей. – РГВА. Ф. 40136. Оп. 1. Д. 36. Л. 68.

⁵ Директивы главного командования Красной армии (1917-1920). С. 411; Уже 1 апреля карательные войска были пополнены: из 8-й армии тремя стрелковыми полками с артиллерией из 12-й дивизии; из 9 армии – кавалерийским полком из 16-й дивизии, морским батальоном из 14-й дивизии и тремя заградительными отрядами. – РГВА. Ф. 40136. Оп. 1. Д. 36. Л. 68.

⁶ Венков А.В. Печать сурового исхода: к событиям 1919 г. на Верхнем Дону. Ростов н/Д, 1988. С. 136.

⁷ Краснов В.Г., Дайнес В.О. Указ. соч. С. 138.

части действовали несогласованно, некоторые из них подверглись разложению. Наступление на повстанцев, которое планировалось завершить 6 мая, провалилось¹. Это вызвало большую тревогу у В.И. Ленина. Его неоднократные указания руководству Южного фронта требовали покончить с медлительностью и неорганизованностью. Для выяснения причин и исправления сложившегося положения в район восстания отправился Л.Д. Троцкий. 14 мая результаты инспекции были доложены в Совнарком. В телеграмме сообщалось о принятых мерах по наведению порядка в экспедиционных войсках. Их новым командиром был назначен командующий 8-й армией Т.С. Хвесин². Для пополнения группы направлялись дополнительные силы, в первую очередь, «как особо твёрдые войска» подразделения курсантов. Приказ о боевой командировке получил сводный отряд московских курсов³. Особые надежды возлагались и на 33-ю стрелковую дивизию, сформированную из остатков 11-й Северокавказской армии. Ядро этого соединения, одного из самых боеспособных в Красной армии, составляла верная Советской власти иногородняя кубанская беднота. Решительный штурм непокорных станиц готовился на конец мая. Оставалось дожидаться прибытия северокавказцев, отозванных с дороги на Восточный фронт⁴.

Но уже в середине месяца положение советских войск на Южном фронте серьёзно осложнилось. Ситуация грозила полным разгромом. В решительное наступление двинул свои армии Деникин. В частности, казачьей армии генерал-лейтенанта В.И. Сидорина было приказано разбить Донскую группировку красных и, наступая на линию Поворино – Лиски, очистить от них север Донской области⁵. Особый расчёт делался на верхнедонских повстанцев, сковывающих значительные силы противника⁶.

Медлить с подавлением восстания означало согласиться с планом белых, полностью отдать им инициативу. Требовалось ускорить военные приготовления карательной акции. Поэтому Совет труда и обороны решил поторопить красное командование и на заседании 20 мая обязал Реввоенсовет доложить через неделю «о подходе к месту восстания и о вступлении в дело 33-й дивизии и 1080 курсантов военных курсов»⁷.

Из письма Ленина, отправленного в тот же день члену РВС Южного фронта Г.Я. Сокольникову, следует, что решение о посылке на фронт вышеназванного числа курсантов созрело только накануне. Дополнительные силы из состава военно-учебных заведений обещал выделить заместитель Троцкого Э.М. Склянский⁸. Таким образом, речь шла о курсах, ранее не упоминавшихся в сводках. О каких? Ответ даёт доклад Полевого штаба в Реввоенсовет республики от 23 мая. Становится ясно, что экспедиционные войска пополнялись отрядами Тульских, Пензенских, Нижегородских, и Елецких курсов⁹. Появление в этом списке двух военно-учебных заведений из Приволжского военного округа¹⁰, исключение их из резерва не менее важного Восточного фронта, лишний

¹ Экспедиционные войска потеряли около 10 орудий, 30 пулемётов и до 5 тыс. убитыми, ранеными, пленными и дезертировавшими. Сердобский полк и заградительный отряд № 2 перешли на сторону повстанцев. – РГВА. Ф. 40136. Оп. 1. Д. 36. Л. 68.

² Краснов В.Г., Дайнес В.О. Указ. соч. С. 152, 154.

³ 1-е Московские пехотные курсы выделили два пехотных батальона и две артиллерийских роты; 1-е Московские пулемётные курсы – две пулемётные роты. Состав отряда: 35 – состав, 953 штыка, 29 сабель, 14 пулемётов, 2 орудия и 1 автоброневик с 2 пулемётами. – Исторический очерк 2-й Московской пехотной школы. С. 30; XI лет Военной школы имени ВЦИК Советов. С. 9; Директивы... С. 420.

⁴ Директивы... С. 417.

⁵ Егоров А.И. Разгром Деникина // Гражданская война в России: разгром Деникина. М., 2003. С. 12–376.

⁶ Казачья повстанческая армия к 1 мая 1918 г. насчитывала: 7350 сабель, 3000 штыков, 4500 смешанных сил, 22 пулемёта, 11 орудий. – РГВА Ф. 192 Оп. 3. Д. 365. Л. 3.

⁷ Директивы... С. 418.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 420.

¹⁰ Пензенские и Нижегородские курсы.

раз доказывало серьёзность положения на юге.

24 мая ситуация ещё более ухудшилась. Крупные силы белых форсировали реку Северный Донец и обрушились на центр Южного фронта в лице 9-й армии. Упорные бои завязались на участке 16-й и 23-й стрелковых дивизий в районе населённого пункта Ново-Сазоново. Там позиции красных пыталась прорвать конная группа генерал-майора А.С. Секретева, перед которой была поставлена задача – во что бы то ни стало соединиться с верхнедонскими повстанцами¹.

Для спасения положения Советскому правительству пришлось прибегнуть «к героическим мерам вплоть до посылки на юг массами командных курсов...»². В этот день в стенах ещё трёх поволжских военно-учебных заведений прозвучал сигнал боевой тревоги³.

На 1-х Саратовских советских командных курсах труба горниста застала курсантов на классных занятиях. Преподаватели на полуслове прервали урок, и слушатели вперегонки побежали к пирамидам с винтовками. После построения комиссар курсов Н. Братков объявил о боевой командировке на Южный фронт. В полученной телефонограмме говорилось, что курсам надлежит прибыть на станцию Чертково⁴ в распоряжение Реввоенсовета фронта⁵.

Три часа на обустройство личных дел, ещё несколько на получение снаряжения и боеприпасов, и в точно назначенное время три ротные колонны с обозом на левом фланге (двуколки боевого питания, санчасть, кухни, парные повозки с продовольствием) обозначили строй курсантского батальона. В поход отправлялись 22 командира, 392 курсанта, 30 красноармейцев и служащих (медперсонал, повара, ездовые и т.д.)⁶. По дороге к вокзалу короткая остановка на Советской улице у губисполкома, с балкона которого прозвучали горячие напутствия. От убывающих на фронт выступили: командир батальона П. Вакулич, комиссар Н. Братков, курсант А. Лаптев.

Пока эшелон с саратовскими курсантами находился в пути, обстановка на фронте 8-й и 9-й армий приблизилась к критической. 25 мая конница Секретева всё же прорвала позиции красных. Часть рейдовой группы ввязалась в бои с подошедшими советскими резервами, а сам Секретев с основными силами устремился в тыл красных в надежде найти повстанцев в районе станицы Мешковской. Реввоенсовету фронта пришлось принимать срочные меры. Снятая с повстанческого фронта 1-я бригада только что прибывшей 33-й дивизии во главе с начдивом М.К. Левандовским, должна была преградить путь прорвавшемуся противнику. Общее же наступление на повстанцев пока откладывалось: командные курсы всё ещё находились в пути. Исходя из этого, заключительный акт усмирения верхнедонцов был назначен на 28 мая⁷.

Но и к этому сроку боевой состав экспедиционных войск оказался неполным. Сказалась нераспорядительность и нервозность в работе штаба. Прибывшим на фронт вечером 26 мая Тульским, Елецким, Пензенским и Нижегородским курсам пришлось около суток по телеграфу выяснять место своего назначения⁸. В аналогичную ситуацию попали и саратовцы. Их эшелон подошёл к станции Чертково днём 27 мая, после чего тоже начались длительные переговоры по средствам связи. Курсантский батальон двинулся к местам боёв с повстанцами, когда они уже во всю гремели⁹.

¹ РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Д. 421. л. 67; Венков А.В. Указ. соч. С. 168.

² Директивы... С. 238.

³ Самарские, Саратовские и Симбирские командные курсы.

⁴ Чертково – районный центр, поселок городского типа в Ростовской области, железнодорожная станция на линии Ростов — Воронеж — Москва. Расстояние до Ростова — 315 км, до Воронежа – 339 км.

⁵ РГВА. Ф. 25172. Оп. 1. Д. 58. Л.106.

⁶ РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 517. Л. 29, 47.

⁷ Венков А.В. Указ. соч. С. 168, 169.

⁸ РГВА. Ф. 11. Оп. 3. Д. 10. Л. 29.

⁹ Калягин А.Я. Указ. соч. Л. 11.

Следующие двое суток батальон в бездействии метался по донской степи от одного населённого пункта к другому. П.И. Вакулич отмечал, что «несмотря на сравнительно небольшие переходы (20–25 вёрст), курсанты сильно утомились, так как в поход втянуты не были и, кроме того, сильно растёрли ноги новыми сапогами, полученными при выступлении из Саратова (большинство потом шли босиком)»¹. Руководство карательными силами так и не решилось задействовать саратовцев. Их продолжали держать в резерве на случай прорыва деникинцев к восставшим казакам. Только рано утром 30 мая, когда вероятность этого после занятия рейдовой группой противника станции Миллерова возросла, курсы получили боевую задачу. Предстояло занять оборону в слободе Дёгтево, у большого тракта – возможному пути движения конницы Секретева. В оперативном плане курсы подчинились штабу 1-й бригады 33-й дивизии².

Срочность задания исключала своевременный подход артиллерии и кавалерии. Поэтому пришлось действовать самостоятельно и со всеми мерами предосторожности. Накануне батальон заночевал в деревне Ольховчик³, откуда да по степи до Дёгтева было четырнадцать с половиной вёрст. Учитывая, что казаки находятся приблизительно в двадцати трёх верстах, командир батальона П.И. Вакулич выслал вперёд «наиболее сильную по своим качествам» 1-ю роту с 4 пулемётами. Командовал этим подразделением, состоящим из курсантов выпускных групп, В.К. Триандафиллов. Роте следовало занять Дёгтево и удерживать перекрёсток дорог до подхода батальона⁴.

К трём часам дня передовые курсантские дозоры подошли к слободе. Уже по дороге опросом жителей выяснили, что населённый пункт пока свободен, но казаки недалеко. Осмотрев Дёгтево специальным дозором, 1-я рота взяла под контроль мост через речку Голый Яр, в полуверсте от её впадения в реку Калитву. Мост же через Калитву поручили охранять местной красной гвардии – 33 человека.

К концу дня подтянулся весь батальон. Для уточнения обстановки выслали конную разведку на 10–12 вёрст вправо и влево. Но соседних частей не обнаружили. На ночлег для безопасности разместились не в слободе, а юго-восточнее её за речкой Ольховчик в хуторе мельника. Основные силы батальона заняли его южную часть. Севернее, поближе к дороге расположился обоз с взводом из 3-й роты. Там же, у мельницы, остановились штаб и лазарет⁵.

Положение казаков тоже было не из лёгких. Конница Секретева, состоящая из трёх полков и лёгкой батареи численностью около 1500 человек, вот уже несколько дней действовала в тылу красных совершенно обособленно. Приказы из штаба Донской армии и связь с повстанцами осуществлялись исключительно по воздуху с помощью аэропланов. Машины часто ломались, и иногда сутками приходилось действовать наугад. Казаки же опасались быть отрезанными от переправ через Донец и поэтому действовали осторожно и наверняка⁶. В действиях белоказачьего отряда многое было нелогичным. Он не стал занимать слободу первым, хотя такая возможность была⁷. Лишь на следующий день 31 мая, получив очередную оперативную сводку и приказ действовать по обстоятельствам, Секретев решил всеми силами идти на соединение с верхнедонцами⁸. Но теперь на пути конной группы стояли саратовские курсанты.

Накануне в штаб Южного фронта от В.И. Ленина поступил запрос: какие приняты меры, «чтобы помешать противнику соединиться с повстанцами...»⁹. Одним из вариантов решения этой проблемы у Троцкого и его окружения было

¹ П[авел] В[акулич]. Указ. соч. С. 91.

² Триандафиллов В.К. Указ. соч.

³ Ольховчик — село в Чертковском районе Ростовской области.

⁴ П[авел] В[акулич]. Указ. соч. С. 91.

⁵ Там же; Мордвинкин В.Н. Указ. соч. Л. 8–9.

⁶ РГВА. Ф. 40136. Оп. 1. Д. 17. Л. 576.

⁷ Триандафиллов В.К. Указ. соч.

⁸ РГВА. Ф. 40136. Оп. 1. Д. 17. Л. 535, 554.

⁹ Цит. по: Краснов В.Г., Дайнес В.О. Указ. соч. С. 162.

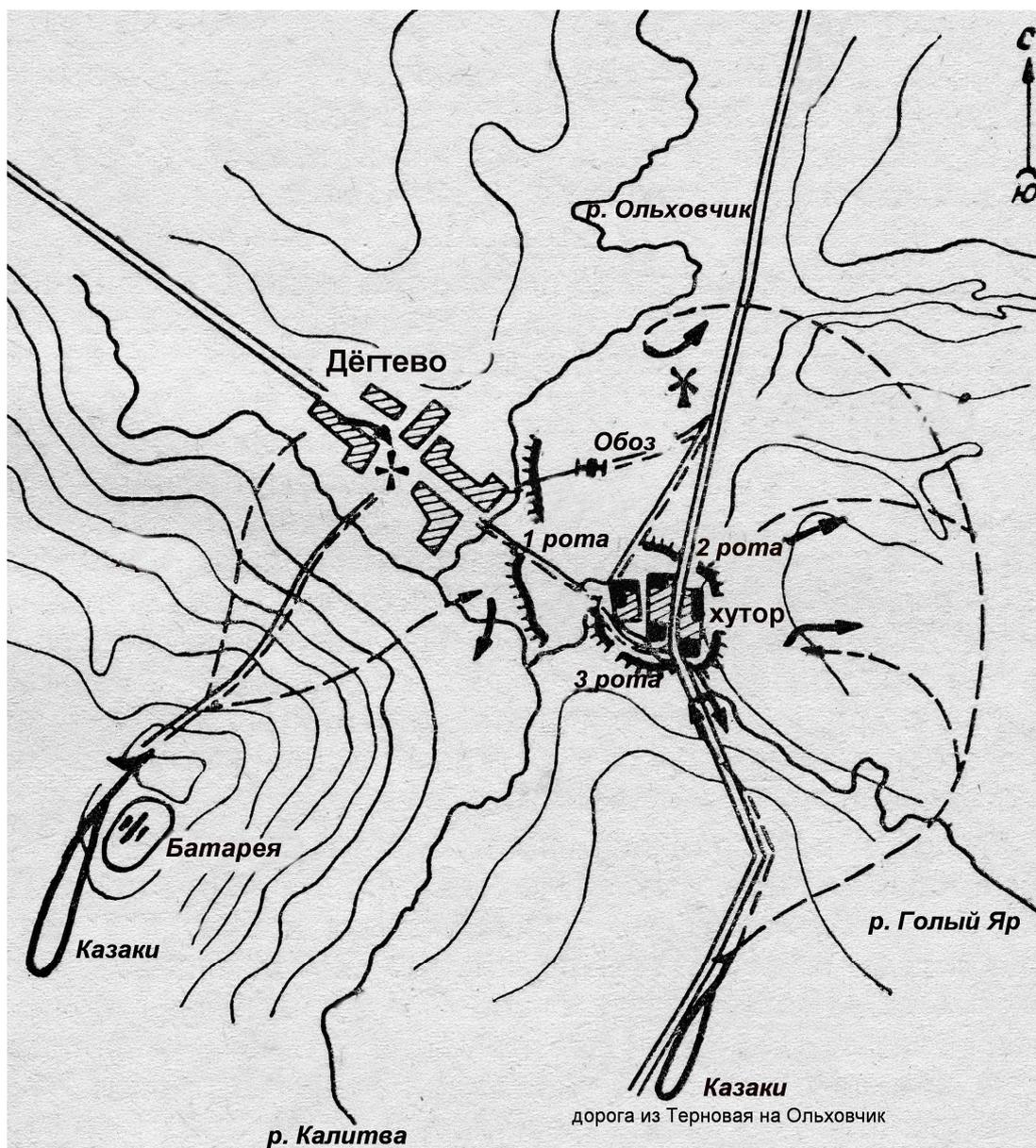
скорейшее уничтожение мятежных станиц. Тем более что машина под названием «эксвойска» была уже раскручена. На беду появилась другая забота – конница генерала Мамонтова прорвала на левом фланге слабые позиции 10-й армии. Рейд Секретева отошёл на второй план. Посчитали, что достаточно выставленных заслонов. Белые тоже не знали, что с генералом и его казаками. Воздушный мост в очередной раз прервался. Мешал также затянувшийся дождь. Степь превратилась в море грязи. Отсюда «запоздание сколь-нибудь проверенных сообщений»¹. Что произошло у Дёгтево 31 мая, в тот день осталось за кадром многочисленных событий. Оперативная сводка штаба эксвойск лишь констатировала факт: «Под давлением противника Дёгтево оставлено саратовскими курсантами...»².

На основе сопоставления всех данных бой рисуется следующим образом. Утром 31 мая штаб 33-й стрелковой дивизии подтвердил приказ саратовцам оставаться на месте и упорно оборонять населённый пункт. Посоветовавшись с командирами рот, П.И. Вакулич принял решение занять позиции вокруг хутора мельника в промежутке, ограниченном речкой Калитвой и её притоками Лозовая и Голый Яр. Выбор обосновывался тем, что речки являлись естественной преградой, имели береговые скаты и хорошо простреливались, исключая так называемые «мёртвые» пространства. 1-я рота заняла участок западнее хутора против берегов речек Лозовая и Калитва. 3-я рота разместилась на южной окраине хутора вдоль берега речки Голый Яр. Участок 2-й роты не имел естественных преград и был развернут на север и северо-восток, держа под контролем дорогу из слободы Терновоя на Ольховчик. Таким образом, достигалась круговая оборона всей позиции³.

¹ Там же.

² РГВА. Ф. 192. Оп. 3. Д. 421. Л. 85.

³ П[авел] В[акулич]. Указ. соч. С. 91–92; Мордвинкин В.Н. Указ. соч. Л. 8–9.

Началось спешное окапывание, причём по всем правилам фортификации. В.К. Триандафиллов вспоминал, что «окопы были устроены так, что стрелки, врывшиеся в имеющиеся валы земли, были обеспечены от флангового огня многочисленными траверсами. В то же время устроенный специально сильный траверс давал возможность стрелять в случае необходимости в тыл»¹.

Бывший курсант 2-й роты В.Н. Мордвинкин так описывал подготовку своего подразделения к бою:

«Спокойные команды командира роты тов. Семёнова², выведшего роту

¹ Триандафиллов В.К. Указ. соч.

² Семёнов Николай Александрович – р. 30 дек. 1893 в Саратове. Из дворян. Гимназия (1914), ускоренный курс Александровского военного училища (1 дек. 1914). Участник 1-й мировой войны. Четыре раза ранен. Штабс-капитан, командир батальона в 5-м пограничном полку. Добровольно вступил в РККА 24 апр. 1918. Служил в штабе Саратовской пех. дивизии. С 5 авг. 1918 взводный инструктор на 1-х Саратовских советских комкурсах. С янв. 1919 – командир роты. Участник боевых командировок с курсами в Уральск и на Южный фронт. Контужен и ранен. С 27 дек. 1919 – заведующий Саратовскими окружными хозяйственными курсами. 4 окт. 1920. направлен в академию РККА. Окончил её с дополнительным курсом 1 авг. 1923. В совершенстве владел немецким и французским языками. В 1931 занимал должность начальника

на огневой рубеж, уменьшили естественное возбуждение курсантов, а последующие команды командира взвода: “От середины по линии вправо-влево разомкнись! Борозди! Работай!” - заставили вспомнить классные занятия по фортификации, а также практику выходов в поле. Отложив винтовки в сторону (чтобы не засорить стволы), стали рыть в донском чернозёме окопчики для стрельбы с колена, тщательно маскируя их брусверы дёрном»¹.

Около 12 часов от местных жителей стало известно, что примерно 300 конных казаков заняли слободу Терновая, что в 7 верстах от Дёгтева, а хутор Фомин «прошли большие силы с артиллерией». Вскоре на расстоянии версты по дороге из слободы Терновой показались первые казачьи разъезды. Три из них силою 20-25 человек каждый стали обходить левый фланг. Курсанты 3-й роты встретили их хаотичными выстрелами, немедленно прекращёнными командиром роты К.Д. Голубевым². От командира батальона поступило указание открывать огонь по противнику не дальше 1000 шагов.

Минут через 15 казаки развернулись в лаву и уже двумя сотнями ринулись в атаку на 3-ю роту. Но, встреченные огнём трёх пулемётов, отхлынули за высоту. После чего балками и оврагами стали охватывать левофланговые позиции саратовцев. Около часу дня они показались к северу от хутора против позиций 2-й роты.

Одновременно на господствующей высоте за речкой Калитвой против позиции 1-й роты появилась длинная колонна конницы в 6 – 7 сотен с артиллерией. Передняя часть колонны развернулась в три эшелона и с ходу попыталась форсировать Калитву. Но наткнувшись на интенсивную стрельбу, скрылась за слободой. В то же время другая часть колонны вошла в Дёгтево и отбросила заставу из местных жителей, захватив мост через Калитву. Кольцо вокруг позиций курсантов по правому флангу замкнулось. За Калитвой скрытно стала развёртываться артиллерия³.

Командир батареи белых М.К. Бугураев, так описывает этот момент:

«Против нас была брошена бригада курсантов. Об этом мы узнали от возвращавшихся с помола пшеницы на мельнице казачек. Они говорили, что какие-то курсанты заняли позицию за болотистой речкой, пушек у них нет, говорят: “Пушай идут кадеты, мы им покажем, как нужно воевать...” Их много, тысячи три. Речка болотистая, через неё можно пройти лишь по одному мосту, который сильно охраняется курсантами. И действительно, когда подошли наши разъезды, то сразу понесли потери от их меткого огня.

Моя батарея стала на закрытой позиции в ложине. Я с телефонистами пошёл по высокой, густой траве выбирать себе наблюдательный пункт. Но оба мои спутника сразу были ранены, к счастью, легко. Все мы трое упали в траву; осмотревшись, не поднимая головы, я увидел, что лежу на скате бугра и что мне хорошо видна позиция курсантов. На противоположной стороне речки – отдельные постройки с деревьями. С правой стороны – высокое здание, вальцо-

штаба Ленинградского ВО. Комбриг. В дальнейшем на военно-дипломатической работе (военный атташе СССР во Франции). Арестован НКВД 8 дек. 1937. Расстрелян 25 авг. 1938. Постmortно реабилитирован 6 июля 1957.

¹ *Мордвинкин В.Н.* Указ. соч. Л. 9.

² **Голубев Константин Дмитриевич** (1896–1956). Окончил Саратовское Александровское ремесленное училище. В 1915 поступил в школу прапорщиков. Участник 1-й мировой войны, поручик. В Красной Армии с августа 1918. На 1-х Саратовских советских командных курсах: ком. взвода (5 мес.), ком. роты (8 мес.), ком. батальона (9 мес.). В авг. 1920 назначен командиром 6-го Саратовского курсантского пехотного полка, вошедшего в состав Восточной бригады курсантов. Командовал полком при взятии в феврале 1921 Тифлиса. С апреля 1921 – заведующий 13-ми Бакинскими пехотными курсами. Окончил Военную академию РККА (1926), Военную академию Генштаба (1938). В Великую Отечественную войну командовал 10-й, 13-й и 43й армиями, с 1944 зам., затем 1-й зам. уполномоченного СНК СССР по делам репатриации советских граждан. В 1949–1953 преподаватель Военной академии Генштаба. Генерал-лейтенант (1942).

³ *П[авел] В[акулч].* Указ. соч. С. 92;

вая мельница. В окопах за рекой – курсанты. Подход к мельнице мне был хорошо виден, здесь не было деревьев. Я решил, что с этого места я и буду вести своё наблюдение и управлять стрельбой... Курсанты стреляли очень метко по всем появляющимся целям, но, как мы узнали позже, стреляли только по команде своих офицеров – у них было мало патронов»¹.

Из приведённого отрывка становится ясно, что казаки только на марше узнали о курсантах. Непроверенные сведения о численности противника и неожиданно яростный с его стороны отпор вынудили белых осторожничать.

И всё же донцы в первый час боя ещё раз атаковали 1-ю роту из захваченного ими Дёгтева. Но не помогла даже поддержка 4-х пулемётов. Таким образом, три атаки закончились лишь охватом курсантского батальона.

На какое-то время стрельба стихла. В расположении красных появился мельник с запиской от белых. Курсантам предлагалось сдаться, а то всё равно мол, погибнете. Триандафиллов пишет, что подобные предложения выкрикивались и на передовой линии: «Товарищи, сдавайтесь пока не поздно, советуем не стрелять, а то в плен попадёте, хуже будет». Курсанты на это предложение обстреливали каждую высунувшуюся голову². Парламентёра же отпускать не стали, опасаясь, что он одновременно разведчик. Ответа тоже не последовало.

Примерно в два часа дня начался артиллерийский обстрел, который не прекращался до сумерек. Как вспоминал Калягин, в первую очередь была обстреляна северная часть хутора – усадьба мельника, где располагался штаб батальона, наблюдательный пункт на мельнице, обоз и часть позиций 2-й роты. Здесь же были и первые боевые потери: один раненый и один убитый – пулемётчик 2-й роты. Его похоронили здесь же в саду.

Вакулич же пишет, что первые артиллерийские снаряды упали в южной части хутора. Казаки обстреливали из 4 орудий в основном 1-ю, 3-ю роты и сам хутор³. Наверное, свидетельство комбата ближе к истине. Вторит этому и Бугураев: «Всё время я держал курсантов в окопах под огнём своих орудий, мне хорошо было видно, как из окопов иногда на мельницу шло по два, по три человека, но назад возвращался всегда один. Было ясно, что там у них перевязочный пункт. Туда я не стрелял, боясь, что там женщины или дети»⁴.

Конечно же, на позиции 2-й роты, где находился А.Я. Калягин, тоже залетали снаряды, этому подразделению также пришлось отбивать атаки противника, и помогать соседям. Но несколько позже.

А пока своё наступление казаки возобновили атакой правого фланга противника, имея цель прорваться в тыл курсантского батальона к обозу. Основной удар пришёлся на 3-й взвод 1-й роты, находящийся на уступе ближе к слободе. «Четыре орудия, столько же пулемётов засыпали позицию взвода, – вспоминал В.К. Триандафиллов. – Удачным попаданием был сбит пулемёт, было выведено из строя почти целиком одно отделение. Был тяжело ранен взводный командир тов. Кротов... Оставшиеся в строю и искусно окопавшиеся, даже без пулемёта сдерживали противника»⁵. Потеряв в итоге 24 человека, взвод вынужден был отойти. Лишь 6 курсантов добрались до позиций 2-й роты⁶.

Это был критический момент боя. Вакулич срочно выслал для дополнительной обороны обоза один взвод из 2-й роты с пулемётом. Во время движения под огнём противника подвода с пулемётом сильно отклонилась от маршрута и вышла в промежуток между слободой и хутором к 1-й роте. В этот момент казаки вновь перешли в атаку на правый фланг 1-й роты. Пулемёт открыл огонь, но у него сломался ударник. Бросившиеся на него казаки изрубили

¹ Бугураев М.К. Указ. соч. С. 494–495.

² Триандафиллов В.К. Указ. соч.

³ П[авел] В[акулич]. Указ. соч. С. 93.

⁴ Бугураев М.К. Указ. соч. С. 495.

⁵ Триандафиллов В.К. Указ. соч.

⁶ П[авел] В[акулич]. Указ. соч. С. 94.

расчёт; успел уйти только один курсант. Однако дружный огонь 1-й роты и на этот раз отбросил казаков назад с потерями¹.

Этот фрагмент боя частично описан также М.К. Бугураевым: «Как только курсанты поняли намерение казаков – они выслали пулемёт с тремя обслуживающими на пароконной подводе. Дабы не дать ему возможность стрелять по казакам, я начал стрелять одним орудием по пулемёту, но, не прекращая стрелять другими орудиями по курсантам в окопах. Переправиться казакам не удалось. Лошади сразу глубоко вязли в болотистой речке. Но и пулемёт красных не мог открыть огонь из-за моей стрельбы по нему»².

До вечера казаки больше атаковать не пытались, а вели артиллерийский и пулемётный огонь (всего до 10 пулемётов). У курсантов же осталось действующими 4 пулемёта из 7.

В 9 часов вечера развернулся заключительный акт боя. На этот раз казаки попытались прорваться к обозу не от Дёгтева – с западной стороны, а с противоположной – восточной. Казачья атака в несколько эшелонов обрушилась на 2-ю роту. В.Н. Мордвинкин вспоминал, что последняя атака была проведена в лучах заходящего солнца, когда особенно зловеще блистали шашки атакующих³. В описании В.К. Триандафиллова эта атака выглядит так: «Интересно было смотреть, как на левом фланге командир 2-й роты отбивал конную атаку казаков. Последние, показались на складе местности, с криком ура бросились к штабу батальона и обозу; один из курсантов не выдержал и выстрелил. Командир роты его остановил. Когда они подъехали на 800 шагов, взвод и пулемёт открыл меткий огонь; залпы взвода и пулемёт опрокинули шесть цепей казаков, повторявших неудачную атаку. С темнотой всё стихло»⁴.

К этому моменту командир батальона П.И. Вакулич уже решил подготовить общее отступление. Рассчитывать на помощь не приходилось. Телефонная связь отсутствовала, а попытки одиночных связников, переодетых в крестьян выскользнуть из окружения провалились. Подходили к концу боеприпасы, было много раненых и контуженых, в том числе ротные командиры В.К. Триандафиллов и Н.А. Семёнов.

С приходом темноты роты получили приказ собраться на хуторе. В полночь вернулась разведка, сообщив, что противника на предполагаемом маршруте нет. В час ночи колонна батальона с ранеными на подводах посередине двинулась в направлении к Ольховчику. Обоз отправился несколько раньше и присоединился к батальону уже в дороге. По словам Вакулича: «Сверх всякого ожидания ушли незаметно». Однако Мордвинкин вспомнил случай, который наделал шуму: «При отходе началась гроза с проливным дождём, и вспышка молнии осветила силуэты людей в стороне от дороги. Без команды началась беспорядочная стрельба. Оказалось, стреляли по своим курсантам, огибавшим впереди большую лужу»⁵.

Скорее всего, казаки не препятствовали отступлению. Бугураев сообщает, что с наступлением темноты противник покинул свои позиции. Казаки вошли в хутор. Там их ожидали три курсанта, решивших перебежать к белым. Они вроде бы сообщили, что в бою против секретевцев действовала тысяча бойцов⁶. Однако известно, что саратовцев было чуть более четырёхсот человек. Возможно, автор просто перепутал периодичность событий, так как в последующие дни секретевцам действительно противостояли гораздо большие силы красных и казаки на какое-то время даже оставили Дёгтево.

Сомнительны также сведения Бугураева, что «своих раненых курсанты

¹ Там же.

² Бугураев М.К. Указ. соч. С. 495.

³ Мордвинкин В.Н. Указ. соч. Л. 11.

⁴ Триандафиллов В.К. Указ. соч.

⁵ Мордвинкин В.Н. Указ. соч. Л. 11.

⁶ Бугураев М.К. Указ. соч. С. 496.

бросили вместе с тремя сёстрами милосердия, у которых была записка их командира: «Оставляем всех своих раненых в расчёте на ваше благородство»¹.

Красные источники этому противоречат. Калягин даже акцентирует внимание, что распределение по колонне обоза и, в частности, подвод с ранеными была «одна из ответственных забот командования». Лично ему запомнился умирающий курсант из его роты – «первый номер пулемётного расчёта, среднего роста, коренастый, всегда весёлый и интересный паренёк. Он был тяжело ранен сабельным ударом в голову. Умер, не приходя в сознание. Похоронили его в Алексеево-Лозовском...»² О раненых, скончавшихся при отступлении, сообщает и Вакулич. Их похоронили на хуторе Павловском³.

Потери в бою вообще вызывают вопросы. Ни один из участников их не уточняет. Впрочем, Вакулич утверждает, что при повторном занятии красными Дёгтева 3 июня, по показанию местных крестьян, казаки потеряли за два дня боёв 31 мая – 1 июня до 300 человек, в том числе какого-то полковника, похороненного в слободе. «Кубанцы (из дивизиона 33-й дивизии), думая, что это Богаевский⁴, вырыли его; оказался кто-то другой». Крестьяне также рассказывали, ли, что раненые казаки и офицеры ругались и удивлялись стойкости батальона и говорили, что такой пехоты они ещё не встречали⁵. В свою очередь Бугураев свидетельствует, что на следующий день после Дёгтевского боя казаки нагнали курсантов и те «под огнём... артиллерии и многочисленных конных атак казаков гибли, не желая сдаваться». При этом были все уничтожены⁶. В официальном же донесении по итогам командировки 1-х Саратовских командных курсов на Южный фронт с 24 мая по 17 июля 1919 г. сообщается о 22 убитых, 70 раненых, 14 контуженых, 72 заболевших, 29 пропавших без вести и 25 дезертировавших⁷.

Непросто разобраться и с перебежчиками. Если белая сторона говорит о трёх курсантах, то красные упоминают двух командиров – бывших офицеров, которые «струсили, остались у казаков»⁸. В приказах же по Саратовским курсам сам среди дезертиров фигурируют 1 командир, 15 курсантов, 4 человека из медперсонала и 5 человек из нестроевого обслуживающего персонала⁹.

Также непонятно, почему Вакулич и Калягин называют казаков, которыми в рейде командовал А.С. Секретев шкуровцами по имени другого известного белого генерала А.Г. Шкуро, находившегося в это время со своим Кубанским корпусом на Украине.

Результат же боя вскоре стал ясен на фоне других событий, произошедших 31 мая. Продвижение конной казачьей группы, спешившей на помощь восставшим верхнедонцам, было задержано на сутки. Части 1-й бригады 33-й дивизии, воспользовавшись отвлечением главных сил рейдовой группы на борьбу с курсантами, повели наступление на Миллерово. Экспедиционные же войска, не опасаясь за тыл, смогли вытеснить повстанцев с правого берега Дона. Положение советских войск не казалось уже таким угрожающим. Троцкий с оптимизмом доложил в Совнарком, что «миллеровский прорыв... не имеет катастрофического характера»¹⁰. Далее сообщались предполагаемые меры для окончательной ликвидации кавалерийского рейда противника. В экстренном случае допускалось снятие 2-й бригады 33-й дивизии с эксфронта при условии

¹ Там же.

² Калягин А.Я. Указ. соч. Л. 14.

³ П[авел] В[акулич]. Указ. соч. С. 95.

⁴ Речь, вероятно, идёт о генерал-лейтенанте Богаевском Африкане Петровиче (1872–1934), на тот момент Войсковом атамане Всевеликого Войска Донского.

⁵ Там же. С. 98.

⁶ Бугураев М.К. Указ. соч. С. 496.

⁷ РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 517. Л. 29.

⁸ Болдырев. Боевые воспоминания // Саратовские известия. 1923. 1 июля

⁹ РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 517. Л. 29.

¹⁰ Цит. по: Краснов В.Г., Дайнес В.О. Указ. соч. С. 162.

передачи туда саратовских, самарских и симбирских курсантов¹. Но пока сармарцы и симбирцы только подходили к местам боёв.

Саратовцы же в Ольховчике присоединились к кавалерийскому полку с пушечной батареей и двумя автобронемашинами². Вскоре опять показались секретевцы. Но в новом бою у курсантов уже не было чувства одиночества: фланги прикрывали эскадроны кавполка, а огонь пушечной батареи сбивал пыл атакующей конницы. Численный перевес всё же был на стороне противника, и красному отряду пришлось отступить. Оторвавшись от казаков, батальон свернулся в колонну и прибыл в село Алексеево-Лозовское, где произошла встреча с Самарскими и Симбирскими курсами³. Три батальона курсантов, кавалерийский полк и пушечная батарея образовали сводный отряд, который был придан 33-й стрелковой дивизии. Вместе с ней он затем целый месяц маневрировал по Донской области и Воронежской губернии⁴.

Окончательный же итог белого наступления на юге России летом 1919 г. для красных оказался плачевным. Деникинцы всё же соединились с верхнедонцами и повстанческий фронт перестал существовать. Экспедиционные войска влились в общие силы. Отступление Красной Армии шло по разным направлениям. В те нелегкие дни отряд поволжских курсов прикрывал отход советских войск на Воронеж. В сводках белых штабов, действия волжан оценивались довольно высоко. Курсантский отряд признавался наиболее боеспособной частью⁵. Красное командование считало так же. Когда конная группа все того же генерала А.С. Секретева 29 июня неожиданно заняла важный железнодорожный узел Лиски и отрезала пути отхода 33-й дивизии, именно курсанты получили приказ вновь овладеть станцией. Наступление началось на рассвете 30 июня. Батальоны двинулись вдоль железнодорожного полотна. Смелыми действиями противник был сначала потеснён, а затем выбит. Окружённые красные части были спасены. Эта операция стала начальным этапом последующей масштабной атаки советских войск южнее Воронежа⁶.

«Покрывший себя славою» сводный отряд курсантов 7 июля прибыл в Воронеж⁷. Через два дня на площади имени III Интернационала напротив здания бывшего Воронежского Михайловского кадетского корпуса состоялся парад войск и митинг, посвящённые досрочному производству курсантов старшего набора трёх поволжских курсов. В приказе председателя Реввоенсовета республики Л.Д. Троцкого, зачитанного им лично, среди прочих звание красных командиров получили 55 саратовцев. На этом же митинге каждому из трёх военно-учебных заведений было вручено Почётное революционное Красное знамя от ВЦИК, а 12 июля Председатель ВЦИК М.И. Калинин подписал отдельные грамоты о награждении Самарских, Саратовских и Симбирских командных курсов орденом Красного Знамени № 165⁸. Знамена ВЦИК компенсировали утерю прежних регалий. Печальный факт случился из-за предательства завхоза Самарских курсов, увезшего знамена к белым вместе с обозами. Короткий отдых – и вновь дорога. Теперь домой. 17-го июля вечером курсы в количестве 225 че-

¹ Там же. С. 164.

² 13-й кавалерийский полк, входивший в так называемый отряд Абрамовича, состоял из 150 сабель. – РГВА. Ф. 40136. Оп. 1. Д. 34. Л. 3; *Мордвинкин В.Н.* Указ. соч. Л. 11.

³ Численность Самарских курсов – 224 чел., Симбирских – 567 чел. – РГВА. Ф. 25140. Оп. 1. Д. 18. Л. 6; Ф. 62. Оп. 1. Д. 1360. Л. 157.

⁴ *Мордвинкин В.Н.* Указ. соч. Л. 12.

⁵ РГВА. Ф. 40136. Оп. 1. Д. 34. Л. 7.

⁶ Там же. Л. 61; Боевая слава войск Поволжья. Куйбышев, 1965. С. 110; *Петровский Д.А.* Военная школа в годы революции (1917–1924 гг.). М.: 1924. С. 22.

⁷ РГВА. Ф. 25140. Оп. 1. Д. 18. Л. 49, 51.

⁸ То, что орден Красного Знамени был один на три военно-учебных заведения, свидетельствуют изыскания саратовского краеведа, директора Народного музея истории и боевой славы Саратовского регионального учебного центра Ракетных войск и артиллерии А.П. Сидоричева.

ловек возвратились в родной город. С чувством выполненного долга прошли по улицам. У порога главного корпуса встретились с преподавателями и вновь принятыми курсантами¹.

Кампания на юге России оказалась тяжёлым испытанием для всей советской военной школы. На военно-учебные заведения пришлись очень серьёзные потери. Их называли небывалыми даже для минувшей Первой мировой войны². Некоторые курсы вообще перестали существовать как армейские единицы. К примеру, в сводном отряде орловских курсантов, состоявшем из пехотных, пулемётных и кавалерийских курсов безвозвратные потери составили 88 %. На Калужских и Воронежских курсах – 92 %³. Недосчитались многих боевых друзей и саратовцы. Но на фоне других курсов (и здесь заслуга командного состава) их потери оказались значительно меньшими – 18 %⁴. Назначенный 24 июня 1919 г. вместо Т.С. Хвесина командиром Особого корпуса Ф.К. Миронов в телеграмме Ленину и Троцкому, говоря о заслугах саратовцев, самарцев и симбирцев, отмечал: «Кроме трех курсов, остальные курсанты оказались ниже критики и их осталось от громких тысяч жалкие сотни и десятки»⁵. Для саратовцев наиболее кровавыми оказались первые два боя. В сложившейся тогда обстановке столкновения под Дёгтево и Ольховчиком имели большое оперативное значение и преследовали цель задержать белых на 1 – 2 суток, с тем чтобы решить главную на тот момент задачу Южного фронта – покончить с Верхнедонским восстанием. И хотя тогда Красную Армию постигла неудача, саратовские курсанты смогли сохранить кадры и с честью выполнить свой долг.

¹ Звезда курсанта. Журнал 20-й пехотной Саратовской школы. 1924. № 6. 2 июля. С. 15; *Мордвинкин В.Н.* Указ. соч. С. 12.

² Из доклада Э.М. Склянскому заместителя главного комиссара ГУВУЗа В.В. Хржановского. – РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 401. Л. 19.

³ РГВА. Ф. 10. Оп. 2. Д. 401. Л. 19.

⁴ РГВА. Ф. 62. Оп. 1. Д. 517. Л. 29.

⁵ Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917–1921 гг. М., 1997. С. 220

МЕТОДЫ БОРЬБЫ С ДЕЗЕРТИРСТВОМ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Гражданская война, унесшая миллионы жизней, стала результатом бурных событий, среди которых: Первая мировая война, падение самодержавия, Февральская и Октябрьская революции. Война, где столкнулись интересы всех классов, повлекла за собой глобальные изменения в обществе и сопровождалась борьбой за власть, итогом которой стала победа большевиков.

В борьбе за власть противоборствующие стороны столкнулись с неожиданно возникшей и по сути, неразрешимой проблемой – массовым дезертирством. Это явление охватило огромную территорию и вовлекло практически все категории населения. Поскольку в России на тот период больше всего было крестьян, то именно они оказались втянуты в войну и как следствие – в дезертирство.

Дезертирство Гражданской войны – это сложное, стихийное, естественное и в то же время уникальное явление, которое разнородно по социальному составу и распространяется на все сферы жизни общества.

Необходимость борьбы с дезертирами осознавали и красные и белые. Численность уклоняющихся от службы солдат непрерывно возрастала. От эффективности борьбы с дезертирами зависел исход Гражданской войны. Источники свидетельствуют, что наибольший процент дезертиров дала Красная Армия. Тем более парадоксальна победа большевиков. Чем же тогда объяснить поражение в Гражданской войне хорошо обученной и дисциплинированной Белой Армии? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо рассмотреть методы борьбы с дезертирством.

Отсутствие дисциплины в армии требовало принятия целого ряда мер. В Петрограде, Москве, на Урале при вступлении в Красную Армию военнослужащие давали письменные обязательства, где имелся пункт о сроке службы. Когда 22 апреля 1918 г. принимался декрет «О сроке службы в Красной Армии», Л.Д. Троцкий указал, что это вызвано чрезвычайной текучестью армии, когда «многие входили в нее и проходили через нее, как через проходной двор, заручались на несколько первых дней продовольствием, шинелями, некоторые получали задатки: – и уходили из армии. Декрет установил, что каждый гражданин, вступивший в РККА, должен был прослужить в ней не меньше 6 месяцев. Кто самовольно покидал службу ранее, подвергался наказанию, «вплоть до лишения прав гражданина Советской республики»¹. На V Всероссийском съезде Советов Л.Д. Троцкий выступил с тезисами о создании Красной Армии, где указал, что она должна быть построена на основе жесткой революционной дисциплины. «Хулиганские элементы, которые грабят и насилуют местное население или устраивают мятежи, шкурники, тусовщики и дезертиры, которые покидают боевые посты, должны караться беспощадно»². В тезисах также говорилось о необходимости привлекать к ответственности командный состав за отсутствие мер против дезертирства.

Общеизвестно, что распространенной мерой наказания за дезертирство в годы Гражданской войны являлся расстрел, как в Красной, так и в Белой армии. Однако мало кто знает о существовании целой системы методов борьбы с этим явлением.

¹ Цит. по: *Молодцыгин М.А.* Красная армия: рождение и становление. 1917–1920 гг. М, 1997. С. 100.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 325. Оп. 1. Д. 46. Л. 4.

В начале Гражданской войны дезертирство не имело крупных масштабов по сравнению с его количеством в 1920-е гг. Методы борьбы с ним также не отличались большим разнообразием, как это было в конце войны. По мнению историка П.А. Шевоцукова, ранние приказы о расстрелах за дезертирство в Красной Армии приходятся на середину лета 1918 года¹.

В сентябре 1918 г. предел наказания определялся от тройного вычета содержания до расстрела². Но применение расстрела на фронте, где и без того были огромные людские потери, только усугубило ситуацию, так как возникла угроза сокращения личного состава. В связи с этим подавляющая часть дезертиров стала использоваться в качестве основной силы на наиболее опасных участках фронта. Для этой цели создавались так называемые маршевые роты, штрафные роты или «особые опороченные части»³. Постепенно в Красной Армии складывалась система наказаний за дезертирство и методов борьбы с ним.

Точная дата и кому принадлежит идея создания комиссий по борьбе с дезертирством (комдезертир) не известны. Однако ряд источников свидетельствует о том, что они существовали как в Красной, так и в Белой армии еще до образования Центральной комиссии по борьбе с дезертирством (Центркомдезертир). Это были временные, неофициальные органы власти, возникшие стихийно в результате военного времени.

Официально постановлением Совета Обороны от 25 ноября 1918 г. была образована Центральная комиссия по борьбе с дезертирством (Центркомдезертир), которая носила временный характер. Председателем комиссии был И.Л. Дзевялтовский. В обязанности комиссии входило создание на местах органов по борьбе с дезертирством и контроль за их деятельностью.

На заседании Совета обороны 25 декабря 1918 г. дезертирство определялось как одно из тяжких преступлений. С этого времени ответственность за укрывательство и ликвидацию дезертирства возлагалась на военные комиссары, исполкомы, сельские и волостные комитеты бедноты⁴.

Образование Центркомдезертир послужило сигналом к созданию на местах комиссий по борьбе с дезертирством. С этого момента они приобрели официальный характер.

На местах комиссии не имели четкого плана действий по борьбе с дезертирством. Постановления, издаваемые Центркомдезертир, не всегда доходили до пункта назначения, а если это и происходило, то многие члены комдезертир не могли реализовать их на практике, так как были безграмотными. Кроме того, возникал параллелизм в работе комиссий и других большевистских организаций, таких, как например исполкомов или военкомов, потому что борьба с дезертирами входила и в их обязанности.

Ввиду массового наплыва дезертиров и невозможности оказать им сопротивление, вышестоящие комдезертир предоставили нижестоящим неограниченное право любым способом бороться с дезертирством. Так, в Пермской губернии Осинская уездная комдезертир обратилась к волостным комиссиям: «Укажите, на ваш взгляд, какими мерами можно искоренить в вашей волости дезертирство?»⁵

Всех дезертиров отправляли в местную комдезертир. В случае, когда это сделать по каким-либо причинам было невозможно, следовало «сообщать местопребывание дезертиров и требовать вооруженную силу»⁶. Данное распоря-

¹ Шевоцуков П.А. Страницы истории Гражданской войны: Взгляд через десятилетия: Книга для учителя. М., 1992. С. 56.

² Квакин А.В. За спиной Колчака: Документы и материалы. М., 2005. С. 88.

³ Там же. С. 157.

⁴ См.: Молодцыгин М.А. Красная Армия: рождение и становление. 1917–1920 гг. М., 1997. С. 177.

⁵ Государственный архив Пермской области (ГАПО). Ф. Р-382. Оп. 1. Д. 63. Л. 69.

⁶ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 130. Оп. 3. Д. 198. Л. 6 об.

жение в полную силу так и не вступило: на местах военные комиссары избегали встречи с дезертирами и не решались вступать с ними в борьбу. Боялись они и гнева местных жителей, так как многие дезертиры являлись их родственниками.

Для публичного судебного разбора дел о дезертирах и укрывателях, Центркомдезертир постановила выезжать 1 раз в неделю трибуналам и губкомдезертир в уезды и волости. В качестве обвинителей при этом выступали члены партии¹. Реализовать данное постановление в полной мере не удалось. Многие работники еще по пути были убиты противниками большевиков либо бандитами.

При задержании дезертиров возникал вопрос: кого отправлять на фронт. Приказом РВСР дезертиры, взявшие казенное имущество, обмундирование и вооружение, причислялись к злостным. Их направляли в комдезертир по месту жительства. На каждого заполнялась анкета, где указывалось материальное положение задержанного и «злостность». Далее определялось соответствующее наказание, как правило, это были: конфискация имущества и зачисление в маршруты. Менее злостные дезертиры, которые не были замечены в попытке захватить оружие или поднять восстание против большевиков, подлежали отправке на фронт.

В действительности, определить злостность дезертира, руководствуясь только его материальным положением и существующими сомнительными доказательствами, было сложно. Тем не менее, во многом дальнейшая судьба задержанного зависела от его благосостояния. Беднейшие слои, как правило, попадали в действующие части Красной Армии на фронт, а более-менее обеспеченные – в маршруты. Дезертирам полагалось нашивать на левом рукаве черную полосу 2 см шириной и 3 аршина длиной. Нашивка не снималась до момента отправления на фронт².

Стоит отметить, что в армии Врангеля, «чтобы предупредить переход пленных красноармейцев к своим, им не нашивали, а вшивали добровольческие отличия в одежду так крепко, чтобы никак нельзя было сорвать в нужную минуту; с отличиями же перебежчик рисковал в пылу сражения получить пулю»³.

Согласно приказу от 7 июля 1919 г. начальника Всероглавштаба Н.И. Рателя, во избежание повторного уклонения от службы, дезертиров направляли в запасные части далеко от родины⁴. В телеграмме Центркомдезертир говорилось: «Дезертиров, признанных ... пригодными для несения службы в тылу, надлежит назначать в караульные части, но не тех губерний, уроженцами которых они являются»⁵.

В целях борьбы с дезертирством Центркомдезертир предписала объединить на местах все вооруженные силы в виде отрядов. Как правило, такие отряды состояли при комдезертир и формировались из местных караульных рот. А.Л. Окнинский, участник белого движения, вспоминал: «В Москве в начале лета 19-го года было решено послать карательные отряды в губернии, которые дали наибольшее число дезертиров, среди каковых губерний Тамбовская стояла на первом месте, для расправы с дезертирами. Эти отряды носили официальное название «отряды по борьбе с дезертирством», и начальникам их было предоставлено право расстреливать признанных ими виновными в дезертирстве и принимать против населения, скрывающего дезертиров, меры, какие они признают нужными. Когда эти отряды появились в уездах, во всех волостях стало тревожно.... Особенно тревожно было среди тех крестьян, в семьях кото-

¹ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 198. Л. 7 об.

² Там же. Л. 6 об.

³ Калинин И.М. Под знаменем Врангеля: Заметки бывшего военного прокурора. Ростов н/Д., 1991. С. 114.

⁴ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 198. Л. 48.

⁵ Там же. Л. 46.

рых мужа, сыновья или братья считались дезертирами, внесенными в составленный по распоряжению уездного военного отдела особый список, подлежащий представлению начальнику ожидавшегося отряда»¹.

Отряды по борьбе с дезертирством не всегда выполняли поставленные задачи. В Пермской губернии в сводках комдезертир сообщалось: «В большинстве уездов дезертиры берут в свои руки инициативу.... Отряды для облав..., посланные в 1-2 волости, засиживаются там по целым неделям, размениваясь на поимке отдельных дезертиров. За это время, разрозненные первым налетом отряда, дезертиры успевают снова сосредоточиться ... где-нибудь в другом месте...»². В Осинском уезде сводки передавали: «...Отряд по борьбе с дезертирством слаб, есть много трусов и добровольцев из белых банд.... При проведении операции был дан выстрел по т. Т-ну. Есть предположение, что из своего же отряда»³. Или, например: «Жизнь продолжается по-старому. Буржуи не допускают урегулирования с землей, так что беднота осталась без всякого внимания... Ни один человек служить не хочет, а живут, как один, дезертирами. Отряды по борьбе с дезертирством совладать не могут»⁴.

В Красноуфимском уезде Екатеринбургской губернии влияние дезертиров было настолько велико, что местные органы власти не в силах были вообще что-либо предпринять. Сводки сообщали: «Население... относится к нашим войскам явно враждебно, причем всячески способствует дезертирам.... Власти в растерянности, что ясно показывает случай с селом Черноярск. Когда наши войска наступали на село, местный исполком, не разобравшись в чем дело, разбежался, а председатель ... даже застрелился»⁵.

В том же уезде сводки передавали: «...Оперировало против банд дезертиров и кулаков 5 отрядов численностью в 1150 человек. Настроение частей не вполне удовлетворительное. Был случай бегства одного красноармейца с фронта во время боя, который ... произвел панику в тылу, сообщив, что наш отряд разбит. По наведенным потом справкам оказалось, что сведения, данные им, ложны, за что он и был расстрелян. Также был случай, когда наш отряд, окруженный под д. Лямпой бандами дезертиров, расстреляв все патроны, вынужден был сдать в плен, причем два красноармейца из 73 попавших в плен, согласились взять у дезертиров винтовки и пойти в бой»⁶.

Существовал еще один метод борьбы с дезертирами – высылка патрулей. При каждом военном комиссариате совместно с комиссариатом милиции 2-3 раза в неделю созывались особые комиссии. Разрабатывался заранее план, по которому члены комиссии «совместно с данными им отрядами производили осмотр и проверку документов у лиц мужского пола в том или ином доме, промышленном предприятии, советском учреждении, магазине или лавке»⁷. По прибытии на место, особая комиссия полностью оцепляла объект, закрывая все его выходы. Далее приглашали ответственное лицо, с которым члены комиссии в присутствии милиции проверяло документы у лиц, находящихся в данном объекте.

В период Гражданской войны в Осинском уезде Пермской губернии под видом противников Советской власти в среду дезертирских групп внедрялись сотрудники организаций по борьбе с дезертирством. Так, двое сотрудников под видом колчаковских офицеров, были заключены в тюрьму, где находились де-

¹ Окнинский А.Л. Два года среди крестьян. М., 1998. С. 92

² ГАРФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 580. Л. 61.

³ ГАПО. Ф. Р-744. Оп. 1. Д. 47. Л. 105.

⁴ Государственный общественно-политический архив Пермской области (ГОПАПО). Ф. 557. Оп. 1. Д. 51. Л. 38.

⁵ Центр документации новейшей истории Свердловской области (ЦДНИСО). Ф. 76. Оп. 1. Д. 797. Л. 73.

⁶ Там же. Л. 63.

⁷ ГАПО. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 48. Л. 17.

зертиры. Членам организации удалось войти в доверие к ним и узнать сведения о местонахождении других дезертиров. Подтвердилась также информация и об отрицательном отношении крестьян к Советской власти в Осинском уезде. Говорилось, что «Советская власть их грабит, отбирая последнее, на фронте солдаты сдаются большими партиями.... Советская власть отбирает хлеб, масло, яйца ...привезут в Осу и там делят все между собой»¹.

В том же уезде начальник Альяшинской милиции под видом офицера пытался обнаружить скрывающихся дезертиров. По его словам, в волости промышленляли дезертиры, которые отбирали у крестьян в огромном количестве хлеб, картофель и др. Из рапорта начальника милиции следовало: «...Я решил, во что бы то ни стало влиться в ряды дезертирства в качестве офицера ... при себе, имея двух солдат... После чего умело подойти к укрывателям ...и завоевать к себе доверие.... Я надеюсь добиться знакомства с дезертирами. Имеющийся конный отряд из уездной милиции ...находится в д. Ромонятах.... Выдавая себя за отряд по выкачке хлеба..., если мне нужно будет, то я лично ограблю дом какого-нибудь гражданина, симпатизирующего Советской власти.... Не выйду до тех пор из леса, пока не исполню задуманную задачу... Прошу, товарищи, не распространять этого письма никому, ибо я и товарищи со мной можем оставить головы... Начальник милиции ... Вавилов»².

В Оханском уезде Пермской губернии военный комиссар докладывал о результатах своей работы в комдезертир: «...Вверенной мне Бабкинской волости находятся дезертиры, численность которых не выяснена, ...те граждане, которые сочувствуют Советской власти, заявляют, что есть ...в нашей волости дезертиры. Мною немедленно были ... посланы два известных мне человека, одеты, как дезертиры и высланы по деревням... Оказалось, что граждане оказывают полное содействие дезертирам, но не сказывают, где они находятся и проживают, а только и говорят, что «у нас их ходит часто». ...Посланным нами дезертирам давали все необходимое и относились очень дружелюбно. Когда мы узнали, ... что проживают ...в д. Буграх и ходят спать в известные нам дома, то мною... был организован отряд совместно с милицией, начальником заградотряда, восемью красноармейцами и пошли в деревню.... Оцепили ...дома, где задержали одного дезертира, который сказал, что с ним еще шесть человек скрываются...»³.

В целях борьбы с дезертирами власти стремились привлечь местное население. В сентябре 1919 г. Центркомдезертир приняла решение об установке на местах запечатанных ящиков «для опускания жалоб на неправильную и несвоевременную выдачу пайка и неоказания помощи семьям красноармейцев, а также заявления об известных дезертирах»⁴. Ящики периодически распечатывались комдезертир, которая принимала соответствующие меры. Данный способ был распространен в Пермской губернии. В Оханском уезде Бабкинский волисполком приказал оборудовать ящики, «на вид почтовых и повесить при крупном стечении народа у исполкома и других видных мест запечатанными, коих назначение: отпускать в них жалобы местному населению об удовлетворении семей красноармейцев пособием и жалобы на проживающих дома дезертиров..., выемку должна делать волкомдезертир еженедельно и всю корреспонденцию отправлять в уездкомдезертир»⁵. В ящик помещали мешок и каждую субботу извлекали его содержимое. Далее составляли акт, в котором указывался месяц, число выемки, количество жалоб. Припечатывав сургучной печатью, мешок с жалобами отправляли в вышестоящую комдезертир. Непосредственное участие в этом деле принимали: представитель компартии, воен-

¹ ГАПО. Ф. Р-744. Оп. 1. Д. 1. Л. 168.

² ГАПО. Ф. Р-744. Оп. 1. Д. 1. Л. 132.

³ ГАПО. Ф. Р-379. Оп. 1. Д. 120. Л. 121.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 3. Д. 198. Л. 32.

⁵ ГАПО. Ф. Р-379. Оп. 1. Д. 119. Л. 27, 27 об.

комата и три члена семей красноармейцев. У одного из последних хранились ключи от ящика¹. Следует сказать, что не везде восприняли данный метод. Народ плохо представлял, с какой целью устанавливали ящики, на вид почтовые. В том же уезде, в Рождественской волости вместо жалоб в ящиках были обнаружены письма родственникам².

Еще одним методом была высылка пикетов. Их деятельность была схожа с работой патрулей. Пикеты состояли из красноармейцев и работников милиции, под руководством военного комиссариата. Их численность составляла от 5 до 8 человек, в зависимости от места высылки. Они также обязаны были проверять документы у мужского населения. В случае отсутствия на руках таковых, задержанных отправляли в уездную милицию для установления личности. Если это не удавалось, отправляли в комдезертир. На каждое задержанное лицо заполнялась анкета в двух экземплярах, один из которых хранился в местной, а другой отправляли в вышестоящую комдезертир. Дальнейшую судьбу подозреваемых определяли, можно сказать, путем голосования. Но окончательное решение выносил председатель комиссии. Лица, признанные не дезертирами, освобождались. Задержанных никто, кроме комдезертир не вправе был освободить. Отпустить на свободу могли, если за арестанта поручался советский работник или член компартии. Кроме того, если подтверждалась годность к военной службе, то отправляли в соответствующие войска по указанию военкомата. Лиц, не явившихся по мобилизации, подлежали отправке в ту комиссию, где они призывались, для дальнейшей отправки в воинские части. Всех, кто дезертировал, отправляли туда, где они числились. Дезертировавших с фронта – под конвоем в штабы фронтов. Злостных дезертиров ожидал суд военного трибунала³. Окончательно определить, как поступить с задержанными, комдезертир должна была в короткий срок: «Все дела ...разбираются в течение ...48 часов, после чего участь каждого ...должна быть решена»⁴.

Но самым радикальным методом борьбы с дезертирством было взятие заложников.

Летом 1919 г. территория Московской губернии была охвачена восстаниями дезертиров. Московская губкомдезертир совместно с губвоенкомом и ГубЧК разработала план борьбы с восставшими. С этой целью в район восстания был послан отряд в 500 человек ГубЧк и отряд ВОХР. В результате репрессий – наложения контрибуций на волости и взятия в заложники членов семей дезертиров – восстания удалось подавить. После чего была «констатирована значительная добровольная явка дезертиров»⁵.

В статье газеты «Современная Пермь» – «Успешная мобилизация» - опубликована переписка между военным комиссаром Усть-Сылвенской волости и начальником карательного отряда Красовским. Статья повествует о том, как проходила мобилизация у красных. Из рапорта военного комиссара: «12 августа 1919 г. прибыл с отрядом в Усть-Сылвенскую волость, где был уже назначен день явки, но население категорически отказалось, поэтому назначил ...вторичный день явки, в который после некоторых убеждений часть ...явилась, но ставила условие, чтобы никто не оставался из их товарищей, подлежащих наравне с ними мобилизоваться. Явившиеся были препровождены в Пермь, а за дезертирами – отряд, но так как отряд шел днем, то никого в деревне не оказалось. Исходя из этого ...вынужден был принять другой образ действий: делать поездки ночью – в таких поездках очень часто мы заставляли дезертиров дома, в крайнем случае, их родителей, которых и забирали в каче-

¹ ГАПО. Ф. Р-371. Оп. 1. Д. 199. Л. 21.

² Там же. Л. 25.

³ ГАПО. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 48. Л. 17.

⁴ Там же.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-130. Оп. 3. Д. 198. Л. 14.

стве заложников, после чего являлись и сами дезертиры. Таким образом, были собраны все дезертиры Усть-Сылвенской волости...»¹.

Интересно письмо политработника Чегандинской волости, который писал Сарапульскому председателю ревкома: «Товарищ, Ш-в, вышлите, человек трех красноармейцев ...вследствие раскрытого ...заговора ...на коммунистов и советских работников. Заговорщики неизвестны, а потому прошу вашего разрешения действовать и ...взять ...заложников для выдачи [таковых]»².

Помимо карательных мер, широко использовалась политическая обработка дезертиров и красноармейцев в виде митингов на темы, связанные с проблемой дезертирства: «Дезертирство старой армии», «Дезертирство Красной Армии и его вред» и др.³ По всей видимости, Л.Д. Троцкий придавал большое значение методам агитации и пропаганды, так как знал их степень воздействия на массы. Да и он сам, как пишет историк П.А. Шевоцуков, «умел словом поднять боевой дух отступающих частей, вернуть дезертиров в строй, переломить ход боевых действий»⁴.

Большевики не жалели средств для агитации и пропаганды. Использовали с этой целью разнообразные листовки, печатные издания. Историк В.М. Андреев справедливо отметил: «В целях борьбы с дезертирством в большом количестве издавались и распространялись листовки, обращения, воззвания, в которых дезертирство бичевалось как позорнейшее явление и вместе с тем разъяснялось, что отступившийся может искупить свою вину добровольной явкой и участием в борьбе с врагами Советской власти»⁵.

Применение данного метода в военное время, особенно когда происходила частая смена власти, было необходимо. В борьбе с дезертирством большевикам удалось достичь существенных результатов без особых усилий и людских потерь. Судя по архивным источникам, в Белой Армии тоже использовался данный метод, но в меньшей степени.

Количество проводимых митингов за годы Гражданской войны огромно. Только в 1919 г. в Петроградском округе было организовано 94 митинга и собраний, в Ярославском – 404, в Орловском – 141, в Западном – 52, в Приволжском – 91, в Саратовской и Симбирской губерниях – 112⁶. В Оханском уезде Пермской губернии партийным работникам предписывалось во время проведения митингов ставить определенные задачи перед жителями: «...На всех сельских деревенских митингах ...убеждать население, составив приговоры, коих граждан подпиской обязуются дезертиров не держать, заявляя каждый раз о них и вновь появляющихся всем миром препровождать в ближайшую уездкомдезертир»⁷.

Летом 1919 г. по предложению Центркомдезертир было принято решение использовать в целях агитации членов Союза молодежи, которые, объединившись в отряды, должны были вести борьбу с дезертирством⁸. Из циркулярного письма Петербургского губкома организациям РКСМ: «Одна из задач помощи армии – искоренение дезертирства... Бороться ...как путем агитационным, обсуждая этот вопрос на митингах, собраниях, лекция и проч., так и активной поддержкой в поимке дезертиров. Члены РКСМ участвуют в облавах при отрядах в качестве политических работников... Они обязаны предупреждать несправедливые действия отрядов и отдельных лиц отряда, могущих восстановить насе-

¹ Современная Пермь. 1919. 11 мая.

² ЦДНИСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 797. Л. 13.

³ Там же. Л. 71.

⁴ Шевоцуков П.А. Указ. соч. С. 56

⁵ Андреев В.М. Под знаменем пролетариата: (Трудовое крестьянство в годы Гражданской войны). М., 1981. С. 173–175.

⁶ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 198. Л. 32.

⁷ ГАПО. Ф. Р-417. Оп. 1. Д. 1. Л. 34.

⁸ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 198. Л. 21 об.

ление против Советской власти, строго памятуя, однако, задачу быстрого искоренения дезертирства»¹.

Как показала практика, методы агитации и пропаганды успешно использовались в деле борьбы с дезертирством. По словам Л.Г. Улыбиной, «в период Гражданской войны (печати) придавалось большое значение в политико-просветительской работе с личным составом Красной Армии и населением прифронтовой полосы. Оказывала она влияние и на войска противника, способствуя его идейному разложению»².

В целях привлечения на свою сторону рабочих и крестьян, руководство РККА широко пропагандировало классовую ненависть к врагу, что отражалось в различных листовках, воззваниях и других печатных материалах. Л.Г. Улыбина также отмечала: «В этих изданиях разъяснялся справедливый характер Гражданской войны со стороны Красной Армии, велась агитация за Советскую власть, разоблачались зверства белогвардейцев, насильно мобилизованным в армию Колчака объяснялись условия перехода в Красную Армию. К противнику обращались известные неприятелю командиры и комиссары»³.

Члены комдезертир, которым удавалось с помощью различных методов устранить дезертирство, направлялись в районы, где эта проблема была наиболее серьезной. Согласно постановлению Совета обороны от 2 июля 1919 г. Центркомдезертир приняла решение временно командировать представителей комиссий в губернии, где борьба с дезертирством не дала значительных результатов. Так, из Рязани были командированы 5 человек: 1 – в Курск, 1 – в Орел, 1 – в Тулу, 2 – в Калугу⁴. Не трудно заметить, что приведенные данные свидетельствовали об острой нехватке опытного кадрового состава. При этом количество командированных работников комдезертир было несопоставимо с тем объемом работ, который им предстояло выполнить.

Методов борьбы с дезертирством было множество. Власти на местах получили возможность любыми способами решать эту проблему. Практиковалось все: конфискация имущества, лишение свободы, взятие заложников, расстрел. Лучшим считался тот, что действовал.

В условиях острой нехватки личного состава большевики не могли постоянно использовать в качестве меры пресечения дезертирства высшую меру. Действуя гуманными методами, они не только сохранили состав армии, но и добились взаимопонимания со стороны военнослужащих. Жесткие меры пресечения дезертирства в Белой Армии с одной стороны приводили к еще большему его проявлению, особенно в конце Гражданской войны, а с другой стороны – сокращению численности состава. Здесь, как и в Красной Армии, среди военнослужащих были рабочие и крестьяне, которых с помощью подобных мер нельзя было заставить воевать. Поэтому они и переходили на ту сторону, где им гарантировались сохранение жизни и некоторые льготы, которых в Белой Армии не было.

Одним из лучших методов борьбы с дезертирством в Красной Армии стала помощь семьям военнослужащих. При этом использовались любые средства. Так, например, в Красноуфимском уезде Екатеринбургской губернии штаб «тройки» в ноябре 1920 г. приказал землянки дезертиров использовать для нужд семей красноармейцев: «Всем волисполкомам и сельсоветам ...немедленно приступить к уничтожению избышек и землянок, в которых укрывались и укрываются дезертиры. Если в селении при волости имеются бедные

¹ В кольце фронтов. Молодежь в годы Гражданской войны. Сборник документов. М., 1963. С. 272.

² Улыбина Л.Г. Роль красноармейской печати Восточного фронта в политическом воспитании военнослужащих (1918–1920) // Урал в годы Гражданской войны (1918–1920): Сб. науч. пер. Свердловск, 1986. С. 106.

³ Улыбина Л.Г. Указ. соч. С. 116–117.

⁴ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 198. Л. 22.

граждане, в особенности, семьи красноармейцев, нуждающихся в этих постройках, то таковые передавать в их распоряжение с условием немедленной перевозки таковых в деревню. Если же таковых граждан не окажется, то сжигать их на месте»¹.

Практика показала, что в годы войны успешной борьбе с дезертирством способствовало сочетание различных методов – от применения репрессий до установления целого ряда льгот для военнослужащих (денежное жалование, обеспечение жилплощадью, одеждой и питанием).

Большевикам удалось создать гибкую систему, при которой можно было в зависимости от ситуации устанавливать или отменять льготы военнослужащим. Постановлением Центркомдезертир от 24 июня 1919 г. семьи дезертиров лишались пайка, моментом восстановления права на паек считалось прибытие дезертира на фронт². В сентябрьском постановлении «семьи дезертиров лишались всех видов пособий и помощи, установленных для семей красноармейцев...»³.

Несмотря на то, что льготы действовали не всегда и лишь на освобожденных территориях, это ставило служащих Красной Армии в привилегированное положение. Белой Армией в населенных пунктах нередко осуществлялись реквизиции или грабежи мирных жителей, что явно не способствовало ее популярности. Предоставление льгот Красной Армии обеспечивало ей преимущество над противником, а мобилизованные белыми крестьяне, все чаще предпочитали переходить на ее сторону.

Дезертирство было одной из первоочередных задач, которую пытались решить большевики и их противники. Для этого потребовалось создание системы управления и контроля, принятия соответствующих мер, что в условиях войны казалось не выполнимым. Произошло немало преобразований в центральном и местных уровнях власти, прежде чем большевикам удалось окончательно решить проблему дезертирства.

¹ ЦДНИ СО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 797. Л. 41.

² ГАПО. Ф. Р-374. Оп. 1. Д. 70. Л. 30.

³ ГАПО. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 48. Л. 43.

**МЕСТА ЗАКЛЮЧЕНИЯ В САРАТОВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ
В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ**

1. Места заключения Саратовской губернии к началу 1917 г. Территориальная система мест заключения дореволюционной Саратовской губернии оформилась в основном во второй половине XIX века. Структура ее была типична, и в этом плане Саратовская губерния мало отличалась от других. В губернском центре имелись крупная губернская тюрьма и исправительно-арестантское отделение, в уездных городах располагались девять небольших уездных тюрем (таблица 1). В них содержались и подследственные, и «срочные» (то есть осужденные) арестанты, причем политзаключенных рекомендовалось размещать преимущественно в Саратовской губернской тюрьме. В исправительно-арестантское отделение попадали осужденные за малозначительные преступления в возрасте до сорока лет, годные к физической работе¹. Тюрьмы подчинялись Главному тюремному управлению при министерстве юстиции, на местном уровне – губернскому тюремному инспектору.

Таблица 1

Структура и наполнение мест заключения Саратовской губернии
на 1.01.1902²

Тюрьма	Штат надзирателей	На сколько арестантов рассчитана	На 1.01.1902 содержалось Арестантов
Хвалынская уездная	9	50	52
Камышинская уездная	11	100	110
Балашовская уездная	10	60	74
Аткарская уездная	9	35	102
Петровская уездная	12	60	72
Царицынская уездная	26 (+3 жен.)	189	237
Вольская уездная	13	100	81
Кузнецкая уездная	10	80	90
Сердобская уездная	7	30	63
Саратовское исправительно-арестантское отделение	43	700	528
Саратовская губернская	43 (+3 жен.)	Около 400	434
Всего:	199	Около 1800	1843

В первые годы XX в., когда после проигранной Россией русско-японской войны остров Сахалин больше не мог использоваться как каторга, в Саратове была организована так называемая временно-каторжная тюрьма для размещения в ней осужденных к каторжным работам. Подобные тюрьмы появились и в других, но далеко не во всех губернских городах европейской России. Здания губернской тюрьмы (построено в 1907 г.), исправительно-арестантского отделения (построено в 1832 г.) и временно-каторжной тюрьмы (построено, по некоторым данным, в конце XIX в.) сохранились до настоящего времени и сейчас используются как режимные и административный корпуса следственного изолятора № 1 и Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний России по Саратовской области. Это же относится и к старым зданиям

¹ Энциклопедия Саратовского края в очерках, фактах, событиях, лицах. Саратов, 2002. С. 332.

² Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 655. Оп. 1. Д. 396. Л. 34.

ныне действующих тюрьмы в Балашове (корпус постройки 1912 г.) и следственного изолятора № 2 в Вольске (корпус постройки 1850-х г.г.).

2. Тюрьмы Саратовской губернии в период 1917–1921 гг.¹ Судя по документам, наиболее сложным для тюремного ведомства стал 1917 год, когда Советская власть в губернии лишь начинала крепнуть. Подробного отчета за этот год о происшествиях в саратовских местах заключения не найдено, но, судя по косвенным упоминаниям в других документах, многие тюрьмы претерпели погромы. Так, в пожаре при разгроме Царицынской тюрьмы сгорела вся документация. В остальных тюрьмах надзиратели и администрация были деморализованы и боялись предъявлять арестантам какие-либо требования в части соблюдения режима содержания. Максимум, на что хватало власти, это – не допустить их побега из стен тюрьмы. Заключение свободно перемещались из камеры в камеру, общались друг с другом и с «волей», митинговали, имели при себе холодное (ножи, бритвы), иногда и огнестрельное оружие. В циркуляре саратовского губернского тюремного инспектора, датированном апрелем 1917 г., констатируется, что «по случаю амнистии во всех тюрьмах осталось самое незначительное число арестантов, даже в каторжной тюрьме всего несколько десятков человек».

В апреле же в России был разрешен призыв в действующую армию добровольцев из числа «срочных» и следственных арестантов некоторых категорий (на условиях условного освобождения). Видимо, у саратовских заключенных это не вызвало особенного всплеска патриотизма. Имеется единственное документальное упоминание, что 14 апреля 1917 г. в армию зачислены восемь арестантов Петровской уездной тюрьмы. Саратовским губернским тюремным инспектором в этот период оставался принявший пост в 1908 г. статский советник Н.П. Сартори, помощником его – Хвалько.

Новая, Советская, власть практически с первых дней активно взялась за укрепление пенитенциарной системы, а места заключения вновь наполнились и даже переполнились, что потребовало увеличения штатов персонала по сравнению с дореволюционными (таблица 2). Принимались энергичные меры по укреплению режима содержания заключенных и внутреннего порядка в тюрьмах. Согласно сохранившемуся подробному отчету о происшествиях в саратовских местах заключения, таковых и в 1918 г. насчитывалось предостаточно, но это в основном были побеги, а не организованные погромы пенитенциарных учреждений или «беспредел» заключенных в их стенах.

Таблица 2

Фактический состав надзирателей некоторых тюрем Саратовской губернии по состоянию на 30.05.1918 г.

Тюрьма	Штат надзирателей на 1.01.1902 г.	Имеется надзирателей на 30.05.1918 г.
Саратовская	43 (+ 3 жен.)	176 (+10 жен.)
Вольская	13	13 (+1 жен.)
Сердобская	7	11
Петровская	12	13
Аткарская	9	15
Камышинская	11	13 (+1 жен.)
Балашовская	10	32 (+ 5 жен.)

¹ Параграф написан по материалам архива ГУВД по Саратовской области.

В 1918 г. заключенными саратовских тюрем совершено 25 побегов и покушений на побеги, из них 6 – групповых и (или) с нападением на охрану. Здесь должен быть упомянут вооруженный побег из губернской тюрьмы семи особо опасных преступников, произошедший 6 июня 1918 г. (начальник тюрьмы в апреле – июне 1918 г. – Н.А. Корбутовский). В саду напротив трамвайного парка на улице Астраханской беглецов окружили бросившиеся вдогонку надзиратели и красноармейцы. После обстрела сада из пулемета беглецы сдались. При побеге были убит один надзиратель, ранены два надзирателя и один красноармеец военного караула тюрьмы. В связи с побегом были в административном порядке расстреляны 52 заключенных губернской тюрьмы, включая четверых, убитых непосредственно при пресечении побега.

Имели место 4 самоубийства заключенных. В числе самоубийц – повесившийся на полотенце 3 апреля 1918 г. в одиночной камере губернской тюрьмы Константин Прокофьевич Полежаев, мещанин г. Боровска. Полежаев обвинялся в краже драгоценностей из Патриаршей ризницы московского Кремля на 30 млн руб. (в советское время об этом громком деле были написана книга и снят фильм).

Имеется единственное упоминание о вооруженном нападении на тюрьму. 20 июня 1918 г. вооруженной бандой обезоружена охрана Кузнецкой тюрьмы, открыты камеры, освобождены 27 заключенных. Беспорядков заключенных внутри тюрем не было. Упоминается лишь, что 24 мая 1918 г. в губернской тюрьме часовой военного караула от 5-го Советского латышского полка Ян Юров Звайгнит стрелял в двух административно арестованных Чернышева и Поляницына, смотревших в камерное окно 2-го тюремного корпуса (подходить к окнам и смотреть в них запрещалось).

В числе происшествий упоминаются расстрелы в тюрьмах 18 человек по постановлениям ВЧК и приговорам ревтрибунала. Очевидно, этот перечень неполон. Так, например, 8 сентября 1918 г. в Балашовской тюрьме по постановлениям Балашовского отдела ВЧК были расстреляны «два грабителя-бандита Саран и Панченко, и за агитацию черносотенцы-монархисты вице-губернатор Сумароков и жандармский полковник Орчинский». А 12 августа 1918 г. конвоиры «боевой дружины коммунаров», получив в губернской тюрьме по предписаниям ЧК для допроса четверых арестантов, во дворе тюрьмы их расстреляли, трупы увезли в автомобиле. В общем, можно полагать, что в 1918 г., несмотря на обилие происшествий, ситуация в саратовских тюрьмах была уже контролируемой и достаточно стабильной по сравнению с годом 1917-м.

Характерно, что кадровая политика Советской власти в отношении тюремных служащих разительно отличалась от таковой в отношении служащих иных правоохранительных и силовых ведомств. Общеизвестно, что служба безопасности Советской России – ВЧК – формировалась «на пустом месте», ее предшественники – жандармерия и охранка – были распущены, их сотрудники подвергались репрессиям. Примерно то же происходило и в рабоче-крестьянской милиции – использование старых полицейских «кадров» (в основном сотрудников сыска и криминалистов) допускалось, но было минимизировано. Тюремная же система никаких существенных и резких изменений не претерпела, особенно на местном уровне.

Постепенно было заменено руководство. В первые месяцы 1918 г. также продолжала свою работу губернская тюремная инспекция. Обязанности инспектора исполнял штатный помощник инспектора Хвалько. В октябре 1918 г. Хвалько уже числится помощником заведующего карательным отделом Саратовского губернского комиссариата юстиции В. Сергеева. К весне 1918 г. были заменены начальники тюрем и их помощники – но отнюдь не репрессированы, три месяца после снятия с должностей они еще числились «за штатом» и получали денежное содержание, положенное по прежней должности. Руководящими

документами из центра требовалось числить за штатом и платить содержание не три, а шесть месяцев, но в губернской казне на это не хватило денег.

Рядовые же надзиратели продолжали свою службу в полном составе. К весне 1918 г. относится переписка губернского комиссара юстиции с Главным управлением мест заключения НКЮ РСФСР о выдаче единовременного денежного вознаграждения надзирателям, выслужившим по 25 лет. Например, 30 марта 1918 г. в ГУМЗ направлен послужной список младшего надзирателя Царицынской тюрьмы Степана Архиповича Постникова, в 1906 г. награжденного серебряной медалью «За усердие» для ношения на Анненской ленте, который к 16 сентября 1917 г. выслужил 25 лет. Раньше о подобном доносилось в Главное управление, нужно ли и далее придерживаться сего правила? – спрашивает комиссар. Продолжая традицию царских времен, новая революционная власть аккуратно выплачивала таковое вознаграждение старым служакам, начинавшим свою деятельность еще в 1890-е гг. и охранявшим в тюрьмах, помимо прочих, большевиков и иных революционеров. Так, 31 марта 1918 г. распоряжением ГУМЗ были назначены денежные выплаты отслужившим по 25 лет саратовским надзирателям Щеглову и Спиридонову. 13 мая 1918 г. в ГУМЗ направлены документы выслужившего 25 лет старшего надзирателя Саратовской губернской тюрьмы Петра Чернышева (с оговоркой, что своевременно не было доложено по недоразумению).

Новая власть активно взялась и за наведение упавшей в 1917 г. служебной дисциплины, надзиратели обязывались добросовестно исполнять свои обязанности под угрозой уголовного наказания. В циркуляре № 118 от 11 октября 1918 г. заведующего карательным отделом Саратовского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов В. Сергеева констатировалось, что «...надзирательский состав в местах заключения часто меняется ... также замечено, что среди служащих мест заключения попадают лица с уголовным прошлым...». В связи с этим все служащие обязывались иметь при себе во время несения службы номерное удостоверение с фотокарточкой. Ношение форменной одежды не регламентировалось, но на левой руке персонал должен был иметь белую повязку с печатью места заключения и вышитыми заглавными буквами наименования места заключения и номером удостоверения. В зависимости от должности, на свою повязку ее обладатель должен был нашить одну или несколько цветных полос. Медперсонал обязан был носить белую повязку с нашитыми красной тесьмой знаками Женевской конвенции.

Имеются упоминания о службе в Саратовской тюрьме надзирателей-ветеранов, начинавших еще при царском режиме. Они датированы серединой 1920-х и даже 1930-ми годами.

Основные тенденции в преобразовании мест заключения губернии были заданы, а скорее просто констатированы, в циркуляре № 77 от 31 июля 1918 г. Саратовского губернского комиссара юстиции. А именно: закрытие мелких уездных тюрем, дорого стоящих, но совершенно непригодных для содержания заключенных; сокращение штатов надзора в целях экономии и, с другой стороны, освобождения средств для усиления педагогического и технического персонала. В циркуляре отмечалось, что в центре уже начаты опыты по созданию мест по созданию новых типов мест заключения. Циркуляр заведующего карательным отделом Саратовского губернского комиссариата юстиции № 106 от 23 сентября 1918 г. определял, в соответствии с циркуляром наркомата юстиции № 32 от 7 августа 1918 г., очередные задачи реорганизации карательного дела на местах:

- создание и восстановление в тюрьмах мастерских, снабженных надлежащим оборудованием, материалами и опытными инструкторами;

¹ Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 46. Оп. 1. Д. 17. Л. 37.

- организация работ вне тюрем, так как имеющиеся мастерские за последние годы заброшены, и восстановить их быстро не представляется возможным;

- выработка принципов оплаты труда заключенных с тем, чтобы возмещать расходы на их содержание и выдавать пособия при освобождении. Временно установлено, что $\frac{2}{3}$ заработка идут в доход казны, $\frac{1}{3}$ – на лицевой счет заключенного. Используются расценки соответствующих профсоюзов.

Реально наладить полноценный труд заключенных во время Гражданской войны не удалось, а вот число мест заключения действительно уменьшилось, хотя оставшиеся и были переполнены (особенно Саратовская губернская тюрьма). К маю 1918 г. (видимо, в числе прочих временно-каторжных тюрем) была закрыта Саратовская временно-каторжная тюрьма, надзиратели и арестанты переведены в губернскую тюрьму. Следом прекратила свое существование Хвалынская тюрьма. В июле 1918 г. город Хвалыньск был оставлен красными войсками, при этом комиссар Балаковского полка Картанов забрал из тюрьмы для нужд части 2 новых тулупа, 20 новых одеял, 27 бушлатов, 22 суконных брюк, 13 револьверов «Смит-Вессон» и 90 комплектов нательного белья. Далее уже белые, отступая в сентябре 1918 г. из города, забрали из тюрьмы деньги, всю документацию, 12 новых суконных одеял, серого мерина, пролетку на резиновом ходу, 8 револьверов «Смит-Вессон», а также все лампы, ведра, бочки, чашки, ложки и топоры. Разграбленную Хвалынскую тюрьму решили не восстанавливать. До конца Гражданской войны прекратили свое существование также Кузнецкая тюрьма.

Некоторое понятие о состоянии саратовских мест заключения в период Гражданской войны дает отчет, датированный ноябрем 1921 г. Непосредственно в городе Саратове имелись следующие места заключения: губернская тюрьма в ведении Губюста, тюрьма №3 в ведении Саргубчека, лагеря №№ 1 и 2 принудительных работ и места заключения уголовной милиции. Помещения тюрьмы № 3 и лагерей принудработ были недавней постройки, и в санитарном отношении более или менее удовлетворительны. Исключительно антисанитарны места заключения уголовной милиции: маленькие, низкие, темные камеры без вентиляции в непригодных подвалах. Ни в одном из мест заключения заключенные не снабжаются ни бельем, ни положенной одеждой, ни постельными принадлежностями. У кого нет родных в Саратове, могущих принести передачу, ходят по 6-8 месяцев в одном белье бессменно. Питание – однообразное во всех тюрьмах. Так, раскладка по губернской тюрьме такова: хлеб $\frac{3}{4}$ фунта, приварок в зависимости от наличия продуктов, картофель – 1 фунт, крупа на кашу – 24 золотника, капуста, рыба – 24 золотника, мука – 2 золотника, соль – 3 золотника, масло – 2 золотника. Выдача питания в тюрьмах – раз в день, только в тюрьме № 3 дается горячий ужин и сахар. Передачи во всех местах заключения принимаются ежедневно, только в тюрьме №3 – дважды в неделю. Прогулки проводятся не каждый день, да и то кратковременно. Обилие насекомых. В лагерях и тюрьме № 3 борются с ними в камерах путем окуливания серой, выжигания калильной лампой, обработкой различными жидкостями. В губтюрьме подобная санобработка затруднена из-за хронического переполнения камер – вместо 580 человек содержится около 1100. Баня проводится раз в 14-16 дней, но из-за нехватки мыла и отсутствия сменного белья дает мало эффекта. Заболевания цингой из-за плохого питания, особенно в губернской тюрьме: в июле – 4, в августе – 10, в сентябре – 30 (умерло 9), в октябре – 32 (умерло 13). При всех местах заключения имеется по санитарному врачу с помощником и по особому отряду заключенных-санитаров.

3. Лагеря принудительных работ Саратовской губернии¹. В соответствии с декретом ВЦИК от 21 марта 1919 г. и постановлением ВЦИК от 17 мая 1919 г. в период Гражданской войны в России создавались концентрационные лагеря, подведомственные ВЧК, и лагеря принудительных работ, подчиненные НКВД, с ярко выраженной классовой направленностью. Правовые основы их деятельности были иными, чем в исправительно- трудовых учреждениях, находящихся в ведении наркомюста. В концентрационных лагерях по постановлению ВЧК содержались интернированные на время Гражданской войны иностранные граждане и представители ранее господствующих классов, способные при определенных условиях выступать с оружием в руках против Советской власти. ВЧК указывала, что эти лица должны рассматриваться как временно изолированные от общества в интересах революции, а потому условия их содержания не должны иметь карательного характера. В лагеря принудительных работ заключенные помещались как по решению судебных органов на определенный срок, так и в административном порядке. Заключенным, проявившим трудолюбие, администрация лагеря могла позволить жить на частных квартирах и являться в лагерь для исполнения назначенных работ. В годы Гражданской войны, когда уголовная преступность тесно смыкалась с преступностью политической, в лагерях осуществлялась в основном изоляция наиболее опасных для Советского государства лиц². Как правило, один и тот же лагерь совмещал функции концентрационного лагеря и лагеря принудительных работ, и сами названия эти использовались как синонимичные. Например, «Саратовский концентрационный лагерь принудительных работ».

На местном губернском уровне лагеря подчинялись подотделу принудительных работ и общественных повинностей отдела управления губисполкома (заведующие подотделом – Радо, Афанасьев, зам. заведующего – Бауэр). Кроме подотдела принудработ, отдел управления включал в себя управление делами и подотделы: организационно-инструкторский, записи актов гражданского состояния, милиции, сметно-счетный (приказ отделу управления Саргубисполкома № 285 от 8 марта 1921 г.).

Организованному в Саратове (ориентировочно, в последние месяцы 1919 г.) лагерю принудительных работ были переданы помещения и мастерские бывшего исправительного арестантского отделения. В число мастерских входили: часовая, сапожная, портняжная, столярная, слесарная, колесная, жестяночная, гвоздильная мастерские, а также кузница. Перестала действовать (из-за отсутствия сырья) лишь ткацкая мастерская. К лету в лагере содержалось порядка 700—800 заключенных, в основном совершеннолетних мужчин, хотя имелись также женщины и несовершеннолетние (таблица 3). Осенью 1920 г. число заключенных подскочило до тысячи и выше. Характерной была высокая «текучесть» заключенных: прибытие – убытие их за день достигало нескольких десятков человек.

Таблица 3

Число заключенных в Саратовском лагере принудительных работ и их занятость трудом

Дата	Всего заключенных	Мужчин	Женщин	Несовершеннолетних	На работе (в процентах от общего числа)
16.05.1920	793	760	31	2	319 (40%)

¹ Параграф написан по материалам архива ГУВД по Саратовской области.

² Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX – начала XXI века / Под ред. А.И. Зубкова. Москва, 2002. С. 274–275.

31.05.1920	553				276 (50%)
30.06.1920	757				402 (53%)
31.08.1920	974	920	53	1	
15.09.1920	1035	967	64	4	
1.11.1920	1343				
13.12.1920	663				
31.12.1920	560				
12.03.1921	1818	1677	119	22	

Особую категорию заключенных саратовского лагеря составляли около пятидесяти «заложников на все время Гражданской войны», которых предполагалось репрессировать в случае каких-либо контрреволюционных выступлений в губернии. В лагере находились также военнопленные и перебежчики, уголовники и бродяги и, до выяснения обстоятельств, жители Саратова, нарушившие «комендантский час» (приказ № 88 от 4 марта 1921 г. по гарнизону г. Саратова). Телеграммой Главного управления принудработ НКВД РСФСР от 28 мая 1921 г. всем лагерям предписывалось беспрепятственно принимать от местных комиссий по борьбе с незаконным использованием транспорта «мешочников» и, вообще, безбилетных пассажиров, которые «подлежат рациональному использованию на принудительных работах». Наконец, такая достаточно курьезная деталь. Весной-летом 1921 г. в Саратове остро встал вопрос о защите зеленых насаждений. Жителям были запрещены неорганизованный выпас коз на городских улицах, потрав и вырубка насаждений. Нарушители также направлялись на небольшие сроки (несколько дней) в лагерь. Представление о составе заключенных дает, например, отчет коменданта лагеря за вторую половину мая 1920 г. В конце отчетного периода имелось 564 заключенных. Из них: осужденных на срок до пяти лет – 415 человек (74 % от общего числа), на срок свыше пяти лет – 5 человек (менее 1 %), на неопределенный срок – 17 человек (3 %), военнопленных – 58 человек (10 %), «заложников и на все время Гражданской войны» - 55 человек, в том числе одна женщина (около 10 %).

Руководили лагерем коменданты: Тюликов, с марта 1920 г. – Листов, с 9 апреля 1920 г. – Мироненко, с 12 июля 1921 г. – Генералов. Судя по документам, лагерный режим не отличался особой жесткостью, во всяком случае первоначально. В первые недели функционирования лагеря широко практиковалась работа заключенных представителей интеллигентских профессий в том же учреждении, что и до заключения. В лагерь они приходили на проверку и ночлег, а в течение дня свободно, без охраны перемещались по городу, могли зайти к себе домой пообедать и пообщаться с родными. Работающим внутри лагеря администрация разрешала «дневные отлучки» - нечто вроде увольнительных.

Но уже в феврале всех заключенных специалистов, работающих в советских учреждениях и государственных предприятиях по своей специальности, отозвали с работ. Впредь таковых разрешалось посылать на работы по специальности только по получении соответствующего разрешения от административного или судебного органа, за которым числится данный заключенный – совнарсуда, ревтрибунала, ЧК, отдела управления губисполкома. Тем не менее, если разрешение было получено, комендант лагеря обязан был немедленно снять заключенного с общих работ и отправить трудиться по специальности (приказ № 14 от 10 февраля 1920 г. отдела управления Саратовского губисполкома). Ввиду участившихся побегов из лагеря были запрещены дневные отлучки (приказ № 16 от 12 февраля 1920 г.). Предписывалось в десятидневный срок зафиксировать в личных делах и проверить домашние адреса всех заключенных (приказ № 18 от 17 февраля 1920 г.). Запретили использо-

вать на работах вне лагеря всех заключенных, приговоренных до конца Гражданской войны и пожизненно (приказ № 33 от 20 марта 1920 г.).

Свидания с заключенными разрешались по будням с шести до семи вечера, по выходным дням с десяти утра до часу дня. Ближайшие родственники (к ним причислены жена, дети, родители, сестры) в выходные дни на свидания допускались без пропусков. Таким образом, количество свиданий заключенных с членами их семей фактически не лимитировалось (приказ № 25 от 4 марта 1920 г.). Отдельным приказом по лагерю 4-5 апреля 1920 г. – дни еврейской Пасхи – для заключенных евреев были объявлены нерабочими, на эти дни им была предоставлена отдельная камера для совершения религиозных обрядов и разрешены беспрепятственный прием передач и свидания с родными с десяти часов утра до восьми вечера (приказ № 37 от 3 апреля 1920 г.). Практиковалось назначение заключенных-специалистов на административные должности в аппарате управления лагеря, например, заключенный Герценберг был назначен «ответственным руководителем счетоводства лагерных мастерских» (приказ № 48 от 22 апреля 1920 г.).

Наряду с работой в лагерных мастерских, заключенных использовали на малоквалифицированных физических работах в городе, в основном, на погрузке-разгрузке железнодорожных вагонов и барж. Например, во второй половине мая 1920 г. заключенные работали на 35 объектах в Саратове, Покровске и в пригородных сельских районах. Превалировали по числу затраченных человеко-дней работы на Рязано–Уральской железной дороге (станции Покровск, Увек и др.) и в речном порту Центросоюза водного транспорта. В отчете о работах упоминаются также холодильный пункт, 2-я Советская больница, гарнизонные бани, мельницы, пекарня, фермы и полевые секции. Продолжая традицию исправительного арестантского отделения, лагерь обеспечивал работу в Саратове ассенизационного «мусорного обоза». Арестантской рабочей силой обслуживались пригородные совхозы «Красная поляна» и «Красный прогресс». Совхоз «Красный прогресс» напрямую подчинялся подотделу принудработ, имел 120 десятин земли: 90 – пашня, 30 – фруктовые сады (заведующий совхозом – Ермолаев).

Однако свое название лагерь принудительных работ явно не оправдал. Производительным трудом здесь удавалось занять лишь около половины заключенных, причем этот показатель был довольно стабильным, колеблясь в пределах нескольких процентов (см. таблицу 2). Само производство оказалось малоэффективным. Так, для работы в мастерских внутри лагеря не все заключенные имели должную квалификацию, в условиях военной разрухи мало было заказов, остро не хватало расходных материалов. Например, когда в апреле 1920 г. сапожная мастерская лагеря выполняла заказ по починке обуви курсантов партийно-советской школы, запасные подметки удалось раздобыть только через высшую губернскую власть. Широкомасштабному выводу заключенных на работы в город препятствовала нехватка конвоиров. Да и процесс получения разрешений на работу для тех заключенных-интеллигентов, кто продолжал трудиться по прежнему месту, требовал немало времени. Вознаграждение за труд полагалось выплачивать при условии ежедневной восьмичасовой работы (приказ № 34 от 23 марта 1920 г.).

Охрана лагеря (на 14 января 1921 г.) подразделялась на наружную и внутреннюю. Первую нес Саратовский караульный полк, из которого ежедневно в лагерь высылались команда в 38 человек. Постов 11, а именно: 2 у входа в лагерь по Астраханской улице, 3 – у стен внутри двора, 1 – у больницы, 1 – у кладовой, 1 – у цейхгауза, 1 – у здания военнопленных поляков, 3 – в коридорах 2, 3, 4 этажей корпуса. Внутреннюю охрану осуществляли 3 старших и 5 младших надзирателей, 4 надзирательницы и 8 красноармейцев на должности младших надзирателей. Для сопровождения заключенных на работы от караульного полка ежедневно высылались 20 красноармейцев.

Согласно «обязательному постановлению» коменданта лагеря Мироненко, все неграмотные и малограмотные заключенные должны были посещать «школу безграмотности». Занятия проводились с 7 до 9 часов вечера, для мужчин – в лагерной библиотеке, для женщин – в камере № 36. К этому времени все работающие как внутри, так и вне лагеря должны были возвращаться с работ. За непосещение занятий следовало дисциплинарное наказание. Грамотность вновь прибывших в лагерь регистрировала канцелярия. Достаточно часто заключенные совершали побеги, но нередко добровольно возвращались назад в лагерь. Например, параграф 2 приказа коменданта лагеря № 166 от 15 июня 1921 г.: «Вернувшуюся из бегов Иванову Веру зачислить с сего числа на провиантское, приварочное и чайное довольствие».

На 12 марта 1921 г. в лагере содержалось 1818 человек. Из них 631 человек – собственно заключенных лагеря, оставшиеся 1187 человек – «вакулинцы и антоновцы». Рассчитанный максимально на 1000 человек лагерь был переполнен почти в два раза. Комендант Мироненко докладывал в подотдел принудработ, что нет возможности обеспечить всех горячей пищей и кипятком. По причине хронического переполнения лагеря здесь же в Саратове был организован второй лагерь (уже имеющемуся дали номер первый). Лагерь № 2 создали в апреле 1921 г. в помещении 126-го этапа на пересечении улиц Ильинской и Кирпичной (Посадского) (комендант лагеря № 2 с 1 мая 1921 г. – Г. Тюликов, бывший пом. коменданта лагеря № 1).

В июне 1921 г. в губернии имелись лагеря: Саратовские №№ 1, 2, Хвалынский, Новоузенский, Аткарский, Балашовский, Сердобский, Кузнецкий. 25 июня лагеря №№ 1, 2 были осмотрены властями, санитарное состояние их найдено в целом удовлетворительным (указано установить в обоих лагерях баки для кипяченой питьевой воды). В стадии организации были лагеря в Вольске, Дергачах, Петровске, Покровске, Камышине. Суммарное номинальное наполнение саратовских лагерей составляло 1500 человек (штат охраны – 60 красноармейцев). Наполнение уездных лагерей – по 300 человек (штатные караулы – по 20 красноармейцев). Реально для охраны лагерей привлекалась милиция: 30 саратовских милиционеров, всех прочих – по 12. Представление о том, как создавали новые лагеря, дает отчет инструктора по организации лагерей подотдела принудработ И.Т. Менделя. Прибыв в Камышин организовывать лагерь, в качестве вероятных мест его расположения он обследовал следующие объекты: бывший винный склад, воинские бараки, мельницу Шмидта и музыкальную школу. Критерии выбора: желательно за городом, но не очень далеко, возможность проживания заключенных и организации производственных мастерских, минимум затрат на ремонт и оборудование помещений.

Представление о жизни в лагере дает отчет за октябрь 1921 г. коменданта Сердобского лагеря. В лагере – около 50 заключенных. Они живут в двух бараках бывших воинских казарм, требующих подготовки к зиме, на что нет средств. Поэтому на зиму разрешено занять другое помещение. В восемь часов утра – развод на работы. С часу до двух – обед для работающих в лагере, в общей столовой по группам. Работающим вне лагеря обед предоставляется по возвращении с работ. В шесть вечера – выдача кипятка. С полседьмого до восьми – личное время, читка газет и книг в лагерной читальне, неграмотные обучаются грамоте (есть учительница). Затем проверка, отбой, всякие хождения прекращаются. Имеются клуб с библиотекой, лекторы от местного Политпросвета выступают с докладами по политическим и культурно-просветительским вопросам. Организованы хоровая, музыкальная и драматическая секции. В сентябре в местном кинотеатре заключенные бесплатно смотрели фильм. Суточный паек: 96 золотников хлеба, 32 – крупы, 3,6 – масла, 3,2 – соли, 96 – картофеля, 24 – мяса, 1,2 – муки. Летом из-за отсутствия белья и мыла были неудовлетворительны санитарные условия, в сентябре вопрос изменился в лучшую сторону. Баня – дважды в месяц. Местный здравотдел пре-

доставил в распоряжение лагеря постоянного лекпома. Охрану лагеря осуществляют 12 милиционеров посменно. Работа плотницкой, сапожной и портняжной мастерских тормозится отсутствием инструментов и материала, в выдаче которых местные власти отказали. Для пошива белья приобретено 24 катушки ниток в обмен на 1 пуд и 3 фунта муки из премиального фонда заключенных. В отчетный период заключенные ремонтировали лагерные помещения, рубили дрова на зиму для лагеря, убирали и грузили овощи, картофель и рожь в Опродкомгубе и Заготконторе.

Можно предполагать, что конец лагерей принудработ – специфического порождения Гражданской войны – определили не только и не столько завершение самой Гражданской войны (ведь в весной-летом 1921 г. лагеря еще активно создавались), сколько проведение новой экономической политики – НЭПа. На губернском совещании руководителей лагерей принудработ, в связи с новой экономической политикой и на основании указаний центра, были определены основные направления развития лагерной «экономики»: постановка всей работы лагерей на чисто коммерческую основу, организация производственных предприятий самого разнообразного характера (мастерских, маленьких заводов, совхозов); достижение, таким образом, наиболее рационального использования труда заключенных лагерей и постепенного перехода на самоснабжение и освобождение государства от расходов на содержание. Приказ отдела управления № 72 от 12 декабря 1921 г. требовал исчислять заработок заключенных на основе «вольных» расценок, утвержденных соответствующими профсоюзами; предпочтение должно было отдаваться сдельной оплате перед поденной. Продукция лагерных мастерских должна была оцениваться на основе цен местного рынка.

Тем не менее, все это оставалось на уровне благих намерений. В нэповскую экономику лагеря явно не вписывались. Так, уже 24 марта 1921 г. Саратовский подотдел принудработ запрашивал кредит в 20 млн руб. в финотделе НКВД и ВЧК на содержание лагерей и совхоза при подотделе. При этом указывалось, что три функционирующих и пять организуемых лагерей в Саратове и уездах находятся в критическом финансово-экономическом положении. «Большую часть заключенных составляют пленные, захваченные во время ликвидации разных бандитских шаяк, оперирующих в пределах Саратовской губернии и, как элемент неблагонадежный, не могут быть посланы на работы»; совхоз «Красный прогресс» требует срочного обзаведения инвентарем, в первую очередь – покупки лошадей, без чего сев будет сорван, и так далее.

В 1922 г. все лагеря принудработ на территории губернии были закрыты.

4. Польские военнопленные в лагерях принудработ¹. Наряду с прочими военнопленными Гражданской войны к ноябрю 1920 г. в саратовских лагерях появились и поляки, взятые в плен в ходе войны с Польшей. По-видимому, их было всего около трех с небольшим сотен. Сперва поляков поместили в саратовский лагерь, а затем большинство из них перераспределили по уездным лагерям и конкретным объектам работ (таблица 4).

Таблица 4

Численность военнопленных поляков в Саратовском лагере принудработ

Дата	Всего заключенных	Заключенных-поляков
1.11.1920	1343	331
13.12.1920	663	52
31.12.1920	560	54

¹ Параграф написан по материалам архива ГУВД по Саратовской области.

Как известно, попавших в плен в Польше красноармейцев польские власти морили голодом и подвергали издевательствам. Условия же содержания пленных поляков в Советской России с достаточным основанием можно назвать льготными. Приказы отдела управления требуют строгого соблюдения корректности в обращении с военнопленными поляками, аккуратной выдачи им продовольственного пайка и создания приемлемых бытовых условий. По-видимому, как и при «походе на Варшаву», власти руководствовались принципами пролетарского интернационализма и мечтами о мировой революции. Пусть не удался первый «поход на Варшаву», удастся второй. Надо только накопить сил и провести воспитательную работу с несознательными польскими товарищами, чтобы следующий раз знали, против кого им воевать.

Сразу же был поставлен вопрос о переводе поляков в отдельное помещение, чтобы не допускать их контактов с русскими белогвардейцами и уголовниками. Там их жизнь проходила не как в тюрьме, а скорее как в воинской казарме. Далее, из них сформировали так называемую трудовую дружину, организованную наподобие воинского подразделения. Структура и функции дружины были типовыми, определенными на общероссийском уровне соответствующими инструкциями Главного управления принудительных работ (ГУПР) НКВД РСФСР. А именно, дружина численностью 360 человек должна подразделяться на 2 роты (в роте – 3 взвода, во взводе – 5 отделений). Комсостав дружины – командир, два его помощника, ротные, взводные и отделенные командиры – должны назначаться из числа военнслужащих РККА. Средний комсостав получает содержание в подотделе принудработ: командир дружины – в размере коменданта лагеря, его помощники и комроты – «размером ниже». Красноармейцы на должностях взводных и отделенных командиров на всех видах довольствия состоят при губвоенкоматах. Рядовые дружинники – поляки получают довольствие от Губпродкома по тыловой красноармейской раскладке, одежду – от губвоенкома.

Реально из-за нехватки людей советских руководителей во вновь сформированной 1-й Рабочей дружине из военнопленных сперва было всего трое. А именно, подчиненный непосредственно коменданту лагеря командир дружины Арсений Дьячук, делопроизводитель строевой части Иван Брызгалин и техник Владимир Петров, все – назначенные губвоенкомом. На нижестоящих уровнях дружинной иерархии были только поляки: три командира взводов – Иван Смоляш, Генрих Панек и Иван Студинский, их помощники – Станислав Залесский, Леон Панковский и Иван Ярош, далее – командиры отделений, и, наконец, рядовые дружинники. Указанием ГУПР НКВД РСФСР №84 от 29 января 1921 г. в распоряжение Саратовского подотдела из Всеросглавштаба направлен дополнительный комсостав. В начале февраля 1921 г. по предписаниям Саргубвоенкома прибыли начальник хозчасти Федор Красавцев, командир 1-й роты Георгий Березинский, командир 2-й роты Иван Филиппов, комвзводы и помкомвзводы.

Польские военнопленные работали и в мастерских внутри лагеря, и в городе «на выводе». Характерно, что 25 и 26 декабря 1920 г., на Рождество, поляки были освобождены от работ. С ними регулярно проводились политзанятия. По специальным увольнительным запискам из лагеря поляки ходили на занятия в так называемую польскую секцию при губернском комитете РКП(б), по-видимому, организованную специально для них. Не пренебрегали польские военнопленные и «самоволками». Сохранилось несколько рапортов командира дружины Дьячука на имя коменданта лагеря о возвращении из самовольной отлучки того или иного польского пленного, например, за декабрь 1920 г. – Леона Брюнера и Антона Копалки. Судя по этим бумагам, никаким особым карам за самовольные отлучки их не подвергали.

Впечатление об условиях и эффективности труда поляков на саратовской земле дает справка, выданная Саргубэваком польскому представителю по делам военнопленных. А именно, в распоряжение Губэвака для заготовки дров лагерем были выделены 80 поляков. Они работали в Нееловском лесничестве в районе Базарного Карабулака с 9 ноября 1920 г. по 18 марта 1921 г. Прибыли из лагеря в рваной одежде, белье и обуви. Губэвак в полной мере экипировал их и содержал на свои средства. Рабочая сила, согласно действующему положению, была предоставлена лагерем в поденное пользование за плату в 74 руб. 40 коп. за день с прибавкой соответствующей премии за переработку, причем все расходы по содержанию рабочей силы должен был нести сам лагерь (но не нес). По «словесному уговору», каждый пленный должен был выработать в день $\frac{1}{4}$ кв. сажени дров. Реально вырабатывали около половины нормы, эффективность работы признана «чрезвычайно низкой».

Пребывание польских военнопленных в нашей губернии продолжалось немногим более полугода. К июню 1921 г. они были отправлены на родину. Так, телеграммой от 7 февраля 1921 г. ГУПР НКВД РСФСР затребовал, ввиду предстоящего обмена военнопленными, данные об обеспеченности поляков обмундированием. Телеграммой ГУПР от 5 марта 1921 г. предложено срочно перевести всех поляков из уездных лагерей в губернский центр, обеспечить положенным вещевым довольствием за счет забронированного в центре запаса, выплатить зарплату. Зарплата выплачивалась из расчета 900 руб. за месяц работы в составе дружины, четверти этой ставки – за месяц работы до организации дружины.

ОТДЕЛЫ ВОЕННЫХ ЗАГОТОВОК СНХ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Советы народного хозяйства времен Гражданской войны были достаточно разветвленной и сложной организацией, имевшей территориальную и отраслевую структуру. Вся власть была у Всероссийского съезда совнархозов, а в перерывах между съездами хозяйственную власть осуществлял Высший Совет Народного Хозяйства во главе с Президиумом. ВСНХ подчинялся ВЦИКу и Совнаркому, являясь исполнительным органом, но с претензией на законодательные функции. Постепенно внутри ВСНХ сформировалась отраслевая структура деления на отделы. Последние в ходе Гражданской войны приобретали все больше прав, переименовываясь в Главные комитеты и Центры соответствующих отраслей промышленности и приобретая подчиненные подразделения и предприятия в провинции. Кроме отраслевой была и территориальная сеть. Это областные СНХ, координирующие деятельность экономики целого региона, нескольких губерний, губернские совнархозы и более мелкие СНХ, чаще всего уездные, но также и городские, волостные, мелкорайонные, сельские. Все совнархозы выбирались соответствующими съездами Советов. Во главе совнархозов стояли президиумы, выбираемые соответствующими съездами совнархозов. СНХ делились на отделы, постепенно ставшими местными подразделениями московских главков. В то же время совнархозы считались отделами местной советской власти и, следовательно, имели не только вертикальное, но и горизонтальное подчинение.

В структуре губернских совнархозов в конце 1920 г. вы уже не найдете одного отдела, специфического по функциям и самого важного в период войны. Речь идет о Губернском отделе военных заготовок (Губвоензаге), созданном в Саратове, например, на основании постановления Центрального отдела военных заготовок от 6 января 1919 г. и постановления Президиума Саратовского ГСНХ от 18 января¹. Задачи Губвоензага – объединить деятельность наиболее важных производственных отделов по заготовкам для армии, давать этим отделам задания по заготовкам, сосредоточить в своих руках выдачу заказов на предметы военного снабжения и приемку готовой продукции, осуществлять связь с заказчиками и другими заинтересованными организациями, финансировать военно-заготовительные работы. Губвоензагом были привлечены к работе кожевенный отдел, Губтекстиль, Гублеском, отделы металла и утилизации, химический отдел ГСНХ и другие. А во главе отдела была Коллегия из трех человек: председатель отдела, председатель Губкожа, председатель Губтекстиля². Саратовский Губвоензаг, как и большинство воензагов в других губерниях, был не производственным, а координирующим органом, не отраслевым отделом, а функциональным. Состав Коллегии Губвоензага показывает, какое значение придавалось деятельности этого отдела.

По сути дела все хозяйство страны и вся деятельность совнархозов, как органов, регулирующих это хозяйство, была направлена в годы Гражданской войны на военные заготовки. Исход военных действий решался тем, насколько Красная Армия будет обеспечена всем необходимым. На основании приказа Чрезкомснабарма, опубликованного 11 января 1919 г., всем СНХ предложено приступить к военным заготовкам, не ожидая заказов. А все заказы должны были идти строго через Центрвоензаг, созданный в Москве при ВСНХ и Чрезкомснабарме, и губвоензаги. Для установления общего плана деятельности отде-

¹ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. Р-48. Оп. 33. Л. 1; РГАЭ. Ф. Р-3429. Оп. 1. Д. 397. Л. 3.

² ГАСО. Ф. Р-48. Оп. 33. Д. 10. Л. 12–12об; Оп. 1. Д. 4а. Л. 5.

лов военных заготовок в начале марта 1919 г. в Москве созван съезд губвоензагов. На нем распределены функции: практическую работу губвоензаги делают сами, но стратегия устанавливается только с согласия ЦОВЗ (Центрвоензага). Саратовский Губвоензаг проводил отпуск продукции и без нарядов Москвы. Это, конечно, было против инструкции, но по необходимости. Саратовский Губвоензаг, как и все отделы военных заготовок, должен был подчиняться исключительно Москве, но близость военных действий внесла свои коррективы. Согласно постановлению Совета обороны от 16 апреля 1919 г. он был подчинен непосредственно Восточному фронту, при этом подчинение ЦОВЗу тоже осталось. Это вызвало двоевластие и неразбериху, продолжавшуюся до нового постановления Совета обороны от 7 мая 1919 г., на основании которого приволжские воензаги, в том числе Саратовский, исполняя распоряжения и задания ЦОВЗ, в то же время подчинены Восточному фронту и исполняют его указания. Ввиду приближения фронта к Саратову в июле 1919 г. Губвоензаг выполнял распоряжения непосредственно 4-й армии фронта, а также Саратовского ревкома и командования укрепрайона. Совет обороны своим постановлением от 26 июня 1919 г. объявил рабочих и служащих мобилизованными и прикрепленными к занимаемым рабочим местам¹.

По постановлению председателя Реввоенсовета Л.Д. Троцкого от 16 августа 1919 г. производительность Саратовского Губвоензага полностью перешла в распоряжение 10-й армии Южного фронта, а затем – Особой группы Южного фронта, командование которой вмешивалось даже в производство, нарушая его работу.

Согласно приказу № 193 Чусоснабарма (одновременно председателя ВСНХ) А.И. Рыкова Саратовский Губвоензаг перешел к Кавказскому (Юго-Восточному) фронту².

В Саратове находился Уполномоченный Чусоснабарма, и это помогало работе местного воензага: некоторые отделы ГСНХ под их общим воздействием перешли целиком к исполнению военных заказов. Воензагу приходилось поддерживать производственные отделы ГСНХ отпуском средств, так как они не могли своевременно получить деньги по своим собственным сметам. Кроме того, Саратовский Воензаг финансировал кустарную промышленность как по линии уездных СНХ, так и по линии кооперативных объединений. Воензаг учитывал потребности и производственную продукцию, распределял заказы по производственным отделам.

Симбирская губерния тоже стала одной из баз снабжения Восточного фронта, в Симбирске была организована Областная чрезвычайная комиссия по снабжению Красной Армии. Значительное время основная промышленность губернии (текстильная, кожевенная и химические заводы) находилась непосредственно в ведении командования Восточного фронта. В остальное время действовал режим милитаризации³. Например, суконные фабрики были милитаризованы специальным приказом с 1 июня 1920 г. До 1 января 1921 г. они выработали 1 922 253 аршин сукна⁴. Значительно раньше, согласно постановлению Реввоенсовета обороны Симбирского укрепрайона и приказу № 248 Симбирского ГСНХ от 30 апреля 1919 г., стали считаться военнообязанными все рабочие и служащие ГСНХ. При этом самовольное оставление службы не допускалось, неявка на службу считалась дезертирством, разрешено было

¹ ГАСО. Ф. Р-48. Оп. 1. Д. 4а. Л. 12об–13.

² Там же. Л. 13–13 об.

³ Головчинер Я.М. Симбирская губерния накануне перехода на мирную работу по восстановлению народного хозяйства (1920 – март 1921 г.) // Краеведческие записки. Ульяновск, 1953. Вып. 1. С. 265; Венедиктов А.В. Организация государственной промышленности в СССР. Л., 1957. Т. 1. С. 483.

⁴ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. Р-3429. Оп. 1. Д. 2050. Л. 1–1 об.; Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. Р-86. Оп. 1. Д. 8. Л. 6.

применение сверхурочных работ и работ по праздничным дням¹. В первую очередь все отделы ГСНХ выполняли заказы военного ведомства, но для координации действий нужна была специализированная структура. И здесь большим преимуществом для Симбирского ГСНХ перед другими территориями страны было давнее существование внутри ГСНХ отдела военных заказов. Он был создан еще до чехов, был восстановлен одним из первых после освобождения Симбирска, и, как показывают документы, действовал без перерывов, хотя этот отдел не предусматривался по постановлению Коллегии от 1 ноября 1918 г. и не был указан в отчете Симбирского ГСНХ на Областном съезде совнархозов. Отдел занимался приемом обмундирования у кустарных пошивочных мастерских. Только с 1 октября 1918 г. до 1 января 1919 г. было принято 126 525 предметов². Весной 1919 г. отдел был преобразован в Губвоензаг, имевший три секции: пошивочную, кожевенно-брезентную, обозно-инженерную. С ноября 1919 г. по февраль 1920 г. (в марте-апреле 1920 г. отдел был расформирован) пошивочная секция произвела 142 834 предмета обмундирования, кожевенно-брезентная секция – 208 096 шт. разной обуви, упряжи, полушубков и других предметов, обозно-инженерная секция – 10 983 шт. саней, телег, пар лыж и прочей продукции³.

В Самарском ГСНХ по схеме от 1 декабря 1918 г. был предусмотрен отдел военных заказов, задача которого была распределять заказы военных по производственным отделам и следить за их исполнением. Но после указания из центра отдел в конце января 1919 г. был реорганизован в Воензаг, который не только координировал работу для военных нужд, но и сам осуществлял производство обмундирования, обуви, разного оборудования в подведомственных мастерских. Коллегию отдела 12 февраля 1919 г. утвердил Президиум ГСНХ. Такие же отделы созданы и при всех уездных СНХ. Во главе стояли заведующие с чрезвычайными полномочиями. В отделах и связанных с ними предприятиях была проведена милитаризация служащих. Но первым был милитаризован дорожный подотдел Комгосоора, а позже, в августе 1919 г., и весь Комгосоор. Только потом был милитаризован Воензаг, а также и обслуживающие его производственные отделы (металла, текстильный и др.). Для борьбы с топливным кризисом были милитаризованы Губернский комитет по топливу и Лесной комитет⁴. В Самаре осенью 1919 г. организовано Управление Чусоснабарма во главе с членом Президиума ГСНХ Я.А. Андреевым. Воензаги в губернии просуществовали до марта 1920 г.⁵

Но, как уже было сказано, на армию работали и другие отделы ГСНХ. В Симбирске на предприятиях Губтекстиля, позже Губшвея, Губодежды постоянно шилось военное обмундирование⁶. Отдел утилизации, Автосекция работали практически только на военные нужды. Кожевенные, химические, пищевые, металлообрабатывающие предприятия тоже вносили свой вклад в обеспечение армии до, во время и после существования Губвоензага. Особое значение имели специализированные военные предприятия. В Симбирск перевезено в октябре 1918 г. оборудование Петроградского патронного завода. Туда же переведены рабочие Петроградского, Охтинского, Луганского патронных заводов. Эвакуированный завод, отстроившись, быстро наращивал производительность:

¹ ГАУО. Ф. Р-103. Оп. 1. Д. 10. Л. 64.

² ГАУО. Ф. Р-103. Оп. 1. Д. 21. Л. 39, 42; Ф. Р-154. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.

³ РГАЭ. Ф. Р-3429. Оп. 2. Д. 1720. Л. 78об–79.

⁴ Там же. Д. 1582. Л. 60.; ГАСО. Ф. Р-34. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

⁵ Государственный архив Самарской губернии (ГАСамО). Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 26. Л. 3; Д. 24. Л. 69 об, 73; *Игнатенко Т.А.* Организация и деятельность Самарского губернского совета народного хозяйства в первые годы Советской власти // Из истории рабочего класса и промышленности СССР. М., 1964. С. 167, 168; *Соколов Г.С.* Самарский губсовнархоз // Боевое прошлое. Куйбышев, 1958. С. 291.

⁶ ГАУО. Ф. Р-86. Оп. 1. Д. 10. Л. 1; Ф. Р-154. Оп. 1. Д. 8. Л. 10.

в октябре 1918 было произведено 596 тысяч патронов, а в феврале 1919 – уже 3,2 миллиона¹. Самарский ГСНХ мобилизовал на работу для армии почти все текстильные и кожевенные предприятия. В текстильном отделе работали на армию ватная фабрика и шесть мастерских. Нуждам фронта была подчинена работа пяти металлообрабатывающих заводов Самары, а также предприятий мукомольного, химического и других отделов ГСНХ. Нельзя забывать, что в губернии были такие военные заводы, как Трубочный, подчиненные напрямую столице. ГСНХ только помогал в их снабжении. Большую помощь фронту оказывали ремесленники-кустари, организованные в мастерские и артели, которыми руководили кустарный, утилизационный и другие отделы ГСНХ. Старопочиночная обувная мастерская утилизационного отдела с конца марта по 20 октября 1919 г. починила для армии 3273 пары сапог и ботинок, портняжная мастерская с середины мая по 20 октября отремонтировала 4201 штуку разной одежды и т.д. На фабриках и мастерских Губкожа с 15 января по 12 мая 1919 г. изготовлена 30 501 пара обуви для армии, а с июля по октябрь того же года – 32 912 пар. За январь-март 1920 г. из-за нехватки сырья изготовлено меньше – 18 984 пары².

Однако следует заметить, что ГСНХ, помогая военным, не хотели попадать в полную зависимость от них, стремились сохранить самостоятельность, возможность полноправно распоряжаться предприятиями на территории губернии. Например, когда 5-я армия Восточного фронта намеревалась взять в свое ведение бывший механический завод И.П. Пузырева в Симбирске, Коллегия ГСНХ постановила: «Нежелательно, т.к. армия заинтересована в выработке продуктов, а не в сохранении предприятия»³. Интересы совнархоза Самары и военных властей тоже не раз сталкивались. Так, осенью 1918 г., когда 4-я армия Восточного фронта хотела взять в свое ведение автомастерские, отобрав их у СНХ, Губсовнархоз жестко выступил против этого и не только отстоял мастерские, но и добился финансовой и кадровой помощи со стороны армии этим мастерским. Неоднократно совнархоз протестовал и против других попыток военных властей забирать себе то или иное имущество без согласования с СНХ. Но это были частности, в целом Самарский ГСНХ очень многим помогал армии. Для ускоренного подвоза топлива и продовольствия он настоял на введении трудовой повинности. В декабре 1918 г. 4-я армия передала СНХ заказов на различное снаряжение и обмундирование на 4 млн рублей. Нужно было изготовить 50 000 шинелей, 35 000 пар ботинок, 15 000 пар сапог, 15 000 полушубков, 3000 повозок⁴.

В помощь Губвоензагам в Саратовской, Самарской, и Симбирской губерниях были образованы уездные отделы военных заготовок. В Саратовской губернии большинство из них появилось в январе 1919 г. по постановлению Президиума ГСНХ: 27 января Вольский увоензаг, 28 января – Петровский, 29 января – Балашовский, Кузнецкий, Сердобский и Хвалынский увоензаги⁵. По постановлению Аткарского УСНХ от 14 апреля образован и с 1 мая начал работать Аткарский воензаг. С августа 1919 г. после освобождения Камышина от белых начал действовать Камышинский воензаг⁶, с 6 августа существует Балаковский уездвоензаг⁷, который находился в ведении Самарского Губвоензага,

¹ Гражданская война в Поволжье / Под ред. М.К. Мухарямова и др. Казань, 1974. С. 156.

² РГАЭ. Ф. Р-3429. Оп. 2. Д. 1582. Л. 42об; ГАСамО. Ф. Р-285. Оп. 1. Д. 5. Л. 3.

³ ГАУО. Ф. Р-103. Оп. 1. Д. 16. Л. 92.

⁴ ГАСамО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 56. Л. 14; Д. 50. Л. 185; Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7274. Оп. 1. Д. 40. Л. 6; Ф. Р-727. Оп. 1. Д. 574. Л. 8; *Кряжимский, С.В.* Самарский губсовнархоз в первые годы Советской власти // Куйбышев. инженер.-строит. ин-т. Труды. Вып. 6. Куйбышев, 1958. С. 134.

⁵ ГАСО. Ф. Р-48. Оп. 33. Д. 11. Л. 1 об.

⁶ Там же. Л. 1.

⁷ Там же. Л. 1 об.

га, так как уезд принадлежал Самарской губернии, но затем по распоряжению А.И. Рыкова был временно передан Саратовскому Губвоензагу.¹ 21 февраля 1919 г. состоялся первый съезд уездных и районных СНХ Самарской губернии. Главный вопрос – выработка единого плана снабжения армии всем необходимым. Местные совнархозы учли и пустили предприятия, многие из них уже работали на армию. Например, Мелекесский СНХ к февралю 1919 г. уже сдал 27 000 ходов саней, 700 полушубков, более 600 пар сапог и ряд других изделий, произведенных в основном кустарными мастерскими². В Симбирской губернии Сенгилеевский Увоензаг организовывал производство кустарями обмундирования и сапог. Упразднен 9 января 1920 г. по постановлению УСНХ в целях экономии средств. Функции переданы в кустарный отдел УСНХ. Карсунский Увоензаг также занимался производством обмундирования, сапог, лаптей. В марте 1920 г. обувные артели переданы кустарному отделу. В июне 1920 г. из-за отсутствия сырья работа практически стояла. В июле УСНХ решил выполнить мартовский приказ Чусоснабарма и вместо увоензага организовал отдел по производству военного обмундирования, прозодежды и гражданского платья (Уодежда)³. Алатырский увоензаг всего с двумя мастерскими функционировал с 14 февраля 1919 г. по 26 июня 1920 г. и тоже был трансформирован в Уодежду. Сызранский увоензаг производил обмундирование, кожаные изделия, телеги, сани, упряжь. Был расформирован в июле-августе 1920 г. На его базе возникла Ушвея. Другие секции переданы кожевенному отделу и отделу металла⁴.

Рассмотрим как пример Кузнецкий воензаг, самый производительный из всех уездных отделов. Во главе него весь Президиум УСНХ. Воензаг использует все предприятия Кузнецка, а также разбросанных по городу и уезду кустарей. Под его руководством изготавливаются для армии обмундирование, обувь, полушубки, меховые пиджаки, кожаные тужурки, брюки, фуражки, шапки, веревки, кожи-полуфабрикаты и т.д. У него в распоряжении восемь кожевенных заводов (252 рабочих), пять меховых заводов (547 рабочих), три канатно-веревочных фабрики (85 рабочих), сапожные мастерские (300 рабочих), шорные мастерские (106 рабочих), валяльные мастерские (23 рабочих), мастерские готового платья и белья (652 рабочих), шапочная мастерская (43 рабочих), башмачная мастерская (36 рабочих), тележная мастерская, артель кустарей (125 работников), кузнечные артели (350 работников) и т.д.⁵ Не все предприятия работают в полную силу – не хватает рабочих, разных материалов. Но в целом предприятия Кузнецкого воензага за 1919 г. изготовили 44 000 различных предметов⁶.

К концу Гражданской войны потребности в обеспечении армии хоть и оставались, но постепенно уменьшались. Нужда в воензагах сводилась на нет, и в конце марта 1920 г. вышел приказ Чусоснабарма А.И. Рыкова о их ликвидации. Функции воензагов переходили к президиумам ГСНХ и УСНХ и производственным отделам. Как уже отмечалось, в марте началась ликвидация самарских и симбирских воензагов. На очереди были и саратовские⁷. Документы показывают, что их ликвидация реально началась 10 апреля 1920 г.⁸

¹ Там же. Л. 1.

² Известия Самарского ГСНХ. 1919. № 19. С. 38, 43.

³ РГАЭ. Ф. Р-3429. Оп. 2. Д. 1720. Л. 18 об, 22, 26, 33 об, 36, 65; Отчет о деятельности Симбирского губернского совета народного хозяйства за время с 1 января по 1 октября 1920 г. к 10 Губернскому съезду Советов. Симбирск, 1921. С. 59, 60.

⁴ Отчет о деятельности Симбирского губернского совета... С. 45, 46, 47, 54.

⁵ ГАСО. Ф. Р-48. Оп. 33. Д. 10. Л. 16 об.

⁶ Там же. Д. 11. Л. 1.

⁷ Пятилетие Саратовского Губернского Совета Народного Хозяйства (1917/18–1923 гг.). Юбилейная памятка. Саратов, 1923. С. 6, 23.

⁸ ГАСО. Ф. Р-48. Оп. 33. Д. 10. Л. 41.

ДЕФОРМАЦИИ КАРТИНЫ ПРОШЛОГО: ВОСПОМИНАНИЯ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

Необходимость постановки этой проблемы в рамках проводимого исследования, основывающегося на документах личного происхождения, определено спецификой данных источников, против которых длительное время существовало предубеждение в связи с их чрезмерной субъективностью и сопутствующей этому неточностью сообщаемой информации.

Сложилось мнение, что в автобиографических повествованиях трудно искать свидетельства о по-настоящему подлинных ситуациях и настроениях. Причем, по заключению В. Булдакова, мемуары политиков полны оправданий, а воспоминания простых участников событий подвержены влияниям последующих событий и позже усвоенных идеологий¹.

Если при постановке проблемы реконструкции человеческих переживаний исторической ситуации, мотивации поведения и мироощущения субъективность источников личного происхождения как раз и важна, то для реализации такой исследовательской цели, как выявление образа жизни горожан и крестьян в годы войны и обстоятельств исторических событий, нужна дополнительная критика источников. Для этого крайне важно составить четкое представление о возможных искажениях в повествованиях автобиографического характера.

Сформулированные в сообщении выводы сделаны в отношении достаточно распространенного массива источников: автобиографий, собранных в фондах региональных и центральных Комиссий помощи демобилизованным красноармейцам и бывшим красным партизанам, созданных постановлением ВЦИК и существовавших в 1919–1935 гг., причем в разных регионах периоды существования отличаются. Содержание этих автобиографий отличается от тех, которые писались по линии Истпарта, и связано это с тем, что они служили основанием для опознания в качестве своего у других ветеранов, членов комиссий. Поэтому в этих текстах много деталей, которые по мнению авторов могли быть памятны другим участникам событий; в целом настрой при их составлении был таков: предельно точно воспроизвести события, чтобы не вызвать сомнений в своей правдивости у комиссии. Истории же, составленные для Истпарта, гораздо чаще страдали от желания старых большевиков как можно в более выгодном свете представить свое участие в революции. Со временем стали этим грешить и автобиографии, направляемые в партизанские комиссии.

Сделанный вывод о достаточно высокой степени искренности авторов этих источников не просто не снимает, но и предполагает формулировку принципов интерпретации данного вида источников.

Типичные искажения возникают под влиянием психических механизмов памяти и под воздействием внешних обстоятельств, социально-политических реалий того периода. Деление причин, разумеется, условно, в реальности они тесно переплетены, особенно в случаях непреднамеренных корректировок воспоминаний.

Психические основания имеют следующие искажения: «выпрямление» линии судьбы; ввод в канву повествования «фантомных» воспоминаний; повышенная драматизация переживаний; купирование из памяти определенных событий и др.

Выпрямление линии судьбы – это типичное свойство нарративных повествований. Опускаются второстепенные детали и «забываются» поступки, от-

¹ Булдаков В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 8–9.

клоняющиеся от основного вектора. Трактовка принимаемых решений и поступков дается под влиянием «конца истории».

Известен такой феномен Гражданской войны, как огромное число перебежчиков, которые неоднократно меняли лагерь, воевали то за красных, то за белых. Но и у этих перебежчиков их конечный приход в лагерь красных выглядит как выбор сделанный раз и навсегда.

В связи с тем, что ветераны даже в 1920–1930-е гг. плохо разбирались в политической истории революционного движения, они называли среди тех, кто повлиял на их выбор, и депутатов Думы от кадетов, и эсеров, и меньшевиков. Для них все те, кто был за свержение самодержавия, большевики. Подчас авторы упоминают другие важные события своей жизни, не придавая им статус поворотных в деле формирования их сознания, но они таковыми определенно являются. Оказывается, что многие из будущих большевистских активистов местного масштаба в молодые годы уже поколесили по миру и по России в поисках лучшей доли. Упоминаются поездки на Донбасс, в Одессу, в Шанхай и Харбин, в Соединенные Штаты и в Латинскую Америку. Этот опыт давал людям кругозор; повышал самооценку, даже если экономический эффект от поездок был минимальным; укреплял характер; убеждал в необходимости изменений; знакомил с людьми разных убеждений. Но они указывают в качестве события, приведшего их в лагерь большевиков, обычно встречу с неким человеком или митинг, где их «призывали».

«Фантомные» воспоминания – это не воспоминания о событиях, которых не было, это искажения картинки событий под влиянием внешних факторов. Например, (1) зимнее отступление 11-й армии с Северного Кавказа было неорганизованным отходом всего, что еще могло двигаться, на север под влиянием паники и тифа. Большинство свидетельствует об этом именно так, но есть рассказы о том, что отход проходил с ведением арьергардных боев. (2) В 1919 г. РВС Республики посылал в отряды Махно своих представителей, которые должны были контролировать и влиять на их действия против Деникина. Это пребывание описывается этими комиссарами как сплошные аресты и истязания со стороны махновцев, что, впрочем, не помешало им вернуться оттуда живыми. (3) Участник октябрьских событий в Петрограде пишет, что участвовал в штурме Зимнего. (4) Боец красногвардейского отряда в Пятигорске, описывая деятельность отряда зимой 1917–1918 гг., характеризует ее как борьбу с буржуазией. В действительности это были анархистствующие отряды, занимавшиеся мародерством, распущенные затем Северокавказским ЦИКом.

Самым распространенным «фантомным» воспоминанием является убеждение, что их участие в борьбе было сознательным, что в ту войну они не просто стремились выжить, а боролись за высокую идею. Как писал Г.Г. Чуприна: «Я вспоминаю бывшую войну, то поверьте, мне было хорошо, что я везде жил будущим, что [вот] завоюем, и будет хорошо...»¹.

В целом, участники Гражданской войны из низших слоев общества не склонны насыщать свои описания театральными эффектами, даже сцена собственного расстрела описана одним их ветеранов довольно сухо, хотя и с весьма запоминающимися деталями. И все же драматизация иногда присутствует, тогда, когда нужно подчеркнуть историческую или общественную важность описываемого события.

Если авторы воспоминаний из числа старых большевиков героизируют себя, то корреспонденты партизанских комиссий героизируют события, в которых им довелось принимать участие.

Среди воспоминаний бойцов, воевавших в дивизии Жлобы, есть почти эпические картины. Например, Сычев Дмитрий оставил такое описание атаки

¹ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО). Ф. 912. Оп. 1. Д. 4. Л. 637.

врангелевцев Слащева и отступление корпуса Жлобы летом 1920 г. под Верхне-Токмаком: «Аеропланы. Бронепоезда. Бронемашины. И начали нас чистить[,] обчим больше писать много не стоит[,] вы хорошо сами знаете[,] как мы отступали на заходе солнца. И вы хорошо знаете это отступление... И как было дело в вашем автомобиле. И как мы собрали остатки роскоши корпуса; и мы потеряли корпус»¹. Создано впечатление, что войска потерпели поражение от навалившейся армады. В действительности отступление было вызвано несогласованностью действий красных и паникой, которую вызвала группа аэропланов белых. Бронепоездов и бронемашин у белых там не было, численного превосходства – тоже.

Вот как описывает Василий Ищенко ситуацию в Стальной дивизии осенью 1918 г. под Царицыном, когда их командира куда-то вызвали и дали нового – К.Е. Ворошилова: «Неудачное наступление... и командование тов. Ворошилова нас привело в возмущение. Как ни наступление так мы жлобинцы терпим поражение(,) в то время когда мы всегда побеждали противника. И вот... бросаем фронт и идем выручать своего незаменимого командира тов. Жлоба. 1-й бой приняли со своими Чека(,) чикнули Чека и пошли дальше...»². Чем не Артем Веселый?

Описанный бунт – это реакция частей партизанского типа на действия по превращению их в регулярные части. Но в действительности далеко не вся дивизия приняла участие в бунте, и шли они не к своему командиру, а вообще с фронта.

Большинство ветеранов изымает из своих воспоминаний определенные эпизоды. Чаще всего это упоминание об участии в казнях, расстрелах, экзекуциях. Такие сюжеты можно встретить лишь у единиц. У одного в виде забавного случая с элементами гротеска: нашли в камышах двух полковников, допросили и отправили назад в камыши, но уже в штаб к Духонину³. Есть одна биография – Я.К. Виноградова, который с особым упоением многократно описывает свое участие в расстрелах заложников из числа буржуазии после покушения на Ленина⁴.

А вот среди того, что преимущественно вспоминается, – это яркие позитивные события, например, такое событие, как праздничный митинг с участием Троцкого, когда он наговорил много лестных слов, дал их дивизии новое имя – Стальная дивизия, а одному из полков собственное имя по той причине, что его название очень труднопроизносимое – Пшехо-Таганрогский военно-морской полк. Потом он их наградил деньгами, теплым обмундированием, часами. Также вспоминают бои, которые отличалось от обычных (паникой, большим числом потерь или захватом трофеев); судьбу своих лошадей – их гибель, потерю, ранение; собственные ранения и болезни. Фронтовые будни обычно пропускались, как будто их и не было.

Этот пробел восполняют воспоминания женщин, для которых будни и есть существенная часть жизни. Отличием женских воспоминаний является конкретность, в них описываются преимущественно повседневная жизнь, и они не стесняются вспоминать о минутах своей слабости, растерянности. Вообще женские мемуары интересны тем, что одним штрихом могут дезавуировать «мужскую» историю, чаще направленную на собственную героизацию. Например, одно сделанное мимоходом суждение Н.А. Андреевской, которая в начале 1919 г. вместе с семьями видных большевиков отступила из Владикавказа в горы Ингушетии, проясняет, что скрывается под фразой о партизанской войне в горах Чечни и Ингушетии в тот период. Она написала, что присутствие женщин

¹ Там же. Д. 5. Л. 371.

² Там же. Д. 5. Л. 135.

³ Там же. Д. 8. Л. 133 об.

⁴ Центральный государственный архив Московской области. Ф. 2169. Оп. 1. Д. 97.

позволяло им выглядеть беженцами, когда в аулы заходили небольшие отряды белых¹.

Кроме aberrаций памяти, возникающих вследствие психологического механизма забывания, встречаются ложные толкования, порожденные ментальными особенностями красноармейских масс. Наиболее часто встречающееся – объяснение военных неудач изменой командиров, солдат других частей и пр.

Многие из ветеранов, сражавшихся в 1-м Сводном конном корпусе под командованием Б.М. Думенко, трактуют поражение зимой 1920 г. на р. Маныч как результат злонамеренных действий решившего вдруг предать их Думенко.

Повод для этой версии дали необдуманные действия комкора. Он, видя, что переправившимся на левый берег Маныча бригадам нужна помощь, ведь в момент переправы войска весьма уязвимы, не ввел в бой резервы. Причем публично высказался на этот счет, дескать, «если [бригада] залезла за Маныч, то пусть сама и вылазит»². Все это происходило на глазах тысяч бойцов, поэтому, когда весь штаб Думенко был арестован и вповалку на двух телегах отправлен в Ростов, масса поверила в версию об измене.

Но даже при условии предвзятого изложения событий в Сводном корпусе в период между взятием Новочеркасска и началом наступления на Екатеринодар все же картина произошедшего вполне может быть реконструирована.

Истоки взаимной неприязни Думенко и Жлобы кроются в событиях осени 1918 г., когда Стальная дивизия после отзыва Жлобы в Москву была передана под командование Думенко. Часть бойцов настолько бурно выражала неприятие нового командира, что со стороны Думенко могло зародиться чувство ревности.

В 1919 г. военная судьба свела Жлобу и Думенко в составе Сводного конного корпуса. Отдельные моменты драматического обострения отношений проясняются по воспоминаниям рядовых бойцов. К.А. Бондарь писал, что незадолго до ареста Думенко была ссора из-за автомобиля между Жлобой, с одной стороны, и Думенко и его начальником штаба Блехертом, с другой³. Резкую реакцию Думенко вызывали попытки командиров бригад и полков участвовать в планировании предстоящих операций и разборе причин неудач: «Комкор Думенко говорил в оперативной записке тов. Жлобе, когда наступали с Манычско-Балабинского на х. Веселый: “В учителях я не нуждаюсь”...»⁴. О бурном совещании в х. Лихом, когда «Думенко стучал себе в грудь», а командир бригады Лысенко «задавал ему вопрос», вспоминал К.Н. Степанов, начальник артиллерии корпуса⁵.

Настоящий взрыв последовал после этой неудачной попытки форсирования р. Маныч в январе 1920 г. Убийство комиссара корпуса В.Н. Микеладзе, произошедшее вскоре, также стали приписывать Думенко. Компрометирующим было и то, что Блехерт, начальник оперчасти – «генерал старого времени», хотя у Жлобы был точно такой – Беленкевич. Поэтому версия трибунала о подготовке мятежа и перехода на сторону Деникина легко была воспринята их сознанием.

Изменение картины прошлого происходило под воздействием идеологических и политических факторов. Постепенно менялся круг вождей большевизма, внесших наибольший вклад в победу над белыми. Длительное время среди известных фигур, упоминаемых в автобиографиях, были только те, кого действительно встречали красноармейцы на фронтах. Даже Троцкий вплоть до начала 1930-х гг. был фигурой, окруженной благодарной памятью за то, что сде-

¹ Государственный архив Ростовской области. Ф. 2993. Оп. 1. Д. 213. Л. 5.

² ЦДНИ РО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 4. Л. 682.

³ Там же. Д. 7. Л. 500 об.

⁴ Там же. Д. 5. Л. 500.

⁵ Там же. Д. 5. Л. 237.

лал щедрые подарки (сапоги, «шенеля», 250 руб. «парадных» денег¹) и сказал теплые слова во время митинга на ст. Сарепта осенью 1918 г. В воспоминаниях 1929, 1930 и даже 1932 гг. он упоминается таким, каким виделся во время Гражданской войны: самый главный красный военачальник. Правда, в автобиографии, относящейся к 1931 г., оказывается, что вместе с Троцким на том митинге был еще и Ворошилов, а в более раннем тексте (1930 г.) более чуткого к политической конъюнктуре автора написано, что подарки на столь памятном параде раздавал уже один тов. Ворошилов².

Ленин никогда не упоминается в воспоминаниях участников войны не только на Юге страны, но и на других фронтах, т.к. они его не видели воочию. Имя Сталина не запомнилось даже участникам боев под Царицыном. Ворошилов, наглядно представивший им свой воинский талант, вспоминается как плохой военачальник³.

«Слом» воспоминаний приходится примерно на 1934–1935 гг. Большая их часть становится выхолощенной. Автобиографии начинают выглядеть как писанные под копирку. «Помощь» в этом оказали многочисленные книги о боевом пути разных частей Красной армии, на что прямо жалуются члены комиссий по чистке бывших красноармейцев и красных партизан.

Происходит конъюнктурное изменение оценок фактов биографии. Неким событиям приписывается значение судьбоносных. Это приписывание также симптоматично. Вот в 1935 г. владикавказский ветеран искренне уверял, что в 1917 г. совет записаться в красногвардейский отряд и стать большевиком дал ему сам С.М. Киров, который по объективным данным в то время сам-то большевиком еще и не был.

Героизация и демонизация персонажей автобиографических повествований отражала сначала реальную роль этих людей в судьбе автора текста, затем стала зависеть от социального положения и политической ориентации. Примером назначения личных врагов врагами системы может быть жалоба явно душевнобольного человека по имени Николай Кубраков. Его умершая дочь была названа погибшей за Советскую власть от рук «Буржуазии Белых Контрреволюционеров», его сосед-гонитель был назначен вредителем и заговорщиком⁴.

Позднее стали встречаться оценки, которые вполне можно считать проявлением черной неблагодарности. Так, случай, когда раненых молодых горцев казаки-терцы вернули в Кисловодск на попечение местного Совета, один из них осетин Борис Худалов прокомментировал не добрым словом, а разоблачением – это было сделано из агитационных соображений и потому, что никто не надеялся, что они выживут⁵. В лазарете в станице за ними ухаживали лучше, чем в больнице в Кисловодске. И подробно все описав, Худалов все равно подчеркивает, что казаки – враги, и всегда стремились уничтожить горцев. Такая несогласованность фактов и их оценок – очень распространенная черта красноармейских воспоминаний.

Например, в воспоминаниях осетинских партизан-корменистов приводятся факты спасения родственников из другого политического лагеря. К слову, чаще это делали те, кто воевал на стороне белых. Спасенные большевики в

¹ Там же. Д. 9. Л. 162, 432 об.

² Там же. Д. 8. Л. 241.

³ «Жлобы не стало, он уехал в Астрахань, а у нас стал командовать т. Ворошилов; не помню в каком хуторе на позиции бросились пехотинцы в панику, где Ворошилов стуча[л] в грудь себя и кричал, я ваш командир X армии, ему в упрек отвечал наш пулеметчик, даешь Жлобу, батьку нашего, и там застрелилось 7 чел. от паники в присутствии Ворошилова» (1931 г.) (ЦДНИ РО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 9. Л. 145 об.).

⁴ ЦДНИ РО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 4. Л. 93-94.

⁵ Научный архив Североосетинского института гуманитарных и социальных исследований (НА СОИГСИ). Ф. 21. Оп. 1. Д. 129. Л. 6, 7.

поздних воспоминаниях упоминали, как они вдруг были укрыты от расстрела, плена и т.д. Но то, что это дело рук родственников, они обходили молчанием. Нам же это известно из воспоминаний третьих лиц¹.

Героизация командиров, за которыми пошли, была способом объяснить свой выбор стороны конфликта и то, кто и почему возглавил их. Бытовали рассказы об их находчивости и смекалке. Например, рассказ о том, как любимый бойцами командир Стальной дивизии Жлоба, связавшись по штабной линии с генералом Покровским, представился полковником Голубинцевым и выяснил намерения противника, производит впечатление до тех пор, пока не наталкиваешься на похожий случай, который автор анонимного дневника приписывает Шкуро как произошедший зимой 1918 г. под Баталпашинском².

Встречаются документы, содержащие противоречивую информацию. Но здесь дело не в изъянах памяти, а в особенностях видения ситуации и действующих в ней сил. Особенно это очевидно на документах синхронного характера. Б. Шеболдаев, комиссар Кизлярского фронта, в 1919 г. в отчете давал противоречивые оценки деятельности турецкого генерала Нури-паши, который сначала выполнял на Северном Кавказе приказы турецкого командования, а после окончания мировой войны, оставшись там, действовал самостоятельно, то ли потому что не мог обойтись без войны, то ли был глазами турецкого правительства в этом интересном для него регионе. Шеболдаев пишет, что перспективы в отношении формирования и обучения отрядов хорошие, в т.ч. благодаря работе Нури-паши. И тут же: дела ничего, несмотря на противодействие Нури-паши³. Такие примеры логики как раз и были поводом отказать подобным документам в ценности. Но на самом деле все очень информативно: Нури-паша действительно в чем-то помогал, как профессиональный военный он обучал новобранцев, и поэтому не мог не стать соперником большевиков во влиянии на местное население. К тому же знание его идеологической ориентации (исламист, пантюркист) мешает признать его вклад в укрепление позиций красных в Дагестане накануне наступления.

В качестве итоговых можно предложить два тезиса.

Искажения картины прошлого, обнаруженные в данном типе документов, имеют преимущественно естественное происхождение, связанное с особенностями человеческой памяти.

Наличие несколько деформированной картины прошлого в воспоминаниях красноармейцев не мешает реконструкции событий периода Гражданской войны – событий политической, военно-фронтальной, тыловой и частной жизни.

¹ Там же. Д. 50. Л. 6; Д. 113. Л. 9, 10.

² ЦДНИ РО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 2. Л. 11 об.; Полгода во Владикавказе: Отрывки из анонимного дневника 1918–1919 гг. // Дарьял (Владикавказ). 2002. № 2. С. 206.

³ НА СОИГСИ. Ф. 21. Оп. 1. Д. 886. Л. 240–242.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СТРАЖА НА ЮГЕ РОССИИ ПО ЖУРНАЛАМ ОСОБОГО
СОВЕЩАНИЯ ПРИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВСЮР

История государственной стражи Вооруженных Сил на Юге России (ВСЮР) комплексно не изучалась. Между тем, в условиях гражданской войны полицейские силы приобретают особую значимость и оказываются в особо сложных условиях. В советской литературе с 1920-х гг. подчеркивалось, что деникинскому режиму требовались большие полицейские силы для подавления сопротивления трудящихся, в научный оборот были введены материалы фонда Особого совещания (Ф. 439 ЦАОР/ГАРФ)¹. При этом откровенно смешивались штаты и реальная численность стражи, авторы не давали представления о структуре бригад стражи, предоставляя повод думать, что это соединения, аналогичные армейским бригадам. Один из исследователей указывал, что «...по типовому штату управления бригады и губернского резерва «государственной стражи» полагалось 364 чел., включая и обслуживающий персонал. По официальному же перечню Черноморской губернской бригады «государственной стражи» фактически состояло в штате 2202 чел., из них на пешие и конные сотни приходилось 1891 чел. В Ставропольской губернской бригаде состояло 3871 чел., из них на пешие и конные части приходилось 3244 чел. Сверх губернского резерва имелись еще многочисленные бригады «государственной стражи» в городах. По официальному расписанию численность «государственной стражи» по г. Харькову составляла 1292 чел., Екатеринославу – 711 чел., Полтаве – 381 чел., Воронежу – 413 чел., Астрахани – 818 чел. Это – не считая уголовно-розыскных управлений со своими штатами. Только в 20 губернских и городских бригадах «государственной стражи», не считая железнодорожных, речных, крепостных и др. бригад, к сентябрю 1919 г. было около 80 тыс. человек»². Автор показывает, что штаты будто бы были превышены, хотя управление и губернский резерв – это составные части бригады. Приводимая численность – штаты, разработанные в том числе для незанятых белыми местностей. Понятно, что восемь сотен астраханских чинов стражи существовали на бумаге и никогда не воплотились в реальность. Затем данные про двадцать бригад численностью восемьдесят тысяч человек повторены неоднократно, причем К.В. Агуреев заявляет о «конных бригадах» стражи³.

В данном материале рассматривается логика построения государственной стражи по материалам Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России.

25 марта (6 апреля) 1919 г. А.И. Деникиным было утверждено «Временное положение о государственной страже». Это довольно пространственный документ, снабженный приложениями. Согласно ему, стража учреждалась «для охранения государственного порядка, общественной, личной и имущественной безопасности и спокойствия». Она состояла из следующих частей: 1) управление государственной стражи (командующий, штаб и гражданская часть); 2) бригады государственной стражи в губерниях (областях) и градоначальствах; 3) бригады государственной стражи на железных дорогах; 4) портовые команды; 5) речные команды; 6) крепостные команды; 7) уголовно-розыскные управления. Последние состояли при гражданской части.

¹ См.: Кин Д. Деникинщина. Л.: «Прибой», б/г. С. 80–81.

² Четыркин А.В. Развал тыла и разложение армий Деникина // Исторические записки. 1941. № 12. С. 28–29.

³ См.: История гражданской войны в СССР. 1917 – 1922. Т. 4. Решающие победы Красной армии над объединенными силами Антанты и внутренней контрреволюции (март 1919 г. – февраль 1920 г.). М., 1959. С. 228; Агуреев К.В. Разгром белогвардейских войск Деникина (октябрь 1919 – март 1920 г.). М., 1961. С. 61.

Важно отметить, что губернаторам предоставлялось право учреждать, по поступившим ходатайствам, дополнительные должности и команды стражников с возмещением издержек ходатайствующими лицами, общественными учреждениями и частными обществами.

Губернская бригада государственной стражи включала в себя: командира и его помощников, губернский резерв государственной стражи, командиров городской и уездной стражи с помощниками, приставов в городах и уездах с помощниками, участковых (в городах) и волостных надзирателей, пешие и конные части стражи и рассыльных.

Губернский резерв состоял из командира, помощников, постоянного и переменного состава. Постоянный образовывали штатные чины, предназначавшиеся для усиления городской и уездной стражи в случае необходимости. В переменный состав входили офицеры и чиновники, готовившиеся к службе в страже на курсах при резерве, и стражники, обучавшиеся в учебной команде резерва.

Стражники делились на: старших стражников, стражников первого и второго разрядов.

Положение оговаривало, что, при отсутствии чинов стражи, в волости ее обязанности исполняются волостным управлением, в пределах селений – старостами. Последние обязывались предоставлять в распоряжение чинов стражи необходимое количество десятских для сопровождения арестованных, поддержания порядка при многлюдных мероприятиях и т.п.¹ 12 (25) июня 1919 г. было утверждено право губернаторов, в виде временной меры, «в необходимых случаях» назначать своей властью должностных лиц волостного и сельского управления².

Особое совещание отпускало деньги на выплату содержания милиционным формированиям, исполнявшим полицейские функции до образования государственной стражи, сформированной в соответствии с действующим положением. Так, по окладам госстражи были удовлетворены денежным содержанием чины Севастопольской городской милиции, за период с 8 июня по 9 июля 1919 г.. Обсуждался и потребовал дальнейшего выяснения вопрос о выдаче вознаграждения добровольцам, несшим охрану Ялтинского уезда после ухода большевиков и до образования государственной стражи³. Вероятно, подобных команд добровольцев на период безвластия было гораздо больше, и только наиболее структурированные, эффективные и сравнительно долго существовавшие могли попасть в орбиту внимания высокого органа. Например, в Царицыне возник проект создания народной самообороны, однако реально более месяца полицейскую службу, наряду с назначенными приставами, несли три номерные офицерские группы. При этом они вызвали порядочно служебных нареканий⁴. В соседнем Камышине в первые дни после занятия белыми (июль 1919 г.) была избрана охрана от кварталов (три грузчика и чернорабочих охраняли 44-й район, из чего можно заключить, что деление было довольно дробное, и задействовано порядка сотни человек). Винтовки и повязки выдавал командант, охрану как будто собирали сами жители⁵.

¹ Журналы заседаний Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России А.И. Деникине. Сентябрь 1918-го – декабрь 1919 года. Публикация / Под ред. С.В. Мироненко; отв. ред. и сост. Б.Ф. Додонов, сост.: В.М. Осин, Л.И. Петрушева, Е.Г. Прокофьева, В.М. Хрусталева. М., 2008. С. 243, 244, 246, 247.

² Журналы... С. 423, 425.

³ Журналы... С. 630, 571.

⁴ *Посадский А.В.* Из истории Саратовской Губернской Бригады Государственной Стражи // Белая Армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах. Екатеринбург, 2000. № 8. С. 40.

⁵ ГАСО. Ф. Р-507. Оп. 2. Д. 548. Л. 1, 2, 3, 4–4 об., 5.

Предсказуемо обособленная ситуация сложилась в Терско-Дагестанском крае. 9 (22) июля 1919 г. начальник Управления внутренних дел просил двухмиллионного ассигнования на выплату содержания «существующей в Терско-Дагестанском крае страже» до введения в крае стражи, соответствующей утвержденному положению¹. Однако 20 сентября вновь следуют ассигнования для все той же «стражи, существующей в Терско-Дагестанском крае». При этом Совещание обязало Начальника Управления ВД давать расчеты, оправдывающие запрашиваемые суммы и потребовало объяснений, переформирована ли краевая стража в соответствии с Положением о ней. Видимо, в пестром по составу населения и беспокойном крае сформировать штатную бригаду оказывалось делом непростым². При этом 7 (20) мая 1919 г. последовало утверждение целой серии документов, в том числе штатов местных учреждений ведомства внутренних дел ряда губерний. Однако таковые штаты для Терско-Дагестанского края А.И. Деникин не утвердил, наложив мотивирующую отказ резолюцию³.

27 июня (10 июля) утверждается «нормальный Временный штат государственной стражи уезда для местностей, занимаемых Вооруженными Силами на Юге России»⁴. Через месяц, 26 июля (8 августа), последовало утверждение «Временного нормального штата Управления бригады и губернского резерва государственной стражи в местностях, находящихся под управлением Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России». Этот штат было решено применить к Харьковской, Полтавской, Воронежской, Саратовской и Тамбовской губерниям и распространить его действие на вновь освобождаемые от советской власти губернии⁵.

Журналы Особого совещания хранят многочисленные проекты решений об отпуске ассигнований и утверждении штатов бригад и уголовно-розыскных управлений (в последних служили штатские сотрудники). Можно выявить формирование следующих бригад.

Это Черноморская и Ставропольская губернские, многочисленные и самые ранние по времени формирования (штаты утверждены 7 (20) мая 1919 г.), бригады. К 28 июня (11 июля) в качестве действующих перечислялись Астраханская, Воронежская, Екатеринославская, Курская, Полтавская, Саратовская, Ставропольская, Таврическая, Тамбовская, Харьковская и Черноморская губернские бригады. Разумеется, степень их укомплектованности и дееспособности были очень различны. Саратовская в это время являла собой номинальную величину⁶, как, безусловно, и Тамбовская, Астраханская бригады. Затем к вышеуказанным прибавились Севастопольская городская, Владикавказская краевая, Керченская городская бригады, Новороссийская портовая команда в составе Черноморской бригады.

Последней по времени создания стала Керченская городская бригада. Ее штат был утвержден 14 (27) декабря 1919 г. (рассмотрение вопроса в Малом присутствии Совещания последовало 2 (15) декабря). Одновременно упразднены «городские» должности в Таврической губернской бригаде⁷. То есть новая бригада была выделена из существующей. Повышение статуса стражи в портовой Керчи при отступлении войск к азово-черноморскому побережью не требует комментариев.

¹ Журналы... С. 507–508.

² Журналы... С. 673.

³ Журналы... С. 332.

⁴ Журналы... С. 459, 462.

⁵ Журналы... С. 512, 521.

⁶ Историю ее создания см.: *Посадский А.В.* Из истории Саратовской Губернской Бригады Государственной Стражи // *Белая Армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах.* Екатеринбург, 2000. № 8, 2001. № 9.

⁷ Журналы... С. 869, 871, 928.

Кроме того, 8 (21) октября утверждены штаты трех железнодорожных бригад: Пятой Харьковской (штат действовал с 1 (14) июля), Шестой Люботинской (с 1 (14) августа) и Седьмой Одесской (с 15 (28) августа)¹.

Вероятно, были и другие утверждения штатов, например, Малым присутствием особого совещания, которые не отложились в Журналах. Следует предполагать существование Киевской, Одесской городской, Херсонской, Черниговской губернских бригад.

Во ВСЮР были обновлены действовавшие в империи правила о призыве войск для содействия гражданским властям. Новые правила утверждены 7 (20) мая 1919 г. В частности (ст. 24,25), оговаривалось, что чины стражи не могут командовать непосредственно военнослужащими и не должны возлагать на них своих обязанностей, а лишь должны требовать себе содействия. Прибывший начальник воинской команды действует самостоятельно до тех пор, пока не признает выполненной свою задачу по содействию гражданским властям (ст. 26–28)². Это значимо, так как в 1905–06 гг. содействие войск вызывало много недоразумений и бывало неэффективным, его по-разному понимали офицеры и полицейские чины.

27 сентября (10 октября) 1919 г. начальник Управления ВД докладывал Совещанию итоги деятельности межведомственной комиссии для обсуждения мероприятий по борьбе с бандитизмом. Комиссия предложила создать в уездах, находящихся под властью ВСЮР, особые дружины для борьбы с бандитизмом. Численность каждой из них определялась в 400 человек в среднем. Порядок формирования и расквартирования должен был разработать Начальник Управления ВД, само формирование предполагалось постепенным, по приглашению начальников управления военного и внутренних дел. Главнокомандующему предполагалось представить проект приказа о призыве на службу в эти дружины и образовании в них кадра офицеров и унтер-офицеров. 2 (15) октября доклад был Главнокомандующим утвержден³. Таким образом, планировался военизированный, формализованный подход, с разработкой с нуля целого ряда нормативных документов и межведомственными взаимодействиями, неизбежно влекущими трения.

В то же время в реальности те или иные отряды, дружины в городах формировались или, что называется, вопрос стучался в двери. Начальник Ставропольского уголовно-розыскного управления в докладе военному губернатору 22 октября (4 ноября) 1919 г. обрисовывал тревожное положение в городе, называл основные очаги опасности (3-й запасный батальон из дезертиров, переполненная тюрьма и др.). При этом отмечалось, что оплотом власти являлись местные мещане и большинство домовладельцев, «каковые против каких бы то ни было выступлений социалистов, и в обеспечение спокойствия они жаждут сорганизоваться для поддержания добровольцев с оружием в руках». Два помощника автора доклада имели в этой среде хороший контакт, почему предлагалось с их помощью организовать из желающих боевую дружину. В подобном же докладе 24 октября (6 ноября) высказывалось пожелание создать охранные роты из местных чиновников и другого благонадежного элемента. В качестве примера приводился Ростов, где эта мера уже была проведена⁴. В самом деле, при внезапных нападениях повстанцев или бунтах приходилось использовать, в режиме импровизации, всех, кого возможно. Например, во вре-

¹ Журналы... С. 697, 701.

² Журналы... С. 324, 330.

³ Журналы... С. 693, 694.

⁴ Борьба трудящихся масс за установление и упрочение Советской власти на Ставрополье (1917–1921 гг.). Сб. док-тов и мат-лов. Изд. 2-е, доп. Ставрополь, 1968. С. 120–123.

мя нападений многотысячных крестьянских отрядов на Полтаву осенью 1919 г. защитниками становились местные учащиеся, не исключая барышень¹.

Отдельный вопрос – поддержание порядка в уезде, в сельской местности. Эта задача, собственно, никому не оказалась по плечу. Безвластие на местах стало бичом и красного, и белого тыла. Местные сельские власти привычно мимикрировали, меняя вывески при белых и красных. При этом многое зависело от степени расколотости сельского общества на «кулаков» и «бедняков». 2(15) августа 1919 г. белый бронепоезд «Генерал Шкуро» был направлен на Елизаветград Херсонской губернии, где, по сведениям белого командования, произошло восстание и изгнание большевиков. Действительно, белых встретила делегация горожан и восторженный прием в самом городе, у города стояли крестьяне-повстанцы с отличительной повязкой в виде соломенного жгута². Казалось бы, организация власти и обеспечение спокойствия в уезде не представляли труда после столь дружного выступления. Однако через месяц с небольшим, в двадцатых числах сентября н. ст., поднялось крестьянское восстание. Причем организующий центр был тот же – штаб в селе Компанеевка. Только его петлюровско-белогвардейская тональность сменилась петлюровско-большевистской. Крестьяне были недовольны возвращением помещиков и имущественной реставрацией. Новые порядки прочно ассоциировались с «гетманщиной». Судя по советским мемуарам, село было сильно расколото, всплыли счеты 1918 года, повстанческому активу сел противостояли всякого рода местные группы из имущих элементов, опиравшиеся на вооруженную силу белых. Похоже, что в таких обстоятельствах уездная стража не смогла стать решающей силой на селе и тем более олицетворением государственного порядка³.

В то же время в Екатеринославской губернии удалось создать сильную дееспособную стражу, во многом благодаря тому, что рядовой состав был из сельской самообороны. Эта бригада, в составе которой создали мобильные отряды, смогла успешно оперировать против крупных банд махновского происхождения⁴. С появлением Революционно-Повстанческой армии Н. Махно, стражу реорганизовали в воинскую часть (Первый полк государственной стражи) в составе Третьего армейского корпуса ВСЮР. Этот полк был расформирован 16 апреля 1920 г. с обращением личного состава на укомплектование Тридцать Четвертой пехотной дивизии Второго армейского корпуса⁵. 14 (27) декабря 1919 г. Главкомандующим был утвержден новый временный штат Екатеринославской бригады, вместо прежнего, утвержденного 5 (18) июня. Это было сделано ввиду «особой необходимости содержать штат Екатеринославской бригады государственной стражи в усиленном составе» и сопровождалось увеличением расходов и дополнительной ассигновкой⁶. Понятно, что это решение диктовалось необходимостью противодействия Революционно-Повстанческой армии Н. Махно. Решение нельзя признать оперативным, хотя оно правильно в свете предполагавшегося прочного занятия и умиротворения территории губернии.

18 ноября (1 декабря) А.И. Деникин утвердил решение об образовании межведомственной комиссии для рассмотрения составленного УВД проекта изменения некоторых статей «Временного положения о государственной стра-

¹ *Резегаук В.Я.* Повстанський рух на Полтавщині. Повстанська боротьба в умовах денікінщини. URL: <http://poltava-repres.narod.ru/povstan/denikin.htm> (дата обращения 12.06.2009).

² *Власов А.А.* О бронепоездах Добровольческой армии / Белые бронепоезда в гражданской войне. М., 2007. С. 162–163.

³ Годы борьбы. Сборник материалов по истории революционного движения на Зиновьевщине. Зиновьевск: Окружная Октябрьская комиссия, 1927. С. 112, 113, 120–122, 127–129.

⁴ См.: *Цветков В.Ж.* Государственная стража Екатеринославской губернии в борьбе с повстанческим движением в Новороссии (август – начало октября 1919 г.) // Белая Гвардия. Альманах. 1997. № 1.

⁵ Там же. С. 25.

⁶ Журналы... С. 875, 880.

же»¹. Тем же днем утверждалось создание комиссии для обсуждения еще одной инициативы УВД – проекта «Временных правил о предоставлении городам права устанавливать особый сбор для усиления охраны городских поселений от грабежей и насилий». Доклад Начальника Управления о проекте постановления последовал 22 ноября (5 декабря). 29-го (12 декабря) его утвердил Главнокомандующий. Правилами разрешалось городским думам или же управам – до начала действия дум, в качестве временной меры: 1) учреждать местные дружины (самооборону) в ведении и под непосредственным надзором и руководством чинов государственной стражи; 2) устанавливать дополнительное довольствие существующих должностей и команд этой стражи; 3) определять суммы, необходимые на покрытие расходов по пунктам первому и второму, а также расходов по учреждаемым властью губернатора дополнительных должностей и команд стражи. Если добровольных пожертвований на покрытие расходов не хватало, то думы или управы получали право устанавливать особый сбор². Это решение представляется тем более показательным, что еще 27 июля (9 августа) было утверждено решение освободить города и земства от участия в расходах по содержанию государственной стражи на 1919 год³, хотя для казны было весьма соблазнительно снять с себя часть финансового бремени.

21 ноября (4 декабря) Главнокомандующим утверждено важное дополнение к Положению о страже. В видах «более действительной борьбы с разбойничеством» УВД предложило ввести в штат губернских бригад госстражи уездные резервы стражи. Они должны были состоять из конных и пеших сотен и подчиняться командиру уездного резерва. Он, в свою очередь, подчинялся начальнику уезда и комбригу. Комплектоваться резервы должны были в том числе и призывом военнообязанных⁴. Цель очевидна – получить на местах мобильную силу, способную в корне пресекать вооруженные выступления.

Уже на очевидном ущербе белого движения на юге последовали новые изменения. 29 ноября (12 декабря) утвержденные 27 июня (10 июля) и 26 июля (8 августа) штаты были отменены. Вместо этого начальнику Управления внутренних дел предоставлялось право «при приближении Вооруженных Сил на Юге России к границам губерний, подлежащих освобождению от власти большевиков, формировать с указываемого им срока бригады государственной стражи на основании Расписания должностей и табели окладов чином государственной стражи по губерниям и градоначальствам..., применительно к утвержденным уже штатам губернских, краевых и городских бригад...»⁵ То есть вновь формируемые бригады не стали более привязывать к «нормативу», ориентируя их лишь на расписание должностей и штаты уже действующих бригад. Это избавляло от необходимости ждать утверждения штатов и позволяло более оперативно заниматься созданием бригад. Увы, в период отступления и потери территории это уже не являлось актуальным.

При отступлении чином стражи приходилось участвовать в боях, вливаться в состав боевых частей. В отступавшем из Одессы отряде генерала Васильева были чины Винницкой уездной стражи⁶. Четвертый конный корпус в марте 1920 г. вобрал в себя самооборонческие дружины, чинов стражи, и смог организовать сильный контрудар, едва не отобрав у красных Ставрополь 25 февраля (10 марта) 1920 г.⁷ Вскоре последовало оставление белыми Влади-

¹ Журналы... С. 790, 797.

² Журналы... С. 790, 822, 828, 830–831.

³ Журналы... С. 545, 551.

⁴ Журналы... С. 801, 805.

⁵ Журналы... С. 821–822, 828.

⁶ Русская военная эмиграция 1920-х – 1940-х годов. Документы и материалы. Т. 1. Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг. Кн. 1. Исход. М., 1998. С. 61.

⁷ Борьба трудящихся масс за установление и упрочение Советской власти на Ставрополье. С. 128–130.

кавказ. В числе многих отступавших частей обнаруживаются и 4 роты, сформированные из чинов стражи, общей численностью 600 человек¹.

Таким образом, прослеживается следующая логика в формировании государственной стражи. Стража строилась на основе специально разработанных документов и мыслилась как оплот порядка. Ее нельзя считать калькой с прежней полиции, хотя терминологический ряд очевидно позаимствован, что не вызывает удивления. Бригады должны были создаваться по мере освобождения территорий от красных, в соответствии с имперским административным делением. Показательно, что осенью 1919 г. родились соображения о создании дружин, увеличении штатов на деньги земств и городов, создании уездных резервов. Все эти меры находятся на одной смысловой линии. Они были призваны обеспечить более сильное и оперативное реагирование на растущее повстанческое движение и деятельность городского подполья. Планировавшиеся шаги уже очевидно запаздывали по отношению к развитию событий.

Заметим, что проблему борьбы полиции с массовыми вооруженными беспорядками нельзя назвать новой. Ее поставил 1905 год. Согласно циркуляру МВД от 12 февраля 1906 г. № 1144 уничтожалось деление на пеших и конных полицейских стражников; оставлялись только конные (старшие и младшие) с изменением штата из расчета 65 конных стражников за 100 пеших. Однако пересчет очень затянулся, например, в Саратовской губернии еще в 1913 г. занимались переводом пеших стражников в конные². После 1907 г., с учетом опыта массовых волнений, полицейских стражников в уезде стали распределять отрядами по 15–20 человек для оперативного реагирования на возможные беспорядки, помимо постов в наиболее крупных, пристанционных, ярмарочных или буйных селениях. В этом смысле введение уездного резерва продолжает традицию.

Иной вопрос – с неофициальными или внебюджетными формированиями для содействия полиции. Опять-таки, в 1905 г. для защиты имущества землевладельцы создавали полуофициальные охранные формирования. 6 декабря 1905 г. Сенат узаконил эти отряды. В них охотно шли полицейские стражники³, в поволжских губерниях возник обычай набирать северокавказских горцев. В годы гражданской войны подобные отряды расцвели на белой стороне. Они являлись инструментом земельной реставрации или внутридеревенской вражды. Достаточно вспомнить, насколько жестока была борьба махновцев в 1918 г. с гетманской вартой, помещиками и их отрядами. Неудивительно, что власти не стремились поощрять создание неконтролируемых формирований. Дружины ставились под контроль двух ведомств. Однако нельзя не признать, что никакая полиция в России не имела возможности контролировать сельскую местность по-настоящему эффективно. Это объяснялось расстояниями и инфраструктурным фактором. Большое количество полицейских функций всегда несло сельское общество. В условиях гражданской войны и глубокого раскола деревни очень важно было связать полицию с организованной лояльной средой граждан.

Такой опыт был на Востоке России. Развернувшееся с лета 1919 г. добровольческое движение было объединено с развитой самообороной. 24 ноября 1919 г. Главнокомандующий Восточным фронтом генерал К.В. Сахаров издал приказ о повелении Верховного Правителя «спешно объединить и использовать для борьбы за возрождение Великой свободной России широкое добро-

¹ Сведения из письма генерала Г.А. Вдовенко генералу А.И. Деникину. См.: *Цветков В.Ж.* «Добровольческая армия не пропустит в горы ни одного фунта хлеба» // Военно-исторический журнал. 1999. №4. С. 62.

² Государственный Архив Саратовской Области (ГАСО). Ф. 2. Саратовское Губернское Правление. Оп. 1. Д. 10968. Л. 2.

³ *Степанын В.А.* Крестьянство Черноземного Центра в революции 1905-1907 годов. Воронеж, 1991. С. 105

вольческое движение во всей стране для самообороны и формирования народного ополчения» и приказывалось в каждом населенном пункте образовать местный комитет самообороны и народного ополчения. Всеми вопросами добровольчества и народного ополчения поручалось ведать Начальнику добровольческих формирований генералу В.В. Голицыну. Предполагалось разверстание нарядов на добровольцев и дружинников по округам, особо энергичные формирования предписывались в прифронтовых уездах¹.

На Юге были самооборонческие формирования, отчасти они вливались в стражу при ее формировании. Однако в законодательном порядке эти структуры не были объединены. Подобные решения назревали, однако крушение фронта не позволило им реализоваться.

¹ РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 133. Л. 708–708 об.

А.В. Лукьянов

ИСТОКИ ФОРМИРОВАНИЯ 32-й САРАТОВСКОЙ СРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

32-я Саратовская Краснознаменная, а позже 29-я гвардейская Краснознаменная, Ельнинская ордена Суворова второй степени мотострелковая дивизия – одно из старейших соединений Советской Армии. В её истории – бои на озере Хасан, на полях Подмосковья, Ельни, освобождение Прибалтики. Дивизия была создана на саратовской земле и ведёт свою историю от 81-й стрелковой бригады 27-й Омской стрелковой дивизии, прошедшей с боями по полям Гражданской войны в составе Восточного, а затем Западного фронтов¹.

81-я стрелковая бригада (по состоянию на январь 1920 г.) имела в своём составе: – 241-й Крестьянский, 242-й Волжский, 243-й Петроградский стрелковые полки и отдельную саперную роту.

241-й Крестьянский стрелковый полк ведёт свое начало от Гомельского партизанского отряда, сформированного в апреле 1918 г. из 2-го Гомельского и 2-го Стародубского партизанских отрядов. Данные отряды уже имели боевой опыт в стычках с гайдамаками и немцами в Гомельском уезде в марте 1918 г.² В июле Гомельский отряд получил батальонную организацию и вошёл в состав 1-го Крестьянского полка. С сентября по декабрь 1918 г. полк участвовал в боях с белочехами и «учредилловцами» на Восточном фронте в составе Левобережной группы войск Казанского участка Восточного фронта (с 21 сентября 1918 г. в составелевой группы 5-й армии). После взятия Уфы 31 декабря 1918 г. полк был выведен в резерв, где в январе 1919 г. его 2-й батальон развёртывается в 241-й Крестьянский стрелковый полк 3-й бригады 27-й стрелковой дивизии. В августе 1919 г. за революционную стойкость и проявление мужества полк награждён ВЦИКом Почетным революционным Красным знаменем с грамотой, 25 июня 1921 г. вручён орден Красного Знамени за бои на подступах к Варшаве³.

История 242-го Волжского стрелкового полка началась 16 ноября 1917 г., когда по распоряжению из Смольного каждый завод Выборгского района Петрограда выделил 20% красной гвардии для формирования маршевого Петроградского отряда численностью 800 человек. 15 января 1918 г. отряд слился с 1-м Московским революционным полком и стал его 3-м батальоном. В апреле 1918 г. батальон пополнился 2-й ротой 1-го Московского революционного полка и отрядом «Волчья стая» и получил наименование «Отдельный батальон Выборгского района». Его задачей стала охрана границы с Финляндией. В августе 1918

¹ Саратовская Краснознаменная. Саратов, 1981. С. 3.

² Блинов К. Исторический очерк Саратовской ударной стрелковой дивизии. Саратов, 1933. С. 4.

³ Там же. С. 9.

г. батальон был переброшен на Восточный фронт под Казань. Через месяц, в октябре, слившись со 2-м Московским полком, он образовал 1-й Волжский полк¹. За храбрость полк награждался боевыми знамёнами: от рабочих Замоскворецкого района в 1918 г., от Сибирского ревкома в 1920 г., от Уральского губисполкома и Съезда советов в 1922 г.²

243-й Петроградский стрелковый полк отсчитывает свою историю с 5-го номерного Волынского батальона, сформированного в Петрограде из добровольцев профсоюза печатников в середине февраля 1918 г. 22 августа 1918 г. батальон переименовывается во 2-й Петроградский пехотный полк³.

В ноябре 1918 г. 1-й Крестьянский, 1-й Петроградский и 1-й Волжский полки, вместе с другими частямилевой группы 5-й армии, образовали 27-ю стрелковую дивизию. В новом соединении они составили 3-ю стрелковую бригаду. В январе 1919 г. по приведении советских частей к единой нумерации бригада получила 81-й номер, а полки номера от 241-го до 243-го с оставлением исторических названий⁴.

В 1920 г. 27-я стрелковая дивизия участвовала в войне с Польшей на Западном фронте⁵. В марте 1921 г. приняла участие в ликвидации Кронштадтского восстания⁶. С апреля того же года и до марта 1922 г. боролась с «политическим бандитизмом» в Саратовской и Царицынской губерниях⁷.

В связи с сокращением армии в 1922–1923 г.г. произошла реорганизация войск Приволжского военного округа. 27-я Омская стрелковая дивизия⁸ (без 81-81-й бригады) и другие соединения округа убыли в другие военные округа. Части реорганизовались в более компактные, легче управляемые, мобильные и боеспособные. В дивизиях вместо девяти оставалось три стрелковых полка и подразделения родов войск⁹.

В июне-июле 1922 г. 81-я стрелковая бригада (в составе 241-го, 242-го, 243-го стрелковых полков, рот связи и саперной, легкого артиллерийского дивизиона) вместе с влившимися в неё частями расформированной 2-й отдельной Саратовской бригады преобразуется в 32-ю стрелковую дивизию. Формирование завершено 20 июля 1922 г. в Саратове¹⁰.

Полки дивизии получили соответственно номера – 94, 95 и 96-й.

29 ноября 1922 г. секретным приказом Реввоенсовета (РВС) РСФСР № 2668/508 в связи с принятием шефства Саратовским горсоветом дивизии присвоено наименование: 32-я Саратовская стрелковая дивизия¹¹.

Этим же приказом стрелковым полкам присвоены наименования: 94-му — 94-й Крестьянский, 95-му — 95-й Волжский, 96-му — 96-й Петроградский стрелковый полк.

После окончания Гражданской войны советское государство приступило к реформированию вооруженных сил. Одним из важнейших мероприятий военной реформы явилось введение территориального принципа комплектования Красной армии в сочетании с кадровым. Смешанный принцип комплектования

¹ Богачевский. Краткая история 95-го Волжского стрелкового полка. Саратов, 1922. С. 1–2.

² Саратов в дни 10-летнего юбилея Красной армии. Речь военного комиссара 32-й Саратовской стрелковой территориальной дивизии т. Шошкина // Саратовские Известия. 1928. 24 февраля.

³ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 185. Оп. 3. Д. 1434. Л. 177.

⁴ В боях рождённая 1918–1920. Боевой путь 5-й армии: Сб. документов. Иркутск, 1985. С. 40; Тимофеев Е.Д. С.С. Вострецов. М., 1981. С. 41

⁵ Блинов К. Указ. соч. С. 10.

⁶ Краснознамённый Приволжский. М., 1984. С. 92.

⁷ Богачевский. Указ. соч. С. 11–15.

⁸ Наименование «Омская» 27-я стрелковая дивизия получила в марте 1921 г.

⁹ Краснознамённый Приволжский. С. 96; Саратовская Краснознаменная. С. 7.

¹⁰ Блинов К. Указ. соч. С. 3.

¹¹ Сайт военно-исторического клуба (ВИК) «Выстрел».

URL: <http://mechcorps.rkka.ru/vik-vistrel/Historia/rkka.htm> (дата обращения 15.12.2011).

позволял уменьшить затраты на армию, при этом сохраняя обороноспособность государства.

В кадровых частях красноармейцы проходили весь срок службы непрерывно, а в территориальных частях в течение пяти лет ежегодно призывались на сборы. Первый сбор продолжался три месяца, после него новобранцы зачислялись в состав территориальной дивизии. Последующие ежегодные проверочные сборы продолжались один месяц. В остальное время бойцы территориальных частей работали в промышленности и сельском хозяйстве¹.

3 апреля 1924 г. приказами РВС СССР № 1960 и № 2173 дивизия переформирована по штату территориальной стрелковой дивизии с выделением районов комплектования в Саратовской губернии².

В мае 1924 г., уже как территориальная, дивизия проводит лагерный сбор. При последующей инспекторской проверке боевой подготовки, дивизия занимает пятое место среди всех соединений и частей Красной армии, а 94-й стрелковый полк — первое место среди территориальных частей. Осенью 1925 г. дивизия участвовала в первых на территории Приволжского военного округа манёврах, где показала себя с наилучшей стороны, почти ничем не уступая кадровым дивизиям³.

Приказом РВС СССР № 611 от 6 мая 1924 г. в связи с переименованием Петрограда в Ленинград 96-му полку присвоено наименование: 96-й Ленинградский стрелковый полк. Но уже 10 ноября 1924 г. эта часть была выведена из состава дивизии для комплектования другого соединения округа — 31-й Сталинградской стрелковой дивизии⁴.

Номер и название убывшего полка были переданы новой части в составе 32-й Саратовской стрелковой дивизии. Её формирование происходило на основании приказов по соединению № 178/34 и № 103 от 19 октября 1925 г. Уже через месяц вновь сформированный полк приступил к выполнению поставленных задач⁵. В 1927 г. согласно приказу РВС СССР № 135 полк получил дополнение к названию — 96-й Ленинградский стрелковый полк имени АССР Немцев Поволжья⁶. Связывалось это с тем, что АССР НП имела шефство над полком, а его личный состав состоял из жителей немецкой автономии.

Происходило изменение наименований и других частей. Так, приказом РВС СССР № 219 от 29 апреля 1927 г. 94-му стрелковому полку было присвоено имя М.В. Фрунзе, а 4 июля 1930 г. циркуляром НКВМ № 51 полк стал именоваться 94-м Крестьянским Краснознаменным стрелковым полком имени М.В.Фрунзе⁷.

В 1926–1928 гг., а затем в 1932 г. дивизия занимает первые места в окружных соревнованиях по стрелковой подготовке, а в 1925, 1926 и 1932 гг. — по артиллерийской подготовке.

По итогам 1929 г. у дивизии третье место в округе, в 1930 г. — второе место в РККА.

¹ 50 лет Вооруженных сил СССР. М., 1968. С. 173.

² Сайт ВИК «Выстрел». URL: <http://mechcorps.rkka.ru/vik-vistrel/Historia/rkka.htm> (дата обращения 16.12.2011).

³ 32 саратовская стрелковая территориальная дивизия // Саратовские Известия. 1928. 23 февраля.

⁴ Сайт ВИК «Выстрел». URL: <http://mechcorps.rkka.ru/vik-vistrel/Historia/rkka.htm> (дата обращения 16.12.2011).

⁵ Шульга И.И. Немцы Поволжья в российских вооружённых силах: воинская служба как фактор формирования патриотического сознания М., 2008. С. 89.

⁶ Государственный исторический архив немцев Поволжья в г. Энгельсе (далее — ГИ-АНП). Ф. Р-888. Оп. 4. Д. 8. Л. 481.

⁷ Сайт ВИК «Выстрел». URL: <http://mechcorps.rkka.ru/vik-vistrel/Historia/rkka.htm> (дата обращения 16.12.2011).

В 1930 г. на окружных манёврах 32-я занимает первое место по боевой подготовке, в 1932 г. становится первой среди частей, расположенных на территории Нижневолжского края.

В день 9-й годовщины своего существования 20 июля 1931 г. дивизия берёт на себя обязательства ударной дивизии. Название «ударная» не означало нахождение соединения на направлении главного удара с усиленным количеством артиллерии, самолётов и танков. В мирное время подразумевалось стремление быть первыми в боевой и политической подготовке¹.

1 октября 1931 г. 96-й стрелковый полк выведен из состава дивизии и в полном составе передан в 53-ю Энгельсскую стрелковую дивизию².

1 ноября 1931 г. сформирован новый 96-й стрелковый полк с дислокацией в г. Сердобске³.

В начале 1934 г., в связи с ростом военной угрозы, исходившей от Японии, было принято решение о передислокации 32-й дивизии на Дальний Восток. Дивизию перевели на штат кадрового соединения и полностью укомплектовали личным составом и техникой. К моменту убытия из Саратова дивизия состояла из управления, 94-го, 95-го, 96-го стрелковых полков, 32-го артиллерийского полка, отдельной противотанковой батареи, отдельного кавалерийского эскадрона, отдельного танкового батальона, отдельной роты связи, отдельной сапёрной роты, войскового лазарета.

По директиве Начальника Штаба РККА от 26 января 1934 г. № 51168сс и директиве начальника штаба ПриВО от 29 января 1934 г. № Ш2/398 в марте 1934 г. дивизия в полном составе убыла на Дальний Восток и вошла в состав войск Особой Краснознаменной Дальневосточной армии с дислокацией на станции Раздольное Уссурийской железной дороги⁴.

С убытием дивизии к новому пункту постоянной дислокации, закончилась её история пребывания в Саратове. Соединение находилось здесь более одиннадцати лет, взаимодействовало с местными органами государственной власти, занималось боевой учёбой и готовилось к будущим битвам. Являясь территориальной, дивизия комплектовалась из местного населения и для саратовцев стала родной. Немало других соединений и частей в различное время пребывало в городе, но немногие из них назывались Саратовские. В память о боевой дивизии в 1985 г. часть Комсомольской улицы в Саратове, от Большой Горной и до подъема к мемориалу Победы, была переименована в улицу имени 32-й стрелковой дивизии. Это дань уважения командирам и солдатам, сражавшимся за свободу и независимость нашей Родины.

¹ Блинов К. Указ. соч. С. 15.

² Шульга И.И. Указ. соч. С. 97.

³ РГВА. Ф. 17343. Предисловие к оп. 1.

⁴ Сайт ВИК «Выстрел». URL: <http://mechcorps.rkka.ru/vik-vistrel/Historia/rkka.htm> (дата обращения 17.12.2011).

ЭНГЕЛЬССКАЯ ВОЕННАЯ АВИАЦИОННАЯ ШКОЛА ЛЕТЧИКОВ: К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ

Строительство и формирование Энгельсской военной авиационной школы летчиков в начале 30-х гг. XX века стало одним из важнейших мероприятий по становлению военно-воздушных сил и укреплению обороноспособности Советского Союза. Развитие авиационной промышленности, количественный и качественный рост самолетов требовали серьезной работы по подготовке квалифицированных кадров для авиации страны, увеличения числа учебных заведений.

В 1930 г. Революционный Военный Совет (РВС) СССР предложил разместить авиационную школу на территории Автономной Советской Социалистической Республики немцев Поволжья (АССР НП) в г. Покровске (с 1931 – г. Энгельс)¹. Выбор места для создания школы не был случайным. Удобное расположение города в глубине страны, на берегу крупнейшей водной артерии – реки Волги, развитые транспортные связи, обилие и разнообразие местного сырья, хорошее энергетическое обеспечение создавали благоприятные предпосылки для строительства.

28 сентября 1930 г. Бюро областного комитета ВКП(б) АССР НП также высказалось «за целесообразность организации авиационной школы летчиков в Немреспублике, в г. Покровске», обратилось к Нижневолжскому краевому комитету партии с просьбой о поддержке этого решения в центральных органах и приняло специальное постановление, в котором и определило ряд мероприятий по развертыванию строительства:

- закрепить отведенные для школы участки земли за военным ведомством;
- освободить от посевов колхозные и совхозные поля, отведенные под аэродромы к началу мая 1931 г.;
- включить водопровод, построенный для школы в водопроводную сеть города;
- включить в план дорожного строительства 25 км дороги до авиашколы;
- составить план строительства канализационной сети города (район авиашколы в первую очередь);
- поручить Центральному Совету народного хозяйства АССР НП предусмотреть строительство кирпичных заводов для обеспечения школы кирпичом².

В результате многочисленных согласований строительство школы было поручено Управлению начальника военно-строительных работ № 46 (УНР-46), находящегося в подчинении Управления военного строительства АССР НП. 3 ноября 1930 г. член РВС, начальник строительства К.Р. Золотарев получил сообщение Совнаркома Немреспублики об отведении участков для стройки³.

Для решения вопросов обеспечения авиашколы необходимыми помещениями, земельными участками, отвода их из гражданского фонда, возведения и постройки новых зданий, а также рабочей силой, местными материалами, транспортом и товарами потребления для снабжения рабочих Реввоенсовет Приволжского военного округа командировал в Покровск начальника военно-строительного отдела, военного инженера Н.А. Максимова. В письме командующего войсками Приволжского военного округа руководству Немреспублики подчеркивалось, что, поскольку строительство имеет важное оборонное значение и «обусловлено чрезвычайно жесткими сроками (окончание стройки – 1 де-

¹ Государственный исторический архив немцев Поволжья (г. Энгельс) (далее – ГИА НП). Ф. 998. Оп. 2. Д. 44. Л. 28.

² Там же. Л. 163.

³ Там же. Л. 14.

кабря 1931 г. – О. С.), то выполнение последних невозможно без оказания всемерного содействия со стороны местных властей»¹.

Для оказания помощи военстрою обкомом ВКП(б) и Совнаркомом Нем-республики был разработан план мероприятий:

- мобилизовать население на трудовые мужевые повинности;
- обязать директоров МТС и совхозов предоставить для строительства аэродромов механическую силу с горючим и орудия для обработки земли; произвести силами колхозов уборку посевов на участках будущих аэродромов;
- правлениям колхозов обеспечить колхозников провиантским довольствием на весь период стройки и палатками;
- на местах строительства организовать передвижную торговлю продуктами первой необходимости (табак, спички, мыло, сахар и т.д.);
- наркомун здравоохранения обеспечить медико-санитарным обслуживанием строительные участки;
- наркомату земледелия обеспечить ветеринарное обслуживание конского состава;
- выделить на время строительства необходимое количество инженерно-технических кадров.

Наркомату земледелия и Покровскому горсовету было предложено в десятидневный срок завершить оформление отведенных под строительство школы территорий и до 20 января закончить работы по съемке местности, всем наркоматам и республиканским учреждениям – оказывать всяческое содействие работе начальника военно-строительного отдела ПРИВО Н.А. Максимова² по развертыванию строительства.

13 января 1931 г. при СНК АССР НП была создана комиссия для содействия строительству авиашколы и аэродромов³.

Развернувшаяся в 1920-х гг. в Немреспублике, в Покровске гражданское строительство нуждалось в увеличении добычи местного сырья, выработки кирпича, улучшения качества дорог. В то же время, крупное военное строительство авиашколы требовало внимания к себе со стороны местных властей и отвлечения ресурсов, так необходимых самой АССР НП.

Поэтому, в конце 1930 – начале 1931 гг. шли переговоры, и велась переписка с центральными органами страны о выделении капитальных вложений на строительство в Покровске завода красного кирпича, шоссейных дорог, водопровода и канализации. Однако в Госплане СССР преобладала точка зрения иная: «...Под маркой школы Покровск хочет заработать себе канализацию, водопровод, кирпичный завод и т.д.»⁴. Совнарком РСФСР также обратил внимание руководства АССР НП на то обстоятельство, что под флагом оборонного значения недопустимо, особенно при жестких лимитах по коммунальному строительству, проводить работу по канализации города и строительству дорог⁵. Таким образом, единственный вопрос, который был решен центром положительно, – это выделение средств на строительство водопровода.

Несогласованность в планировании республиканских и краевых организаций привела к тому, что стройке авиашколы не хватало то одних, то других материалов. Имелись проблемы и с транспортировкой этих материалов, так как колхозы не выделяли подводы, и, даже при условии обеспечения их фуражом, упорно отказывались от перевозки камня к местам погрузки. Кроме того, кирпич, поставляемый с Бейдекского завода, был такого низкого качества, что дело об этом пришлось передать для расследования в прокуратуру АССР НП⁶.

¹ Там же. Л. 28.

² ГИА НП. Ф. 998. Оп. 2. Д. 44 Л. 168.

³ Там же. Л. 166.

⁴ Там же. Л. 29.

⁵ Там же. Л. 41.

⁶ Там же. Л. 190–191 об.

Несколько изменило ситуацию постановление Совнаркома РСФСР от 27 мая 1931 г., в котором центр обязал краевые и областные исполкомы, а также совнаркомы автономных республик в срочном порядке полностью обеспечить местными материалами (бутом, гравием, кирпичом) строительства оборонного значения, «не останавливаясь в случае необходимости перед снятием со снабжения других [гражданских] строителей»¹.

Сложившаяся ситуация стала предметом специального рассмотрения на заседании ЦИК АССР НП 17 июня 1931 г., на котором отмечено, что строительство развернуто слабо и значительно отстает по срокам от календарно-производственных планов и только принятие самых решительных мер позволит предотвратить его срыв. Основными причинами такой ситуации были названы необеспеченность рабочей силой, местными строительными материалами и водой².

Кирпич с Бейдекского завода был заменен кирпичом с заводов села Шиллинг. Кроме того, был увеличен выпуск кирпича покровскими заводами и заводами Немкустпромсоюза, использовался кирпич с разбираемой церкви Покрова Божьей Матери. За строительством авиашколы были закреплены карьеры бутового камня в селах Липовка, Антон, Бейдек (АССР НП), Разбойщица, Несельроде, Базарный Карабулак и городе Хвалынске (Саратовская область)³.

На затянувшемся развертывании строительства сказывался и недостаток транспорта. Необеспеченность транспортными средствами остро ощущалась в Немреспублике, особенно во время сельскохозяйственных работ. В то же время имеющийся на стройке гужевой транспорт использовался лишь на 50–55%, так как 60–70 лошадей были нетрудоспособны⁴.

На стройке катастрофически не хватало квалифицированной рабочей силы – каменщиков, плотников, штукатуров, а также опытных работников других специальностей: инженеров, техников, счетоводов, бухгалтеров. Основными поставщиками строителей были кантоны АССР НП. В первую очередь здесь вербовали рабочих строительных специальностей, но каменщиков и штукатуров в республике было немного, поэтому руководству строительством приходилось обращаться в Нижневолжский краевой отдел труда. Но в районах Нижнего и Среднего Поволжья, выделенных центром для вербовки строителей, не имелось такого количества специалистов, чтобы полностью обеспечить стройку. 120 штукатуров были подготовлены УНР-46 прямо на строительной площадке⁵. Приходилось привлекать кадры и из соседней Казахской автономной республики. На строительстве авиашколы работало большое количество отходников – казахов.

Стройку ежедневно покидало значительное число рабочих. Такая ситуация возникла из-за тяжелых бытовых условий строителей и невыполнения руководством обязательств коллективного договора, по которому работникам должны были выделяться спецодежда, обувь и механические приспособления. (Механизмы на строительстве использовались лишь на 20 %)⁶.

Связь с городом осуществлялась по двум трактам: Новоузенскому и Эльтонскому, которые представляли собой неблагоустроенные, накатанные транспортом дороги. В период таяния снега и после дождей они становились непроходимыми, что также осложняло ситуацию на стройке.

В центральной газете АССР НП «Трудовая правда» неоднократно подчеркивались «безалаберность, бестолковщина, неправильная расстановка технического персонала, царящие на строительстве». В конце августа корреспон-

¹ ГИАНП. Ф. 998. Оп. 2. Д. 44. Л. 108.

² Там же. Л. 187.

³ Там же. Л. 189.

⁴ Там же. Л. 183.

⁵ Там же. Л. 159.

⁶ Трудовая правда (г. Энгельс). 1931. 31 августа.

дент этой газеты так описывал стройку: «В степи разбросаны груды кирпича, леса, из-под земли сереют еще незаконченные фундаменты»¹. Чтобы активизировать работы на строительстве, выездная редакция газеты начала выпускать агитационные листки «Трудовая правда на покровских новостройках». Первые два номера вышли под лозунгом «Выложить 5 миллионов кирпичей в 25 дней»². В листках также отмечались проблемы, которые мешали развернуть строительство в соответствии с плановыми заданиями: большая текучесть кадров, уравниловка в заработной плате, плохая организация бытового обслуживания, общественного питания, недостаточное использование на стройке техники. Стройка все больше напоминала поле боевых действий, а в агитационных листках все чаще появлялись военные термины: «мобилизация», «соцштурм», «ликвидация прорыва» и т.д.

Такое положение дел не могло не тревожить высшее военное руководство страны. Дважды, в августе и сентябре 1931 г., на строительство приезжал заместитель председателя Реввоенсовета СССР С.С. Каменев. На слете ударников в присутствии представителя центра строители дали обещание к 15 сентября выложить 5 миллионов кирпичей и возвести основные объекты. Обещание было выполнено частично³.

Несмотря на целый ряд мер, принятых руководителями строительства, правительством Немреспублики, руководством краевых органов, и в ноябре оставались нерешёнными те же проблемы, что и в начале года: острый дефицит строительных материалов, в первую очередь местных (кирпич, бут, известь), недостаточная помощь в этом краевых органов, отсутствие техники, неудовлетворительное состояние дорог, связывающих школу с аэродромами и городом, дефицит рабочей силы. По данным на 1 ноября 1931 г. стройка испытывала недостаток в 2450 человек⁴.

Для решения вопроса повышения производительности труда и заработной платы строителей была создана комиссия по внедрению хозрасчета на отдельных участках. С 10 по 18 октября 1931 г. было сформировано пять хозрасчетных бригад, которые сразу же включились во Всесоюзный конкурс на лучшую хозрасчетную бригаду⁵. Кроме этого, на индивидуальную, премиально-прогрессивную сдельную оплату труда было переведено большинство рабочих, что сказывалось и на повышении заработной платы.

Общими усилиями предпринимались попытки наладить социальные условия жизни строителей. На стройке уже имелись клуб на 900 человек, уголок Осоавиахима на 200 человек, библиотека на 50 человек, а так же физкультурный кружок на 160 человек. Ежедневно демонстрировались фильмы. Здесь же действовала амбулатория, в которой работали врач и 2 фельдшера. Однако и этими достижениями строители не всегда могли воспользоваться. Работа в уголке Осоавиахима практически не велась, поскольку помещение использовалось для проведения заседаний, совещаний, собраний и т. д. Библиотека при графике работы с 15.00 до 20.00 часов обслуживала читателей один час в день. Условия быта строителей также оставляли желать лучшего. В бараках не было освещения и отопления. Поскольку баня еще не была построена, рабочие ходили мыться в город. Большой проблемой оставались очереди в столовых. Каждый работник тратил на завтрак, обед и ужин в общей сложности минимум три часа в день⁶.

За год была введена в строй лишь часть запланированных объектов: учебный и шесть жилых корпусов, две казармы, три ангара, здание штаба и ко-

¹ Там же.

² Трудовая правда (г. Энгельс). 1931. 31 августа.

³ Там же. 21 сентября.

⁴ ГИАНП. Ф. 998. Оп. 2. Д. 74. Л. 26.

⁵ Трудовая правда. 1931. 17 октября.

⁶ Там же.

мандно-диспетчерского пункта, авиамастерские для ремонта двигателей (дощатый сарай)¹.

Уже в ноябре 1931 г. стало ясно, что план строительства сорван, и основные работы будут продолжены только в следующем году.

Несмотря на то, что строительство затянулось, Наркомат по военным и морским делам СССР принял решение о формировании в г. Энгельсе авиашколы. Школа получила наименование «14 военная авиационная школа летчиков ВВС РККА» и территориально вошла в Приволжский военный округ². Формирование этого учебного заведения было поручено полковнику Мейеру, ставшему впоследствии начальником и военным комиссаром школы. 7 декабря 1931 г. в Энгельс начал прибывать рядовой состав. К концу месяца, когда красноармейский состав был полностью укомплектован, в школу приехали командиры. Основная часть летного, технического и преподавательского состава прибыла из других авиационных учебных заведений – Качинской, Борисоглебской, Вольской и Ленинградской военно-теоретических школ.

Перед руководством школы стояла непростая задача – в условиях продолжающегося строительства подготовиться к первому учебному году. Трудностей было немало. Отсутствовали оборудованные лаборатории и классы, наглядные пособия и учебники. На все нелетные подразделения был один командир. Большинство молодых командиров и инструкторов закончило ускоренные курсы и не имело ни достаточного опыта, ни методических навыков.

10 января 1932 г. в школу прибыла первая группа курсантов – 476 человек, окончивших Ленинградскую военно-теоретическую школу, а 27 января начались первые теоретические занятия. Вскоре школой была получена первая партия самолетов «У-2» (учебный двухместный биплан конструкции Н.Н. Поликарпова)³, и инструкторский состав приступил к тренировкам по технике пилотирования³.

С выпуска первого номера многотиражной газеты «Военлет» 23 февраля 1932 г. начала работать типография школы. На страницах газеты освещались достижения в боевой и политической подготовке. Отражались и негативные явления, происходившие в жизни авиашколы.

Весной 1932 г. возникла опасность затопления ангаров, складов и подвальных помещений. Вся территория школы представляла собой сплошное озеро, глубина которого местами достигала полутора метров. Но благодаря совместным усилиям личного состава школы, жителей городов Энгельса и Саратова, представителей соседней стрелковой дивизии катастрофа была предупреждена.

В апреле авиашкола получила самолеты «Р-1» - разведчики, которые во время боевых действий могли использоваться и как бомбардировщики. 8 июля 1932 г. стал памятным днем для всей школы. В этот день на самолетах «У-2» пять курсантов совершили свой первый самостоятельный полет⁴.

Но планы строительных работ УНР-46 (с сентября 1932 г. Управление начальника авиационного строительства (УНАС-16)) по ряду как объективных, так и субъективных причин, в 1932 г. по-прежнему не выполнялись. Почти каждый выходной проводились субботники, в которых принимали участие весь личный состав школы и семьи командиров. Учитывая трудности первой зимы, с октября занятия и полеты были приостановлены, и личный состав школы подключился к стройке. При школе был создан штаб руководства работами по

¹ ГИАНП. Ф. 998. Оп. 2. Д. 74. Л. 40.

² Центральный архив Министерства обороны (далее – ЦАМО). Ф. 29. Оп. 827865. Д. 1. Л.

1.

³ Там же. Л.14.

⁴ Там же.

строительству во главе с прибывшими представителями Управления военно-воздушных сил Красной Армии¹.

И снова стройка напоминала поле сражения, а военная терминология использовалась практически во всех документах. Так в рапорте руководства стройки Правительству АССР НП говорилось: « В результате 2-х месячников штурма и 10-дневки атаки строительство имеет накануне [годовщины] Октябрьской революции 76 % выполнения плана». К этому времени «из 6 ангаров закончено 4, 2 ангара имеют готовность 95 %, авиамастерские и испытательная станция закончены полностью... Закончена первая очередь водопровода и присоединены основные корпуса к канализации»².

Несмотря на многочисленные трудности, общими усилиями к началу холодов все строительные работы были завершены.

Осенью 1932 г. Энгельсская авиашкола помогла Немреспублике организовать Центральный Совет Осоавиахима. Командиры и курсанты преподавали во вновь организованном обществе. Школа активно помогала колхозам и МТС АССР НП в ремонте сельскохозяйственного инвентаря, очистке и погрузке семян, уборке урожая.

Знаменательной датой в жизни Энгельсской авиационной школы стало 1 августа 1933 г. – первый выпуск курсантов. 254 летчика в званиях командир РККА и младший летчик, успешно овладевшие авиационной техникой и летным мастерством, были направлены в строевые части. С 20 декабря 1935 г. школа начала выпускать летчиков-офицеров, с присвоением им звания «лейтенант»³.

Летом 1936 г. на вооружение школы начали поступать истребительные самолеты «И-4», «И-5», «И-15», «И-16» и «УТИ», а с 1938 г. – «СБ» (скоростной бомбардировщик)⁴. Таким образом, учебное заведение готовило кадры для разведывательной, бомбардировочной и истребительной авиации.

К 1936 г. Энгельсская авиационная школа пилотов стала лучшей среди летных школ военно-воздушных сил РККА и дважды занимала первые места среди учреждений подобного типа по итогам боевой и политической подготовки.

На рубеже 30–40-х гг. школа продолжала развиваться. Если в 1931 г. по штату здесь было 1388 курсантов, а самолетов – 132 единицы, то к началу 1941 г. количество учащихся достигло 2120 человек, а самолетов – 288⁵. Штат был увеличен за счет запасной роты курсантов и школы стрелков-радиостов. К тому же в ноябре 1940 г. в школу влилась Родзеховская военная авиашкола пилотов, и число эскадрилий увеличилось с 6 до 8⁶. В связи с прибытием в авиашколу самолетов тяжелого типа появилась необходимость увеличения летных полей в количестве 6 аэродромов. Командование обратилось в Совнарком АССР НП с просьбой отчуждения земель в Лизандергейском (ныне Энгельсский район Саратовской области), Терновском кантонах (ныне Энгельсский район Саратовской области) и присоединения к летному полю полосы земли шириной 300 метров вдоль всего аэродрома.

В октябре 1940 – феврале 1941 гг. на собраниях членов колхозов, совхозов, артелей, заседаний исполкомов кантонных Советов депутатов трудящихся АССР НП были приняты решения о выделении для летной школы земель в долгосрочное пользование. В результате были отчуждены участки земли в Мариентальском кантоне (ныне Советский район Саратовской области) – 400 га, в

¹ История Энгельсской военной авиационной школы пилотов. Энгельс, 1941. С. 11.

² ГИАНП. Ф. 998. Оп. 2. Д. 74. Л. 40.

³ ЦАМО. Ф. 29. Оп. 827865. Д. 1. Л. 13, 15.

⁴ Там же. Л. 16.

⁵ Там же. Л. 2.

⁶ Там же.

Терновском кантоне – 517 га, в Куккусском кантоне (ныне Энгельсский район Саратовской области) – 90 га¹.

К 1941 г. школа выпустила несколько тысяч летчиков. Многие из них воевали в Испании, на реке Халхин-Гол, участвовали в Советско-Финляндской войне 1939—1940 гг. Семи ее воспитанникам было присвоено звание Герой Советского Союза.

В годы Великой Отечественной войны Энгельсской военной авиационной школой пилотов было сформировано и отправлено на фронт 14 авиаполков². В их числе – три женских авиаполка, которые формировала Герой Советского Союза Марина Михайловна Раскова.

Всего за годы войны Энгельсская авиашкола выпустила более трёх тысяч «крылатых защитников» Родины, а также летчиков для армий Югославии, Польши, Албании³. Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 18 мая 1944 г. школе было вручено Боевое Красное Знамя⁴.

Более 200 воспитанников авиашколы были удостоены звания Героя Советского Союза. В это число не включены летчики и штурманы женских авиаполков, о которых говорилось выше. Летчики М. Одинцов, М. Гареев, В. Голубев удостоены звания Героя дважды. Мужество и героизм воспитанников Энгельсской военной авиационной школы пилотов вписали много славных страниц в историю Великой Отечественной войны.

В октябре 1945 г. Энгельсская военная авиационная школа летчиков была переименована в училище, которое продолжало готовить летные кадры для Военно-Воздушных Сил СССР.

В мае-сентябре 1954 г. училище было перебазировано из Энгельса в Тамбов. Тамбовское высшее военное авиационное училище летчиков имени Героя Советского Союза М.М. Расковой в 1992 г. было расформировано и перестало существовать.

¹ Там же. Л. 1, 8, 16.

² Там же. Л.3.

³ Там же. Л. 18–19.

⁴ ЦАМО. Ф. 29. Оп. 827865. Д. 1. Л. 7.

ВОЕННЫЕ ИНВАЛИДЫ В НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ГЕРМАНИИ:
«СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА» НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТОВ

Среди фундаментальных направлений государственной политики социальная политика, призванная выстроить прочную систему социальной защиты населения, занимает первое место, поскольку государство теряет смысл, если не обеспечивает для всех категорий граждан право на жизнь, причём – достойную. Главнейшей обязанностью государства является социальная защита тех групп, которые в силу разных обстоятельств, временных или постоянных, не могут защитить себя сами.

Одной из таких групп являются инвалиды, и государство обязано гарантировать им полноценную социальную жизнь. При этом социальная политика в отношении инвалидов (как и любых других нуждающихся в ней социальных групп) должна быть абсолютно бескорыстной – недопустимо использовать несчастье людей для достижения целей какой-либо другой политики.

Между тем в истории XX века есть вопиющий прецедент подобного использования – циничного превращения инвалидов войны лишь в средство государственной политики, прямо противоположной целям политики социальной. Этот прецедент был создан национал-социалистическим правительством Германии, строившем всю свою риторику, даже «социальную» и «мирную», вокруг милитаристской фигуры «фронтového бойца». Слова «фронт» и «армия» были религиозными в Третьем рейхе, и сам проект Третьего рейха, как это уже давно доказано в многочисленных исторических исследованиях национал-социализма, явился прямым следствием исповедуемой А. Гитлером «религии фронта» Первой мировой войны. Центральным культом этой религии стал культ павшего на поле битвы бойца, постоянно инсценировавшийся национал-социалистическим режимом для внушения германскому народу, что он – преемник солдата Первой мировой войны¹.

Однако это милитаристское воспитание нации государством включало элемент, упускаемый до настоящего времени исследователями национал-социализма и заключающийся в том, что национал-социалистическая пропаганда возносила в качестве военных героев не только павших солдат, но и инвалидов Первой мировой войны. Военные инвалиды были объявлены «почетными гражданами нации» с соответствующими финансовыми, организационными и пропагандистскими затратами государства, в то время как гражданские инвалиды тем же государством полностью игнорировались. Национал-социалистический режим поднял на щит военных инвалидов, во-первых, по соображениям «религии фронта» и, во-вторых, чтобы пополнить ими свою социальную базу. «Завербовать» инвалидов Первой мировой войны правительству А. Гитлера не составляло труда, учитывая бедственное социально-экономическое положение страны при Веймарском правительстве, когда особенно страдали инвалиды-ветераны, рассчитывавшие на благодарность общества за пребывание на фронте. Разумеется, они не могли не откликнуться на обращение к ним как к «почетным гражданам нации» и стали весомым аргументом партии А. Гитлера в дестабилизации ею германского парламентаризма и введении национал-социалистической диктатуры².

Действительно, немецкие инвалиды Первой мировой войны, насчитывавшие примерно 2,7 млн человек, создали для послевоенной Германии боль-

¹ Behrenbeck S. Der Kult um die toten Helden. Nationalsozialistische Mythen, Riten und Symbole 1923 bis 1945. Vierow, 1996; Schilling R. «Kriegshelden». Deutungsmuster heroischer Männlichkeit in Deutschland 1813-1945. Paderborn, 2002.

² Diehl J. Victors or victims? Disabled veterans in the Third Reich // Journal of modern history. 1987. № 59. P. 715.

шую социальную проблему именно тем, что в Германии вращение в мирную жизнь военных инвалидов происходило труднее, чем в других странах-участницах Первой мировой войны, и поэтому немецкие военные инвалиды представляли в Веймарской республике протестную социальную группу¹.

Парадокс заключался в том, что материальное обеспечение военных инвалидов в Веймарской республике даже в годы экономического кризиса оставалось более стабильным, чем в других странах Европы. Однако Германия показывала полнейшую неспособность отдать дань военным инвалидам на символическом уровне, не торопилась, в отличие от Англии и Франции, официально признать заслуги своих пострадавших на войне граждан. Немецким военным инвалидам очень не хватало соответствующих демонстративных жестов со стороны государства². Для них весьма важным было моральное признание их фронтовых жертв, нежели какая-либо материальная компенсация, и германская пресса 1920-х гг. зафиксировала буквально негодование инвалидов-ветеранов по этому поводу³.

Именно невнимание к символическому признанию фронтовых жертв немецких военных инвалидов и было серьезным пробелом Веймарской республики, чем и воспользовалась партия А. Гитлера в своей пропаганде. «Немецкие жертвы войны нуждаются в уважении, а не только в пенсии!» - провозглашала типичная листовка национал-социалистов в начале 1930-х гг. С неизменной настойчивостью национал-социалистическая пресса атаковала Веймарское правительство, вменяя ему в вину нежелание отдать дань благодарности инвалидам, превращение их в «беспомощных нищих, получающих милостыню от государства», вместо того, чтобы «обеспечить героям нации общественную благодарность и уважение». И национал-социалистическая пропаганда не скупилась рисовать перед военными инвалидами в случае победы на выборах партии А. Гитлера картину будущего, в котором государство и общество воздадут инвалидам-ветеранам сторицей за их страдания и предоставят им почетное место в общественной жизни, чего они лишены в Веймарской республике⁴.

Пропагандистская риторика национал-социалистов, нацеленная на военных инвалидов, получила хороший подарок от мирового экономического кризиса начала 1930-х гг., приведшего многие страны, в том числе Германию, к социальной катастрофе и стремительному усилению протестных настроений, тем более среди немецких военных инвалидов. Судя по письму уполномоченного по вопросам жертв войны в НСДАП Ганса Оберлиндобера к руководителю общественных организаций Грегору Штрассеру (1932 г.), от национал-социалистической партии не укрылся радикальный настрой военных инвалидов: «В случае с военными инвалидами мы должны удвоить свои усилия. Их

¹ *Frie E.* Vorbild oder Spiegelbild? Die Kriegsbeschädigtenfürsorge in Deutschland // *Der erste Weltkrieg. Wirkung Wahrnehmung Analyse / Michalka W.* (Hrsg.). München; Zürich, 1994. S. 563–580; *Führer K.-C.* Für das Wirtschaftsleben «mehr oder weniger wertlose Personen». Zur Lage von Invaliden- und Kleinrentnern in den Inflationsjahren 1918–1924 // *Archiv für Sozialgeschichte.* 1990. № 30. S. 146–180; *Kleinschmidt Ch.* «Unproduktive Lasten». Kriegsinvaliden und Schwerbeschädigte in der Schwerindustrie nach dem Ersten Weltkrieg // *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte.* 1994. № 4. S. 155–165; *Schrep B.* Gebrochen an Leib und Seele // *Der Erste Weltkrieg. Die Urkatastrophe des 20. Jahrhunderts / Burgdorf S., Wiegreffe K.* (Hrsg.). München, 2004. S. 178–185; *Geyer M.* Ein Vorbote des Wohlfahrtsstaates. Die Kriegsoferversorgung in Frankreich, Deutschland und Großbritannien nach dem Ersten Weltkrieg // *Geschichte und Gesellschaft.* 1983. № 9. S. 230–277; *Cohen D.* The war come home. Disabled veterans in Britain and Germany 1914–1939. Berkeley, 2001.

² *Cohen D.* Disabled veterans... Op. cit. P. 90.

³ *Beil Ch.* Zwischen Hoffnung und Verbitterung. Selbstbild und Erfahrungen von Kriegsbeschädigten in den Ersten Jahren der Weimarer Republik // *Zeitschrift für Geschichtswissenschaft.* 1998. S. 139–157; *Kienitz S.* Der verwundete Körper als Emblem der Niederlage? Kriegsinvaliden in der Weimarer Republik // *Kriegsniederlagen. Erfahrungen und Erinnerungen / Carl H., Krtüm H.-H., Langewiesche D., Lenger F.* (Hrsg.). Berlin, 2004. S. 329–342.

⁴ Der Dank des Vaterlandes. 1932. Oktober. S. 4; *Nationalsozialismus und Kriegsofener.* München, 1932.

негодование – спелый плод, и мы не можем ждать, пока коммунисты его пожнут»¹.

Насколько для национал-социалистов был важен этот контингент, хорошо видно по самой структуре НСДАП, которая существовала до их прихода к власти и включала наряду с политическим отделом и отделом по проблемам госслужащих и женщин также и отдел по вопросу военных инвалидов. Характерна пропагандистская демагогичность предвыборной тактики национал-социалистического движения в отношении военных инвалидов. Национал-социалистическая пропаганда вменяла Веймарскому правительству в вину снижение материального обеспечения инвалидов-ветеранов, указывая на «явное нежелание» Веймарской республики обеспечить им достойную жизнь². И эта же пропаганда критиковала «марксистский» закон Веймарского правительства за... слишком высокую материальную помощь военным инвалидам, вызвавшую у них «пенсионный психоз» и зависимость от «государственных подачек»³.

Летом 1933 г. все существовавшие в Веймарской республике организации военных инвалидов были ликвидированы, и на их месте образовалось национал-социалистическое Объединение обеспечения жертв войны (ООЖВ) под руководством Ганса Оберлиндобера, которое насчитывало уже к концу 1933 г. больше миллиона участников⁴.

Показательно, что многое из длинного перечня привилегий, обещанных национал-социалистами военным инвалидам, так и осталось «на бумаге», в частности торжественно объявленная реструктуризация системы материального обеспечения инвалидов войны, что, однако, не мешало национал-социалистической пропаганде воспевать якобы произведённые улучшения⁵.

Одним из наиболее излюбленных национал-социализмом шоу стали устраиваемые по всей стране с невероятной помпой «дни ветеранов и жертв войны» с единственной целью – наиболее выигрышно представить заботу Третьего рейха о ветеранах, в том числе инвалидах-ветеранах. Так, по словам газеты организации ветеранов (от 31 июня 1933 г.), «вся Германия была свидетелем доселе невиданной заботы государства о ветеранах». Для перевозки более 200 тыс. ветеранов, определённых на роль статистов в этих широкомасштабных шоу, задействовались специальные поезда, обычно не используемые и простаивающие в депо. Для праздника был разработан специальный логотип, улицы утопали в несметном количестве флагов, а с многочисленных транспарантов и знамен мозолил глаза один и тот же лозунг: «Наши ветераны Первой мировой войны – почётные граждане нашей страны»⁶.

Появление «дней ветеранов» казалось предвестником перемен. Ещё никогда в Германии не устраивались общественные праздники специально для ветеранов. Организацией мероприятий для ветеранов и инвалидов войны в Веймарской республике занимались официальные организации жертв войны, находящиеся в перманентном конфликте друг с другом и с правящими партиями. Однако главной целью «дней ветеранов» в национал-социалистической Германии отнюдь не было стремление социальной помощи ветеранам и воен-

¹ Oberlindober H. Ehre und Recht für die deutschen Kriegsoffer. B., 1933.

² Oberlindober H. Ehre und Recht für die deutschen Kriegsoffer. B., 1933.

³ Notverordnungen zur Milderungen von Härten in der Sozialversicherung // DKOV. 1933. September. S. 12.

⁴ Oberlindober H. Neue Wege in der deutschen Kriegsofferversorgung. Berlin, 1934; Seel H. Das Ehrenrecht der Kriegsoffer. B., 1935. S. 5, 22.

⁵ Seel H. Das Ehrenrecht der deutschen Kriegsoffer. Berlin, 1935. S. 21; Die Riesenkundgebung der deutschen Kriegsoffer in Rheinland und Westfalen // DKOV. 1933. August. S. 1.

⁶ Der Dank des neuen Vaterlandes an die Kriegsoffer. Gewaltige Kundgebungen in Dortmund und Köln. Nicht Rentenempfänger, sondern erste Bürger des Staates // Der Angriff. Das deutsche Abendblatt. 31.07.1933; Das Dritte Reich erfüllt die Dankespflicht an seinen Kriegsoffern // VB. 1933. 1 August. S. 1.

ным инвалидам. Цель состояла в усилении с помощью этого контингента милитаристской пропаганды в обществе, которое демонстрировалось во всех таких правительственных шоу как никогда единым, и единым именно на основе милитаристского духа, и уж никак не на основе социальной политики.

Конечно же, главную роль в «днях ветеранов» играла национал-социалистическая верхушка. В восторженных газетных статьях по следам прошедших мероприятий Оберлиндобер и другие функционеры ООЖВ изображались окружёнными восторженной толпой ветеранов, пожимающими руки сидящим в инвалидных колясках, погружёнными в «участливые» разговоры со слепыми, выражающими инвалидам свою солидарность. А. Гитлер намеренно не присутствовал ни на одном «дне ветеранов», демонстрируя свою «скромную персону» ветерана Первой мировой войны, однако его образ – главного ветерана войны – витал в воздухе, задавая вектор мероприятия. «Скромный» ветеран Гитлер как бы олицетворял не только рождение национал-социализма в землянках Первой мировой войны, но и уже в выборной борьбе начала 1930-х гг. тяжело раненного солдата, решившего ещё во время своего пребывания в лазарете Пазевалька бороться за честь и достоинство покинутого и забытого инвалида, «товарища»¹.

Умение национал-социалистов использовать военных инвалидов в пропагандистских целях хорошо демонстрируется предвыборной кампанией 1933 года. Для ноябрьских выборов, состоявшихся через месяц после демонстративного выхода Германии из Лиги наций, инвалиды войны были мобилизованы в качестве труппы предвыборной борьбы. Открытие 12 октября предвыборной гонки, организованное ООЖВ во дворце спорта в Берлине, проходило под броским лозунгом «Мы опять готовы бороться – как 1 августа 1914 года – на этот раз не во имя войны, но во имя мира». Вероятно, марш инвалидов рассматривался национал-социалистами как весомый аргумент в пользу мирного настроения «фюрера». В день выборов по улицам всей Германии маршировали колонны ветеранов-инвалидов, одетых в униформу партии – на костылях, в инвалидных колясках, ведомые собаками-поводырями. Это шествие было организовано ООЖВ в соответствии с распоряжением правительства².

Насколько ответственные за проведение этого мероприятия действительно рассчитывали повлиять на общественное мнение парадом контуженных ветеранов, демонстрирует с удивительной откровенностью инструкция Гимmlера от 6 ноября 1933 г., адресованная организаторам. Инструкция предписывала следующее. С целью произвести наиболее сильное впечатление на население необходимо помещать у избирательных участков тяжело контуженных инвалидов – безногих, сидящих в инвалидных креслах и слепых. Лишь ветераны с сильнейшими ранениями должны нести транспаранты с лозунгами: «Германец! Ты ходил на выборы? Если нет, то наша жертва была напрасной».

Представление инвалидов войны посланниками мира использовалось национал-социалистами отнюдь не только для внутривнутриполитических целей. Для поддержки отношений с международным ветеранским корпусом, развитие которых национал-социалистическая Германия холила и лелеяла как выигрышный штрих к своему внешнеполитическому портрету, представителями от Германии выбирались не просто ветераны, но именно ветераны-инвалиды, призванные убедить мировую общественность в мирных намерениях Третьего Рейха. Однако в целом это представительство ветеранов-инвалидов имело довольно противоречивый характер. Противоречие состояло в том, что в идеологии национал-социализма важное место занимал культ «здорового тела», а картина

¹ DKOV. 1933. Dezember. S. 18. Juli. S. 5. August. S. 7. November. S. 8. Dezember. S. 19; DKOV. 1934. Januar. S. 21. Februar. S. 22.

² Abbildungen der Aufmärsche der Kriegsoffer am Wahlsonntag // DKOV. 1933. Dezember. S. 3.

изувеченных и контуженных ветеранов очень плохо согласовывалась с подобным культом. Национал-социалистическая эстетика пестовала образ физически сильного, атлетически сложенного арийского воина, которому менее всего соответствовали обезображенные тела и лица инвалидов войны. Изображения подобных несоответствий, как правило, исключали из пропагандистских материалов. Болезни, уродства, всяческие отклонения от принятой «нормы красоты и здоровья», к которым также относились и приобретённые на войне увечья, рассматривались как общественно опасные и составляющие угрозу для национал-социалистического государства. Приобретая абсолютную власть, национал-социалисты внесли свои коррективы в изображение человека в искусстве, запретив любое отклонение от предписанной пропагандой нормы. Следовало представлять германских воинов непобедимыми, неуязвимыми, либо же, в крайнем случае, получившими лишь лёгкое ранение.

Таким образом, даже контузии могли – через призму пропагандистского отображения – не противоречить созданному образу арийского солдата. Давалось понять, что ранения, полученные на фронте, бывают большей частью незначительны, не создают препон в повседневной жизни и – благодаря новому почётному положению ветерана при национал-социализме – не могут помешать пострадавшему быть полноценным членом общества. Любое же несоответствие в искусстве принятым нормам сурово осуждалось. Например, жесткой критике подверглась в 1941 г. новелла Курта Цизеля «Забытые», где главным героем был выведен инвалид-ветеран, вынужденный по возвращении с войны влачить жалкое существование. Иллюстрация на обложке книги изображала больного, нищего, немощного человека. Возмущившись столь реалистичным и далёким от официальной версии описанием, Национал-социалистическое общество по обеспечению жизни ветеранов немедленно обратилось к Геббельсу, указывая на содержащуюся в книге опасность развращения умов юных бойцов. В 1942 г. новелла была переиздана, однако в этот раз без титульного рисунка и с несколько изменившимся главным героем, чья инвалидность превратилась в лёгкое ранение.

С сентября 1939 г. по правительственному распоряжению во имя поддержания духа германских солдат общественное внимание и помощь ветеранам-инвалидам вновь увеличились. С началом Второй мировой войны и растущим числом полученных в новых боях ран и контузий национал-социалистическое правительство искало возможность показать отправляемым на фронт солдатам, а также их семьям, что вероятные ранения ни в коей мере не страшны, и что можно и должно жертвовать собой во имя отчизны. Неудивительно поэтому, что в первые же дни Второй мировой войны именно организации ветеранов-инвалидов было доверено оказать морально-психологическую поддержку раненым в новых боях. Кроме того, согласно правительственной директиве, тяжело раненым в Первую мировую войну – потерявшим ноги, получившим ранения головы – надлежало брать под свое попечительство аналогично раненных. Для оказания скорейшей «первой психологически-идеологической помощи», ООЖВ располагала специально выделенной машиной для перевозки раненых, в которой получившие ранения солдаты доставлялись непосредственно с поля боя в ближайший лазарет – под присмотром «старших товарищей» – ветеранов-инвалидов Первой мировой войны¹.

Вторая мировая война сорвала с национал-социализма маску «социально ориентированного» режима, как он подавал себя в начале 1930-х гг. в отношении инвалидов-ветеранов. Инвалиды ветераны Первой мировой войны вновь оказались мобилизованными на новую войну – национал-социализм использовал их именно для войны, но не для мира. Это прямо подтверждает обращение председателя общества жертв войны к его членам в октябре 1941 г.:

¹ Jahrbuch der Frontsoldaten und Kriegsofopfer 1943 / Oberlindober H. (Hrsg.). B., 1943. S. 118.

«Именно мы, солдаты Великой Мировой войны, понимаем, как никто другой, значение полученных на войне контузий. И мы обладали когда-то молодостью и здоровьем – богатством, без сожаления положенным нами на алтарь отечества. Сегодня наши братья повторяют нашу судьбу. Сегодня воюют наши сыновья – и вот мы вновь в кругу пострадавших»¹.

Провозглашённый Оберлиндобером «союз солидарности жертв обеих мировых войн» вновь демонстрировался национал-социалистическим правительством с 1939 г. в старом стиле – с многочисленными широкомасштабными мероприятиями. Например, было проведено собрание членов ООЖВ во дворце спорта в Берлине летом 1943 г. под лозунгом «Фронтальная солидарность 1914–1943», а летом того же года на праздновании дня Памяти Героев войны А. Гитлер, проходя на трибуну, торжественно приветствовал инвалидов Первой и Второй мировых войн, занимающих в зале почётные места².

С ростом военных потерь Германии и приближением коллапса вермахта и Третьего рейха поверхностность и пустота громких обещаний и лозунгов солидарности с инвалидами становилась всё очевидней. С 1943 г. ООЖВ начал формировать из своих членов военные отряды – призывая ветеранов уже к прямой жертвенности в ставшей абсолютно бессмысленной для Германии войне. Тотальная война Гитлера произвела на свет больше инвалидов, чем какая бы то ни была до неё. После падения Третьего рейха инвалидам было уготовлено жалкое существование, какое было невозможно вообразить во времена Веймарской республики.

¹ Staatsarchiv Detmold M 15/21: Amt für Kriegsoffer, Rundschreiben Nr. 095/41, Blatt 1.

² Herzstein R. The war that Hitler won, the most infamous propaganda campaign in history. L., 1979. P. 122.

БОИ НА ЮГО-ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ В ПЕРВЫЕ ДНИ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И УЧАСТИЕ В НИХ САРАТОВЦЕВ.
СУДЬБА ОДНОГО ОФИЦЕРА

22 июня 1941 года... Дата нападения фашистской Германии на Советский Союз вот уже 70 лет является самой трагической в истории нашей Родины и, видимо, навсегда останется в памяти народа. Просчеты политического руководства СССР, допущенные в определении возможного времени нападения Германии, и связанная с этим медлительность в проведении начатых мероприятий по стратегическому развертыванию Вооруженных Сил поставили советские войска, в частности, Киевского Особого военного округа в первые же часы войны в очень тяжелые условия. Отсутствие своевременного решения на приведение войск в полную боевую готовность и на занятие ими подготовленных оборонительных рубежей вдоль государственной границы в соответствии с разработанными планами имело для Красной Армии чрезвычайно тяжелые последствия, во многом предопределившие крупные неудачи начального периода войны.

В первый день войны в Киевском Особом военном округе, преобразованном в Юго-Западный фронт (командующий генерал-полковник М.П. Кирпонос), войска, предназначенные для прикрытия государственной границы, в основном находились в местах постоянной дислокации. Стрелковые корпуса, составлявшие по плану прикрытия резерв округа, выдвигались в свои районы расположения в 100–250 км от границы. Всего в округе к началу войны было 11 стрелковых, 8 механизированных и 1 кавалерийский корпус, имевшие в своем составе 26 стрелковых, 6 горнострелковых, 16 танковых, 8 моторизованных и 2 кавалерийские дивизии¹.

Около 23 часов 21 июня начальник Генерального штаба генерал армии Г.К. Жуков по аппарату ВЧ предупредил начальника штаба округа: «Ожидать особых указаний».

Прибывшая в округ около половины второго ночи 22 июня директива наркома обороны за подписью Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко и генерала армии Г.К. Жукова требовала «не поддаваясь ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения, привести войска в полную боевую готовность встретить внезапный удар немцев и их союзников»². Здесь необходимо отметить, что в планах прикрытия государственной границы акцент делался на активный характер действий армий прикрытия при отражении возможного вторжения противника, а перед авиацией ставилась задача активными действиями завоевать господство в воздухе. Однако в директиве говорилось лишь о скрытом занятии огневых точек укрепленных районов на границе, а от авиации требовалось рассредоточиться по полевым аэродромам и тщательно замаскироваться.

На передачу этой директивы из штаба округа в штабы армий, корпусов и дивизий ушла практически вся оставшаяся часть ночи. Не имея четких и вовремя полученных распоряжений, соединения и части оказались в крайне невыгодном положении по отношению к войскам противника.

В полосе Юго-Западного фронта наступала немецкая группа армий «Юг» под командованием генерал-фельдмаршала К. Рундштедта. Главный удар наносился силами 1-й танковой группы и 6-й армии южнее Владимир-Волынского на Луцк, Ровно, Житомир, Киев. Удар наносился в стык между левофланговыми

¹ Хорьков А.Г. На Юго-Западном направлении // Воен.-истор. журнал. 2002. № 6. С. 10.

² Центральный архив министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО). Ф. 208. Оп. 2511. Д. 83. Л. 52–53.

соединениями 5-й армии, прикрывавшей направление Замостье – Житомир, и 6-й армией, прикрывавшей львовское направление. Как выяснилось впоследствии, против 5-й, 6-й и 26-й армий Юго-Западного фронта на участке Владимир-Волынский, Перемышль гитлеровское командование развернуло 37 дивизий (25 пехотных, 5 танковых, 4 моторизованных, 3 охранных). Их наступление поддерживали основные силы 4-го воздушного флота, имевшего в своем составе 1300 самолетов. Только против 5-й армии с четырьмя стрелковыми и одной танковой дивизиями ее первого эшелона командующий группой армий «Юг» в первый день наступления ввел в сражение десять пехотных и четыре танковые дивизии, да в готовности к развитию успеха он держал здесь не менее двух пехотных, четырех моторизованных и одной танковой дивизий. (Двадцать одна немецкая дивизия против пяти советских, находящихся на границе). Но всего этого командование Юго-Западного фронта в первый день войны не знало¹.

Боевые действия начались в 4 часа утра 22 июня с ударов артиллерии по возведенным вдоль границы полевым и долговременным сооружениям, по штабам, узлам связи и местам расположения войск. Одновременно сотни немецких бомбардировщиков в сопровождении истребителей нанесли серию массированных ударов по 23 аэродромам Киевского Особого военного округа².

Эти удары, застигшие большинство частей еще в местах их постоянной дислокации, нанесли войскам округа первые чувствительные потери. При этом только от бомбардировки военных аэродромов округ потерял 180 боевых самолетов, в результате чего немецкая авиация захватила господство в воздухе³.

Первые удары немецкой авиации и первые артобстрелы, хотя и оказались для войск неожиданными, отнюдь не вызвали паники. В трудной обстановке, когда все, что могло гореть, было объято пламенем, когда на глазах рушились казармы, жилые дома, склады, прерывалась связь, командиры прилагали максимум усилий, чтобы сохранить управление войсками. Они твердо следовали тем боевым предписаниям, которые им стали известны после вскрытия хранящихся у них секретных пакетов⁴.

Первый удар фашистских дивизий обрушился на пограничные заставы и на небольшие гарнизоны укрепленных районов, еще не законченных строительством.

В те тревожные дни в должности начальника оперативного отдела штаба Киевского Особого военного округа, а затем штаба Юго-Западного фронта служил полковник Баграмян Иван Христофорович, в последующем прославленный полководец, Герой Советского Союза, маршал Советского Союза. В своих мемуарах Иван Христофорович дал высокую оценку боевым действиям пограничников и воинов укрепленных районов в самом начале войны. Он писал: «Бойцы и командиры этих подразделений героически выполнили свой долг: никто из них не покинул своих позиций под натиском неизмеримо превосходящих сил врага. Заставы и долговременные огневые точки (доты) укрепрайонов сразу же превратились в маленькие островки, со всех сторон захлестываемые враждебной стихией. Полностью окруженные, они вели неравный бой»⁵.

На основе донесений, поступавших в те дни с государственной границы, а также рассказов очевидцев и показаний немецких военнопленных И.Х. Баграмян привел конкретные примеры мужества, стойкости и героизма бойцов и командиров пограничных застав и гарнизонов укрепленных районов в первые дни войны в полосе Юго-Западного фронта.

Вот некоторые из них:

¹ Баграмян И.Х. Так начиналась война. М., 1977. С. 94–95.

² Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история. М., 1965. С. 59—62.

³ Баграмян И.Х. Указ. соч. С. 93.

⁴ Там же. С. 92.

⁵ Там же. С. 95.

Изумительную стойкость проявили бойцы 98-го погранотряда подполковника Г.Г. Сурженко. 9-я застава этого отряда во главе с лейтенантом Ф.Н. Гусевым не раз переходила в контратаки и не отступила ни на шаг от границы. На подступах к позициям этой заставы около 600 гитлеровских солдат и офицеров нашли свой конец в первый день войны¹.

В районе города Владимир-Волынский мужественно дрались пограничники 90-го погранотряда майора М.С. Бычковского, оказавшиеся на направлении главного удара фашистских войск. Величайшую стойкость проявили пограничники 13-й заставы этого отряда во главе с лейтенантом А.В. Лопатиным... Они закрепились в подвале разрушенного здания заставы... Застава Лопатина устояла 11 суток! Герои дрались до конца. Они погибли под развалинами здания, но не сложили оружия².

На дот, в котором сражался гарнизон младшего лейтенанта П.И. Чаплина, фашисты обрушили сотни бетонобойных снарядов. Вражеские орудия и танки били по доту прямой наводкой. Бойцы оглохли от грохота, почти все были изранены осколками бетона, отлетавшими от стен. Дым и пыль не давали дышать. Иногда дот надолго замолкал. Но стоило гитлеровцам подняться в атаку, маленькая крепость оживала и косила их метким пулеметным огнем. Фашистам удалось захватить железнодорожный мост через реку Сан, но воспользоваться им они не могли: мост находился под прицелом советского дота. И так продолжалось целую неделю, пока у храбрецов не кончились боеприпасы. Только тогда фашистским саперам удалось подтащить к доту взрывчатку. Младший лейтенант Чаплин и его подчиненные погибли, так и не покинув своего поста. И таких гарнизонов в укрепленных районах было множество.

Погранзаставы и укрепрайоны на советской границе, их малочисленные, но стойкие гарнизоны явились первым препятствием, о которое споткнулась огромная фашистская армия в своем «марше на Восток». Эта героическая борьба имела огромное значение. Уже здесь, на первых километрах советской земли, дал трещину тщательно разработанный гитлеровским командованием «план молниеносной войны»³.

В то время, когда отряды пограничников и гарнизоны укрепленных районов вступили в бой с немецкими войсками, дивизии, дислоцировавшиеся в приграничных районах, поднятые по боевой тревоге, стремились приступить к выполнению задач, определенных им довоенными планами прикрытия государственной границы, и упорно пытались выйти на назначенные им рубежи.

В полосе Юго-Западного фронта смогли выйти к линии государственной границы и развернуться 45-я стрелковая дивизия (командир генерал-майор Г.И. Шерстюк) 5-й армии (командующий генерал-майор танковых войск М.И. Потапов; 3-я кавалерийская (командир генерал-майор М.Ф. Малеев), 41-я (генерал-майор Г.Н. Макушев) и 97-я (командир полковник Н.М. Захаров) стрелковые дивизии 6-й армии (командующий генерал-лейтенант И.Н. Музыченко), а также 99-я (командир полковник Н.И. Дементьев) стрелковая дивизия 26-й армии (командующий генерал-лейтенант Ф.Я. Костенко)⁴.

Многие соединения, выдвигавшиеся на рубежи развертывания и в районы сбора, подвергались массированным ударам вражеской авиации. Понеся потери, они вступали в бой неорганизованно, разрозненно, на неподготовленных рубежах, в основном там, где их застали вторгшиеся войска агрессора.

Положение усугублялось тем, что они не имели надежного прикрытия с воздуха, были вынуждены действовать в широких полосах, при одноэшелонном

¹ Там же.

² Баграмян И.Х. Указ. соч. С. 96.

³ Там же. С. 99.

⁴ Хорьков А.Г. Указ. соч. С. 11.

построении, что ослабляло устойчивость обороны и делало ее весьма уязвимой, особенно при массированных ударах танков противника.

После ставшего очевидным начала боевых действий народный комиссар обороны в 7 часов 15 минут отдал директиву № 2, в которой говорилось о том, что 22 июня 1941 г. в 4 часа утра немецкая авиация без всякого повода совершила налеты на наши аэродромы и города вдоль западной границы и подвергла их бомбардировке. Одновременно в разных местах германские войска открыли артиллерийский огонь и перешли нашу границу. В директиве указывалось:

«В связи с неслыханным по наглости нападением со стороны Германии на Советский Союз ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу. Впредь до особого распоряжения наземными войсками границу не переходить.

2. Разведывательной и боевой авиацией установить места сосредоточения авиации противника и группировку его наземных войск. Мощными ударами бомбардировочной и штурмовой авиации уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить основные группировки его наземных войск. Удары авиацией наносить на глубину германской территории до 100–150 км, разбомбить Кенигсберг и Мемель. На территории Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать»¹.

Как видно из содержания директивы, Главное Командование еще не владело реальной обстановкой, но надеялось ограничить размах сражений, локализовать их в рамках приграничных боев до полного выяснения ситуации. Но и эта задача в тех условиях уже была невыполнима. Тем не менее, командование Наркомата обороны в директиве № 3, подписанной в 21 час 15 минут 22 июня 1941 г., потребовало от войск западных приграничных округов перейти на главных направлениях к широким наступательным действиям с целью разгрома ударных группировок врага и перенесения боевых действий на его территорию.

Войска Юго-Западного фронта получили задачу силами двух общевойсковых армий, пяти механизированных корпусов и всей авиации фронта при поддержке авиации дальнего действия нанести удары по сходящимся направлениям на Люблин, окружить и уничтожить группировку противника, наступающего на фронте Владимир-Волынский, Крыстынополь и к исходу 24 июня овладеть районом Люблин².

К сожалению, и этот замысел Главного Командования не учитывал к тому времени очень сложного состояния, в котором оказались бывшие военные округа. Значительная часть привлекаемых к решению указанных задач войск, прежде всего механизированные корпуса, находились на значительном удалении от исходных районов для наступления и даже в случае их полной готовности не могли в короткий срок и одновременно нанести массированные удары по врагу.

В первые дни и часы войны штабы фронтов получали и сами отдавали приказы и распоряжения, которые отставали от стремительно меняющейся оперативно-тактической обстановки.

С 22 по 26 июня 1941 г. на Юго-Западном фронте по указанию И.В. Сталина находился начальник Генерального штаба генерал армии Г.К. Жуков, направленный сюда в качестве представителя Ставки Главного Командования для оказания помощи командованию фронтом по организации боевых действий и управлению войсками. В своей книге «Воспоминания и размышления» Георгий Константинович вспоминал: «... Рава-Русский укрепленный район с первых минут войны оборонялся двумя отдельными пулеметными ба-

¹ ЦАМО. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 41. Л. 1—2.

² Хорьков А.Г. Указ. соч. С. 11.

тальонами, 41-й стрелковой дивизией генерала Г.Н. Микушева и пограничным отрядом майора Я.Д. Малого.

Командование 17-й немецкой армии развернуло на этом участке пять пехотных дивизий. Несмотря на мощный артиллерийский огонь, авиационные удары и настойчивые атаки, вражеским войскам не удалось захватить Рава-Русский укрепленный район и сломить сопротивление 41-й стрелковой дивизии. Войска противника в первый день войны понесли большие потери, не достигнув успеха.

41-я стрелковая дивизия успешно действовала на данном боевом рубеже в течение нескольких дней. Лишь в связи с вклиниванием значительной группы вражеских войск на участке 159-й стрелковой дивизии и угрозой обхода укрепленного района в ночь на 27 июня командованием фронта она была отведена на тыловые рубежи.

Перемышльский укрепленный район обороняли два отдельных пулеметных батальона и 92-й пограничный отряд. Пулеметные батальоны заняли свои сооружения к 6 часам утра 22 июня и им, вместе с пограничниками и вооруженными отрядами рабочих и служащих Перемышля пришлось первыми принять на себя огонь и атаки врага.

Несколько часов мужественные защитники города сдерживали натиск превосходящего по своим силам противника. Затем по приказу начальника погранотряда они отошли за город, где вновь задержали противника. Это позволило подтянуть к Перемышлю 99-ю стрелковую дивизию полковника Н.И. Дементьева. 23 июня совместно со сводным батальоном пограничников она перешла в контратаку и выбила фашистов из города.

99-я стрелковая дивизия 26-й армии удерживала Перемышль в течение 23–28 июня и, нанося большие потери противнику, не сдала ни одного метра своих позиций. Только утром 29 июня по приказу командования оставила город».¹

По решению командующего фронтом 24 июня в наступление перешел 8-й механизированный корпус генерала Д.И. Рябышева в направлении на Берестечко. Командование возлагало большие надежды на этот корпус. Он был лучше других укомплектован новейшей танковой техникой и неплохо обучен. 15-й механизированный корпус генерала И.И. Карпезо наступал восточнее Радехова. Удар этих корпусов очень скоро почувствовали немецкие войска. Особенно это сказалось после разгрома 57-й пехотной дивизии немцев, которая прикрывала правый фланг 48-го моторкорпуса танковой группы Клейста².

Для 48-го моторкорпуса противника в этот день создалась довольно тяжелая обстановка, и гитлеровцы были вынуждены бросить против этого контрудара всю свою авиацию. Это только и спасло их от разгрома. Противнику пришлось подтянуть против советских частей дополнительно 44-й армейский корпус и другие силы.

Так войсками Юго-Западного фронта успешно был нанесен один из первых контрударов по немецко-фашистским войскам. Его сила могла быть еще большей, если бы в руках командования фронта была более мощная авиация для взаимодействия с механизированными корпусами и хотя бы еще 1 – 2 стрелковых корпуса³.

На участке обороны 5-й армии, несмотря на подавляющее превосходство, враг к концу первого дня боев с трудом преодолел приграничные укрепления на левом фланге.

В последующем между 5-й и 6-й армиями Юго-Западного фронта образовался разрыв шириной 50 километров, в который устремилась 1-я немецкая

¹ Жуков Г.К. Указ. соч. С. 18—19.

² Там же. С. 15—16.

³ Там же. С. 16.

танковая группа генерал-полковника Э. Клейста. Возникла реальная угроза глубокого прорыва противника и охвата с севера основных сил Юго-Западного фронта.

С целью ее ликвидации и разгрома ударной группировки противника, передовые части которой вышли в район Дубно, командование фронта решило нанести контрудар силами шести механизированных и трех стрелковых корпусов, но из-за отсутствия времени на его подготовку, корпуса были вынуждены вступить в сражение по мере подхода, что не обеспечило планируемой силы мощного, согласованного удара по врагу¹.

В районе Луцк – Броды – Ровно развернулось самое крупное в начальный период войны встречное танковое сражение, в котором с обеих сторон участвовало около двух тысяч танков. В ожесточенных боях советские войска при поддержке авиации нанесли противнику большой урон и задержали его наступление на целую неделю. Противник был вынужден произвести перегруппировку своих сил².

Первыми по флангам прорвавшейся группировки врага нанесли удары 4-й, 15-й и 22-й механизированные корпуса.

Немцы сразу же усилили свои войска 55-м армейским корпусом. Это спасло дубненскую группировку врага от полного разгрома. Понеся большие потери, противник вынужден был снимать войска с других направлений и перебрасывать их к Дубно... Чтобы продолжить наступление на киевском направлении, немецкому командованию потребовалось перебросить из стратегических резервов значительную группу войск и сотни танков³.

26 июня из районов Луцка и Ровно атаковали противника части 9-го и 19-го механизированных корпусов, отбросив 11-ю танковую дивизию противника на 25 километров. Однако из-за отсутствия четкого взаимодействия они не смогли развить успех и были вынуждены отойти.

С целью восстановления нарушенного положения генерал-полковник М.П. Кирпонос в 6 часов 27 июня приказал командиру 8-го механизированного корпуса генерал-лейтенанту Д.Г. Рябышеву нанести удар в направлении Дубно и во взаимодействии с 9-м и 19-м механизированными корпусами, находившимися в подчинении командующего 5-й армией, разгромить противника в этом районе.

Танковые соединения и части корпуса также вводились в бой разрозненно, неодновременно. Передовой отряд 12-й танковой дивизии в составе 25 тяжелых и средних танков был выслан в направлении Дубно в 10 часов. В 14 часов в бой была введена 34-я танковая дивизия. В 17 часов на соединение с ней выступило 30 танков 23-го и 24-го танковых полков 12-й танковой дивизии. Однако остальные ее части и 7-я моторизованная дивизия 27 июня в бой так и не были введены⁴.

В течение 27 июня 34-я танковая дивизия и передовой отряд 12-й танковой дивизии продвинулись на 20 километров, но были остановлены сильной противотанковой обороной противника. 28 июня они все же разгромили врага и, преодолев противотанковый район, продвинулись еще на 12 километров, выйдя в район Замческо. Попытка 7-й моторизованной дивизии и остатков 12-й танковой дивизии соединиться с 34-й танковой дивизией не увенчалась успехом. Более того, они были окружены противником, но ценой больших потерь им удалось вырваться из окружения.

34-я танковая и часть 12-й танковой дивизии, наступавшие в направлении Дубно, также оказались отрезанными противником, но, объединившись под

¹ Хорьков А.Г. Указ. соч. С. 11—12.

² Великая Отечественная война Советского Союза. С. 64.

³ Жуков Г.К. Указ. соч. С. 19; 22.

⁴ ЦАМО. Ф. 229. Оп. 3780. Д. 6. Л. 119—120.

командованием бригадного комиссара М. Попеля, смогли нанести серьезные потери 16-й танковой, 111-й и 75-й пехотным дивизиям противника и к исходу 28 июня вышли в район Дубно¹.

В эти же дни в районе Луцка вели тяжелые бои 22-й и 9-й механизированные корпуса, а также стрелковые соединения 5-й армии.

Командовавший тогда 9-м механизированным корпусом генерал К.К. Рокоссовский писал в своих воспоминаниях: «Немцы бросали и бросали против 9-го механизированного корпуса все новые силы. Упорные бои продолжались до 29 июня»².

В результате этих действий советских войск во встречном танковом сражении в районе Луцк, Броды, Ровно на Украине был сорван в самом начале вражеский план стремительного прорыва к Киеву. Противник понес тяжелые потери и убедился в стойкости советских воинов, готовых драться до последней капли крови. Если бы в войсках Юго-Западного фронта были лучше организованы сухопутная и воздушная разведки, более тщательно отработано взаимодействие и управление войсками, результат контрудара был бы еще значительнее³.

Архивные документы Государственного архива новейшей истории Саратовской области свидетельствуют, что во встречном танковом сражении на Юго-Западном фронте в первые дни войны участвовали и воины-саратовцы:

Малютин Иван Иванович 1918 года рождения из села Мордово Красноармейского района Саратовской области (ранее Бальцерский кантон АССР Немцев Поволжья), рядовой 622-го стрелкового полка⁴;

Селиверстов Андрей Осипович, родившийся в 1907 г. в селе Малое Щербедино Романовского района Саратовской области, рядовой 396-го танкового полка⁵;

и другие.

Несмотря на все недостатки в организации и проведении первых контрударов, они явились неожиданными для уже привыкшего к успехам противника, и его танковые соединения были задержаны до конца июня на рубеже Ровно, Дубно и понесли тяжелые потери. Однако уже первые дни войны показали, что боевое использование имевшихся на Юго-Западном направлении механизированных корпусов не соответствовало сложившейся обстановке. Как правило, они получали задачи на глубокие удары по противнику, когда основные силы армий прикрывали либо находились на месте, в движении или совершали отход. При этом не учитывалось время, необходимое им на перемещение и занятие исходного рубежа. Готовность танковых соединений для боя не была согласованной и одновременной, что давало возможность противнику бить механизированные корпуса по частям. В итоге все это привело к большим потерям.

В скором времени механизированные корпуса ввиду неукомплектованности материальной частью были расформированы. Но действия советских войск в первые дни войны показали фашистским стратегам, что никакой речи не может быть об окончании войны в кратчайшие сроки. Воины Юго-Западного фронта в ходе боевых действий, проявив невиданную стойкость в обороне, показали реальные возможности не только остановить, но и разгромить агрессора. Все преимущества противника, обусловленные внезапностью нападения, с каждым днем теряли то значение, которое они имели в первые дни войны⁶.

¹ Хорьков А.Г. Указ. соч. С. 12.

² Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М., 1968. С. 21.

³ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1985. Т. 2. С. 22–23.

⁴ Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. Р-6210. Оп. 1 «Т». Д. 17/76. Л. 1–2.

⁵ ГАНИСО. Ф. Р-6210. Оп. 1 «Д». Д. ОФ-28604. Л. 1–3.

⁶ Хорьков А.Г. Указ. соч. С. 12.

В то же время и войскам Юго-Западного фронта эти сражения обошлись дорого: они были крайне утомлены непрерывными тяжелыми боями и понесли большие потери.

В начале июля главная ударная группировка группы армий «Юг» прорвала оборону советских войск на правом крыле Юго-Западного фронта, 9 июля овладела Житомиром и частью сил развернула наступление на Киев. Над Киевом нависла смертельная опасность.

1 июля с территории Румынии перешли в наступление румынские и немецкие войска. Основной удар здесь противник нанес в стык Юго-Западного и Южного фронтов и за 6 дней продвинулся на 60 километров. Становилось ясно, что одновременным наступлением на флангах Юго-Западного фронта гитлеровцы стремятся окружить его главные силы. Командование фронта приняло срочные меры. По прорвавшемуся противнику советские войска нанесли контрудары, а центральные армии фронта были своевременно отведены на восток. Таким образом удалось избежать окружения главных сил фронта¹.

По архивным документам Государственного архива новейшей истории Саратовской области установлено, что вместе с другими воинами в эти грозные дни героически сражались в районе Житомира, преграждая немецко-фашистским войскам путь на Киев, и саратовцы, в том числе:

Селезнев Павел Антонович, рядовой 791-го стрелкового полка, он родился и проживал до войны в селе Нижняя Банновка Красноармейского района Саратовской области (ранее Золотовский кантон АССР Немцев Поволжья)²;

Ануфриенко Иван Иванович – старшина 131-й танковой бригады, родился в 1921 г. в селе Таловка Калининского (ранее Ней-Вальтерского) района Саратовской области³;

и другие.

2 июля немецко-фашистские войска, прорвав оборону 6-й армии, овладели Тарнополем (в настоящее время Тернополь). Тем самым противник рассек фронт 6-й армии и стал угрожать тылам 26-й и 12-й армий. Нависла угроза и над Проскуровым (в настоящее время Хмельницкий), где располагался в это время командный пункт Юго-Западного фронта. Нужно было срочно прикрыть брешь у Тарнополя. Генерал М.П. Кирпонос после некоторого раздумья решил бросить туда свой последний резерв – две дивизии 49-го стрелкового корпуса и 24-й механизированный корпус. Это было большим риском, так как командование фронта получило из Москвы сообщение, что 19-я армия генерала И.С. Конева, располагавшаяся вокруг Киева, срочно перебрасывается на Западный фронт, где создалась более тяжелая оперативная обстановка. Таким образом, на подступах к Киеву войск не оставалось⁴.

Рассеченные на отдельные группировки войска 6-й армии с боями выходили из-под угрозы окружения и разгрома западнее Тарнополя. 49-й стрелковый и 24-й механизированный корпуса всеми своими силами стремились как можно дольше задержать противника у Тарнополя. В районе Тарнополя, да и на всем левом фланге Юго-Западного фронта разгорелись жаркие бои. В этих боях участвовали и наши земляки – воины-саратовцы, об этом повествуют архивные документы Государственного архива новейшей истории Саратовской области, вот например:

лейтенант **Ерохин Алексей Ефимович**, командир танкового взвода 30-го танкового полка 15-й танковой дивизии; родился он в 1919 г. в городе Балашов, в 1938 г. был призван в Красную Армию Балашовским военкоматом, в 1940 г. окончил Ульяновскую танковую школу, в июле 1941 г. сражался с немец-

¹ Великая Отечественная война Советского Союза. С. 66.

² ГАНИСО. Ф. Р-6210. Оп. 1 «Т». Д. 8/223. Л. 1–3.

³ Там же. Д. ОФ-23976.

⁴ Баграмян И.Х. Указ. соч. С. 171–173.

кими войсками на территории Винницкой области, в последующем во время войны был несколько раз ранен, в июле 1943 г. командовал танковой ротой и за успешное выполнение боевой задачи на высоте «Птахино» в районе города Невель был награжден орденом Красной Звезды¹;

младший сержант 680-го стрелкового полка **Ерофеев Петр Иванович**, родившийся в 1912 г. в селе Устиновка Балашовского (ранее Новопокровского) района Саратовской области, в феврале 1940 г. призван в Красную Армию Колышлейским райвоенкоматом Пензенской области, в июле 1941 г. воевал на территории Каменец-Подольской (в настоящее время Хмельницкой) области, после войны работал учителем математики в средней школе села Святославка Самойловского района Саратовской области².

Причины неудач советских войск в начале войны сложны и многообразны. Они кроются в ряде политических, экономических и военных факторов как международного, так и внутреннего характера. К июню 1941 г. в руках фашистской Германии оказались экономические и военные ресурсы почти всей Западной Европы. Гитлеровская армия располагала передовой для того времени военной техникой в большом количестве и имела богатый опыт вооруженной борьбы. Такого опыта не было у Красной Армии. Ее командный состав, значительно обновившийся накануне войны, не владел должными практическими навыками управления войсками. Новая боевая техника не была по-настоящему освоена личным составом и ее было крайне недостаточно. Прекращение военных действий в Европе позволило Германии сосредоточить для нападения на СССР наибольшую часть своих вооруженных сил.

Эти обстоятельства усугублялись внезапностью удара, нанесенного фашистской армией. Высшее советское руководство без каких-либо оснований исключало возможность нападения Германии на СССР летом 1941 г. Этот грубый политический просчет имел очень тяжелые последствия. В частности, он повлек за собой неправильные решения со стороны лиц, непосредственно ведавших вопросами обороны страны. Все это привело к тому, что группировка советских войск к моменту нападения врага не соответствовала требованиям обстановки, а приграничные округа были лишены возможности предпринимать действенные меры по отражению первых ударов агрессора. Из-за частого и длительного отсутствия связи серьезно нарушалось управление войсками. Слабая моторизация Красной Армии снижала маневренность ее частей и соединений. Из-за недостатка радиосредств плохо организовывалось оповещение о появлении вражеских самолетов, поэтому истребители обычно опаздывали с прикрытием своих войск и объектов. Бомбардировщики (в большинстве устаревших образцов) вылетали на задания маленькими группами и без необходимого прикрытия истребителями, что приводило к большим потерям. Эти условия уже сами по себе предрешали неудачи Красной Армии в начале войны. Положение еще больше ухудшилось, когда противник нанес советским войскам крупные потери.

Советские войска в начале войны, как правило, действовали при отсутствии сплошного фронта обороны. Высокие темпы наступления врага не раз лишали их возможности заблаговременно занимать выгодные для обороны рубежи и закрепляться на них. Часто командование требовало во что бы то ни стало удерживать занимаемые рубежи даже в условиях, когда противник осуществлял глубокие фланговые обходы и охваты. В результате враг, имевший на направлениях главных ударов мощные компактные группировки, как правило, добивался значительного превосходства над советскими войсками и нередко окружал их³.

Оказавшись во вражеском окружении, соединения, части, подразделения Красной Армии, не имея связи с командованием, не получая боеприпасов и

¹ ГАНИСО. Ф. Р-6210. Оп. 1. Д. ОФ-21760.

² Там же. Д. ОФ-22984.

³ Великая Отечественная война Советского Союза. С. 67–68.

продовольствия, пытались вырваться из окружения, но это удавалось не всем. Немало воинов полегло на поле боя, часть бойцов и командиров вливались в партизанские отряды, многие попали в плен.

В одном из архивных фондов Государственного архива новейшей истории Саратовской области хранятся фильтрационно-проверочные документы на бывших советских воинов-саратовцев, тех, кто родился или призывался в Красную Армию на территории Саратовской области и в годы Великой Отечественной войны оказался в фашистском плену.

Эти архивные материалы раньше хранились в архиве бывшего Управления КГБ СССР по Саратовской области. В соответствии с Указом Президента России от 21 августа 1991 г. **№ 82 «Об архивах КГБ СССР»** они были переданы на государственное хранение в Саратовский архив новейшей истории. Указанный архивный фонд в своем составе содержит: более 15 тысяч фильтрационно-проверочных дел, десятки тысяч фильтрационных карточек и десятки тысяч немецких документов по учету военнопленных. Фильтрационные дела оформлялись в ходе специальной проверки, так называемой фильтрации, бывших военнопленных после их освобождения в специальных проверочно-фильтрационных пунктах под руководством органов государственной безопасности. В фильтрационных делах имеются специальные заполненные анкеты, опросные листы, автобиографии, протоколы допросов, различные справки и другие документы¹. В фильтрационных карточках фиксировались основные данные из фильтрационных дел. А немецкие документы по учету военнопленных являются трофейными документами, они попали в руки советского командования в результате разгрома фашистской Германии (многие из них были переданы союзниками). Конечно, эти документы содержат много интересных фактов. Из этих документов видно, что испытать на себе все ужасы ада фашистского плена довелось многим воинам-саратовцам, воевавшим на Юго-Западном фронте.

Гитлеровская агрессия повсюду сопровождалась массовыми злодеяниями, невиданными до этого в истории.

Развязанная германским фашизмом война сопровождалась рядом чудовищных преступлений гитлеровцев и в отношении военнопленных. Наиболее жестокому обращению подвергались советские военнопленные.

Судьба советских воинов, оказавшихся в немецком плену, была поистине трагична. Вначале фашисты проводили «селекцию», т.е. отбор комиссаров, коммунистов, евреев. Отобранных расстреливали немедленно. Многих подвергали пыткам. Причем, все это планировалось заранее. Специальные распоряжения и директивы, подписанные руководителями фашистского рейха, поступали исполнителям за несколько месяцев до вероломного нападения на СССР (в том числе известный приказ о комиссарах).

Специальные распоряжения и инструкции были посвящены обращению с советскими военнопленными. В них указывалось: «... Обращение должно быть холодным... Самым строгим образом следует избегать всякого сочувствия, а тем более поддержки. Чувство гордости и превосходства немецкого солдата, назначенного для охраны советских военнопленных, должно быть заметно всегда...»

Неповиновение и сопротивление должны быть немедленно и полностью устранены с помощью оружия... По убегающим военнопленным стрелять немедленно, без оклика, с твердой решимостью поразить цель... Всякие разговоры с военнопленными, кроме служебных указаний, строго запрещены...

Мягкость в отношении с ними неуместна... Применение оружия по советским военнопленным – законно... Подлежит наказанию всякий, кто для понуждения к выполнению данного приказа не применяет или недостаточно энергично применяет оружие...»

¹ ГАНИСО. Ф. Р-6210. Оп. 1.

Военнопленных, оставшихся в живых после «селекции», гнали до лагеря пешком иногда сотни километров. Многие из них умирали на обочинах дорог от голода и физического истощения. Отставших – расстреливали. И, наконец, их морили в лагерях военнопленных и в рабочих командах. То есть также умерщвляли, но уже с помощью непосильного труда (работали по 14-16 часов в сутки), холода, побоев, голода и свирепствовавших эпидемий. Речь идет не о судьбах нескольких сот или даже тысяч человек – загублены были миллионы человеческих жизней¹.

В одном из циркуляров военно-экономического отдела командования сухопутных войск Германии (февраль 1942 г.) прямо указывалось: «В нашем распоряжении в 1941 году находилось 3,9 млн военнопленных, теперь их осталось всего 1,1 млн» (т.е. за несколько месяцев было уничтожено 2,8 млн военнопленных)².

Сегодня в архивных фондах можно встретить среди трофейных немецких документов по учету военнопленных личную карту военнопленного № 1, в которую заносились основные анкетные данные военнопленного, его личный номер, когда и где он был взят в плен, в какой части служил до плена, воинское звание, в каких лагерях военнопленных содержался, в какие рабочие команды назначался, близкие родственники и их адрес, цвет глаз, цвет волос, рост, особые приметы, имелась фотография военнопленного с его личным номером и дактилооттиск указательного пальца правой руки, кроме того, указывалась профессия, личные способности, особенности характера, виды и даты медицинских прививок и другие сведения. Во многих таких картах проставлен штамп: «О запрещении общения с немецкими женщинами предупрежден» (за попытку общения – полагался расстрел).

Заносились в эту карту и отметки о побегах, совершенных военнопленным.

В этой же карте делались записи о смерти военнопленного с указанием даты и причины смерти, а также места захоронения.

Чудовищное лицемерие фашистов просматривается по содержанию другого документа – личной карты военнопленного № 2. Дело в том, что в этом документе военнопленным за работу начислялись деньги. Конечно, итоговые суммы невелики – всего несколько рейхсмарок, но этих денег никто и никогда не получал. Вместо них в конце войны Гитлер издал приказ об уничтожении всех военнопленных. А вот от использования военнопленных в качестве рабочей силы руководство вермахта, военно-промышленные концерны Германии, аппарат СС получали огромные прибыли.

За попытку побега из плена, саботаж, участие в антифашистском подполье, за любую другую провинность человека могли из лагеря военнопленных через гестапо направить в концлагерь СС на пожизненное заключение. Концлагеря СС уже не входили в ведомство командования вермахта, а подчинялись рейхсфюреру СС Гимлеру. Узник концлагеря терял статус военнопленного и становился политическим заключенным (противником нацистского режима).

Только на территории Германии насчитывалось около 1100 концлагерей и их филиалов. Это были настоящие фабрики смерти с отлаженными конвейерами, где постоянно дымили крематории. Узников концлагерей заставляли на верхнюю полосатую одежду пришивать различные нашивки, присваивали им лагерные номера и даже клеймили, как скот. В концлагерях нацистские ученые проводили так называемые «биологические эксперименты» над советскими военнопленными.

Для всех концлагерей были характерны зверские издевательства эсэсовцев над узниками, изощренные пытки, непомерный труд заключенных при чудовищном недоедании, массовая гибель людей. Ослабевших узников рас-

¹ Алексеев Н.С. Злодеяния и возмездие. М., 1986. С. 161–189.

² Там же.

стреливали, душили газом, умерщвляли специальными уколами, сжигали в крематориях¹.

Но и в этих условиях советские воины не теряли стойкости духа и находили силы сопротивляться фашистскому режиму.

Во время принудительного труда они снижали производительность, выводили из строя оборудование, вели подпольную работу, готовили и совершали побег.

Вот, например, в Государственном архиве новейшей истории Саратовской области хранится фильтрационно-проверочное дело артиллерийского офицера – **Столярова Ивана Петровича**². Родился он в 1919 г. в селе Малая Каменка Татищевского района Саратовской области. В 1939 г. по призыву комсомола поступил в Харьковское военное училище противотанковой артиллерии. 9 июня 1941 г. окончил училище, получил воинское звание лейтенант и был направлен в 41-ю стрелковую дивизию, которая в то время дислоцировалась в приграничном районе Киевского особого военного округа (город Рава-Русская Львовской области).

16 июня 1941 г. принял взвод противотанковой артиллерии, а утром 22 июня вступил в бой с фашистами. 41-я стрелковая дивизия (о которой уже говорилось выше) вела оборонительные бои в составе 6-й армии Юго-Западного фронта.

3 июля 1941 г. лейтенант И.П. Столяров, командуя артиллерийским взводом и прикрывая отход 244-го стрелкового полка в районе города Львова, был контужен и взят в плен немецкими войсками. Содержался во многих лагерях военнопленных: во Львове, Ярославе (Польша), Ной-Верзене (Neu-Versen), Лимбурге (Германия). (Личный номер военнопленного – VI В/27855). Видел и перенес на себе множество издевательств со стороны фашистов. Решил во что бы то ни стало бежать из плена и отомстить.

8 августа 1942 г. вместе с товарищем Николаем Алляновым совершил побег из рабочей команды № 509 (от лагеря военнопленных VI В). 21 августа оба были пойманы, избиты и брошены в карцер лагеря военнопленных XII А.

21 сентября снова вместе с Алляновым совершил побег из рабочей команды № 848.

11 октября вновь были задержаны. Вслед за этим последовали тюрьма, гестапо, побои, пытки. В декабре 1942 г. за побег были направлены в концлагерь СС Бухенвальд.

В Бухенвальде Столяров включился в подпольную работу. По заданию руководителя подпольной организации – Кобзева Михаила Семеновича он выявлял из вновь прибывающих в концлагерь узников советских командиров и коммунистов, устанавливал связи с политзаключенными других стран, распространял сводки Совинформбюро, проводил агитацию среди заключенных, призывая снижать производительность на принудительных работах, доставал у немецких, чешских и французских коммунистов дополнительное питание для больных и ослабевших товарищей.

В начале 1944 г. И.П. Столяров по заданию подпольного центра приступил к формированию боевых групп для восстания. В сентябре 1944 г. – новое задание. Ему было поручено любой ценой обеспечить побег большой группы военнопленных (21 человек) из рабочей команды, работавшей за пределами концлагеря на восстановлении железнодорожного полотна. Возглавить эту группу должен был он лично. Не знал тогда И.П. Столяров, что включенные в состав группы офицеры Аллянов и Макуда получили от подпольного центра особое задание – сообщить советскому командованию о готовности заключенных концлагеря Бухенвальд к восстанию.

¹ Там же. С. 193–258.

² ГАНИСО. Ф. Р-6210. Оп. 1. Д. ОФ-15611.

Подготовка к побегу осуществлялась по плану. И вот наступил день – 1 октября 1944 г., когда был совершен этот, можно сказать, исторический побег. Доставка рабочей команды к месту работ проводилась в закрытых железнодорожных вагонах. В нужный момент были взломаны двери вагона, члены группы один за другим выпрыгивали на ходу поезда на насыпь и скрывались в лесу. Последним должен был прыгать И.П. Столяров.

Прыжок оказался неудачным. Офицер разбился, повредил ногу, не мог двигаться, поэтому и не прибыл во время на место сбора. Долгое время товарищи считали его погибшим. Но Столяров вернулся живым на родную саратовскую землю.

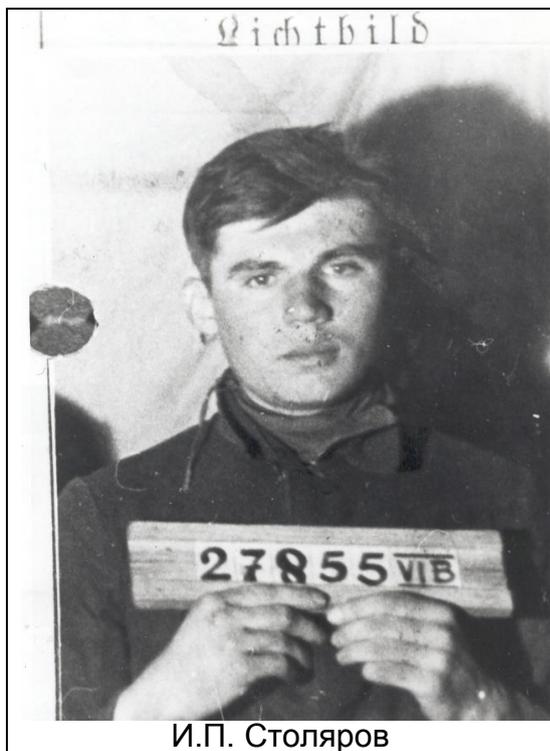
А в тот день он был захвачен во время облавы и посажен в тюрьму в городе Кассель. Затем последовали: карцер, допросы, побои, пытки, новый концлагерь Дора, спешная эвакуация всех заключенных с целью уничтожения, новый побег, на этот раз удачный. И.П. Столяров вышел в распоряжение американских войск, затем был передан советскому командованию по репатриации, в городе Муроме Владимирской области прошел госпроверку. Между прочим, прошел он ее по первой категории, был восстановлен в звании, направлен в запас и вернулся в Саратов.

Совершенно очевидно, что не будь в фашистских концлагерях сильных подпольных групп, нацисты попытались бы уничтожить всех «лишних свидетелей», всех узников. Но, как видно из данного материала, такие группы существовали и, благодаря этому, десяткам и сотням тысяч жертв удалось спастись. И один из фактов, подтверждающих это – вооруженное восстание в Бухенвальде, которым руководил подпольный центр концлагеря. Благодаря своей храбрости и организованности узники Бухенвальда вышли на свободу.

Сегодня мы не должны забывать кровавое прошлое и предавать забвению злодеяния нацистов.

С тех пор, как началась Великая Отечественная война, прошло 70 лет. Чем дальше в историю уходят военные годы, тем ярче предстает перед нами великий подвиг нашего народа, отстоявшего честь, свободу и независимость своей Родины.

Сохранить память о каждом защитнике Отечества – наш общий долг.

И.П. Столяров

Бывшие узники фашистских лагерей.
Москва, 1945. В верхнем ряду второй слева

–
И.П. Столяров

Лагерная карта военнопленного И.П. Стоярова

И.И. Малютин

И.И. Ануфриенко

НАДЕЖДА НА СПАСЕНИЕ НЕ СБЫЛАСЬ.
АГОНИЯ 6-Й НЕМЕЦКОЙ АРМИИ В СТАЛИНГРАДЕ (ноябрь-декабрь 1942 г.)

За последние десятилетия, которые прошли с окончания сталинградских боев, о ходе великой битвы написано огромное количество работ. Но в них историки, как правило, больше внимания обращали на боевые действия на подступах к городу и на его улицах. Попытке спасения окруженной группировки вермахта такого пристального внимания не уделялось. Поэтому многие важные вопросы по данному сюжету сегодня так и остались без ответа. Так, например, еще предстоит выяснить, почему командование деблокирующей группировки промедлило с долгожданным выступлением на две недели, почему ее командующий в решающий момент не отдал приказа о выступление подчиненных ему окруженных дивизий, и, наконец, почему командование окруженными дивизиями самостоятельно не решилось на отступление? Во многих случаях, историки, касаясь таких вопросов, считают, что операция по спасению сталинградской группировки вермахта была изначально обречена на неудачу, поскольку она началась со «сплошных неудач» и «с негодными средствами». Авторы в данном случае, повторяя мемуары немецких участников событий, отмечали, что операция по спасению представляла собой «перегонки со смертью»¹. Но можем ли мы так согласиться, если вспомнить, что в 1944 г. гитлеровскому командованию в такой же непростой ситуации удалось прорывы из Черкасского (Корсунь-Шевченского), Ковельского и Тарнопольского окружений? На такой вопрос автор и попытается ответить в данной статье. Основу настоящей работы составляют мемуары, дневники и письма советских и немецких участников далеких событий. Большинство свидетельств с немецкой стороны только недавно появились в русском переводе, некоторые же работы, которые приводятся в настоящей статье, еще не переведены.

19 ноября 1942 г. войска Юго-Западного и Донского фронтов начали свое знаменитое контрнаступление под Сталинградом. 20 ноября перешли в наступление и части Сталинградского фронта. 23 ноября передовые батальоны наступавших встретились в районе деревень Калач и Советский. Окружение сталинградской группировки вермахта завершилось, началось ее планомерное уничтожение. Командующий 6-й немецкой армией в Сталинграде генерал-лейтенант (затем генерал-полковник и, наконец, фельдмаршал. – В.А.) Ф. Паулюс в первые дни советского наступления еще мог решиться на отступление². Германское верховное командование в течение двух суток медлило с ответом, прежде чем окончательно запретить прорыв³. Многие другие генералы в сложившейся ситуации решились бы на отступление, как например, в свое время это сделал командующий 6-й армией Южной группы немецких войск фельдмаршал В. Рейхенау. В середине декабря 1941 г. он по стратегическим соображениям отвел свои потрепанные дивизии с ростовских пригородов на Миусский плацдарм. Рейхенау сделал это, несмотря на то, что верховное командование категорически запретило отступление. Более того, он, уже после окончания

¹ *Paulus F.* Ich stehe hier auf Befehl! Lebensweg des Generalfeldmarschal Friedrich Paulus. Mit den Aufzeichnungen aus dem Nachlass, Briefen und Dokumenten herausgegeben W. Görlitz. Frankfurt/M., 1960. S. 258, 262–264, 287–288; *Doerr H.* War Stalingrad ein Opfergang? Darmstadt, 1960. S. 80–87; *Ders.* Der Feldzug nach Stalingrad. Versuch eines operativen Überblick. Darmstadt, 1966. S. 119–138; *Он же.* Поход на Сталинград. М., 1957 С. 258, 289–292; *Герлиц В.* Биография генерал-фельдмаршала Ф. Паулюса. М., 2006. С. 235, 256–258, 262–264.

² *Герлиц В.* Биография генерал-фельдмаршала Ф. Паулюса... С. 287–288; *Бивор Э.* Сталинградская битва. М., 2006. С. 412–413; *Хьюз Д.* Сталинград. М., 2007. С. 387–389; С. 356, 363–364; *Гланц Д.* Волжская битва. М., 2008. С. 389–390.

³ *Kriegstagebücher Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungstab) 1939–1945.* Bd. 6. 1942–1944. Frankfurt/M., 1980. Bd. 4. 4. S. 356.

операции, оправдывая свои действия, заявил с сарказмом, что «так повелел фюрер»¹.

Но Паулюс не был таким решительным генералом. Он был способным стратегом, но только «кабинетным», полевым тактиком он не был рожден. Многие немецкие офицеры, которые находились в его подчинении, отмечали, что «они не помнят, когда бы их командующий недооценил противника и переоценил собственные возможности. Его решение созревало, только после обстоятельного разговора со штабными офицерами, во время которого тщательно взвешивались все мыслимые случайности. Генерал, считаясь способным генштабистом, стремился получить абсолютное представление об обстановке, он расспрашивал об источниках полученных сведений, мгновенно вникал в существо вопроса, тотчас же отделял главное от мелочного, обсуждал и взвешивал различные варианты действий русских и требовал надлежащего решения, считаясь с результатами принятого решения». В то же время сотрудники штаба 6-й армии подчеркивали, что он не был рискованным человеком, т.е. генерал не обладал качествами, которыми было необходимо пользоваться в нестандартной, кризисной ситуации². Именно поэтому он не решился брать на себя смелости, в которой ему однажды так было решительно отказано фюрером. Однако объяснять отказ от немедленного прорыва из кольца одной только нетвердостью генерала нельзя. В первую очередь, на решение Паулюса в первые дни окружения повлияли воспоминания о харьковском сражении в мае 1942 г. В тогдашней катастрофической ситуации вермахту было необходимо выиграть время, и верховное командование сумело отстоять свою оперативную концепцию, противниками которой выступали многие отступающие командиры фронтовых соединений. Паулюс в отличие от таких офицеров верил в счастливую звезду немецкой военной машины, которая с первых месяцев «русской кампании» неизменно находила выход из любого трудного положения, что московского, демянского, керченского или харьковского³.

Фельдмаршал Э. Манштейн, по признанию историков, один из лучших немецких стратегов, если не самый лучший, тоже доверял превосходству немецкой военной доктрины. Поэтому, он довел до сведения начальника генштаба, что сталинградская группировка уже «упустила наиболее удачный момент для прорыва и что с оперативной точки зрения немецким дивизиям в городе разумнее ожидать подхода немецких солдат с внешней стороны кольца»⁴.

27 ноября 1942 г. фельдмаршал принял командование над только что созданной группой армий «Дон», которой предстояло высвободить окруженную сталинградскую группировку. Намеченная операция получила кодовое название «*Wintergewitter*» («*Зимняя гроза*»)⁵. К началу декабря деблокирующим войскам противостояла советская 51-я армия под командованием генерал-лейтенанта Н.И. Труфанова. На тот момент в ее составе числились: 4-й кавалерийский корпус и ослабленная предыдущими боями 85-я танковая бригада. Армия обороняла позиции протяженностью 100 км. Без сильной орудийной и танковой поддержки она навряд ли в тот момент выдержала бы массированный натиск немецкой армейской группы. Многие авторы указывают, что для усиления ее ударного кулака – 6-й танковой дивизии – был придан 503-й тяжелый батальон

¹ Митчем С. Фельдмаршалы Гитлера и их решающие битвы. М., 1998. С. 287–288.

² Адам В. Сталинградский кошмар // Сталинградский кошмар. М., 2007. С. 19, 23, 191; Видер И. Сталинградская трагедия // Сталинградский кошмар. С. 377, 387, 389–390; Schmidt P. Mit den Aufzeichnungen aus dem Nachlass, Briefen und Dokumenten der Vorgesetzte des Stabes der 6 deutschen Armee herausgegeben W. Görlitz. Frankfurt/M., 1966. S. 258; Herbert G. Der Schwarze Peter von Stalingrad // Der Welt. 22. 10. 2007. S. 56, 59–61.

³ Видер И. Указ. соч. С. 482–483.

⁴ Цит. по: Митчем С. Указ. соч. С. 391.

⁵ История Второй мировой войны 1939–1945 гг: в 12 т. Т. 6. М., 1976. С. 62–63.

с новейшими танками «Тигр»¹. Однако по немецким данным известно, что на юге они впервые объявились лишь на Ростовском направлении в начале января 1943 г.² Тем не менее, дивизия выглядела достаточно устрашающе. На ее вооружении находилось 165 боевых машин. Подавляющее большинство танков и самоходок было вооружено длинноствольной пушкой 75-мм, которая с дальних расстояний с легкостью поражала наши знаменитые «тридцатьчетверки». Э. Манштейн, однако, не воспользовался представившимся случаем. Фельдмаршал рассчитывал действовать наверняка, он дожидался обещанных ему одиннадцати моторизованных дивизий. Но из-за проблем на железных дорогах они не прибыли к началу операции. В результате на Котельниковском направлении в составе 4-й танковой армии генерал-лейтенанта Г. Гота наступал только 4-й танковый корпус неполного состава. Из его четырех дивизий (6-й, 17-й, 23-й и 47-й) только 23-я была полностью боеспособна. По флангам такую ударную дивизию прикрывали два ослабленных румынских и немецких корпуса из смешанной оперативной группы «Паннвиц». Так называемая группировка резерва генерал-лейтенанта В. Холлидта в составе восьми итальянских и одной германской дивизии, приданных 48-му танковому корпусу должна были наступать на Калаческом направлении с юго-западной оконечности Нижнечирского плацдарма³. Но о ее помощи с начала операции пришлось забыть, т.к. под давлением восьми советских дивизий, снятых с внешней стороны Сталинградского кольца, она в начале декабря была вынуждена перейти к обороне. По этой причине не удалось воспользоваться и запасным вариантом, согласно которому в случае неуспеха на Нижнечирском плацдарме, танковый корпус надлежало немедленно перебросить на Верхний Дон, к хутору Тармосин, который с немецкими солдатами удерживали четыре слабые румынские дивизии⁴. Но даже при таком положении гитлеровское командование не сомневалось в успехе будущей операции. В начале декабря Манштейн в телеграмме румынскому диктатору Антонеску просил помочь ему, чтобы «обратить кризис волжской операции в очередную великую победу». Фельдмаршал писал: «Я думаю, что моя личность послужит вам гарантией успеха и что славу этого успеха с немецкими частями разделят и румынские войска»⁵.

Немецкое наступление началось 12 декабря 1942 г. на Котельниковском направлении. 11-й танковый полк 6-й танковой дивизии полковника Г. Кнобельсдорфа с первой же попытки выбил батальон из 302-й советской дивизии с исходных позиций. Русские оставили южный берег реки Аксай. В то же время передовые колонны 23-й танковой дивизии 57-го танкового корпуса генерал-лейтенанта Ф. Рауса, опрокинув передовые батальоны советского 13-го танкового корпуса, создали крепкий плацдарм на ее северном высоком берегу в районе станиц Водянский, Кругляков и Верхне-Кумский⁶. Для советского командования германское наступление оказалось неожиданностью. Командующий Сталинградским фронтом генерал-полковник А.И. Еременко доложил Сталину: «Есть опасность, что немцы смогут ударить в тыл нашей 57-й армии, которая держит юго-западный участок кольца, если же одновременно немецкие дивизии в городе атакуют в западном направлении, их прорыв нам будет трудно отвести». Сталин ответил: «Вы будете держаться, мы собираем для вас резервы, я

¹ Там же. С. 63; *Гуркин В.В.* Контрнаступление под Сталинградом в цифрах // Военно-исторический журнал. 1968. № 3. С. 25; *Он же.* Разгром немецко-фашистских войск на Среднем Дону // Там же. 1972. № 4. С. 18–19. *Самсонов А.М.* Сталинградская битва. М., 1982. С. 356.

² *Барятинский М.М.* Немецкие танки в бою. М., 2007. С. 262.

³ *Kriegstagebücher Oberkommandos der Wehrmacht...* Bd. 4. 4. S. 87.

⁴ История Второй мировой войны 1939 – 1945 гг. Т. 6. С. 63.

⁵ Цит. по: История Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.: В 6 т. Т. 2. М., 1961. С. 44.

⁶ *Карель П.* Восточный фронт: в 2 кн. Кн. 1. М., 2005. Гитлер идет на восток С. 530.

посылаю вам вторую гвардейскую армию – лучшее, что у меня осталось»¹. В тот же день он по телефону связался с командующим Донским фронтом генерал-полковником К.К. Рокоссовским. Впоследствии Рокоссовский так вспоминал свой разговор с Верховным: «Сталин спросил меня, как я отношусь к предложению передать на внешнюю сторону кольца 2-ю ударную армию. Я ответил отрицательно. Тогда Сталин продолжил переговоры с генерал-лейтенантом А.М. Василевским. Представитель Ставки настойчиво доказывал необходимость передачи гвардейцев Сталинградскому фронту, т.к. ее командующий сомневается в возможности отразить вражеское наступление имеющимися силами. После этого Верховный согласился с тем, что мое требование охранить гвардейскую армию для уничтожения окруженной группировки заслуживает внимания, но в сложившейся обстановке, оно слишком рискованно. Поэтому свой главный резерв я должен был, не задерживая, перебросить на Котельниковское направление»².

До прибытия гвардейцев советским батальонам предстояло выкручиваться самостоятельно. На угрожаемом направлении сражалась 87-я стрелковая дивизия, которую поддерживала 235-я танковая бригада. Бои за высоту 256 к северу от созданного немцами плацдарма продолжались четверо суток. Перелом в сражении наступил благодаря 17-й танковой дивизии, последнему резерву, который германское командование перебросило в решающий момент. 14 декабря противнику удалось выбить советских солдат с позиций³. 4-й механизированный корпус генерал-майора В.Я. Вольского попытался остановить дальнейшее продвижение немецких колонн под Верхне-Кумской. Но сделать этого не удалось. 16 декабря 6-я немецкая танковая дивизия подошла к северным берегам реки Мышково в районе хутора Васильевка.

Тогда же развернулись ожесточенные бои и в районе Верхне-Кумской. Деревня по несколько раз переходила из рук в руки⁴. Противника сдерживали контрудары 13-го танкового корпуса. 19 декабря немецкое командование бросило на него 17-ю и 47-ю танковые дивизии под общим командованием подполковника К. Кнобельсдорфа⁵. Обстановка на поле боя достигла наивысшего напряжения. 18 декабря в сражение, наконец, вступили передовые части 2-й гвардейской армии генерал-лейтенанта Р.Я. Малиновского. Но ее части прибывали разрозненно, контратаки предпринимались растопыренными пальцами. Журнал боевых действий армии рисует следующую картину: «Обозы отстали, автотранспорт не работает из-за отсутствия горючего, контакт с передовыми батальонами потерян»⁶. 19 декабря 17-й немецкой танковой дивизии удалось выйти на северный берег реки Мышково и даже занять там несколько деревень (Громославку, Васильевку и Ергеньскую. – В.А.). Однако попытки ее командующего, генерал-лейтенанта Ф.З. Эттерлина, расширить плацдарм не удалось. Сражавшиеся у Громославки 98-я, а у Васильевки 3-я гвардейская стрелковые дивизии потеряли больше половины личного состава, но выстояли, не отступили⁷. На заснеженных просторах решалась судьба Сталинградского сражения, всей войны в целом. Любой свежий батальон был способен переломить ситуацию, передовые немецкие колонны уже видели на горизонте зарево сталинградских пожаров, когда советское командование решилось попытаться переломить борьбу на юго-западном направлении гитлеровского наступления. 18 декабря 1-я гвардейская армия генерал-лейтенанта В.И. Кузнецова, 3-я гвардейская генерал-лейтенанта Д.Д. Лелюшко и 6-я генерал-майора Ф.М. Харито-

¹ Цит. по: Там же. С. 530–531.

² *Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. М., 1988. С. 161–162.

³ *Карель П.* Указ. соч. Кн. 1. С. 531.

⁴ История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 6. С. 69.

⁵ *Карель П.* Указ. соч. Кн. 1. С. 533.

⁶ Цит. по: *Исаев А.* Сталинград – это наша победа // Родина. 2008. № 2. С. 36.

⁷ *Василевский А.М.* Дело всей жизни: в 2 кн. Кн. 1. М., 1990. С. 272.

нова из состава Юго-Западного и Стаинградского фронтов развернули массивное наступление на группу «Холлидта» и приданные ей части 8-й итальянской армии. После коротких, но ожесточенных контратак советские танковые колонны прорвали позиции немецких союзников на 20-30 км. 17-й и 24-й танковые корпуса с северной стороны вышли к немецким позициям на Нижнечирском плацдарме. 18 декабря недалеко от хутора Богучар кольцо сомкнулось. В окружение попали восемь германских и итальянских дивизий¹. Итальянский капитан Д. Толои вспоминал: «Многие штабы начали сниматься с места, контакты с соседями были полностью нарушены. Части, атакованные советскими танками, пытались спастись бегством, артиллерия, транспортеры и автомашины были немедленно брошены, офицеры срывали с себя знаки различия, солдаты бросали автоматы, винтовки, снаряжение»².

Критическая обстановка на Нижнем Чире встревожила Манштейна. Он отлично понимал, что настал момент поставить на карту все, какими бы трудностями и опасностями не грозил его солдатам намеченный прорыв. Манштейн вспоминал, что 19 декабря после долгих и мучительных колебаний он на свою ответственность «приказал» 6-й армии прорываться на юго-запад, в сторону реки Донская Царица, на соединение с котельниковской группой. Намеченная операция получила обозначение «*Donnerschlag*» («*Удар грома*»). Фельдмаршал в своих мемуарах утверждал, что под давлением сложившейся ситуации фюрер согласился с прорывом окруженной группировки. Но, отмечал он, верховный главнокомандующий по-прежнему «настаивал» на том, чтобы ее арьергарды удержали свои восточные, северные и западные позиции в городе, следовательно, «он не хотел полностью уходить из города»³. Но не эта оговорка представляет для нас интерес, главное – дошел ли отданный Манштейном приказ до командования 6-й немецкой армии? Документы разгромленной группировки свидетельствуют, что ее командование «не получало категорического приказа» на прорыв. Отступление из «волжской крепости» в сложившейся ситуации рассматривалось им как одна из «возможностей, к которой следовало прибегнуть лишь в крайнем случае, т.е. тогда, когда деблокирующая группировка приблизится к сталинградским пригородам на достаточное расстояние»⁴. Однако Котельниковская группа вермахта на такое расстояние еще не подошла. 20 декабря ее 23-я танковая дивизия при поддержке солдат 15-й авиаполевой дивизии с северной стороны пробила брешь в обороне 2-й гвардейской армии на 3-4 км⁵. Колонны вермахта уже прошли 60 км, до передовых позиций окруженных дивизий оставалось не больше 45–50 км, и такое расстояние в вермахте не считалось серьезной преградой.

В июне 1941 г. 56-й танковый корпус Э. Манштейна в первый же день русской кампании за день наступления в Прибалтике преодолел 80 км, а в августе 1942 г. при прорыве к Дону 14-й немецкий танковый корпус генерал-лейтенанта Г.А. Витерсгейма за сутки прошел 60 км. Но в данном случае последние несколько десятков километров вермахту к Сталинграду уже не суждено было преодолеть. Командир 17-й немецкой танковой дивизии генерал-лейтенант Ф.З. Эттерлин впоследствии признавался: «От нашей хваленой внезапности уже ничего не осталось; вот уже две недели обе дивизии, начавшие наступление, безуспешно пытались преодолеть сопротивление крупных сил противника. Никто не сомневался, что русские всеми способами попытаются сорвать нашу операцию по освобождению немецких дивизий в кольце, ведь это сулило им грандиозную победу. В то же время, судя по малочисленности деблокирующей группировки, на мобильные резервы нам рассчитывать больше

¹ Самсонов А.М. Указ. соч. С. 394–397.

² Цит. по: История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 6. С. 70.

³ Манштейн Э. Утерянные победы. М., 1999. С. 395–396.

⁴ Герлиц В. Биография генерал-фельдмаршала Ф. Паулюса. С. 278.

⁵ Карель П. Указ. соч. Кн. 1. С. 537.

не приходилось»¹. Генерал-майор Х. Шейберт, командующий 6-й танковой дивизии, которая вынесла главную тяжесть операции, не менее убедительно свидетельствовал о ее трудностях: «Ни храбрость немецких солдат в кипевших днем и ночью боях, ни тактическое искусство их офицеров ничего не могли изменить. Когда передовые танковые колонны с большими потерями все-таки создали на аксайских берегах плацдарм для последнего марш-броска и некоторое время его удерживали, отражая бесчисленные контратаки русских, немецкий ударный корпус уже полностью выдохся. Противник перехватил стратегическую инициативу и, перейдя в наступление, заставил нас повсюду перейти к жесткой, упорной обороне»².

22 декабря Ф. Паулюс, понимая, что с прорывом медлить больше нельзя, осмелился просить по радио разрешения на отступление. В ожидании прорыва на юго-западной стороне «крепости», в районе деревни Карповка, под командованием генерал-лейтенанта В. Хубе в боевом ожидании находились три моторизованные дивизии (20-я, 33-я и 44-я), которые должны были прикрывать 40–50 уцелевших танков³. Но долгожданного приказа о выступлении не последовало. Солдаты и офицеры окруженной группировки, были разочарованы. Капитан И. Видер из разведотдела 8-го армейского корпуса вспоминал, что солдаты и офицеры в Сталинграде «до последнего верили в то, что деблокирующим частям удастся их выручить. В ожидании долгожданного избавления в войсках на передовой поддерживались оптимизм и уверенность, спасение казалось близким. Однако в канун Рождества все наши ожидания и надежды рухнули как карточный домик, бальзам радостных сообщений о близившемся освобождении растаял как призрак. Из дивизий потоком посыпались отчаянные запросы. Я не отходил от телефона, на передовой хотели слышать, как развивается операция по выходу из окружения, когда следует рассчитывать на ее успешное окончание и, наконец, почему не поступают приказы о последних приготовлениях к отступлению из «западни». Солдаты держались из последних сил, уповая на то, что сейчас, на Рождество, фюрер наконец-то выполнит свое обещание и выручит. Но именно в эти дни, когда все еще верили и гадали, соединения, наступавшие нам на выручку, замолчали и остановились, надежды рухнули в одночасье»⁴.

В не меньшей степени неудачей были подавлены и в деблокирующих частях. Генерал-лейтенант Ф.З. Эттерлин впоследствии признавался: «Тогда мне казалось, что попытка прорыва 6-й армии навстречу Котельниковской группировки имела кое-какие шансы на успех, поскольку соединениям 6-й армии хватило бы горючего на 30 км. Но уже сейчас, зная на собственном опыте, как выглядело продвижение наших ударных клиньев, я вынужден прийти к выводу, что моя прежняя точка зрения была чересчур оптимистична»⁵. Однако в решающий момент сражения не только генерал был уверен в успехе. Генерал-лейтенант Г. Гот, передавая настроение подчиненных своей танковой группы, считал, что «в тот кризисный момент важным было не то, как далеко бы удалось из кольца отступить солдатам, а сам факт попытки прорыва из окружения»⁶.

В решающий момент своего наступления 57-й немецкий танковый корпус стянул на себя значительные силы русских, и у германского командования загорелась надежда: за счет прорыва из кольца попытаться привести в движение свои батальоны, увязшие в тяжелых боях на дальних подступах к городу. Риск был большой, но немецкие офицеры и солдаты полагали, что в сложив-

¹ Цит. по: *Frido V. Senger und Etterlin. Krieg in Europa. Köln; Berlin, 1960. S. 74.*

² *Scheibert H. Nach Stalingrad – 48 Kilometer. Der Einsatzvorstoss der 6. Panzer-Division. Dezember 1942. Heidelberg, 1956. S. 289.*

³ *Дерр Г. Поход на Сталинград. М., 1988. С. 338.*

⁴ *Видер И. Указ. соч. С. 403.*

⁵ Цит. по: *Frido V. Senger und Etterlin... S. 93.*

⁶ Цит. по: *Герлиц В. Биография генерал-фельдмаршала Ф. Паулюса. С. 99.*

шейся ситуации он был более чем оправдан, они были согласны жертвовать, и если медленное продвижение дивизий с внешней стороны «капкана» породило известное уныние, то сообщения о готовящемся прорыве из «могилы» вызвало на немецких позициях огромный подъем оптимизма. Солдаты были готовы позабыть обо всех мытарствах и тяготах минувшего месяца, только бы выбраться из созданной русскими «мышеловки». Чего только не сулила обманчивая надежда предельно усталым, измученным, истощенным солдатам¹. Уцелевшие участники сражения в своих мемуарах отмечали, что призрачная надежда на извлечение была все же лучше, чем бесславный и трагичный конец в «крепости» от неизвестности, холода, голода и болезней².

Не известно, смогло или не смогло бы советское командование помешать прорыву, но очевидно, что выступление окруженной группировки было бы для него неприятным сюрпризом. Впоследствии командующий 64-й армией генерал-лейтенант В.И. Чуйков в разговоре с пленными немецкими генералами признался, что вероятность наступления окруженной группировки на соединение с дивизиями извне «доставляла нам серьезное беспокойство»³. Ситуация была действительно нешуточной – удалось же, например, в середине декабря вывести 4 тыс. немецких и 12 тыс. итальянских солдат из кольца, в которое они попали в районе севернее станции Миллерово. Войска двигались за бронемашинами и самоходными установками. За одну ночь они преодолели больше 20 км, которые отделяли их от товарищей с внешней стороны⁴.

Но почему же в таком случае прорыв сталинградской группы войск не удался? В своих воспоминаниях участники сражения отмечают, что окруженное командование не получило долгожданного приказа на отступление. Манштейн на отчаянные радиogramмы 6-й немецкой армии отвечал, что он пока еще не может «предоставить полномочия на отступление». Всякий раз он отписывался, что «решение последует завтра»⁵. С каждым часом боев фельдмаршалу все яснее становилось, что с небольшим количеством дивизий, которые ему выделены для деблокации, справиться с задачей не удастся. Он не хотел рисковать, он решил переложить ответственность с одной больной головы на другую, не менее больную и разбитую. 23 декабря у Манштейна состоялся разговор с начальником штаба 6-й армии генерал-лейтенантом П. Шмидтом. Днем раньше командование окруженной группировкой было нацелено на прорыв, теперь же оно изменило свою позицию. Из беседы Шмидта с Манштейном: «Командующий армией, считающий предпосылкой прорыва переброску подкрепления по воздуху, заявил, что если это подкрепление обеспечено не будет, то следует воздержаться от прорыва. Необходимо перебросить самолетами такое количество продовольствия и боеприпасов, чтобы окруженная группировка восстановила боеспособность. Надеемся, что сможем определенное время продержаться и без пополнения. В общем, мы придерживаемся мнения, что операция является аварийной мерой, которую необходимо избежать»⁶.

Командование сталинградской группы немецких войск испугалось, что в случае прорыва без поддержки извне вверенным дивизиям предстоит выполнять задачу, сражаясь по четырем расходящимся направлениям. В каждом случае солдатам прорыва угрожала опасность того, что их продвижение на юго-запад захлебнется и что русские сомнут немецкие арьергарды или боковое охранение⁷. Ф. Паулюс, поэтому операцию отложил. В разговоре со своим адъютантом он признался: «Наши солдаты изнурены до крайности, большинство ди-

¹ Frido V. Senger und Etterlin... S. 97.

² Адам В. Указ. соч. С. 198–199; Видер И. Указ. соч. С. 406.

³ Цит. по: Герлиц В. Я. Выполняю приказ // Сталинградский кошмар. С. 607.

⁴ Типпельскирх К. История Второй мировой войны. 1939–1945 гг. М., 2003. С. 354.

⁵ Манштейн Э. Указ. соч. С. 403.

⁶ Цит. по: Видер И. Указ. соч. С. 404.

⁷ Герлиц В. Я. Выполняю приказ. С. 613.

визий расположено на расстоянии больше 40 км от намеченного места прорыва. Вспомните судьбу 94-й пехотной дивизии, которую ее командир в начале декабря оттянул с северной стороны кольца. Точно так же противник обрушится и на наши измотанные дивизии и раздавит их как жалкий орешек. При создавшихся условиях было бы безответственно отдавать распоряжение об отступлении. Я должен быть абсолютно уверен, что кольцо окружения разорвет деблокирующая группировка или что она приблизится к нам настолько, что в течение одного дня мы сможем установить с ней прочный контакт. Создать предпосылки для прорыва и назначить время для начала прорыва может только Манштейн. До сих пор он в этом решающем вопросе еще держится уклончиво»¹. Фельдмаршал, тем не менее, в своих воспоминаниях отмечал, что он был готов согласиться с отступлением сталинградских товарищей за спиной берлинских инстанций, которые под давлением фюрера ни за что бы не согласились покинуть волжские берега. Поэтому если бы немецкие дивизии на западе города «прорубили» на запад просеку, то отступление с остальных городских районов явилось бы необходимостью, с которой бы гитлеровское командование смирилось². Следовательно, фельдмаршал собирался взвалить на себя ответственность за эвакуацию «крепости» лишь в тот момент, когда бы осмелилось действовать командование окруженной группировки. Но оказывается, что оно не могло решиться на такую операцию и не только потому, что боялось послушаться берлинских приказов. Командиры в «сталинградской мышеловке» не были осведомлены о положении за пределами кольца. Командование группы армий «Дон», которому они были напрямую подчинены, отделялось общими фразами, которые немецких офицеров в Сталинграде еще больше путали и пугали.

Адъютант Ф. Паулюса, полковник В. Адам вспоминал: «Пошла уже вторая неделя неопределенности, но ожидавшегося приказа об отступлении все не поступало, командование окруженной группировки ежедневно переговаривалось с вышестоящими штабами по радио на микроволнах. Манштейн, как и раньше, избегал отвечать на вопросы, касавшиеся положения вне котла. Паулюс каждый раз злился»³. Радиogramмы с «большой земли» не позволяли прийти к выводу о том, что фельдмаршал предлагал немецким дивизиям немедленно оставить «волжскую твердыню». Адам признавался, что Манштейн, словно чего-то не договаривал, радиogramмы, которые он передавал от него, были абсолютно «бесцветными» и «несерьезными»⁴. Манштейн действовал до странности непоследовательно и противоречиво. Офицеры в «сталинградской крепости» не понимали такого странного поведения. Но объяснение имелось. Нерешительность фельдмаршала в те роковые минуты объяснялась следующими причинами. 22 декабря наступление 4-й танковой армии окончательно захлебнулось. Немецкие потери превысили 60%, попытки дивизионных командиров получить подкрепления для последнего марш-броска не удались. 23 декабря вермахту пришлось перейти к обороне. 25 декабря 6-й и 8-й советские мехкорпуса атаковали широко растянутый по фронту 57-й немецкий танковый корпус на северном берегу реки Мышково и, подавив его отчаянное сопротивление, оттеснили противника на юго-запад, за реку Аксай. Создалась опасность окружения частей корпуса с востока и запада. В то же время на северной и восточной стороне 4-го танкового корпуса появились части 2-й и 51-й советских армий. В основном это были силы, снятые с внешней стороны сталинградского кольца. Советская сторона, обладая такими силами, принудила немецких солдат отойти еще дальше, вплоть до Котельниково, с которого они начала свое

¹ Цит. по: Видер И. Указ. соч. С. 408.

² Манштейн Э. Указ. соч. С. 406.

³ Цит. по: Адам В. Указ. соч. С. 227.

⁴ Там же. С. 229.

наступление. Отступление стало неизбежным, потому, что части 4-й румынской армии, державшие их фланговые позиции, не справились со своими задачами и в панике отступили, поставив немецких союзников под угрозу окружения. Колонны 17-го, 18-го, 24-го и 25-го советских танковых корпусов устремились к Миллерово, Морозовску и Тацинской, на которых держалось все снабжение деблокирующих частей¹.

Операция по спасению сталинградской группировки провалилась. Манштейн был вынужден признать, что дальнейшее упрямство в наступлении принесет еще более трагические последствия, за которые ему единственному придется отвечать головой. На заснеженных донских берегах фельдмаршал потерпел свое первое серьезное поражение. Необходимо было сохранить репутацию непобедимого и удачливого полководца. Поэтому в своих воспоминаниях он пытался оправдаться, взваливая неудачи операции на «суровую зимнюю погоду», на «фанатизм русских», которые воевали не по «правилам», на фюрера, который вовремя не позволил начать операцию прорыва из котла, на Паулюса, который не отважился нарушить берлинские приказы держаться до конца².

Манштейн был вынужден отступить. Но он не хотел мириться со своей неудачей. В своих воспоминаниях полководец свидетельствовал, что в конце декабря он решительно потребовал у верховного командования немедленно передать в его распоряжение три танковые дивизии из состава 1-й танковой армии кавказской группы войск³. Но если с помощью четырех танковых дивизий не удалось деблокировать окруженную группировку в середине декабря, то во все не было шансов на это в начале следующего месяца. Берлинские стратеги, тем не менее, отвергли это предложение по другой причине: на тот момент дивизия была нужна для боевых действий на Ростовском направлении. Тем не менее, верховное командование, не желая сдаваться, предложило спасение сталинградской группировки с помощью второго эсэсовского корпуса, который должен был повести наступление с Харьковского плацдарма в апреле. Однако этот план был более утопичен, чем все предыдущие, т.к. танковому корпусу с тяжелыми боями предстояло пройти больше 550 км.

Таким образом, 6-я армия была преднамеренно обречена гитлеровским командованием. Даже если деблокирующей группировке и удалось бы прорваться к окруженным товарищам, верховное командование не позволило бы их отвести на запад. Пополнившись и усилившись, они бы остались на волжских берегах, и поэтому не исключено, что в недалеком будущем сталинградский сценарий повторился бы. Гитлер неустанно повторял: «6-я армия останется там, где она сейчас находится! Это гарнизон крепости, а обязанность крепостных войск – выдержать осаду, если нужно, они будут находиться там всю зиму, и я деблокирую их во время весеннего наступления»⁴. Начальник верховного командования вермахта фельдмаршал В. Кейтель был с ним полностью согласен: «Мой фюрер, не оставляйте волжской твердыни»⁵. Своему начальнику вторил и руководитель оперативного управления генерал-полковник А. Йодль: «Если мы отступим с волжских берегов, мы потеряем большую часть территорий, захваченных нами во время летней кампании ценой огромных потерь, более того, будет под сомнение поставлена и дальнейшая перспектива боевых действий на востоке»⁶.

В связи с этим генерал-майор К. Типпельскирх, обер-квартирмейстер германского генштаба, так характеризовал сложившуюся ситуацию: «Верховное

¹ История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 6. С. 70–73.

² Манштейн Э. Указ. соч. С. 380–381, 382, 385, 386–387, 388, 390–391, 395–408.

³ Там же. С. 412–413.

⁴ Цит. по: Kriegstagebücher Oberkommando der Wehrmacht... Bd. 4. 4. S. 381.

⁵ Цит. по: Ibid. S. 387.

⁶ Цит. по: Ibid. S. 388.

командование давно уже с холодным бессердечием утвердило надгробие на 6-й армии, но, не желая терять авторитета, до последнего спускало обещания, невыполнимость которых была отчетливо очевидна армейскому генералитету»¹. Манштейн к такой категории командиров не относился. В своих воспоминаниях он признавал, что гибель 300-тысячной группировки была ненапрасной, что она была «продиктована соображениями высочайшей стратегии». По его мнению, гибнущие солдаты приковали к себе большое количество русских дивизий. Он считал, что если бы их удалось перебросить на Ростовское или Харьковское направление, рухнуло бы все южное крыло Восточного фронта и это в свою очередь решило бы судьбу всей борьбы на востоке. Манштейн утверждал: «Безнадежное сопротивление окруженной группы войск создало необходимые предпосылки для предотвращения «близившейся катастрофы». Поэтому в своих мемуарах фельдмаршал, следуя за геббельсовской пропагандой, сравнивал гибель 6-й армии с «подвигом» спартанцев в фермопильском ущелье»².

Манштейн утверждал, что именно волжская трагедия позволила ему блестяще решить все остальные оперативные задачи, а именно: удержать широкий коридор, по которому с Кавказа отошли германские войска, и уже затем обеспечить немецкие позиции на Харьковском плацдарме, над которым нависла опасность окружения. Более того, в завершении зимней кампании ему удалось провести еще одну операцию. Маневрируя вторым эсэсовским танковым корпусом, он в ходе отступления нанес контрудар, увенчавшийся победой под Харьковом³. Но принимать эти утверждения всерьез не следует. Генерал-полковник К. Цейтцлер, начальник главного командования вермахта, в своих мемуарах не писал о таких высоких стратегических соображениях. Наоборот, генштабист отмечал, что «было преступлением оставлять своих товарищей в сталинградском окружении». Он считал, что «мы не могли ни освободить их, ни обеспечить их полноценного снабжения, дивизии в кольце были попросту принесены в жертву, и притом без всякой пользы. Боевые действия под Сталинградом с конца декабря 1942 г., т.е. с провалом операции по деблокации окруженной группировки, уже не имели решающего значения в судьбе немецкой зимней кампании»⁴.

Германские дивизии в городе сдерживали силы, которые по численности не намного превосходили окруженную группировку немецких войск, и они были в немалой степени ослаблены тем, что их танковые и другие мобильные огневые средства уже были переброшены для борьбы с немецкими дивизиями прорыва. В боевых действиях с ними они понесли ощутимые потери, которые в феврале – марте 1943 г. не позволили советской стороне на Харьковском направлении довершить так удачно начатую операцию⁵. По этой же причине нельзя согласиться и с мнением о спасении Кавказской группировки вермахта за счет гибнущей в Сталинграде 6-й армии. Помешать отступлению советские дивизии не могли. Для того чтобы их перебросить и развернуть на Ростовском направлении требовалось немало времени. Но его катастрофически не хватало. Как только дороги на юге подсохли, у неприятеля появились возможности для маневрирования. Перекрыть же все маршруты отступления было невозможно, т.к. не хватало резервов, имеющиеся были в спешном порядке задействованы для отражения наступавшей группировки вермахта на Котельниковском и Нижнечирском направлении. Для чего же в таком случае понадобилось «эпическое сравнение» с подвигом спартанцев в фермопильском ущелье? Ответ прост: на волжских просторах была поставлена на карту репутация нацистского режима, его преступных правителей, его верховного командования. Но скрыть

¹ *Типпельскирх К.* Указ. соч. С. 358.

² *Манштейн Э.* Указ. соч. С. 390.

³ Там же. С. 412.

⁴ Цит. по: *Герлиц В.Я.* Выполняя приказ. С. 608.

⁵ *Абатуров В.В.* Харьков. Проклятое место Красной Армии. М., 2008. С. 224–261.

истину не удалось. Заревом своих пожарищ сталинградская твердыня осветила будущее крушение нацистской системы. С окончанием сражения начался коренной перелом в войне. Завершился он полгода спустя в летнюю кампанию на курских и орловских полях. Но уже после прекращения сталинградских боев немецкий народ впервые отчетливо осознал неизбежность грядущего поражения гитлеровского рейха.

ХАРЬКОВСКИЙ ЭПИЗОД ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ.
УТЕРЯННАЯ ПОБЕДА ВЕРМАХТА (март 1943 г.)

Описываемые в статье события произошли в марте 1943 г. в ходе Харьковской оборонительной операции. Рассмотрим ее предысторию. В завершении почти двухмесячного наступления соединения двух советских армий подверглись мощному удару со стороны крупных немецких сил, в результате которого советские войска были вынуждены отойти на 100–150 км. Удержать крупный железнодорожный узел и промышленный центр – город Харьков – не удалось. Более того, в ходе оборонительной операции сформировался южный фас Курской дуги. После тяжелых оборонительных боёв на подступах к городу и в самом городе значительная часть 3-й советской танковой армии была окружена на его южной и юго-восточной окраинах. В ночь с 15 на 16 марта группа приняла попытку прорыва из окружения. О том, почему так получилось и каковы результаты сражения, рассказывается в статье. Исследовательская база событий очень слабая: советские источники практически не освещали ход боев, немецким же полностью доверять не следует из-за пристрастности ее непосредственных участников. Попытаемся восполнить имеющийся пробел.

1943 год начинался для советской стороны громкими победами. Советское командование полагало, что разгром немецко-фашистских войск в районе Сталинграда, Дона и на Кавказе создал благоприятные условия для развертывания наступления всех фронтов на юго-западном направлении. Более того, Ставка поставила перед Красной армией задачу перехватить стратегическую инициативу, окончательно сломить противника. При этом в советских штабах царил уверенность, что после поражения под Сталинградом сила сопротивления германской армии пойдет на убыль и врага можно будет без остановки гнать на запад. На первых порах казалось, что так оно и есть. В результате Острогожско-Россошанской и Воронежско-Касторненской операций были разгромлены основные силы немецкой группы армий «Б» и пробита брешь шириной 400 км. Это «окно» побудило советское командование решиться на проведение Харьковской наступательной операции. Ее замысел сводился к уничтожению всей южной группы немецких войск. Операция получила кодовое название «Звезда».

Началась она 2 февраля 1943 г. В первый день наступления 3-я танковая армия П.С. Рыбалко продвинулась почти на 20 км. 6 февраля соединения 3-й танковой армии втянулись в бои за юго-восточные подступы к Харькову. Для спасения города и всего немецкого фронта в целом на позиции из Франции начали прибывать эсэсовские дивизии¹. После нескольких дней боев советским солдатам удалось сломить сопротивление дивизии СС «Лейбштандарт». 10 февраля были взяты штурмом поселки Печенеги и Чугуев на восточных и юго-восточных подступах к Харькову². Сплошной немецкий фронт рухнул. 40-я советская армия начала классический маневр на окружение харьковской группировки противника. Обстановка становится для немцев критической. Командир дивизии «Дас Рейх» оберфюрер К. Валь отправил командованию 2-го танкового корпуса СС донесение, в котором сообщал, что его резервы исчерпаны, и удерживать фронт к востоку от Харькова дивизия не в состоянии. Оберфюрер фактически поставил ультиматум. Он утверждал, что, если до наступления ночи дивизии не будет отдан приказ на отход, оборонявшиеся на восточной ок-

¹ Шейн Д.В. Танки ведет Рыбалко. М., 1972. С. 258–263.

² Майер К. Немецкие гренадеры. 1939–1944 гг. М., 2006. С. 258.

раине города части будут потеряны¹. Командующий корпусом СС, обергруппенфюрер П. Хауссер запросил по радио у штаба армейской группы «Ланц» разрешения отдать приказ на отход. Он заявил, что: «Если не будет получен приказ об отходе из штаба армейской группы, этот приказ будет выпущен им самим». Ответ был столь же безапелляционным. Генералу СС напомнили о предыдущих директивах командующего группой армий «Дон» фельдмаршала Э. Манштейна на удержание города при любых обстоятельствах. Хауссеру также указали, что отход дивизии СС «Дас Рейх» приведет к повисанию в воздухе правого фланга моторизованной дивизии «Великая Германия»². О том, что она уже потеряла локтевую связь с соседом слева и сама откатывалась назад, при этом умалчивалось. Армейская группа «Ланца» передала танковому корпусу СС приказ фюрера удержать Харьков любой ценой. Хауссер, тем не менее, принял решение эвакуировать город.

Штурмбаннфюрер Г. Бергер, адъютант командующего, вспоминал: «11 февраля танковый корпус СС с дивизиями “Лейбштандарт” и “Дас Рейх” был практически окружен в Харькове. Его ожидала та же участь, что и 6-ю армию в Сталинграде, если бы в последний момент не был отдан приказ на эвакуацию». 14 февраля прибыла телеграмма из штаб-квартиры А. Гитлера: «Я лично отдал приказ о вступлении в боевые действия дивизии СС “Дас Рейх” и ожидаю, что она исполнит свою миссию как можно скорее». Это один из редких случаев, когда Гитлер, как верховный главнокомандующий, обратился непосредственно к одной из дивизий. Хауссер, тем не менее, продолжает настаивать на отступлении. У Бергера на миг перехватило дыхание. Он вспоминал: «Я осмелился возразить, но командующий прервал меня на полуслове: “Это не страшно для такого старого человека, как я, но у меня нет права поступать так с молодыми, которые там. Спокойно передавайте приказ корпусу”»³. Поступок Хауссера поверг в ужас его непосредственного начальника, генерал-полковника Х. Ланца. Ведь имело место намеренное неповиновение приказу фюрера! Он заявил Хауссеру: «Харьков будет обороняться при всех обстоятельствах!»⁴. Однако уже начала проводиться эвакуация города. 16 февраля в Растенбурге, в своем «Волчьем логове», фюрер, красный от гнева, узнает новость о неповиновении танкового корпуса СС. Ярость его, однако, проходит быстро. Он понимает: кто будет защищать все, не защитит ничего⁵.

Германское командование при таких обстоятельствах изготвилось остановить дальнейшее наступление советских войск западнее Харькова и в Донбассе. С центрального направления в спешном порядке были сняты шесть танковых и четыре пехотных дивизии. Новыми силами укреплена оборона на рубеже Красноград – Днепропетровск – Красноармейское. 18 февраля на базе группы армии «Дон» была создана группа армий «Юг», включавшая 30 дивизий, в том числе 12 танковых, которые составляли половину всех танковых войск, действовавших в тот момент на советско-германском фронте. Все прибывшие дивизии были полностью укомплектованы живой силой и боевой техникой до штатного состава. Командующим группы армий «Юг» был назначен бывший командующий группы армии «Дон», один из наиболее опытных гитлеровских военачальников, фельдмаршал Э. Манштейн. План контрнаступления был обсужден и утвержден им на совещании, проходившем 17–19 февраля в штабе группы армий «Юг» в Запорожье. Цель операции сводилась к тому, чтобы ударами из Краснограда и Красноармейска по сходящимся направлениям на Пав-

¹ Акунов В. Дивизия СС «Дас Рейх». История второй танковой дивизии СС. М., 2008. С. 287.

² Carell P. Verbrandte Erde. Schlacht zwischen Wolga und Weichsel. Frankfurt/M., 1966. S. 187.

³ Акунов В. Дивизия СС «Дас Рейх»... С. 291.

⁴ Хауссер П. Солдаты СС. Солдаты как все. М., 2009. С. 328.

⁵ Carell P. Verbrannte Erde. Schlacht zwischen Wolga und Weichsel...S. 189.

лоград, Лозовую и Барвенково уничтожить войска правого крыла Юго-Западного фронта, вышедшие на подступы к Днепропетровску и Запорожью. В дальнейшем гитлеровское командование намеревалось повернуть главные силы на север и стремительным контрударом танковых дивизий разгромить войска левого крыла Воронежского фронта, захватить города Харьков, Белгород, Курск и, соединившись со своей орловской группировкой, отрезать советским дивизиям отступление на восток¹. Для выполнения задачи были созданы три мобильных кулака из войск, которые вошли в состав 1-й и 4-й танковых армий только что созданной группы армий «Юг».

В первую ударную группировку, сосредоточенную в Краснограде, входили 6-я, 17-я и 19-я танковые дивизии, танковые дивизии СС «Лейбштандарт», «Дас Рейх», «Мертвая голова» и моторизованная дивизия «Великая Германия». Группировка под командованием П. Хаусера наносила удар в юго-восточном направлении на Павлоград. В районе восточнее Запорожья сосредоточилась вторая ударная группа войск, в которую входили войска 48-го танкового корпуса 4-й танковой армии генерал-лейтенанта Г. Гота в составе 23-й, 27-й танковой дивизии и 16-й моторизованной. Эта группировка должна была нанести удар на Павлоград с севера, навстречу второму танковому корпусу СС. Третья боевая группа под началом генерал-полковника Ф. Рауса, сконцентрированная в районе Красноармейска, включала войска 40-го танкового корпуса 1-й танковой армии в составе 3-й, 5-й, 7-й, 11-й танковых дивизий и моторизованной дивизии СС «Викинг». Группа наносила удар в северном направлении на Барвенково и Лозовую². В общей сложности в операции предстояло задействовать более 800 танков, из них 100 новейших тяжелых «тигров».

Ранним утром 19 февраля после массированного бомбового удара три дивизии танкового корпуса СС нанесли сильный удар по боевым порядкам 6-й армии Юго-Западного фронта. Вражеские войска из Краснограда устремились на юг и юго-восток к Новомосковску и Павлограду. Наступление поддерживалось массированными ударами 4-го воздушного флота фельдмаршала Г. Рихтгофена (750 самолетов), который только в первый день совершил 2500 самолетовылетов³. Для советских войск, действовавших в районе Краснограда, Запорожья и Красноармейска, контрнаступление противника оказалось неожиданным. Маршал А.М. Василевский вспоминал: «Командующие Юго-Западным (генерал-полковник Н.Ф. Ватутин) и Воронежским (генерал-полковник Ф.И. Голиков) фронтами неправильно оценили оперативную обстановку. Перегруппировку противника на Красноармейском и Красноградском направлении, они восприняли как начало отвода врагом его донбасской группировки за Днепр. Ставка и генеральный штаб поддержали предложения командующих по дальнейшему развитию наступления и в своих встречных директивах значительно расширили масштабы их действий. В результате Юго-Западный фронт с тяжелыми боями продолжал продвигаться в западном и юго-западном направлениях, с каждым днем увеличивая ширину наступления; к началу вражеского контрудара она составила уже более 400 км»⁴.

Таким образом, танковым дивизиям противника удалось соединиться в районе Павлограда и окружить часть войск 6-й армии в районе Синельниково, Павлограда и Новомосковска. В окружении оказались части 41-й и 35-й гвардейских, 244-й и 267-й стрелковых дивизий, 106-й стрелковой бригады и остатки 25-го танкового корпуса. В течение трех суток окруженные войска вели тяжелые бои. 25 февраля Ставка Верховного Главнокомандования разрешила командованию фронта отвести войска за реку Северский Донец и на его левом берегу

¹ Kriegstagebücher Oberkommandos der Wehrmacht Bd. 3.3. August 1939 – Januar 1940. Bd. 3.3. Frankfurt/M., 1979. Bd. 2.1. S. 378.

² Манштейн Э. Утерянные победы. М., 2000. С. 315, 317–322.

³ Боевые операции люфтваффе. 1939 – 1945 гг. М., 2009. С. 258.

⁴ Василевский А.М. Дело всей жизни: в 2 кн. М., 1990. Кн. 2. С. 7.

организовать прочную оборону. В соответствии с указанием командования Юго-Западного фронта, командующий 6-й армией генерал-лейтенант Ф. М. Харитонов отдал приказ о выходе войск из окружения в северо-восточном направлении на Поперечное и Самойловку¹. В то же время части 1-й немецкой танковой армии набросились на мобильную группу генерал-майора В.В. Попова с севера. Гитлеровское командование торопилось. По свидетельству Э. Манштейна, «4-я танковая армия должна была быстро разгромить противника в брешу между 1-й танковой армией и группой “Кемпфа” и воспрепятствовать тем самым отсечению группы армий от переправ через Днепр. В противном случае вследствие недостатка горючего основная масса танков должна была скоро стать неспособной к движению»². Удар немцев удался. Группа в составе 4-го гвардейского, 3-го, 10-го и 18-го танковых корпусов попала в ловушку³. Командующий Юго-Западным фронтом генерал-полковник Н.Ф. Ватутин обратился в Ставку с предложением немедленно отвести части Попова за Северский Донец. Но Сталин не хотел отказываться от перспективы овладения Запорожьем. Только 25 февраля Ставка приняла половинчатое решение: отвести за реку только правое крыло фронта. В результате 40-й немецкий танковый корпус разгромил оставшийся в арьергарде советский 18-й танковый корпус. В сложившейся ситуации Попов принял решение вывести оставшиеся войска из-под удара. Во время отступления сильно пострадал 4-й гвардейский танковый корпус. Тем не менее главные силы сумели избежать окружения. Им удалось отступить за Северский Донец. На следующий день 17-я танковая дивизия немцев попыталась с ходу форсировать реку в районе села Балаклеи, но ее отбросили на исходные позиции.

К 3 марта все войска Ватутина завершили отход. По реке Северский Донец, на рубеже Балаклея – Красный Лиман, образовался прочный фронт обороны. Наступательные действия противника на этом участке закончились⁴. Следующей целью эсэсовского корпуса стала река Мжа, где действовала 3-я советская танковая армия. Для ее уничтожения гитлеровское командование привлекло два танковых корпуса и один армейский. В их составе насчитывалось пять танковых и три пехотных дивизии⁵. Создалась непосредственная угроза левому крылу войск Воронежского фронта, которые вели боевые действия на рубеже Котельва–Чтово–Охочее, в 60 км западнее и юго-западнее Харькова. Исходя из сложившейся обстановки, командующий Воронежским фронтом генерал-полковник Ф.И. Голиков приказал командующему 3-й танковой армии генералу П.С. Рыбалко создать прочную оборону вдоль северного берега реки на рубеже Камышеватое – Староверовка – Тарановка, не допустив прорыва танков и пехоты противника в направлениях Мереза – Харьков и Змиев – Харьков. Одновременно была создана подвижная группа 3-й танковой армии в составе 12-го и 15-го танковых и 6-го гвардейского кавалерийского корпусов. Возглавил ее командир 12-го танкового корпуса генерал М.И. Зинькович. Подвижной группе была поставлена задача: выдвинуться на рубеж Шляховая-Кегичевка-Алексеевское⁶. Выйдя на позиции, войска группы немедленно приступили к подготовке обороны. Пушечные батареи стрелковых дивизий были поставлены в боевые порядки пехоты на открытые огневые позиции для стрельбы прямой наводкой. 4 марта, как только рассвело, налетели немецкие штурмовики. Более 40 минут неистовствовали фашистские бомбардировщики, после чего гитле-

¹ Абатуров В.В., Португальский Р.М. Харьков – проклятое место Красной Армии. М., 2008. С. 273–274.

² Манштейн Э. Указ. соч. С. 341.

³ Великая Отечественная война. 1941–1945 гг.: В 4 кн. М., 1998. Кн. 2. Перелом. С. 189.

⁴ Ершов А.Г. Освобождение Донбасса. М., 1988. С. 222.

⁵ Карель П. Восточный фронт: в 2 кн. М., 2005. Кн. 2. Выжженная земля. С. 263.

⁶ Морозов В.В. Почему не завершилось наступление в Донбассе весной 1943 года // Военно-исторический журнал. 1963. № 3. С. 21.

ровцы перешли в наступление. Все их атаки были, однако отбиты. Тогда противник нанес сильные удары по флангам группы. В течение шести часов 12-й и 15-й танковые корпуса совместно с 219-й, 184-й, 111-й стрелковыми дивизиями дважды отбрасывали гитлеровцев в исходное положение. Но к концу дня врагу удалось обойти с севера и юга части подвижной группы и выйти на рубеж Майданы – Шляховая и замкнуть кольцо окружения. Вечером 5 марта группы войск вырвались из окружения, отступив в район деревень Рябухино и Охочее¹. В результате двухдневных ожесточенных боев в районе Шляховой, Кегичевки и Алексеевского части подвижной советской группы сковали две танковые и две пехотные дивизии противника, которые имели в своем составе более 200 танков и штурмовых орудий, чем помогли главным силам своей армии выиграть драгоценное время для организации обороны на рубеже Камышеватое – Староверовка – Тарановка. В тяжелых боях войска группы подбили и сожгли 52 танка, 40 бронетранспортеров, 70 автомашин и 10 орудий противника. Враг потерял убитыми 500 солдат и офицеров. Понесли большие потери и войска группы. Из боя было выведено 80 % личного состава. Биограф германских вооруженных сил П. Карель отмечал: «Для защиты Харькова советское командование бросило навстречу эсэсовскому корпусу 3-ю советскую танковую армию с двумя танковыми корпусами и тремя стрелковыми дивизиями, но оно сделало крупную ошибку, продвигаясь между оборонительным фронтом 1-й дивизии «Лейбштандарт» и двумя атакующими дивизиями танкового корпуса СС. Хауссер, пользуясь представившейся возможностью, повернул правое крыло танковой дивизии «Мертвая голова» и 3 марта замкнул советскую группировку в «котел». Эскадрильи штурмовой авиации пресекли всякую попытку русских построиться в боевой порядок. Были ликвидированы шесть танковых корпусов и десять стрелковых дивизий»². Хауссер добавляет: «Восточный фронт в результате был восстановлен, укорочен и обеспечен резервами. Наступление, блестяще задуманное и осуществленное, остановило советскую лавину, на позициях, с которых началась летняя кампания вермахта»³.

Следующим аккордом Харьковской оборонительной операции явились бои на реке Мжа, южнее городка Мерефа, на рубеже деревень Камышеватое – Староверовка – Тарановка. Мерефа была важнейшим опорным пунктом обороны 3-й танковой армии. Ближайшие подступы к нему обороняли батальоны 62-й гвардейской стрелковой дивизии. Семь дней и ночей – с 7 по 14 марта – шли упорные бои на Мерефенском направлении. Но противник и здесь не добился победы. Воины-гвардейцы нанесли эсэсовцам дивизии «Лейбштандарт» мощный контрудар, в результате чего они понесли огромные потери. Только за три дня жестоких боев было уничтожено 60 танков и штурмовых орудий, 22 бронетранспортера, 30 орудий и более 35 автомашин. Противник потерял убитыми и ранеными до 1000 солдат и офицеров⁴. Встретив такое упорное сопротивление, гитлеровское командование решило захватить Харьков внезапным ударом с запада вдоль Полтавского шоссе. Для выполнения этой задачи в течение ночи на 8 марта из Краснограда в район Валок в образовавшийся 15-километровый разрыв между 69-й и 3-й советскими танковыми армиями была выдвинута из второго эшелона танкового корпуса СС танковая дивизия «Дас Рейх». Дивизия имела 140 танков и штурмовых орудий, в том числе 30 танков «тигр», и насчитывала 14 тысяч солдат и офицеров⁵.

Усиливало группировку своих войск на харьковском направлении и командование Воронежского фронта. Из резерва фронта в состав 3-й танковой армии в спешном порядке были переданы 303-я стрелковая дивизия и 86-я от-

¹ Абатуров В.В., Португальский Р.М. Указ. соч. С. 287.

² Карель. П. Восточный фронт... Кн. 2. С. 263.

³ Хауссер П. Указ. соч. С. 333.

⁴ Фрей В. Бронетанковые войска СС в бою. М., 2009. С. 25.

⁵ Акунов В. Дивизия СС «Дас Рейх»... С. 293.

дельная танковая бригада. К утру 8 марта их части сосредоточились на западной окраине Харькова. Тем же утром дивизия «Дас Рейх» устремилась по Полтавскому шоссе из Валок на Люботин. Несмотря на свое превосходство, эсэсовцы не смогли с ходу прорвать советскую оборону. За пять дней тяжелых боев (с 8 по 12 марта) на ближних подступах к Харькову 303-я стрелковая дивизия нанесла противнику ощутимый урон. Враг потерял подбитыми и сожженными 34 танка, 4 штурмовых орудия, 12 бронетранспортеров, 14 орудий и 25 автомашин, а также 600 солдат и офицеров убитыми и ранеными¹. Не сумев прорваться к городу с запада, гитлеровское командование перебросило дивизию «Дас Рейх» на его восточную окраину для совместных действий с дивизией «Лейбштандарт». Для помощи им гитлеровское командование в район Дергачей и Пятихаток перебросило дивизию «Мертвая голова»². Это было наиболее сильное соединение, имевшее 170 танков и штурмовых орудий, из них 25-30 «тигров», 80-90 бронетранспортеров и 14-15 тысяч солдат и офицеров³. Э. Манштейн возлагал на дивизию большие надежды. В своих мемуарах он писал: «Если танковый корпус СС без “Мертвой головы” не смог удержать Харькова, то без нее он еще менее был в состоянии вновь овладеть им»⁴. Эсэсовской дивизии следовало захватить к западу и юго-западу от города поселки Рогань, Циркуны и Большая Даниловка. Манштейн придавал такому обходному маневру с востока огромное значение. Он вспоминал: «Потребовалось резкое вмешательство командования группы, чтобы добиться отказа командования корпуса от намерения фронтального наступления на Харьков, иначе бы он застрял здесь»⁵. 9 марта штаб танкового корпуса СС получил приказ 4-й танковой армии. Хауссеру ставилась задача: «Танковый корпус СС захватывает 10 марта вдоль реки Лопань район между Харьковым и Дергачами и плотно запирает Харьков с запада на север»⁶. Дальнейшие действия Хауссера находились в полном соответствии с данным приказом.

Утром 10 марта авиация противника нанесла удар по батальонам 303-й стрелковой дивизии на северной и северо-западной окраинах города. В этот день было зарегистрировано до 1800 самолетовылетов вражеской авиации⁷. После сильной бомбежки противник немедленно перешел в наступление. Удары наносились одновременно по северной и северо-западной окраинам. Военный совет 3-й танковой армии принял решение создать круговую оборону города силами харьковского гарнизона. В его состав были включены 303-я и 19-я стрелковые дивизии, 17-й стрелковая бригада войск НКВД, 86-я и 179-я танковые бригады и два полка противотанковой артиллерии РГК. Начальником гарнизона был назначен генерал-майор Е.Е. Белов⁸. Двадцатикилометровая полоса обороны была им разбита на четыре района, которые заняли 206-й, 208-й, 209-й и 210-й стрелковые батальоны 17-й бригады НКВД. Резерв составил ее 207-й батальон. Для укрепления импровизированных позиций каждый участок обороны был усилен дивизионами 76-мм. пушек. Подступы к городу перекрывались баррикадами и минировались. Хауссер отмечал: «Противнику удалось организовать оборону города подручными средствами. Баррикады блокировали входы в город и были разбросаны по всему городу. Укрепления русских представляли собой сильные оборонительные позиции»⁹.

¹ Операции советских вооруженных сил в великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Военно-исторический очерк: в 4 т. М., 1988. Т. 2. С. 165.

² Ковтун И. Дивизия СС «Мертвая голова». История третьей танковой дивизии СС. М., 2008. С. 147.

³ Там же. С. 148.

⁴ Манштейн Э. Указ. соч. С. 343.

⁵ Там же.

⁶ Бернаж Ж. Харьков 1943 года. Контрудар танкового корпуса СС. М., 2009. С. 96–97.

⁷ Боевые операции люфтваффе... С. 261.

⁸ Абатуров В.В., Португальский Р.М. Указ. соч. С. 294.

⁹ Хауссер П. Указ. соч. С. 351.

11 марта эсэсовская дивизия перешла в очередное наступление. Бои развернулись на северо-восточной окраине города. Одновременно велись ожесточенные бои на северо-западной и северной окраинах Харькова. Из донесения командира гренадерского полка СС «Фюрер» дивизии «Дас Рейх» штандартенфюрера СС Ф. Витта: «Продвижение осуществляется очень медленно. 2-й батальон полка расчищает себе путь до самой церкви в южном квартале, в то время как 3-й батальон окружен в западном квартале. Советские войска упорно сопротивляются в районе новых заводов, простирающихся на северо-западе города на протяжении трех километров. Количество танков дивизии неутомимо тает, у нее осталось только 14 Pz. III, 5 Pz. IV, 3 командирских танка и 16 штурмовых орудий. Вечером советские войска предприняли новую контратаку; но она была отбита, нападающие потеряли 6 танков Т-34 и 20 орудий. Позиции дивизии «Дас Рейх» и взаимодействие между ее частями существенно улучшились»¹. Тем не менее, 13 марта генерал-полковник Г. Гот просил вывести эсэсовские дивизии из города по дороге Люботин – Пересечная – Дергачи². Хауссер отказался. Гот, напуганный сталинградским примером, где бои тянулись долгие недели, не верил в быструю немецкую победу. Он предпочитал обойти город и раздавить отошедшие батальоны русских с востока. Подключился Э. Манштейн. Он приказал отказаться от фронтального наступления на город³. Гот снова, не стесняясь в выражениях, приказал подчиниться. Он передал, что «возлагает на командира танкового корпуса всю ответственность за исполнение приказа». Хауссер подчинился, для преследования противника он выделил дивизию «Дас Рейх». Для взятия города остались две другие танковые дивизии. С восточной стороны наступала сводная боевая группа дивизии «Мертвая голова» под командованием оберштурмбаннфюрера О. Баума. В то же время с северной стороны по железнодорожной линии Белгород–Харьков продвигалась штурмовая группа штандартенфюрера Г. Виша. Другая группа штандартенфюрера Р. Сандига двигалась на юг западнее железной ветки по дороге Дергачи – Харьков в направлении Северного Поста. Отряд штурмбаннфюрера Х. Крааса тем временем продвигался по другой стороне железной дороги. Немцы проникли через внешнюю линию обороны города, когда фланговая группа советских передовых частей с запада напала на их тыл. Наступление эсэсовцев приостановилось.

Активные действия сместились на север. Батальон 2-го танкового полка СС под командованием штандартенфюрера Ф. Витта и штурмгруппа штурмбаннфюрера К. Майера приблизились к городу с севера и северо-востока. Тем временем на западной окраине эсэсовцы, сломив советскую оборону, заняли деревню Солоницевку по Полтавской дороге в Харьков. Отряд оберштурмфюрера Х. Хармела достиг харьковского пригорода Залютино и дальше, пройдя на север города, блокировал тракторный завод. Штурмгруппа Сандига захватила харьковскую железнодорожную станцию. Группа Крааса вступила в уличные бои в предместьях Лысая Гора и Павловка. Таким образом, боевые порядки харьковского гарнизона были разрезаны⁴. К исходу 14 марта немцы перерезали и последнюю дорогу, идущую из Безлюдовки на Лизогубовку и Мохначи на реке Северский Донец. Окружение харьковского гарнизона завершилось. Тем временем в самом городе 2-й батальон дивизии «Лейбштандарт» под началом штурмбаннфюрера М. Хансена достиг центральной городской площади. Сводный батальон штандартенфюрера И. Пайпера вышел на Московский проспект. В то же время боевая группа Майера перекрыла шоссейные дороги на восточной половине города. 14 марта танковый батальон Витта начал движение к ре-

¹ Руппи Т. История войск СС. 1925–1945 гг. М., 2009. С. 163.

² Carell P. Verbrandte Erde. Schlacht zwischen Wolga und Weichsel...S. 211.

³ Манштейн Э. Указ. соч. С. 348.

⁴ Ковтун. И. Указ. соч. С. 150; Акунов В. Дивизия СС «Дас Рейх»... С. 293; Он же. Дивизия СС «Викинг». История пятой танковой дивизии СС. М., 2008. С. 285–286.

ке Харьков. Батальон гауптштурмфюрера Г. Фрая пересек реку на северной окраине города. Отряд Крааса устремился по Михайловской улице, в то время как гренадеры Сандига установили свой предмостный опорный пункт на улице Торговой. 14 марта группа Витта очистила север Чугуевской дороги. Виш захлопнул ее южную сторону, а Майер продвинулся дальше по восточной стороне города. В течение 14–16 марта части харьковского гарнизона в северо-восточных и восточных районах города, находясь в окружении в двух разобщенных районах и, не располагая достаточным количеством вооружения и боеприпасов, продолжали отражать усиленный натиск эсэсовских дивизий. Командование дивизии «Лейбштандарт» признавало: «Солдаты Красной Армии знают, что их положение безвыходно, тем не менее, они сражаются с отчаянной энергией»¹. Оберштурмбаннфюрер Л. Дегрель, командир бригады «Валлония» в составе моторизованной дивизии СС «Викинг», так вспоминал уличные бои: «Русские оборонялись с изумительной отвагой. Наши пулеметы то и дело пробивали огромные бреши в их обороне. Германская артиллерия осыпала их сотнями снарядов, она превращала бункера в склепы, наполненные мертвецами. Но отброшенные русские постоянно возвращались, окапывались в руинах, закреплялись на прежних рубежах»². Своим упорным сопротивлением окруженная группировка истощила силы эсэсовского корпуса, нанеся его дивизиям большие потери. За шесть дней уличных боев было уничтожено 110 танков и штурмовых орудий, 40 орудий и минометов, 100 автомашин и бронетранспортеров. Враг потерял убитыми и ранеными до 10 тысяч своих солдат и офицеров³.

15 марта генерал-майор Е.Е. Белов получил приказ на отступление из города на восточный берег реки Северский Донец. После пятиминутного огневого налета артиллерии и минометов 303-й, 19-й и 62-й дивизий группы прорыва стремительной атакой сломали сопротивление противника в Васищево и Лялюках и устремились по двум лесным дорогам к селам Лизогубовка и Терновое. Вражеское командование не предполагало, что советские войска предпримут выход из окружения на более трудном участке, где надо было преодолеть две реки: Уды и Северский Донец. Генерал Белов вспоминал: «Разведка донесла, что на околице стоят двенадцать вражеских танков, а экипажи спят по хатам. К танкам противника сразу же были высланы группы истребителей танков с бутылками с горючей смесью и противотанковыми гранатами и две группы автоматчиков для их прикрытия. Застрочили пулеметы и автоматы, раздались взрывы гранат. Мы видели, как во дворах заматались гитлеровцы, выскакивающие из хат в одном белье, налет был неожиданным, бой коротким и стремительным. Позади яркими кострами пылали фашистские танки. Мы не оглядывались – некогда задерживаться. Утром надо быть за рекой Уды, иначе немцы могли отрезать путь». 16 марта гитлеровское командование начало преследование советских войск с запада, севера и юга, пытаясь отрезать им пути отхода. 17 марта дивизии «Мертвая голова» и «Дас Рейх» развернулись на север и устремились на Белгород. Левее наступление эсэсовцев в направлении на Грайворон, Борисовку и Томаровку поддерживал армейский корпус «Раус», в его передовой колонне действовала дивизия «Великая Германия». Гитлеровское командование спешило прорваться на тылы Воронежского и Центрального фронтов для соединения со своей орловской группой⁴. Однако оборона харьковской цитадели советскими солдатами сорвала гитлеровцам все расчеты. Ставка успела прикрыть Белгородское направление резервами. 17 марта части 69-й армии под натиском дивизии «Мертвая голова» отошли за Северский До-

¹ Carell P. Verbrandte Erde. Schlacht zwischen Wolga und Weichsel...S. 203.

² Акунов В. Дивизия СС «Викинг»... С. 286.

³ История Второй мировой войны 1939–1945 гг.: в 12 т. М., 1976. Т. 6. С. 163.

⁴ Маккарти П., Сайрон М. Бронетанковые войска III Рейха. М., 2009. С. 198.

нец под прикрытие 2-го гвардейского танкового корпуса генерала С.И. Богданова¹. 18 марта группа Пайпера захватила Белгород, но дальше она продвинуться не смогла. Гитлеровское командование решило прорваться к Курску севернее. В случае успеха пяти армиям Центрального фронта угрожало окружение и уничтожение. 19 марта передовые колонны «Мертвой головы», с ходу форсировав Северский Донец, захватили плацдарм на северо-восточных склонах реки. В прорыв был немедленно введена дивизия «Великая Германия»². Противнику, тем не менее, и здесь не удалось развить свое наступление. Во многих работах утверждается, что развитию контрудара помешала начавшаяся «оттепель»³. Однако в воспоминаниях эсэсовцев говорится, что во время операции по-прежнему трещали нештучные морозы⁴. Значит, немецкое наступление остановилось не из-за начавшейся распутицы, а благодаря мужеству советских солдат.

Во второй половине дня части 2-го гвардейского танкового и 6-го гвардейского кавалерийского корпусов под командованием генералов В.М. Баданова и С.В. Соколова нанесли сильный контрудар по прорвавшемуся противнику и отбросили его на левый берег реки с большими для него потерями⁵. В результате противник отказался от намерения штурмовать советские позиции. Фронт стабилизировался по линии: Краснополье, Березов, Белгород и река Северский Донец⁶. 13 марта Гитлер отдал приказ о начале подготовки к новой операции под кодовым названием «Цитадель». Начало очередного наступления на Курском направлении планировалось на 3 мая⁷. Командование вермахта рассчитывало на фактор неожиданности и на то, что советская сторона не сможет пополнить личный состав и технику после изнурительных боев зимой. Но, тщательно изучив состояние своих войск, верховное командование доложило фюреру, что «наступление возможно только в июне, после поступления пополнений в войска, так как комплектация частей ниже 60%». С января по март 1943 г. вермахт потерял на востоке 2500 танков, это составило 60% от всех боевых машин, выпущенных в 1942 г. На всем Восточном фронте в конце марта в строю оставалось всего 500 танков, из них на юго-западном направлении в распоряжении германского командования было не больше 140 единиц⁸! П. Карель отмечал, что «стремительное продвижение эсэсовского корпуса на Харьковском направлении, каким бы оно не выглядело сегодня удивительным, не было доведено до конца. Столкнувшись с серьезным сопротивлением, германское командование отложило свое дальнейшее наступление. Вермахт посадил зерно, из которого выросла катастрофа». Он писал: «Надежды на ликвидацию Курского выступа были временно оставлены. Операция “Цитадель” началась спустя сто одиннадцать дней. Из-за этого промедления вермахт проиграл войну»⁹. Автор считал, что Харьков был обречен, и что эсэсовцам следовало окружить город мобильными заставами и основными силами продолжить наступление на Белгородском направлении, которое оборонялось ослабленными частями 69-й армии генерал-лейтенанта М.И. Казакова¹⁰.

Однако согласиться с таким мнением нельзя. Гитлеровское командование не могло оставить в своем тылу такой крепкий «орешек». Но эсэсовцы, ввя-

¹ Исаев И.А. 1943 год. От Харькова к Курску. М., 2008. С. 178.

² Акунов В. Танковый корпус «Великая Германия». М., 2008. С. 216.

³ Ковтун. И. Указ. соч. С. 153; Акунов В. «Дас Рейх»... С. 295; Он же. Дивизия СС «Викинг»... С. 287; Он же. Танковый корпус «Великая Германия»... С. 222.

⁴ Agte P. Michael Wittman, erfolgreichster Panzerkommandant im Zweiten Weltkrieg, und die Tiger der Leibstandarte SS Adolf Hitler. Oldendorf, 2007. S. 147, 149, 155, 157.

⁵ История Второй мировой войны... Т. 6. С. 165.

⁶ Типпельскирх К. История Второй мировой войны. 1939–1945 гг. М., 2003. С. 387.

⁷ Kriegstagebücher Oberkommandos der Wehrmacht... Bd. 2.2. S. 253.

⁸ Маккарти П., Сайрон М. Указ. соч. С. 222.

⁹ Карель. П. Восточный фронт... Кн. 2. С. 277.

¹⁰ Там же. С. 278, 283.

завшись в уличное сражение, переоценили собственные возможности. Своим упорным сопротивлением мужественный гарнизон истощил силы врага, нанеся его танковым дивизиям исключительно тяжелые потери, которые он не смог полностью восполнить к началу очередной летней кампании. Потери корпуса распределялись следующим образом. «Лейбштандарт»: 167 офицеров, 4373 унтер-офицера и рядовых. «Дас Рейх»: 102 офицера, 4396 унтер-офицеров и рядовых. «Мертвая голова»: 94 офицера, 2170 унтер-офицеров и рядовых. Другие корпусные подразделения: 2 офицера, 215 унтер-офицеров и рядовых. Всего: 365 офицеров, 11 154 унтер-офицеров и рядовых. О значительных потерях эсэсовцев свидетельствует, добавим, и тот факт, что в постоянно находившейся в боях 16-й саперной роте полка СС «Дойчланд» в конце марта оказалось всего лишь 30 человек личного состава¹. Не лучше было с тяжелым вооружением и техникой. В каждой дивизии осталось не больше 30 единиц бронетехники². Командир 1-го батальона панцерваффе дивизии «Мертвая голова» оберштурмфюрер М. Штангер свидетельствовал: «В результате боев в нашей роте осталось несколько боеспособных танков, многие танки были подбиты и выгорели, многие командиры погибли или были тяжело ранены, в соседних ротах положение было не лучше»³.

Генерал-инспектор танковых войск Г. Гудериан, оценивая результаты зимней кампании, с горечью признавал: «В настоящий момент на курском выступе у нас уже нет ни одной полностью боеспособной дивизии»⁴. Германское командование было вынуждено немедленно вывести в тыловой район все танковые и моторизованные дивизии и в спешном порядке приступить к их доукомплектованию. В результате немецкая победа будет иметь для рейха неожиданные последствия. Стратегическая инициатива, качнувшись от немецкой стороны к советской на волжских берегах, сделала обратное движение в Харьковской операции, но, дойдя лишь до середины, остановилась в ожидании будущих событий, которые не оправдали радужных надежд немецкого партийного и военного руководства. Некоторые авторы называют харьковский эпизод великой войны «последним германским блицкригом»⁵. Но мы с таким выводом спешить не будем. Реванш за Сталинград под Харьковом у немцев не получился. Э. Манштейн писал: «Наша цель была не овладение Харьковом, а разгром и по возможности уничтожение расположенных там частей противника для выхода на оперативный простор»⁶. Уничтожить противостоявшую немцам советскую 3-ю танковую армию удалось, но вот выйти на широкий простор – не получилось. Харьковская операция оказалась «трамплином» для Курского сражения, в котором немецкая наступательная доктрина окончательно захлебнулась. Генерал-майор Ф.В. Меллентин, на тот момент начальник штаба 48-го танкового корпуса, свидетельствовал: «В результате Харьковской операции создались условия, в которых мы могли больше потерять, чем приобрести»⁷. Э. Э. Манштейн, скупой на признания своих неудач, тем не менее, тоже был вынужден признать, что результаты харьковских боев «сохранили за противником определенные оперативные преимущества и значительно уменьшили их за германским командованием»⁸.

¹ Ершов А.Г. Указ. соч. С. 278.

² Рипли Т. Указ. соч. С. 165; Ковтун. И. Указ. соч. С. 153; Акунов В. Дивизия СС «Дас Рейх»... С. 298; Он же. Дивизия СС «Викинг»... С. 293–294; Он же. Танковый корпус «Великая Германия»... С. 225.

³ Фрей В. Указ. соч. С. 30.

⁴ Гудериан Г. Воспоминания немецкого солдата. 1939–1945 гг. М., 2005. С. 312.

⁵ Ершов А.Г. Указ. соч. С. 285.

⁶ Манштейн Э. Указ. соч. С. 352.

⁷ Меллентин Ф.В. Танковые сражения. 1939–1945 гг. М., 2005. С. 251.

⁸ Манштейн Э. Указ. соч. С. 357.

Именно поэтому странным выглядят утверждения многих авторов о «гениальности» и «безупречности» немецкой военной доктрины¹. Операция «Скачок» была задумана неплохо, но проведена она была неудачно. Своевременное отступление Воронежского и Юго-Западного фронтов за Северский Донец означало бы провал «оперативного плана Манштейна». От намерения штурмовать советские позиции за рекой он бы непременно отказался. Сохранение основных сил фронтов позволило бы остановить немецкое наступление на Белгородском направлении сильным контрударом во фланг или переброской туда достаточного количества войск для организации прочной обороны. Однако советское командование переоценило собственные возможности. Главной задачей для советских войск являлось окружение основных сил группы армий «Юг». Но при этом Ставка требовала еще и взятия Харькова и развития наступления на Полтаву, Запорожье и Днепропетровск. Таким образом, советское командование допустило распыление своих сил, что сводило на нет численное преимущество над противником, позволяло ему маневрировать, концентрировать ударные группировки то на одном, то на другом участке фронта и громить наши наступающие войска поодиночке. Избежать разгрома можно было, отказавшись от проведения параллельных наступательных операций. Между тем такая важнейшая задача, как отсечение всей массы немецких войск от переправ через Днепр, перехват их коммуникаций, не могла быть решена ослабленными в предыдущих боях танковыми корпусами, к тому же наступавшими по расходящимся направлениям, без связи, координации и взаимодействия друг с другом. Победа сама напрашивалась к гитлеровцам.

Их наступление облегчалось следующим немаловажным обстоятельством. Танковые дивизии, и в первую очередь, дивизии эсэсовского корпуса, только что прошли переформирование, перевооружение. Поэтому они были полностью укомплектованы личным составом и техникой. По своим боевым возможностям (численности бронетехники, артиллерии и мотопехоты) советские танковые корпуса значительно уступали немецким танковым дивизиям, особенно сильно на втором году войны. В сентябре 1943 г. генерал-полковник Г. Гудериан свидетельствовал: «Если вообще фронт был до сих пор удержан, то это исключительно заслуга танковых дивизий. Всеми признано, что танковые войска, несмотря на их слабости, и сегодня еще являются костяком всей обороны. Пехота больше не может им быть»². Эти слова убедительно точно описывают положение немцев в Харьковском сражении. В ходе всей операции обе стороны интенсивно маневрировали, но именно высокая концентрация танковых и моторизованных соединений обеспечила немцам успех в проведении как оборонительных, так и наступательных действиях. Применение танковых и моторизованных дивизий потребовало, конечно, немалого мастерства (особого внимания заслуживает использование второго танкового корпуса СС), но в целом оно отнюдь не является чем-то гениальным или из ряда вон выходящим. Наступление советских войск, начавшееся со сталинградских предместий, рано или поздно должно было закончиться.

Потери в наступлении не покрывались прибывающим пополнением, восстановленной или вновь произведенной техникой. Согласно мемуарам советских генералов, численность их стрелковой дивизии составляла в среднем не больше 3000 человек, т.е. 30% от штатной численности. За четыре недели жесточайших боев потери войск 3-й танковой армии (П.С. Рыбалко), 40-й (К.С. Моска-

¹ Маккарти П., Сайрон М. Указ. соч. С. 215; Митчелл С. Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. М., 2008. С. 356; Бакстер И. Секретные архивы СС. Западный и Восточный фронт. 1939–1945 гг. М., 2005. С. 23, Васильченко А.В. Танковый ас № 1. Михаэль Витман. М., 2009. С. 67, 245; Lang J. Die SS. Mit Hitler an die Machete und in den Untergang. Ein deutsches Lesebuch. Hamburg, 1989. S. 456; Deighton L. Blood, Tears and Folly: An look at World War II. London, 1993. P. 457; Forty G. German Tanks of World War II. L., 1993. P. 358–363.

² Гудериан Г. Указ. соч. С. 316.

ленко) и 69-й (М.И. Казаков) по еще неполным данным составили 65 378 убитых и раненых (это 20% от первоначального состава в 345 900 человек. – *Авторы*). Санитарные потери достигли 41 250 солдат и офицеров. Общие потери – 86 469 человек, среднесуточные – 3930¹. Ширина боевых действий между тем составляла более 300–340 км. В таких условиях неизбежно должен был наступить момент, когда ослабленные дивизии замедляли свое движение.

Момент, когда следовало решительно остановиться, выбрать было не просто. Но именно мудрость командующих заключается в соотнесении действительных возможностей своих войск с возможностями неприятеля. Поэтому можно только пожалеть о том, что недооценка противника привела к драматичному отступлению, результаты которого, с точки зрения стратегии и психологии, были полностью преодолены лишь в летнюю кампанию. После окончания Харьковской оборонительной операции место наступательного порыва заняло пассивное ожидание действий противника. Поначалу для этого были объективные предпосылки: советские части были сильно утомлены, они понесли большие потери в результате гитлеровских контрударов в феврале и марте. Однако к маю, когда войска уже отдохнули и подтянули резервы, по-прежнему продолжал сказываться психологический фактор. Вспоминая горький опыт зимних боев, советское командование не решалось перейти в наступление, выжидая начала немецких атакующих действий. До самого последнего дня перед началом операции «Цитадель» командующий Воронежским фронтом Н.Ф. Ватутин, настаивал на том, чтобы не тратить драгоценные дни на ожидание наступления противника и начинать собственное. Но Генеральный штаб, помнивший его неудачи несколькими месяцами ранее, отклонил это предложение. Тем не менее, нельзя не признать, что, несмотря на очевидное поражение под Харьковом, советская сторона не столько потеряла, сколько выиграла. Вслед за Сталинградом Харьков явился маленьким, но немаловажным кирпичиком в основание будущей великой победы. Бои за Сталинград и Харьков показали, что русский солдат уже далеко не такой, какой он был за две предыдущие кампании. На городских руинах немецкие grenадеры встретились с бойцами, которые погибали, но не отступали без приказа. Харьковский эпизод войны, это не только пример мужества и героизма, это символ нравственного превосходства, душевного подъема и порыва, который сыграл такую большую роль в разгроме фашизма.

¹ *Исаев И.А.* Указ. соч. С. 193.

КРУПНОКАЛИБЕРНАЯ АРТИЛЛЕРИЯ ГЕРМАНИИ И РУМЫНИИ В ОСАДЕ СЕВАСТОПОЛЯ И ОДЕССЫ

Первый, двухлетний, этап Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. характеризуется упорными оборонительными боями, которые вела Красная армия, опираясь на большие города – стратегические центры СССР, превращенные в мощные твердыни на пути вермахта и армий гитлеровских сателлитов. Для их сокрушения фашистскому руководству пришлось сосредоточить все ресурсы военной машины, применять все виды вооружения и боевой техники – не только новейшие, прошедшие проверку уже в горниле новой мировой бойни, но и классические, получившие развитие в военных конфликтах нескольких столетий. К последним относится и осадная артиллерия.

В Германии с приходом к власти нацистов многие артсистемы сохранились со времён Первой мировой войны 1914–1918 гг. Типичным примером может послужить немецкая гаубица калибра 280-мм производства заводов фирмы «Крупп». Орудие разрабатывалось для поражения бронепалубы вражеских кораблей и использовалось в рядах береговой артиллерии под наименованием «Kuesten Haubitze».

Ночью 23 марта 1917 г. Париж разбудили разрывы ранее неизвестных снарядов. Сирены противовоздушной обороны столицы Франции молчали. Замысел подвергнуть Париж артобстрелу возник в штабе германской армии весной 1916 г. по инициативе генерала Людендорфа. Технические расчёты показали, что сверхорудию понадобится ствол длиной 34 м. Отлить его оказалось невозможно, потому ствол решили выполнить из составных частей. Он весил 138 т и прогибался под собственной тяжестью. После каждого выстрела колебания продолжались в течение 2–3 минут. Перед началом боевых стрельб орудие обладало калибром в 210 мм, но, из-за тонких стенок корпуса калибр увеличился до 214 мм, потому новые снаряды приходилось отливать с большим диаметром¹. Первый снаряд пушек «Колоссаль» разорвался на площади Республики. Всего по Парижу немцы выпустили 267 снарядов, треть которых упала на городские окраины. В результате обстрелов погибло 256 французов, ещё 620 человек получили различные ранения, но это не вызвало паники, на которую так надеялись германские генералы. В июле-августе 1918 г. союзники перешли в наступление, поставившее Германию на грань поражения в Первой мировой войне. Далее поползли слухи и домыслы о таинственной германской пушке под названием «Большая Берта», которая, якобы, стреляла по Парижу. Действительно, в армии Германии существовали 420-мм мортиры под таким названием. Их использовали в осаде бельгийской крепости Льеж, и они не имеют отношения к обстрелу столицы Франции². Уже после подписания договора о перемирии немцы быстро демонтировали орудия «Колоссаль» и спрятали детали пушек вместе с их технической документацией.

Пиком гигантомании германской артиллерии периода Второй мировой войны стало создание однотипных сверхорудий «Дора» и «Тяжёлый Густав», предназначенных для разрушения долговременных укреплений неприятеля на основе опыта войны 1914–1918 гг. и являвшихся преемниками трёх германских 210-мм сверхдальнобойных орудий «Колоссаль», известных как «Парижские пушки».

Работы проводились с 1936 по 1942 годы, в результате чего была собрана первая система прорыва «Дора», которую немцы хотели применить для

¹ Стрелковое оружие Великой Отечественной войны // Историческая серия «Техники Молодежи». 1973. № 8. С. 8.

² Там же.

взламывания оборонительных укреплений «Линия Мажино», но в результате быстрой капитуляции Франции орудие так и не использовали в деле. Бетонобойный снаряд «Доры», по техническим расчётам, мог пробить бронеплиту толщиной более одного метра, или железобетонное перекрытие в 8 метров¹.

Были созданы также mortarы, входившие в состав четырёх батарей по четыре артсистемы в каждой. В январе 1940 г. вермахт также располагал двумя дивизионами, в каждом из которых находились две орудийные батареи из подобных артсистем.

В 1941 г. вермахт сформировал ещё один дивизион сверхтяжёлой осадной артиллерии из двух батарей 305-мм mortar и одной батареи 256-мм орудий. В 1935 г. фирма «Крупп» разработала 356-мм тяжёлую mortarу «M1», выпустив с 1939 по 1944 годы восемь артсистем. Ещё большей установкой на тумбовом лафете была 420-мм mortarа «Гамма», спроектированная в условиях Первой мировой войны. В 1942 г. одна из таких mortar участвовала в германском наступлении на Севастополь в составе 459-й отдельной батареи тяжёлой артиллерии. Стрельба велась выстрелами отдельной зарядки с фугасными и бетонобойными снарядами общим весом более 1000 кг². Благодаря навесной траектории и большому весу взрывчатого вещества mortarные боеприпасы обладали исключительно сильным разрушительным эффектом. Большим недостатком mortar была их низкая маневренность. Артсистемы перевозились в разобранном виде по железной дороге на 10-12 платформах, а сборка пушек на новой позиции была очень трудоёмкой работой и занимала много времени.

В 1936 г. германская фирма «Рейнметалл-Борзик» получил заказ на проектирование mortar калибром от 600 до 800 мм. В 1938 г. руководитель спецпрограммы вооружений Германии генерал артиллерии Карл Беккер дал распоряжение начать производство 600-мм орудий для образования отдельных тяжёлых батарей вермахта, что дало им неофициальное наименование «Карл». Всего к 1940 г. было изготовлено шесть mortar, каждая из которых получила собственное имя: «Зиу», «Локи», «Ева», «Тор», «Один» и «Адам»³.

Известно, что в основе разработанного фашистским генштабом плана вторжения в Советский Союз, лежала доктрина стремительного наступления танковыми клиньями с охватом и уничтожением окруженного противника. На всех этапах осуществления «блицкрига» важная роль отводилась люфтваффе. Однако уже с первых недель войны возникла необходимость применения тяжёлой артиллерии. В июне 1941 г. одна из mortar типа «Карл» вела огонь по фортам Брестской крепости, остатки гарнизона которой мужественно противостояли многократно превосходящему противнику. При продвижении группы Германских армий «Север» к Ленинграду тяжёлая артиллерия с сентября 1941 г. методично обстреливала город. В осаде города на Неве применялись также 350-мм орудия чехословацкого производства «Шкода».

В то же время разворачивались драматические события на южном фланге германо-советского фронта, обусловившие применение здесь в полную силу германской осадной артиллерии.

В октябре 1941 г. германские дивизии смогли прорвать советскую оборону на Перекопе и, подойдя к Севастополю, попытались взять город-крепость с ходу. В это время на помощь севастопольскому гарнизону из 23 тысяч человек подошли эвакуированные из Одессы части Приморской армии под командованием генерал-майора И. Петрова, усилившие ряды обороняющихся. 17 декабря 1941 г. вермахт ринулся в новое наступление, бросив в сражение 100-тысячную

¹ Стрелковое оружие Великой Отечественной войны... С. 8.

² Военный дневник Второй Мировой войны 1939—1945 гг.: Энциклопедия. Смоленск, 1998. С. 146.

³ Артиллерия Германии 1939—1945 гг. СПб, 2003. С. 14.

группировку, прорвавшись к Севастополю со стороны Макензиевых гор¹. С началом проведения Керченско-Феодосийского десанта враг был вынужден остановить дальнейшее продвижение, чем в январе-марте 1942 г. смогли воспользоваться советские войска, нанеся контрудары и вернув под свой контроль утраченные позиции. Но после жестокого провала Керченского десанта фашисты смогли опять сосредоточить все имеющиеся силы для достижения основной цели – овладеть Севастополем.

По итогам боев 1941 г. германское командование пришло к выводу, что взломать советскую оборону можно только с помощью значительного перевеса в артиллерии и авиации. Противник осознавал, что Севастополь окружён мощными оборонительными рубежами в составе четырёх полос, подступы к которым прикрывались минными полями, огнём крупнокалиберных орудий береговых батарей и кораблей Черноморского Флота. К началу 1942 г. вермахт приготовился к новому штурму Севастополя по линии фронта в 35 км, сосредоточив 1300 орудий и миномётов, собранных в 208 батарей – по 6 батарей на 1 км. Германский план носил кодирование под названием «Лов осетра».

Мортиры «Тор» и «Один» были доставлены под Севастополь для выполнения задачи по уничтожению советских береговых батарей под номером 30 и 35, прикрывавших вход в бухту «Северная». Две самоходные 115-тонные мортиры прибыли в Крым в конце мая 1942 г., были выгружены в районе Симферополя и перевезены на спецплатформах под Бахчисарай. Дальше установки двигались уже своим ходом со скоростью 5 км/ч. Для глушения рокота мортирных двигателей их движение сопровождали бреюющие полёты немецких самолётов. Уникальной особенностью всех шести «Карлов» было наличие гусеничной ходовой части. Конструктивно мортиры представляли собой самоходные машины, в носовом отсеке которых находился 12-цилиндровый дизельный двигатель жидкостного охлаждения мощностью 750 л.с. Для устойчивости при стрельбе машины опускались всем днищем на грунт, для чего торсионная подвеска опорных катков связывалась со специальным механизмом. Перевод мортиры из походного в боевое положение производился за 10 минут. Боекомплект из восьми снарядов перевозили два транспортёра боеприпасов, сконструированные на базе германского среднего танка Panzer 4. Каждый из них оборудовался крановой стрелой для погрузки снарядов и зарядки мортиры.²

Сверхпушка «Дора» была самой большой и тяжёлой железнодорожной артустановкой во времена Второй мировой войны с боевой массой в 1350 тонн, калибром в 800 мм и техническим поражением цели на дистанции в 38 км (фугасный снаряд массой 4 800 кг). В феврале 1942 г. орудие передали в распоряжение командующего 11-й армией вермахта генерала Э. Манштейна, который в дальнейшем вынужден был признать, что «"Дора" была величайшим техническим творением, однако в военном отношении абсолютно бесполезным», хотя германские генералы докладывали о высокой степени эффективности огня этого монстра³. В течение 20 минут орудие производило один выстрел. Лафет находился на восьми пятиосных тележках. Для ведения стрельбы строились две железнодорожные колеи. К этому привлекались 1 000 человек, которые работали на протяжении четырёх недель. Командование вермахта планировало применить «Дору» при осаде Ленинграда, но реально использовали сверхорудие только для огня по оборонительным рубежам и городским кварталам Севастополя.

Место для позиции лично подбирал командующий соединением тяжёлых мортир генерал Цукерорт во время облёта на самолёте окрестностей Бахчисарая. «Дора» должна была иметь прикрытие, для чего в горе выполнили гигант-

¹ Великая Отечественная война. 1941–1945: Энциклопедия. М., 1985. С. 184.

² Артиллерия Германии 1939–1945 гг. С. 14.

³ Шунков В. Оружие вермахта. Минск, 1999. С. 33.

ский вырез. Положение ствола изменялось только по вертикали, для горизонтирования наводки орудие монтировалось на платформу, передвигающуюся по крутой дуге полотна железной дороги с четырьмя путями. Инженерную подготовку позиции осуществляли 1 500 рабочих и 1000 сапёров в течение одного месяца¹. На месте дислокации была построена целая сортировочная станция для приёма 106 вагонов из пяти составов с орудийным оборудованием. В целях дезинформации составы были доставлены под Керчь, где они простояли до 25 апреля 1942 г., после чего были перевезены под Бахчисарай. В 43-х вагонах прибыли обслуживающий персонал, кухня и средства маскировки. В следующих 16-ти вагонах привезли монтажный кран и вспомогательные приспособления. В 17-ти вагонах третьего состава доставили элементы самого орудия с орудийной мастерской. Четвёртый поезд из 20 вагонов привёз 400-тонный 32-метровый ствол с зарядным механизмом. В десяти вагонах пятого состава с поддержанием постоянной температуры в 15 градусов по Цельсию размещались снаряды с пороховыми зарядами. «Дору» охраняли и обслуживали 4370 солдат и офицеров. Орудие было собрано за 54 часа, и к началу лета 1942 г. приготовлено к ведению огня.

2 июня 1942 г. мортиры «Тор» и «Один» подошли к позиции 30-й береговой батареи на расстояние в 3,5 км и открыли огонь бетонобойными снарядами массой 2,5 тонны каждый. За пять дней они выпустили 18 снарядов, 7 и 9 июня – 50 снарядов. Именно огнём мортир, несмотря на низкую точность стрельбы, противнику удалось вывести из строя орудия ранее неприступной 30-й батареи.

Надо заметить, что 40 % выпущенных «Карлами» снарядов не разрывалось или раскалывалось на крупные осколки². Огромные снаряды попали в одну из башенных установок и железобетонные монолиты, временно выведя батарею из строя. Вокруг позиции было всё разрушено и сожжено, валялись осколки германских снарядов весом от 50 до 70 кг и один неразорвавшийся 600-мм боеприпас более чем двухметровой длины.

Утром 5 июня 1942 г. два дизельных локомотива выкатили «Дору» на боевую серповидную позицию и установили с точностью до сантиметра. Первый выпущенный из пушки снаряд весил 7088 кг. Для этого понадобились два пороховых заряда по 456 кг каждый и гильза массой в 920 кг. Подъёмник поднял ствол на отметку в 53 градуса. При выстреле команда obsługi пряталась в укрытие за несколько сот метров от сверхорудия, а сам выстрел вызывал эффект землетрясения. Грохот при сгорании за шесть миллисекунд более 900 кг пороха и выталкивания из ствола 7-тонного снаряда был просто чудовищной силы. В вагоне за 3 км до позиции орудия, по свидетельствам очевидцев, подпрыгивала и лопалась посуда, а каждый откат ствола вдавливал рельсовый путь на 5 м в грунт. «Дора» произвела по Севастополю 48 выстрелов, ведя огонь бронебойными снарядами, при пяти пристрелочных выстрелах фугасными боеприпасами, улетевшими на 35 км в море³. Для того чтобы громадный снаряд смог разрушить малопрочное сооружение было необходимо точно попасть в цель, чего, фактически не произошло. По немецким данным один из снарядов попал в советские склады на территории Сухарной балки, второй угодил в форт «Сталин», но эта информация носит ложный характер. Фортом «Сталин» принято считать позиции 365-й зенитной батареи 76-мм орудий, находившихся в обыкновенных земляных капонирах⁴. Для уничтожения такого оборонительного объекта можно было применить стандартную полевую артиллерию гаубичного калибра и не прибегать к помощи орудий устрашающей мощ-

¹ Там же.

² Артиллерия Германии 1939–1945 гг. С. 14.

³ Зеркало недели. 2004. № 26. С. 4.

⁴ Артиллерия. Смоленск, 2004. С. 77.

ности. Надежды немецкого командования с помощью тяжелой артиллерии подавить сопротивление защитников Севастополя не оправдались.

7 июня 1942 г. в 2 часа 55 минут, ещё затемно, загрохотали орудия Севастопольского гарнизона, упреждая начало немецкого наступления. Около двадцати минут снаряды и мины истребляли немецко-румынские войска, приготовившиеся к решающему штурму города. Затем грохот уже германских взрывов раскатился по крепости. Группы самолётов люфтваффе, по 50–120 бомбардировщиков, сменяя друг друга, принялись перепахивать передовую линию советских укреплений, сбросив за первый день сражения около 9000 бомб¹.

В воздух, насыщенный порохowymi газами, взлетали глыбы земли и камней, куски брёвен и железобетона – рушились доты и дзоты, наблюдательные и командные пункты. Невероятной силы огненный смерч обрушился на северную и северо-восточную часть Севастополя, куда генерал Э. Манштейн направил главный удар своих войск. Сокрушительный артобстрел и бомбардировки заставляли буквально вжиматься в глубокие траншеи и «лисы норы». От непрекращающегося грохота, заглушающего гул десятков самолётов, у людей лопались барабанные перепонки и кровеносные сосуды, кровь заливала глаза, текла из ушей.

За огневым валом в 5 часов утра в атаку пошло около ста танков, за ними, в полный рост, колоннами по 700–800 человек, шли автоматчики². Но изрядно потрепанная советская оборона ожила, встретив наступающих заградительным огнём. Из полуразрушенных блиндажей и дзотов, заваленных окопов и траншей по врагу били уцелевшие защитники Севастополя.

В донесениях вермахта сообщалось: «Атаки наталкиваются на планомерную, оборудованную, сильно минированную и с большевистским упорством защищаемую систему оборонительных рубежей. Непрерывный губительный огонь русской артиллерии ведётся по всей линии наших окопов. Уже первые дни боёв показывают, что под таким адским артогнём наступление вести далее невозможно»³.

Вражеская пехота залегла, но после очередного обстрела опять пошла в атаку нескончаемыми цепями, строча из автоматов и пулемётов.

Одновременно с главным ударом на Севере немецко-румынские войска повели атаки на Южном направлении. Жестокие бои разгорелись у деревни Камары, Верхний Чоргунь, в долине Кара-Коба, на исходных позициях к Балаклаве и Сапун-горе, к Федюхиным высотам и Сахарной головке. Кровавая битва бушевала по всему 34-километровому фронту. Против неуккомплектованных дивизий и бригад морской пехоты Приморской армии наступали хорошо вооружённые, полнокровные немецко-румынские горнострелковые части, атаковавшие советскую оборону девятнадцать часов подряд.

На рассвете 8 июня по врагу открыли огонь артиллеристы 18-го гвардейского и 134-го гаубичного артполков, береговые батареи Севастопольской военно-морской базы. В 10 часов утра противник повёл наступление по всей линии фронта. Германские моторизованные части наступали рассредоточенно, пытаясь обнаружить слабые места в советской обороне, прокладывая себе путь ударами танков и авиации.

12 июня Э. Манштейн перенёс удар на правый фланг обороны Севастополя. Дым и пыль от разрывов окутали Федюхины высоты, высоту с Итальянским кладбищем, деревню Камары, участок фронта, примыкающий к шоссе Ялта – Севастополь. Танки и пехота штурмовали передний край, ни на минуту не прекращалась стрельба из стрелкового оружия. Враг упорно шёл вперёд, не смотря на горы трупов своих солдат перед советскими окопами.

¹ Ларкина Л. Война. Трагедия и бессмертие. Днепропетровск, 2008. С. 347.

² Ларкина Л. Война. Трагедия и бессмертие. С. 347.

³ Военный дневник Второй Мировой войны 1939–1945 гг. С. 146

Ранним утром 17 июня противник повёл атаки в направлении Северной стороны, защитники которой гибли сотнями, но продолжали сопротивление. Личный состав 1-го батальона 241-го полка оказался заживо засыпан землёй и камнями. Спасательные работы начались под обстрелом, но спасти удалось только нескольких бойцов и командиров. Рядовой 90-го стрелкового полка И. Зелинский вспоминал: «Справа от меня в окопчике был человек. В него попал снаряд. На том месте образовалась воронка, человек бесследно исчез»¹.

Десятки танков и несколько полков пехоты противника пошли в наступление встык между 345-й и 95-й стрелковыми дивизиями, где на небольшом участке оборонялись остатки 172-й дивизии, сведённые в один батальон. Окопы и траншеи захлестнуло волнами огня и металла. Из дыма и пыли выползли вражеские танки с десантом, по которым открыли огонь артиллеристы 30-й береговой батареи. При прямом попадании крупнокалиберных снарядов бронетехника разлеталась на мелкие куски. Вскоре батарея оказалась в полном окружении, осталось 40 снарядов, выпущенных уже прямой наводкой по наседавшему противнику. Связь была прервана, но сквозь кольцо осады смог прорваться один из моряков. Теряя сознание, он сказал: «Передайте генералу Петрову... батарейцы умрут, но батарею не сдадут... Поняли? Не сдадут!»² Трое последующих суток батарейцы и небольшая группа красноармейцев 90-го стрелкового полка отбивали атаки, затем оставшиеся в живых отошли в массив самой батареи, взорвали орудия, дизели, силовую установку и приборы наведения. Подземные помещения остались без освещения, закончились патроны, продовольствие и вода. Через проломы в железобетоне и вентиляционные шахты немецкая пехота пустила отравляющие газы, обрабатывая подземные сооружения батареи из ранцевых огнеметов. Германские связисты подключились к подземной линии связи 30-й батареи и, гарантируя всему личному составу моряков жизнь, а раненым – медпомощь, предложили сдаться, на что получили отказ. Сражение внутри батарейных позиций продолжалось ещё целую неделю. Израненные и ослеплённые моряки без оружия бросались на вооружённых немецких солдат, а часть тяжелораненых, укрывшись в одном из отсеков подземных убежищ, задраили дверь и почти полностью погибли от отравляющих газов.

О событиях 18 июня 1942 г. повествуют воспоминания непосредственных участников обороны Севастополя. Рядовой 30-й отдельной роты химзащиты 95-й стрелковой дивизии Ю. Гордзей вспоминал: «На Северной стороне образовались целые поля мёртвых тел: убитые наши, убитые немцы. От сильной жары трупы, буквально, взрывались, разрывая одежду. Стоит трупный смрад, от которого тянет на рвоту. Мы укрывались за мёртвыми телами от обстрелов, из-за трупов ведём огонь»³. Защитник Северной стороны Севастополя, моряк 90-го полка И. Панасюк вспоминал: «Я видел всю наглость фрицев, когда они, уже не опасаясь, подвозили свою пехоту на грузовиках. Но что мы могли сделать, если имели на вооружении только винтовки, гранаты, один пулемёт и один ротный миномёт. И всё это ограничивалось боеприпасами. Немцы вытеснили нас из траншеи. Пулемёт замолк. Миномётные мины иссякли. Врукопашную немцы идти боялись, знали, что матросы дерутся до последнего. Ранило командира. Старшим остался командир отделения, но и его смертельно ранило»⁴.

Тяжелейшее положение, сложившееся в Севастополе, характеризует текст доклада командующего Севастопольским оборонительным районом вице-адмирала Ф. Октябрьского от 19 июня 1942 г.: «Героический севастопольский гарнизон продолжает истреблять врага, рвущегося в город. Семнадцать суток

¹ Ларкина Л. Указ. соч. С. 364.

² Там же.

³ Ларкина Л. Указ. соч. С. 364.

⁴ Там же.

отбивает яростные бомбово-артиллерийские, а затем с 7.06.42 года пехотно-танковые атаки. За это время мы также понесли потери, которые исчисляются в 22–23 тысячи человек. Враг потерял, самое малое, в 3–4 раза больше нашего. Несмотря на огромные потери, он, имея абсолютный перевес, господство в воздухе и в танках, продолжает атаки. Противник уничтожает наши подразделения в окопах бомбовыми ударами, а затем, прорываясь, – танками захватывает территорию... На северном участке сегодня, заняв Бартеньевку, Братское кладбище, гитлеровцы поставили под удар, вплоть до огня из миномётов, весь город и лишили нас возможности пользоваться Северной и Южной бухтами. Из всей обстановки видно, что на кромке Северной бухты остатки наших войск долго не продержатся. Они будут истреблены авиацией противника. Мы отходим на следующий рубеж борьбы – южное побережье Северной бухты, гора Суздальская – Сапун-гора – высота Карагач, где есть ещё наши войска. Продолжаем создавать глубину обороны. До постепенного перехода на эту линию будем удерживать занимаемую на сегодня позицию. Мы будем вынуждены отойти на новую линию, если немедленно не получим помощи...»¹

24 июня 1942 г. военный корреспондент П. Сажин, встретившись с командующим Приморской армией генерал-майором И. Петровым, записал в своём дневнике: «Генерал восхищён легендарной стойкостью защитников Константиновского равелина: на него прёт такая силища, его так обрабатывает тяжёлая артиллерия немцев, а самолёты, как говорят лётчики, “не слезают с неба”. Равелин то и дело окутывают тучи дыма и пыли, а оттуда доносятся рваные, тяжёлые звуки разрывов. Это рвутся тяжёлые снаряды германских орудий. Я спросил генерала, какая часть защищает Константиновский равелин. Генерал молча посмотрел на меня внимательным взглядом и потом, тряхнув головой, сказал, что там нет никакой части, а всего лишь горстка солдат, отбившихся от своих частей, и матросы из Охраны рейдов – минёры, водолазы, связисты, сигнальщики со своими командирами. После небольшой паузы генерал добавил: “Когда из равелина ушёл отряд моряков к Сухарной балке, там оставалось семьдесят человек”. Генерал ещё сказал, что штаб Севастопольского оборонительного района просил защитников равелина продержаться денёк-другой, а они держатся уже четверо суток. Слышите, – сказал генерал, – опять начался обстрел равелина. Там, кажется, нет живого места...»²

24 июня 1942 г. П. Сажин ещё раз записал в своём дневнике: «Севастополь горит. Горит уже третий день. Чёрный дым застилает высокое, поразительно голубое небо. Солнце печёт немилосердно. Ветер несёт запах гари, сухих трав и чуть сладковатый запах от мёртвых человеческих тел. Там, где падают снаряды и бомбы, пыль поднимается вверх на десятки метров и долго висит в воздухе. Непрерывные бомбардировки, выводящие из строя целые батальоны, непрерывные танковые атаки привели к потере 50 % основного состава войск. За отдельным маленьким катером в бухте охотятся по 15 бомбардировщиков»³.

Черноморский флот тоже нёс огромные потери. Днём 10 июня немецкая авиация потопила эсминец «Свободный» и санитарный транспорт «Абхазия». Кроме этого, каждый день получали повреждения корабли, поддерживающие огнём сухопутные части. С ликвидацией 30-й и 35-й береговых батарей огневая мощь Севастополя резко снизилась. Войска Приморской армии понесли очень большой урон, что видно по материалам сводки от 20 июня 1942 г.: «95-я стрелковая дивизия почти вся выбита, в полках осталось около 100 человек, а где и меньше того. Северные укрепления обороняет сводная рота сапёрного батальона береговой обороны базы... Оставшаяся у защитников Северной сто-

¹ Там же. С. 370.

² Ларкина Л. Указ. соч. С. 370.

³ Там же.

роны артиллерия 95-й дивизии и зенитные батареи противовоздушной обороны перенесены к Инженерной пристани и Михайловскому рavelину, но...нет ни одного снаряда и негде взять»¹. Положение обороняющихся становилось всё более критическим. Единственным отрядом пополнения севастопольского гарнизона стала 142-я стрелковая бригада из 1264 человек с небольшим числом боеприпасов. Подразделение доставил лидер эсминцев «Ташкент» под командованием капитана 3-го ранга В. Ерошенко. Это был последний рейс крупного надводного корабля в охваченный огнём Севастополь².

В последние дни июня 1942 г. обстановка в осаждённом городе ещё более ухудшилась. В это время командующий оборонительным районом вице-адмирал Ф. Октябрьский докладывал в Москву следующее: «Противник прорвался с Северной стороны на Корабельную, сражение приняло характер уличных боёв. Оставшиеся войска сильно измотаны, хотя большинство их продолжает героически сражаться. Немцы резко усилили натиск авиацией и танками. Учитывая снижение огневой мощи, надо считать, что в таком положении можно продержаться 2–3 дня»³. К этому надо добавить уничтожающий всё и вся огонь германских гаубиц, приступивших к обстрелу городских кварталов уже прямой наводкой.

30 июня 1942 г. вермахт ворвался в южную часть черноморской цитадели, а в 16 ч. 40 мин. Ставка Красной Армии, наконец, приняла решение войскам оставить город, отойти к полуострову Херсонес и подготовиться к эвакуации, которую так и не удалось толком осуществить на деле. Адмирал И. Исаков позже отметил: «Если бы эвакуация была продумана до деталей и проведена раньше, возможно удалось бы спасти больше людей»⁴.

В реальности отрезанные войска вели упорные бои до 4 июля, а по некоторым данным, до 10 июля 1942 г. Не было возможности даже окопаться, потому моряки и красноармейцы сооружали редуты из тел погибших товарищей, а немецкой пехоте, в условиях летней жары, пришлось осуществлять их штурм по лестницам в противогазных масках. Основная масса советских бойцов и командиров погибла или попала в плен на этом клочке крымской земли, из-за отсутствия должной эвакуации.

Советские потери трудно сосчитать. Германский вермахт под Севастополем, по сообщениям сводок Совинформбюро, потерял 300 тысяч человек, из них 150 тысяч – во время решающего штурма города⁵.

Военно-политические союзники нацистской Германии не обладали сверхмощной осадной артиллерией. Пытаясь захватить Одессу, дивизии 4-й армии Румынии располагали орудийным парком из 75-мм и 100-мм чехословацких и французских орудий фирмы «Шкода» и «Шнейдер», со способностью поражать цель на расстоянии 18 000 м. На вооружении румынских артиллеристов находились германские 105-мм гаубицы Fg 18, огонь которых имел небольшой эффект в обстрелах Одессы. Из-за этого неприятель не смог подавить сопротивление со стороны береговых и подвижных батарей 42-го и 44-го дивизионов Одесской военно-морской базы, за что заплатил ценой больших потерь.

Ярким примером действий румынской гаубичной артиллерии может служить рассказ уроженца села Карпово Раздельнянского района Одесской области Александра Мусиевича Солоида 1927 года рождения. После захвата села расчёты румынских пушек установили на окраине батарею 100-мм гаубиц и в отсутствие командира ринулись заниматься мародёрством. Вернувшись обратно, они сделали несколько выстрелов наугад и вновь умчались в село, привя-

¹ Там же.

² *Гармаш П.* Город-герой Севастополь. Очерк-путеводитель. Симферополь, 1972. С. 89–90.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ *Гармаш П.* Город-герой Севастополь. С. 89–90.

зав к пушечному катку «боевой трофей» – поросёнка. Со стороны Одессы в ответ прилетели крупнокалиберные советские снаряды, от разрывов которых пушки перевернулись, а вот привязанный поросёнок каким-то чудом уцелел¹.

В Восточном секторе обороны действовала 412-я береговая батарея под началом капитана Н. Зиновьева. Враг систематически вёл атаки в её направлении, желая захватить батарею, развернуть 203-мм орудия в сторону города и открыть осадный огонь. В результате батарейцы постоянно вступали в рукопашные схватки с наседавшим противником. В целях не дать захватить батарею, стационарные позиции были взорваны, а личный состав влился в ряды 1-го полка морской пехоты под командованием полковника Я. Осипова.

Огромную роль в обороне Одессы сыграли артиллеристы 411-й береговой батареи под началом капитана И. Никитенко. Основным вооружением были три 180-мм дальнобойные пушки корабельного класса. Первый боевой залп артиллеристы произвели ещё 5 августа 1941 г. по скоплению румынских войск вблизи Аккерманской крепости. На всём протяжении обороны батарея накрывала командные пункты, сосредоточение бронетехники врага, боролась с дальнобойными батареями атакующих. В ночь на 16 октября 1941 г. расчёты орудий 411-й батареи вместе с командиром последними покидали город, взорвав позиции и башенные установки.

В конце августа 1941 г. в Восточном секторе обороны части Приморской армии отошли почти на окраины города, что привело к общему осложнению и так непростой ситуации. В результате враг получил возможность обстреливать Одесский торговый порт и сам город. Сразу после отхода советских войск противник расположил в районе селения Чабанка дальнобойную батарею из четырёх 150-мм гаубиц французского производства. Уже с вечера 25 августа пушки повели откорректированный обстрел порта, а один из снарядов угодил в стоящее у портовой причальной стенки судно, доставившее боеприпасы. В ответ были предприняты попытки обнаружить и уничтожить батарею врага, но они не увенчались успехом. Румынские гаубицы прятались в складках местности и часто меняли место расположения². Не удалось уничтожить пушки и при помощи огня по квадратам со стороны кораблей и береговых подвижных батарей. Ликвидировать угрозу обстрела города удалось только вечером 22 сентября 1941 г., когда после высадки Григорьевского десанта моряки 3-го полка морской пехоты пробивались к Чабанке. В лощине разведчики обнаружили четырехорудийную дальнобойную батарею врага. Стволы гаубиц смотрели в сторону Одессы. Орудийные расчёты в панике бросили материальную часть, не успев даже повредить её. На стволах и щитах каждой артсистемы моряки мелом нанесли надписи: «Она стреляла по Одессе, больше стрелять не будет». На следующий день жители города с восторгом приветствовали морских пехотинцев и красноармейцев, которые провозили по улицам Одессы захваченные румынские гаубицы и установили их на всеобщее обозрение на Театральной площади перед фасадом оперного театра. В момент триумфа комбинированного удара под Одессой важным фактором которого стал десант в районе селения Григорьевка, были сделаны фотоснимки, отображающие захваченные вражеские орудия и их провоз по улицам нашего города. Эти фотографии можно увидеть в экспозиции Одесского историко-краеведческого музея под наименованием «Одесса и край в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» в разделе «Черноморский военно-морской флот в обороне Одессы».

Кроме упомянутой дальнобойной батареи, 2-й батальон под началом начальника штаба 3-го полка морской пехоты полковника П. Харичева захватил все батареи врага, обстреливавшие город и торговый порт с подходными фар-

¹ Личный архив автора.

² Одесса в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Одесса, 1947. С. 233.

ватерами. Таким образом, общее число трофейных орудий в комбинированном ударе достигло 47 единиц.

Кровопролитная и жестокая борьба за Севастополь, героическая оборона Одессы показали, что сверхмощная артиллерия осаждающей стороны может быть целиком нейтрализована активной обороной, важной составной частью которой являются упреждающий сосредоточенной артиллерией обстрел противника, огонь подвижных батарей и комбинированный удар по врагу. Если в сражении за Севастополь советское командование прозевало появление «Доры» и «Карлов», смогло противостоять им, используя имеющиеся средства, то в обороне Одессы была организована система контрбатарейной борьбы с вражескими орудиями, заставившая их замолчать.

Что касается германских сверхорудий, то они предназначались сугубо для осадных операций, а их малое применение можно объяснить мобильным характером ведения боевых действий, на острие которых находилась авиация, мотопехота и танки. В условиях обороны, в которые германская армия и её союзники попали в середине войны, огромные и неповоротливые мортиры осады уже не могли играть сколько-нибудь важную роль.

В 1944 г. один «Карл» обстреливал жилые кварталы восставшей Варшавы, чему есть подтверждение в кадрах германской еженедельной кинохроники. Две мортиры были захвачены советскими войсками в качестве трофея. Мортира «Зиу», стрелявшая по столице Польши, выставлена в качестве экспоната в разделе музея бронетанковой техники в подмосковной Кубинке (Россия).

История скрывает, как немцы вывезли «Дору» из Крыма. Понятно, что сверхпушка была демонтирована и перевезена в Германию с полной ликвидацией всех видов оборудования и боевой площадки. Уже в апреле 1945 г. в лесу около немецкого города Ауэрбах подразделения американской армии обнаружили в железнодорожном тупике полтора десятка платформ с огромными орудийными деталями. Рядом находился старый тоннель, в котором американцы нашли два пушечных ствола циклопических размеров. Опросив пленных немцев, американцы установили, что стволы являются остатками сверхорудий «Дора» и однотипной системы «Тяжёлый Густав». После этого союзники провели исследования с замером деталей, а потом отправили элементы пушек на переплавку¹.

Таким образом, германская спецпрограмма по проектированию и созданию орудий калибра 280, 305, 540, 600 и 800 мм оказалась пустой тратой времени, средств и сил.

¹ Шунков В. Указ. соч. С. 34.

ВКЛАД СОВЕТСКИХ НЕМЦЕВ В ПОБЕДУ НА ФРОНТЕ И В ТЫЛУ ПРОТИВНИКА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

С началом войны мобилизация в Красную Армию советских немцев, насчитывавших свыше 1,4 млн. чел.¹, проводилась осторожно: в очень ограниченном количестве и в строго индивидуальном порядке. Как правило, это были члены партии, которые направлялись на специальную политическую работу. Так, 21 августа 1941 г. по указанию Москвы бюро обкома ВКП(б) АССР немцев Поволжья отобрало и отправило в действующую армию 50 немцев – членов ВКП(б)². Тем не менее, на фронте находились немцы, призванные на военную службу перед войной. Их в начале 1941 г. насчитывалось свыше 33,5 тыс. человек³. Подавляющее большинство этих людей было призвано из Республики немцев Поволжья⁴.

В числе первых агрессора встретили защитники Брестской крепости командир полка майор А. Дулькайт, подполковник медицинской службы Э. Кролл, подполковник Г. Шмидт, старший лейтенант А. Вагенлейтнер, старшина В. Мейер, рядовые Н. Кюнг, Г. Киллинг, Э. Миллер, и др. Старшина В. Мейер во время боёв руководил обороной одного из отсеков казарм Брестской крепости. Когда вражеский самолет разбросал листовки с требованием капитуляции, Мейер собрал их целую пачку и нарисовал на каждой свиную морду, а внизу на немецком языке написал крупными буквами: «Не бывать фашистской свинье в нашем советском огороде». Вражеская очередь сразила его в момент, когда он пытался оказать помощь раненым сослуживцам. Мейер Вячеслав Эдуардович был посмертно награжден орденом Отечественной войны II степени⁵.

Известен совершённый 26 июня 1941 г. подвиг экипажа бомбардировщика, командиром которого был капитан Н. Гастелло, Посмертно Николаю Гастелло было присвоено звание Героя Советского Союза.

В тяжёлый период отступления советских войск летом и осенью 1941 г. орденами награждали редко, за особые заслуги. 10 августа 1941 г. в центральных газетах был обнародован принятый днём ранее Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении группы фронтовиков. Среди награжденных значились старший лейтенант А. Шварц и полковник Н. Гаген⁶.

Командир 2-го танкового батальона 35-го танкового полка 18-й танковой дивизии 7-го механизированного корпуса старший лейтенант Альфред Шварц, принимал непосредственное участие в боях, происходивших 6-10 июля в районе белорусских городов Лепеля и Сено. Там развернулось одно из крупнейших танковых сражений начального периода войны. Вот что говорится о его подвиге в представлении к ордену Красного Знамени, которым он был награждён: «...У старшего лейтенанта Шварца в батальоне была отличная организация боя, в результате чего противник от огня батальона понёс большие потери. Было уничтожено 8 танков противника и 4 противотанковых орудия. Благодаря отличной манёвренности батальона на поле боя и правильной системе огня про-

¹ История российских немцев в документах. М., 1993. С. 156.

² Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 4807. Л. 330.

³ Бугай Н.Ф. 40-е годы: «Автономию немцев Поволжья ликвидировать» // История СССР. 1991. № 2. С. 174.

⁴ Решением Комитета обороны СССР в 1939 г. немцы, проживавшие за пределами АССР НП, как «неблагонадежный элемент» подвергались ограниченному призыву в армию, главным образом в стрелковые подразделения внутренних округов. См.: Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 4. Оп. 14. Д. 2310. Л. 8.

⁵ Князюк В. Брестская крепость: историко-героическая повесть о защите и освобождении крепости в 1941-1944 гг. М., 1988. С. 108–109.

⁶ Правда. 1941. 10 августа.

тивник был введён в заблуждение и его передовой отряд был полностью уничтожен»¹.

Награждённый орденом Ленина полковник Н. Гаген до войны несколько лет командовал дивизией, дислоцировавшейся в Республике немцев Поволжья. Штаб этой дивизии располагался в г. Энгельсе. Части 153-й стрелковой дивизии, которой на фронте командовал Н. Гаген, в начале июля около недели сдерживали натиск фашистов на подступах к г. Витебску, ежедневно отбивая по 5–6 атак танков и пехоты. После того как гитлеровцы прорвали оборону на соседнем участке, воины полковника Н. Гагена 18 суток сражались в окружении, пока не соединились со своими войсками. Позднее 153-я стрелковая дивизия в числе первых соединений Красной Армии была преобразована в 3-ю гвардейскую дивизию. Вместе с полковником Н. Гагеном в боях, которые вела дивизия, отличились красноармейцы К. Целлер, Д. Кобер, Б. Бауэр, Г. Финк, А. Беккер и другие советские немцы. За годы войны Н. Гаген дослужился до должности командующего армией. Войска под его командованием участвовали в Сталинградской и Курской битвах, боях на Левобережной и Правобережной Украине, в освобождении Болгарии, в Яско-Кишинёвской, Белградской, Будапештской, Балатонской и Венской операциях².

В августе 1941 г. под Рогачёвом героически погиб командир окруженной врагом разведгруппы лейтенант Э. Эрдман. Оставшись единственным живым в подвергшейся обстрелу группе, он имитировал сдачу в плен: выйдя к немцам с белой тряпкой на палке, громко крикнул по-немецки: «Не стреляйте, я немец!». Когда его окружили германские солдаты, он взорвал гранатой себя вместе с ними³.

Осенью 1941 г. за мужество и героизм, проявленные в борьбе с агрессором орденом «Красная Звезда» были награждены летчик А. Миллер, военврач 3-го ранга П. Гезунтерман, разведчик П. Хольц, рядовые П. Шмидт, С. Шваленберг, Я. Диль и др.⁴.

На Севере, в Карелии, один из участков Кировской железной дороги защищала 88-я стрелковая дивизия, в которой воевали 547 красноармейцев-немцев. 14 сентября 1941 г. командир дивизии доложил начальнику Генерального штаба, что за всё время боёв «сдавшихся в плен врагу командиров, политработников, младшего и рядового состава в частях дивизии нет». К началу ноября дивизия в тяжёлых боях частично уничтожила противостоявшего противника, а оставшиеся его части отбросила юго-западной и западной от основного направления наступления германских и финских войск. В этих боях отличились и полки, в которых служили советские немцы. 20 ноября 1941 г. за проявленный личным составом героизм и стойкость 88-я стрелковая дивизия также была преобразована в гвардейскую⁵.

24 августа газета «Комсомольская правда» под заголовком «Мы отомстим за тебя, товарищ!» рассказала о подвиге красноармейца Генриха Гофмана, призванного в армию из села Шендорф Краснокутского кантона АССР немцев Поволжья. Как писала газета, этот двадцатилетний юноша, попав в плен, выдержал ужасающие пытки, но не изменил военной присяге. Газета поместила большой фотоснимок обгоревшего с пятнами крови комсомольского билета

¹ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО). Ф. ГУК. Оп. 11. Д. 682523. Л. 386.

² Военная энциклопедия. Т. 2. М., 1994. С. 337–338; *Кадем М.Ф.* В то суровое лето... // *Neues Leben*. 1989. 22 февраля. С. 5.

³ *Bersch A.* Leutnant Eduard Erdmann // *Neues Leben*. 1988. № 8. С. 7.

⁴ ЦАМО. Ф. 10-й гв. сд. Оп. 1. Д. 168. Л. 5; *Вайсберг Б.* Кого ругал партизан Афанасьев? // *Немецкая газета (Алма-Ата)*. 1991. 5 мая. С. 3.

⁵ ЦАМО. Ф. 23-й гв. сд. Оп. 1. Д. 228. Л. 193–200.

Генриха. Фашисты приколоты его штыком к груди воина, расчленённого на куски¹.

28 августа та же «Комсомолка» опубликовала очерк известного писателя Цезаря Солодаря «Разговор с красноармейцем Генрихом Нейманом». Вместе со статьёй был помещён и портрет воина. Страна узнала об отважном и умелом зенитчике, сбившем 4 бомбардировщика «Юнкерс»².

По иронии судьбы материал о Генрихе Неймане был напечатан именно в тот день, когда был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья». Их депортация в Сибирь и Казахстан была проведена в сентябре 1941 г.³ За поволжскими немцами до конца года последовало переселение на восток всех других советских немцев, проживавших в европейской части СССР. Депортация предопределила и массовое изъятие военнослужащих-немцев из Красной Армии.

Изъятие проходило в течение всей войны. Условно его можно разделить на три периода. Первый период продолжался с 30 июня по 7 сентября 1941. В это время немцев убрали с фронта на основании директивы № 002367 от 30 июня 1941 г. Директива предписывала изъять военнослужащих, «не внушающих доверия» (высказывавших пораженческие настроения, недовольство советской властью, желание сдать в плен). Директива не носила специальной антинемецкой направленности, однако многие командиры огульно зачисляли немцев в число неблагонадёжных и стремились от них избавиться «на всякий случай»⁴.

В июле 1941 г. в войска поступил приказ о снятии военнослужащих-немцев рядового состава с ответственных должностей. Немцев убрали с должностей пулемётчиков, автоматчиков, снайперов, радистов, наблюдателей, миномётчиков, первых номеров артиллерийских расчётов и др. Их ставили на второстепенные должности стрелков, номеров расчётов, повозчиков и т. п. Этот приказ к началу августа в целом был выполнен⁵.

Второй период – с 8 сентября и до конца 1941 г. Он характеризовался массовым изъятием немцев из армии. Основанием для этого стала директива Наркома обороны СССР № 35105с от 8 сентября 1941 г. В памяти немцев-фронтовиков эта директива осталась как «приказ Сталина». Директива предписывала изъять всех немцев из боевых частей и подразделений и направить их в строительные батальоны. Оставлять отдельных военнослужащих-немцев в боевых частях и подразделениях имел право только Народный комиссариат обороны и только на основании «мотивированного ходатайства» командиров⁶.

Изъятие военнослужащих-немцев происходило внезапно, без всяких объяснений. Естественно, что оно воспринималось ими как несправедливость. Моральную травму немцам-фронтовикам нанесла весть, что их родные и близкие депортированы в Сибирь и Казахстан⁷.

Чистка армейских рядов от военнослужащих немецкой национальности повлекла за собой определённые трудности в боевых частях. Так, командир 337-го отдельного артиллерийско-зенитного дивизиона докладывал своему начальству: «...В случае отправки сержанта Кайль дивизион остаётся без оружейного мастера по зенитной артиллерии». Подобных случаев было немало⁸.

¹ Комсомольская правда. 1941. 24 августа.

² Там же. 28 августа.

³ Подробнее об этом см.: Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918-1941. М., 2007. С. 417–460, 491–505.

⁴ ЦАМО. Ф. 23-й гв. сд. Оп. 2. Д. 41. Л. 38, 42–44, 48, 71–72, 83.

⁵ Там же. С. 62, 229–233.

⁶ Там же. Л. 152; Ф. 7-й армии. Оп. 5380. Д. 31. Л. 63.

⁷ См., например: Гергерт В.Э. Мечта и грешная земля: Документальное повествование. Пермь, 1994. С. 33; Вайсберг Б. Указ. соч.; Юнг П. Без права обжалования // Neues Leben. 1989. Januar 1.

⁸ ЦАМО. Ф. 23-й гв. сд. Оп. 2. Д. 42. Л. 66.

Несмотря на тщательно спланированную и проведённую акцию по изъятию военнопленных-немцев из боевых частей, некоторым из них всё же удалось остаться на фронте.

Ряд командиров воспользовался возможностью, предоставлявшейся «приказом Сталина» и возбудил через Военные Советы фронтов ходатайства об оставлении у себя отдельных военнопленных-немцев. Как правило, речь шла о кадровых офицерах, неоднократно доказывавших свою преданность Родине. Некоторых немцев-красноармейцев укрывали командиры, поскольку они были нужны им как отменные специалисты своего воинского дела. Небольшая часть немцев в момент изъятия находилась в госпиталях и после выздоровления вернулась в свои подразделения. Определённое число немцев продолжало поступать на фронт в порядке мобилизации, по халатности военкоматов. Некоторым военнопленным-немцам удавалось в момент проведения кампании по изъятию обмануть проверяющих, скрыть свою национальность и даже изменить фамилию. Этому способствовало довольно формальное в боевых условиях выполнение «приказа Сталина» (немцев выявляли, главным образом, путём опроса личного состава), а также из рук вон плохо поставленный учёт во фронтовых частях. Только в конце 1942 г. на всех фронтах был проведён учёт военнопленных нерусских национальностей.

К концу 1941 г. основная масса военнопленных-немцев была собрана в запасных полках дивизий и армий. Их отделили от остального личного состава, они находились под строгим контролем. Далее немцы-фронтовики были направлены в тыл, где из них начали формировать строительные батальоны. Они положили начало так называемой «Трудовой армии», через которую в годы войны прошло почти все взрослое немецкое население СССР¹.

Третий период изъятия немцев из РККА – с января 1942 по май 1945. Он оказался самым длительным и вялотекущим в сравнении с двумя первыми. Сказывался наступивший с осени 1942 г. перелом в военных действиях. Изъятие носило локальный характер и осуществлялось не как ранее командирами, а особыми отделами НКВД при воинских частях. Даже время от времени поступавшие в действующую армию директивы об очередной проверке наличия немцев в частях не могли изменить ситуацию кардинальным образом. Некоторое число военнопленных-немцев всё же оставалось на фронте до конца войны. Практически все они показывали пример воинской доблести и чести.

Осенью 1941 г. в обороне Москвы участвовали сержант С. Волибрус, красноармеец Д. Энедерг. Блокадный Ленинград защищали майор Н. Витте, капитан И. Шпиллер, лейтенант А. Кобмахер, мл. лейтенант Д. Шибельгут, сержант Г. Кельбекер, красноармейцы Ф. Гето, И. Алмаер, Г. Шпаер, Я. Гитлин. В Сталинградской битве участвовали рядовые Б. Штеттефельд, Н. Гиллер, С. Ваксман, Д. Штосберг, К. Рейсбих. В боях на Курской дуге, сражались гвардии сержант Г. Гельфер, рядовой М. Зусман, К. Грегор, А. Брук, С. Мер. 7 августа 1943 г. там же от полученных ран во время боя скончался офицер 9-го танкового корпуса полковник В. Бэм. В рядах Красной Армии освобождали Украину и Белоруссию старшина А. Мауль, рядовые М. Густимайер, В. Штенгель, Г. Бакман, В. Герман, А. Бромверт, Г. Гаух, А. Шмидт, Я. Клигер. В Прибалтике воевали старший сержант А. Людвиг, младший сержант А. Сальберг, рядовые А. Винтер, Г. Шнайдер, в Польше – старший сержант Б. Дейтер и гвардии рядовой И. Вокнер, в Восточной Пруссии – воины 1-й гвардейской стрелковой дивизии Н. Беллер и В. Клейнц. Под г. Бранденбургом в Германии погиб лейтенант Л. Беккер².

¹ Подробнее о «Трудовой армии» см.: *Герман А.А., Курочкин А.Н.* Немцы СССР в «Трудовой армии». М., 2000.

² Книга памяти Саратовской области. Т. 1. С. 35, 43, 63, 350, 362, 525; Т. 3. С. 233; Т. 4. С. 460; Т. 5. С. 147, 223; Т. 6. С. 548; Т. 7. С. 78, 104, 131; Т. 8. С. 32, 47, 360, 551; Т. 11. С. 28; Пароль – «Победа». Воспоминания участников битвы за Ленинград. Л., 1969. С. 83; *Свиридов*

Всю войну командовал 17-й артиллерийской дивизией генерал-майор С. Волкенштейн. Особо его дивизия отличилась в Берлинской операции при форсировании реки Нейсе и в боях на дрезденском направлении, за что ему было присвоено звание Героя Советского Союза¹. Такое же высокое звание получил полковник Н. Охман, командовавший 34-й механизированной бригадой 2-й танковой армии².

Ещё более высокое положение в годы войны занимал генерал-майор авиации, лётчик высшей квалификации А. Борман. Он являлся заместителем Командующего ПВО фронта, командующим воздушной армией, принимал участие в боях на Юго-Западном фронте, в Сталинградской битве, в битве за Кавказ, в Будапештской, Венской и Пражской операциях³.

Многие из советских немцев, для того чтобы попасть на фронт, различными путями, нелегально меняли свои фамилии на русские, украинские, азербайджанские и др. Попав на фронт, они храбро воевали, получая высокие правительственные награды. Так, например, получивший посмертно звание Героя Советского Союза за подвиг на Курской дуге лейтенант Владимир Кириллович Венцов, на самом деле оказался Вольдемаром Карловичем Венцелем⁴. Петер Левен стал Левиным, старший лейтенант Бойгель – Бойченко, подполковник Г. Рихтер – Смирновым и т. д. Некоторые из этих людей (например, Г. Рихтер) были «разоблачены» военной контрразведкой и, несмотря на заслуги и боевые награды, получив срок лишения свободы, отсидели его в лагерях⁵.

Лишь немногим немцам, прошедшим войну под чужой фамилией, удалось позднее безнаказанно восстановить свои настоящие фамилию, имя, отчество. Так, при поддержке маршала Г.К. Жукова были возвращены настоящие имя и фамилия Паулю Шмидту, взявшему имя и фамилию своего друга азербайджанца Али Ахметова⁶.

Главкомандующий Группой советских войск в Германии, генерал армии В.И. Чуйков в 1951 г. спас «разоблаченного» офицера Г. Николаева, оказавшегося Эрихом Грибом. Вот как передал Э. Грибу свой разговор с Главкомандующим его непосредственный командир. Чуйков спросил:

- Николаев, судя по должности и воинскому званию, служил честно и добросовестно. Это так?

- Да, так точно.

- Значит, оставьте его, пусть служит⁷.

Немало советских немцев, сражалось в партизанских отрядах и подпольных группах. Партизаном № 1 германские оккупанты называли Героя Советского Союза Александра Германа - командира партизанской бригады, действовавшей на территории Ленинградской и Калининской областей. В тех же краях разведчиком партизанского отряда был бывший летчик, капитан М. Ассельборн, вместе с ним воевал И. Фризен⁸.

В.П., Якутович В.П., Василенко В.Е. Битва за Ленинград. Л., 1963. С. 111. Гусев Б. Дороже золота. М., 1980. С. 21;

¹ Герои Советского Союза: краткий биографический словарь. Т. 1. М., 1987; За мужество и отвагу: Документальные очерки о Героях Советского Союза – уроженцах Полтавской области. Харьков, 1976. С. 83–84.

² Охман Николай Петрович: биография. URL: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=7311 (дата обращения 14.11.2009).

³ Советская военная энциклопедия. Т. 1. М., 1990. С. 477.

⁴ ЦАМО. Наградные листы Героев Советского Союза. Наградной лист В.К. Венцова.

⁵ О Смирнове-Рихтере Г.Э. подробнее см.: Рихтер А. Отец // Огонек. 1987. № 42. С 4–5.

⁶ Кичихин А.Н. Советские немцы: откуда, куда и почему? // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 32.

⁷ Интервью с Э. Грибом. Личный архив А. Германа.

⁸ Подробнее см.: Герман Александр Викторович // Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. М., 1988; Буров А.В. Твои герои, Ленинград. Л., 1970.

Осенью 1943 г. Красная Армия стремительно продвигалась к Днепру, чтобы с ходу форсировать его. Партизанский отряд, в составе которого воевал «окруженец» старший лейтенант Роберт Клейн, получил задачу не допустить подрыва моста, по которому должны были пройти советские танки. Переодевшись в форму германского полковника, Р. Клейн прибыл в расположение германского подразделения, готовившегося взорвать мост. Воспользовавшись неразберихой и суетой германских солдат, начавшейся в результате налёта советской авиации, Р. Клейн, как старший по воинскому званию, взял командование на себя и приказал германским солдатам сдаться в плен партизанам. Воины вермахта безропотно повиновались «полковнику». За эту операцию Р. Клейн был удостоен звания Героя Советского Союза¹.

Одну из подпольных групп осуществлявших диверсии в одесском порту, возглавлял Н. Гефт. Ему помогали В. Бурзи, А. Берндт и другие одесситы-немцы. Став командиром партизанского отряда «Авангард» Н. Гефт и бывший с ним В. Бурзи погибли в одном из тяжёлых боёв, прикрывая выход отряда из окрестности на территории Польши².

Известно о массовом пленении советских солдат в первые, неудачные для Красной армии месяцы войны. Не избежали этой участи и многие советские военнослужащие-немцы. Проведенный анализ более чем 360 фильтрационных дел военнопленных – немцев Поволжья, переданных из архива управления ФСБ по Саратовской области на хранение в Государственный архив новейшей истории Саратовской области, показывает, что только в девяти случаях сдача в плен была осуществлена намеренно, во всех остальных случаях это произошло по независящим от военнослужащих обстоятельствам. Кроме того, изучение дел показало, что несмотря на выделение этнических немцев в категорию привилегированных военнопленных, большинство советских немцев отказывалось от сотрудничества с германским режимом и предпочитало оставаться в лагерях военнопленных. Для этого многие скрывали свою национальность. Среди них были ст. сержант В. Краубнер, рядовые А. Беккер, Г. Гринкраут, К. Корн и др. Открыто отказались работать на нацистов, служить в германской армии, принять германское гражданство и за это были направлены в штрафные и концентрационные лагеря Г. Брум, В. Бауэр, И. Равшнайдер В. Герберг и многие другие.

Многие советские военнослужащие-немцы, оказавшись в германском плену, бежали из неволи и продолжали борьбу с врагом. Национальным героем Польши, известным под именем Кароль, стал советский офицер-танкист Карл Ерценбергер, раненым попавший в плен. Находясь в лагере на территории Польши, он бежал и вскоре стал командиром батальона в партизанском отряде, действовавшем в районе Пулавы, Краснистов и Янов. К. Ерценбергер погиб в бою у деревни Францишков. Вырвавшись из плена, в партизанских отрядах сражались И. Кеммер, М. Шиллинг, В. Фриц, Я. Лихт, А. Бекк, Г. Гутьяр и др. Военнопленный – рядовой 683-го стрелкового полка П. Гейер был этапирован фашистами вглубь Европы. Вместе со своими русскими товарищами он сбежал из плена и сражался с нацистами в рядах югославских партизан³.

Под видом военнопленных определенное количество советских немцев использовалось советскими разведорганами на территории противника в каче-

¹ Подробнее о Р. Клейне см., например: *Тюляков С.П.* Советский разведчик немецкой национальности // Независимое военное обозрение. URL: http://nvo.ng.ru/spforces/2006-08-04/7_razvedchik.html (дата обращения 14.11.2009).

² URL: <http://odesskiy.com/g/geft-nikolaj-arturovich.html>. (дата обращения 14.11.2004); <http://vodesse.by.ru/ge/geft.html>. (дата обращения 14.11.2009); http://admin.grivna.ks.ua/razvedchik_valerian_burzi.htm (дата обращения 14.11.2009).

³ ГАНИСО. Ф. Р-6210. Оп. 1. оф. 9344. Л. 5; оф. 9582. Л. 4; оф. 11092. Л. 4; оф. 12745. Л. 2; оф. 15435. Л. 2; оф. 18212. Л. 3; оф. 18246. Л. 1; оф. 18465. Л. 6; оф. 18552. Л. 3; оф. 18683. Л. 2, 3; оф. 18701. Л. 1; оф. 18713. Л. 2; оф. 27524. Л. 1; оф. 27909. Л. 3.

стве агентов. Хорошо зная немецкий язык и пользуясь лояльным к себе отношением, эти люди, чаще всего под видом переводчиков, внедрялись в штабы и разведорганы германской армии. Так, взятый в плен германский офицер Ф. Шустер на допросе рассказал, что в их 4-м пехотном корпусе был разоблачен советский агент Бек, немец-фольксдойч, уроженец Республики немцев Поволжья¹. Кроме агента Бека были еще агенты – Фатер, Вельд и многие другие, говорить о которых стало возможным только спустя много лет².

Таким образом, даже те немногие из советских немцев, которым довелось быть на фронте, с честью выполняли свой воинский долг по защите Родины, внесли достойный вклад в достижение Победы. И очевидно, что этот вклад мог быть значительно большим, если бы руководство страны не воспрепятствовало подавляющему большинству советских немцев защищать своё Отечество с оружием в руках.

¹ Там же. Оф. 23284. Л. 1.

² «Фатер» и «Вальд» на связь не вышли... // Красная звезда. 1996. 30 июня.

СЕЛЬСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ
И ЭВАКУИРОВАННОЕ НАСЕЛЕНИЕ В 1941–1945 гг.:
ХАРАКТЕР ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Массовое перемещение граждан Советского Союза на восток страны повлекло за собой неизбежную проблему контактов переселенцев с местным населением тыловых регионов. В условиях войны на первом месте для руководства СССР стояла задача быстрой мобилизации экономики страны. Много сил было брошено на пуск эвакуированного производства. В это время подчас на второй план уходили вопросы человеческих взаимоотношений, споров, конфликтов. Сложности взаимовосприятия «пришлых» и «местных» граждан друг другом, в силу известных особенностей советской историографии, после войны замалчивались. Между тем проблема вызывает большой интерес и заслуживает изучения. Значительная часть эвакуированного населения размещалась в сельской местности. В районах Саратовской области (без городов) по состоянию на 20 июля 1942 г. число переселенцев составляло 185 970 человек¹. Взаимоотношения с руководителями районов различного ранга (председателями сельсоветов, секретарями райкомов и т.д.) вызывают интерес и с точки зрения межкультурных коммуникаций, и колебаний уровня жизни деревенских жителей в зависимости от этих взаимоотношений.

Руководящие работники села многое сделали для эвакуированного населения. Именно они непосредственно проводили в жизнь разнообразные решения облсовета и обкома по размещению, снабжению, трудоустройству эвакуантов. Решая конкретные задачи в предельно сжатые сроки, сельская администрация постоянно находилась под давлением областного центра, всячески им подгоняемая, а часто и критикуемая. Директивные указания обкома партии на деле редко в полной мере воплощались с первого раза. Причиной тому – и тяжелейшие экономические трудности, и «человеческий фактор», и некоторая завышенность, а иногда и явная нереальность предъявляемых требований и многое другое. В деле помощи эвакуированному населению реальные заслуги условно можно поделить пополам между властью области и её районными структурами. Саратовский областной Совет и обком ВКП(б), с одной стороны, принимали необходимые решения, создавали условия для их реализации, снабжали районы области необходимыми товарами, а сельские чиновники, с другой стороны, на местах воплощали задуманное в жизнь.

На протяжении всей войны в большинстве районов Саратовской области было много сделано для снабжения эвакуированного населения. Обеспечивалась норма выдачи хлеба в 400 г, хотя многие районы были слабы в экономическом отношении, и для них это являлось весьма нелёгким делом². Не всегда облпотребсоюз, другие торгующие организации, обеспечивали свои районные подразделения достойным снабжением. На управленцев, таким образом, выпадала двойная нагрузка, приходилось искать свои пути решения проблемы. В тяжелейшие первые месяцы войны достойным образом встречали эвакуантов руководители многих районов области. Так, в Новоузенском и Питерском районах приезду эвакуированных было уделено особое внимание; разными способами своевременно было обеспечено расселение, организовано приличное питание. В Озинском и Дергачёвском районах были созданы «тройки» по

¹ Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 594. Оп. 1. Д. 2787. Л. 241.

² Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. Р-2374. Оп. 9. Д. 6. Л. 40; Оп. 10. Д. 3. Л. 180 об., 182–182 об.

размещению прибывших в составе председателя исполкома райсовета, начальника НКВД и одного из секретарей райкома ВКП(б). Эти «тройки» руководили распределением эвакуированных (в большинстве своём женщин с детьми) в колхозах района, обеспечивали питанием и жильём¹. Периодически районным властям из центра предоставлялись денежные средства для помощи особо нуждающимся переселенцам. Например, 18 декабря 1941 г. было выделено 130 000 тысяч рублей для 46 районов области, 20 марта 1943 г. 100 000 руб. для 23 районов. Были и более мелкие акции: 31 марта 1943 г. единовременная помощь эвакуированному населению была оказана в трёх районах области в размере 9000 руб². Руководство райисполкомов в подобных случаях должно было грамотно распределить продовольственные фонды, отчитываясь перед вышестоящим начальством по специальным документам.

На председателей исполкомов райсоветов и секретарей райкомов возлагались задачи учёта эвакуированных, нуждающихся в хлебе, одежде, медицинской помощи, а также изыскание способов ликвидации недостатков. Так было в феврале 1942 г., когда руководителям совхозов бывшей Республики Немцев Поволжья во взаимодействии с облпланом и облторготделом пришлось решать проблему снабжения одеждой около тысячи переселенцев³. Также в апреле 1944 г. было принято решение учесть всех эвакуантов, не обеспеченных хлебом, и выделять им ежедневно по 170 г. муки⁴. Районные Советы в этих случаях проводили конкретное доведение денег и хлеба до непосредственных потребителей.

Особая забота проявлялась о семьях военнослужащих. Обком ВКП(б) строго контролировал руководителей саратовского села в решении этого вопроса. Одежда, обувь, питание, медицинское обслуживание – все эти составляющие были в центре внимания. Если же сельская администрация не справлялась по объективным причинам, то на помощь приходили областные органы власти. Так, весной 1943 г. эвакуированным семьям военнослужащих были выданы через районные Советы фонды продовольственных товаров⁵. В мае – июне 1944 г. в некоторых районах области, заселённых большим количеством эвакуированных, прокатилась волна т.н. «септической ангины»⁶ – болезни вызываемой употреблением в пищу перезимовавшего зерна. И снова руководителям на местах пришлось решать эти, новые, проблемы⁷.

Материально-бытовое положение части эвакуированных во многом зависело от внимания районной администрации. Отсутствие такого внимания приводило к бытовой неустроенности, трудностям с питанием, одеждой и т.д. Уже в августе 1941 г. в Саратовский обком ВКП(б) стали поступать сведения «о нечутком и невнимательном отношении некоторых работников местных гражданских организаций к эвакуированным из прифронтовой полосы семьям». Отмечалось, что местные власти неохотно идут навстречу в удовлетворении различных нужд эвакуированных: снабжении продовольствием и топливом, оказании медицинской помощи, устройстве на работу⁸. Зимой 1942 г. при анализе экономического положения сельских районов области было отмечено, что в «некоторых районах (Ершовском, Питерском и др.) имеет место преступно-бюрократическое отношение к бытовым нуждам эвакуированных со стороны местных органов власти и руководителей колхозов». Результатом такой бытовой неустроенности часто являлись нетерпимые жилищные условия (особенно

¹ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2621. Л. 35, 141–145.

² ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 6. Д. 41. Л. 67–68; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 222. Л. 96–96об, 160.

³ Там же. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2678. Л. 263.

⁴ ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 234а. Л. 283.

⁵ Там же. Д. 216. Л. 50; Д. 222. Л. 160.

⁶ Современное название – алиментарно-токсическая алейкия.

⁷ ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 236. Л. 90–90 об., 106–106 об., 126–127.

⁸ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2584. Л. 45.

в условиях зимы), отсутствие продуктов питания, которые подчас добывались вымениванием их на белье и одежду у местных жителей¹. Отмечены факты восприятия эвакуированных граждан отдельными руководителями не как людей попавших в беду, а как сбежавших изменников родины. Отношение таких руководителей к эвакуированным носило резко негативный характер².

Массовая эвакуация резко ухудшила экономическое положение на местах. Материально-бытовое состояние жителей некоторых районов, и до войны бывшее не блестящим, стало всё более приобретать негативный характер. Необходимость заботиться об эвакуированных для ряда районных руководителей районов стала сущей головной болью. Порой эвакуированные долго не могли устроиться на работу, а ведь от этого напрямую зависело их материальное благополучие. В докладной записке заведующего областным отделом по хозяйству эвакуонаселения Матвеева отражены некоторые вопросы «неправильного, политически вредного» отношения к переселенцам из эвакуированных со стороны руководителей ряда хозяйств бывшей Немецкой республики. Председатель Приволжского районного Оргкомитета Смородин заявил: «...Эвакуированные будут мало полезны в колхозах». Председатель оргкомитета Безымянского района Ненахов даже кричал: «Эвакуированные будут только нахлебниками и работать в колхозах не будут». Матвеев замечает, что переселенцы активно включились в работу с первых дней прибытия, а «огульным охаиванием эти горе-руководители прикрывают свою слабую подготовленность <...> в деле руководства районом и неудовлетворительном весеннем севе»³. Думается, что Матвеев не совсем точен в своих выводах по ситуации в районе. Конечно, плохие руководители встречаются везде. В данном случае негативные высказывания чиновников могли быть вызваны действительным беспокойством за организацию трудового процесса в районах. Ведь в лице эвакуированных они хотели видеть, прежде всего, новую рабочую силу, что применительно к районам бывшей Немецкой республики являлось особенно актуальным. Между тем среди прибывших переселенцев было много горожан, и готовность их к сельской работе могла вызвать вполне обоснованные сомнения и вопросы у начальства.

Стереотипы восприятия порой имели более негативный эффект. В докладной записке по ситуации в Жерновском и Салтыковском районах в конце августа 1941 г. сказано о тяжёлом положении ряда жён военнослужащих. Руководство нескольких сёл этих районов намеревалось выселить такие семьи в другие сёла за «ненадобностью». В Березовке Жерновского района эвакуированные отказались выезжать из райцентра, тогда, по указанию председателя сельсовета было запрещено допускать их к работе, а торгующим организациям отпускать им продукты питания. На попытки группы женщин выяснить, в чем причина такого к ним отношения, заместитель председателя райсовета заявил: «Вы нам больше не нужны, вас всех разгоним за 25–40 километров в колхозы и очистим от вас районный центр, так как вас никто не звал. Топлива для вас нет, хлеба не дадим»⁴. В Салтыковском районе местное руководство ещё резче и определённое высказалось в адрес эвакуированных семей военнослужащих. Председатель местного Совета с. Салтыковки Захаров сказал: «Кто вы такие, мы не знаем, знаем только, что ваши мужья города сдают». А председатель потребительского общества заявил: «...Подумаешь, жёны командиров, знаем мы ваших мужей, стреляют их за предательство, а вы для нас чужие люди»⁵.

¹ Там же. Д. 2678. Л. 38.

² См.: ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 6. Д. 40. Л. 34–36. Председатель колхоза «Путь к социализму» Ершовского района на требования колхозников оказать помощь эвакуированной больной женщине ответил: «Нечего ими заниматься, они хорошо пожили, а теперь могут и пострадать».

³ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3036. Л. 1–11.

⁴ ГАСО. Ф. Р-2374. Оп. 9. Д. 5. Л. 141–142.

⁵ Там же. Л. 142.

В Вязовском районе у ряда семей начальствующего состава Красной Армии возникли трудности со снабжением. Руководство района ничего не предпринимало для изменения ситуации. На жалобу жены майора Пеняева секретарь райкома ВКП(б) Глухов произнёс показательную фразу: «Как вам не стыдно просить хлеба, ведь вы получаете тысячами деньги»¹. Здесь речь идёт о выдаваемых пособиях семьям военнослужащих начальствующего состава РККА. На местах выполнение соответствующего Указа Президиума Верховного Совета СССР столкнулось с большими трудностями. Получение «денег тысячами» по ряду причин затруднялось. Не случайно исполком облсовета, отмечая неудовлетворительную работу исполкомов райсоветов, только в 1941 г. принял несколько однотипных решений (26 июня, 22 июля, 26 сентября, 16 декабря) по адекватному воплощению в жизнь данного Указа².

Как видим, в отношении к эвакуантам действовали предрассудки и заблуждения. В глазах некоторых руководителей эти люди выглядели привилегированной кастой, без достаточных на то оснований. Такие действия руководство области квалифицировало как «преступно-бюрократические», поэтому долго с разбирательством не тянули, всё и так было ясно. Многие председатели Советов и секретари партийных организаций поплатились своими должностями.

Необходимо отметить, что ещё 25 ноября 1941 г. ЦК ВКП(б) направил многим партийным организациям специальную телеграмму, где говорилось «о неправильном отношении к эвакуируемым из прифронтовых районов рабочим, служащим и колхозникам, как в пути следования, так и по прибытии к месту назначения со стороны местных органов и железнодорожной администрации». Такая телеграмма есть и в материалах Саратовского обкома ВКП(б). Не называя конкретных регионов, сообщалось о трудностях в питании, медицинском обслуживании и т.п. Указывалось на необходимость устранения явно недоброжелательного отношения местных руководителей к переселенцам³.

Советские авторы, знакомые с этим документом, очень осторожно писали об отдельных моментах «непартийного» отношения некоторых партийных руководителей к переселенцам⁴. Вместе с тем факты, приводимые ими в качестве иллюстрации этого источника, были крайне немногочисленны, не раскрывали подробностей происшествий, а самое главное, трактовались как бюрократическое отношение лишь отдельных работников, причём – ко всем слоям населения, без выделения какого-то особого отношения к мигрантам. Разницы между отношением к эвакуированным и отношением к другим группам жителей эти историки не делали. Как нам кажется, указанная телеграмма из ЦК была своеобразным сигналом о важности регулирования сложных процессов взаимного восприятия эвакуированного населения и местной власти.

В некоторых ситуациях непросто было разобраться и высшим областными чиновникам, тем более сложно судить об этом спустя столько лет. Отметим два случая в Широко-Карамышском районе. Четыре эвакуированных женщины в селе Большая Дмитровка хотели купить пшено и мясо, с такой просьбой они обратились к председателю колхоза. В это время у председателя находились представители райцентра. Как следует из записки этих женщин, секретарь местного райкома Андрианов стал расспрашивать их по поводу работы. Они объяснили, что не работают. Андрианов в грубой форме стал их в этом упрекать. Женщины мотивировали вынужденность невыхода на работу тяжёлыми мате-

¹ ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 183. Л. 53–55.

² ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 6. Д. 38. Л. 302–302 об.; Д. 39. Л. 36–36 об., 139–140; Д. 40. Л. 6–6 об.

³ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2331. Л. 57–61.

⁴ Митрофанова А.В. Рабочий класс Советского Союза в первый период Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.). М., 1960. С. 115–116; Лихоманов М.И., Позина Л.Т., Финогенов Е.И. Партийное руководство эвакуацией в первый период Великой Отечественной войны 1941–1942 гг. Л., 1985. С. 40.

риальными условиями (нет одежды и обуви), а также наличием малолетних детей. Не поверив в это, Андрианов с оскорблениями выгнал этих женщин¹. Со всем по-другому излагают события в своих объяснительных записках Андрианов и председатель сельсовета Тополов. По их версии это женщины сами вели себя крайне вызывающе, хамили, размахивали кулаками. Не работали они, так как «являются лодырями» и работать не хотят, хотя работу им предлагали, но она их не устроила². Непросто пришлось инструктору отдела кадров обкома ВКП (б) Полякову, в мае 1942 г., разбиравшего в числе многих и этот инцидент. Он пришел к выводу, что факт грубого обращения с эвакуированными имел место, и счёл нужным предупредить Андрианова о недопустимости плохого отношения к переселенцам.

В том же Широко-Карамышском районе долго разбирались с семьей офицера РККА Кудряшова. Из писем М.Д. Кудряшовой и её мужа в различные органы власти, в том числе в Москву, следовало, что в Александровке, куда они были эвакуированы, над ними «нечеловечески» издевается председатель колхоза. Кудряшов писал о каком-то кулацком заговоре против его семьи. Между тем из писем трудно понять, о каких издевательствах идёт речь. Всё тот же инструктор Поляков признал претензии Кудряшовых необоснованными, добавив, что жена Кудряшова и его дочь за 6 месяцев в колхозе не работали ни дня³. Параллельно этим делом занималась и саратовская прокуратура, однако председателя колхоза они преследовать не стали в связи с призывом последнего в армию⁴.

Разбирая случаи недовольства переселенцев районными властями можно говорить о некой условной схеме развития таких конфликтов. Обиженные граждане пишут жалобу прямо в ЦК ВКП(б) (видимо, не надеясь на помощь местного руководства), оттуда следует документ в Саратовский обком ВКП(б) с соответствующими указаниями. Далее обком делегирует представителей на места или просит разобраться местных чиновников с проблемой. Получив необходимый материал, из обкома сообщали в ЦК ВКП(б) о результатах разбора жалобы. Так было, например, в случаях с жалобами Ж.М. Пинской, А.Ф. Алымовой, А.И. Киселевой. Их претензии весьма сходны по характеру. Они просят о денежной помощи или об улучшении жилищных условий. Жалобы всех были признаны обоснованными и удовлетворены. В секретариат ЦК ВКП (б) следовали сообщения примерно такого содержания: «Сообщаем, что Красноярским райкомом ВКП(б) тов. Алымовой А.Ф. была оказана помощь в обеспечении продуктами питания» или: «...Сестре командира РККА т. Пинского М.М. выдана помощь в сумме 400 рублей»⁵. К слову сказать, областное руководство никак не наказало районные власти в этих и некоторых других случаях (это даже не рассматривалось), посчитав, что их вины нет, а имеют место обыкновенные объективные трудности военного времени.

Отмечено в документах и несколько случаев заведомо предвзятого отношения руководства на местах к переселенцам на почве национальной неприязни. Фактор антисемитизма не прошёл мимо Саратовской области. В литературе уже отмечалось, что прибытие большого количества еврейского населения из западных регионов СССР обострило национальный вопрос в тыловых рай-

¹ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2749. Л. 115–115 об.

² Там же. Л. 116–117, 119–120.

³ Там же. Л. 111–112, 114, 118.

⁴ ГАСО. Ф. Р-2374. Оп. 10. Д. 5. Л. 29–34.

⁵ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2756. Л. 4–13, 22, 102–103, 106–109, 115–117 об. В случае с семьей Пинского секретарь Саратовского обкома ВКП(б) Власов, отправляя записку в секретариат ЦК ВКП (б), указал сумму помощи в 400 рублей. Между тем в выписке из протокола заседания Ново-Бурасского РК ВКП (б), предоставленной Власову, говорится о помощи в размере 100 рублей. Со стороны обкома это может быть простой канцелярской ошибкой или желанием приукрасить действительность перед центром.

онах¹. Современный исследователь проблемы Г.В. Костырченко отмечает: «Так называемый бытовой антисемитизм <...> вновь ожил на фоне общей неустроенности, разрухи, других тягот и лишений, порождённых войной»². В Саратовской области по данным на 1 октября 1941 г. из учтённого эвакуированного населения в 67 039 человек (без Саратова и районов бывшей Немецкой республики), евреи составляли одну треть, почти столько же, сколько русские³. В Саратове из 24 028 человек взрослого населения, 5163 составляли евреи (на втором месте после русских – 12 685)⁴. Как видим, процент эвакуированного еврейского населения был весьма велик. Исходя из этого стоит признать, что национальные конфликты в своих масштабах были крайне незначительны, но ряд граждан писал о своём тяжёлом положении в связи с осознанным неприятием некоторыми руководителями их национальности. Р.И. Нарадецкая написала письмо лично Сталину о «шайке антисемитов» в Терновском районе, М. Гишинский о невозможности нормально работать в Саратовской области – Маленкову и т.д.⁵. В условиях военного времени наличие некоторых властных полномочий у человека неприязненно относящегося к евреям, когда те находились в прямой от него зависимости, могло приводить к трагическим инцидентам.

Мы не можем не остановиться на отдельных случаях откровенно преступного отношения к эвакуированным со стороны местных чиновников. 13 ноября 1941 г. в Розендамскую МТС Федоровского района прибыла эвакуированная семья Я.М. Гольберга, у которой не было необходимой одежды, обуви, продуктов питания, посуды и т.д. Директор МТС и председатель колхоза, зная об этом, ничего не сделали, чтобы помочь. Все члены семьи (муж, жена и двое взрослых детей) устроились на работу. Их поместили в сырое и грязное помещение, которое не отапливалось, стены его покрылись льдом и снегом. Ввиду таких тяжёлых жилищных условий, а также отсутствия одежды, все члены семьи заболели. Помощь, однако, со стороны руководства опять не была оказана. В результате Яков Гольберг и его жена Феня «умерли от истощения 20 ноября 1941 г. и 12 января 1942 г. соответственно»⁶. Директора МТС и председателя колхоза исключили из партии и привлекли к уголовной ответственности. Трагически сложилась судьба и эвакуированной работницы фабрики им. Р. Люксембург (Красноармейский район) Бокаревой. Руководство фабрики не оказало ей никакой помощи во время болезни. 29 января 1942 г. Бокарева умерла. У неё осталось трое детей. Вследствие бесчеловечного отношения дети «...голодные, в холодной неотапливаемой комнате 6 суток находились вместе с трупом матери»⁷. В Дергачевском районе в результате преступных действий председателя колхоза им. Калинина скончались двое детей (3 и 5 лет) члена ВКП(б) Бондаренко. Её квартира не отапливалась, дети простудились. Топлива и питания от начальства они не получали, хотя возможности у колхоза для этого имелись⁸. Бытовые условия эвакуантов порой поражают отсутствием маломальски человеческого участия. В Вольском районе в феврале 1942 г. отмечались ужасные условия жизни в ряде колхозов. Директор колхоза «Большевик» не обращал внимания на жалобы ряда жителей о своем положении. Видя такое отношение к эвакуированным со стороны руководства, несколько жителей этих

¹ См. подробнее: *Потемкина М.Н.* Эвакуация и национальные отношения в советском тылу в годы Великой Отечественной войны (на материалах Урала) // Отечественная история. 2002. № 3.

² *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М., 2003. С. 242.

³ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2331. Л. 24. Опубликовано в: Саратовская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Архивные документы. Саратов, 2005. С. 32.

⁴ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2331. Л. 27.

⁵ Там же. Д. 2756. Л. 172–175, 328–330.

⁶ Там же. Д. 2678. Л. 203; ГАСО. Ф. Р-2374. Оп. 10. Д. 4. Л. 6.

⁷ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2632. Л. 91.

⁸ Там же. Д. 2678. Л. 100–101.

колхозов также стали хуже относиться к переселенцам. Особенно это проявлялось в жилищном вопросе: распространилось повышение квартплаты, придирки, даже выселение¹.

Особенно возмутительный случай произошёл в селе Гримм Каменского района. Туда в январе 1942 г. приехала эвакуированная из Ржева семья Довнар (в составе 3 человек). Они приступили к работе в колхозе, но ввиду тяжёлых материально-бытовых условий все вскоре заболели. Как сказано в специальном донесении: «На всех троих у них была одна кровать без матраца и подушек, и все трое больных людей лежали на одной кровати, на голых досках. Они находились в беспомощном состоянии, не имея возможности подняться с постели в холодной нетопленной комнате, без пищи и воды». Обнаружившая их врач Поняковская сообщила председателю колхоза о необходимости оказания им помощи, но тот грубо ответил: «У меня для этой работы человека нет, дров у меня тоже нет, вы с этими больными что хотите делайте». В результате «...Довнар Елена умерла, труп её в течение 4-х дней находился небуранным на кровати среди других больных – мужа и сына». Злодеяния председателя колхоза на этом не закончились. Для похорон Елены Довнар на кладбище была использована почему-то могила, предназначенная для умершего 9-летнего мальчика. Гроб с телом Е. Довнар был поставлен вертикально, и половина гроба была выше могилы. На замечание одного колхозника, что в таком положении людей не хоронят и надо бы расширить и углубить могилу, чиновник цинично заявил, что «ждёт, когда умрёт её муж, чтобы их вместе похоронить». Гроб простоял на кладбище 15 дней и лишь после того, как умер Иван Довнар, людей похоронили по-человечески².

Документами подтверждается, что на протяжении всей войны в ряде районов области сохранялось напряженное, а часто перераставшее в конфликты, положение трагичного противостояния эвакуантов и местных руководителей. Показателен в этом отношении анализ жалоб семей и родственников военнослужащих, произведенный военной цензурой в 1944 г. Материалы, составленные Управлением НКГБ и переданные в саратовскую прокуратуру, отражают весь трагизм положения некоторых людей в деревнях области. М.К. Иомтова пишет мужу: «В колхозе нам на трудодни ничего не дают, <...> что дальше делать не знаю, придётся с детьми умереть с голоду...». В письме М.И. Малышевой супругу читаем: «Ты защищаешь Родину для всего народа, а над нами здесь местные руководители издеваются. Придешь в сельсовет с просьбой о помощи, а они не разговаривают». Р.Е. Лившиц сообщает: «Двое детей высохли и стали похожими на скелеты. Я уже все пороги обила в райисполкоме, умоляя о помощи, но никто не обращает внимания. <...>. Сейчас я питаюсь из помойных ящиков картофельной шелухой». Вообще, во многих письмах проскальзывает мысль о безвыходном положении, о скорой смерти³.

Эти возмутительные случаи нечеловечного отношения одних людей к другим показывают, насколько нелегко приходилось эвакуантам, насколько их бытовое положение, а часто и жизни зависели от людей, которые только волей случая оказались на ответственных и руководящих должностях. Также можно заметить оторванность переселенцев от остальных жителей, отсутствие нормальных контактов, а значит помощи в нужный момент. Часть беженцев так и осталась на чужой земле чужими людьми.

Следует признать, что имели место и случаи необоснованных претензий части эвакуированного населения к провинциальным властям. Так, в 1942 г. обкому ВКП(б) приходилось разбираться с указаниями из ЦК ВКП(б) о проверке тяжёлого материального положения эвакуированных семей. В подавляющем

¹ ГАСО. Ф. Р-2374. Оп. 10. Д. 3. Л. 81–82.

² Там же. Д. 4. Л. 28–29; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2632. Л. 68–69; Д. 2749. Л. 152–155.

³ ГАСО. Ф. Р-2374. Оп. 12. Д. 5. Л. 36–38, 199 об., 200 об. – 201, 202 об., 203 и др.

большинстве случаев всё начиналось с писем ряда женщин в секретариат ЦК или в редакцию газеты «Правда». В Федоровском районе в августе 1942 г. пять женщин написали жалобу в ЦК ВКП(б), где, рассказывая о трудностях с продуктами питания, попутно сваливали всю вину на председателя колхоза Фомичева, обвиняя его в некомпетентности. Секретарь Федоровского райкома Корогодин по заданию обкома подробно исследовал положение эвакуированных в районе. Он пришёл к выводу, что жалобы женщин на плохое снабжение, как минимум, преувеличены. Попутно обратил внимание на то, что многие из них без достаточных на то оснований не работают, и оправдал Фомичева как грамотного и исполнительного работника¹.

Схожая ситуация возникла в Широко-Карамышском районе в декабре 1942 г. Шесть женщин, жены военнослужащих, подали аналогичную жалобу. Письмо их пестрило фразами вроде «...приходится не жить, а существовать» и т.п. Секретарь Саратовского обкома ВКП(б) Комаров вынужден был писать объяснительную записку, где подробно указывалось, сколько и каких продуктов этим гражданкам было выдано. Претензии их были признаны необоснованными. Идентичные факты мы можем наблюдать в случаях с семьей Сацункевич в Ершовском районе, Ивановых в Куриловском и т.д.².

Более всего выделяется из такого рода случаев происшествие в селе Унтервальден (современное село Подлесное Марксовского района). Группа эвакуированных женщин, преимущественно жён работников НКВД (15 человек), отправила в областную прокуратуру и редакцию газеты «Правда» длинное письмо, где руководители района обвинялись буквально во всех смертных грехах. Во-первых, «...строят свое благополучие за счёт нас, эвакуированных». Во-вторых, снабжение продовольственными и промышленными товарами не происходит в принципе. В-третьих, нерадивые руководители – все сплошь расхитители социалистической собственности и т.д. Длинное тяжёлое разбирательство с привлечением многочисленных свидетелей и справок о снабжении района, показало, что в обеспечении эвакуированных продовольствием сбоев не было, были только не зависящие от районных руководителей случаи задержек фондов. На просьбы привести доказательства правонарушений со стороны чиновников опрошенные женщины толком ничего сказать не смогли (пользовались слухами и сплетнями). Некоторые прямо заявили, что погорячились, когда подписывали письмо. В таких случаях, скорее всего, имело место со стороны отдельных лиц, не понимавших и не желавших понимать трудностей военного времени, обвинение в своих проблемах других людей. В таких коллективных письмах инициатором выступал, как правило, один человек, а остальные подписывали их за «компанию», рассчитывая таким образом улучшить свое положение³.

Вызывала законную обиду эвакуированных граждан невыдача им заработанного на трудодни хлеба. Так, летом 1943 г. по целому ряду районов области (Фёдоровскому, Ново-Покровскому, Ершовскому, Марксовскому и др.) отмечены жалобы на районных руководителей⁴. Однако проблемы в снабжении хлебом в тот год были обусловлены засухой и действиями союзного руководства, урезавшего нормы снабжения эвакуантов в сельской местности. К тому же многие районы оказались попросту переполнены мигрантами. Разумеется, негативный настрой значительной части переселенцев обрушивался на местное руководство, которое оказывалось виноватым ещё и в глазах «центра»⁵.

¹ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2752. Л. 91–94.

² Там же. Л. 175, 186; Д. 2756. Л. 220–223, 227, 335–337; Д. 2757. Л. 50–56.

³ ГАСО. Ф. Р-2374. Оп. 10. Д. 3. Л. 135–170.

⁴ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3108. Л. 99–100.

⁵ Подробнее см.: *Зима В.Ф.* Менталитет народов России в войне 1941–1945 годов // Россия в XX веке. Война 1941–1945 годов. Современные подходы. М., 2005. С. 72. Характерна реакция эвакуированных женщин в коллективном письме в обком ВКП(б): «...Мужья у нас на

Взаимоотношения эвакуированного населения с провинциальным руководством складывались непросто. Нравственность при этом зачастую отходила на второй план. Переселенцы априори оказывались в подчинённом положении, поэтому их материально-бытовое благополучие часто зависело от их отношений с руководством. Руководителей нельзя поголовно обвинять в невыполнении возложенных на них обязанностей, предвзятом подходе к Переселенцам и т.п. Трудности социально-экономического характера были во многом объясняются объективными условиями военного времени. В отношении друг друга две социальные группы нередко руководствовались далёкими от идеальных стереотипами поведения, отсюда и проблемы разных масштабов – от сравнительно несерьёзных до драматичных.

фронте. Местные работники вздумали на наших желудках сэкономить хлеб. У нас последние крошки отобрали, так как мы беззащитные».

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Великая Отечественная война с немецко-фашистскими захватчиками явилась самым тяжелым испытанием для народов нашей Родины, героической страницей славной многовековой истории. Она нашла и продолжает находить яркое образное отражение в искусстве, в том числе в произведениях народного поэтического творчества. Особую разновидность народной поэзии представляют частушки.

В энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона дается такое определение частушки: это современный тип народной песни, состоящей из коротких строк и куплетов, содержание которых берется из текущей жизни¹. Следовательно, частушки представляют собой особую сферу духовной жизни и специфическую форму отражения действительности. Они служат источником познания художественных, философских, социальных и исторических традиций народа, несут отголоски его мировоззрения.

К изучению частушечного жанра периода Великой Отечественной войны прибегали многие исследователи². То, что сделано в этом направлении, позволяет говорить о широком тематическом разнообразии произведений народного поэтического творчества, высоком идейно-художественном достоинстве лучших его образцов. К сожалению, основная часть исследований относится к послевоенному периоду. С той поры работа по изучению народного фольклора была свернута, если не считать, отдельных публикаций Пушкарева Л.И., Кожина А.Н., Лепивахина Н.О. и Скворцова И.И.³ Данная ситуация обусловлена, на наш взгляд, тем, что в определенных ученых кругах сохраняется некоторый скепсис относительно эстетического потенциала частушек. Кроме того, проблема, например, политических частушек оказалась практически не исследованной. Отчасти это обусловлено и политическими причинами.

В рамках данной работы мы ставим целью систематизировать и проанализировать именно эту группу частушек – политических частушек. Считаем вполне обоснованным такое выделение, так как в них была показана особая сторона войны, которая, как правило, официально нигде не упоминалась. В них сатирически представлялись взаимоотношения людей, подвергалась критике советская власть, нередко объектом для критики становились руководители страны и т.д.

Источниковедческую базу данной работы составили материалы самых разнообразных фольклорных сборников, изданных у нас в стране, материалы из интернет-ресурсов. Исследование подготовлено в результате многолетнего поиска частушек военной поры в Саратовской области, в связи с этим заметное место заняли письменные тексты, собранные студентами вузов города Саратова.

Основная часть собранных песен, по мнению исследователя А.В. Кулагинной, это мужские окопные частушки. Кстати, именно А.В. Кулагина является ав-

¹ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Современная версия. М., 2003. С. 626.

² См.: Фронтной фольклор. М., 1944; Крупнянская В. Ю. Фольклор Великой Отечественной войны (задачи и методы собирания). М.; Л., 1949; Народное творчество в годы Великой Отечественной войны. Воронеж, 1951; Русский фольклор Великой Отечественной войны. М.; Л., 1964 и др.

³ Пушкарев Л.И. Письменная форма бытования фронтового фольклора // Этнографическое обозрение, 1995. № 4. С. 25–35; Кожин А.Н. С частушкой по фронту шагали // Русская речь, 2005. № 3. С. 46–51; Лепивахин Н.О., Скворцов И.И. Солдатский фольклор Великой Отечественной войны. URL: <http://www.razdory-museum.ru> и др.

тором второго названия политических частушек – потаенные частушки. Весьма интересен сравнительный анализ тем опубликованных частушек и тем потаенных частушек, проведенный исследователем¹. По мнению А.В. Кулагиной, необходимо выделить следующие темы опубликованных частушек: начало войны, проводы; «залеточка» на фронте; победа под Москвой, снятие блокады Ленинграда; обличение Германии, затеявшей войну, насмешки над фашистами; партизаны, оккупация, плен; письма с фронта; верность подруги; ранение, смерть солдата; трудовой фронт; тяготы войны, ожидание победы; конец войны, победа. Иное настроение тем потаенных частушек: подготовка к войне – у фашистов хорошая, у нас – плохая; измена жены в тылу; слабая военная подготовка солдат; отступление Советской армии; военно-техническая отсталость; социальная несправедливость; женщины на войне; судьба людей, побывавших в плену; противопоставление фронтовиков и тыловиков.

В результате исследователь приходит к выводу о том, что даже в тех случаях, когда тематика совпадала (а в большинстве случаев она не совпадала), в политических частушках она характеризуется отрицательным содержанием. Так, если в официально опубликованных частушках звучит тема женской верности, то в потаенных чаще – измена, помощь тыла фронту в одном случае и антагонизм фронтовиков и тыловиков – в другом и т. д.² Действительно, в подавляющем большинстве политических частушек преобладает сатирический пафос, зачастую с едким сарказмом. Если в опубликованных частушках чаще всего встречаются сопоставления противоположных понятий и образов, таких как – мы и фашисты, прославление Советской армии и обличение немецко-фашистской, то в политических частушках антитеза чаще строится на внутригосударственных отношениях, противоречиях. В частности, фронтовики - тыловики, окопники - штабисты, впоследствии: инвалиды - чиновники. Эти же отношения иллюстрировали песни с антитезой «воевали одни – а награды достались другим». Вот несколько таких примеров:

Война кончится – придем
С орденами на груди,
Но в тылу «героев» дутых
В каждом штабе – пруд пруди.

Коммунист я! В чем вопрос?
Расшибуся в доску!
Есть на фронт! Пиши в обоз,
В последнюю повозку!

В этих частушках затрагивались проблемы, связанные с нехваткой вооружения, обусловленные крупными недостатками и просчетами в военном управлении, ущербом, который был нанесен войной экономике. В развалинах лежали «Запорожсталь», «Азовсталь», Мариупольский металлургический завод им. С.М. Кирова, другие предприятия. Всего за военные годы были разрушены 31 850 промышленных предприятий³.

Нас немцы – танками,
Нас немцы – пушками,
А мы – матом их
Да с частушками.

Если враг напасть захочет,
На штыки напорется...
Потому что нет патронов,
Штаб не беспокоится.

Вместе с тем следует отметить, что такая тематика была характерна лишь для начала войны. По сведениям исследователей С.А. Тюшкевич и С.Н. Михалева в ту пору потери только самолетов составили – 1200 ед., танков –

¹ URL: <http://www.centrfolk.ru>

² Там же

³ Дмитренко В.П., Есаков В.П., Шестаков В.А. История Отечества. XX век. М., 1995. С.

несколько сот¹. Важно учесть, что фашистская Германия использовала промышленность и людские ресурсы практически всей континентальной Европы. Тем не менее, то, что было сделано впоследствии в СССР, до сих пор поражает масштабом и качеством. В короткие сроки советскому народу удалось преодолеть отставание и произвести за годы войны в 2,5 раза больше значительно лучшего вооружения, чем фашистам². Стоит лишь упомянуть танк Т-34, систему реактивного залпового огня «Катюша», кумулятивный снаряд и т. д.

Всё это отражалось в традиционных частушках. Особенностью же потаенных было то, что в них тема победы чаще ассоциировалась с большими потерями и представлялась далеко не в восторженных тонах:

Сколь фашисту не гордиться,
На колени упадет,
Но до этого, наверно,
Пол-России перебьет.

Прихожу с войны с котомкой,
Ты меня, жена, прости:
Уж какие там трофеи -
Лишь бы голову спасти.

Советский Союз принял на себя основной удар фашистов и выдержал все тяготы войны. Не случайно же более 73 % потерь личного состава фашистская армия понесла на восточном фронте, а это в четыре раза больше, чем на западном и средиземноморском³. Кроме того, именно советский народ сумел продемонстрировать всему миру превосходство идей гражданственности, патриотизма, сплоченности и единства над идеями фашизма.

И всё же в политических частушках поднималась такая болезненная тема, как проявлявшееся подчас недоверие власти к тем гражданам, которые по разным обстоятельствам оказались за линией фронта, побывали в плену.

Партизаны, партизаны,
Вы дрались за Родину.
Не докажешь – то в тюрьму,
Докажешь – по ордену.

Вот и кончилась война,
Дождались победы!
А для тех, кто был в плену –
Еще хуже беды.

По сведениям исследователя В.В. Серебрянникова за годы войны в плену оказались 4,5 млн человек⁴, основная часть которых оказались там не по доброй воле. В то же время следует отметить, что среди возвращавшихся домой бывших военнопленных, а также гражданских, были и те, кто в действительности являлся изменником, провокатором, пособником фашистов. Система проверок, несомненно, имела свои недостатки. Думается, что откликом на это и явилась данная группа частушек.

Отличались своим содержанием и частушки, посвященные женщинам. В них часто звучала тема так называемых походно-полевых жен, женской или мужской измены:

Скоро кончится война,
Скоро Гитлеру капут.
Скоро временные жены
Как коровы заревут!

На дубу сидит ворона
Кормит вороненочка.
Кто с войны привез трофеи
А моя – ребеночка.

Дроля с фронта мне писал,

Ты, война, ты, война...

¹ Тюшкевич С.А., Михалев С.Н. Цена великой победы/ Государство и право. 1995. № 5. С. 10.

² Там же.

³ Каньшин А.Н. Истина и правда на пьедестале Победы // Военно-исторический журнал. 2005. № 4. С. 40.

⁴ Серебрянников В.В. Советский солдат в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Социально-гуманитарные знания. 2005. №3. С. 54.

Отвечала ему я,
Вдруг вдвоем домой приехал,
Говорит: «Жена моя!»

Скоро уж победа.
Дура я – не дождалась,
Полюбила деда.

Несомненно, подобного рода жизненные ситуации возникали в период войны, в то же время, на наш взгляд, не стоит преувеличивать их масштабы. Хотя, следует признать, что в политических фронтовых частушках, построенных на энергичной атитезе, раскрывается противоречивое, эмоциональное состояние части фронтовиков и тех, кто оставался в тылу.

В.И. Гульбинский

О ЧЕМ УМОЛЧАЛИ ГАЗЕТЫ (Осетинско-ингушский конфликт глазами очевидца)

Одним из великих завоеваний демократического движения современной России явилась открытость общества и относительная свобода средств массовой информации. Например, газета «Комсомольская правда» сообщает, что с 1988 г. в специальных операциях на Северном Кавказе погибло 2984 военнослужащих внутренних войск. 9 тысяч солдат и офицеров были ранены¹. Ещё каких-нибудь 30 лет назад подобная информация находилась бы «за семью печатями», составляя государственную тайну. В приведённой выше публикации с печальной статистикой нашелся повод и для гордости. «Только за период боевых действий в Чеченской республике, – пишет газета, – 87 военнослужащих этих войск были удостоены звания Героя России, около 22 тысяч получили боевые ордена»².

А вот о специальной операции на Кавказе в городе Орджоникидзе (ныне Владикавказ) в октябре 1981 г. не написала ни одна газета, умолчало радио, её обошло и телевидение. Поощрения же отличившихся военнослужащих ограничивались уровнем прав командира части.

Автор публикуемого материала был свидетелем и участником указанных событий, выполняя различные служебные поручения, в том числе и функцию военного корреспондента. Однако собранный материал о примерах бдительности, мужества и решительных действий воинов внутренних войск, проявленных в ходе спецоперации, так и остался не востребованным даже органами ведомственной печати.

Упомянутая войсковая спецоперация проводилась группировкой внутренних войск с целью ликвидации массовых беспорядков, возникших на почве межнационального конфликта между двумя соседями – осетинами и ингушами. Данная статья не преследует цели анализа причин конфликта, ибо, по мнению автора, они ведут в далёкую историю отношений кавказских народов.

Поводом же к беспорядкам послужил факт убийства таксиста – осетина по национальности. Родственники, соседи и друзья покойника сочли, что преступление совершено кем-то из ингушей.

Далее события развились по сценарию, который многократно использовался в 90-е гг. в различных регионах Советского Союза, образуя так называемые «горячие точки».

¹ Комсомольская правда. 2010. 11 июня.

² Там же.

Похороны погибшего таксиста проходили 24 октября. Захоронение планировалось на кладбище у города Орджоникидзе. Однако после выноса тела процессия направилась не к кладбищу, а к центру города, к зданию областного комитета КПСС. Стало ясно, что похороны, проводившиеся по религиозному обычаю, приобретали политический характер. По пути движения, сопровождавшегося националистическими выкриками и призывами покарать убийц ингушей, к траурной колонне стали присоединяться тысячи зевак. К такому обороту событий не были готовы ни правоохранительные органы, ни городские власти. Робкая попытка милицейских патрульных нарядов перекрыть движение толпы, успехом не увенчалась. Гроб с телом покойного был поставлен на центральной площади города у подножия памятника Орджоникидзе. С лозунгом «Серго, защити нас от ингушей!» начался митинг. Первоначально смысл выступлений эмоциональных ораторов сводился к требованиям найти и наказать преступника. Дальше явно по разработанному сценарию митингующие потребовали вызова на трибуну руководителей республики для решения вопроса об изгнании ингушей с территории Пригородного района Северной Осетии. Организаторы беспорядков заведомо знали, что такое требование неосуществимо и осознанно провоцировали толпу, подталкивая собравшихся на активные противоправные действия. Обстановка накалилась. По призыву одного из ораторов, участники митинга (приблизительно 300–400 человек) ворвались в здание обкома партии, громя всё, что попадалось на пути.

Таковыми изначально были действия организаторов и участников националистической акции. Каков же был ответ органов правопорядка?

Во время шествия похоронной процессии к центральной площади на улицах города в обычном режиме несли службу всего около 40 милиционеров. Лишь к 16 часам плотность патрульных нарядов была увеличена вдвое. Справедливости ради заметим, что блюстители порядка из числа местной милиции в чем-то были солидарны с митингующими и особо не пытались погасить конфликт.

Ситуация вышла из-под контроля. Центр города оказался в руках хулиганов, бесчинства которых продолжались весь вечер и часть ночи.

О сложившейся обстановке было доложено в МВД СССР. Министр Н.А. Щелоков поставил командующему внутренними войсками задачу принять необходимые меры для прекращения беспорядков. В соответствии с распоряжением командующего было приведено в боевую готовность дислоцированное в городе училище внутренних войск. Очень некстати два из четырех курсантских батальонов находились на сельхозработках (уборке кукурузы) в семидесяти километрах от города. Оставшиеся, примерно 400 человек, наполовину были курсантами первого курса. Эти юноши лишь два месяца назад надели военную форму, и использовать их в качестве усмирителей толпы было проблематично. Силами первокурсников и солдат внутренних войск Орджоникидзевского гарнизона была усилена охрана важных, с оперативной точки зрения, объектов: складов с оружием, боеприпасами и взрывчатыми веществами, тиров и т. п. Дополнительные наряды были посланы к следственному изолятору, двум исправительно-трудовым колониям и к колонии поселения.

Курсанты выпускного курса получили задачу выдворить хулиганов из кабинета первого секретаря обкома. Самого секретаря взять под защиту и сопроводить в безопасное место. Всё здание обкома очистить от нарушителей правопорядка. Забегая вперёд, скажем, что для курсантов это стало серьёзным испытанием на смелость, выносливость и выдержку.

Поставленная задача была выполнена. И тогда весь гнев обезумевшей толпы обратился на курсантов и здание училища, фасад которого выходил прямо на площадь. Сплошного и организованного противостояния не было. Действия с той и другой стороны приняли очаговый характер. Численное соот-

ношение сил было явно не в пользу военнослужащих. На каждого воина приходилось до десятка злоумышленников.

В корреспондентском блокноте автора сохранились некоторые записи тех событий.

...Тяжелую травму обеих ног получил курсант Вадим Л. Передвигаться самостоятельно он мог лишь с большим трудом. Из последних сил воин старался хоть как-то задержать нападавших. Ему удалось выстроить на лестнице баррикаду из стульев и укрыться за ней. Но это помогло ненадолго. На него набросились и стали избивать. На помощь товарищу прорвались курсанты Николай Т. и Владимир К. Однако предотвратить насилие им не удавалось. Тогда верные товарищескому долгу курсанты своими телами закрыли друга, приняв удары на себя...

...Сержант Сергей Ж. и курсант Виктор М. оказались вдвоем против большой группы хулиганов, пытавшейся прорваться на третий этаж здания областного комитета партии. Смекалистые воины быстро развернули пожарные рукава и мощной струей воды сдержали натиск нападавших. «Водные процедуры» оказались не по душе нарушителям, а мокрая одежда послужила затем основанием для задержания их, как злостных зачинщиков.

...Командиру взвода лейтенанту Сергею С. иногда даже мешал его огромный рост, большие и сильные руки. В трамвае или в троллейбусе он часто становился объектом товарищеских шуток. Друзья опасались его рукопожатий. Но сильные люди всегда отличаются добродушием и развитым чувством товарищества. Никогда не обижался Сергей Григорьевич на шутки, только еще старательнее тренировал свои стальные мышцы.

...В этой ситуации только сильный и смелый человек мог предотвратить беду. Со всех сторон наседали хулиганы на курсанта, оказавшегося в одиночестве. Удары сыпались как град. Силы покидали воина. Чья-то подлая рука занесла над его головой камень, но опуститься не успела. Мощными ударами был повержены наземь один, другой, третий хулиганы. Остальные поспешили скрыться. Офицер бережно поднял пострадавшего воина и вынес его в безопасное место.

...Курсант Антон Г. находился на стационарном лечении в военном госпитале после ампутации пальца ноги. Узнав о сложной оперативной обстановке и задачах, выполняемых его товарищами, он «дезертировал» прямо в боевые порядки. Невзирая на боль и нестандартную обувь, мужественный воин активно участвовал в выполнении поставленной взводу задачи.

...Сорванная каска со звоном покатила по асфальту. Александр Б. нагнулся, чтобы поднять ее и тут же получил тяжелый удар по голове. Александр имел все основания покинуть боевые порядки, обратиться за помощью. Но он не хотел, не имел права показать хоть малейшую слабость. Молодой воин знал, что в одном строю с ним выполняет свои обязанности отец-фронтовик. Одно его присутствие удваивало силы, объединяло воедино пути отца и сына.

...Большая толпа, подстрекаемая группой хулиганов, ринулась к воротам, ведущим на территорию военного училища. Часовой КПП в спешке пытался закрыть железные створы ворот, но то ли от волнения, то ли по причине их неисправности это ему никак не удавалось. Все решали секунды. Оценив сложившуюся обстановку, водитель БТР-152 рядовой Александр Д. дал полный газ и направил машину прямо на хулиганов. При виде мчавшегося бронетранспортера толпа отпрянула назад. А солдат резко затормозил, не доезжая нескольких метров до ворот. Это был тонко рассчитанный и искусно проведенный психологический маневр, позволивший часовому КПП выиграть драгоценные секунды.

...Каким образом среди бесчинствующей толпы оказалась женщина с двумя ребятишками, никто не знал. Не могла внятно ничего объяснить и сама просительница. Только дикий ужас в глазах обезумевшей от горя матери видели курсанты Сергей Г. и Виктор С.

«— Спасите.... Помогите....Найдите....Сделайте же что-нибудь!...» Чье сердце не дрогнет, услышав подобный зов. Виктор и Сергей понимали, что отыскать семилетнюю девочку и трехлетнего мальчика в огромной, недружелюбно настроенной толпе, дело не из легких. Но легких дел курсанты и не искали. Не сговариваясь, одновременно бросились они в толпу... Долго еще, прислонившись к стене здания, плакала женщина, обнимая до смерти перепуганных детей. Но это уже были слезы радости и благодарности смелым и отважным воинам...

К трём часам ночи, срочно снятые с сельхозработ, возвратились курсанты второго и третьего курсов. Бесчинствующую толпу удалось вытеснить с площади и рассеять.

Утром 25 октября к столице республики на автобусах и автомобилях стали подъезжать жители других городов и близлежащих сел. На подъезде к Орджоникидзе их встречали агитаторы от митингующих. Суть агитации была предельно целенаправленной, стреляющей: «Защитим Осетию от ингушей!...», «Внутренние войска – на стороне ингушей!...» «Кабалоев¹ проданся ингушам!» Организаторы противоправной акции даже предприняли попытку захватить городскую телефонную станцию, вывести из строя одну из электростанций, обслуживающих город.

Примерно к 11 часам утра вся центральная площадь и прилегающая к ней огромная территория городского парка, а также улицы и скверы центральной части города были заполнены митингующими. К этому времени в республику прилетел кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров РСФСР М.С. Соломенцев. Вместе с ним прибыли заместитель Генерального прокурора СССР и заместитель Министра внутренних дел. В спешном порядке из ближайших городов в Северную Осетию были направлены подразделения специальных моторизованных частей милиции внутренних войск (СМЧМ)². К ночи 25 октября части, прибывшие из Тбилиси, Грозного, Нальчика, Пятигорска, Ростова, Донецка и других городов, составили шеститысячную группировку внутренних войск. Но власти не спешили продемонстрировать силу, а пытались образумить митингующих.

На трибуне перед площадью установили громкоговорящую аппаратуру. К микрофону поднялся М.С. Соломенцев. Он обратился к собравшимся гражданам с просьбой прекратить беспорядки, погромы и призвал организаторов митинга и представителей общественности сесть за стол переговоров. К сожалению, этот жест доброй воли не успокоил, а наоборот резко обострил ситуацию. Сняв войсковую цепочку, люди из передних рядов ринулись на трибуну. Одна из участниц митинга вырвала из рук М.С. Соломенцева микрофон. Под защитой телохранителей глава российского правительства покинул опасное место. Захватившие трибуну не позволили отключить микрофон, и теперь голоса подстрекателей раздавались на всю округу. Толпа, подогретая антиправительственными и националистическими выкриками, разгромила центральный парк, примыкавший к площади кинотеатр, разбила гранитные плиты постамента памятника Орджоникидзе. Острые осколки плит стали опасным оружием в руках хулиганов. Кроме того, из массивных скамеек, пролётов металлических заборов и других предметов уличного оборудования, они начали строить баррикады. Были заблокированы два автомобильных моста через реку Терек, а также центральные улицы и примыкающие к ним переулки. За баррикадами прятались поджигатели с бутылками, наполненными бензином. Это были охотники за бронетранспортёрами. Демонстранты активно готовились к уличным боям. Помимо

¹ Первый секретарь Североосетинского обкома КПСС.

² В составе внутренних войск в то время имелись СМЧМ, комплектуемые военнослужащими по призыву, но экипируемые как работники милиции.

этого, отдельные группы собравшихся из числа бывших преступников, пытались захватить банк, разграбить сберкассы и ювелирные магазины.

Всесторонне оценив обстановку, М.С. Соломенцев дал согласие на проведение специальной операции. Единственное условие, поставленное главой правительства, гласило: «На площади, носящей имя “Свобода” силовых мер не применять!». С наступлением сумерек уличное освещение в центре города не включалось и митингующие сами постепенно покинули площадь. А на следующий день, рано утром 26 октября, все подступы к площади были блокированы войсками. К 10 часам вновь собралась огромная масса народа. Тогда, поднявшись на бронетранспортёр, к собравшимся людям обратился исполняющий обязанности Министра внутренних дел Северной Осетии. Свою речь он начал словами:

«Граждане! Жители родной нам Осетии! К Вам обращаюсь я, полковник Дзиов. Прошу и требую прекратить беспорядки и разойтись по домам. Доверьте разрешение возникшей ситуации органам власти... к тем, кто останется на месте спустя десять минут, будет применена сила!»

Уже через две минуты, значительная часть граждан спешно покинула место сбора. Прошло ещё несколько минут, как вдруг кто-то из толпы метко бросил бутылку с зажигательной смесью в БТР, стоящий на исходной позиции. Это была не просто хулиганская выходка. Это был точно рассчитанный жест злоумышленника. Вспыхнуло пламя. Экипаж бронетранспортера, находясь в положении «по-боевому», не подозревал об опасности, которая угрожала машине. На это и надеялся преступник. Огонь подбирался к бензобакам. Ещё несколько мгновений и мог произойти взрыв.

Первым это понял курсант Алексей К. О себе он даже не подумал. Одним прыжком, точно на полосе препятствий, взлетел он на горящую машину. Сбросив шинель, быстрыми, хорошо рассчитанными движениями отважный воин преградил путь огню к баку с бензином. С помощью экипажа и подоспевших товарищей беда была окончательно отведена. Этот эпизод явился незапланированным сигналом к изъятию организаторов и хулиганствующего элемента, то есть к началу спецоперации.

В памяти автора статьи остались некоторые яркие сцены этой операции.

...Изъятие правонарушителей продолжалась уже значительное время. Теснимые воинами, злоумышленники отступали через парк к реке Терек. Деревья, кустарники, служебные строения и другие обстоятельства мешали воинам четко соблюдать боевой порядок. Его элементы перемешались, границы подразделений нарушились. Не стало слышно команд командиров. Молодой курсант Виктор Ш. прекрасно понимал, что в такой обстановке надо быть предельно внимательным. Мимо пробегали товарищи. Мелькали знакомые и незнакомые лица. Вот выскочил из-за угла здания разгоряченный незнакомый юноша в милицейской форме. И в это же время в дерево рядом с ним ударилась бутылка с горючей смесью. Пламя резко обожгло лицо солдата. Загорелась куртка и шапка. Воин, попавший в беду, никак не мог сорвать с себя горящую одежду. В два прыжка Виктор оказался рядом с потерпевшим. Свалил его, прижал к земле и телом своим накрыл огонь. Маневр удался как нельзя лучше. Через минуту оба они, довольные исходом дела, даже не узнав имени друг друга, побежали к своим подразделениям.

...Подчиненные капитана Андрея Викторовича К., слушая приказ на предстоящие действия, были несколько разочарованы. Им поручалась охрана центральной сберкассы. Да и сам командир чувствовал внутреннюю неудовлетворенность. «Почему нас, хорошо подготовленных и оснащенных,- ворчал он про себя, - уводят в сторону от основных событий? За толстые стены и железные двери могли бы посадить любого другого». Но сомнения командира развеялись еще до того, как подразделение прибыло к месту службы. Пользуясь суматохой, злоумышленники большой группой направились к зданию сберкас-

сы. Толпа быстро увеличивалась, обрастая зеваками. Кто-то умело подогревал собравшихся, подстрекая их на преступные действия. Работники кассы успели закрыть двери изнутри. Капитан понял, что имеющимися силами толпу не оттеснить. Тогда он принял смелое и верное решение. Подав подчиненным условный сигнал: «Внимание! Делай как я!», - командир ловко взобрался на подоконник. Под изумленными взглядами собравшихся взвод быстро и бесшумно овладел вторым этажом здания. Шесть часов сдерживали воины попытки хулиганов ворваться в сберкасса, так и не позволив им разграбить государственные средства.

Четырнадцать нарушителей правопорядка, большинство из которых были вооружены, задержали подчиненные старшего сержанта Эдуарда А. Заместитель командира взвода курсантов, бывший пограничник, кавалер двух знаков «За отличие в охране государственной границы» и медали «За отвагу» Эдуард, личным примером показывал подчиненным образцы выполнения служебного и воинского долга.

Подобных примеров было много.

Правоохранительным органам удалось взять ситуацию под контроль. Зачинщики и активные участники беспорядков (свыше 400 человек) были задержаны и переданы следственным органам. На этом закончилась силовая часть спецоперации. Ликвидацией последствий массовых беспорядков занялись хозяйственные, административные и партийные органы. Что касается военнослужащих внутренних войск, то для них начался второй этап операции – круглосуточная патрульно-постовая служба. В патрулировании улиц и других общественных мест вместе с милицией в дневное время приняли участие свыше трёх тысяч добровольных народных дружинников. Патрулирование продолжалось до 10 ноября. Оперативная обстановка оздоровилась. Жизнь города вернулась в нормальное русло.

На этом можно было бы поставить большую точку, даже восклицательный знак. Ведь операция закончилась успешно и без жертв. Однако проведенная акция, не разрешила, а ещё больше усложнила многогранную проблему межнациональных отношений на осетинской земле. В начале 1990-х гг., т.е., спустя десять лет, вспыхнул новый ингушско-осетинский конфликт. Он затянулся на несколько лет и повлек за собой огромные хозяйственные разрушения и большие человеческие жертвы.

Хочется верить, что это был последний конфликт между двумя соседними народами.

НАШИ АВТОРЫ

Аблизин Владимир Александрович – доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Саратовского военного института внутренних войск МВД России, кандидат исторических наук

Ананьев Сергей Валерьевич – доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Саратовского военного института внутренних войск МВД России, кандидат исторических наук

Варфоломеев Юрий Владимирович – профессор кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета, доктор исторических наук

Галямичев Александр Николаевич – профессор, заведующий кафедрой средних веков и Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета, доктор исторических наук

Герман Аркадий Адольфович – профессор, заведующий кафедрой отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета, доктор исторических наук

Григорьев Никита Константинович – инженер, сотрудник Министерства электронной промышленности (Москва)

Гульбинский Валентин Иосифович – доцент кафедры теории и истории государства и права Саратовского военного института внутренних войск МВД России

Долгова Анжела Михайловна – ассистент кафедры общей отечественной истории Пермского государственного университета

Казурман Сергей Олегович – главный специалист отдела использования и публикации документов областного государственного учреждения «Государственный архив новейшей истории Саратовской области», кандидат исторических наук

Касович Александр Андреевич – студент Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета.

Конопленко Андрей Анатольевич – доцент кафедры гостинично-туристического бизнеса и сервиса Саратовского государственного социально-экономического университета, кандидат исторических наук

Кручинин Андрей Сергеевич – заведующий сектором военной истории научного отдела Дома Русского Зарубежья имени Александра Солженицына (Москва)

Ланник Леонтий Владимирович – доцент кафедры истории и социологии политики Саратовской государственной юридической академии, кандидат исторических наук

Леффельбайн Николаус – магистр истории в университете имени Генриха Гейне (Дюссельдорф, Германия), соискатель степени доктора истории.

Лихоманов Ким Владимирович – студент Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета

Лукьянов Антон Валерьевич – преподаватель кафедры огневой подготовки Саратовского военного института внутренних войск МВД России

Морозов Вячеслав Юрьевич – доцент, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин Самарского института Российского государственного торгово-экономического университета, кандидат исторических наук

Морозова Ольга Михайловна – доцент кафедры связи с общественностью Донского государственного технического университета (Ростов-на-Дону), кандидат исторических наук

Нагодкина Светлана Андреевна – аспирант кафедры новой и новейшей истории института истории и международных отношений Саратовского государственного университета

Нелипович Сергей Геннадьевич – начальник архивного отдела Администрации Балашихинского района Московской области, кандидат исторических наук

Новиков Александр Павлович – доцент кафедры социологии Саратовского государственного технического университета, кандидат философских наук

Плешаков Иван Николаевич – преподаватель кафедры теории и истории государства и права Саратовского военного института внутренних войск МВД России, кандидат исторических наук

Порошин Алексей Алексеевич – доцент Военного института повышения квалификации специалистов мобилизационных органов Вооружённых Сил РФ (Саратов), кандидат педагогических наук

Прокофьев Василий Юрьевич – старший научный сотрудник Одесского историко-краеведческого музея (Одесса, Украина)

Рабинович Яков Николаевич – ассистент кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета, кандидат исторических наук

Скучаева Ольга Евгеньевна – заведующая отделом приёма и экспертизы документов государственного исторического архива немцев Поволжья в Энгельсе, кандидат исторических наук (Энгельс)

Соколов Александр Алексеевич – начальник музея Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Саратовской области, кандидат физико-математических наук

Симонов Анатолий Александрович – доцент кафедры отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета, кандидат исторических наук

Ташпекова Алма Тлекалиевна – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Саратовского военного института внутренних войск МВД России, кандидат политических наук

Щеглов Юрий Борисович – начальник отдела по работе с документами КГБ областного государственного учреждения «Государственный архив новейшей истории Саратовской области»

Шулдяков Владимир Александрович – профессор кафедры истории и философии Омского экономического института, кандидат исторических наук

Шульга Игорь Иванович – доцент кафедры истории и культуры России Саратовского государственного технического университета, кандидат исторических наук

Научное издание

**ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ В ПОВОЛЖЬЕ**

Выпуск 9

Сборник научных трудов

Ответственный за выпуск: *А.А. Симонов*

Оригинал-макет подготовил *Л.В. Ланник*

Обложка

Подписано в печать 11.05.2012. Формат 70x90 ¹/₈. Бумага офсетная.

Гарнитура Академия Олд. Печать RISO.

Усл. печ. л. 43,07 (36,5) Уч.-изд. л. 26,45. Тираж 100 экз.

Типография СВИ ВВ МВД России
г. Саратов, ул. Московская, 158